

ЛЕТОПИСЬ

литературных событий
в России

конца XIX - начала XX в.

(1891 - октябрь 1917)

Выпуск 2

Часть 1

1901-1904

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

ЛЕТОПИСЬ
литературных событий
в России
конца XIX – начала XX в.
(1891– октябрь 1917)

Выпуск 2

Часть 1

1901–1904

Москва
ИМЛИ РАН
2017

ББК 83.3

Под общей редакцией академика РАН А. В. Лаврова

Редактор-составитель
д.ф.н. В. А. Келдыш

Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917). Вып. 2. Ч. 1 (1901–1904). М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 528 с.

Панорама литературного движения начала 1900-х гг. XX столетия разворачивается на материалах, извлеченных из периодики, книжных изданий, а также из писем, дневников и т. п. Издание адресовано литературоведам, историкам и преподавателям.

ISBN 978-5-9208-0530-0

© ИМЛИ РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

От редакции

Общая характеристика «Летописи литературных событий в России конца XIX – начала XX в.» дана в предисловии к ее первому выпуску (М.: ИМЛИ РАН, 2002).

Настоящее издание, в главных чертах, сохраняет приемы подачи материала, принятые в предыдущих выпусках настоящей «Летописи» (М.: ИМЛИ РАН, 2002, 2005, 2009).

1. Материал внутри каждого летописного месяца размещен, как правило, в следующей последовательности: а) журнально-газетные публикации художественных произведений (по старшинству имен: Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, М. Горький и т. д.) с отзывами современников; б) журнально-газетная критика и публицистика; в) события с датой, а также письма, дневниковые записи в хронологической последовательности и композиционной целесообразности; г) альманахи, сборники, книги.

Многომесячные публикации, как правило, даны по месяцу окончания. Немногочисленные исключения, когда отмечается и начало публикации, касаются наиболее крупных произведений.

2. Так как каждая страница «Летописи» имеет колонтитул с обозначением года, то внутри летописного года *данный год* – при ссылках на периодику, переписку, дневниковые записи – не повторяется. Отдельные издания, в библиографических данных которых значился год текущий или будущий (на титульных листах книг, вышедших в свет начиная с сентября-октября, часто указывался будущий год) – даются всегда с обозначением года.

3. Выход книг по месяцам дан, как правило, на основании *Книжной Летописи*. При ее неполноте или неточности – по другим данным («Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», списки книг, поступивших в редакцию той или иной газеты, архивные данные и т. д., в редчайших случаях – по первой рецензии). Отступления от *Книжной Летописи* оговариваются в примечаниях.

4. При ссылках на газеты дается только число, при ссылках на ежемесячные журналы – номер (месяц указывается при расхождении счета номеров с месяцем выхода). Еженедельники даются с номером и числом. Если газета имела два выпуска – утренний и вечерний, то оговаривается только последний (веч. вып.). Приложения к газете также оговариваются.

5. Псевдонимы приводятся в тексте в квадратных скобках. Анонимы (если они раскрыты в научных трудах или сборниках данного автора) также раскрываются в тексте в квадратных скобках. Например, неподписанные рецензии в журнале «Русское богатство» раскрыты в «Указателе анонимных рецензий», составленном М. Д. Эльзоном (ЛН, т. 87); иногда расшифровка дана по архивным источникам.

6. При ссылках воспроизводятся лишь содержательные заголовки статей и рецензий. Если просто констатируется заголовок рецензируемого произведения, то указывается только автор статьи и печатное издание. Постоянные рубрики и разделы, названия циклов критических статей, как правило, не повторяются.

7. Ссылки на журналы и сборники даются обычно без указания страницы, но так, чтобы читатель мог найти необходимый материал. В отдельных случаях, когда это затруднено, приводится и страница.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Бирж. Вед. – «Биржевые ведомости» (газета)
В. Евр. – «Вестник Европы» (журнал)
Вопр. Ж. – «Вопросы жизни» (журнал)
Вопр. Фил. – «Вопросы философии» (журнал)
Вопр. Фил. и Псих. – «Вопросы философии и психологии» (журнал)
Дневники – Валерий Брюсов. Дневники. 1891–1910 / Подготовила
к печати. И. М. Брюсова. Примеч. Н. С. Ашукина. М., 1927
Дневник – Зинаида Гиппиус. Дневники: В 2 т./ Вступ. ст. и сост.
А. Н. Николюкина. М., 1999.
Ежегодник – Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома
Еж. Соч. – «Ежемесячные сочинения» (журнал)
Ежемес. журн. для всех – «Ежемесячный журнал для всех»
Журн. для всех – «Журнал для всех»
Зап. Кн. – Блок А. Записные книжки. 1901 – 1920 /Сост., подго-
товка текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М.; Л., 1965
Киев. Жизнь – «Киевская жизнь» (газета)
Киев. Мысль – «Киевская мысль» (газета)
Киев. Речь – «Киевская речь» (газета)
Киев. Сл. – «Киевское слово» (газета)
Кур. – «Курьер» (газета)
Лавров «Андрей Белый в 1900-е годы». – Лавров А.В. Андрей Белый
в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995 г.
Лавров «Русские символисты». – Лавров А. В. Русские символи-
сты. Этюды и разыскания. М., 2007
Лит. Арх. 5 – «Литературный архив. 5». Под ред. К.Д. Мурато-
вой. М.-Л., 1960.
Лит. Вестн. – «Литературный вестник» (журнал)
«Литературный процесс и русская журналистика» <Кн. 1> – Ли-
тературный процесс и русская журналистика конца XIX – на-
чала XX века. 1890–1904. Социал-демократические и обще-
демократические издания. <Кн. 1>. М., 1981

- «Литературный процесс и русская журналистика» <Кн. 2> – Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания <Кн. 2> М., 1982
- ЛЖТ Бунина – С. Н. Морозов. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. 1870–1909. Т. 1. М., 2001
- ЛЖТ Горького – Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Т. 1, 2. М., 1958
- ЛЖТ Толстого – Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891–1910. М., 1960
- ЛЖТ Чехова – Н.И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955.
- ЛН – «Литературное наследство»
- Мир. Б. – «Мир Божий» (журнал)
- Мир Иск. «Мир Искусства» (журнал)
- М. Вед. – «Московские ведомости» (газета)
- «Начало века» – Андрей Белый. Начало века /Подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990
- Н. Вр. – «Новое время» (газета)
- Н. Л. – «Нижегородский листок» (газета)
- Научн. Сл. – «Научное слово» (журнал)
- Нов. – «Новости» (газета)
- Нов. Дня – «Новости дня» (газета)
- Нов. П. – «Новый путь» (журнал)
- Обр. – «Образование» (журнал)
- Од. Нов. – «Одесские новости» (газета)
- Од. Листок – «Одесский листок» (газета)
- Пб. Газ. – «Петербургская газета»
- Переписка – Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903 – 1919 /Публ., предисл и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001
- Перцов. Лит. восп. – Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902. /Вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002
- Письма – И. А. Бунин. Письма. 1885–1904 годов /Подг. текста и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М., 2003
- Пр. – «Правда» (журнал)

- Правит. Вест. – «Правительственный вестник» (газета)
Приаз. Кр. – «Приазовский край» (газета)
Приднепр. Кр. – «Приднепровский край» (газета)
Р. Арх. – «Русский архив» (журнал)
Р. Бог. – «Русское богатство» (журнал)
Р. Вед. – «Русские ведомости» (газета)
Р. Вест. – «Русский вестник» (журнал)
Р. Листок – «Русский листок» (газета)
Р. Мысль – «Русская мысль» (журнал)
Рос. – «Россия» (газета)
Р. Сл. – «Русское слово» (газета)
СПб. Вед. – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета)
Сл. – «Слово» (газета)
Сын От. – «Сын Отечества» (газета)
Т. и Иск. – «Театр и искусство» (журнал)
Фидлер – Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов. Характеры и суждения. / Вступ. статья, сост., пер. с нем., примеч. К. М. Азадовского. М., 2008

При ссылках на следующие издания указываются лишь том и страница (особые случаи оговорены ниже)

- Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960–1963
Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1997
– (с указ. ПСС)
Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1975
Волошин М. Собрание сочинений: Т. 1–13. М., 2003–2013
Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М., 1997–
Короленко В. Г. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1953–1956
Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л., 1928 –
1959
Чехов А. П. Полное собрание сочинений. Письма: В 12 т. М., 1974–1983

1901 год

Январь

«Правду кто-то сказал: – Век начался Карамзиным <...> кончается Максимом Горьким <...> Горько!...» («Новый век», «Гражданин», 4 янв.).

23 января Горький писал К. П. Пятницкому: «Новый век я встретил превосходно, в большой компании живых духом, здоровых телом, бодро настроенных людей. Они – верная порука за то, что новый век – воистину будет веком духовного обновления <...> множество погибнет людей, но еще больше родит их земля, и – в конце концов – одолеет красота, справедливость, победят лучшие стремления человека» (Т. 2. С. 97–98).

Журн. «Мир искусства» (издатель-редактор С. П. Дягилев) приступил к третьему году издания. В редакционном предисловии к № 1 отмечалось, что в журнале увеличивается количество иллюстраций и вводится новый отдел «Обзор иностранных журналов», в целях воспроизведения наиболее интересных иллюстраций из лучших иностранных художественных изданий. Художественная критика будет представлена именами А. Бенуа, С. Дягилева, И. Грабаря и др. В литературном отделе планируются произведения и статьи Д. Мережковского, А. Чехова, В. Розанова, З. Гиппиус, Н. Минского, П. Перцова, К. Бальмонта, Д. Шестакова, Лароша и др.

В литературном отделе № 1 продолжилась публикация исследования Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский», начатая в «Мире искусства» в 1900 г. Напечатана часть главы 1 («Лев Толстой и Наполеон-Антихрист») третьей части всего ис-

следования («Христос и Антихрист в русской литературе»). Напечатана статья Гиппиус «Критика любви. Декаденты-поэты», посвященная второму сборнику стихотворений А. Добролюбова, в связи с которой в № 8–9 «Мира искусства» появилась редакционная сноска о дальнейшей судьбе поэта, которого судили в г. Троицке за подстрекательство к уклонению от воинской повинности и приговорили к 8-месячному тюремному заключению.

В. Г. Короленко – «Сибирские рассказы. 1. Мороз. 2. Последний луч» (Р. Бог., № 1).

Появление рассказов – «праздник на улице читателя», праздник «любви к человеку, которой проникнуты эти рассказы <...> талантливого писателя», который «за последние годы <...> отдавал свои силы преимущественно области публицистики» (Б. п., Од. Нов., веч. прилож., 1 февр.). Сходясь в высокой оценке художественных качеств произведений (особенно рассказа «Мороз»), критика по-разному рассматривала их общественный смысл. «Условиями данного <...> момента» вызван «пессимистический тон» рассказов, но в них «встают и представления о других условиях» (А-лов [А. И. Шепкалов], «Из текущей литературы», «Донская речь», 10 марта). «Торжество лучших сторон» человека, которое «дает надежду на возможность иной жизни», увидел А. Б. [А. И. Богданович] в рассказе «Мороз» (Мир Б., № 3). Напротив, А. Измайлов полагал, что Короленко «игнорирует проходящие перед глазами явления настоящей жизни» (Бирж. Вед., 20 февр.). По мнению Н. Геккера, «автор далек <...> от влияний исторического момента, велений среды» и воплощает лишь «те высокие и долговечные идеи, которые не укладываются в рамки повседневного обсуждения» (Од. Нов., 15 февр.). С издевательской статьей по поводу «почетного академика», желающего «восстановить свою угасшую славу “главы” беллетристики», выступил В. Буренин (Н. Вр., 20 апр.).

М. Горький – «Рассказы из жизни на окраинах города. 1. Песня о слепых» (Журн. для всех, № 1). 2 февраля Н. Д. Телешов писал И. А. Бунину: «<...> “Слепые” в “Журнале” <...> хороши» (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 525).

В. Вересаев – рассказ «К спеху (Из летних встреч)» (Журн. для всех, № 1).

Ник. Телешов – рассказ «Хлеб-соль (Из дорожного альбома)» (Журн. для всех, № 1).

Н. Тимковский – рассказ «Две семьи» (Журн. для всех, № 1).

А. Серафимович – «На лимане. Очерк» («Жизнь», № 1).

А. Куприн – «Убийцы (Новогодний рассказ)» о событиях англо-бурской войны; «Больничный цветок (Из женских писем)» (Од. Нов., 1, 26 янв.)^{*}.

Леонид Андреев – рассказы «Смех. Одна страничка» (Кур., 5 янв.), «Путешественник» («Народное благо», № 1. Публ. не окончена); фельетон «Впечатления» (Л.-ев, Кур., 5 янв.), где успех «Журнала для всех» объясняется «энергичным, живым и бескорыстным отношением к делу как со стороны преимущественно самой редакции “Журнала”, так и со стороны <...> писателей, стремящихся путем совместной работы к созданию крайне необходимого в России дешевого журнала»; фельетон «О российском интеллигенте» (Джемс Линч, Кур., 28 янв.), в котором последний характеризуется как «явление, <...> достойное жалости и смеха и <...> серьезного изучения, как нечто безмерно своеобразное и в истории небывалое». «Оторванный от народной трудящейся массы, <...> объевшийся до расстройства желудка хлебом духовным, опившийся уксусом и желчью своего бесцельного и беспутного существования», интеллигент «нелеп» в наступающие «времена Максима Горького, бодрейшего из бодрых, и вместе с ними замечается неудержимое падение курса на хандру и представителей оной».

О рассказе «Смех» писал Мих. Бессонов: «немного истеричный, но отмеченный печатью крупного психологического таланта рассказ», который представляет собой «“безукоризненные” упражнения в подражании Метерлинку». «Нам кажется, что ни-

^{*} Второй рассказ перепечатан под названием «Сентиментальный роман» и без подзаголовка в журн. «Родная нива» (СПб., 1905, 9 апр., № 15).

чего доброго на стезе истерического символизма у Андреева не выйдет и что вообще художникам слова незачем прибегать к дерганью читательских нервов только затем, чтобы обрисовать чрезвычайно простые мысли о гнете жизни и разных социальных несправедливостях» («Волянь», 1902, 27 апр.).

Л. Мельшин [П. Ф. Якубович] – рассказ «Ганя» (Р. Бог., № 1).

Макс Волошин; Max Vole-a-Chine* [М. А. Волошин] – фельетон «Эпилог XIX века» («Русский Туркестан», Ташкент, 1, 3 янв.): «XIX век родился в 1789 году в Париже и умер в 1900 в Пекине». «Культура» – «<...> только новое слово для обозначения очень старого понятия того же потока расплавленной лавы, который тек, все опустошая, из Азии в Европу, а теперь течет из Европы в Азию». Наравне с «культурой» европейцы хотят водворить в Китае «христианство», «во имя которого требуют смертных казней». «В 1900 году кончился не только девятнадцатый век, но и целый отдел всемирной истории».

«В XX веке нам надо будет идти учиться к другим цивилизациям: китайцам, индусам. У китайцев нет солдат и они войну ненавидят, а Европейцев презирают за то, что они очень много суетятся и любят воевать» (письмо А. М. Пешковскому от 11–12 января. Т. 8. С. 470). 20 января Волошин писал Я. А. Готову из Ташкента о том, что местному генерал-губернатору** доложили о публикации «апологии революции», в связи с чем он «собрал экстерный совет для обсуждения этого ужасного произведения; мой фельетон читался, комментировался, но в конце концов решено было “оставить без последствий”» (Т. 8. С. 482).

В январской книжке журн. «Богословский вестник» – статья А. Введенского «Из итогов века. Литературно-философская характеристика XIX столетия с богословской точки зрения». Говоря о Шатобриане, Золя, Ницше, Вл. Соловьеве, Сен-Симоне, Конте, Фурье, Прудоне, Мюссе, Шопенгаузере, автор указывает на «эклектизм» и «анархию мысли» как на «эпидемическую умственную болезнь нашего времени»; христианство заменено но-

* Макс, летящий в Китай (фр.).

** Генерал-губернатор Туркестана в 1901 г. – С. М. Духовский.

вым положительным идеалом – религией «человекобога», эвдемонистическим учением о «земном рае» социализма.

В критических обзорах января шла речь о демократизации литературы, проникновении книги «туда, где еще недавно о ней и не слыхивали», появлении читателя, «поднимающегося из низших слоев общества», и в связи с этим о росте «книгоиздательства и провинциальной печати» как «едва ли не самых видных явлениях нашего культурного подъема в конце прошлого века» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 1; Ч. Ветринский [В. Е. Чешихин-Ветринский], «Сто лет русской литературы», Н. Л., 1 янв.). «Мастерские и подвалы одинаково интересуют теперь искателей интересных сюжетов, и описания шахты и завода вы можете встретить на страницах любого журнала, без строгого различия направления» (Н. Геккер, Од. Нов., 19 янв.).

В «Литературном вестнике» (т. 1, кн. 1) – статья А. Л. Липовского «Представители современной русской повести и оценка их литературной критикой», посвященная Горькому, «талантливому и смелому выразителю тревожного настроения духа современности». Автор возражал против утверждений Андреевича [Е. А. Соловьева] о ниществе героев Горького. Со взглядом Андреевича на горьковских «босяков» спорил и И. Игнатов (Р. Вед., 11 янв.).

Веталис [В. А. Гольцев] выразил протест «против злоупотребления “модным” понятием “настроение”»: “Свести словесное искусство на одно настроение <...> – это поистине декадентская задача”» (Р. Мысль, № 1). «<...> Никаких декадентов нет. Есть только люди, менее других сильные, менее способные высказать себя <...> Они первые гибнут, но ведь за ними упадут и все» (З. Гиппиус. Критика любви. Декаденты – поэты. Мир Иск., № 1). «Русское слово» иронизирует: «А все-таки никто толком не знает, что такое декадент? В провинции их чаще всего с корреспондентами смешивают» (Питерец, «Наброски», 27 янв.).

В «Вестнике всемирной истории» (№ 2) опубликованы письма Тургенева к Герцену и отрывки из статей Герцена. Газеты со-

общали о готовящемся издании избранных произведений писателя. «Появление всей этой переписки и сопровождающих ее комментариев – первый шаг к снятию запрета, лежавшего доселе на всем касавшемся Герцена и его деятельности» (Од. Нов., 2 февр., отдел «Пресса»).

Вл. С. Соловьев – «Аксаковы (Из посмертных рукописей)» («Книжки недели», № 1).

После 4 января Горький писал И. А. Бунину из Нижнего Новгорода: «Стихи В. Брюсова мне не нравятся, я писал ему об этом, но не нравятся потому, что в них много истории и мало поэзии» (Т. 2. С. 94).

В течение января Чехов в письмах из Ниццы к К. С. Алексееву [Станиславскому], О. Л. Книппер, А. Л. Вишневному, И. А. Тихомирову, М. Ф. Андреевой давал подробные разъяснения своей пьесы «Три сестры» и рекомендации к ее постановке в Московском Художественном театре. «Опиши мне хоть одну репетицию “Трех сестер”, – просил автор исполнительницу роли Маши в письме О. Л. Книппер от 2 (15) января. – Не нужно ли чего прибавить или что убавить? <...> Не делай печального лица ни в одном акте. Сердитое, да, но не печальное. Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются часто. Так и ты частенько задумывайся на сцене, во время разговоров» (Т. 9. С. 173, 177).

Андрей Белый в «Ракурсе к дневнику» отметил в записи о январе: «Сильнейший взрыв религ<иозно>-фил<ософских> чаяний; главное чтение – Евангелие, Апокалипсис; продолжаю изучать Вл. Соловьева <...> Это момент, решающий мою судьбу; отрыв от естественно-научных интересов <...>» (ЛН. Т. 105. С. 337).

11 января в газетах опубликовано правительственное распоряжение об отдаче в солдаты 183 студентов в связи с волнениями в Киевском университете (в октябре–декабре 1900 г.). Позже той же участи подверглись 27 петербургских студентов. Ответом

была новая волна студенческих демонстраций в различных городах России. «Надо заступиться за киевских студентов! Надо сочинить петицию об отмене временных правил», – писал Горький Н. Д. Телешову 5 февраля (Т. 2. С. 107). Тогда же – В. Я. Брюсову: «<...> отдавать студентов в солдаты – мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов <...> Вы, мне кажется, могли бы хорошо заступиться за угнетаемого человека <...>» (Т. 2. С. 108–109). Брюсов отвечал Горькому: «Почему мне волноваться из-за студентов? Разве это <...> не бывало уже тысячи <...> раз в прошлом и при Ассаргадонах и при Петрах <...> Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности <...> Но я не считаю себя вне борьбы. Разве мои стихи <...> дробящие размеры и заветы, не нанесли ни одного удара тому целому, которое и сильно своей цельностью. И если можно будет, о, как весело возьмусь я за молот, чтобы громить хоть свой собственный дом, буду жесть и свои книги» (ЛН. Т. 27–28. С. 642).

14 января в литературно-художественном салоне В. А. Морозовой в Москве Г. И. Чулков «вызвал сенсацию докладом о книге Брюсова “Tertia vigilia”» (Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 109). 15 января Брюсов записал в дневнике: «Вчера у Морозовых Чулков читал реферат обо мне, очень восторженный, но о чень поверхностный. Я первый напал на референта и разбил его реферат жестоко <...> Все <...> бросились защищать бедного, обескураженного Чулкова и, защищая его, тем самым защищали мои стихи» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. М., 2002. С. 118).

19 января Ф. Ф. Фидлер, посетив накануне Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, заметил в своем петербургском дневнике, что те, кто «общаются» с ними «вне их уютной квартирки <...>

* Чтобы пресечь студенческие забастовки, протесты и демонстрации, к середине 1899 г. охватившие всю страну, царское правительство поддержало предложение обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева и ввело «Временные правила 29 июля 1899 г. об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков» («Правительственный вестник», 1899, 31 дек.). «Временные правила 29 июля» были применены по отношению к 183 студентам Университета Святого Владимира в Киеве, участвовавшим в волнениях 7 декабря 1900 г.

принимает их манеру держать себя» в обществе «за душевный излом. Думаю, все их декадентство не более чем мистификация» (Фидлер. С. 316).

21 января на заседании Академии наук академик К. К. Арсеньев выступил с речью «Российская академия и разряд изящной словесности». Его утверждение, что Академия отныне будет охранять права литературы, высмеял В. Дорошевич в фельетоне «Союз писателей» (Рос., 29 янв.): « – Вы знаете, в мое время бывало писателя близко к академии не подпускали. А теперь не то. Особое отделение есть писательское. В почетные академики писателей избирают. Тень Тредьяковского (пролетая мимо) – Хе, хе, хе-с! Академия! По своей спине знаю, что такое академия!»

28 января состоялся устроенный Ф. Ф. Фидлером литературный вечер в Екатерининском институте в Петербурге. «Мережковский декламировал своего “Монаха”, но ни аплодисменты, ни просьбы начальницы <...> не могли заставить его прочитать еще что-нибудь. Зиночка привлекла всеобщее внимание и произвела прямо-таки ошеломляющее впечатление как своим внешним обликом (белое платье, плотно облегающее фигуру, и лента с драгоценными камнями вокруг головы – в таком виде она явилась недавно к Случевскому), так и своей декламацией и выбором самих стихов. Она читала, выделяя звучание, свои “Снежные хлопья”, затем – стихи своего мужа (“Задумчивый сентябрь” и “Возвращение”) и, в заключение, свое собственное “Окно мое высоко над землею...”, что естественно вызвало улыбки и шушуканье» (Фидлер. С. 317).

31 января И. А. Бунин отозвался о присланных ему стихах А. М. Федорова в письме к автору: «чрезвычайно много хорошего», «точно <...> букет подснежников и я увидел возле себя, проснувшись <...> много трогательного, красивого и реально-пахучего <...> Но много и небрежностей <...>» (Письма. С. 352).

В январе в редакции журн. «Русское богатство», куда начинающий Б. К. Зайцев прислал свою рукопись для публикации, состоялась его встреча с Н. К. Михайловским: «<...> навсегда

запомнилось, как Михайловский поднялся <...>, протянул руку довольно величественно:

– Молодой человек, благословляю вас на литературный путь!» (Зайцев Б. К. Молодость – Россия // Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 9 доп. М., 2000. С. 6). Хотя Михайловский согласился напечатать рассказ Зайцева «Неинтересная история» в «Русском богатстве», окончательно вопрос о его публикации должен был решить В. Г. Короленко, который отклонил рукопись. «Появлению в журнале “Неинтересной истории” мешает не исполнение, а тема, действительно, малоинтересная и как-то бесцельно тяжелая. Но исполнение возбуждает интерес к другим Вашим работам», – писал Короленко автору 5 марта из Полтавы, предлагая присылать для прочтения другие вещи. Однако и они не появились в журнале: «К сожалению, и “Три дня” не пойдут. Вопрос опять не в том, как написано. Написано хорошо, но это как будто только отрывок <...>, и этим живо выписанным деталям не хватает чего-то, чтобы стать живым и интересным целым», – отвечал Короленко автору 6 апреля (Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 10 доп. М., 2001. С. 305). В феврале–марте Зайцев дважды обращался к Чехову. В письме Зайцеву от 9 марта Чехов так оценил присланную ему автором рукопись «Неинтересной истории»: «Холодно, сухо, длинно, не молодо, хотя талантливо» (Т. 9. С. 222). 17 марта Зайцев писал Михайловскому из Москвы: «Короленко моей рукописи не принял, так к Вам-то я собственно обращаюсь за советом: как мне быть? <...> Отступать я не намерен (я давно пишу, это моя жизнь); если бы мне прямо и авторитетно твердили, что я бездарность, я и спасовал бы <...> но когда Михайловский благословляет, Чехов находит работу “талантливую” <...> Так <...> как же мне поступать? Пробовать обращаться еще куда-нибудь, <...> куда именно?» (Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 10 доп. С. 12). «Эти трое: Михайловский, Короленко и Чехов – первые мои крестные, но практически бесполезные. Все гораздо меня старше! Нужен был более молодой, более сверстник», которым вскоре стал Л. Н. Андреев, работавший в литературном отделе московской газеты «Курьер», где в июле появилась первая публикация Зайцева (Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 9 доп. С. 7).

В январе вышло 2-е изд. «Рассказов» М. Горького, тт. 1–4 (СПб., изд. т-ва «Знание», тираж каждого тома – 10300).

Вышла книга Ивана Бунина «Листопад. Стихотворения» (М., кн-во «Скорпион», тираж – 1800). «Когда я буду писать отзыв о Вашей книге стихов, я <...> буду сравнивать Вас с Левитаном, которого тоже горячо люблю, которым наслаждаюсь всегда». «Вы – поэт истинный, все, чего желал бы я, жадный, вашему певчему перу, – твердости! Т. е. – бодрого духа, радости душевной. Засмеяться бы Вам однажды, в стихах, улыбнуться бы весело людям!» (Из письма Горького Бунину от середины января. Т. 2. С. 93–94). Позже Горький делился с автором: «“Скорпионы” прислали мне “Листопад”, и я – со Скитальцем – проглотил его, как молоко. Хорошо! Какое-то матовое серебро, мягкое и теплое, льется в грудь со страниц этой простой, изящной книги. Люблю я, человек мелочной, всегда что-то делающий, отдыхать душою на том красивом, в котором вложено вечное, хотя и нет в нем приятного мне возмущения жизнью, нет сегодняшнего дня, чем я, по преимуществу, живу и что меня, помаленьку, губит» (Т. 2. С. 110). 5 февраля Горький писал В. Я. Брюсову, что считает Бунина «первым поэтом наших дней», но замечал: «<...> не понимаю – как талант свой <...> он не отточит в нож и не ткнет им куда надо?» (Т. 2. С. 108–109).

Критика в основном сходилась на очень высокой оценке книги, относя Бунина «к числу немногих истинных современных поэтов, которые не заразились горячкой декадентства <...>» (В. Шулятиков, «О культе природы в современной лирике», Кур., 16 апр.), не утратили, «подобно <...> жрецам пресловутой “новой красоты”, связи с заветами наших великих мастеров слова. Стих г. Бунина изящен и музыкален, фраза стройна, смысл ясен, а изысканно тонкие эпитеты верны и художественны» (А. К. [А. И. Куприн], Журн. для всех, 1902, № 2); «<...> Он остался стойким хранителем прежних традиций, почему несколько неожиданным кажется его появление под флагом декадентской фирмы “Скорпион”» (ев, «Вестник всемирной истории», 1902, № 2). Несколько другая точка зрения у Сергея Глаголя [С. С. Голо-

* Отзыв не был написан.

ушева]: «<...> вернее всего, что Иван Бунин принадлежит столько же к старым, сколько и к новым. Ему дорога красота и музыка старого стиха, но он ищет новых, более свободных <...> звуков, сочетаний, и в то же время эстетическое чутье не позволяет ему никакого кривлянья <...> Это такое же положение в области стиха, какое занимал Левитан и теперь занимает Серов в живописи: и старые, и новые рады их считать своими. Думается, что в таких именно талантах – залог дальнейшего развития нашего искусства <...>». И лишь «один упрек» предъявлен критиком: «источником вдохновения» Бунина является только пейзаж, а «люди как-то не останавливают на себе внимания поэта <...>» («Поэт русского пейзажа», Кур., 14 нояб.). Однако Брюсов едко упрекнул С. Глаголя в том, что при анализе бунинской поэзии он принял обыкновенный хорей за «соединение трехстопного анапеста с двустопным ямбом или даже, пожалуй, с переходом ямба <...> в амфибрахий»; «всем, кто любит поэзию, должно быть горько, когда за разбор стихов берутся люди до такой степени к этому неподготовленные» («Новое открытие в стихосложении», Р. Сл., 15 нояб.). О «культе природы» в бунинской поэзии писали и другие. А. Б. [А. И. Богданович], например, связывал его с ощущением «контраста между царственной красотой природы и подавленным настроением современного человека, которому не вырваться из-душной атмосферы созданной им общественности» (Мир Б., № 5). См. также отзывы Е. Дегена (Мир Б., № 5), В. Саводника (Р. Вест., № 9). Диссонировала с общим тоном критики рецензия «Литературного вестника» (т. II, кн. 5), автор которой В. Кораблев отказывался считать Бунина «выдающимся и серьезным поэтом» «за отсутствие серьезных и глубоких тем» и «за чрезмерное <...> увлечение уродливым символизмом».

«В “Мире Божьем” в мае превознесли меня выше облака ходячего, как никогда», «хвалят чертовски, говорят, что каждый мой стих – перл и т. д. Слава Богу!» – радовался Бунин успеху в письмах от 8 и 20–21 мая Ю. А. Бунину и И. А. Белоусову (Письма. С. 375, 374).

Вышла книга К. М. Станюковича «Из жизни моряков. Рассказы» (СПб., тираж – 3200), состоявшая из «<...> двенадцати рассказов, разнообразных по содержанию, но объединенных <...> любовью <...> к своим героям»; «свежи <...> превосходные мат-

росики, <...> интересны эпизоды их многострадальной жизни, <...> художественно-живы и типичны <...>» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 5, Отдел 2).

Вышла книга Ив. Наживина «Убогая Русь» (М., тираж – 1200).

И. Цветаев, проф. – «Музей изящных искусств им. Императора Александра III при Московском университете. Речь, произнесенная в годичном заседании комитета музея 16 декабря 1900 г.» (М., 1900, тираж – 300).

10 января в Петербургской Академии художеств открылась 3-я выставка картин художников, группирующихся вокруг журн. «Мир искусства» (Л. Бакст, А. Бенуа, И. Билибин, И. Браз, Ап. Васнецов, М. Врубель, А. Головин, А. Голубкина, К. Коровин, Е. Лансере, С. Малютин, Ф. Малявин, М. Нестеров, А. Остроумова, Л. Пастернак, А. Рылов, А. Рябушкин, К. Сомов, В. Серов, М. Якунчикова и др.), вызвавшая шумное негодование в прессе. Автор одной из немногих сочувственных статей А. Ростиславов («Свобода живописи», Т. и Иск., №№ 6–8) недоумевал по поводу «непонимания современного искусства “цветом интеллигенции”»: «<...> живопись наша переживает переходное время, подобно тому, как она переживала его 30 лет назад, когда основывалось общество передвижников. То, что, может быть, иногда неудачно и неясно выражается в попытках отдельных художников <...> – наступающая и у нас свобода живописи, окончательное освобождение ее от оков академизма и натурализма <...>». В самом «Мире искусства» – резкая критика устаревших, по мнению рецензентов, художественных вкусов передвижников (которые, кроме Репина, напоминают «престарелых теноров») и Академии художеств (чьи работы – «объедки, быть может и вкусного, но третьегоднишнего обеда») и защита от «негодования» последних участников выставки «Мира искусства» (С. Дягилев, № 2–3; А. Бенуа, № 2–3; № 4, Худ. хроника).

Одновременно открылась посмертная выставка картин И. Левитана.

31 января в Московском Художественном театре – премьера «Трех сестер» Чехова (первыми исполнителями ролей стали: В. В. Лужский – Андрей, М. Г. Савицкая – Ольга, О. Л. Книппер – Маша, М. Ф. Андреева – Ирина, М. П. Лилина – Наташа, К. С. Станиславский – Вершинин, В. Э. Мейерхольд – Тузенбах, М. А. Громов – Солёный, А. Л. Вишневский – Кулыгин). «После окончания вызовы превратились в настоящую овацию. Публика потребовала телеграфировать тебе» (из телеграммы Вл. И. Немировича-Данченко Чехову в Неаполь, 2 февраля – Цит. по: Чехов. Письма. Т. 10. С. 493). Н. Д. Телешов отозвался о спектакле в письме И. А. Бунину от 2 февраля: «Вещь интересная, великолепно разыгранная, безотрадная, мрачная. Черт знает! – такова жизнь вокруг! Чехов прав. Все мы потерялись, замучились, а чего ради? Так... Неизвестно почему и зачем. Трудно жить. Условия жизни противны и тягостны. Глупые люди торжествуют, портят жизнь другим» (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 524–525). Андрей Белый нашел постановку «Трех сестер» в МХТ «явлением чрезвычайно редким <...> По-видимому, перед нами идеал, т. е. исполнение, вполне соответствующее духу пьесы, идеальное в своем роде, сопровождаемое такой же идеальной сценической постановкой <...>» (Лавров А. В. Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник на 1979 г. Л., 1980. С. 131).

В январе к 40-летию отмены крепостного права в России появились издания: «19 февраля (По случаю истечения 40 лет со дня освобождения крестьян)» (Одесса, изд. М. Шпенцера, тираж – 4000); Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ (Освобождение крестьян. Отмена телесных наказаний. Университетская автономия и пр.) (8-е изд. М., тираж – 4800).

Февраль

Во второй книжке «Русской мысли», вышедшей 22 февраля, напечатана драма в 4 действиях «Три сестры» А. П. Чехова. «Русская мысль» напечатала «Трех сестер» без моей корректу-

ры, и Лавров-редактор в свое оправдание говорит, что Немирович “исправил” пьесу <...>», – писал автор в письме к О. Л. Книппер от 22 февраля (Т. 9. С. 207). Журнальная публикация и спектакль МХТ породили обширную прессу, в которой тем не менее преобладали однозначные оценки; критики самых разных направлений демонстрировали чаще всего единство взгляда. «В “Трех сестрах” чеховский пессимизм, мрачное настроение достигают апогея» (С. Сутугин [О. Г. Эттингер], Т. и Иск., № 46); «В “Трех сестрах” чеховский пессимизм, по-видимому, достиг своего зенита» (Импрессионист [Б. И. Бентовин], Нов., 2 марта); «<...> мирозерцание этого большого художника ужасно <...>» (Неизвестный [И. Н. Потапенко], Рос., 16 марта); настроение 80-х годов «продолжает выражаться в творчестве Чехова» (Андреевич [Е. А. Соловьев], «Жизнь», № 3); «животно-растительный эпос, в котором «бессильно разбивается самое могучее идейное течение» (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., № 5); «Для него <...> весь Божий мир является какой-то колоссальной “провинцией” <...>» (Д. Философов, Мир Иск., № 2–3). В статье «Московский Художественный театр (по поводу его петербургских гастролей)» В. Поссе резюмировал суждения критики о «Трех сестрах»: «<...> что касается до газетной печати, то большинство ее критических представителей прямо выражали недоумение, сожаление и забрасывали автора упреками, указаниями и советами, как надо писать пьесы, могущие иметь “общественный смысл”. Выживший из остроумия Буренин пытался укусить автора своим беззубым ртом; нервный Оболенский <...> приглашал русское общество пробудиться от чеховского гипноза и возгордиться своими самоотверженными земцами и журналистами; новременский страж семейных добродетелей г. А-т [В. К. Петерсен] негодовал на Чехова, что тот не сумел растолковать трем сестрам, какие у них “вовсе не малые” дела: быть хозяйкою и доброю женою <...> человеку великодушному и порядочному, управлять целой гимназией (шутка сказать!) и, наконец, дать счастье какому-нибудь хорошему и простому человеку, будучи привлекательной, как Ирина; г. Серенький [И. И. Колышко], критик “Гражданина” <...> приветствует, как “признак нашей жизнеспособности”, протест почти всей печати против “безнадежно-мстительно-злобного отношения, которое с неко-

торых пор овладело нашим талантливим писателем”, и т. д. Все это очень хорошо, т. е. хорошо, что “почти вся печать” запротестовала <...> Талант Чехова растет непрерывно, становится все серьезнее и опаснее для гг. “сереньких”; они правильно называют его “талантом мстящим”; они боятся его, но надеются, что “жизнь — сильнее и умнее Чехова”. Нет, господа, Чехов сильнее вашей, как вы сами проговариваетесь, “бессмысленной” жизни, и его “мщение” подготавливает жизнь осмысленную, в которой нет места “ряженым” представителям общественного мнения» («Жизнь», № 4). «Ваша статья про Московский Художественный театр мне очень понравилась», – написал Чехов автору 21 мая (Т. 10. С. 28). По мнению П. Перцова, пьесы Чехова – «трагедии жизненной инерции», «мир бессилия, недоумения, безнадежности», потому что он – «художественный фокус нашей литературы, <...> собирательный центр современных наших настроений», это «настоящая глубокая и ясная Россия» (Мир Иск., № 2-3). Леонид Андреев писал в «Курьере»: «По-видимому, с пьесой А. П. Чехова произошло крупное недоразумение и, боюсь сказать, виноваты в нем критики, признавшие “Трех сестер” глубоко пессимистическою вещью, отрицающею всякую радость, всякую возможность жить и быть счастливым <...>». «Тоска о жизни – вот то мощное настроение, которое с начала до конца проникает пьесу и слезами ее героинь поет гимн этой самой жизни. Жить хочется, смертельно, до истомы, до боли жить хочется, – вот основная трагическая мелодия “Трех сестер”, и только тот, кто в столах умирающего никогда не сумел подслушать победного крика жизни, не видит этого. Какую-то незаметную черту перешагнул А. П. Чехов – и жизнь, преследуемая им когда-то жизнь, засияла победным светом» (Джеймс Линч, «Мелочи жизни», 21 окт.). Суждения ряда критиков об «утрированном пессимизме» и «фальши» «Трех сестер» опровергал и В. Кривенко: «Это <...> правда, чистая правда, изображение неподкрашенной действительности». Труппу Художественного театра критик назвал «несравненной истолковательницей замыслов Антона Чехова» (Т. и Иск., 1902, № 13). 20 июля в обзоре русской литературы за 1900–1901 гг. в английском журн. «Athenaeum» В. Я. Брюсов отметил, что в «Трех сестрах» Чехов «с присущим ему мастерством показал <...> весь ужас и всю бе-

зыходность жизни в русском провинциальном городе» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 290. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва), а в неопубликованном обзоре «Русская литература в 1901 году» заметил, что «с противоположной стороны, здесь выражается <...> жажда Бога» (Там же. С. 284. Публ. С. П. Ильёва).

П. Д. Боборыкин – повесть «Однокурсники» (В. Евр., №№ 1, 2), посвященная современной молодежи, изображает «нашу общественность, отмечая новые в ней явления и наслоения»; писатель «останавливается на излюбленном им типе нового образованного купца, не оставляющего своего коренного дела, и сопоставляет с этим типом старого студента, сохраняющего весь прежний идеализм и веру в значение и смысл интеллигенции» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 3, Отдел 2). В новом произведении Боборыкина есть полускрытые «выпады» против драматургии Чехова – «картин, от которых веет распадом сил и всеобщим банкротством», «нестерпимо правдивого воспроизведения жизни, где точно нет места ничему простому, светлому, никакому подъему духа» (В. Евр., № 1).

7 января Чехов писал О. Л. Книппер: «только что прочел повесть Боборыкина <...> Повесть прескверная, скучная, но интересная – в ней изображается Художеств[енный] театр <...> Идет речь о “Чайке” и “Дяде Ване”» (Т. 9. С. 177). Критика отметила достоверность наблюдений автора над жизнью и настроениями «современной университетской молодежи», новыми явлениями в ее среде, но вместе с тем неглубокое их освещение (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., № 3; В. Шулятиков, Кур., 26 февр.; Ч. Ветринский, Н. Л., 14 февр. и др.). Любопытен дневниковый отзыв юного К. Чуковского: «Мне всегда казалось подозрительным и антихудожественным то маленькое обстоятельство в романах этого господинчика, что он показывает нам людей, сконцентрированных у данной идеи, стоящих, так сказать, у ее очага, у колыбели ее, а многие ли стоят у колыбели? 10–15, не больше. А идея раскинется геть широко, <...> изменившаяся до неузнаваемости, неощутимая теми, кто выражает ее, на шкуре кого она вырисовывает разноцветные узоры. Декадентство!» (Дневник: В 3 т. Т. 1. 1901–1921. М., 2012. С. 26).

В. Г. Короленко – рассказ «Государевы ямщики» (Р. Бог., № 2) – продолжение «Сибирских рассказов». В критических отзывах говорилось о глубине обобщения и художественной выразительности нового произведения писателя; «коллизия между стремлениями к новой жизни и тупой подчиненностью старым давящим формам представляет в изображении Короленко нечто общечеловеческое <...>» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 20 марта).

Н. Гарин – рассказ «Под праздник» (Рос., 10 февр.).

Леонид Андреев – рассказ «Ложь» (Кур., 20 февр.), фельетон «В переплете из ослиной кожи» (Джемс Линч, Кур., 11 февр.) – ироническая критика российского интеллигента за боязнь индивидуальной активности и ответственности.

Рассказ «Ложь» большинством критиков признан неудачным. М. Протопопов писал: «психологической мотивировки от автора не спрашивайте, душевной драмы, предшествовавшей убийству, не ищите, а вот разных стилистических вывертов, элоквенций и хитростей пиитических – всего этого сколько угодно» (Р. Мысль, 1902, март, отд. 2). Не понравилась «Ложь» и Н. К. Михайловскому: «Это что-то вроде монолога душевно больного, в котором беспорядочным вихрем носятся фантастические образы, переплетаясь с реальной действительностью <...> Но подлинного сумасшествия в “Лжи” так же мало, как и в “Записках сумасшедшего” [Н. В. Гоголя] <...> Я не знаю, что может значить эта “Ложь”, кроме настроения отчаяния, вызванного невозможностью добиться правды» (Последние сочинения. Т. 2. СПб., 1905. С. 122). Безоговорочно осудил рассказ Л. Толстой, оценив его «нулем» и приписав на полях книги, в которой он был помещен (издана в сентябре): «Начало ложного рода» (Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной поляне. Т. 1. Ч. 1. М.: Книга, 1972. С. 38).

М. В. Крестовская – повесть «Исповедь Мытищева» (Р. Мысль, № 2). Критика заинтересованно отнеслась к этому произведению, увидев в нем попытку «проникнуть в <...> суть декадентской души», создать образ одного из «псевдогероев нашего времени» (Северов [П. О. Морозов], Нов., 19 апр.; М. Н. М., Лит. Вестн., № 3; Е. Колтоновская, Обр., № 7–8).

Проблематика «нервного» века возникла и в критике. В статье Г. И. Россолимо «Искусство, больные нервы и воспитание» (Р. Мысль, № 2) шла речь о влиянии больной психики на современное искусство. Т. Ардов [В. Г. Тардов] сетовал на «грустное, болезненно-нервное, сумеречное настроение», проникшее в литературу («О сумерках духа», Рос., 15 февр.).

Статья Андреевича [Е. А. Соловьева] «О хищниках и одиноких людях» («Жизнь», № 2) посвящена Чехову, «поэту интеллигентной тоски, неверия и жизненного одиночества», связывающему «свой безнадежный пессимизм <...> не с временными обстоятельствами <...> а с органическими свойствами человеческой природы <...>».

В статье «Дядя Ваня», посвященной первому представлению пьесы на гастролях МХТ в Петербурге 19 февраля, Д. Философов дал общую характеристику культурного симбиоза «Чехов и Московский художественный театр»: МХТ как «театр иллюзии», т. е. тщательного воспроизведения «всех мелочей быта, среды, обстановки», впервые наглядно доказал нам все значение Чехова как «одного из самых замечательных драматургов нашего времени» – «тонкого бытописателя-психолога серой, обыденной жизни», погруженного «в глубину человеческой пошлости». Их совместное создание – «драма без героев», «драма среды» – вскоре будет усвоена всеми театрами России. Однако своей «декадентской утонченностью» Чехов отнимает у людей «всякую надежду на <...> прозрение смысла жизни, на <...> объяснение цели ее». «Такое болезненное, фотографически точное, воспроизведение нашего вырождения, отвращая нас от жизни, – может вести лишь к смерти <...> Надо скорее пройти через мучительную фазу “театра иллюзии”, поскорее отделаться от одуряющего и полного губительных соблазнов эстетизма Чехова, чтоб идти дальше, от вырождения, к возрождению» (Мир Иск., № 2–3).

Во второй книжке «Вестника Европы», по рукописи, предоставленной М. С. Соловьевым, напечатана публичная лекция Вл. С. Соловьева «Лермонтов», прочитанная покойным философом в марте 1899 г. в Петербурге. «Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, – писал Вл. Соловь-

ев, – которые для краткости можно назвать “нищестанством” <...> Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы во всяком случае подрываем эту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе». В 1898 г. в письме к М. М. Стасюлевичу Вл. Соловьев сообщал о том, что начал писать для «Вестника Европы» статью о Лермонтове, «которая должна раздражить гусей разной масти еще более, чем “Судьба Пушкина”» (Соловьев Вл. С. Письма в 4 т. / Под ред. Э. Л. Радлова. Т. 4. Пб., 1923. С. 75).

Январско-февральская книжка журн. «Вопросы философии и психологии» (кн. 56 (I)) целиком посвящена памяти Вл. С. Соловьева. Открывает номер стихотворение кн. Д. Цертелева; затем напечатаны статьи Александра Введенского «О мистицизме и критицизме в теории познания В. С. Соловьева», А. Петровского «Памяти Владимира Сергеевича Соловьева», Л. Лопатина «Философское мирозерцание В. С. Соловьева», кн. С. Трубецкого «Основное начало учения В. Соловьева», П. Новгородцева «Идея права в философии Вл. С. Соловьева», Г. А. Рачинского «Взгляд В. С. Соловьева на красоту», Ф. Геца «Об отношении Вл. С. Соловьева к еврейскому вопросу»; в конце – реферат Вл. С. Соловьева «Об упадке средневекового мирозерцания», прочитанный на заседании Московского психологического общества 19 октября 1891 г. (основная мысль: «дух Христов действует через неверующих в Него» «двигателей новейшего прогресса»), и его речь о христианском осмыслении современной революционности, произнесенная на Высших женских курсах в Петербурге 13 марта 1881 г. (основная мысль: «революция, основанная на насилии, лишена будущности»). Истоки формирующейся в начале XX в. новой эстетики проясняет статья Рачинского: понимая красоту «как воплощенную идею, Соловьев считал, что «концом великого дела красоты будет полное одухотворение всей природы, воскресение плоти», что «всякое истинное искусство в глубочайшем существе своем всегда дело пророческого провидения грядущего бытия» и «всякое действительное художественное произведение есть ошутительное

изображение <...> предмета и явления <...> в свете будущего века».

Статья киевского епархиального миссионера С. Потехина «Критика толстовства В. С. Соловьевым» («Миссионерское обозрение», январь, февраль) рассматривала с обозначенной позиции книгу Соловьева «Три разговора...». Уже в предисловии указано, что толстовство разводится с христианством и сближается с буддизмом. В первом «разговоре» усматривается разоблачение толстовца князя как противника войны; во «втором» – Соловьев утверждает, в противовес Толстому, необходимость государственной власти для процветания народов; в «третьем» – отвергаются положения толстовства о социальном и нравственном прогрессе: истинный христианин должен опираться на веру в воскресение Христово, чтобы не впасть в отчаяние.

В февральской книжке журн. «Христианское чтение» опубликована статья проф.-прот. В. Рождественского «О значении деятельности В. С. Соловьева (Речь, читанная в публичном собрании Санкт-Петербургского философского общества 26 ноября 1900 г.)» – отклик на смерть Соловьева, «красу и гордость русской философии», чье значение еще только предстоит оценить «справедливо и беспристрастно». Он первый «выяснил <...> основы цельного философского знания», велик его вклад в христианское богословие, обаятелен сам «поэтический образ философа-идеалиста <...> ценно его умение» освещать вопросы нравственности и веры «с наиболее важных, жизненных сторон». Однако «недоумение <...> возбуждает» защита им римско-католической церкви, что приходит в противоречие с его же «Краткой повестью об Антихристе» из «Трех разговоров <...>».

5 февраля И. А. Бунин писал В. Я. Брюсову: «<...> ко всем вам [членам издательства «Скорпион»] я питаю очень большое расположение как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом» (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 455).

6 февраля в Философском обществе при Петербургском университете Д. С. Мережковский прочел доклад «Отношение Льва Толстого к христианству», тон которого возмутил общественность. «Скверное впечатление производит этот реферат. Можно любить и не любить Толстого, можно соглашаться с ним и не соглашаться, но разделявать Толстого “под орех”, пересыпать критику толстовских взглядов словами “лжет”, “цинизм”, “навоз”, “безобразия”, “опошлено”, “бесстыдство”, “мразь” и т. д. – это уж “тае... тае...”, напоминает басню о слоне и москве» (С. Протопопов, «Беглые заметки», Н. Л., 23 февр.). «Восточное обозрение» сравнило доклад Мережковского с призывом к новой Варфоломеевской ночи (19 апр.). Короленко в дневниковой записи от 4 марта назвал доклад Мережковского «комическим интермеццо» к «отлучению» Толстого от православной церкви (24 февраля): «Синод апеллирует к прошлому, к тысячелетиям, лежащим назади <...> Мережковский прилагает мерку своей “декадентской” веры, родившейся вчера и завтра готовой переродиться Бог знает во что. Тон Мережковского – приподнятый, напыщенный, крикливый». «Много, конечно, можно сказать против “религии” Толстого, но этот взвизгивающий лай – истинное самоубийство» (Дневник. 1898–1903. Т. IV. Полтава, 1928. С. 218). В защиту главной мысли доклада Мережковского выступил В. Розанов: «из плоти сотканный» «язычник» Толстой – религиозен, а «бесплотный» Толстой-«христианин» последних лет – безрелигиозен (Н. Вр., 16 февр.). М. Н-в [М. А. Новоселов] в «Миссионерском обозрении» отметил, что «чтение Мережковского» «выдвинуло на газетные столбцы важнейшие вопросы веры, мысли и жизни» (апрель). В октябрьском номере свящ. М. Лисицын приветствовал «светскую критику религиозных воззрений яснополянского проповедника» как «правдивое слово» о нигилизме Толстого, а также отметил сходство «духовных трагедий» Толстого и Ницше.

После «Определения» Синода об отлучении Л. Н. Толстого (24 февраля) Мережковский отстаивал «гражданскую непорочность» своих взглядов в письме в редакцию «“Отцы и дети” русского либерализма» (Мир Иск., № 2–3, отд. оттиск издан в апреле, СПб., тираж – 50), где заявлял о посягательстве на свободу своей мысли со стороны «отцов» либерализма из Литературного

фонда, пытавшихся запретить его доклад «Лев Толстой и Наполеон-Антихрист» (об отношении Толстого к христианству) в Философском обществе, и призывал «детей» понять, «какою страшною опасностью <...> русскому <...> духу <...> грозит “христианство” Толстого», на деле являющееся «буддийским нигилизмом».

«Протест нам кажется и странным, и непонятным»; «фонд <...> поступил бы крайне неосторожно, выступив с лекцией, в которой резко проводился бы вполне определенный и враждебный взгляд на деятельность и мировоззрение одного из уважаемых русских писателей» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 6, Отдел 2). В поддержку Комитета Литературного фонда выступила и редакция журн. «Вестник Европы»: «<...> опасения, вызвавшие <...> отказ фонда, не были напрасны – это видно из статьи г. Мережковского <...> носящей то же заглавие*, которое он хотел дать своему чтению. Л. Толстому приписывается здесь *кощунство* над Наполеоном <...> он обвиняется в унижении *высокого* в пользу <...> посредственного, буржуазного» (№ 5).

7 февраля З. Н. Гиппиус записала в дневнике: «<...> люди хотят Бога для оправдания существующего, а я хочу Бога для искания еще несуществующего (вероятно) <...> мне некуда звать Бога, я в путешествии». Других членов складывавшегося религиозно-философского «троебратства» Гиппиус охарактеризовала так: «Дмитрий Серг. [Д. С. Мережковский] тоже как бы в путешествии, и хочет идти, но ведь он ничего в себе не знает <...> А уж Философов-то [Д. В. Философов], наверно, хочет для “оправдания”! Вся его неудовлетворенность только из этой точки» (Дневник. Т. 1. С. 71–72).

20 февраля Чехов писал О. Л. Книппер из Ялты: «Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день» (Т. 9. С. 204).

Продолжались студенческие волнения и манифестации (в Петербурге, Москве, Харькове).

* Статья Мережковского «Л. Толстой и Наполеон-Антихрист» опубликована в журн. «Мир искусства», 1901, № 2–3.

14 февраля в Петербурге студентом П. В. Карповичем смертельно ранен министр народного просвещения Н. П. Боголепов (умер 2 марта). 10 апреля в статье по поводу его смерти «Московские ведомости» связали «разрушительные» стремления молодежи с влиянием современной литературы, в которой «все осмеивается, все отвергается», которая «в большинстве случаев» изображает «типы отрицательного, а не положительного характера» (И. Беляев, «Увлечения юности»). 26 февраля профессора Московского университета (В. И. Герье, Н. В. Бугаев, Н. А. Умов, В. О. Ключевский, И. В. Цветаев, А. И. Кирпичников, Ф. Ф. Фортунатов, Н. Е. Жуковский, Д. Н. Анучин, Л. М. Лопатин, В. И. Вернадский, Р. Г. Виппер, кн. С. Н. Трубецкой и мн. др.) написали обращение к студентам в связи с нараставшими беспорядками: «Вас запутывают, обманывают <...> Университет становится злосчастной отдушиной, чрез которую люди всех рангов и сословий стараются пропустить свое недовольство <...> политическое, экономическое, социальное и т. д.»; профессора призывали студентов не прерывать занятий, так как только в этом случае они смогут «содействовать приведению в порядок <...> университетского дела». П. А. Флоренский, бывший в 1901 г. студентом математического факультета Московского университета, по свидетельству С. В. Андросовой, ходил на занятия, где, кроме профессора, был один в аудитории («Наше наследие», № 73, М., 2005, с. 98, 101).

12 февраля в Петербурге открылось литературно-политическое объединение «Русское собрание» во главе с кн. Д. П. Муравлиным (Голицыным), в него входили: В. Л. Величко, А. С. Суворин, С. Н. Сыромятников [Сигма], Н. А. Энгельгардт, Н. П. Кондаков и др. Проходившие по пятницам литературно-научные и музыкальные вечера посещали также Ф. Ф. Зелинский, И. Е. Репин, Н. К. Рерих (Шруба Манфред. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 190). Цель общества – «<...> проповедовать мятущейся интеллигенции нашей лечение и спасение Россией, ее тысячелетними государственными началами, ее чистой верой в лик Христов <...> ее исконной земской, общинной правдой» (Ник. Энгельгардт, Н. Вр., 22 мая). В «Русском богатстве»

(№ 10) Н. Михайловский заметил: «<...> учреждение это грозит нам совсем не невинными охабнями, мурмолками и косоворотками, а новой тяжелой смутой».

19 февраля состоялось собрание «Союза взаимопомощи русских писателей (Союза писателей)» по поводу 40-летней годовщины крестьянской реформы, в котором участвовал Горький. В справке Департамента полиции говорилось: «По агентурным сведениям <...> Пешков прибыл из Нижнего Новгорода <...> специально для присутствия <...> на заседании “Союза писателей”, на котором были произнесены речи крайне противоправительственного содержания <...> По окончании заседания <...> Пешков, в числе других 28 человек, отправился в ресторан Палкина, где некоторые из присутствующих произнесли революционные речи» (Революционный путь Горького. М.; Л., 1933. С. 42).

20 февраля Чехов писал Н. П. Кондакову: «Вы спрашиваете, читаю ли я, что пишут обо мне повсюду? Нет, за границей я редко читал русские газеты; но брань Буренина читал. Я отродясь никого не просил, не просил ни разу сказать обо мне в газетах хоть одно слово, и Буренину это известно очень хорошо, и зачем это ему понадобилось обвинять меня в саморекламирвании и окатывать меня помоями – одному Богу известно». 22 февраля в письме к брату Михаилу Чехов дал общую характеристику газете «Новое время» и ее сотрудникам: «<...> работают там исключительно сытые и довольные люди <...>, Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, т. е. он говорит искренно, быть может, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот» (Т. 9. С. 205, 208).

24 февраля в газ. «Церковные ведомости» опубликовано «Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 года, № 557, с посланием верным чадам Православной Грекороссийской Церкви о графе Льве Толстом» (на следующий день перепечатанное в газетах «Русские ведомости», «Новое время» и др., а в марте – во многих журналах) об отлучении от Русской православной церкви Л. Толстого: «Известный миру писатель, рус-

ский по рождению, православный по рождению и воспитанию своему, гр. Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа <...>, явно перед всеми отрекся от <...> Церкви Православной и посвятил свою литературную деятельность <...> на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой <...>; «он проповедует <...> ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской»: «отвергает личного живого Бога <...>, отрицает Господа Иисуса Христа <...>, отрицает бессеменное зачатие <...> Христа <...> и девство <...> Пречистой Богородицы <...>, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа <...>». Толстой «сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православной», поэтому она «не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит общения с нею», о чем члены Синода молятся Богу. 25 февраля Короленко записал в дневнике: «Акт беспримерный в новейшей русской истории! Правда, беспримерны также сила и значение писателя, который, оставаясь на русской почве, огражденный только обаянием великого имени и гения – так беспощадно и смело громил бы “китов” русского строя: самодержавный порядок и господствующую церковь <...> Мрачная анафема семи российских “святителей”, звучащая отголосками мрачных веков гонения, несется навстречу несомненно новому явлению, знаменующему огромный рост свободной русской мысли <...> Отлучение Толстого отзовется во всем народе <...> На вопросе о свободе совести и борьбе с притязаниями религиозной полиции интеллигентные слои русского общества могут встретиться с миллионами русских сектантов <...>» (Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост. С. И. Тиминой. М., 1988. С. 336). В тот же день «в течение вечера толпы студентов и рабочих ходили к дому Толстого приветствовать отлученного Синодом борца за свободу совести. Толстой говорил народу речь. По имеющимся сведениям, он отозвался с сочувствием о студенческой забастовке <...>» («Искра», № 3, апр., «Из нашей общественной жизни»). «По всей Москве только и разговоров, что о студентах и об отлучении Льва Николаевича, на стороне

которого симпатии всего простого народа – извозчиков <...> прислуги, не говоря уже о фабричных рабочих» («Листки свободного слова», Лондон, № 23). В последующие дни известие о случившемся всколыхнуло общественное мнение не только в России, но и за рубежом. В специальном распоряжении Главного управления по делам печати запрещалось публиковать «телеграммы и известия о выражении сочувствия отлученному от церкви гр. Л. Н. Толстому» (ЛЖТ Толстого. С. 373). Редактор «Миссионерского обозрения» В. М. Скворцов комментировал происходящее в ином ключе: «толстовский вопрос» – «самый животрепещущий в данный момент <...> по причине Определения Св. Синода», вполне справедливого, так как сам Толстой в своих известных «религиозно-еретических трактатах» многократно свидетельствовал о своем фактическом отпадении от православной церкви. Опасно, что толстовская критика власти и государства с радостью встречается революционерами, например Степняком (март). В июльско-августовском номере «Миссионерского обозрения» В. Скворцов отмечал, что «толстовская история создала <...> вавилонское столпотворение <...> психопатию поклонения графу <...> поклонение это распространяется как протест против церкви в огромной части интеллигентного общества». Печальную известность заслужила «грубая и наивно изуверская» проповедь харьковского архиепископа Амвросия, произнесенная 18 марта, в которой «непротивление злу» истолковывалось как «поощрение цареубийства» (Короленко В. Г. Дневник. 1898–1903. Т. IV. С. 237 – запись от 2 апреля). Характерен отзыв Чехова в письме к Н. П. Кондакову от 2 марта: «К отлучению Толстого публика отнеслась со смехом. Напрасно архиереи в свое воззвание всадили славянский текст. Очень уж неискренне или пахнет неискренним» (Т. 9. С. 213). Парадоксальна дневниковая запись юного одессита К. Чуковского от 2 марта: «Я не согласен ни с одной мыслью Толстого, убеждения его мне столь же дороги, как и убеждения Жужу <...>» (Дневник: В 3 т. Т. 1. С. 20). Развернутое мнение высказал В. В. Розанов в заметке «Об отлучении графа Л. Н. Толстого от Церкви» (1902), опубликованной во 2-м томе его книги «Около церковных стен» в 1906 г.: «<...> от Бога и именем Божиим что-нибудь сказать Синод просто не может, не умеет, не имеет формы по

отсутствию в самом нем “образа и подобия Божия”. Между тем Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть огромное религиозное явление, может быть величайший феномен религиозной русской истории за 19-й век, хотя и искаженный. Но дуб, криво выросший, есть дуб, и не его судить механически-формальному учреждению, которое никак не выросло, а сделано человеческими руками (Петр Великий с серией последующих распоряжений). Посему Синод явно не умеет подойти к данной теме, долго остерегался подойти и сделал, может быть, роковой для русского религиозного сознания шаг – подойдя. Акт этот потряс веру русских более, чем учение Толстого» (Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 423–424).

29 марта в «Церковном вестнике» (№ 13) опубликовано «Письмо графини С. А. Толстой к митрополиту Антонию от 26 февраля 1901 г.» (перепеч. в апрельских книжках «Богословского вестника», «Православного собеседника» (Казань) и др. изданиях), в котором жена писателя обвиняла церковных иерархов в злобе и отступлении от христианской любви, а распоряжение Синода об отлучении Толстого от церкви называла «жестоким», вызывающим «негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъявления и им не будет конца от всего мира». В помещенном здесь же ответе С. А. Толстой от 16 марта митр. Антоний писал, что «распоряжение Синода <...> есть акт любви, акт призыва мужа вашего к возврату в Церковь и верующих к молитве о нем». В дневниковой записи от 16 марта В. Г. Короленко назвал письмо С. А. Толстой «чисто женским»: «графиня – просто рассерженная, возмущенная женщина, в первом же порыве накинувшаяся на Синод, не обдумывая выражений и чисто по-бабьи изливая свое непосредственное чувство. Антоний отвечает умно и последовательно. Но история русской церкви должна будет занести в свои летописи весь этот бесподобный эпизод, в котором святейший Синод, в лице Антония, вступил в публичные пререкания с рассердившеюся “женкой” <...> среди этой грозы и отчасти этого шутовства Толстой вырастает в какого-то гиганта, спокойно взирающего на мятущихся иереев. Графиня права, когда говорит о сочувствии общества» (Дневник. 1898–1903 гг.

Т. IV. С. 236–237). Юный К. Чуковский, назвав в дневниковой записи от 27 марта письмо митр. Антония «шедринской хохмой», в оценке С. А. Толстой солидарен с Короленко: «Характерно для Софьи Андреевны, что она стала упрекать попов ни в чем другом, а в ношении бриллиантов. Она всегда на мелочь, на внешность обращала свое птичье внимание <...> Толстой гениально передал нам ее образ в Кити» (Дневник: В 3 т. Т. 1. М., 2012. С. 38).

В конце февраля после трехлетнего перерыва Толстой возобновил работу над «Хаджи-Муратом» (ЛЖТ Толстого. С. 370).

26 февраля – сорокалетняя годовщина со дня смерти Т. Г. Шевченко, вызвавшая отклики в печати: «Пора, пора <...> чествовать великого поэта не “утаенно от зрения людского”» (Од. Нов., 25 февр.). Министерство внутренних дел отклонило ходатайство Союза взаимопомощи русских писателей о разрешении открыть подписку на памятники Шевченко и Белинского (Нов., 2 марта).

В феврале вышла книга А. Л. Волынского «Царство Карамзовых. Н. С. Лесков. Заметки» (СПб., тираж – 1200), встреченная неодобрительными отзывами. Прицалась общественная позиция критика, с «коленипреклоненным умилением и непрерывным восторгом» принимавшего «мистическую проповедь» Достоевского (Б. п. [А. И. Гуковский], Р. Бог., № 8), произносившего панегирик «смиреномудрию» Лескова (А. [Е. А. Соловьев?], «Жизнь», № 3).

Вышла книга С. Д. Дрожжина «Поэзия труда и горя. Новое собрание стихотворений» (М., тираж – 2400). Рецензент «Образования» отметил достоинства «искренности» и «простоты» в произведениях поэта, особенно ценные «в наше время стихотворного кривлянья»; вместе с тем Дрожжин – певец старой русской деревни, «для современной деревни» его поэзия «является уже некоторым анахронизмом» (Н. Позняков. Обр., № 7–8). «Курьер» (7 мая) поместил сочувственную заметку И. Белоусова

о стихах Дрожжина, проникнутых «безграничной любовью к родной деревне и к “горемычным” людям».

Вышла книга Г. А. Рачинского «Трагедия Ницше» (М., тираж – 100).

Вышла книга философских статей В. Розанова «В мире неясного и нерешенного» (СПб., тираж – 1200; 2-е изд. – СПб., 1904, тираж – 1800). Собранные здесь статьи были напечатаны в 1898–1899 гг. в «Биржевых ведомостях», «Гражданине», «Новом времени», «Русском труде», «Санкт-Петербургских ведомостях». Цель книги – «дать почувствовать семью как ступень поднятия к Богу», как святость «семени, крови и тела». Среди других – статья «Семья как религия» – о «Крейцеровой сонате» Л. Толстого. Ко 2-му изд. приложены письма к автору от «благочестивых русских отцов семейств» и «матерей», свидетельствующие о «наклоне» «простых смертных» «к сложению *благочестивой семьи*».

Книга вызвала многочисленные отзывы и противоположные оценки. Особое внимание к вопросу о браке в текущей печати отметил М. Струженцов в статье «Православное учение о браке по поводу воззрений на брак гр. Л. Н. Толстого и некоторых современных публицистов»: взгляд Толстого и С. Ф. Шарапова на брак как на зло и противоположный ему взгляд Розанова и Д. С. Мережковского на брак как религиозное действие в равной степени «антибиблейские и антихристианские» («Богословский вестник», 1902, июль–август). Еще резче высказался в статье «Странный ревнитель святых семейного очага» Н. Заозерский: Розанов – «паяц, или тяжело недугующий человек», его учение «богохульно», мнение о христианстве как «религии смерти и вырождения человечества» несостоятельно, теория «религии брака и семьи» противостоит церковному учению («Богословский вестник», ноябрь). Напротив, Инфолио в статье «От Вифлеема до Голгофы» с симпатией назвал Розанова «русским Ницше» по языку, афористичности, самобытности и искренности мысли, который вслед за Л. Толстым занялся «переоценкой» пола, любовного влечения, брака и семьи (Н. Вр., 28 марта). Д. П. Шестаков в «Мире искусства» писал, что несомненная заслуга Розанова – в указании на то, что в «христианской цивили-

зации с ее “краеугольными камнями – пещерой (уединением) и гробом” – есть какая-то внутренняя ошибка: ее воззрения на брак – только монашеские, «сухо-аскетические», узкие (№ 5). Д. В. Философов в том же номере журнала высказался еще более сочувственно: «Хаотическая, полная гениальных прозрений, книга Розанова – <...> святое дело скромного, бескорыстного собирания камней для фундамента будущей культуры», стоящей на «мистических основах бытия», а не на «уровне современного точного знания». Напротив, по мнению А. Б. [А. И. Богдановича], книга Розанова – «сумбур самых пошлых откровенностей, юродивых восклицаний и якобы необычайно тонких и глубоких открытий» в области брачных отношений, переданный «смесью семинарского, философского и физиологического» языка (Мир Б., № 9, отдел 2). «Вздором» посчитал книгу Розанова Н. К. Михайловский (Р. Бог., 1902, № 8, «Литература и жизнь»). Автор дважды парировал выпады Михайловского. В «Новом времени» Розанов отметил, что критика Михайловского «полна раздражения», потому что тот не понял замысла книги: письма и мнения частных лиц необходимы здесь для возбуждения полемики по темам семьи и пола, интимным и домашним. От ее результатов зависит, будет ли развита новая семейная концепция внутри раздвинувшихся христианских рамок или вообще «вне рамок» (1902, 1 сент.). В «Мире искусства» (1902, № 9–10), указывая на недоступность для понимания Михайловского религиозных тем, Розанов, однако, высказал «определенную симпатию» к критику за само стремление понять эти темы («Счастливый обладатель своих способностей»).

Вышла книга Н. П. Кондакова «Современное положение русской народной иконописи» (СПб., тираж – 500). 2 марта Чехов писал автору: «Ваша книжка об иконописи написана горячо, даже местами страстно, и потому читается она с живейшим интересом. Несомненно, иконопись (Палех и Холуй) уже умирают, или вымирают, и если бы нашелся человек, который написал бы историю русской иконописи! Ведь этому труду можно было бы посвятить целую жизнь» (Т. 9. С. 213).

Вышла книга А. Серафимовича «Очерки и рассказы. Книга 1» (СПб., изд. Б. Звонарева, тираж – 2500). Рецензией на нее в «Русском богатстве» отозвался В. Г. Короленко, отметивший подлинный драматизм произведений Серафимовича о народной жизни, их «непосредственную жизненную правду и – увы – не только “местную” правду <...>», а со стороны искусства – «живые и яркие описания и некоторую эскизность в обрисовке фигур. Это – как будто акварельные наброски, сделанные на ходу умелой и талантливой рукой» (Б. п., № 6). Выдающимся бытописателем считал Серафимовича В. М. Шулятиков: в отличие от большинства современных беллетристов, изображающих жизнь народа лишь в «психологических моментах», Серафимович выдвигает «на первый план» непосредственные условия труда («В “стихийной” борьбе за жизнь», Кур., 30 июля). На ту же особенность произведений писателя обратил внимание и В. Мирский [Е. А. Соловьев]: «Жалость к своим героям, подернутая грустным раздумьем, некоторой даже безнадежностью», – «основное чувство, руководящее г. Серафимовичем»; но оно может стать и источником «призыва к обновлению и возрождению» (Журн. для всех, № 10).

В конце февраля – в начале марта проходили гастроли МХТ в Петербурге (спектакли «Дядя Ваня» и «Три сестры» Чехова, «Одинокие» Г. Гауптмана, «Доктор Штокман» Г. Ибсена). Представление 23 февраля пьесы «Доктор Штокман» стало одним из самых ярких театральных событий, широко освещенных прессой. 24 февраля Горький писал Е. П. Пешковой: «Вчера в Художественном с треском и громом прошел “Штокман” <...> оваций – без счета, всей массой публики. Удивительно грандиозное зрелище!» (Т. 2. С. 114). К. С. Станиславский описал атмосферу спектаклей «Доктора Штокмана», совпавших с днями студенческих волнений: «<...> театральный зал был до крайности возбужден и ловил малейший намек на свободу, откликался на всякое слово Штокмана <...>» (Моя жизнь в искусстве. М., 1962. С. 306). Однако П. Гнедич в «Мире искусства» упрекнул Станиславского в искажении ибсеновского замысла о Штокмане: из яркого общественного деятеля актер создал «мелкую, буржуазную фигуру приглуповатого московского профессора» (№ 2–3).

М а р т

Леонид Андреев – рассказ «Жили-были» («Жизнь», № 3). В. А. Поссе вспоминал: «Рассказ пришел, когда в редакции сидел Горький. Он взял рукопись и тут же стал читать. Читал не отрываясь, пока не кончил, потом зашел ко мне в комнату и молча подал рукопись. – Ну что, как? – спросил я. – А ты прочти. Я начал читать... и не мог оторваться... – Ну что, как? – в свою очередь спросил Горький. Я посмотрел на него и молча улыбнулся. Он ответил такой же улыбкой. И в слиянии наших улыбок была радость сознания, что появился новый, большой талант» (Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864–1917 гг.). М.; Л., 1929. С. 163).

6 марта Горький писал Андрееву: «А “Жили-были” – прекрасно!» (Т. 2. С. 120). «В авторе виден настоящий мастер, с тонким чувством стилистической красоты, обладающий сжатым, энергичным и в диалоге совершенно правдивым и выдержанным языком <...> Описание образа жизни в каменных стенах лечебницы, предсмертные думы умирающего купца и его философия обличают в авторе человека с неподдельным художественным чутьем и яркой индивидуальностью» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 9 апр.). Рассказ Андреева – «характерный образец современного “психологического реализма”» (В. Шулятиков, Кур., 28 мая). Д. С. Мережковский спрашивал в редакции «Жизни», кто скрывается под псевдонимом «Леонид Андреев» – Чехов или Горький? (Львов-Рогачевский В. Две правды: Книга о Леониде Андрееве. Пб., 1914. С. 44).

В. Вересаев – «Ванька (рассказ приятеля)» (Журн. для всех, № 3).

А. Куприн – рассказы «Оборотень (Полесская легенда)», «Астры (Из женских писем)» (Од. Нов., 4, 13 марта).

В «Русском богатстве» (№№ 1–3) завершилась публикация статьи Н. К. Михайловского «О книге г. Бердяева с предислови-

ем г-на Струве и о себе самом» – развернутого полемического ответа на издание: Н. Бердяев, «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. С предисловием П. Струве», вышедшее в Петербурге 24–31 октября 1900 г.

В большой статье В. Шулятикова «О драмах г. Чехова» (Кур., 7, 12 марта) выражен взгляд на Чехова как «кровного сына восьмидесятых годов», которого не коснулся «перелом», пережитый интеллигенцией в середине девяностых годов и приведший снова к вере в закономерность социального прогресса <...>». Этим объясняется и форма чеховской драмы, в которой «развитие действия совершенно остановилось» и «каждый эпизод <...> – повторение, с небольшими вариациями, предыдущего эпизода <...>».

В статье «Тема нашего времени» (Н. Вр., 6 марта) В. Розанов поднимал вопрос об отношении христианства к природе как «плоти мира». Неверен, по его мнению, чистый спиритуализм, с презрением относящийся к телу, к «земле». Иное, подлинно христианское, отношение к природе, появившееся у Достоевского («клейкие листочки» и «мать-сыра земля»), стало началом новой школы религиозной мысли в России (например, у епископа Антония Храповицкого). Элементы «прекрасно-телесного христианства» заложены, по мнению Розанова, в этой религии изначально: «элин» и «иудей» чувствовали один – красоту, другой – теплоту плоти. Спиритуализм должен слиться с их «плотской мудростью».

На 25-летний юбилей «Нового времени» резко отрицательно откликнулся в «Мире искусства» (№ 2–3) Д. Бежаницкий: в художественной критике эта «значительнейшая русская газета» «высказала себя поразительно легкомысленной, невежественной и бездарной», «развитие всех... выдающихся представителей русского искусства, Репина, Верещагина, Антокольского – шло помимо» нее; в упрек «Новому времени» ставилось и отрицательное отношение к так называемому декадентству.

4 марта в Петербурге, на площади у Казанского собора, состоялась студенческая демонстрация с требованиями отмены ус-

танавливающих нормы распорядка в высших учебных заведениях «временных правил», решительно подавленная полицией и казаками. «Сейчас <...> пришел с демонстрации у Каз[анского] собора <...> Толпа – огромная, тысяч в 12–15. Демонстрантов – 2–3 т[ысячи], остальные – сочувствующая публика. Рассказывать – не могу, очень взволнован. Били нагайками в соборе и на паперти; говорят, двое убиты» (Из письма Горького Е. П. Пешковой от 4 марта. Т. 2. С. 117). 5 марта А. Н. Римский-Корсаков в письме В. Н. Оттенберг так описывал разгон демонстрации: «Когда перед собором студентами и рабочими были выброшены флаги, то <...> казаки и полиция бросились на толпу, и началась гнуснейшая бойня. Полиция действовала саблями, нагайками и палками. <...> При стычках многие были ранены и, по видимому, несколько убитых. <...> Число арестованных, кажется, доходит до 1500»» (Ежегодник на 2015 год. СПб., 2016. С. 394). Вечером того же дня было составлено письмо протеста, подписанное М. Горьким, Н. Г. Гариным-Михайловским; Д. Н. Маминым-Сибиряком, Н. К. Михайловским, Н. Ф. Анненским, В. А. Поссе, П. И. Вейнбергом и др. «Искра» писала по этому поводу: «Что общество не высшее возмущено до глубины души, доказывает письмо 45 литераторов (к которым потом присоединилось еще 34 писателя <...>) к редакторам русских газет и опубликованное в заграничных газетах. Русские газеты не решились, конечно, напечатать этого письма, и оно распространялось по рукам» (№ 3, апр.). Другую оценку «уличным беспорядкам» 4 марта (как «бесчинствам студентов») дал журн. «Церковный вестник» (№ 10, 8 марта). Еп. Алексей в майском номере «Православного собеседника» (Казань) выступил с «Увещанием по поводу бывших студенческих волнений и беспорядков»: призвал молодежь «опомниться» и вернуться ко Христу от «отщепенца» Л. Толстого и «полусумасшедшего философа» Ницше, не соблазнять народ недоверием к государственной власти и церкви <...>. Осуждающий взгляд на события 4 марта – в письмах А. В. Ельчанинова, студента историко-филологического факультета Петербургского университета, к П. А. Флоренскому: «Это даже преступно увлекать на демонстрации несмышленную толпу юношей и девушек, думающих, что у нас с этого года начинается революция» («Наше наследие», № 73, М., 2005, с. 100).

12 марта в результате протестных писем правительству против совершенных в день 4 марта над его членами (Н. Ф. Анненским, А. В. Пешехоновым и др.) насилиях «Союз взаимопомощи русских писателей (Союз писателей)» по распоряжению министра внутренних дел был закрыт («Искра», № 3, апр.). «Получаю письма из Питера и из Москвы, довольно зловещие, читаю с отвращением газеты», – писал Чехов О. Л. Книппер 18 марта (Т. 9. С. 231). Были высланы на два года с запрещением проживать в столицах, университетских городах, фабричных местностях В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский. К. Д. Бальмонт, написавшему под впечатлением событий 4 марта стихотворение «Маленький султан», направленное против самодержавия, и прочитавшему его 14 марта на литературном вечере в Городской думе, постановлением особого совещания от 7 мая было «воспрещено жительство в столицах, столичных губерниях и университетских городах сроком на три года» (Дун А. О двух стихотворениях, предназначенных для ленинской «Искры» // Русская литература. 1963. № 3. С. 161–163).

В первой половине марта Горький написал «фантазию» «Весенние мелодии» (ЛЖТ Горького. С. 306), распространявшуюся в гектографированных изданиях ввиду цензурного запрета на ее печатание. «В этой фантазии <...> характеризуются различные настроения в русском обществе в настоящую минуту, вызванные последними студенческими волнениями <...>» – говорилось в докладе цензора (ЛН. Т. 72. С. 88). В марте появилось и нелегальное гектографированное издание памфлета Горького «О писателе, который зазнался» (написанного осенью 1900 г.).

В дневниковой записи от 25 апреля Ф. Ф. Фидлер зафиксировал отголоски событий 4 марта: «Навестил <С. А.> Венгерова. Ровно неделю назад в его квартире, с семи часов утра до двух часов дня, шесть лиц производили обыск. Нашли целую кипу устаревших прокламаций, представляющих собой интерес лишь с культурно-исторической точки зрения. Кроме этого, ничего компрометирующего не обнаружено. Забрали, тем не менее, более пятисот писем, политически вполне безобидных, но чрезвычайно важных для самого Венгерова, поскольку они образуют фундамент для его “Словаря русских писателей” <...> Венгерова был заключен под домашний арест: в его квартире день и ночь

дежурил городской, которого он – с либеральным радушием – угощал, позволял ему спать на своем диване и давал чаевые <...> В последние дни проводились обыски и у других: Лесевича, Ватсон, Бальмонта, Калмыковой, Хирьякова, Вересаева (уволнен из больницы, где работал врачом, за то, что подписал обращение Союза к министрам*) и Пантелеева <...> Вне дома задержаны: Ангел Богданович, Мякотин, Владимир Поссе и в Нижнем – Горький. (Этот список я получил от Венгерова)» (Фидлер. С. 321–322).

Л. Толстой отозвался на события 4 марта обращением «Царю и его помощникам», в котором, обличая «грубые, отжившие», «несвойственные условиям жизни <...>» формы правления, писал: «недовольство существующим строем жизни не только растет, но все расширяется и захватило теперь уже миллионы людей рабочего народа, огромное большинство всего народа» (Т. 34. С. 240). Толстой требовал «уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами», отменить «правила усиленной охраны», уничтожить «все преграды к образованию» и «все стеснения религиозной свободы» (Там же. С. 241–243). Обращение, законченное 15 марта и направленное царю, одновременно распространялось в гектографических и рукописных копиях (опубликовано в Лондоне – «Листки свободного слова», № 20, в Женеве – «Свободная мысль», № 13).

20 марта «Русские ведомости» опубликовали телеграмму киевлян Толстому (около 1000 подписей), выразившую «горячую радость» по случаю выздоровления «величайшего и благороднейшего писателя наших дней». Кн. Мещерский в «Гражданине» (25 марта) возмущался тем, что «в Киеве, в древнейшей русской

* 9 марта «Союз взаимопомощи русских писателей» «уполномочил свой комитет подать министру внутренних дел заявление о совершенных в день 4 марта над членами Союза насилиях. То же заявление было подано министру юстиции с приложением просьбы об ускорении пересмотра законов о печати <...>». Авторы другого письма, подписанного 95 лицами (литераторами Вересаевым, Венгеровым, Рубакиным, Потапенко, Михайловским, академиками Бекетовым и Шахматовым, профессором Лесгафтом и др.), требовали отмены временных правил и «суда над виновными в избиении 4 марта» («Искра, № 4, май, разд. «Из нашей общественной жизни»).

святыне <...> тысячи молодцов считают себя вправе оглашать свою демонстративную выходку <...>».

23 марта Х. Н. Абрикосов писал А. Шкарвану: «Такого интереса ко Льву Николаевичу и всему от него исходящему никогда не бывало» (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 12. М., 1948. С. 420).

25 марта на передвижной выставке в Петербурге присутствовавшие устроили овацию перед картиной Репина «Толстой на молитве» и послали писателю приветственную телеграмму за 398 подписями. Картина была снята с выставки (Т. 73. С. 61–62; Рос., 26 марта). В. Г. Короленко комментировал эти факты: «Хотя и не совсем прямо, но это – русское общество отвечает на отлучение. И едва ли можно сомневаться, что в другом лагере это уже ставится на счет и, пожалуй, обдумываются меры посягательства на совесть русского “свободомыслящего” среднего круга <...>» (Дневник. 1898–1903. Т. IV. С. 238).

Иное мнение о деятельности Толстого после отлучения от церкви высказал В. Я. Брюсов в письме А. А. Шестеркиной от 7 июля: «Смертельно болен Лев Толстой. Ему пора умереть. Он пережил самого себя. Все надо было кончить “Воскресением”. А его теперешнее мелкое фрондерство, его игра на руку разным скудоумным революционерам его недостойны; точно так же, как и разные письма “Царю и его советникам”» (ЛН. Т. 85. С. 643). Обращена к простому народу проповедь о. Иоанна Кронштадтского: «Интеллигенция сошла <...> с прямого и твердого пути Христовых заповедей, <...> чему много помог <...> своим непризнанным проповедничеством – так называемый у интеллигенции колоссальный ум известного отрицателя, извратившего смысл Евангелия <...> Последователи его слишком беззастенчиво и открыто проявили свое безбожие и преклонение перед кумиром самозваного учителя, положивши в недавнее время множество венков пред его живописным портретом, и этим обнаружили, <...> кому поклоняются, – только не Богу» (Сергиев (Кронштадтский) И. И., прот. Против графа Л. Н. Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени и раскольников. СПб., 1902. С. 44).

23 (10) марта в Штутгарте вышел № 1 марксистского журнала «Заря» (вышло 4 книги). В № 1 – известная сатира на экономис-

тов «Гимн новейшего русского социалиста», написанная Л. Мартовым (за подписью – Нарцис Тупорылов).

1 марта Вл. И. Немирович-Данченко телеграфировал Чехову из Петербурга: «Сыграли “Трех сестер”, успех такой же, как в Москве. Публика интеллигентнее и отзывчивее московской. Играли чудесно, ни одна мелкая подробность не пропала. Первый акт – вызовы горячие. Второй и третий – подавленные. Последний – оvationные. Особенно восторженные отзывы Кони и Вейнберга. Даже Михайловский говорит о множестве талантливых перлов» (Немирович-Данченко Вл. И. Избранные письма: В 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 234). К. С. Станиславский, в свою очередь, отметил «успех небывалый и неожиданный» (Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1960. С. 205). Однако О. Л. Книппер жаловалась Чехову на «змеиное шипение» петербургской прессы и «отвратительное, оскорбительное отношение к нашему театру». Тем не менее в письме к Чехову от 5 марта она сообщала: «Нас только газеты ругают, а публика любит <...> В “Сестрах” меня похвалили зато, и даже вчера за обедом у писателей кто-то долго говорил и упомянул о прощании Маши с Вершининым, и вся зала – человек 150 – заплодировали мне. Я много наслушалась по поводу 4-го акта, плачут многие, когда говорят мне о нем» (Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: В 3 т. Т. 1. М., 1934. С. 323–325, 330–331, 345–347).

2 марта Чехов писал Н. П. Кондакову: «<...> Гауптман мне нравится, и я считаю его большим драматургом» (Т. 9. С. 213).

7 марта Чехов писал О. Л. Книппер о «громадном, отчаянном» успехе постановки «Трех сестер» в Киеве, а в письме к Г. М. Чехову замечал, что пьеса имеет успех при условии, «если есть три актрисы хорошие, молодые и если актеры умеют носить военное платье. Писана пьеса не для провинции» (Т. 9. С. 220, 222).

9 марта готовившийся к поприщу литературного критика К. Чуковский записал в юношеском дневнике: «Читал Белинского. Не люблю его статей. Они производят на меня впечатление

статей И. Иванова, Евг. Соловьева-Андреевича и проч<их> нынешних говорунов, которых я имею терпение дочитывать до третьей страницы»; из Белинского «создали <...> мифическую личность <...> Прочитал Ветринского: “Т. Грановский”. Не талантливо <...>» (Дневник: В 3 т. Т. 1. С. 30–31).

16 марта в письме к О. Л. Книппер Чехов сообщал: «Пишу теперь рассказ под названием “Архиерей” – на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать» (Т. 9. С. 230).

25 марта Чехов писал А. М. Федорову по поводу его пьесы «Старый дом», принятой к постановке Александринским театром в Петербурге: «<...> она мне очень понравилась и, по моему, будет иметь солидный успех. Вы талантливый человек, и это уже не должно подлежать ни малейшему сомнению» (Т. 9. С. 235).

29 марта (Великий Четверг) Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философов после совместной молитвы обменялись нательными крестами, преломили хлеб и пили вино: так окончательно возникло мистическое «троебратство», был «сделан первый шаг на пути, возврата с которого нет, остановка на котором – гибель» (Гиппиус З. О бывшем (1899–1914) // Дневник. Т. 1. С. 95–100).

Вышел отдельной книгой первый том исследования Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (СПб., изд. журн. «Мир искусства», тираж – 600; 2-е изд. – сентябрь, тираж – 1200). Авторы многих критических отзывов восставали против религиозно-философской концепции Мережковского, суть которой, по их мнению, сводилась к возрождению «славянофильской идеи о посланничестве Руси на современный лад с примесью всех самых свежих веяний и настроений во вкусе истинно русского декадентства» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 11; также: Серг. Печорин [С. А. Сафонов], Нов., 18 мая; Н. Коробка, Обр., № 11; К. Арсеньев, В. Евр., № 5; и др.). Так, например, К. Арсеньев подверг сомнению мысль Мережковского о «будущем русском и всемирном синтезе <...> тезиса (“религиозное

созерцание плоти” у Толстого) и *антитезиса* (“религиозное созерцание духа” у Достоевского)) («Новая форма старой мечты»). Рецензент «Русской мысли» писал: «В лежащей перед нами книге христианство, ничишианство и славянофильство сливаются в какой-то поток слов, звучных, красивых, полных воодушевления, но что именно их одушевляет, какой смысл скрывается в них, – дело темное» (Б. п. [П. Ф. Якубович], № 5, «Новые книги»). Свящ. М. Лисицын нашел, что обобщающая характеристика Толстого у Мережковского – «тайновидец плоти» (т. е. «плотность, душевность и совершенное отсутствие высшей духовности») – объясняет как его юношескую беллетристику, так и «старческие богословские противохристианские сомнения» («Миссионерское обозрение», сентябрь). Книга Мережковского обсуждалась в переписке студентов П. А. Флоренского и А. В. Ельчанинова; последний в письме к другу от 19 сентября критиковал «аргументацию» автора, которая «сильно хромает»: «почему он понимает, что именно России выпадет надолго синтезировать “плоть и дух”?» («Наше наследие», № 73, М., 2005, с. 106).

Вместе с тем, отвергая Мережковского-философа, ряд рецензентов отдавали должное его критическому дару «тонкого наблюдателя и аналитика» художественной формы, «чуткого и остроумного в своих сопоставлениях и выводах» (например, Северов [П. О. Морозов], Нов., 3 мая). Л. Шестов в «Мире искусства» (№ 8–9) в качестве достоинств книги отметил, во-первых, новый метод исследования, идущий от Ницше и состоящий в сведении творчества к «внутренним переживаниям» писателей, в результате чего возникает противоречие между их «действительными настроениями» и высказанными ими идеями; во-вторых, «добросовестность и солидную литературную подготовку автора»; в-третьих, высокий эстетический уровень («богатые образы, мягкий и колоритный язык»). Недостаток – в излишней «многогранности», не поддающейся синтезу «посредством единой идеи». В. Я. Брюсов в неопубликованном обзоре русской литературы за 1901 год назвал книгу Мережковского «явлением значительным», «год, в который она появилась, должен быть отмечен в истории литературы». Осмысляя Толстого и Достоевского как наиболее читаемых в наше время писателей, Мережковский «подходит к самым жгучим вопросам современной души», пока-

зывая, что «искусство обоих стоит в неразрывной связи с религией» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 283. Публ. С. П. Ильёва).

Вышла книга Е. Чирикова «Очерки и рассказы. Кн. 3» (изд. О. Поповой и А. Колпинского, СПб., тираж – 4000).

Вышла книга И. Рукавишников «Стихотворения и проза. Кн. 1» (СПб., тираж – 400).

А. С. Суворин, В. П. Буренин – «Медя: драма в 4 действиях в стихах и прозе» (СПб., тираж – 1000).

Вышла книга «Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера» (М., тираж – 800). Это издание было расценено как «замечательный вклад <...> в изучение народного поэтического творчества» (Т. [А. Н. Пыпин], В. Евр., № 6), разрушающий «укоренившийся предрассудок» о вымирании народной поэзии (Б. п., Р. Мысль, № 9).

В издательстве «Скорпион» (М., тираж – 2400) вышел первый русский перевод романа К. Гамсуна «Пан. Из записок лейтенанта Томаса Глана», сделанный с норвежского С. А. Поляковым, с предисловием К. Д. Бальмонта. «Мне не нравится Глан, – писал В. Я. Брюсов А. А. Шестеркиной 26 мая. – В нем отголоски романтизма, Байрона и нашего Лермонтова. Эта жизнь с природой <...> все это мы уже вкусили, извели и жаждем иного. <...> Сила романа не в лицах. Они исчезают, тонут <...> в жизни природы <...>» (ЛН. Т. 85. С. 633).

Вышел 1-й том (Поэмы, сказки) Собрания сочинений Э. По, в пер. с англ. К. Д. Бальмонта (М., кн-во «Скорпион», тираж – 1800). «Читаю бальмонтского Эдгара По, – писал В. Я. Брюсов А. А. Шестеркиной 3 апреля, – <...> он угадывал многое, и ум у него был как-то под особым углом заостренный, не как обычный клинок. Часто он сам восторгается нелепостями, но попутно дает откровения» (ЛН. Т. 85. С. 628). Рецензент «Русского богатства» возразил Бальмонту как автору предисловия: Э. По не был «вла-

стителем поколений», «этот эстетический фантаст, за которого так охотно цепляются теперь “имморалисты” всякого рода, был единственным в своем роде и замечательным *поэтом совести*». «В новом переводе, полном и художественном, сочинения По, несомненно, ждет новая волна читателей», которая «вычитает в них не только то, что видит в них г. Бальмонт» (Б. п. [П. Ф. Якубович], № 9, «Новые книги»).

Вышел сборник «Критические статьи о произведениях Максима Горького» (СПб., изд. С. Гринберга, тираж – 3600) со статьями Н. К. Михайловского, Л. Е. Оболенского, А. М. Скабичевского, В. Ф. Боцяновского, М. О. Меньшикова, И. Н. Игнатова, Н. Минского, Н. Л. Геккера, В. А. Поссе.

Вышла отдельным изданием работа Д. И. Абрамовича «Новый труд по русской библиографии. “А. В. Мезьер. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Ч. I. Русская словесность с XI по XVIII в. (СПб., 1899)”». (Отд. оттиск из «Известий отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. V [1900]. Кн. 4). (СПб., тираж – 120).

И. Е. Репин – «Воспоминания, статьи и письма из-за границы. Под ред. Н. Б. Северовой» (СПб., тираж – 2400).

В статье «Успехи нашей скульптуры» (Мир Иск., № 2–3, «Библиография») В. Розанов писал о том, что если прежде русское «искусство ваяния» могло похвалиться лишь Гинцбургом и Антокольским, мастером аллегорий, в которых отсутствует «все индивидуально-частное», то выставка журн. «Мир искусства» обогатила его новыми именами: П. Трубецкого и Голубкиной, которые дают «восхитительные частности и подробности» русской жизни. Памятник Александру III работы П. Трубецкого «станет рядом со знаменитым монументом Фальконе» по напряженности внутреннего содержания, выразившего «ту историческую “заминку”», которая произошла после 1 марта 1881 г. (убийства Александра II).

Вышел литературный сборник «На славном посту (1860–1900)» (СПб., тираж – 3000), посвященный 40-летию деятельности Н. К. Михайловского, со статьями Н. Ф. Анненского, П. Н. Милюкова, В. Мякотина, А. Пешехонова, В. Семевского, С. Южакова и др., среди художественных произведений – рассказ В. Г. Короленко «Мгновение». В либеральных изданиях появляются положительные отзывы на книгу. Горький посвятил специальную рецензию помещенной здесь статье Н. Рубакина «Размагниченный интеллигент», в которой нашел «замечательно меткую характеристику духовной смерти» «мещанского» интеллигента («О “размагниченном” интеллигенте», Н. Л., 30 марта).

2 (15) апреля В. И. Ленин писал Г. В. Плеханову: «Получил сборник “На славном посту”, посвященный Михайловскому. Необходимо во второй книжке “Зари” разнести <...> Это будет реванш против Михайловского» (Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 46. М., 1975. С. 93). Рецензий на сборник в «Заре» и «Искре» не было.

М. О. Меньшиков – «Думы о счастье (Семья. Народ. Природа и проч.)». Изд. 2-е (СПб., тираж – 1200).

Вышла книга Макса Нордау «Политическая равноправность евреев» (Звенигородка, тираж – 2000).

А п р е л ь

М. Горький – «Песня о Буревестнике» («Жизнь», № 4); «Трое» («Жизнь», 1900, №№ 11, 12; 1901, №№ 1–4).

После выхода 4-й книги журнал «Жизнь» был приостановлен, ряд его сотрудников вместе с редактором В. Поссе арестованы, ввиду чего в журнальной публикации роман «Трое» остался неоконченным.

По поводу публикации «Песни о Буревестнике», заключительной части «Весенних мелодий», цензор доносил: «В апрельской книжке “Жизни” предназначался к напечатанию рассказ Пешкова “Весна” [“Весенние мелодии”] <...> Самый рассказ был запрещен цензурой, но отдельно “Песнь о Буревестнике” напе-

чатана <...> Означенное стихотворение произвело сильное впечатление в литературных кружках известного направления, причем самого Горького стали называть не только буревестником, но и “буреглашатаем”*, так как он не только возвещает о грядущей буре, но зовет бурю за собою» (Революционный путь Горького. М.; Л., 1933. С. 49–51). 6 мая В. Э. Мейерхольд писал А. Н. Тихонову [Сереброву], имея в виду трудности студенческого движения: «Неужели море теряет в Ваших глазах обаяние и силу, раз оно знакомо с часами затишья?! “Пусть сильнее грянет буря”, и море зашумит <...> Читали апрельскую книжку “Жизни”, читали “Буревестник” Горького?» (Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С. 31). В «Русском богатстве» В. Г. Подарский [Н. С. Русанов] восторженно отзывался о «великолепных белых стихах, воспевающих <...> радость сильной и вольной птицы перед грозой», и сожалел, что отсутствует начало этой «грациозной фантазии <...> Скоро ли появится она целиком?» (№ 7).

«Трое» в процессе их печатания вызвали значительно больше откликов. Ч. Ветринский [В. Е. Чешихин] назвал повесть «захватывающей былью», привлекающей «беспощадной правдой»; в «Троих» изображен «процесс, которым формируются <...> протестанты <...>» (Н. Л., 8 марта). И. [И. Н. Игнатов] увидел новизну произведения в углубившихся раздумьях писателя «над жизнью, над человеческими отношениями», а недостатки ее – в менее яркой, чем в прежних вещах, «художественной образности» (Р. Вед., 20 апр.). Новой повести, в отличие от рассказов, «недостает стройности, единства и истинно художественной сжатости» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 20 февр.). Слово-Глаголь [С. С. Гусев] остался недоволен героями произведения – «удивительными и ненужными»; тот же герой, «который, казалось бы, всего более стоит внимания [Павел Грачев], исчезает где-то в тени <...>» (Од. Нов., 18 марта). «Новое время» (17 февр.) обозвало повесть литературным «атавизмом» (Книгоноша, «Модная беллетристика»). 22 апреля М. В. Нестеров писал А. А. Турыги-

* Так назвал Горького Л. Андреев в письме к нему от 25 марта, перлюстрированном полицией (ЛН. Т. 72. С. 86–87). Действительно, 25 марта Л. Н. Андреев писал Горькому: «Вы не только сообщаете о грядущей буре: вы бурю зовете за собой» (ЛН. Т. 72. С. 78).

ну: «Читал ли ты Горького “Трое”? Прочти, размашисто <...> пишет – ярко! хотя, быть может, несколько и грубо. Меня занимают всякие “критики” на него. Я думаю, что эти господа со злости лопаются, говоря о “подноготной”, а о таланте-то и забывают!» (Нестеров М. В. Письма. Избранное. Л., 1988. С. 192). 3 марта Чехов писал В. А. Поссе: «“Трое” Горького в январск[ой] книжке мне чрезвычайно понравились по тону письма. Девки неверны, таких нет, и разговоров таких никогда не бывает, но все же приятно читать. В декабрьск[ой] книжке мне не так понравилось, чувствовалось напряжение. И напрасно Горький с таким серьезным лицом творит (не пишет, а именно творит), надо бы полегче, немножечко бы свысока» (Т. 9. С. 215). А 18 марта – в письме к самому автору: «Ваши “Трое” читаю с большим удовольствием – имейте сие в виду – с громадным удовольствием» (Там же. С. 231).

Ив. Бунин – рассказы «Туман» и «Новая дорога» («Жизнь», № 4). О рассказе «Новая дорога» В. Шулятиков писал, что бунинский интеллигент здесь «в растерянности перед процессом реальной жизни <...> в страхе перед нею и в тоске одиночества» (Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1905. С. 639; также: Ч. Ветринский [В. Е. Чешихин], Н. Л., 27 мая). П. Якубович увидел в рассказе только позицию созерцателя жизни (Р. Бог., 1902, № 7).

3. Гиппиус – повесть «Слишком ранние (из переписки декадентов)» (Еж. Соч., № 4) с эпитафией из Д. С. Мережковского: «Слишком ранние предтечи слишком медленной весны». Критический взгляд на ранних декадентов в духе религиозной философии Мережковского.

Леонид Андреев – рассказ «Гостинец» (Кур., 1 апр.).

А. Куприн – рассказ «Таинственный незнакомец» (Од. Нов., 1 апр.)^{*}.

^{*} Под названием «По заказу» вошел в 8-й том Полн. собр. соч. А. И. Куприна (СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1912).

К. М. Станюкович – рассказ «Утро» (Р. Бог., № 4).

Скиталец – рассказ «Ранняя обедня» (Журн. для всех, № 4).

4 апреля Л. Толстой закончил публицистический «Ответ Синоду», в котором, опровергая обвинения в «подстрекательстве к дурным чувствам и поступкам», вновь утверждал: «учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения», а также отрицал божественность Иисуса Христа (Т. 34. С. 247). Вскоре новое выступление было опубликовано в Лондоне («Листки свободного слова», № 22), а в списках начало распространяться и в России.

15 апреля Короленко записал в дневнике по поводу толстовского «Ответа Синоду»: «Вторая часть, в которой Толстой излагает положительную часть своего учения, производит впечатление гораздо более слабое: это схема, как бы проповедь о необходимости любви, как основы религии. Но здесь нет живого ощущения любви и нет поэзии – двух необходимых элементов истинной религии <...> это исповедание веры никого увлечь не может <...> Толстой нетерпим, потому что считает себя обладателем абсолютной истины. Между тем она – только в бесконечности <...>» (Дневник. 1898–1903. Т. IV. С. 249–250). 30 апреля (12 мая) М. А. Волошин писал матери из Парижа: «Третьего дня я был на митинге французских писателей для выражения протеста против русских безобразий. Хотя Анатоля Франса и не было, но было страшно интересно. Прекрасную речь сказал поэт-анархист Тальяд <...> Затем вся толпа с пением Карманьолы и криками “Vive Tolstoi!” пошла устраивать демонстрацию к русскому посольству <...> Посылаю вам вырезки из “L’Aurore” и “Petite Republique” за последние два дня. Уже по этому количеству вы можете судить, как много пишут теперь о России. “Мы провозглашаем не союз двух правительств, а союз двух революций!”, – повторяли на разные лады ораторы <...> теперешнее сочувствие французских intellectuels показывает, что существует действительно духовный союз, о котором едва ли можно было предполагать» (Т. 8. С. 521–522). 29 мая А. С. Суворин сделал дневниковую запись: «Два царя у нас: Николай второй и Лев

Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходуется в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджигает хвост <...> Новое время настанет, и оно себя покажет» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстологич. расшифровка Н. А. Роскиной; подгот. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. М., 1999. С. 417–418).

В последнем № (4) журн. «Жизнь» напечатана статья Андреевича [Е. А. Соловьева] «О Нитче». «Как всякая индивидуалистическая система <...> система Нитче ничего положительного» – в смысле общественной платформы – «не дает»; ей присущи «отталкивающие» стороны, которые нельзя ни «затушевать», ни «извинить»; она проникнута «полным отвращением к демократическим веяниям эпохи». Тем не менее, по мысли Андреевича, Ницше велик своим «гордым вызовом» «буржуазно-материальному строю» и его «господствующему принципу – человек есть не цель, а средство» – и своей проповедью «личного могучего творчества».

Известный журналист Слово-Глаголь [С. С. Гусев] писал 1 апреля в «Одесских новостях»: «Недавно я в одной из газет читал описание общежития петербургских медичек <...> На столике у девицы стоит портрет. В 60-х годах это был бы портрет Чернышевского или Писарева, в 70-х – Успенского или Короленки, в 80–90-х – Чехова <...> Теперь из рамки выглядывает Максим Горький. Это очень многозначительно <...>». 6 апреля студент-революционер Б. В. Морковин, высланный в Нижний Новгород, писал в Москву: «Из Горького вырабатывается теперь общественный деятель новой, молодой России» (Горьковские чтения. М., 1968. С. 103).

В «Гражданине» (8 апр.) – статья Серенького [И. И. Колышко] «Мстящий талант», обвиняющая Чехова в «безнадежно-мстительно-зловонном отношении к жизни». В том же духе напи-

сана и статья нововременского критика «Толстой – Чехов – Горький» (К – и – н, Н. Вр., 20 апр.). Толстой создал «великолепную стихийную картину жизни», которая в то же время «в философском смысле, в итоге – ничто»; Чехов – «крайний, окончательный вывод» из толстовского пессимизма; Чехов «произвел» Горького, который «в нужную минуту вместо страдательных героев дал действующих», оказавшихся не чем иным, как «скандалистами, притом из подонков общества<...>».

В мартовско-апрельской книжке журн. «Вопросы философии и психологии» (кн. II (57)) напечатана большая статья Владимира Вагнера «Ренан и Ницше. О звере в человеке». Рецензент «Богословского вестника» (1902, янв.) полемически заметил, что более совершенный человеческий тип эволюционно разовьется из «нормального человека» благодаря улучшению жизненных условий и не имеет ничего общего со «сверхчеловеком» Ренана и Ницше.

В ночь с 16 на 17 апреля в Нижнем Новгороде арестованы за революционную деятельность Горький и Скиталец и заключены в нижегородскую тюрьму.

В апреле А. И. Куприн находился в Ялте, снимая комнату в неудобном для писательской работы месте. Чехов настоял на том, чтобы Куприн «непрерывно приходил к нему с утра и занимался у него внизу, рядом со столовой. “Вы будете внизу писать, а я вверху, – говорил он со своей очаровательной улыбкой. – И обедать будете также у меня. А когда кончите, непременно прочтите мне, или, если уедете, пришлите хотя бы в корректуру”» (Куприн А. И. Памяти Чехова // Куприн А. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 2007. С. 386).

Вышла первая книга альманаха «Северные цветы на 1901 год» (М., «Скорпион», тираж – 3025). Во введении говорилось: «Возобновляя после семидесятилетнего перерыва альманах Северные цветы <...> мы надеемся сохранить и его предания*. Мы

* Имеется в виду издававшийся А. А. Дельвигом альманах «Северные цветы» (1825–1831), в котором печатались А. С. Пушкин и поэты пушкинской плеяды.

желали бы стать вне существующих литературных партий, принимая в свой сборник все, где есть поэзия, к какой бы школе ни принадлежал их автор <...>». Составитель альманаха В. Я. Брюсов записал в дневнике за февраль-март: «Все “видные” литераторы давали вещи отвергнутые или запрещенные» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 119). Альманах поделен на три отдела: «Драмы и рассказы» (драма «Святая кровь» З. Гиппиус, рассказы «Ночью» А. П. Чехова, «Поздней ночью» И. А. Бунина, «Умный и глупый» Марка Криницкого [М. В. Самыгина], «Капли» Ю. Балтрушайтиса); «Стихи» (А. Фета, К. Павловой, А. Добролюбова, К. Фофанова, К. Случевского, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, М. Лохвицкой, Вл. Гиппиуса, П. Перцова, А. Курсинского, А. Федорова, И. Коневского, Ю. Балтрушайтиса, В. Брюсова и др.); «Письма, мемуары, статьи» (письма и записки А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета, Вл. Соловьева, мемуары и письмо кн. А. И. Урусова, заметки «На полях непрочитанной книги» В. Розанова – о религиозном значении пола, статьи И. Коневского и В. Брюсова). 20 июля в обзоре русской литературы в английском журн. «Athenaeum» Брюсов отметил, что «выход <...> альманаха <...> вызвал большую сенсацию. В нем впервые объединились в группе все те, кто деятельно выступал с позиций новой школы в русской поэзии; наиболее трезвые представители старшего поколения подают руку младшим, которые являются величайшими новаторами» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 291–292. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильева). В неопубликованном обзоре «Русская литература в 1901 году» Брюсов развил свою мысль: в «Северных цветах» «все молодые русские поэты» «впервые, как сознательное целое, <...> противопоставили себя и свои заветы отживающим течением» (Там же. С. 285. Публ. С. П. Ильёва). Кроме рассказов Чехова и Бунина, стихов ряда авторов, а также отдельных историко-литературных публикаций, в альманахе господствовали произведения модернистов. В статьях Ивана Коневского «Об отпевании новой русской поэзии» и Валерия Брюсова «Истины» устои «новой поэзии» провозглашались в демонстративной форме: «цель творчества не общение, а только самоудовлетворение и самопостижение. И слово первоначально создано не для общения между людьми, а для уяснения себе

своей мысли <...> По содержанию не может быть достойных и недостойных произведений искусства, они различаются только по форме <...> Нет низменных чувствований, и нет ложных. Что во мне есть, то истинно. Не человек мера вещей, а мгновение. Истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, в это мгновение» (Брюсов). Коневской в резких выражениях («круглое невежество», «необдуманное суждение», «разнузданная беспечность») возражал на критику новых поэтов: Брюсова, А. Добролюбова, Бальмонта, Ф. Сологуба и др. – за отсутствие мысли, импрессионизм и настроение «смертной скуки» со стороны З. Гиппиус (Мир Иск., 1900, № 17–18): главное в поэзии, по мнению Коневского, личность художника и его воображение, «из нынешних поэтов каждый является вполне поэтом своей вечной природы, <...> если каждый из них в каждый миг весь распускается в своих мгновенных образах». 21 апреля Коневской писал Брюсову: «Рад был встретить в “Истинах” местами полное единомыслие со мной <...>» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 530). В письме к Коневскому от 18 февраля Брюсов выражал общее мнение П. П. Перцова и Мережковских о статье «Об отпевании...», прочтенной ими в рукописи: «Язык косноязычен, мысль – безумна, но сила и меткость исключительна»; 2 марта в письме к тому же адресату Брюсов отозвался о рассказе Чехова: «очень хорош и очень неожиданен» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 525, 527). Удивляясь появлению в «Северных цветах» письма А. И. Урусова с резкими оценками Бальмонта, А. Добролюбова, Брюсова и остро критической по отношению к З. Гиппиус статьи Коневского, рецензент «Русского богатства» предположил, что «в недрах русского декадентства идёт какая-то глухая борьба и нелады» (Б. п. [П. Ф. Якубович], № 5).

Сборник был встречен множеством откликов, в которых преобладали такие аттестации: «безобразное гримасничанье» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 6); «кривляния и кувыркания наших декадентов, “скорпионье” творчество» (Б. п., Р. Мысль, № 11); «жалкий, претенциозный бред» (Б. п. [П. Ф. Якубович], Р. Бог., № 5); «стихотворствующие Поприщины» (Old Gentleman [А. В. Амфитеатров], Рос., 25 июня); «вымученные, бескровные и <...> ненужные произведения», звучащие как «расстроенный музыкальный инструмент» (А. Н., Мир Иск., № 5); Е. Андрич

[Е. А. Соловьев] писал, что статья Брюсова «Истины» не имеет никакой ценности, так как в ней господствует «скорпионовский принцип: “живу для себя”, “пишу для себя”» (Науч. Обзор., № 8). Иную позицию занял рецензент «Ежемесячных сочинений» (№ 6), полагавший, что «искаженность» «следовало бы отделить от декадентства», представляющего собой «некоторый новый мотив мирового настроения». Сочувственный, хотя и с рядом оговорок, отзыв Якова Эрлиха помещен в «Мире искусства»: «Подробно ни о ком говорить не буду. Вместе – я всех их принимаю <...> Иные уже ждут внимательного и точного слова о себе и деле своем, другие заставят рано ли, поздно ли говорить о себе <...>» (№ 5). Неодинаково оценивая рассказ Чехова «Ночь», многие недоумевали по поводу участия писателя в декадентском сборнике (например, Яго, Р. Сл., 26 апр.). Рассказ «Ночь», переделанный из раннего рассказа «В море» (журн. «Мирской толк», 1883, № 40), Чехов дал в «Северные цветы» по просьбе Бунина, уже в процессе издания альманаха, и позднее сожалел об этом. 14 марта он писал Бунину: «От “Скорпиона” получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует “Скорпион” о своей книге тоже неряшливо, выставя меня первым – и я, прочитав это объявление в “Русск[их] ведом[остях]”, дал себе клятву больше уже никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами». А в письме к тому же адресату от 20 апреля восклицал: «Зачем Вы ввели меня в эту компанию, милый Иван Алексеевич? Зачем? Зачем?» (Т. 9. С. 228. Т. 10. С. 13). 30 апреля Бунин отвечал Чехову: «Альманах вышел дурацкий, но мог ли я предположить, что “Скорпионы” поступят так по-мальчишески, составят его чуть ли не из пародий и будут даже объявления составлять нелепо» (Письма. С. 372). Сам он тоже больше не печатался в «Северных цветах». В. Буренин оценил бунинский рассказ «Поздней ночью» как «совершенно <...> школьное упражнение великовозрастного гимназиста <...>» (Н. Вр., 27 апр.). Назвав «Северные цветы» в целом прибежищем «декадентствующих оргиастов», А. Измайлов сделал, однако, два исключения: «Известная часть сборника “Скорпиона” свободна от преобладающего его направления. Сюда относятся наброски А. Чехова и И. Бунина <...> Небольшой, в пять страниц,

рассказ Чехова “Ночью” выписан с обычным мастерством автора, но было бы грустно, если бы он намечал новый наклон творчества талантливого художника. Это – рассказ для холостой компании <...> во вкусе <...> Мопассана» (Бирж. Вед., 26 мая).

А. В. Гиппиус в письме к Блоку от 24 апреля отозвался о «Северных цветах»: «<...> очень неудачно. Чеховский рассказ любопытен, безнадежен по настроению и напоминает чужеземные образцы. Кое-что из стихов, “Святая кровь” – Зинаиды Гиппиус, а то пель-мель, как говорят французы». 7 мая Блок ответил Гиппиусу: «Читаю “Северные цветы”, нахожу в них много хорошего и интересного». Позже Блок писал в дневнике о важности для себя этой книги: «А. В. Гиппиус показал мне в эту весну только что вышедшие первые “Северные цветы” “Скорпиона”, которые я купил, и Брюсов (особенно) окрасился для меня в тот же цвет, так что в следующее затем “мистическое лето” эта книга играла также особую роль» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 423–424, 426–427).

Первоначально в «Северных цветах» планировал напечататься Горький, однако уже 12 января в письме к Брюсову, отказываясь от участия в альманахе, писал: «Ваш первый альманах выйдет без меня. Искренно говорю – мне это обидно <...> потому, что вы в литературе – отверженные и (вы)ходить с вами мне приличествует <...>». В феврале в письме к тому же адресату Горький признавался: «Вы мне страшно нравитесь, <...> в лице вашем есть что-то крепкое, твердое, какая-то глубокая мысль и вера» (Т. 2. С. 92, 109). Брюсов отвечал Горькому в феврале: «Меня тревожат не частные случаи, <...> а весь строй нашей жизни <...> его я ненавижу, ненавижу, презираю!» (ЛН. Т. 27–28. С. 642).

Вышла книга П. Я. [П. Ф. Якубовича] «Стихотворения, том второй (1898–1901)» (изд. ред. журн. «Русское богатство», СПб., тираж – 2000). «Скромный поэт, мало оригинальный <...> но какая глубина и задушевность чувства!.. Перед нами человек 70-х годов, несмотря на тяжелые испытания, не разуверившийся ни в одном из идеалов того времени» (Е. Андр-ич [Е. А. Соловьев], Науч. Обзор., № 8); «Действительности <...> тех годов, которыми помечены стихотворения, не ищите» (А. Липовский, Лит.

Вестн., № 5). Появляется ряд отзывов на переводы из Бодлера, занимающие большую часть книги.

Вышла книга А. Голенищева-Кутузова «Стихотворения (1894–1901)» (СПб., тираж – 1000). 20 июля в обзоре русской литературы за 1900–1901 гг. в английском журн. «Athenaeum» В. Я. Брюсов отмечал, что хотя в формальном отношении поэт «остается верен традициям Пушкина», «по содержанию своих стихотворений он весьма далек от энергичной поэзии Пушкина» и известен «как поэт буддийских созданий. Наилучшие его произведения посвящены смерти, тому спокойствию, тому высочайшему ясновидению, которое она вызывает. В поэме “На берегу”, завершающей том, он изображает <...> любовную интригу на фоне роскошной природы Крыма»: «перед лицом вечности» любовь героя и «вся пестрота суетной человеческой жизни предстают <...> во всем <...> ничтожестве» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 288. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва). По мнению Д. Михайлова, «задушевная, мягкая, чрезвычайно незлобивая, спокойная муза поэта влечет его в иные сферы жизни, – туда, где полный простор свободному созерцанию и самоуглублению», где «слышится, чудится, видится, мерещится все неуловимое, тонкое, таинственное»; этот «призыв “к неведомой и милой стороне” и есть <...> тот символизм, который таким сильным потоком пробежал по современной русской и западноевропейской поэзии» (Михайлов Д. Очерки русской поэзии XIX века. Тифлис, 1904. С. 535, 541). С. А. Венгеров отметил, что «изящная, спокойная, не знающая мятежных исканий муза Голенищева-Кутузова до такой степени чужда злобы дня, что без биографических дат трудно было бы определить, к какому времени относится его деятельность. Он поэт интимных настроений по преимуществу, певец красот природы и стремления к беспечальному успокоению. Самый стих его, ровный и пластичный, исключает всякие порывы и дышит эпическим бесстрастием» (Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 142).

В. В. Розанов – «Религия и культура. Сборник статей». Изд. 2-е (СПб., тираж – 600).

Вышли книги В. В. Ярмонкина «Письма идеалиста. Девятое письмо», «Письма идеалиста. Письмо 10-е», посвященные Л. Н. Толстому (СПб., тираж – по 2500), где Толстой аттестовался как «школьник и юридивый», своей известностью в качестве религиозного мыслителя и моралиста обязанный только своей прежней писательской славе; в своем учении он несамостоятелен. В «Церковном вестнике» А. Бронзов с удовлетворением отметил, что «среди светской публики, в значительной своей части преклоняющейся пред графом, нашелся человек <...>, который спокойно и сознательно отнесся к кумиру <...> и оценил его <...> вполне самостоятельно» (№ 23, 7 июня).

М а й

В. В. Вересаев – «Записки врача» (Мир Б., №№ 1–5). Произведение Вересаева стало литературным событием года. Интерес к повести, возникший уже с начальными главами ее, резко возрастал по мере публикации «Записок врача» в журнале. Критика расценила ее как «выдающееся событие» (Н. Геккер, Од. Нов., 6 марта), «замечательное и исключительное явление не только в русской, но и в европейской литературе» (Л. –ев [Л. Н. Андреев], Кур., 6 дек.). «В свое время совлечено немало покровов с различных сословий <...> благодаря Помяловским, Салтыковым и многим из их собратий <...> Но врачебное сословие до сих пор <...> еще не нашло своего бытописателя <...> Заслуга В. Вересаева – в том, что в известной полноте он первый исчерпал предмет <...> и с исключительной искренностью оттенил порою безысходно мрачные стороны постановки у нас врачебного дела» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 10 мая). Но не только профессиональными проблемами привлекло это произведение, а главным образом «общими вопросами, которые им затронуты» (Северов [П. О. Морозов]. Нов., 17 мая), «общим широким и социально здоровым мировоззрением», видящим освобождение отдельной личности в радикальном изменении условий всей жизни общества (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., № 7), пафосом общественной деятельности (А. М., «Донская речь», 21 апр.; М. И., Р. Сл., 29 мая). По мнению В. Я. Брюсова, в обзоре рус-

ской литературы, напечатанном 20 июля в английском журн. «Athenaeum», «в “Записках врача” Вересаев беспощадно и иногда с большой художественной силой изобразил те ошибки, которые в начале своей деятельности неминуемо допускает хирург и которые зачастую приводят пациентов к смерти» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 291. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва). В течение года книга Вересаева вышла двумя отдельными изданиями (в июле и ноябре). «Успех “Записок” был небывалый. Одно издание за другим расхватывалось моментально. Общей прессой <...> книга была встречена восторженно <...> Врачебная печать дружно встретила книгу мою в штывки. Поразительно было то озлобление, с каким писали о ней <...> В конце ноября 1901 года (29 ноября. – Ред.) на годовом собрании петербургского Медико-хирургического общества выступил председатель общества, лейб-хирург профессор Н. А. Вельяминов <...> Профессор решительно заявлял, что все мои утверждения лживы <...> Самого меня профессор охарактеризовал как “дикаря” <...> носящего в себе все признаки вырождения. Речь эта была ведром бензина, выплеснутым на пылавший костер. Шум поднялся невообразимый <...> В юмористических журналах изображался Вересаев, в которого летят со всех сторон чернильницы, клистирные трубки, ланцеты, калоши <...> Кипели всюду споры за и против» (Вересаев В. Воспоминания. М.; Л., 1946. С. 502–504). Знаменитый физиолог И. П. Павлов вспоминал, что «с первого дня выхода этой книги он занес ее в число самых правдивых произведений литературы о русских врачах» (Бусырев А. Вспоминая Вересаева... // «Нева». 1967. № 1. С. 217).

В «Мире искусства» (№ 5) опубликованы новые стихотворения Д. Мережковского, Ф. Сологуба, Н. Минского, З. Гиппиус («Электричество») и др. Одно из стихотворений К. Бальмонта, вызвавшее множество иронических откликов, начиналось словами:

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи;
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны...

В «Мире искусства» – спор о поэзии, начатый статьей С. Андреевского «Вырождение рифмы (Заметки о современной поэзии)». Ее тезис: современная эпоха отмечена упадком поэзии. «Победы в области естествознания» середины XIX в. разрушили цельное поэтическое мирозерцание, нанесли «ошеломляющий удар» «мечте человеческой». Поэзия в конечном счете возродится, но в каких-то совсем других формах; может быть, «черновыми набросками» к этому являются «курьезные пробы декадентов» (№ 5). В «Ответе г. Андреевскому» Валерий Брюсов протестовал против объяснений упадка поэзии успехами науки: «<...> чем количество сведений может мешать цельности мирозерцания? <...> разве не басня, будто мысль враждует со стихом?» Напротив, поэзия «вступает на высшую ступень развития», что связано, по мысли Брюсова, с созданием «нового, свободного стиха», который сможет выразить «малейшие переходы настроения», «оттенки мысли». «Новое искусство <...> знаменует не одну только смену литературных школ, а новый момент во всей духовной жизни человечества», в связи с чем «значение стиха», лирики только возрастет (Мир Иск., № 5). Однако спустя некоторое время, 3 июля в письме к А. А. Шестеркиной Брюсов признал свой «Ответ...» в «Мире искусства» «бледностью» и «общностью» (ЛН. Т. 85. С. 643), а 18–20 июля писал К. Д. Бальмонту: «Статья моя в “Мире искусства” и правда не хороша» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 115). Вопросы, поднятые в «Мире искусства», вызвали широкое обсуждение. А. Измайлов считал неосновательными пессимистические прогнозы относительно поэзии, но вместе с тем отказывался разделить «преувеличенные и слишком претенциозные чаяния» Брюсова, связанные со свободным стихом, «метрической разнузданностью, образцы которой <...> предложили нам первенцы декадентства»; «будущее принадлежит тому же <...> пушкинскому стиху, который <...> царственно разнообразен и положительно неистошим» (Бирж. Вед., 1 и 3 июля). «Лирическая поэзия не только не отживает, но <...> все больше растет по своему значению», – утверждал В. Саводник в большой статье «Современная русская лирика». – Это вызвано особенностями «переживаемой нами эпохи», состоящими в том, что «никогда еще личность не достигала такого развития <...>»

(Р. Вест., №№ 8–9). Полемику в «Мире искусства» продолжил Рцы [И. Ф. Романов]: «Наличность т. н. *декадентской* поэзии говорит скорее в пользу <...> возрождения рифм», чем против, так как она «живой символ <...> *искания*» «новых форм», «нового настроения», «нового содержания» (№ 8–9). Н. К. Михайловский нашел у Андреевского «меткие оценки и верные отдельные замечания» о поэзии К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, Н. Минского и др. (Р. Бог., № 9).

Граф Алексис Жасминов [В. П. Буренин] – фельетон «Новый талант, а может быть и гений» (Н. Вр., 4 мая) с посвящением «гг. Бальмонту, Брюсову и Добролюбову», в котором были также стихотворные пародии на декадентскую поэзию. А. В. Гиппиус 4 мая писал Блоку: «Буренин сегодня забавен – в стихах, а не в прозе конечно». Блок ответил 7 мая: «Что касается Буренинских стихов, то мне они очень понравились; местами и проза недурна» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 425–426).

В «Курьере» (28 мая) В. Шулятиков изложил свою концепцию «новейшего реализма», который представляет, по его мнению, дальнейшую стадию развития «психологического реализма» «восьмидесятников», сосредоточенного «не на фактах экономической борьбы за существование», а на «передаче душевных движений и настроений». У истоков этого реализма – Короленко и Чехов; среди наиболее видных его представителей – Горький, Бунин, Л. Андреев.

В «Миссионерском обозрении» (май) помешены «Открытые письма графу и графине Толстым» прот. Александра Иванова и Православного, в которых перечислялись «плоды учения Льва Николаевича»: неверие, материализм, пессимизм, оскорбление нравственного чувства верующих. Поддерживая «Определение Св. Синода», авторы советовали Толстому «побеседовать» с о. Иоанном Кронштадтским.

4 мая Чехов писал из Ялты М. О. Меньшикову: «Поговорим насчет Вашего водворения в “Новом времени”, пока же скажу только, что там, т. е. в “Новом времени”, только один Суворин литературен и иногда даже порядочен, все же остальное это арес-

тантские роты, которые выживут или, вернее, выжмут Вас из своей среды, если Вы окажетесь неподходящим» (Т. 10. С. 20).

25 мая в Москве состоялось венчание Чехова и О. Л. Книппер.

6 мая Л. Толстой обратился к товарищу министра внутренних дел П. Д. Святополку-Мирскому с ходатайством о Горьком, «чтобы его, больного, чахоточного, не убивали до суда и без суда содержанием в ужасном, как мне говорят, по антигигиеническим условиям нижегородском остроге. Я лично знаю и люблю Горького не только как даровитого, ценимого и в Европе писателя, но и как умного, доброго и симпатичного человека» (Т. 73. С. 70). С таким же письмом он обратился и к принцу П. А. Ольденбургскому. 10 (23) мая М. А. Волошин писал из Парижа матери: «<...> Горький имеет теперь громадный успех в Париже и на всех французских митингах протеста его имя всегда упоминается рядом с именем Толстого. А его арестом здесь возмущаются, право, кажется, больше, чем в России» (Т. 8. С. 530).

17 мая, после медицинского освидетельствования, Горького освободили из тюрьмы, которая была заменена домашним арестом (ЛЖТ Горького. С. 322).

11 мая Толстой записал в дневнике о Горьком: «Мы все знаем, что босяки – люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличены, но мы все прощаем за то, что он расширил нашу любовь» (Т. 54. С. 98).

3–10 (16–23) мая М. А. Волошин в письме к И. П. Ювачеву из Парижа делился впечатлениями от прочитанных в «Мире искусства» частей исследования Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия»: «Мережковский страшно глубоко захватывает и страшно широко. <...> Еще немного, и я его сопричислю в сердце моем к лику великих русских писателей» (Т. 8. С. 525). В письме к матери от 10 (23) мая добавил: «<...> это самое глубокое, что было написано о Толстом и Достоевском» (Т. 8. С. 531).

16 (29) мая в письме к матери из Парижа М. А. Волошин передал высказанное в беседе мнение проф. Е. В. Аничкова: «<...>

теперь во главе всего революционного движения <...> фактически стоит исполинская фигура Толстого, которую даже русское правительство не смеет тронуть», – и выразил собственные мысли: «я с этим глубоко согласен. Мне представляется, как какой-нибудь историк уже совершившей<ся> и прошедшей в то время вдаль русской революции будет отыскивать ее причины, симптомы и веянья и в Толстом, и в Горьком, и в пьесах Чехова, как историки французской революции видят их в Руссо и Вольтере, и Бомарше.

Теперь Чехова семидесятники упрекают за бесцельность и пессимизм, а историк будущего именно в этих качествах будет видеть именно его революционное значение» (Т. 8. С. 534).

В мае вышло отдельное издание пьесы А. П. Чехова «Три сестры» (СПб., изд. А. Маркса, тираж – 1650), освобожденное «от большинства смысловых искажений журнального текста» (ЛН. Т. 68. С. 16).

«Прочел чеховских “Сестер”. Не произвели того впечатления, какого ждал <...> Или я изменился, или он! Ведь год тому назад прочтешь чеховский рассказ – и неделю ходишь, как помешанный, – такая сила, простота, правда <...> А нынче мне показалось, что Чехов потерял свою объективность, – что из-под сестер выглядывает его рука, видна надуманность, рассчитанность (расчетливость?). Все эти настроения, кажется, получены у Чехова не интуитивным путем, а теоретически <...>» (Чуковский К. И. Дневник: В 3 т. Т. 1. С. 46).

Вышел литературно-художественный сборник «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (СПб., тираж – 4000), доход от которого был предназначен для помощи еврейскому населению южных губерний России, пострадавшему от неурожая 1899 и 1900 гг. Сборник открывался стихотворением в прозе Короленко – «Огоньки». В него вошли рассказы Горького («Погром»), Гарина («Старый еврей»), Юшкевича («Невинные»), Вербицкой («Эстетика») и др., стихи Бальмонта, П. Я., Лохвицкой и др., статьи на разнообразные научные и литературные темы (в том числе Тимирязева, Сеченова), переводные материалы (статьи Золя, Брандеса и др.). Критика отметила «в высокой сте-

пени интересное содержание» книги (И. Н., Р. Вед., 18 июня) и объединяющую ее «человеколюбивую идею» (Б. п. [Н. Л. Геккер], Р. Бог., № 9). В художественном отделе издания были почти единодушно выделены произведения Короленко и Горького: «В красный угол беллетристики сборника надо, конечно, поставить рассказ Горького. Он рисует с громадною силою картину нижегородского погрома <...> Очень беден словами, но богат смыслом и чувством набросок В. Г. Короленко “Огоньки”. Стихотворение в прозе, в котором лаконичное, но выразительное резюме целой жизни напряженных дум и частых разочарований» (Али [Н. Е. Эфрос], Нов. Дня, 2 июля).

М. О. Меньшиков – «Начало жизни. Нравственно-философские очерки (Вера в жизнь. Женщина-мать. Семья. Дети и проч.)» (СПб, изд-во т-ва «Труд», тираж – 1200).

«Обывательская философия – тягучая, унылая канитель, которую любят разводить отцы семейства за чайным столом... Читаешь книгу – она постным маслом смердит, окно открыть хочется, воздух очистить» (Чуковский К. И. Дневник: В 3 т. Т. 1. С. 44).

Вышло исследование С. Грузенберга «Нравственная философия. “Шопенгауэр. Критика основных начал философии Шопенгауэра”» (СПб., изд. П. Сойкина, тираж – 1000).

Л. П. Шелгунова – «Из далекого прошлого. Переписка Н. В. Шелгунова с женой» (СПб., тираж – 1000). Книга «чрезвычайно интересна» открывающейся в письмах Шелгунова «кристально-чистой душой» и не опубликованными ранее подробностями в воспоминаниях его вдовы, однако составлена и издана она «небрежно»: собранные материалы «отличаются отрывочностью и случайностью выбора» (Б. п. [П. Ф. Якубович], Р. Бог., № 12, «Новые книги»).

С.М. Садковский, свящ. – «Вл. С. Соловьев о гр. Л. Толстом» (М., тираж – 150).

В брошюре «Правда о графе Льве Толстом» (М., тираж – 6000) Кальдерон с удовлетворением отмечал, что «русская церковная власть признала и установила, наконец, факт, который вот уже едва не четверть столетия очевиден был для всего образованного мира <...> Святой Синод подтвердил отлучение от Церкви графа, который давным давно уже тем и занимается, что отлучает от себя Церковь. Долгое молчание Синода только тем разве и объясняется, что до него не доходили задерживаемые цензурой религиозные писания Толстого». Отзыв А. Бронзова в «Церковном вестнике»: «совершенно трезвые взгляды о Толстом и его учении» (№ 23, 7 июня).

И ю н ь

П. Д. Боборыкин – роман «Жестокие» (Р. Мысль, №№ 1–6). Критика увидела в новом произведении Боборыкина сатиру на «современных сверхчеловеков», которые «стараятся жить по Ницше», но «при ближайшем рассмотрении оказываются самыми заурядными геморроидальными чиновниками и взбалмошными генеральшами <...>» (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., № 5). В заглавие романа автор «вместил <...> ту наиболее резкую и характерную черту, которая выделяется с особенною яркостью в многочисленных и разнообразных представителях самоновейших “настроений”» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 6, Отдел 2). По мысли В. Я Брюсова, в обзоре русской литературы 1900–1901 гг. в английском журн. «Athenaeum» (20 июля), в романе сделана попытка «представить новых людей, которые испытали влияние проповеди идей Ницше» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван. 1983. С. 291. Публ. и обр. пер. С. П. Ильёва). Художественные же качества романа оцениваются в целом невысоко.

М. Н. Альбов – повесть «Сирота» (Мир Б., №№ 1–6).

Л. Н. Толстой – «Ответ на постановление Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма» («Миссионерское обозрение», июнь). Перепеч. в «Церковном

вестнике» (№ 27, 5 июля) и др. изданиях. Признавая несправедливым факт своего отлучения от православной церкви, Толстой в то же время продолжал оспаривать основные догматы христианского вероучения о Богочеловечестве Христа и Святой Троице, а также в резких выражениях отвергал все церковные таинства, в том числе евхаристию.

В июньской, июльско-августовской и сентябрьской книжках «Миссионерского обозрения» под рубриками «Новая исповедь гр. Л. Н. Толстого» (июнь), «О соблазнах полемической литературы (по поводу опубликования “Ответа” гр. Л. Толстого)» (июль–август) и «Еще по поводу “Ответа” гр. Л. Н. Толстого Св. Синоду» (сентябрь) были напечатаны отклики В. Скворцова, еп. Ямбургского Сергия, М. А. Н-ва [М. А. Новоселова], свящ. И. Фуделя, митр. Санкт-Петербургского Антония, свящ. Сергия Четверикова, людей «из среды мирян», утверждавших, что Толстого, после его «Ответа», никак нельзя признать членом православной церкви. В «Церковном вестнике» также появились многочисленные отклики на толстовский «Ответ». Резко выступил А. Бронзов: читая «жалкий, иезуитский, лицемерный» ответ Толстого, «не знаешь, чему более удивляться»: «фарисейской наивности», «сатанинской <...> бесцеремонности» или «беспримерной <...> способности лгать». Толстой сам «заявляет себя Антихристом» (№ 23, 7 июня). Митр. Антоний назвал «ложью» упреки Толстого в адрес церкви в том, что она не делала попыток к его «вразумлению» перед отлучением. Изложение веры Толстого – «самоанафематствование», вызывающее «чувство ужаса и глубокого к нему сожаления» (№ 27, 5 июля). Еп. Ямбургский Сергей писал: Толстой «не только сознательно и последовательно отвергает <...> основные догматы христианства, не только отрицает и хулит Православную Церковь и ее таинства, и всю церковную жизнь и практику представляет каким-то сцеплением лжи, обмана и грубого суеверия, но и сознательно бросил Церковь, завещав своим близким ни напутствовать, ни хоронить его по-православному». Синод просто не имел права больше соблазнять верующих членством в Православной Церкви Толстого. Однако Церковь будет молиться о покаянии Толстого и возвращении его в свое лоно (№ 27, 5 июля). Здесь же – заметка свящ. Владимира Бабуры: в «Определении» «не жесто-

кость, сухость и формализм», а «дух <...> божественной любви».

Статьи Н. Бердяева «Борьба за идеализм» и П. Струве «На разные темы» (Мир Б., № 6) зафиксировали поворот «легального марксизма» к религиозному идеализму. Лавину критики вызвала статья Н. Бердяева, призывавшая дополнить марксистское учение, «практический идеализм», идеализмом философским, внести «телеологический принцип» в «теорию развития». Целью человеческой жизни, по мысли Бердяева, является духовно-нравственное совершенство, которое «выше всякого довольства». В то же время нельзя жертвовать собственной душой во имя блага других, так как каждая человеческая личность, «не забитая и не окончательно пришибленная», должна сознавать свое естественное право свободно творить в своей жизни абсолютную истину и красоту. «Вульгаризация духа» есть величайшее нравственное преступление. В декадентстве, отказывающемся «считать искусство отражением действительности», Бердяев видел наиболее истинное художественное течение времени: «<...> в искусстве начинает возрождаться идеализм и романтизм как реакция против реализма, дошедшего до самого пошлого, самого мелочного натурализма <...> Современное искусство с его “декадентскими” течениями – искусство переходной эпохи и отражает на себе нервную развинченность нездоровой общественной атмосферы, но оно делает в принципе прогрессивные попытки сказать новое слово и подготовить нового человека <...>». В то время как «метафизический идеализм изгоняется буржуазией из умственной жизни человечества за практической бесполезностью», «реализм и <...> его крайнее проявление – натурализм», напротив, ею утверждаются.

Н. К. Михайловский упрекнул Бердяева в забвении «принципа эволюции», которое не согласуется с верой автора в торжество «нравственного миропорядка» («Отрывки о религии. I–II», Р. Бог., № 9–10). Марксистский журнал «Заря» выступил с развернутой критикой статьи Бердяева (В. Засулич, «Элементы идеализма в социализме», № 2–3, декабрь; № 4 – август 1902). В. Шулятиков писал о том, что «романтический идеализм» Бердяева, некритически воспринявшего учение Фихте, ведет к «ин-

теллигентскому индивидуализму» и эгоизму. «Сочетание элементов, исключаящих друг друга, составляет отличительную черту <...> “двойственного” мирозерцания» Бердяева: «служение “народу” и служение “себе”, альтруистические тенденции и индивидуалистические наклонности, эволюционная точка зрения и протест против “полновластия” эволюционизма остались в его мирозерцании непримиренными» («Критические этюды», Кур., 23 июля). Напротив, В. Мирский [Е. А. Соловьев] отметил ценность гуманистического побуждения, с которым писалась статья Бердяева (Журн. для всех, № 12).

В. Поссе в письме к Горькому от 22 июля, имея в виду Бердяева, Струве и др., писал: «Позитивистом жить нельзя, это почувствовали наши марксисты, зовущие назад к Фихте <...> Без религии жить нельзя» (Архив Горького, КГ-п, 60–1–31). В ответном письме от сентября Горький писал о «жалких людях» Струве и Бердяеве и «иже с ними», пытающихся «создать религию», подвести «под готовое здание» революционной теории «мещански прекраснородушный фундамент в виде идеализма, занятого у Фихте» (Т. 2. С. 174). Народник П. Ф. Якубович писал Ф. Д. Батюшкову 15 июня: «В статье Бердяева я “возмущаюсь” отнюдь не стремлением к идеализму вообще, а утрированностью этого стремления, веющей фразерством. Как протест против “марксизма” статья <...> имела бы смысл, но ведь Б<ердяев> выступает против всех существующих прогресс<ивных> движений, он упрекает *все* соврем<енное> социальное движение в узости и буржуазности. Это слишком! И какой апломб! <...> Защитники Бердяева говорят: не смотрите на форму, на путь, которым идут Б<ердяев> и Струве, глядите на конечные результаты их умственной работы: они те же, что и наши, а в этом все дело. Нет <...>! очень важно, что Б<ердяев> и С<труве>, приходя к тем же – якобы – выводам, пытаются в то же время дискредитировать всячески “наше” мировоззрение и “наши” пути (в лице, напр<имер>, Михайловского). Как же я могу признать их полными союзниками?» (Ежегодник на 1972 год. Л., 1974. С. 106).

В статье Владимира Вагнера «Естествознание и эстетика» (Научн. Обзор., № 6) опровергается распространенное мнение о том, что изучение естественных наук губительно действует на

чувство прекрасного; наука «служит могучим средством развить эстетическое чувство и сделать его источником такие явления природы, которые <...> проходят перед глазами незамеченными, недооцененными».

Н. Коробка – статья «М. Горький и его общественное значение» (Обр., №№ 4, 5–6). Автор выясняет отношение Горького к различным сословиям русского общества, опровергая ходячие критические версии: о «босаяцком» писателе (Андреевича), о тенденциозно недоброжелательном отношении Горького к «мужику» и интеллигенции. Но вместе с тем отказывается считать Горького «единомышленником направления, исповедующего культ рабочего». Общественное значение горьковского творчества в том, что в условиях «безвременья» оно напомнило «о свете и просторе»; но «где он, этот свет и простор <...> – этого не говорят нам произведения Горького».

Н. Тимковский – статья «Мысли Канта о нравственности» (Журн. для всех, №№ 5, 6), в которой понятие о «бытии Бога», в конечном счете, сводилось к высшей нравственной правде, заложенной в человеке.

3 июня умер писатель С. В. Максимов. «Умер <...> последний представитель бытоописательной народнической литературы», «один из самых ярких представителей того особого литературного жанра, который можно назвать художественно-научной этнографией» (Рос., 5 июня).

8 июня запрещен журнал «Жизнь». «Разгром “Жизни” был <...> свиреп» (Из письма Горького Чехову от 26 сентября. Т. 2. С. 169); «Жалко <...> “Жизнь” – до чрезвычайности!» (из письма Бунина Горькому после 18 июня. Письма. С. 380). В. Я. Брюсов, напротив, не жалел о случившемся: «“Жизнь” могла соблазнить, ибо в ней были и хорошие стороны. Соблазненный “Жизнью” вообразит, что он нечто постиг, и становится вдвое безнадежнее, чем тот, кто ничего не постиг» (из письма А. А. Шестеркиной от 10 июня. ЛН. Т. 85. С. 636). В заметке «Цензурные безобразия», помещенной в «Искре» (№ 6, июль, разд. «Из хроники нашей

общественной жизни»), закрытие журнала «Жизнь» объяснялось «тем особенным значением, которое наше правительство стало в последние годы придавать марксистскому направлению», что отразилось и «на отношении правительства к марксистской литературе, как бы бледна она ни была. Все издания, которые за последние четыре года были закрыты в необычном порядке (“Новое слово”, “Начало”, “Северный курьер”, “Жизнь”), в той или иной степени были прикосновенны к марксизму, а следовательно, отвечали перед правительством за успехи социал-демократического рабочего движения».

9 июня Чехов писал М. О. Меньшикову: «Читаю Вас в “Нов[ом] времени”. Вы печтаетесь по воскресеньям в нижнем этаже; Вам бы следовало печататься и в верхнем, и во все остальные дни недели» (Т. 10. С. 40).

23 июня Чехов писал В. М. Соболевскому: «Работать в “Русских ведомостях” я непременно буду; для меня это лучшая газета, и если я давно не работал в ней, то потому, что вообще поостал и ничего не делал благодаря болезни» (Т. 10. С. 48).

Вышел 1-й том Собрания сочинений Вл. С. Соловьева в 9 т. (СПб., изд-во «Общественная польза», тираж – 500). В посвященной ему статье «Философ-Рудин» В. В. Розанов писал: «Это первое посмертное собрание сочинений среди русских философов. Его можно упрекнуть за формальность плана, отсутствие стихов (в них – душа Соловьева), статей «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, биографии Соловьева и общего руководящего очерка его учения». Самая «добрая» черта Соловьева – «он мало отрицал», самая «умная» – он признал, что «химии и механики как уж легли на матушку-землю, так на ней и останутся до “светопреставления”, в какую бы истерику от этого ни приходили Гегели и Шопенгауэры». Экономические, социальные, механико-физические науки, продолжал Розанов, никогда не упускались из вида Соловьевым, и «треволнения нашей бедной земли до женской эмансипации включительно он считал подлинными философскими проблемами» (Н. Вр., 13 нояб.).

Вышла первая книга В. Янчевецкого [впоследствии известного в литературе под псевдонимом В. Г. Яна] «Записки пешехода (Голодная зима. С обозом. Староверка. Счастье и проч.). Том 1» (Ревель, тираж – 470) – сборник рассказов о народной жизни.

И ю л ь

Н. Минский [Н. М. Виленкин] в №№ 2–3, 4, 7 журн. «Мир Искусства» печатал эссе «Философские разговоры», названное З. Гиппиус «удивительной книгой» о взаимоисключении Бога и человека: «сознание этой истины – и есть “религия” Минского», «невоспринимаемая человеческой природою – религия четвертого измерения», которая не «хлеб тела» и не «хлеб духа», а «для нас – просто ничего, пустое место» (Мир Иск., № 11–12). По мнению В. Я. Брюсова в обзоре русской литературы за 1901–1902 гг. в английском журн. «Athenaeum» (5 июля 1902 г.), Минский «ищет рационалистического оправдания мистики <...> Рассудок принужден был отвергнуть чудо, <...> потому, что все воспринимается нами под условием опыта. Вера в Бога убита этим навсегда, но религиозное чувство осталось живым. Будущее людей зависит от того, возможно ли исповедовать Бога, не веруя в него. Проповеди такого исповедания Бога, без веры в него, и посвящены “Философские разговоры”» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 300. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва).

А. Куприн – рассказ «В походе»*, Ив. Бунин – рассказ «Скит»** (Журн. для всех, № 7).

Ив. Бунин – рассказ «На Женевском озере»***, Семен Юшкевич – «Записки студента Павлова» (Мир Б., № 7).

З. Гиппиус – рассказ «Чистая сердцем» (Мир Б., № 8), посвященный провинциально-купеческому быту. Критика отметила

* Позднее название – «Поход».

** Позднее название – «Мелитон».

*** Позднее название – «Тишина».

необычную для Гиппиус реалистическую художественную манеру.

Б. Зайцев – рассказ «В дороге» (Кур., 15 июля), первое появление писателя в печати. В этой публикации – ошибочная подпись: П. Зайцев. «Хоть и П., а написал все-таки я», – с иронией вспоминал этот казус писатель в 1969 г. (Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 1. М., 1999. С. 597).

В статье «Литература и литераторы» (Б. п. [В. В. Розанов], Н. Вр., 4 июля) – полемика с редактором «Гражданина» кн. Мещерским по вопросу о правительственной мере – ограничении годовым сроком предостережений, получаемых повременными изданиями. Розанов указывал на заслуги печати, необходимость газет; Мещерский же рассуждал о вреде, приносимом газетами.

20 июля в лондонском журн. «Athenaeum» (№ 3847) напечатан в переводе на английский язык обзор русской литературы за 12 последних месяцев 1900–1901 гг., написанный В. Я. Брюсовым*, который был рекомендован в редакцию английского журнала К. Д. Бальмонтом (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 115; Т. 85. С. 637). Брюсов работал над обзором 12–16 июня, тогда же заметил в дневнике: «Я всю жизнь следил за всей русской литературой, кроме именно этого года. Написано кое-как, в 5 дней, ибо срок был близок» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 122).

2 июля В. Я. Брюсов в письме к А. А. Шестеркиной дал оценку собственным творческим силам: «Я один написал бы целую литературу, был бы поэтом, математиком, романистом, историком, критиком, драматургом... Дайте мне тысячу рук, чтобы писать. Мне не хватит десятков жизней, чтобы выразить все, что в моей душе и в мыслях!» 7 июля в письме к тому же адресату выразил мнение о русских классиках XIX века: «Собственно русская литература создала только этих четырех: Пушкин, Тютчев,

* Обратный перевод английского текста см.: Брюсовские чтения 1980 года: Сб. статей. Ереван, 1983. С. 287–295.

Достоевский, Фет. Все остальные, не исключая Толстого и Лермонтова, “второй сорт”» (ЛН. Т. 85. С. 642, 644).

4 июля В. Г. Короленко записал в дневнике в связи с фактом исключения Л. Толстого из Московского общества трезвости и закрытием в июне журн. «Жизнь»: «до сих пор религиозный вопрос дремал на заднем фоне общественного сознания. Теперь его выдвигают вперед. Горизонт действительно заволакивается тучами. Изуверство политическое явно связывается с изуверством религиозным <...> Вопросы религиозные еще раз окрасят может быть собой политическое движение...» (Дневник 1898–1903. Т. IV. С. 263).

8 июля погиб (утонул в реке) молодой поэт-символист Иван Коневской [И. И. Ореус]. «Потеря незаменимая, бедственная для всей молодой поэзии», – писал В. Я. Брюсов С. А. Полякову 10–18 августа (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 38). В письме к А. А. Шестеркиной от 15 августа Брюсов признавался, что на Коневского «надеялся больше, чем на всех других поэтов вместе <...> пока он был жив, было можно писать, зная, что он прочтет, поймет и оценит <...> Теперь в своем творчестве я вполне одинок. Будут восторги и будет брань, но нет критики, которой я верил бы, никого, кто понимал бы мои стихи до конца» (ЛН. Т. 85. С. 647). В статье «Мудрое дитя (Памяти Ив. Коневского)» (Мир Иск., № 8–9), посвященной безвременной гибели молодого поэта, Валерий Брюсов отметил в нем «всеобъемлющее знание литературы, тонкое понимание задач нового искусства», пропитанность «мыслью, размышлением». Хотя Коневской «только закладывал первые камни своей поэзии, но план и фундамент были рассчитаны на величественное здание». Впрочем, заключал Брюсов, «судьба нового искусства уже не зависит от отдельных лиц. Оно пойдет своим путем, кто бы ни работал на него»; новое поколение «увидит его торжество».

24 июля Чехов писал из Ялты Горькому: «Где Скиталец? Это чудесный писатель, будет досадно и обидно, если он изведется» (Т. 10. С. 53).

П. Ф. Якубович в письмах от 15 июня и 15 июля к симпатизировавшему декадентству и символизму Ф. Д. Батюшкову с народнических позиций отстаивал приоритет реализма в литературе: «Реализм ведь не есть, собственно школа: это лишь необходимое “условие” работы всякого современного художника. Импрессионизм же <...> есть не более, как индивидуальная способность <...> известным образом мыслить, чувствовать и творить. В частности, по отношению к пейзажу, к природе импрессиониста-художника можно назвать субъективным, неимпрессиониста <...> – объективным». «Импрессионизм», по мнению Якубовича, часто связан с «ограниченными размерами художественного таланта». «Нет, не нужно устанавливать никаких шаблонов, манер и школ, – писал Якубович в другом письме. – Каждый крупный художник в конце концов сам по себе; хотя, конечно, самого его создает эпоха, среда, обстоятельства. Энергично протестую против Вашего обвинения, будто я-проповедую застой в искусстве: застоя не будет потому, что не стоит на одном месте человечество» (Ежегодник на 1972 год. Л., 1974. С. 105–106, 108).

Вышли отдельным изданием «Записки врача» В. Вересаева (СПб., тираж – 3000). 2-е изд. – в ноябре (СПб., тираж – 5000).

А. Вербицкая – «Освободилась. Роман в 3-х частях. Т. IV» (М., тираж – 2400).

Вторым изданием вышел 1-й том «Истории русской церкви» Е. Голубинского (М., тираж – 2400).

Вышел второй том Полного собрания драматических произведений Г. Ибсена в 2 т., пер. с дат. М. В. Лучицкой (Киев, изд. Ф. Иогансона, тираж – 6100).

В печати обсуждались проекты новых учебных планов для средней школы и неудовлетворительное состояние преподавания русской литературы. «Кто хотя немного знает нашу среднюю школу, тот должен с грустью признаться, что ее питомцы почти совсем не знают величайших писателей своей страны

<...>» (Вл. Каллаш, «К реформе средней школы», Р. Мысль, № 7; см. также: П. Сакулин, Кур., 14 июля; Александр Новиков, СПб. Вед., 14 июля и др.).

В № 7 журн. «Мир искусства» помещены условия «конкурса на составление проекта памятника Ник. Вас. Гоголю в Москве», срок предоставления проектов – до 30 декабря.

А в г у с т

Ив. Бунин – рассказ «Руда». Из книги «Эпитафии» (Журн. для всех, № 8); «Три рассказа. 1. Костер. 2. Перевал. 3. В августе» (Р. Мысль, № 8). О «Руде» Бунин писал В. С. Миролубову 18 июня: «<...> это лучшее из того, что я написал» (Письма. С. 380). На публикацию в «Русской мысли» откликнулся А. Измайлов: «В своих набросках Бунин дает опыты той прозаической лирики, которой, по нашему мнению, предстоит большая будущность <...>» (Бирж. Вед., 3 сент.).

Скиталец – стихотворения «Колокол» и «Кузнец» («Самарская газета», 29 авг.).

Н. Тимковский – рассказ «Ржавчина» (Журн. для всех, № 8).

М. Белинский [И. И. Ясинский] – роман «В один памятный день» (Еж. Соч., №№ 6–8). «Дешевая яркость, но какая все же яркость! Кто другой пишет так красочно по-русски?» (из письма В. Я. Брюсова к А. А. Шестеркиной от 7 июля – ЛН. Т. 85. С. 644).

Мирянин [В. В. Розанов] в статье «О главном сомнении гр. Л. Н. Толстого» (перепеч. в кн. «Около церковных стен») писал, что отрицание Толстым христианских таинств есть неверие «во все чудесное и таинственное» в мире вопреки тому, что сам художественный гений Толстого – «явное чудо» («Миссионерское обозрение», № 7–8). В статье «На панихиде по Вл. С. Соловьеве» (перепеч. в кн. «Около церковных стен») Розанов осмыслял

личность и деятельность философа, в котором совместились «дедовская священническая кровь, учено-университетские заботы отца» и «шумные отрицания» 1860-х гг. Начав писать в 1870-е гг., Соловьев сохранил желание действовать, в отличие от поколения 1880–1890-х гг. «Во всем он был застрельщиком. Много начал, но почти во всем или не успел, или не кончил, или даже вернулся назад». Всего нужнее сейчас Соловьеву, по мнению Розанова, «не разбор трудов» и «не литературное прославление», а «простая зауспокойная литургия» (Н. Вр., 1 авг.).

В июльской и августовской книжках журн. «Христианское чтение» помещено обширное исследование свящ.-проф. Е. П. Аквилонова «О Божестве Господа нашего Иисуса Христа и о средствах нашего спасения (Богословские размышления по поводу лжеучения Л. Н. Толстого)», где разбирались и опровергались основные положения религиозно-философского учения Л. Толстого, чей «взгляд <...> на Христа» обусловлен «отсутствием культурности и богословского образования в нашем обществе».

В. П. Буренин – «Критические очерки. Цветы новейшей поэзии и новейшего художества» (Н. Вр., 21 авг.). Журн. «Мир искусства» характеризовался как один из «довольно затхлых и гнилых уголков <...> в широком мире искусства», а о творчестве Д. Мережковского, Ф. Сологуба, З. Гиппиус, Н. Минского и др. говорилось как о «вырождении поэзии». 30 августа Блок писал А. В. Гиппиусу из Шахматова: «Очень ли Вам противен г-н Буренин по поводу “Мира искусства”? Мне очень» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 427).

Ключевым событием в жизни Блока стало знакомство с поэтическим (14 апреля на Пасху мать подарила ему книгу Вл. С. Соловьева «Стихотворения» и портрет автора) и философским (в результате летнего общения с семьей своих родственников по матери М. С., О. М. и С. М. Соловьевых, чье имение Дедово располагалось недалеко от блоковского Шахматова) творчеством Вл. С. Соловьева, под влиянием которого он пережил «мистическое лето» в Шахматове: зарождавшаяся любовь к Л. Д. Менделеевой воспринималась им как рыцарское служение соловьев-

ской Вечной Женственности, Прекрасной Даме (см. июньское стихотворение «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» – ПСС. Т. 1. С. 60) (см.: Т. 7. С. 525; Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 543–547). 11 августа племянник Вл. С. Соловьева С. М. Соловьев писал Б. Н. Бугаеву (будущему Андрею Белому) из подмосковного Дедова: «Теперь у меня гостит мой родственник, студент Петербургского университета – Блок, стихи которого я вам читал. Он теперь весь ушел в стихотворенья моего дяди и пишет сам религиозно-мистические стихотворенья, которые мне очень нравятся» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 173).

В августе в имении Серебряный Колодезь Б. Н. Бугаев закончил 2-ю «симфонию», начал работать над поэмой «Фонтан».

22 июля (4 августа) М. А. Волошин писал матери: «Чувствую, что если я проживу года 3 в Париже и войду вполне в курс французской литературы и искусства, то тогда смогу действительно написать много нового и интересного для русского читателя. <...> Горький во Франции гремит. Его имя везде ставится рядом с именем Толстого. Мережковский, к которому у нас принято относиться со скептической улыбкой, имеет громадный успех во Франции. Его “Смерть богов”*, о которой русская критика едва упомянула, переведена на все языки. <...> Пофранцузски уже есть Мельшин**, Чехов. А у нас слышал ли кто-нибудь о Ферарне***, Андре Жиде, Реми де Гурмоне? А это все имена! <...> Нет! Мы ужасно мало следим за европейской литературой» (Т. 8. С. 582–583). 14 (27) августа Волошин сетовал в письме к А. М. Петровой: «<...> на все новые течения западной мысли и западного искусства редакциями современных русских газет установлена цензура еще более строгая, чем цензура государственная над политическими известиями. У нас позволяют только глумиться над так называемым “декадентством” <...> и ни строчки не позволяют написать для объяснения действительно великого значения того громадного движения в ис-

* «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1896) – первая часть романной трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист».

** Один из псевдонимов П. Ф. Якубовича.

*** Имеется в виду бельгийский поэт и драматург Э. Верхарн

кустве, которое происходит теперь» (Т. 8. С. 608–609). А в письме Я. А. Гловову от 29 (16) августа заметил: «Прямо в ужас приходишь, какая нам в России предстоит бешеная умственная и социальная скачка, чтобы нагнать Европу» (Т. 8. С. 626).

14 августа умер писатель, революционный народник Г. А. Мачтет.

Откликаясь на смерть «беллетриста», «высоко ценимого в некоторых кругах», в обзоре русской литературы за 1901–1902 гг. в английском журн. «Athenaeum» (5 июля 1902 г.), В. Я. Брюсов отмечал, что у него «было много читателей, хотя его повести производят неприятное впечатление чрезмерной методичностью и манерностью стиля. К лучшим его произведениям относятся те, в которых даны неприятательные описания Сибири; ими писатель дебютировал в литературе» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 309. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва).

21 августа В. Я. Брюсов писал А. А. Шестеркиной: «Недавно я прочел в газетах о судьбе А. Добролюбова. Его судили в городе Троицке за подстрекательство к уклонению от воинской повинности и приговорили к тюрьме на 8 месяцев. А. Добролюбов в провинциальной тюрьме!» (ЛН. Т. 85. С. 647).

В августе Б. Н. Бугаев (будущий Андрей Белый) записал в своем юношеском дневнике: «За последние годы три события в литературе должны были взволновать “видящего” и “слышащего”. Это: появление “Братьев Карамазовых”, “Заратустры” и “Трех разговоров”. Все это фазы, все это новые этажи воздвигаемого здания.

Кто наши каменщики? Кто наши строители? Соловьев, Достоевский, Ницше! Увы, их уже нет. Вот я вижу, вместо них сидят маляры и раскрашивают построенный первый этаж. Самостоятельности мало; постройка подвигается с большим трудом. В настоящую минуту строители: Розанов, Мережковский, Минский, Перцов и др. Они заготавливают материал. Но вот придут большие, и работа закипит <...> Если бы можно было соединить учение Ницше с взглядами Соловьева и присоединить сюда же Достоевского, то мы получили бы грандиозное учение-религию»

(Лавров А. В. Юношеские дневниковые записи Андрея Белого. С. 126–127).

Вышла книга М. Горького «Рассказы», изд. 3-е т-ва «Знание», тт. 1–4 (СПб., тираж каждого тома – 15000). А. Б. [А. И. Богданович] писал в «Мире Божьем» (№ 11): «Первое издание рассказов г. Горького в двух томах вышло в 1898 г., затем два года тому назад вышло первое издание “Знания” в 4-х томах, теперь имеем третье, с обозначением “тридцатая тысяча”. Успех небывалый, каким не может похвалиться ни один писатель нашего времени, за исключением Л. Толстого, к которому не подходят обычные мерки». О Горьком как «едва ли не самом популярном из современных русских писателей» писал и С. Ашевский, добавляя при этом: «Но в одном только признании выдающегося таланта <...> пока и сходятся его многочисленные “ценители и судьи”. Раз только дело заходит о значении его литературной деятельности <...> тотчас же начинаются разногласия» (Обр., № 7–8). Третье издание сочинений писателя вызвало новую волну критических статей и полемики вокруг Горького. К нему, полагает В. Шулятиков, применимо «определение, которое <...> Н. Михайловский дал таланту Достоевского – “жестокый талант”». Герои Горького – «прежде всего, обиженные и оскорбленные люди», которые «находят утешение и в том, что “мучают” самих себя», чей душевный мир «доступен для различных патологических явлений» («О Максиме Горьком». Кур., 13, 27 авг.). Л. Н. Андреев заметил в письме к К. П. Пятницкому от 28 августа: «<...> наш курьерский критик Шулятиков <...> пишет о Горьком (прескверно) <...>» (ЛН. Т. 72. С. 489). Евг. Ляцкий в статье «Максим Горький и его рассказы» (В. Евр., № 11) назвал писателя «несомненным и крупным художественным дарованием», сила которого – «в том истинно-художественном воспроизведении жизни, где нет места ни публицистике, ни “босаяцкой” морали. Его жанр – одна, много две человеческие фигуры, мирный пейзаж, море, солнце и воздух. Здесь М. Горький у себя дома, здесь он – тонкий эстетик и не менее тонкий психолог, стоящий в раздумье над вечными сумерками духа, вечными проблемами человеческого бытия <...>». Ляцкий выдвинул версию о нескольких Горьких: «гуманисте-художнике», «озлобленной

босаяцкой душе» и публицисте – самом слабом из всех. Творчество «первого» Горького «позволяет рассматривать его как писателя <...> нужного и важного для развития нашего самопросветления»; творчество «второго» Горького отмечено нищенским мировоззрением, здесь создан «особый мир героев силы и смелости, вернее – наглости», принадлежащих к народу «хищному, озлобленному», «не тому народу», что «выслал Ломоносова из недр своих <...>». «Один М. Горький творил “Кирилку”, поэму “Двадцать шесть и одна”; другой – “Макара Чудру”, “Песню о Соколе” <...>». В статье «О М. Горьком», написанной в 1902 г. (впервые опубликована в № 4 журнала «Красная новь» за 1929 г.), В. В. Воровский высмеял «моральные прописи», с позиций которых Ляцкий судил Горького, и «беззастенчивость», с которой Горькому приписывают «не только взгляды и мораль, но и поступки бродяг и воров». Разбирая горьковские рассказы о «босаяках», критик пришел к выводу, что писатель еще «не нашел или, по крайней мере, не изобразил» положительной «общественной силы», но «самый факт популярности идей г. Горького» свидетельствует о том, что эта сила нарождается (Воровский В. В. Соч.: В 3 т. Т. II. М., 1931. С. 174, 189–190). По мнению нововременской критики, творчество Горького – это окарикатуренная нравственная доктрина социал-демократии; его героям «ничего не стоит убить человека, перерезать ему горло, придушить <...>» (Ченко, «Новые идеи», Н. Вр., 8 авг.). Выступление «Нового времени» вызвало протест (О. П., «Идея силы в произведениях М. Горького», Рос., 12 нояб.).

Вышли книги поэта-самоучки М. И. Ожегова: «Моя жизнь и песни для народа. Книга 1», «Песни и стихотворения самоучки писателя-крестьянина. Книга 2-я», «Песни в духе народа своего края. Книга 3-я» (М., тираж – по 12000).

Вышло 3-е изд. «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями» Владимира Соловьева (СПб., изд-во «Труд», тираж – 2250).

Вышел 2-й том Собрания сочинений Вл. С. Соловьева в 9 т. (СПб., изд-во «Общественная польза», тираж – 5000). Рецензент «Вестника Европы» А. П. [А.Л. Погодин] в целом одобрил план собрания сочинений, изложенный в предисловии к первому тому издателем Собрания М. С. Соловьевым, но выразил несогласие с отсутствием в нем стихотворений, «повести», шуточных произведений и биографии, «личной и литературной». Собрание сочинений, по мысли А. П., должно «объединить все, что сделано было Соловьевым», оно «без сомнения, встречено будет с великим интересом» как «последний памятник, который должен сохранить богатую и разнообразную деятельность замечательного русского писателя» (№ 11). Второй том «ценного издания сочинений покойного Соловьева» занят «Критикою отвлеченных начал» – «блестящим изложением самой сущности <...> которой-нибудь из знаменитых философий <...> и затем остроумного..., едва ли однако всегда глубокомысленного, разбора и опровержения» (В. Р-в [В. В. Розанов]. «Новое время», 1902, 13 февр.).

Вышло 3-е изд. (1-е изд. – 1889, 2-е изд. – 1891) сочинений критика В. Н. Майкова – впервые в 2 т., со вступительной статьей Г. Александровского (Киев, изд. Б. Фукса, тираж каждого тома – 1000).

С е н т я б р ь

Л. Андреев – рассказы «Стена» (Кур., 4 сент.), «Кусака» (Журн. для всех, № 9), фельетон «Свободный полет» (Джемс Линч, Кур., 14 сент.) – о непонимании интеллигенцией интересов и нужд русского народа, с чьей точки зрения интеллигентская «культура» – вредоносная забава.

«Какой он накачал рассказ! Ого-го-о!», писал Горький о «Стене» К. П. Пятницкому (Между 13 и 17 октября. Т. 2. С. 186). Рассказ вызвал множество вопросов, обращенных непосредственно к писателю. Андреев отвечал на них в широко распространенном в списках письме к А. М. Питалевой от 31 мая 1902 г.: «Вполне определенными и строго ограниченными понятиями я не могу передать того, что представилось мне в виде об-

разов живых и сложных, а потому не поддающихся регламентации <...> “Стена” – это все то, что стоит на пути к новой, совершенной и счастливой жизни. Это <...> политический и социальный гнет <...> несовершенство человеческой природы с ее болезнями, животными инстинктами, злобою, жадностью и пр.; это – вопросы о смысле бытия, о Боге, о жизни и смерти – “проклятые вопросы”» («Звезда», 1925, № 2, с. 258. Перепеч.: Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 609). Критика отнеслась к рассказу с неодобрением. «Это не творчество, хотя бы декадентское, – уверял А. Скабичевский в статье «Литературные волки», – а припадок какой-то психической болезни <...>» (Нов., 1902, 29 окт.). Мих. Бессонов считал, что в «Стене» Андреев подражает М. Метерлинку («Волянь», 1902, 27 апр.). П. Ярцев в «Письмах о литературе» писал, что в «Стене» «чувствуется стремление к грандиозным образам, но нет теплоты вдохновения» и что «во всем проглядывает надуманность – притязательная и досадная» (Т. и Иск., 1903, 29 сент., № 40). Ругательный отзыв дал В. Буренин (Н. Вр., 1902, 27 сент.). Брюсов записал в дневнике: «Встретил на улице Чулкова, очень хвалил рассказ Л. Андреева “Стена”, но я в Андреева не верю и читать его не стану» (Брюсов В. Я. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 123).

Рассказ «“Кусака” <...> очень нравится друзьям-литераторам и читателям», – сообщал Андреев В. С. Миролюбову 24 сентября (Лит. Арх. № 5. С. 89). 19 июля 1902 г. Андреев писал об этом рассказе К. И. Чуковскому: «<...> героем является собака, ибо все живое имеет одну и ту же душу, все живое страдает одними страданиями и в великом безличии и равенстве сливается воедино перед грозными силами жизни» (Чуковский К. И. Из воспоминаний. М., 1959. С. 270).

В. Вересаев – «Маленькие рассказы. 1. В степи. Очерк. 2. На холоду (Из летних встреч). 3. Исправилась (Из летних встреч). 4. В пути (Из летних встреч)» (Мир Б., № 9). Критика отмечала «серый, печальный колорит» этих рассказов о народной жизни: «точно наступили “сумерки” огромного мужицкого мира, и этот мир готов закатиться и исчезнуть» (Д. Абрамов, Р. Сл., 18 сент.). «Придерживаясь определенного общественного мирозозерца-

ния, в основе которого лежит вера в закономерное поступательное развитие человеческой истории», Вересаев, тем не менее, «везде и всегда <...> прежде всего отмечает наиболее драматические коллизии этой жизни» (В. Шулятиков, Кур., 10 сент.).

Л. Мельшин (П. Ф. Якубович) – рассказ «Чортов Яр» (Р. Бог., № 9).

Ив. Наживин – рассказ «У лукоморья» (Р. Мысль, № 9).

Д. Н. Мамин-Сибиряк – «Медовые реки. Очерки IV, V, VII: Перекати-поле. Душевный глад. Сибирские старцы, кухарка Агафья и гражданин Рихтер» (Р. Бог., №№ 1, 7–9).

Макс Волошинов [М. А. Волошин] – «Новая книга Октава Мирбо» (Кур., 8 сент.). Рецензия на роман О. Мирбо «Двадцать один день неврастеника»: «Нервный, причудливый, боевой талант автора сквозит в каждой строчке <...> перед читателем проходит почти вся современная Франция в великолепно нарисованных карикатурах <...> это что-то общее с портретами-сатирами Гойа, с карикатурами Леонардо».

В «Литературном вестнике» (№ 5) помещена статья А. Липовского «Представители современной русской повести и оценка их литературной критикой», отклонявшая взгляд на Чехова как на «безнадежного пессимиста». Творчество Чехова и Горького преемственно связано: «<...> Бурный протест, страстный романтизм Горького вышел из невозможности долго оставаться при той пассивности и тоске, которая отличает героев Чехова».

С. Левитский поместил в двух книжках «Богословского вестника» (июль–август, сентябрь) статью на актуальную тему – «Сверхчеловек Ницше и человек Христа (Публичное богословское чтение, состоявшееся 5 марта 1901 г. в зале Синодального училища в Москве на Никитской)». Необходимость разговора о Ницше автор объяснял тем, что «его последователями кишит современная общественная атмосфера; идеи Ницше фигурируют и в устных разговорах, и в типах беллетристики, и в живых обра-

зах действительной жизни». Отметив «разрушительный характер философии Ницше», который, выступая против «всего метафизического», ограничил «взор» человека «одною землею», и его «хулу» на «христианское учение», которая привела к «измельчанию» человеческой личности к концу XIX в., Левитский указал на то, что в России ницшеанский «сверхчеловек» давно известен по произведениям Достоевского (Раскольников и др.).

В связи с отъездом Л. Толстого из Ясной Поляны в Крым на лечение (5 сентября) Главное управление по делам печати в распоряжении от 7–9 сентября запретило помещать в газетах известия об этом и «о приветствиях, обращенных к <...> писателю со стороны его почитателей» (ЛЖТ Толстого. С. 389).

6 сентября В. В. Стасов писал Л. Толстому: «Я видел эти дни приезжих из-за границы, и они мне рассказывали, что, где ни случись, в каком хочешь городе, только собеседник услышит случайно, что с ним говорит русский, тотчас бросает всякий разговор и только об одном начинает расспрашивать: о графе Льве Толстом, где он и что он и здоров ли? <...> потом идут расспросы о “проклятии” и “отлучении от церкви”» (Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878–1906. Л., 1929. С. 270).

1 сентября в письме В. Я. Брюсову И. А. Бунин сделал последнюю серьезную попытку закрепить сотрудничество с издательством «Скорпион», предложив издать 4 своих книги, из которых две – новые (стихи и рассказы) (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 461). Предложение было отклонено, и сотрудничество Бунина со «Скорпионом» расстроилось. Брюсов записал в сентябрьском дневнике впечатления от встречи с приехавшим в Москву Буниным: «На скорпионовском вторник я с ним опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное, скучны и т. д. Он проявил великодушие и всячески славил мои стихи» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 124).

1–2 сентября З. Н. Гиппиус высказала идею Религиозно-философских собраний, ядром которых должно было стать

«требратство» (см.: О бывшем (1899–1914) // Дневник. Т. 1. С. 109–110).

3 сентября О. М. Соловьева писала из Москвы матери Блока: «Сашины стихи произвели необыкновенное, трудно-описуемое, удивительное, громадное впечатление на Борю Бугаева [будущего Андрея Белого], мнением которого все мы очень дорожим и которого я считаю самым понимающим из всех, кого мы знаем. Я еще более, чем прежде, советую Саше непременно послать их [стихи] в “Мир искусства” или Брюсову» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 174–175).

10 сентября Блок послал Брюсову, фактическому руководителю издательства «Скорпион», 4 стихотворения. Брюсов либо не обратил внимания на стихи безвестного поэта, либо сделал вид, что не получил их, потому что 6 декабря во время посещения Соловьевых в Москве сказал (по свидетельству О. М. Соловьевой), что «никаких стихов Блока они не получали!» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 176–178).

19 сентября О. М. Соловьева писала матери Блока: «<...> я виновата; я послала Гиппиус Сашины стихи, на что не получала от него <...> разрешения <...> Гиппиус разобрала стихи, написала о них резко, длинно, даже как будто со страстью. Я почувствовала себя предательницей... <...> Гиппиус (без всякого на то позволения с моей стороны) показала стихи Мережковскому и говорит, что он с ней согласен <...> Письмо Гиппиус произвело на меня очень тягостное впечатление <...> Посмотрим, что скажет “Скорпион”! Все мы очень рады, что Саша уже послал туда» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 176).

9 сентября Ф. Ф. Фидлер записал в своем петербургском дневнике: «Встретил на Николаевском мосту Ф. К. Сологуба. Говорит, что написал в августе за один день не менее четырнадцати стихотворений; самое маленькое – в двенадцать строк. Самое длинное – в тридцать шесть. “А где Вы их опубликуете?” – спросил я. – “Нигде, меня ведь нигде не публикуют”. Невероятно любит Петербург (никогда не бывал за границей), любит его “нежно”, сильнее, чем природу, и чувствует себя безмерно счаст-

ливым, когда в первый раз попадает на улицу, на которой никогда не был. Читает одновременно несколько книг: “Так полезнее для работы ума” <...>» (Фидлер. С. 324).

10 сентября нижегородским жандармским управлением принято постановление, запрещавшее Горькому проживать в Нижегородской губернии «как в районе фабричном и заводском, где влияние его среди рабочих <...> может выражаться в форме, весьма нежелательной для общественной безопасности и порядка» (ЛЖТ Горького. С. 331).

11 сентября тетка Блока М. А. Бекетова сделала запись в дневнике о своем племяннике: «Он много написал стихов; иные прелестны. Соловьевы* серьезно советуют ему их печатать. Неужели он в самом деле поэт и в этом его судьба? Боже мой, если бы это было так! Какое счастье!» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 604).

12 сентября Чехов ездил из Ялты в Гаспру к Л. Толстому. «Конечно, по его возвращении я уже был у него в Аутке и с жадностью слушал рассказы о Толстом, – вспоминал И. А. Бунин. – Как всегда, он восхищался ясностью его головы и тут сказал: “Знаете, что меня особенно восхищает в нем, это его презрение к нам как писателям. Иногда он хвалит Мопассана, Куприна, Семенова, меня... Почему? Потому что он смотрит на нас как на детей. Наши рассказы, повести и романы для него детская игра, поэтому-то он в один мешок укладывает Мопассана с Семеновым. Другое дело Шекспир: это уже взрослый, его раздражающий, ибо он пишет не по-толстовски <...>» (Цит. по: ЛЖТ Бунина. Т. 1. С. 431–432).

12 сентября Д. С. Мережковский в письме из Петербурга общал П. П. Перцову о завершении работы над исследованием о Л. Толстом и Достоевском и о новом своем замысле: «Собираю материалы для “Гоголя”. Это будет маленькая статейка, отделанная, отточенная, заостренная, в 2 1/2 или 3 листа, – критический “сонет” <...> Гоголь значительнее, чем Л<ев> Т<олстой> и

* Семья младшего брата философа Вл. С. Соловьева – Михаила Сергеевича: жена Ольга Михайловна, сын Сергей – юный поэт.

Достоевский, может быть, значительнее, чем Пушкин. Не верите? Надеюсь, что я уверю Вас. Не было человека столь близкого мне, как Гоголь. Я теперь в него *влюблен*. Это чудовище, которое еще пока никто не видит, – наша Медуза. Только страшно к нему подходить <...>». Обостренный интерес к Гоголю, возникший у Мережковского летом 1901 г., вылился впоследствии в философско-критическое исследование «Судьба Гоголя» (см.: Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову (публикация и примечания М. Ю. Кореневой) // Русская литература. 1991. № 3. С. 154–155).

16 сентября в селе Павловка на Украине произошли выступления сектантов (руководимых толстовцем Хилковым). Консервативная печать отметила влияние на них идей Толстого: «Они [Толстой и его ученики] сделали все, чтобы привести ум и совесть народа в состояние религиозно-политического революционного брожения» (М. Вед., 18 окт.).

24 сентября Чехов писал Горькому о лечившемся в Крыму Л. Толстом: «Перед отъездом из Ялты я был у Льва Ник[олаевича], виделся с ним; ему Крым нравится ужасно, возбуждает в нем радость, чисто детскую, но здоровье его мне не понравилось. Постарел очень, и главная болезнь его – это старость, которая уже овладела им <...> Лев Ник[олаевич] заметно сучает без людей <...>» (Т. 10. С. 83).

26 сентября Горький писал Чехову: «<...> драму я кончил <...>» (Т. 2. С. 169). 30 сентября в «Русских ведомостях» помещена заметка из Нижнего Новгорода (за подписью – Н. Скв[орцов]) «Первая пьеса Максима Горького», излагающая – по разрешению писателя – содержание «Мещан»: в пьесе «особенно интересны типы “новых людей”»; «представителем здоровых натур, которым принадлежит будущее, является Нил – центральная в пьесе фигура».

В «Ракурсе к дневнику» Андрей Белый вспоминал о сентябре: «потрясение первыми стихами Блока (“Предчувствую Тебя”), распространение их среди друзей; я посвящен М. С. Соловьевым

в историю со Шмидт^{*}; читаю письма А. Н. Шмидт на тему “3-ий завет”; в конце месяца – встреча со Шмидт; и ответственный разговор с нею <...>» (ЛН. Т. 105. С. 339).

27 сентября Блок подал прошение о своем переводе на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета с юридического. 16 октября он писал отцу: «Мне ужасно нравятся многие профессора-филологи, прежде всех <...> Введенский <...> есть истинно-интеллигентные и художественные люди – Зелинский, читающий Еврипидовых “Вахханок” и Эрнштедт^{**} – греческих лириков. Они оба <...> понимают всю суть классической древности, для меня же это – клад» (Письма Александра Блока к родным. <Т. 1.> Л., 1927. С. 67–68).

Издана книга Леонида Андреева «Рассказы» (СПб., изд. т-ва «Знание», с посвящением Горькому, тираж – 4250): В книгу вошли: «Большой шлем», «Ангелочек», «Молчание», «Валя», «Рассказ о Сергее Петровиче», «На реке», «Ложь», «У окна», «Жили-были», «В темную даль». В дарственной надписи Андреева Горькому от 20 декабря говорилось: «<...> твоя рука вывела меня на эту дорогу, и ты так же повинен в этой книжке, как и я <...> И самое горячее мое желание – всегда сохранить за собою твою любовь <...>». 2 октября Горький написал К. П. Пятницкому: «Слежу за успехом Андреева и – ликую! Кому ни дашь книжку, все хвалят и хвалят хорошо, толково» (Т. 2. С. 178). 7 декабря в письме к жене из Ялты Чехов отозвался об Андрееве: «Да, это хороший писатель; если бы он писал чаще, то имел бы большой успех. В нем мало искренности, мало простоты, и потому к нему привыкнуть трудно. Но все-таки рано или поздно публика привыкнет к нему и это будет большое имя» (Т. 10. С. 134). 30 декабря Л. Толстой писал Андрееву: «Я уже прежде присылки прочел почти все рассказы, из которых многие очень понравились мне» (Т. 73. С. 174). За несколько дней до этого Толстой делился с Горьким своими впечатлениями об Андрееве:

^{*} Шмидт А. Н. (1851–1905) – нижегородская журналистка, автор религиозно-мистических сочинений, находивших отклик у Вл. С. Соловьева, А. А. Блока, Г. И. Чулкова, С. Н. Булгакова и др.

^{**} А. И. Введенский, Ф. Ф. Зелинский, В. К. Эрнштедт.

«Очень хвалил “Жили-были”, “Большой шлем”, “У окна”, “О Сергее Петровиче”. В то же время сказал: “Есть анекдот о мальчишке, который так рассказывал сказку товарищу своему: “Была темная ночь – боишься? В лесу выл волк – боишься? Вдруг за окошком – боишься?” Вот и Андреев так же: пишет и все как бы спрашивает меня: “Боишься? Боишься?” А я – не боюсь! Что, взял?” Много говорил похвального о чистоте языка и силе изображения» (ЛН. Т. 72. С. 122). В обзоре русской литературы за 1901–1902 гг. в английском журн. «Athenaeum» (5 июля 1902 г.) Брюсов пронизательно заметил, что, «оставаясь совершенно доступен среднему читателю, Л. Андреев в то же время некоторыми приемами и настроениями близок к новой поэзии. Он обладает даром рассказчика и можно ожидать, что в будущем найдет самостоятельную дорогу» (Брюсовские чтения 1980 г. Ереван, 1983. С. 302. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва). Немного раньше, в неопубликованном обзоре «Русская литература в 1901 году», Брюсов назвал книгу Андреева «дорогим приобретением литературы» (Там же. С. 284. Публ. С. П. Ильева).

Критика в большей своей части восприняла книгу Андреева как литературную сенсацию. «<...> Мы ничего не знали об Андрееве, и в ту ночь, когда мы стали читать его рассказы и не могли оторваться от них до рассвета, пока не кончили всю книгу, мы увидели, что взошла новая звезда»; «Казалось бы, что еще можно написать после Достоевского в области психологии? Но Леонид Андреев показал, что область эта неисчерпаема <...>. Его рассказы – это психологические открытия» (М. Чуносос [И. И. Ясинский], Еж. Соч., № 12). «Рассказы г. Андреева представляют редкое, выдающееся явление в современной литературе»; в каждом из них «сказывается своеобразное умение автора видеть в простых и незаметных сторонах жизни <...> глубочайшую драму борющейся с судьбой и всегда побеждаемой личности» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 11). С большой статьей о писателе, «до тех пор мне совершенно неизвестном», выступил Ник. Михайловский: основное в Андрееве – «настоящая, подлинная оригинальность <...>», хотя творчество его и «не равное»: «есть рассказы истинно превосходные, в которых ни прибавить, ни убавить, ни передвинуть ничего нельзя (“Жили-были”), но есть и растянутые (“Рассказ о Сергее Петровиче”). Не

удаются ему дети (“Ангелочек”, ”Валя”)). Критик в целом не смущен мрачным характером андреевской «книги о жизни и смерти <...> В слепой равнодушной силе, рождающей и убивающей нас, нечего искать разума и справедливости <...> Но человек может внести в то кольцо, которым смыкаются жизнь и смерть, – и разум и справедливость». И лишь один рассказ «Ложь» представился критику «маленьким темным облаком на светлом будущем г. Андреева как художника. Вопрос в том, разрастется это облачко в мрачную тучу, которая весь горизонт закроет, или, набежав на мгновение, рассеется в пространстве» (Р. Бог., № 11). 30 декабря Андреев написал И. А. Бунину: «Сегодня меня поздравляют со статьей Михайловского – целиком посвящена мне <...> Теоретически радуюсь, а душою – ей Богу, нет <...> Как-то уж очень скоро освоился я с положением “подающего надежды” и слишком быстро пережил весну писательства» (Письма Л. Андреева и И. Бунина / Публ. и коммент. И. Газер // Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 164). «Свежему, яркому и сильному, многое обещающему в будущем» таланту посвятил статью «Одинокие и таинственные люди» В. Шулятиков: творчество Андреева – отражение драмы современной интеллигенции, переживающей «минуты пониженной жизнеспособности и жизнедеятельности» (Кур., 8 окт.). В более сдержанном тоне, считая чрезмерными восторги по поводу Андреева, писали о его книге Е. Колтоновская (Обр., № 12), А. Амфитеатров (Рос., 1902, 2 янв.). Критик «Русского слова» утверждал, что Андреев «по преимуществу реалист», но испытал «веяния времени» и что рассказы его, примыкающие к «символическому направлению», «отличаются всего более невыдержанностью. Вы чувствуете в них искусственность, натянутость. Автор вдается здесь в мелодраматизм, придает мистическую окраску своим картинам, впадает в утрировку и сентиментальность» (22 окт.). Анализируя «основную идею» «Рассказов»: «<...> человек хочет жить, ему нужна жизнь богатая и разнообразная, осмысленная, чтобы он сознавал в ней свою человеческую силу и свое человеческое значение; но такой жизни нет, есть вместо нее нечто подавляющее и гнетущее своим однообразием, скудостью своего духовного содержания, изменностью своих интересов. И человек – или убивает себя, или сокращается до ничтожного земляного

червя, земляной блохи, или уходит в темную даль, или минута-ми видит какой-то призрак настоящей вечной жизни, быстро, впрочем, исчезающий в густом тумане окружающего», В. Мирский [Е. А. Соловьев] заключал: «<...> пока положительных сторон и картин жизни г. Андреев не нашел» (Журн. для всех, 1902, № 1, янв.). Пл. Краснов отметил в рассказах Андреева чувство страха как смерти, так и жизни и отнес его, наряду с Горьким, к «отрицателям» («Литературные вечера», прилож. к журн. «Новый мир», 1902, № 2, «Литературное обозрение»). Субъективизм, пессимизм, подражание Горькому и Л. Толстому увидел в книге Андреева М. Протопопов: «его персонажи не более как клавиши или струны, посредством которых он выражает свои чувства и настроения», которые «окрашены весьма унылым, даже скорбным чувством». В реалистической «прозаической лирике» Андреева прорываются, по мнению критика, «крикливые ноты самого настоящего декадентства»: так, рассказ «Ложь» не более чем «истерическая галиматья». Тем не менее молодой писатель умеет заразить читателя своим настроением, например в рассказе «Жили-были» (Р. Мысль, 1902, № 3, отд. 2). В газете «Приазовский край» появились отклики Я. Абрамова: «новый талант» – художник обыденной жизни (1902, 18 янв.) и Н. А-ча [Н. Я. Абрамович], отметившего меткость психологической наблюдательности автора на примере «Рассказа о Сергее Петровиче», «Молчания», «В темную даль» и чеховские настроения в «Большом шлеме» (1902, 28 янв.). В целом положительно о «новом таланте» и успехе его первой книги высказался А. Скабичевский, не удержавшись, однако, от иронии над пристрастием Андреева к изображению смерти и отметив влияние натурализма и декадентства на его творчество («Новости и биржевая газета», 1902, 29 янв.). Приветствуя «новый талант в беллетристике», открытый Н. К. Михайловским, В. Буренин высказался о «лучшем из десяти рассказов» – «Жили-были»: «<...> много правды и наблюдательности; одно лицо рассказа – безнадежно большой дьякон – очень оригинально задумано и обрисовано очень живо; <...> рассказ проникнут глубоким чувством» (Н. Вр., 1902, 25 янв.). М. Славинский в газете «Приднепровский край» отрицал литературное родство Андреева с Горьким и утверждал принадлежность «нового дарования» к чеховской шко-

ле: «короткая, отчетливая фраза», «тонкая детализация мгновенно вспыхнувшего настроения», «стремление к символу в реальности и к реализму в символе» (1902, 9 февр.).

В письме к Горькому от 24 ноября Андреев так оценивал свой успех: «Друзья удивляются успеху моей книжки и начинают поговаривать о “дутой знаменитости”. Признак благоприятный. Никто книжку не ругает – признак скверный. Говорят, что молодежь меня одобряет – очень и очень приятно» (ЛН. Т. 72. С. 110). Горький отвечал ему 2 декабря: «<...> молодежь любит тебя пока что – авансом, ибо, кроме “Темной дали”, Вы, сударь, пока ничего ей не дали. По нынешним дням ей потребно жизне-радостное, героическое, с романтизмом (в меру). И – говорю серьезно – надо что-нибудь писать в таком тоне» (Т. 2. С. 217). На «прекрасный рассказ» «В темную даль», который будит в читателе «бодрое, радостное настроение», обратил особенное внимание в своей статье о книге Л. Андреева и критик-марксист А. В. Яровицкий [А. Яр-ий] (Н. Л., 25 окт.). Книга рассказов Андреева очень быстро разошлась. Уже в декабре К. П. Пятницкий писал Горькому: «Пора готовить новое издание» (ЛН. Т. 72. С. 118).

П. М. Невежин – «Драматические сочинения. Т. II» (М., тираж – 1200).

Н. Телешов – «Елка Митрича (Из жизни сибирских переселенцев)» (М., изд-во С. Курнин и К^о, тираж – 3600).

Вопросам образования посвящены вышедшие книги Д. Менделеева «Заметки о народном просвещении России (Из газеты “Россия”)» (СПб., тираж – 610) и Н. Кареева «Идеалы общего образования» (СПб., тираж – 2100).

В год 40-летия отмены крепостного права в России П. Б. Струве издал книгу «Крепостная статистика. Из этюдов о крепостном хозяйстве» (СПб., тираж – 200).

Ibis [В. В. Розанов] делился с читателями «Нового времени» впечатлениями о постановке «Ганнеле» Г. Гауптмана в Литературно-художественном обществе в Петербурге: «Пьеса сразу по-

гружает вас в мир иллюзии и в сущности <...> хороша, хотя немного трудна для зрителя» – «эта немецкая микстура [призрак, жестокость, страдания жен и детей, бесцветность “святости”] совсем не выходит на русской сцене» (14 сент.; перепеч. в кн. Розанова «Среди художников»).

19 сентября состоялась премьера «Дикой утки» Г. Ибсена в МХТ, вызвавшая заметный интерес и разноречивые суждения. Рецензент «Новостей дня» размышлял о перспективах развития русского театра в связи с обращением его к Ибсену: «Художественный театр взял на себя переболеть ибсенизмом <...> Одно из двух. Или сбудутся мечты, что в этой новой драме, с ее широкими символами, желающими захватить в круг художественного ведения то, что при реалистической формуле ускользало от ее консистенция, – что в этой драме – не напрасные усилия, не погоня за химерою. И от нее поведет свое начало новая светлая эра драмы и театра, богатых новым содержанием <...> Или же <...> опять придется искать новое слово, но не в тумане тающих символов, не во всеотрицании, среди ночи пессимизма, но где-то в ином направлении. Может быть, в возврате к старому, но обновленному болезнью для новых форм своего проявления <...>» (–ф. [Н. Е. Эфрос], «Туманные перспективы», 26 сент.). Л. Андреев (Джемс Линч) назвал «Дикую утку» «замечательно умной и удивительно тонкой вещью, при всей своей внешней грубости приемов и небрежности работы. И что важнее всего, это – жизнерадостная вещь, быть может, даже против воли того, кто написал ее». «Гибнут отдельные люди, <...> а “дикая утка” остается, как эмблема, как символ жизни. Жизнь побеждает» (Кур., 30 сент.). Рецензент «Русского слова» отметил, что «пьеса имела успех в тех местах, где драма реальна и понятна» (Б. п., 21 сент.). По мнению Андрея Белого, МХТ «не справился» с «Дикой уткой», хотя «игра актеров была бесподобна, постановка по обыкновению удивительна <...> Ошибка “Художественного театра” <...> в однобоком понимании ибсеновской драмы: только «реальном», но не «символическом» (Лавров А. В. Юношеские дневниковые записи Андрея Белого. С. 128–129). 24 сентября Чехов писал из Москвы Л. В. Средину: «“Дикая утка” на сцене Художеств[енного] театра оказалась не ко двору. Вяло,

неинтересно и слабо» (Т. 10. С. 84). 29 сентября К. С. Станиславский писал В. В. Котляревской о том, что постановка «удалась», несмотря на неодобрение критики (Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1960. С. 219). Впоследствии Станиславский признал критику спектакля обоснованной: «Символизм оказался нам – актерам – не по силам <...> Знаточи объясняли неудачу актеров реалистическим направлением нашего искусства, которое якобы не уживается с символизмом. Но <...> причина <...> иная <...>: в Ибсене мы оказались недостаточно реалистичны в области внутренней жизни пьесы» (Там же. Т. 1. М., 1954. С. 218–219).

О к т я б р ь

М. Горький – памфлет «О писателе, который зазнался» («Русский Туркестан», Ташкент, 31 окт., 4 нояб.).

Леонид Андреев – рассказ «Случай» (Журн. для всех, № 10); фельетоны «Всероссийское вранье» (Джемс Линч, Кур., 7 окт.) – отклик на юбилейные речи в честь 35-летия издательской деятельности И. Д. Сытина 1 октября: обличение либерального краснбайства В. А. Гольцева и В. М. Дорошевича как «хлестаковщины»; «Три сестры» (Джемс Линч, Кур., 21 окт.).

Н. Тимковский – повесть «Фараоновы коровы» (Р. Бог., № 10).

Е. Чириков – повесть «Капитуляция» (Журн. для всех, №№ 9, 10).

В. Розанов в эссе «Трепетное дерево» (Мир Иск., № 10) выразил сомнение в личной виновности предателя Христа Иуды. На деле его вина распространяется на всех христиан, так или иначе причастных к убийству Бога. «История христианства фактически есть история попыток искупить себя от этого греха <...>».

Характерен отклик Андрея Белого в юношеском дневнике: Розанов в своих последних трех статьях, помещенных в журн.

«Мир искусства»*, – «тайный Антихрист, антихрист, носящий маску христианства <...>»; его статьи – «потрясающие по своей силе, талантливости, драматизму, художественности и <...> по своему антихристианству <...> Враги христианству не Толстые, Ницше, атеисты и т. д., это сравнительно еще не так опасны. Опасны мистики, работающие <...> в *пророческом направлении*» á la Розанов (Лавров А. В. Юношеские дневниковые записи Андрея Белого. С. 133).

Н. К. Михайловский – статья «Отрывки о религии» (Р. Бог., №№ 9, 10). Так как христианство, «преподанное человечеству путем откровения свыше», «занимает в истории», по мысли Михайловского, «совершенно особое и неприкосновенное для нас место», то «исследованию с научной точки зрения» подвергнуты в его статье некоторые дохристианские и нехристианские религии: культ предков в патриархальной семье, культ цезарей в древнем Риме, императоров – в древнем Китае. Автор возражал против умаления исторической роли религии в «экономическом материализме» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также полемизировал со статьей Н. А. Бердяева «Борьба за идеализм» (Мир Б., № 6), будто бы отвергавшей «принцип эволюции», необходимый, наряду с накоплением фактов, для создания «науки о религии».

В сентябрьско-октябрьской книжке журн. «Вопросы философии и психологии» (кн. IV (59)) напечатаны статьи П. Борисова [П.Б. Струве] «В чем же истинный национализм? Посвящается памяти Вл. Сер. Соловьева» и В. Ф. Саводника «Ницшеанец со роковых годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма».

Ф. Батюшков – «Бодлер и его русский переводчик П. Я.»; «Еще о Бодлере и его русском переводчике» (Мир Б., №№ 8, 10). В обеих статьях критик выступил против трактовки творчества Бодлера в переводах П. Я. [П. Ф. Якубовича], полагая, что переводчик затушевывает темные стороны мировоззрения французского поэта, не желая видеть в нем «певца зла» и «отца русского декадентства».

* «Интересные размышления Скабичевского» (№ 6), «Звезды» (№ 8–9), «Третпное дерево» (№ 10).

В защиту своего взгляда на творчество Бодлера Якубович опубликовал в «Русском богатстве» (№ 8) статью «В поисках кровавого смысла. Ответ Ф. Д. Батюшкову».

Сергей Дягилев в статье «О русских музеях» («Мир искусства», № 10; отд. издание – ноябрь, СПб., тираж – 30) писал о необходимости пересмотра фондов Русского музея, которые должны стать «нашей историей в ее художественных изображениях».

«8 октября <...> пятеро уполномоченных “членов-учредителей” по делу открытия Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге: Д. Мережковский, Д. Философов, В. Розанов, В. Миролубов и Вал. Тернавцев» отправились за разрешением к обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву; в тот же день они «посетили тогдашнего митрополита петербургского Антония в Лавре». Так появилась надежда на разрешение Религиозно-философских собраний, началось «знакомство интеллигенции с церковным миром <...> В ноябре разрешение было получено: собственно полуразрешение, полупопустительство обер-прокурора, молчаливое обещание терпеть собрания “пока что”» (Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 6. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. М., 2002. С. 264–265, 267).

11 октября Чехов писал своему чешскому переводчику Б. Прусику из Москвы: «Дирекция Художественного театра пока не имеет новых пьес. Она ставит Гауптмана, Ибсена, а из русских – одного меня. На днях окончил пьесу (“Около жизни”) Вл. И. Немирович-Данченко, прислал пьесу (“Мещане”) Максим Горький. Обе пьесы пойдут в Художественном театре» (Т. 10. С. 91).

19 октября в письме к В. С. Миролубову Чехов характеризовал горьковских «Мещан»: «Нового в этой пьесе нет ничего, но это хорошая пьеса». Подробный отзыв о «Мещанах» Чехов дал в письме к автору от 22 октября: пьеса «очень хороша, написана по-горьковски, оригинальна, очень интересна, и если начать с того, что говорит о недостатках, то пока я заметил только один <...> – это консерватизм формы. Новых, оригинальных людей Вы заставляете петь новые песни по нотам, имеющим поддер-

жанный вид, у Вас четыре акта, действ[ующие] лица читают нравоучения, чувствуется страх перед длиннотами и проч. и проч. Но все сие не суть важно и все сие, так сказать, утопает в достоинствах пьесы. Перчихин – как живой! Дочка его очаровательна, Татьяна и Петр – тоже, мать их великолепная старуха. Центральная фигура пьесы Нил – сильно сделан, чрезвычайно интересен! Одним словом, пьеса захватит с первого же акта» (Т. 10. С. 95–96). 13 декабря в письме к жене Чехов делился впечатлениями от чтения последнего акта пьесы: «Читал и не понял. Два раза засмеялся, ибо было смешно. Конец мне понравился, только это конец не последнего, а первого или второго акта. Для последнего же нужно бы придумать что-нибудь другое» (Т. 10. С. 138).

13...17 октября Горький писал К. П. Пятницкому о замысле своей новой пьесы «На дне»: «<...> босяки. Татарин, еврей, актер, хозяйка ночлежного дома, воры, сыщик, проститутки. Это будет страшно. У меня уже готовы планы, я вижу – лица, фигуры, слышу голоса, речи, мотивы действий – ясны, все ясно!» (Т. 2. С. 187).

17 октября И. А. Бунин, по совету Горького, обратился с предложением о сотрудничестве с издательством «Знание» к К. П. Пятницкому (см.: Нинов А. А. М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества. Л., 1973. С. 124). 28-го Бунин писал Пятницкому: «рад, что дело мое с “Знанием” налаживается» (Письма. С. 391).

30 октября Чехов писал жене: «Сегодня был Бальмонт и обедал со мной <...> Скажи Немировичу, что Бальмонт пишет для Художеств[енного] театра пьесу и напишет непременно к весне; я радуюсь, ибо полагаю, что это будет пьеса хорошая, оригинальная» (Т. 10. С. 100). Сотрудничество Бальмонта с МХТ состоялось.

30 октября в Научно-литературном обществе при историко-филологическом факультете Петербургского университета выступил Р. В. Иванов-Разумник с докладом «О “декадентстве” в

современном русском искусстве» (см.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 367–369), на котором присутствовал Блок (Шруба Манфред. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 135).

В октябре юный Б. Н. Бугаев [будущий Андрей Белый] закончил неопубликованный «Рассказ № 1» (в перераб. виде – «Мы ждем его возвращения»), в котором отразились впечатления и переживания, вызванные единственной продолжительной встречей с философом Вл. С. Соловьевым весной 1900 г. в доме семьи его брата М. С. Соловьева. «В дни работы над рассказом <...> М. С. Соловьев, готовивший собрание сочинений брата, разбирал его архив, и Белый постоянно получал известия о ходе этой работы» (А. Лавров, «Наше наследие», № 5, М., 1990, с. 87). В «Ракурсе к дневнику» Андрей Белый вспоминал об октябре: «Читаю реферат “О Мережковском” в кружке для самообразования у Стороженок*, где я принимаю деятельное участие и где ближе знакомлюсь с Эллисом-Кобылинским» (ЛН. Т. 105. С. 340).

Вышла книга рассказов Л. Мельшина [П. Ф. Якубовича] «Пасынки жизни» (СПб., изд. журн. «Русское богатство», тираж – 2000). В авторе рассказов В. Шулятиков увидел «вдумчивого психолога», произведения которого «не одухотворяют розовые надежды народничества» (Кур., 7 нояб.); «И хотя настоящие рассказы г. Мельшина не имеют тех достоинств, которыми отличались его очерки из “Мира отверженных” <...> они оставляют в читателе тяжелое впечатление правды, рассказанной о жизни несчастных» (Б. п., Р. Вед., 5 нояб.).

И. Н. Потапенко – «Земля. Повесть» (М., тираж – 7200); «Лишенный прав. Пьеса в 4 действиях» (СПб., тираж – 200).

Вл. Гиляровский – «Забытая тетрадь (стихотворения)». Изд. 3-е, пересмотр. и доп. (М., изд. И. Д. Сытина, тираж – 3000).

* Имеется в виду семья известного шекспироведа, профессора Московского университета Н. И. Стороженко, друга отца Андрея Белого, профессора-математика Н. В. Бугаева.

Вышла книга Н. Тимковского «Повести и рассказы. Кн. II» (М., изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, тираж – 4300). В нее вошли: «Среди людей», «Драма», «Два представления», «Некогда», «Вместо сына». Высокая оценка книги дана в статье «В тоске по “живой жизни”» В. Шулятикова (Кур., 12 нояб.), который полагал, что по глубине раскрытия «душевного мира» современной интеллигенции Тимковский «занимает одно из первых мест среди новейших русских беллетристов», хотя «как художник <...> уступает молодым корифеям <...> русской литературы». Рецензент «Русской мысли» писал о «гибели слабого человека» как «излюбленном мотиве» Тимковского, который, вместо того чтобы «обвинять» в этом самого героя, неспособного бороться «с жизнью и ее условиями», обвиняет самую жизнь (1902, № 9, «Библиограф. отд.»).

А. М. Федоров – «Старый дом. Драма в 4 действиях» (М., изд. С. Рассохина, тираж – 600).

Александр Курсинский – «Стихи (1896–1900)» (М., 1902, тираж – 400).

У рецензента «Московских ведомостей» возникло «странное впечатление» от соседства «<...> стихотворного сумбура, составленного по рецепту наших доморощенных “декадентов”», с «<...> очень недурны[ми] и проникнуты[ми] настоящим поэтическим настроением вещиц[ами]». Автору высказано пожелание «<...> отделаться от увлечения “модным” направлением в поэзии и ради уродливого оригинальничанья не жертвовать той искрой дарования, которая ему дана» (Д. [Д.Д. Языков], 19 окт.).

Д. С. Мережковский – «Смерть богов. Юлиан Отступник». Изд. 2-е (СПб., 1902, тираж – 3000); «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (СПб., 1902, тираж – 3100). Высокую оценку роману о христианской античности, имеющему заслуженный литературный успех, дал Д. Шестаков: «завершенное, цельное произведение». Вышедший же первым отдельным изданием второй роман трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» «только бледная, выцветшая гравюра сравнительно с полной красками и полной жизнью картиною в “Юлиане”»; «в самой

мысли параллельно представить эти две далекие друг от друга эпохи есть нечто книжное, надуманное, предубежденное» (Мир Иск., 1902, № 1, «Книги»). В. Я. Брюсов в обзоре русской литературы за 1900–1901 гг., напечатанном 20 июля в английском журн. «Athenaeum», констатировал, что в «Воскресших богах» «показано возрождение язычества в эпоху Ренессанса. В романе проявила себя обширная эрудиция автора, однако он не сумел переплавить столь обширный материал в одно художественное целое» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 290. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва). Е. В. Аничков отметил, что в основе обоих романов – «религиозная доктрина вполне продуманная и своя»; во втором романе «впервые языческое начало рассматривается уже в христианскую эру, когда Возрождение вновь открыто вернуло к нему сердце людей». Хотя представленную Мережковским «антиномиию языческого и христианского мирозерцания» Аничков назвал «упростительством и преобладанием чистой логики над историзмом», к «художественной» мысли романиста, которая «не раз приводила Мережковского к самым блестящим и красивым выводам», надо, по мнению критика, относиться так же «художественно» («Литературные образы и мнения». СПб., 1904. С. 163–165). В. Мирский [Е. А. Соловьев] в статье «Наша литература» аттестовал Мережковского как писателя «очень талантливого, очень образованного и с очень широкими литературными замыслами», «замечательного мастера рисовать эффектные, полные движения и красок картины». Однако русскому читателю, предпочитающему «полезное» «прекрасному», «сверкающие краски приподнятой фантазии Мережковского кажутся <...> не вполне естественными...» В «Воскресших богах» «слишком много художественной позолоты и пряностей», что «не позволяет всмотреться в действительно прекрасные, а порою прямо-таки трогательные страницы...» Здесь «герой <...> совершенно в стороне, и весь интерес сосредоточен на побочных <...> обстоятельствах». В результате «великолепная картина итальянского возрождения, <...> не имея центра, значительно теряет в силе производимого ею впечатления», возбуждает «наше любопытство», но оставляет нас «холодными, как в сущности холоден и сам автор» (Журн. для всех. 1902. № 2). Подобно многим критикам, К. Ф. Головин (Орлов-

ский) оценивал «Воскресших богов» в контексте всей трилогии «Христос и Антихрист» – уже вышедшего романа о Юлиане Отступнике и готовящегося к печати «Петра и Алексея». Олицетворение воскресшего язычества в фигуре Леонардо да Винчи – «недоразумение»: Леонардо «вовсе не был вождем своего века», язычество «умственно гораздо полнее олицетворяется Макиавелли, эстетически Бенвенуто Челлини». «Ошибка» Мережковского, по мнению Головина, также и в показе религиозной победы язычества: «Повторяя <...> идею, вложенную Достоевским в “Легенду о великом инквизиторе”, он видит в католицизме победу <...> сатаны над Христом, принижение христианства перед мирскими задачами, духа перед плотью. Исторически это в высшей степени неверно». С «художественной точки зрения <...> роман до крайности неровен. Наряду с очень яркими, блестящими страницами, с тонким воспроизведением эпохи, есть тяжелые длинноты <...>» («Русский роман и русское общество». Изд. 2-е. СПб.: А. Ф. Маркс, 1904. С. 493–494). Отзыв В. Буренина демонстрирует характерное для «Нового времени» отрицательное отношение к «декадентству»: роман «Воскресшие боги» «так растянут <...> что <...> чтение его затруднительно», автор проявляет «начитанность, а не самостоятельность мысли», и начитанность «довольно бестолковую и беспорядочную»; в романе «много посторонних и не относящихся к делу подробностей», писатель «мечется по сторонам, точно угорелый». Надежды критик возлагает на третью – «русскую» – часть трилогии («Критические очерки», 30 нояб., 7 дек.).

В. В. Розанов – «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария, с присоединением двух этюдов о Гоголе». 2-е изд. (СПб., 1902, тираж – 1200).

Г. Александровский – «Валериан Майков и его литературная деятельность. Историко-литературный очерк» (Киев, тираж – 200).

А. М. Скабичевский – «Н. А. Добролюбов, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк» («Жизнь замечательных людей». Биографическая биб-ка Ф. Павленкова. 2-е изд. СПб., 1902, тираж – 4100).

Вышла книга Е. Андреевича [Е. А. Соловьева] «Ницше» и П. Дейссена «Воспоминания о Ницше» (СПб., изд. Б. Звонарева, тираж – 2450).

27 октября в МХТ состоялась премьера драмы Г. Гауптмана «Михаил Крамер». В фельетоне «Если жизнь не удастся тебе, то удастся смерть» Л. Н. Андреев (Джемс Линч) писал о ее воздействии на зрителя, которого: «от всего мелкого, проходящего <...> она подняла <...> на те страшные высоты, где под таинственным небом в вечном молчании завязываются и разрешаются узлы человеческой жизни» (Кур., 4 нояб.). По мнению Андрея Белого, эта «оригинальная постановка» «впечатления <...> не оставляет», так что приходится признать, что «“Художественный театр” не дорос до Гауптмана или Ибсена»: «невозможно ограничиваться исключительно реализмом настроения», «когда настроение в иных местах <...> требует “условности”, “символизации” при исполнении» (Лавров А. В. Юношеские дневниковые записи Андрея Белого. С. 129–130).

Н о я б р ь

М. Горький – рассказ «История одного преступления»* (Кур., 13, 15, 17, 20 нояб.). «Блестки знакомого таланта по-прежнему ярки в г. Горьком», но «молодой беллетрист несравненно сильнее там, где он является во всеоружии и своей изобретательности, и своей фантазии, а не в сюжетах, разрабатывающих обыденно драматическое содержание жизни» (А. И. [А. А. Измайлов]. Новый рассказ М. Горького. Бирж. Вед., 3 дек.).

Л. Андреев – рассказ «Набат» (Кур., 24 нояб.; Н. Л., 24 нояб.). О рассказе «Набат» Андреев отозвался как об «отражении мною переживаемого» (письмо к Горькому, декабрь. ЛН. Т. 72. С. 118). «“Набат” – великолепно! Очень великолепно», – писал Горький Л. Андрееву 2 декабря из Крыма (Т. 2. С. 218). В рецензии на второе издание «Рассказов» Андреева (1902), куда был

* Позднейшее название – «Злодеи».

включен «Набат», Антид Ото [Л. Троцкий] отметил импрессионистичность рассказа, напоминавшего ему «Колокола» Э. По. «Реалист ли Леонид Андреев? Да, реалист, если этим словом хотя бы обозначить не какие-нибудь специальные приемы, но лишь то, что автор не лжет против жизни. Да, реалист. Но его правда – не правда конкретного протокола, а правда психологическая. Андреев, употребляя выражение старой критики, “историограф души” и притом души преимущественно в моменты острых кризисов, когда обычное становится чудесным, а чудесное выступит, как обычное <...>» («Восточное обозрение», 1902, 5 июня).

Ив. Бунин – рассказ «Сосны» (Мир Б., № 11). «<...> “Сосны” – это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона», – писал Чехов Бунину 15 января 1902 г. (Т. 10. С. 169). Отдельные же критики увидели в этом рассказе лишь «канитель манерных, бьющих на тонкую красоту описаний <...>» (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., № 12), «пейзаж с настроением», которое «стало модой» (Д. Абрамов [Д. А. Левин], Р. Сл., 1 дек.).

А. Серафимович – рассказ «Встреча» (Журн. для всех, № 11).

Н. Д. Телешов – рассказ «Песнь о трех юношах» (Р. Мысль, № 11).

А. М. Скабичевский в статье «Новые течения в современной литературе» (Р. Мысль, № 11) писал о том, что внутри «натурализма» давно назрело (еще в позднем творчестве И. Тургенева, затем – у В. Гаршина, С. Надсона) и отчетливо проявилось себя в современную эпоху оппозиционное течение, крайним выражением которого стали нынешние декаденты. Однако «декадентские» тенденции есть и у В. Короленко, и у А. Чехова, и у М. Горького: это склонность к «поэтически своеобразному» («фантастическому» и «исключительному»), субъективность, передача настроений вместо обыденных фактов. Особенно показательным, по мнению Скабичевского, обращение к «символистической поэзии» у М. Горького («Песня о Соколе», «Песня о буревице»).

Корней Чуковский – фельетон «К вечно юному вопросу. Об “искусстве для искусства”» (Од. Нов., 27 нояб.). В своей дебютной публикации 19-летний критик писал: «то, что вчера считалось вредным и бесполезным, становится сегодня необходимой и полезнейшей вещью», поэтому «исключительная забота о форме», возникающая в части современной литературы, «несомненно, полезна и выгодна каждому из нас». В дневниковой записи автор отметил: «Редакция в примечании назвала меня “молодым журналистом, мнение которого парадоксально, но очень интересно”» (Дневник: В 3 т. Т. 1. С. 44). Через две недели после публикации он писал, что продолжает получать «одесситские письма» по поводу своей статьи: «Опровергают, подтверждают и вообще суетятся страшно. А ведь вопрос о чистом искусстве не имеет, кажется, никакого отношения к пшенице» (Там же. С. 46).

6 ноября в письме к жене Чехов делился впечатлениями от посещения Л. Толстого в Гаспре 5 ноября: «Здоровье его лучше, чем было <...> Он, по-видимому, был рад моему приезду. И я почему-то в этот раз был особенно рад его видеть» (Т. 10. С. 106). 14 ноября Чехов, Горький и К. Д. Бальмонт побывали у Л. Толстого в Гаспре («Ежедневник С. А. Толстой», Архив музея-усадьбы «Ясная поляна»). 17 ноября в письме к жене Чехов опроверг дошедшие до Москвы слухи о болезни и смерти Л. Толстого: «Он, правда, слаб, на вид хил, но нет ни одного симптома, который угрожал бы, ни одного кроме старости...» (Т. 10. С. 117). 29 декабря Чехов писал П. А. Сергеенко: «старость заметно овладевает им; это значит, что он может прожить еще лет 20 и может умереть от малейшего пустяка каждый день» (Т. 10. С. 154).

7 ноября, по разрешению департамента полиции, Горький «ввиду серьезной его болезни» и «впредь до решения возбужденного о нем дознания» (ЛЖТ Горького. С. 337, 344) уехал в Крым из Нижнего Новгорода. В адресе от молодежи, прочитанном на прощальном банкете, устроенном накануне, говорилось: «Наступает новая эпоха в русской жизни <...> и мы считаем Вас <...> самым талантливым ее провозвестником». Горький прочел

на банкете памфлет «О писателе, который зазнался», где «клеймил холопство, трусость, полнейшее отсутствие активности, господствующее в современном обществе» («Искра», 1902, 15 янв.). После многолюдных проводов Горького в Нижнем Новгороде состоялась демонстрация, о которой писал В. И. Ленин в статье «Начало демонстраций»: «Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло <...> в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города <...>» («Искра», 20 дек.). В Москве на вокзале «стояла толпа учащихся, человек в 400, преобладали студенты <...> Горькому был приготовлен адрес (под которым тут же подписывались) и портрет Л. Н. Толстого» («Искра», 20 дек.). Но Горький не был допущен в Москву и провел день 8 ноября в Подольске, где встретился с Ф. И. Шаляпиным, Л. Н. Андреевым, И. А. Буниным, Н. Д. Телешовым и др. (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 533).

9 ноября Чехов писал жене: «Всех лучших писателей я подбиваю писать пьесы для Худож[ественного] театра. Горький уже написал; Бальмонт, Леонид Андреев, Телешов и др. уже пишут» (Т. 10. С. 109).

13 ноября А. Л. Волынский в аудитории Исторического музея в Москве прочел лекцию «Современная русская беллетристика и журналистика» (Р. Сл., 13 нояб.; текст лекции опубл.: Молоствов Н. Г. Борец за идеализм (А. Л. Волынский). 2-е изд. СПб., 1903. С. 95–193). «Мережковский – как флюгер вращается по воле ветров, дующих в разные стороны и с разных сторон. Лектор хлестко разносит этого писателя за “Леонардо да Винчи”, произведение, сшитое из клочков разных авторов, без ссылки на них. Этот писатель – декадент рассудочный, Гиппиус, в противовес ему, – декадентка ощущения. Ее писания – паутина ощущения; в них глубоко спрятанная фальшь» (Б. п., Р. Сл., 14 нояб.). 14–18 ноября отклики также появились в газетах «Курьер», «Новости дня», «Московский листок», «Русский листок», «Новое время», «Прибалтийский край», «Родная речь», «Одесский листок», «Южный край», в журн. «Литературный вестник» (№ 8). Брюсов записал в ноябрьском дневнике: «Лек-

ция была полна личных выходов, но не лишена красивых характеристик. Когда дело дошло до того, что “Михайловский – либеральный жандарм, стоящий на своем полустанке и пропускающий мимо поезда современности”, – начались свистки; <...> но свист заглушен был аплодисментами. То же и после лекции. Иные газеты писали иначе, но это неправда. После лекции студенты очень волновались, и споры между ними доходили до ссор». Волинский был очень рад, продав статью «скорпионам», говорил о них «умиленно» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 125). В неотправленном ноябрьском письме Брюсова к Мережковскому были слова: «Ожесточеннее всего <...> бранил он именно Вас». В письме к С. А. Полякову от 6 декабря Брюсов писал: «Мережковские <...> ругают всячески Волинского. Гиппиус говорит, что ушла из “Северного вестника” потому, что не могла печататься в той же книге, где Волинский» (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 42, 41). Повторно лекция была прочитана 28 ноября в «Зале черноголовых» в Риге. 29–30 ноября появились отклики в газетах «Прибалтийский край» («Письмо в редакцию» В. Е. Чехихина, 30 нояб.), «Рижский вестник», «Düna Zeitung», «Deenas Lapa».

13 ноября И. А. Бунин писал Ф. И. Шаляпину по поводу писательских «Сред» на квартире Н. Д. Телешова в Москве: «Мы <...> собираемся <...> еженедельно <...> для небольших чтений, разговоров и скромной выпивки и все будем чрезвычайно рады тебе» (Письма. С. 392).

После 19 ноября Горький извещал В. А. Поссе: «А. П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: “Чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного”<...>

Вообще – знамения, все знамения, всюду знамения. Очень интересное время» (Т. 2. С. 208).

В русской прессе печатались сообщения о переводе произведений Чехова, Л. Толстого, Горького на немецкий и другие европейские языки. Так, «Ялтинский листок» напечатал три заметки на эту тему (30 окт., 14 нояб., 17 нояб.).

В связи с отменой полицией вечера, посвященного 40-летию со дня смерти Н. А. Добролюбова, в Москве 18 ноября состоялась демонстрация протеста перед домом генерал-губернатора, по поводу которой В. И. Ленин писал в статье «Начало демонстраций» («Искра, 20 дек.). В том же № «Искры» помещена статья В. Засулич «Н. А. Добролюбов».

В ответ на сообщение О. Л. Книппер о трудных репетициях в МХТ пьесы Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах», Чехов в письме от 27 ноября заметил: «Пьеса Немировича будет иметь успех» (Т. 10. С. 125). 28 ноября В. Э. Мейерхольд писал А. Н. Тихонову (Сереброву): «В театре туман. Нехорошо, что ставится пьеса Немировича, бездарная, мелкая, приподнятая фальшиво. Все по-боборыкински! И отношение автора к среде, и словечки, и стиль письма. Стыдно, что наш театр спускается до таких пьес» (Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. М., 1968. С. 73).

27 ноября Блок писал тетке, С. А. Кублицкой-Пиоттух, о происходивших в Петербургском университете событиях – «коренной реформе»: «вчера мы (“1-й курс филологов”) “выбирали” старост в “разрешенном” собрании под председательством Алекс. Ив. Введенского. Определились партии – радикальная, оппозиционная; а я со многими другими принадлежу к партии “охранителей”, деятельность которой, надеюсь, будет заключаться в охранении даже не существующих порядков, а просто учебных занятий, которые, как мне все больше кажется, составляют главную задачу Университета» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 367).

27 ноября Шведская академия наук присудила первую Нобелевскую премию французскому поэту Сюлли-Прюдому; «<...> все возмущаются тем, что академия по политическим и религиозным соображениям, не имеющим ничего общего с литературой, демонстративно игнорировала заслуги Толстого» (Kristianpienser, «Шведская академия и литература», СПб. Вед., 8 дек.). 7 (20) декабря шведские деятели литературы и искусства (Стриндберг, Сельма Лагерлеф, Цорн, Тор-Гедберг и др.) обратились к Толстому с письмом: «Мы видим в вашем лице не только приз-

нанного всеми патриарха современной литературы, но также одного из величайших мыслителей-поэтов, которому (в данном случае) должно было принадлежать самое первое место <...>» (СПб. Вед., 8 дек.).

12–16 (25–29) ноября М. А. Волошин в письме к М. Пешковскому из Парижа признавался: «Я уже настолько <...> вошел в курс современных литературно-научных течений французской мысли, что совсем привык к отсутствию моралистических тенденций в общественных науках, искусстве и в литературе <...>, свойственных русским» (см.: Т. 8. С. 678)

29 ноября в Петербурге в Малом зале Географического общества на Фонтанке открылись Религиозно-философские собрания, в Совет которых вошли: епископ Сергей Ямбургский (ректор Петербургской духовной академии), Д. С. Мережковский, В. С. Миролюбов, В. В. Розанов и В. А. Тернавцев. Основная цель «Собраний» – соединить «представителей духовной науки и светского знания», чему и был посвящен доклад Тернавцева, со вниманием воспринятый присутствовавшими священниками (В. Розанов, «Религиозно-философские собрания», Н. Вр., 9 дек.). Констатировав «духовный упадок и экономическое разорение», «внутреннее идейно-нравственное бессилие» современной ему России, Тернавцев в своем докладе «Русская церковь пред великою задачей» утверждал, что возрождение страны может совершиться только «на религиозной почве». Однако традиционное православие исповедует «один только загробный идеал», касающийся сугубо личного «спасения», «оставляя земную сторону жизни, весь круг общественных интересов пустым, без воплощения истины». Русская интеллигенция, напротив, одушевлена идеями общественного служения человечеству в духе секулярно-гуманистических учений Запада, без учета высших мистических целей человеческого существования. Кризис обеих сил может быть преодолен на путях «религиозно-общественного» сближения Церкви и интеллигенции: первой необходимо открыть в себе «правду о земле», второй – обратиться ко Христу (Записки петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903. М., 2005. С. 6, 7, 19).

З. Н. Гиппиус оставила воспоминания об этом дне: «Духовенство белое и черное преобладало. Черного было даже, кажется, больше. С левой стороны ютились мы, “интеллигенты”, учредители и члены просто». Назвав вступительную речь председателя собраний преосв. Сергия, епископа Ямбургского, «малозначительной», Гиппиус подробно остановилась на докладе Тернавцева как на «краеугольном камне» всех последующих заседаний: «к нему всегда возвращались, какая бы ни была очередная тема». Доклад Тернавцева, близкий идеям Мережковского, «встретил со стороны представителей церкви не то что отпор, а совершенное непонимание ни его сути, ни главного вопроса, ни попутных» (Собр. соч. Т. 6. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. С. 268–270, 274).

Редактор-издатель журн. «Миссионерское обозрение» В. М. Скворцов одобрил «первую <...> попытку к духовному общению представителей богословской науки и пастырского служения с людьми светского культурного общества», назвав ее «многообещающей»: обсуждение вопросов веры происходило «на почве совершенной терпимости и в широком философском освещении» (№ 12). «Крайне отрадным явлением», в котором «давно ощущалась живейшая потребность», назвал «Собрания» харьковский профессор А. Шилтов, однако, по его мнению, «для большего успеха дела желательно издание записок или протоколов собраний в видах распространения их в провинции» (Н. Вр., 19 дек.).

17 декабря Чехов писал В. С. Миролюбову: «Читал в “Новом времени” статью городского Розанова, из которой между прочим узнал о Вашей новой деятельности. Если бы Вы знали, <...> как я был огорчен! <...> Что у Вас, у хорошего, прямого человека, что у Вас общего с Розановым, с превыспренно хитрейшим Сергием, наконец с сытейшим Мережковским?» В религиозных вопросах, по мнению Чехова, «важны не забытые слова, не идеализм, а сознание собственной чистоты, т. е. совершенная свобода души Вашей от всяких забытых и не забытых слов, идеализмов и проч. и проч. непонятных слов. Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своей совестью <...>» (Т. 10. С. 141–142).

В ноябре Брюсов посетил в Москве Ю. И. Айхенвальда. Говорили, что Психологическое общество «падает», а с ним – и журнал «Вопросы философии и психологии». «Нет писателей, а среди читателей общественные вопросы заступили место философских» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 126).

К ноябрю-декабрю относятся дневниковые записи Горького о встречах с Л. Толстым в Крыму, из которых впоследствии составил литературный портрет «Лев Толстой» (Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 16. М., 1973. С. 260); со слов С. В. Рахманинова, американская чета Суанов воспроизвела запись Чехова, относящуюся к концу 1901 – началу 1902 г.: «Сегодня ходил к Толстому. У нас была очень интересная беседа, продолжавшаяся два часа. Горький все время наблюдал за Толстым, словно фоторепортер <...>» (Суан, А. Дж. и Е. Воспоминания о Рахманинове // Советская музыка. Сб. 4. М.; Л., 1945. С. 128).

В ноябре отдельным изданием вышла трагедия И. Ф. Анненского «Меланиппа-философ» (СПб., тираж – 800). Автор «до такой степени проникся и духом, и стилем младшего из великой триады трех афинских трагиков, что эти дух и стиль стали <...> его душой» (П. Соколов, М. Вед., 12 дек.).

Вышла книга поэта-самоучки, столяра П. А. Травина «Думы. Книжка 1. Стихотворения» (М., тираж – 1200). Сочувственной рецензией откликнулся С. Яблоновский (Р. Сл., 9 нояб.).

Д. Н. Цертелев, кн. – «Стихотворения. 1883–1901» (СПб., 1902, тираж – 1200).

В. В. Розанов – «Литературные очерки. Сборник статей». Изд. 2-е (СПб., 1902, тираж – 600).

Н. В. Гоголь – «Письма. Тт. 1–4. Ред. В. И. Шенрока» (СПб., изд. А. Маркса, тираж каждого тома – 4150).

В. В. Сиповский – «Пушкинская юбилейная литература (1899–1900). Критико-библиографический обзор» (СПб., тираж – 300).

С. Пшибышевский – «Афоризмы и прелюдии». Пер. с польского А. Курсинского (М., 1902, тираж – 700).

19 ноября состоялось открытие независимой Русской Высшей школы общественных наук в Париже, где начали преподавать либерально настроенные профессора М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров, Е. В. Де Роберти, И. И. Мечников, Е. В. Аничков и др.

9–11 (22–24) ноября М. А. Волошин сообщал матери: «Лекции русской школы очень интересны и народу на них много» (Т. 8. С. 674).

Д е к а б р ь

К. Бальмонт – стихотворный цикл «Художник-дьявол. Книга сатурналий» (Еж. Соч., №№ 1–3, 6, 9, 11–12); статья «Поклонение кресту» (Мир Иск., № 11–12), вошедшая позднее в книгу сочинений Кальдерона, переведенных Бальмонтом (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1902).

В. Г. Короленко – очерки «У казаков (Из летней поездки на Урал)»; «Поездка по верховым станицам» (Р. Бог., №№ 10–12). Очерки были положительно оценены Толстым и Чеховым (Батюшков Ф. Д. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., 1922. С. 43). Критика отметила и художественное, и научно-познавательное значение нового произведения Короленко (И. [А. Измайлов], Бирж. Вед., 30 дек.). В газ. «Уралец» в конце 1901 – начале 1902 гг. появилась серия статей за подписью Ф. С. (предположительно – Фотий Солодовников), автор которых с раздражением протестовал против выводов писателя об «исторически неизбежном отмирании полупатриархального казачьего строя жизни» (Неизвестные письма В. Г. Короленко М. Е. Верушкину (публикация Н. Евстратова) // Русская литература. 1963. № 2. С. 170).

С. Я. Елпатьевский – «Рассказы о прошлом. Из автобиографии моего приятеля» (Р. Мысль, №№ 1, 3, 7, 9, 10, 12).

Скиталец – «Сквозь строй. Повесть одной жизни» (Мир Б., № 12). Еще до публикации произведения Горький писал В. А. Поссе в октябре: «<...> я не очень ценю эту вещь» (Т. 2. С. 182). 1 января 1902 г. Л. Толстой сделал запись в записной книжке: «Читал рассказ Скитальца[а] — нехорошо» (Т. 54. С. 264); но тогда же, в разговоре с Горьким, отмечал и «большой талант» автора (Из письма Горького К. П. Пятницкому от 7 января 1902 г. Т. 3. С. 8). 30 декабря 1901 г. Л. Андреев писал Горькому: «Про “Сквозь строй” можно сказать то же, что Тургенев, кажется, сказал про добролюбовские стихи: не беллетристика, но нечто лучшее, чем беллетристика. Душа – дай бог всякому такую душу!» (ЛН. Т. 72. С. 127). Произведению Скитальца была посвящена статья А. Измайлова «Новые веяния в народнической литературе» (Бирж. Вед., 24 дек.), в которой так определялось новое слово, сказанное писателем о человеке из народа: «Скитальцы – это не певцы народной обездоленности во вкусе Глеба Успенского», но и «не Златовратские и Засодимские». «Это – певцы людей с вечным беспокойством в сердце, убежденнейшие демократы», «сторонники сильных и провозвестники их будущего воцарения». «В философии Скитальца <...> слишком много точек соприкосновения с философией Горького», но «его работа идет, по-видимому, лишь параллельно работе Горького, а не по готовой канве <...>».

Леонид Андреев – рассказ «В подвале» (Кур., 25 дек.); фельетоны «Писатели» (Джемс Линч, Кур., 2 дек.) – о материальной необеспеченности и кабальном труде честных писателей и журналистов, об унижительной зависимости драматурга от антрепренера, о богатой жизни литераторов, потакающих низменным вкусам толпы; «Люди теневой стороны» (Джемс Линч, Кур., 30 дек.) – о людях, отличающихся «нелюбовью к солнцу или боязнь его». Но «сейчас песенка пессимизма спета, и, какие бы новые мотивы для нее ни придумывать, они даже в исполнении величайшего артиста прозвучат фальшью».

Став редактором беллетристического отдела «Курьера», Л. Н. Андреев напечатал в рождественском номере газеты (25 дек.) произведения участников телешовских «сред»: расска-

зы Е. Чирикова «В сугробах», Н. Телешова «Мусью», Е. Гославского «Радетель», очерк Скитальца «Дон-Кихот», стихотворение Ив. Бунина «Stella maris».

И. Н. Потапенко – повесть «Путь к славе» (Р. Мысль, №№ 10–12).

З. Гиппиус в эссе «Хлеб жизни» (Мир Иск., № 11–12) писала о необходимости соединения «хлеба плоти» (науки, искусства, литературы, общественности, политики) и «хлеба духа» (религии, Церкви), которые, по ее мнению, «равноправны и равнонеобходимы в каждый данный момент для каждого человека» и вместе составляют единый «хлеб жизни». Пренебрегая «плотью», «историческое христианство» «идет против жизни»; подлинная церковь – «жизнь духа во плоти», «жизнь людей во всей полноте». Гиппиус заключала: «мои единомышленники – все; только не все это знают».

Статья Л. Северова [Л. П. Радина] «Объективизм в искусстве и критике» (Науч. Обзор., № 11–12) – посмертная публикация критической работы автора известных революционных песен, один из опытов ранней марксистской критики в России. Во вступлении «От редакции» (№ 11) говорилось: «<...> мы <...> вполне разделяем чувства его близких знакомых, утверждающих, что в лице Радина преждевременно погибла крупная литературная сила». Статья направлена против «неонароднического» течения в литературной критике, во главе с Н. Михайловским, которое, уклонившись «от литературных взглядов и традиций 60-х годов», выдвинуло «точку зрения субъективного идеала», принеся ему в жертву требования «живой правды жизни» в искусстве. Обновить литературную критику на принципах полной объективности, «вернувшись к традициям 60-х гг.», предстоит марксизму, чье влияние скажется «не только в сфере науки, но и в близкой к ней по духу области художественного творчества <...>». «Вопреки мнению г. Михайловского, я глубоко уверен, что нашей литературе предстоит пережить вскоре период пышного расцвета. Так бывало всегда <...> на крупных поворотных пунктах истории, когда на арену выступал новый общественный

класс, полный веры в себя и в свои силы, гордый сознанием своей исторической миссии».

В статье «Со скрижалей сердца» («Миссионерское обозрение», декабрь) В. Скворцов назвал «миссию Церкви среди интеллигенции» самым «назрелым и животрепещущим» вопросом современности: после «антицерковной, противохристианской толстовской эпопеи» необходимо воссоединить русскую интеллигенцию, чуждую «заветам православия и народности», как «самую огромную (по численности и по антицерковному настроению и влиянию) секту на Руси святой» и Церковь на основе «взаимного понимания».

5 декабря Мережковские предложили Д. В. Филосову переехать к ним в дом Мурузи в Петербурге и зажечь «общинной». Всю осень и зиму члены «троебратства» еженедельно встречались для совместной молитвы (Гиппиус З. О бывшем (1899–1914) // Дневник. Т. 1. С. 113).

6 декабря в московской квартире М. С. и О. М. Соловьевых состоялся вечер с участием литературной молодежи (Андрея Белого, С. М. Соловьева, А. С. Петровского), В. Я. Брюсова и приехавших из Петербурга Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (см.: «Начало века». С. 192–197). Брюсов записал в декабрьском дневнике: «Мережковские были в Москве пять дней. Мы, “скорпионы”, с ними почти что не разлучались <...> С первых встреч они “ошарашили” нас своим христианством <...> были более чем любезны, наперерыв славили мои стихи, читали свои, спорили, просили советов». Мережковский «читал свои стихи, все о Христе да о Страшном суде, довольно плохие. Потом читала Зиночка, прекрасные». «Вечером мы были у Соловьевых <...> говорили о красоте. Дм. Серг. вопил против красоты, против декадентов etc. Проповедь против декадентов особенно всех поражает у Зиновки <...> Но – они против декадентства, они за религиозность. Дм. Серг. говорил, что в “Мире искусства” раскол, ибо литературный отдел уже явно религиозный, а художественный еще чисто эстетический <...> Были там еще два наших студента-декадента: Бугаев, Борис Ник. (автор “Симфоний” и

сын проф. Бугаева) и Петровский <...>; Бугаев старался говорить вещи очень декадентские. Оба благоговели перед Мережковским и Зиначкой». Посетив в МХТ спектакль «Дядя Ваня» (по Чехову), «Мережковский ужаснулся на пошлость пьесы <...>» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 126–128, 130).

Для Андрея Белого «конец месяца окрашен: 1) увлечением поэзией <З. Н.> Гиппиус, 2) более серьезным отношением к старчеству (через Св. Серафима)» (Ракурс к дневнику // ЛН. Т. 105. С. 341).

8 декабря Мережковский прочел в Московском университете реферат «Русская культура и религия», вызвавший оживленные прения с участием Н. В. Бугаева, В. И. Герье, С. Н. Трубецкого, Г. А. Рачинского (Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М. 2008. С. 405). Присутствовавший Брюсов записал в дневнике: «<...> было народу мало, т. к. Психологическое общество страха ради судейского не печатало объявлений. Читал Мережковский хорошо, и глаза его сверкали, но менее театрально, чем Волынский. <...> Доклада не понял никто» (Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. С. 129–130).

9 декабря в Томске скончался известный беллетрист-народник Н. И. Наумов.

Появились сочувственные некрологи П. В. Быкова (Россия, 11 дек.), И. И. Попова («Восточное обозрение», 13 дек.).

12 декабря К. Д. Бальмонт делился с В. С. Миролубовым: «Много написал новых стихов. Кому петь их? Я забит в гробницу своего разорванного “я”» (Лит. Арх. № 5. С. 152). 21 декабря писал Горькому о впечатлениях от встречи с ним: «До этой встречи я чего-то не знал, и это что-то большое, а глядя на Вас, слушая Вас <...> в самом себе понял многое, что было под горами мусора <...>» (М. Горький. Материалы и исследования. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 192). С этим же письмом выслал стихотворение «Горькому».

По мнению афонского схимонаха о. Ксенофонта (до монашества – кн. К. А. Вяземского), высказанному в письмах к сестре от 24 (11) августа, 24 (11) сентября, 21 (8) ноября, 14 (1) декабря, о. Иоанн Кронштадтский – *«лживый и вредный шарлатан»*, чьи проповеди «полны самопревозношением, проклятиями и руготней, ничего общего не имеющей с учением Христа». «Милый старичок» Толстой, который «сам стелит постели своим гостям, так добродушно улыбается, сидя за самоваром, так деликатно подшучивает над вновь приезжим», с «любовью и участием» относится «к последнему бедняку», не может быть «антихристом, вероотступником» и «худым человеком». Его «заблуждения» следует преодолевать, «не проклиная его и не ругая, а с кротостью, разумно увещевая <...>». Афонское духовенство, по свидетельству о. Ксенофонта, разделилось «на два лагеря: на злобствующих и ненавидящих Толстого (коих большинство) и на соблезнующих и ужасающихся этой возникшей в России борьбе» (Ежегодник на 2000 год. СПб., 2004. С. 173, 175, 170, 169).

19 (6) декабря по случаю 25-летия революционной деятельности Г. В. Плеханова состоялись торжественные собрания социал-демократических групп в Женеве, Берне, Париже, Цюрихе и других городах (Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 5. М., 1967. С. 368, 459).

30 декабря Л. Н. Андреев писал И. А. Бунину: «Что-то очень близко созвучное чувствую я в тебе» (Письма Л. Андреева и И. Бунина (публ. и коммент. И. Газер) // Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 164).

В декабре А. И. Куприн стал заведующим беллетристическим отделом редакции «Журнала для всех» (см.: Куприн А. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 11 доп. М., 2007. С. 192).

В начале декабря вышел V том «Рассказов» М. Горького в изд-ве «Знание» (СПб.), где опубликован полный текст романа «Трое». Роман снова вызвал разногласия мнений, на этот раз по большей части критических. Чехов, высоко отзывавшийся о начале произведения в публикации журн. «Жизнь», 7 декабря писал О. Л. Книппер: «Читал конец “Троих”, повести Горького.

Что-то удивительно дикое. Если бы написал это не Горький, то никто бы читать не стал» (Т. 10. С. 133). 23 декабря Горький, находившийся в Крыму, сообщил К. П. Пятницкому: «Сегодня у меня был Толстой <...> Очень нахваливал <...> меня за первую половину “Троих”, а о второй сказал, что “это анархизм, злой и жесткий”» (Т. 2. С. 230). Л. Андреев горячо принял «Троих» («<...> написаны удивительно, по-горьковски одним словом. Вольной кистью, а не кисточкой, которой глаза барыни подводят»), хотя ему тоже не понравился конец произведения, но по противоположной причине – за недостаток «анархизма»: «Хуже всего Илья. Он должен был погибнуть, но ты погубил его на интеллигентный манер – он съел всего себя без остатка, как заправский Гамлетик <...> Он должен был стать силой, темной силой <...> Ведь от него анархистом за версту пахнет» (письмо от 30 декабря. ЛН. Т. 72. С. 126). В. Я. Брюсов в обзоре русской литературы за 1900–1901 гг. в английском журн. «Athenaeum» (20 июля) признал «Троих» «одной <...> из самых замечательных повестей текущего года», хотя и с «неровным» стилем: «Одни части художественно совершенны, другие написаны вяло» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 289–290. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва), а в неопубликованном обзоре «Русская литература в 1901 году» писал, что в этой повести Горький, как «дарование молодое, все еще неустановившееся, <...> чувствует <...> религиозные веяния современности» (Там же. С. 284. Публ. С. П. Ильёва).

Разные суждения высказывались и в критике. «<...> Нам более симпатичен прежний чистый художник М. Горький с его цельными, яркими новеллами <...> чем Горький – философ-проповедник и обличитель <...>», – писал А. Измайлов (Бирж. Вед., 17 дек.); В. Шулятиков считал, что в «Троих» Горький, «по-видимому, сказал свое решительное слово о босяках», основная цель которых «отомстить обществу, унижить его и насладиться его унижением <...> – в другого рода торжестве им отказано». Грачев – как будто «человек уже “нового” закала <...>», но Горький, увлекшись «босяцкой точкой зрения своих героев <...> все-таки развенчал его» (Кур., 21, 24 дек.). И. [И. Н. Игнатов] также считал Грачева «наименее интересной фигурой во всем рассказе, тогда как именно Грачев должен бы особенно ин-

тересовать читателя». В целом «герои последнего произведения г. Горького поражают бессилием и отсутствием воли» (Р. Вед., 14 дек.). Совсем другой взгляд высказала Е. Колтоновская в статье «Новое о старом», считая основной заслугой писателя в “Троих” непреклонность героя, его способность оставаться «неизменным, как бы ни измяла и не изуродовала его жизнь» (Обр., 1902, № 1).

Отношение самого Горького к своему произведению тоже не было однозначным. В начале месяца (4 декабря) он писал К. П. Пятницкому: «Сейчас прочитал “Трое”. Знаете – это хорошая книга, несмотря на длинноты, повторения и множество других недостатков <...> Знаю, что по поводу ее печать и сытая публика будет говорить о падении таланта, порче языка и т. д. Прекрасно!.. Я думаю, что обязанность порядочного писателя – быть писателем неприятным публике <...>» (Т. 2. С. 221–222), а в конце месяца (23 декабря) он высказал Л. Андрееву свою неудовлетворенность «Троицами»: «Вещица – однобокая. Видишь ли что: вся жизнь – все, что вокруг нас вертится и ревет, – все это сводится к одному: к борьбе раба за свободу, господина – за власть и свободу власти. В “Троих” это не показано» (Т. 2. С. 229).

Вышла книга Д. Мережковского «Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV века» (М., кн-во «Скорпион», 1902, тираж – 700).

С. Я. Надсон – «Недопетые песни (Из посмертных бумаг)» (СПб., тираж – 3000).

Вышел поэтический сборник К. Случевского «Песни из уголка» (СПб., 1902, тираж – 5100). Наибольшее внимание уделил ему В. Я. Брюсов, чья рецензия появилась в английском журн. «Athenaeum» (1902, № 5, 5 июля). Назвав Случевского «одним из самых замечательных русских поэтов», Брюсов поставил его последнюю книгу на «первое место» среди текущих явлений русской поэзии. «Стихи, объединенные под названием “Песни из Уголка”, по большей части посвящены тривиальным вещам, актуальным темам каждодневной жизни, происшестввиям домашнего быта и встречам. Но Случевский умеет подойти к каж-

дому вопросу с неожиданной стороны, <...> показать каждый предмет по-новому и озарить его светом поэзии. Его стихотворения полны мысли. К сожалению, его просодия не всегда совершенна, порой беззаботность певца доходит до нарушения формы <...> Но бесформенность стихов Случевского подобна кактусу: он сохраняет свою индивидуальность и не имеет ничего общего с банальностью» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 304. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва). Подробнее Брюсов высказался, уже откликаясь на кончину поэта в 1904 г.: «Менее всего Случевский был художник <...> Когда <...> в “Песнях из Уголка” <...> он говорил прямо от себя, все у него выходило как-то нескладно, почти смешно, и вместе с тем часто пророчески сильно, огненно ярко. В самых увлекательных местах своих стихотворений он вдруг сбивался на прозу, неуместно вставленным словом разбивал все очарование и, может быть, именно этим достигал совершенно особого, ему одному свойственного, впечатления <...> В своих старческих песнях из Уголка, Случевский, как лунатик, <...> влечется к <...> противоречию [между положительной “наукой” и художественной “мечтой”] и снова торжествует бессмертие мечты в одном из своих лучших созданий: “Ты не гонись за рифмой своенравной”. Но где-то глубоко в его душе остается скрытое, подавленное, запрещенное сомнение в праведности своего дела – работы художника» («Поэт противоречий. К. К. Случевский», «Весы», 1904, № 10). В разделе, посвященном Случевскому в V томе «Истории русской литературы XIX века» под ред. Д. Н. Овсянко-Куликовского (М.: Изд. т-ва «Мир», 1911), Брюсов отметил, что «Песни из уголка», в которых «много тонких наблюдений над жизнью природы и самостоятельных мыслей о вопросах современности», «возбудили» «общее внимание», а «немузыкальный стих» Случевского «таит в себе глубокую энергию выражения» (С. 279). В обширном очерке о поэзии Случевского, основанном преимущественно на «Песнях из уголка», Д. Михайлов отметил, что в «старческих» стихах «мысль, воображение поэта кипит, работает с юношеским воодушевлением» (Очерки русской поэзии XIX века. Тифлис, 1904. С. 418, 415). Сопоставив сборник Случевского со «Скучной историей» Чехова, Л. М-ч [Л. З. Маркович] пришел к выводу о том, что, в отличие от че-

ховского героя, «у гофмейстера и редактора “Правителственного” Вестника» К. К. Случевского была эта “общая идея”, так как он автор “песен из уголка”, – песен старости, чистых и спокойных, вдумчиво-строгих, временами торжественных», обращенных к «сказкам загробной жизни» («Два певца», «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 10). А. А. Измайлов высказался не только о роли Случевского как предтечи новых поэтов 1900-х гг. («Период совершенно явных нащупываний нового содержания и новых форм в поэзии <...> начинается покойными Случевским и Влад. Соловьевым <...>»), но и отметил его превосходство над ними («<...> Случевский в своей “Песне из уголка” <...> куда же моложе, непосредственнее, отзывчивее, чем молодой, <...> истинный сын времени – Брюсов!»). (Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 5, 21).

Вышла книга П. Вейнберга «Стихотворения. С добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова» (СПб., 1902, тираж – 1500). Критически отнесся к юбилейному изданию поэта В. Я. Брюсов в обзоре русской литературы за 1901–1902 гг. в английском журн. «Athenaeum» (5 июля 1902 г.): «Его стихи ничем не интересны и не оригинальны. Он скорее переводчик и юморист, писавший под вульгарным псевдонимом “Гейне из Тамбова”» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 305. Публ. и обр. пер. с англ. С. П. Ильёва).

Ив. А. Бунин – «Велга. Северная легенда» (М., изд. С. Курнина и К°, тираж – 5000); «Полевые цветы. Сборник стихотворений и рассказов для юношества» (М., изд. С. Курнина и К°, тираж – 4000).

Вышла книга Г. Галиной «Стихотворения» (СПб., 1902, тираж – 1200). Отметив «грациозное дарование молодой поэтессы», А. И. Куприн констатировал, что «светлое, жизнерадостное настроение <...> выгодно выделяет» книгу «из бесчисленного множества тускло-серых и бесцельно-тоскливых сборников, наполняющих <...> книжный рынок» (Журн. для всех, 1902, № 5).

Вышла первая книга С. Сергеева-Ценского — стихотворный сборник «Думы и грезы» (Белгород, тираж — 300).

Вышел 3-й том Собрания сочинений Вл. С. Соловьева в 9 т. (СПб., изд. «Общественная польза», тираж — 5000), содержащий религиозные труды философа 1877–1884 гг., «самого блестящего, — по мнению В. В. Розанова в статье «Вл. Соловьев и Достоевский», — периода его деятельности». Соловьев «вошел как философ средних размеров в толпу огромных уже ранее его бывших и частью ему современных философов», ибо в России философия существовала не в виде «отвлеченных систем с параграфами», а в виде художественных творений Гончарова, Тютчева, Толстого, Достоевского и др. Русская литература — «одна из самых великих мировых философий», «страшный суд» над человеком совершается в ней без осуждения, горечи, мщениия, что и делает ее «святым явлением». Тяга Соловьева к литературе доказывает, что он был истинным философом. «Очень значительным явлением» назвал Розанов встречу у старца Амвросия в Оптиной Пустыни Достоевского, Вл. Соловьева и К. Н. Леонтьева. По его мнению, Соловьев не смог убедительно оспорить по сути верные мысли Леонтьева о Л. Толстом и Достоевском как «розовых христианах», потому что Леонтьев лучше Соловьева знал «подлинное фактическое христианство». В отличие от Леонтьева, Достоевский и Соловьев говорили от имени «мечтательного» и «пророчесственного» христианства (Н. Вр., 1902, 20 сент.). Впоследствии Розанов дополнил и уточнил высказанные мысли: если все русские философы и богословы (отчасти за исключением А. С. Хомякова) писали о чужих, в основном иностранных, работах на религиозно-философские темы, то Вл. Соловьев «первым у нас стал заниматься темами или предметами» самой философии, самого богословия; в нем «загорелся энтузиазм к подлинным религиозным темам», к самому «существованию» религии, а не «мнениям» около нее («Об одной особенной заслуге Влад. Соловьева», Нов. П., 1904, № 9).

Сергей Нилус — «Голос веры из мира торжествующего неверия. Поездка в Саровскую пустынь» (М., 1902, тираж — 5000).

В Лондоне и Нью-Йорке вышел английский перевод «Юлиана Отступника» Д. С. Мережковского, сделанный Г. Тренчем. В Милане «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи» изданы на итальянском языке в переводе Н. Романовской (Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. С. 405).

По вопросам образования высказался Я. К. Грот в книге «По поводу школьной реформы. О необходимых элементах общего образования и воспитания. С присоединением статьи Я. К. Грота “К вопросу о национализации русской школы”» (СПб., 1902, тираж – 300).

В декабре на сцене Литературно-художественного общества в Петербурге и в театре Корша в Москве с большим успехом была поставлена пьеса С. А. Найденова «Дети Ванюшина»: «За последние годы я не могу припомнить ни одной новой русской пьесы, в которой так ярко и неопровержимо сказался бы талант» (П. Ярцев, Т. и Иск., № 52); «Русская драматургия сделала шаг вперед <...>» (Пэк [В. А. Ашкинази], Нов. Дня, 18 дек.). «После пьес “настроения”, символических, философских» чисто бытовая драма, казалось, потеряла право на существование. Но Найденов опроверг это своей пьесой, которая «при помощи старых реалистических приемов» открыла «скрытые или недостаточно освещенные до тех пор стороны жизни», – писал И. [И. Н. Игнатов] (Р. Вед., 16 дек.). С теми, кто считал драму «только бытовой», спорил Я. А. Ф-ин [Фейгин]: «В том-то и интерес ее, что автор вовсе и не намеревался создать жанровую картину, а <...> сумел обобщить основную мысль драмы до пределов общечеловеческой трагедии <...>» (Кур., 18 дек.). Консервативные «Московские ведомости» развенчали пьесу: «Ну, зачем же так сгущать краски? И пусть мне не говорят, что такова сама жизнь, что такую ее воссоздавали <...> Островские. Нет, скажу я <...> Там обыкновенно есть хоть один “луч в темном царстве”. Здесь же <...> тьма беспросветная» (Ехтер, М. Вед., 17 дек.). В статье «Раскол в “темном царстве”» (написанной в 1903, «Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1901–1904)», 1902 г. и опубликованной в советские годы) В. В. Воровский анализировал изображение в пьесе «исторического процесса разложения старосветской мещанско-купеческой среды». Не-

достаток «Детей Ванюшина», «особенно сильно сказавшийся на обрисовке молодого поколения», критик увидел в «слабой типизации» (Соч. Т. II. М., 1931. С. 171, 164).

21 декабря в МХТ с успехом прошла премьера спектакля по пьесе Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах». Мнение Чехова: «пьеса <...> шумная, трескучая» (Т. 10. С. 149).

В т е ч е н и е г о д а

В художественной литературе, критике, на сцене весьма популярна «босаяцкая» тема. Фельетонист «Новостей дня» писал по этому поводу: «<...> наряду с Максимом Горьким, совершающим <...> общественное служение, наряду с его учениками, занявшимися серьезным изучением мира отверженных <...> лезут из всех щелей чуткие к спросу литературные промышленники <...> Трущобы – московские, киевские, одесские, нахичеванские, чуть ли не тетюшские – вот единственный сюжет, прельщающий теперь издателей и литературных камло» (Пэк [В. А. Ашкинази], «Кстати», Нов. дня, 2 окт.; также фельетон В. Дорошевича «Мода», Рос., 13 нояб.).

Стихотворения поэтов-символистов Ф. Сологуба, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, Н. Минского, И. Коневского, А. Добролюбова печатались в альманахе «Северные цветы на 1901 год» (апрель), в журн. «Мир искусства», «Наблюдатель», «Журнал для всех» и др.

Стихотворения И. Бунина, О. Чюминой, Г. Галиной, П. Я. [П. Ф. Якубовича], С. Маковского, В. Мирович, П. Гайдебурова, Вл. Ладыженского, Скитальца и др. печатались в журн. «Мир Божий», «Русское богатство», «Русская мысль», «Журнал для всех», газ. «Курьер» и др.

Кружок, собиравшийся с осени на квартире приват-доцента Б. В. Никольского по вторникам, объединял петербургских студентов-литераторов и др. участников: А. А. Блока, Л. П. Карсавина, А. А. Кондратьева, В. И. Кривича (Анненского), В. Л. По-

лякова, Л. Д. Семенова, Д. Н. Фридберга, С. В. фон Штейна, – вокруг готовившегося «Литературно-художественного сборника» (вышел в 1903 г.) (Шруба Манфред. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 137).

Андрей Белый назвал 1901 «<...> единственным годом в своем роде», который «переживался <...> максимальнейшим напряжением <...> В этом же году складываются основные ноты моего творчества; <...> отсюда, из этого года, протягиваются нити, складывающие мое будущее» (Материал к биографии // ЛН. Т. 105. С. 57–58).

Вышли 1–7 тт. Собрания сочинений Ф. Ницше в 10 т. (М., 1901–1903, тираж каждого тома – 2400).

С разрешения духовной цензуры массовыми тиражами печатались многочисленные материалы о «лжехристианстве» Л. Толстого, в том числе проповеди почитаемого в народе о. Иоанна Кронштадтского «Отношение интеллигенции к духовной жизни <...>», «О благодатном возрождении <...>», «Богоборство Л. Толстого – не новость в мире», «За Крест Христов – против Л. Толстого <...>», «Писания Л. Толстого и его собратий – источник мутной веры и – где вода живая? <...>», «Св. Александр Невский – обличитель Л. Толстого и его последователей <...>», «Святителю Отче Николае, приди с высоты небес и обличи безумца Л. Толстого! <...>» и др., наполненные резкими выражениями: «мнимые обьюродевшие мудрецы со Львом Толстым во главе» – это «неразумные и дерзкие умники», «развращающие <...> свою недостойною проповедью» русский народ, стремящиеся лишить его «святой, спасительной Веры и Церкви <...> и <...> навязать ему свой бред, выдумки своего темного ума <...> безверие и безначалие, лишить его всякой почвы и основы под ногами» и др. (см.: Сергиев (Кронштадтский) И. И., прот. «Против графа Л. Н. Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени и раскольников». СПб., 1902. С. 71, 87).

Л. С. Бакст, участник сложившегося вокруг журн. «Мир искусства» кружка, написал большой портрет В. В. Розанова (находится в Третьяковской галерее), на котором «хорошо схвачен

зоркий, из-за очков, взгляд светло-карих глаз писателя. В руках Розанова маленькая статуэтка Изида – намек на те беседы и обмен чувств, которые вызвали к бытию этот портрет» (Перцов. Лит. восп. С. 217).

Итоги литературного года

Суждения обозревателей об итогах литературного года отличались разноголосицей.

«Русское богатство» вновь сетовало на «оскуднение» литературы, которое преследовало, как «кошмар», народнического критика (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., 1902, № 1). А. В. Амфитеатов отметил то же явление: «Русский толстый журнал умирает <...> Приютом русского беллетриста все чаще и чаще становится поэтому ежедневная газета, художник слова соседствует и роднится с журналистом. Взаимовлияние соседствующих сил не остается без последствий. В произведениях <...> писателей-беллетристов <...> зазвучал <...> интересный публицистический оттенок». «Записки врача» Вересаева явились «блестящим образцом новой художественной публицистики» (Old Gentleman, Рос., 1902, 2 янв.). О «Записках врача» как об одном из самых «выдающихся явлений в литературе минувшего года, которые волновали общественную мысль», писал и А. И. Богданович (А. Б., Мир Б., 1902, № 1).

В. М. Шулятиков утверждал, что литература в основном уклонялась от «широкой постановки общественных проблем» в сторону «индивидуальной психологии» («Три сестры», книга Л. Андреева, рассказы Бунина), сделав излюбленным своим героем «одинокую» интеллигентскую личность (В. Ш., Кур, 1902, 1 янв.). Исключение делалось для «Троих» Горького, рассказов Серафимовича и некоторых других произведений.

Обозреватель «Русских ведомостей», напротив, увидел в литературе истекшего года «тревожное» общественное чувство: «<...> не о веселье и счастье говорили эти голоса; в них <...> звучали скорбные ноты, но не по поводу несовершенств мира <...> а из-за несовершенства человеческих установлений» («Литература в 1901 году», Р. Вед., 1902, 1 янв.).

«Против общего мнения» пошел В. Я. Брюсов в неопубликованном обзоре «Русская литература в 1901 году»: «1901 год в литературном отношении надо признать замечательным. Он дал выдающиеся произведения, обнаружил новое, важное течение в литературе и проявил усиленную деятельность в собирании и издании старого, дорогого нам. Чего же больше?» К «выдающимся произведениям» Брюсов причислил исследование Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», книгу В. В. Розанова «В мире неясного и нерешенного», «повесть» Горького «Трое», «драму» Чехова «Три сестры», рассказы Л. Андреева. «Новое <...> течение в литературе», по мысли Брюсова, обозначено открытием в Петербурге Религиозно-философских собраний, которые «отмечают поворот на новый путь русской мысли, а стало быть, и русской литературы. Перестав быть грубо реалистической, русская литература не впадет ни в эстетизм, ни в декадентство, а станет религиозной и через то народной <...> религиозному течению современной литературы <...> суждено стать господствующим» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван. 1983. С. 283, 285. Публ. С. П. Ильёва).

«Трое» Горького, «Три сестры» Чехова, сибирские рассказы Короленко и книга рассказов Л. Андреева фигурировали в большинстве обзоров как наиболее яркие и значительные литературные явления года.

1902 год

Январь

Русское общество взволновано тяжелой болезнью Л. Толстого, находящегося в Крыму. К концу января состояние здоровья писателя резко ухудшается (началось воспаление легких с температурой до 40°). «Первый раз еще в России умирает такой великий человек, как Лев Толстой, – пишет Горький В. Поссе после 24 января, – и умирает он в момент очень высокого подъема духа в русском обществе» (Т. 3. С. 28). 27 января Чехов пишет О. Л. Книппер: «Т[олстой] очень плох <...> Вероятно, о смерти его услышишь раньше, чем получишь это письмо. Грустно, на душе пасмурно» (Т. 10. С. 180).

На случай смерти Толстого в министерстве внутренних дел заготовлено секретное предписание министра губернаторам ряда губерний принять меры к воспрепятствованию демонстраций по пути следования тела писателя в Ясную Поляну (ЛЖТ Толстого. С. 406). 29 янв. выходит специальное распоряжение Главного управления по делам печати, вменяющее в обязанность цензурным комитетам и цензорам «во всех извещениях и статьях о гр. Толстом» соблюдать «необходимую объективность и осторожность» (Русская литература, 1966. № 4. С. 175). Запись от 27 янв. в дневнике М. Л. Сухотина, зятя Толстого: «Недавно Сипягин [министр внутренних дел] выкинул такую штуку. Маркс выпустил приложением к своей “Ниве” “Обозрение России XIX столетия” <...> В литературном отделе был между прочими литераторами помещен и портрет Л. Толстого довольно большого формата. Главный цензор кн. Шаховской усомнился и сходил к Сипягину за указаниями, как поступить. Сипягин вычеркнул

портрет Толстого. Маркс представил в цензуру новый экземпляр своей книги, поместив Толстого в маленьком виде в компании Горького, Потапенко, Короленко, Авсеенко и т. п. Шаховской снова обратился к Сипягину. Сипягин и этот портрет зачеркнул. Так и выпустил Маркс обзор русской литературы, где потомство не найдет портрета Толстого. Запрещается печатать на открытках портреты Толстого» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 164). «31 января отобрали подписку в магазине не выставлять портретов Толстого и от Главного управления по делам печати сказали, что портрет Толстого нельзя помещать ни в каком случае... Действительно, бессмертные дураки, ибо трудно предположить в будущем еще больших дураков» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина /Текстологическая расшифровка. Н. А. Роскиной. Подг. текста Д. Рейфилда, О. Е. Макаровой. М., 2000. С. 433–434). 2 февраля Ф. Ф. Фидлер приводит в своем дневнике рассказанное В. В. Барятинским: «Три дня назад, во время спектакля в его (Барятинского) театре, явилась полиция и потребовала убрать бюст Толстого, стоящий в фойе (полиция опасалась, что с минуты на минуту может поступить известие о смерти Толстого и публика устроит перед его бюстом манифестацию). В самом начале театрального сезона ему (Барятинскому) пришлось снять висевшую в фойе известную картину Наумова “Белинский перед смертью” (с жандармом в дверях)» (Фидлер. С. 327). В начале февраля Победоносцев «отдал распоряжение местному духовенству, чтобы, как только станет известно о кончине Льва Николаевича, священник вошел в дом, занимаемый им <...> и, выйдя оттуда, объявил окружающим его и ожидающим у ворот лицам, что граф Толстой перед смертью покаялся, вернулся в лоно православной церкви, исповедовался и причастился» (Б[уланж]е. Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 годах. «Минувшие годы». 1908, сентябрь. С. 64).

Лечивший писателя С. Я. Елпатьевский рассказывал: «...не было ни одного светлого промежутка, малейшего пробуждения сознания, чтобы его мысль снова не начинала работать, – напряженно и властно...» (С. Я. Елпатьевский. Близкие тени. Ч. II. М., 1916. С. 35). 16 января Толстой заканчивает и отправляет боль-

* Примечание К. М. Азадовского: «В 1901–1906 гг. Барятинский был номинальным антрепренером в Новом театре Яворской» – с. 710.

шое письмо Николаю II, в котором разоблачается зло самодержавной власти («форма правления отжившая»), говорится о «всеобщем недовольстве правительством всех сословий и враждебном отношении к нему» и содержится призыв к уничтожению земельной собственности (Т. 73. С. 184–191).

Сенсационным литературно-общественным событием января стало опубликование в газ. «Россия» (от 13 января) фельетона А. Амфитеатрова «Господа Обмановы», направленного против царской семьи Романовых. На следующий день Амфитеатров был арестован, отправлен в Иркутск и затем выслан на 5 лет в Минусинск, а издание газеты правительственным распоряжением от 14 января прекращено. «Номера газет с “Обмановыми” имели колоссальный успех, у их обладателей сходились целые очереди читателей, причем иногда за прочтение с них брали плату, которую затем обращали на те или иные “незаконные” цели: помощь ссыльным и т. п.» (из коммент. А. Б. Дермана ко второму тому «Переписки А. П. Чехова и О. Л. Книппер». М., 1936. С. 250). Брюсов записал в дневнике об очередном вторнике в Литературно-Художественном Кружке: «День был тотчас по закрытии “России”. Газету читали все в читальне, но никто не соглашался прочесть вслух (“тут об особе государя”, говорил Сахаров), и все смотрели из-за плеча» (Дневники. С. 113).

О реакции Толстого – запись от 31 янв. в дневнике М. Л. Сухотина: «Л. Н., несмотря на то, что не может он чувствовать симпатии к Романовым, не одобрил грубого и бесцельного пасквиля Амфитеатрова <...> Слухи, что Амфитеатров возвращен с пути <...> порадовали Л. Н. Едва слышно он произнес: “Это доброе движение сердца государя”» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 166).

24 (или 25) янв. Горький писал К. П. Пятницкому: «Амф<и-театрова> фельетон – пошлость, плоское благерство <...> Я рад, что Амф. послали в Иркутск, быть может, он там будет серьезнее. Он все же – талант, хотя грубый, для улицы, для мещанина» (Т. 3. С. 27). Однако, уже 24 февр. написал сочувственное письмо Амфитеатрову в Минусинск («Не падайте духом, голубчик! <...> Соберите в кучу Ваш талант и опыт и хорошим усилием воли пустите себя в дело <...> ведь этот кавардак, происходящий в жизни русской наших дней, – долго продлиться не мо-

жет»), но и здесь критически высказался о направлении его творчества: «Порою – со злобой на Вас – видел, как Вы руками мастера, способного лепить крупные фигуры, – создаете безделушки для забавы сытых и праздных мешан» (Т. 3. С. 36–37).

В. Вересаев – рассказ «За права (Из летних встреч)» (Кур., 9 янв.).

В журнале «Мир Божий», № 1, начинает публиковаться повесть В. В. Вересаева «На повороте». 18 января Горький написал Вересаеву о «радости», которую вызвало у него начало повести своим «жизнедеятельным настроением»: «Здорово это, весело, бодро, возбуждает желание обнять Вас крепко, и – главное – своевременно это, как раз в пору<...>» (Т. 3. С. 24). 2 февраля Вересаев ответил Горькому: «Насчет отзыва боюсь, что вы в дальнейшем разочаруетесь <...> Вы поймете это, когда дочитаете повесть мою до конца» (В. Вересаев. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1961. С. 431).

Е. Чириков – повесть «Роман в клетке» (Р. Мысль, № 1).

А. Вербицкая – рассказ «Вечеринка» (Р. Бог., № 1). В критике рассказ Вербицкой и повесть Чирикова «Роман в клетке» рассматриваются как произведения, затрагивающие тему положения женщины и демонстрирующие «полную несостоятельность» «современного социально-семейного строя» (Е. Колтоновская. Умирующие иллюзии. Обр., № 3).

Тан [Богораз В. Г.] – очерк «Домой» (Мир Б., № 1). В «Русских ведомостях» очерк назван «едва ли не самым интересным и наиболее талантливо написанным произведением из всего напечатанного в первых вышедших книжках журналов»; «...из своих наблюдений над отношениями различных народностей описываемого края (северо-восточное побережье Азии, Камчатка.– *Ред.*) он создает общую картину завоевательных стремлений так называемых культурных людей» (И. [И. Н. Игнатов]. Р. Вед., 17 янв.).

А. И. Куприн – рассказ «В цирке» (Мир Б., № 1). 22 января Чехов известил Куприна, что «повесть “В цирке” <...> очень понравилась» Толстому: «Будьте добры, пошлите ему Вашу книжку...» (Т. 10. С. 177). 31 января Чехов писал О. Л. Книппер: «В цирке» – «это свободная, наивная, талантливая вещь, притом написанная несомненно знающим человеком» (Т. 10. С. 182). Со времени опубликования рассказа начинается постоянное сотрудничество Куприна в «Мире Божьем» и активное участие в редактировании журнала.

И. Бунин – рассказ «Осенью» (Мир Б., № 1). «“Осенью” Бунина сделано несвободной, напряженной рукой...» (из п. Чехова к О. Л. Книппер, 31 янв. Т. 10. С. 182). В «Журнальном обозрении» Ю. Веселовского из «Донской речи» (7 февр.) рассказ оценивается «как оригинальный эскиз», чья «суть – в передаче настроения, обстановки, – в тонкости психологического анализа» (цит. по: ЛЖТ Бунина. С. 450). «Быть может <...> греза одиноких и страстных созерцаний, быть может, очерк действительного – маленький в прозе шедевр – “Осенью”» (Н. Я. Абрамович. Эстетизм и эротика, Обр., 1908. № 4).

И. Бунин – рассказ «Новый год», стихотворение «Ночь» (Р. Мысль, № 1).

В конце января – начале февраля Брюсов пишет Бальмонту: «Я возненавидел Бунина, но в “Р<усской> м<ысли>” (1) его стихи хороши» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 117).

Л. Андреев – рассказ «Бездна» (Кур., 10 янв.). Рассказ вызвал горячие критические толки в литературных кругах. Нововременская критика в лице Буренина, говоря о «наглой вздорности и пакостности» рассказа, воспользовалась случаем для очередного развенчания «новых талантов» русской литературы и либеральной критики, их поддерживающей (Н. Вр., 4 окт.). Но и сама либеральная критика писала о патологичности, «художественной распушенности» произведения Андреева: «Г. Андреев видит в человеке – зверя» ([В. А. Гольцев], Р. Мысль, № 5).

18 июня Вл. И. Немирович-Данченко писал Горькому: «Я не верю финалу “Бездны”. Это уродство, каких не мало в человеке»

ской жизни, а не бездна... Впрочем, я и в такое уродство не верю...» (Вл. И. Немирович-Данченко. Избранные письма. М., 1954. С. 213). Мнение о безнравственности рассказа с особой резкостью устно высказал Л. Н. Толстой: «Какая грязь... какая грязь... Чтобы юноша, любивший девушку, заставший ее в таком положении <...> чтобы он пошел на такую гнусность!» (М – с. [Ф. Г. Мускаблит]. В Ясной Поляне, Бирж. Вед., 31 авг.) Мнение это оспорил Вл. Кранихфельд («г. Андреев обнаруживает в этой щекотливой теме вполне безупречное целомудрие и художественный такт»), предъявив Андрееву другой упрек – принижение интеллекта: «Не в одном только этом рассказе, но и во всех других автор не отводит интеллекту почетного места в жизни человека, и в острые моменты борьбы между различными сторонами человеческого Я интеллект или не играет в рассказах г. Андреева никакой роли или, если играет, то в конце концов оказывается побежденным <...>» (Леонид Андреев и его критики. Обр., № 10). В письме к Л. Андрееву (около 23 янв.) Горький назвал «Бездну» «хорошей затрещиной» мешанам, «оттого они и недовольны»; но вместе с тем упрекал писателя: «будь злым, будь мрачным, но – не будь пессимистом!» (Т. 3. С. 26, 25). 2(15) декабря в п. к А. М. Пешковскому из Парижа (отзываясь, по видимому, на републикацию рассказа в одном из позднейших переизданий т. 1 «Рассказов» Андреева) Волошин писал о «Бездне»: «Фабулу я не считаю невозможной и болезненной. В человеке все уживается рядом... как две волны, которые идут <в> разные стороны и проходят одна сквозь другую, не разбиваясь <...>. Одна волна прошла сквозь другую – это бездна <...> Во всяком случае это хороший рассказ <...> Хотя он “сделан” не вполне безукоризненно. Это куда выше первой книжки его рассказов, которая, кстати, мне совсем не нравится» (Т. 8. С. 771).

Отвечая своим критикам, Л. Андреев еще в январе выступил с фельетоном (Джемс Линч. Мелочи жизни, Кур., 27 янв.), в котором протестовал против обвинения его в клевете на человеческую природу: «Можно быть идеалистом, верить в человека и конечное торжество добра – и с полным отрицанием относиться к тому современному двуногому существу без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось

животным»; «Можно ли оклеветать тех, на совести которых лежат хотя бы одна только англо-бурская или китайская война?..»

Б. Зайцев – рассказ «Земля» (Кур., 20 янв.).

В «Ежемесячных сочинениях», № 1, публикуются стихи В. Брюсова, К. Бальмонта, К. Фофанова, М. Лохвицкой; в январских номерах «Журнала для всех», «Мира Божьего», «Русской мысли» – стихи И. Бунина. В «Журнале для всех», № 1, помещены 2 «богоискательских» стихотворения З. Гиппиус «Христу» и «О другом».

В Лондоне, в изд-ве «Свободное слово» (янв.– февр.) выходят публицистические обращения Л. Толстого «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка», призывающие солдат и офицеров «свергнуть с себя постыдное и безбожное звание» военных, поруганное подавлением рабочих и крестьянских волнений.

Начинает выходить ежедневное периодическое издание новременского публициста М. О. Меньшикова «Письма к ближним», составленное из его фельетонов.

Из литературно-критических материалов особенное внимание привлекло предисловие Л. Толстого к роману Вильгельма фон Поленца «Крестьянин» (пер. с немецкого), вышедшему в конце месяца в издательстве «Посредник». Толстой высказал здесь мысль об общем упадке современной литературы, связывая его с пагубными последствиями цивилизации. Чехов назвал предисловие Толстого «грубоватым и неуместно придирчивым» (Т. 10. С. 211). «...Нельзя, конечно, принять без очень и очень существенных оговорок, – заметил А. Богданович, – эти решительные приговоры великого писателя, скорее глубоко интересные для характеристики мысли самого Толстого...» (Мир Б., № 4). Вместе с тем исходный тезис Толстого об упадке литературы был близок другим критикам, о чем свидетельствуют обзорные статьи о литературе в январской прессе. Современную литературу чернило «Новое время» («Критические очерки» В. Буренина, Н. Вр., 11 и 25 янв.). Критик народнического «Русского богатства» объяснял «литературное безвременье» общественной реакцией,

с одной стороны, а с другой, развитием материальных сил страны, поглотившим «много <...> живых и энергичных деятелей, ушедших на службу к русской промышленности», иначе, развитием капитализма (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., № 1). Типичный признак литературного упадка другой критик «Русского богатства», Н. К. Михайловский, видит в «факте вытеснения романа очерками и рассказами» (Литература и жизнь, Р. Бог., № 1. С. 92). Он объясняет это явление в том числе следующими причинами: «Газета <...> требует беллетристики: какая-нибудь случайно бросившаяся писателю в глаза мелочь в старые годы откладывалась в кладовую памяти или заносилась в записную книжку, чтобы войти впоследствии <...> в состав большой и более или менее стройной картины; ныне она идет в газету в сыром виде, а оттуда в сборник рассказов. Сборники газетной беллетристики составляют самое подходящее чтение для едущего по железной дороге, подходящее именно своей разорванностью, отсутствием внутреннего взгляда. И этих двух явлений, у нас сравнительно новых, – газеты и железной дороги, пожалуй, уже достаточно для объяснения наплыва “очерков и рассказов” в ущерб роману» (Там же. С. 96). Высказываются и другие причины: «Отсутствие романа – признак слабости творческой фантазии» (Неизвестный [И. Н. Потапенко], Рос., 1 янв.); «...дело не в талантах, а в мирозерцании – нудном, угрюмом, тоскливом...» (Северов [П. О. Морозов], Нов., 10 янв.). Но общая версия о господстве рассказика «короче воробьиного носа» (там же) как признаке упадка литературы является распространенной. Пессимистам возражал В. Шулятиков, отмечая талантливость художников-реалистов, пришедших в русскую литературу в конце 90-х – начале 900-х годов («Несколько слов о литературном “оскудении”», Кур., 18 марта).

Публикуются критические материалы, относящиеся к Горькому. В упомянутой статье Подарского о «литературном безвременье» «единственным выдающимся писателем <...> обещающим возвращение к здоровым традициям», назван Горький. «Курьер» информирует об исключительной популярности Горького на Западе (В. Шведов [В. А. Поссе]. М. Горький в западной литературе, Кур., 2 янв.). Консервативная пресса помещает се-

рию положительных рецензий на статью Вогюэ (опубликованную во Франции, в «Revue des deux mondes»), характеризующую Горького проповедником нигилизма, безверия, разрушительных стремлений (А. Суворин. Маленькие письма, Н. Вр., 7, 8 янв.; Серенький [И. И. Колышко]. «Идейка». Гражд., 13 янв.; А. Барсгарин [А. И. Введенский]. Мельхиор де-Вогюэ о Максиме Горьком. М. Вед., 26 янв.). В августе книга Э. М. де-Вогюэ «Максим Горький как писатель и человек» (изд. Д. П. Ефимова. М.) вышла в русском переводе.

В январе вновь разгорелись споры вокруг книги В. Вересаева «Записки врача» (в связи с открывшимся в Москве 3 января VIII Пироговским съездом врачей): «В каком большом обществе не спорят теперь о Вересаеве?» (Н. Шебуев. Противоречия, Р. Сл., 11 янв.). Оживленные дебаты о «Записках врача» в Лит.-худ. кружке привлекли многочисленную публику (Кур., 9 янв.). В газете «Курьер» (и других) от 14 января помещено «Открытое письмо» Вересаева участникам Пироговского съезда: «Горячий привет вам, стоящим за самые высокие и ценные права науки – ее неограниченную свободу и широкую гласность».

В январской журналистике популярна тема 60-х годов. С воспоминаниями о Н. А. Добролюбове выступает М. А. Антонович (Журн. для всех, № 1). Н. А. Энгельгардт обличает «игрушечный материализм, хлыщеватый нигилизм и грязноватый утилитаризм» «чернышевских, писаревых, благосветловых, шелгуновых» («О наследии шестидесятых годов». Н. Вр., 16 янв.). В связи с этим «Новости» пишут о «новомременском Вурдалаке», который «с ожесточением грызет мертвые кости тех людей, культурное значение которых не может отрицать ни один просвещенный человек» (А. Яблоновский. «Сын Герцена», 18 янв.). Позднее, в мае, выходит книга В. А. Добролюбова (брата критика) «Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбове, Н. Г. Чернышевском и духовенстве» (СПб., 1902, тираж – 2000), возмущенно опровергающая фальсификацию наследия

* В декабре 1901 г. он поместил в «Новом времени» (6 и 16 дек.) две статьи в том же духе.

60-х годов, обвинения в отрицании искусства, утилитаризме, семинарской «грубости».

Молодой Блок заканчивает набросок статьи о русской поэзии, в котором символизм рассматривается как последнее слово ее развития: «В минуту смятения и борьбы лжи и правды <...> взошли новые цветы – цветы символизма, всех веков, стран и народов <...> Это была новая поэзия в частности и новое искусство вообще. К воздвижению мысли, ума присоединилось воздвижение чувства, души. И все было в Боге»; «Великие учителя» новой поэзии – «Тютчев, Фет, Полонский, Соловьев» (Т. 7. С. 23, 29).

Пресса широко и регулярно освещает сценическую жизнь, отмечая бурный рост театрального дела в России. Приводятся следующие данные: «В 1900 году драматической цензурой было прочтено 2.800 пьес, в 1901 году – свыше 3.000. С 1865 года число пьес, ежегодно представляемых в драматическую цензуру, увеличилось в десять раз» (Н. Вр., 24 янв., отд. «Театр и музыка»). «Сцена стала кульминационным пунктом всей ныне сущей интеллигенции. Бурами* и всемирными выставками интересуются в значительной мере слабее, чем бенефисом в большом театре» (Барон Игрек [Н.Э. Гейнце]. О театре наших дней, Пб. Газ., 4 янв.); «За границей театр за редкими исключениями составляет только вопрос искусства; для России – он <...> входит <...> в круговорот предметов и понятий “первой необходимости”» (О. Дымов [О. И. Перельман]. Заметки об искусстве, Бирж. Вед., 10 янв.).

20 января Чехов сообщает О. Л. Книппер о замысле новой пьесы – «Вишневый сад» (Т. 10. С. 174).

В письме к Книппер от 21 января писатель замечает: «Что за гадость наша мелкая пресса! Каждый день пишут обо мне, о Горьком – и ни слова правды. Противно» (Т. 10. С. 176).

24 января Чехову присуждена Грибоедовская премия за пьесу «Три сестры» Обществом драматических писателей и оперных композиторов (ЛЖТ Чехова. С. 696). В письме к О. Л. Книппер

* Имеется в виду англо-бурская война 1899–1902 гг.

от 29 января Чехов замечает: «Как это нескладно, что мне назначили Грибоедовскую премию! Это не даст мне ничего, кроме буренинской брани...» (Т. 10. С. 181).

9 января Главное управление по делам печати разрешает к постановке в МХТ пьесу Горького «Мещане» с большими цензурскими купюрами. По этому поводу министр внутренних дел Д.С. Сипягин пишет московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу: «Хотя из пьесы “Мещане” устранены все неудобные в цензурном отношении места и выражения, но, принимая во внимание широкую популярность Горького в известных кругах публики и особенно молодежи, а также направление названного писателя <...> не благоугодно ли будет вашему императорскому высочеству назначить для присутствия на генеральной репетиции пьесы “Мещане” особое лицо, которое могло бы доложить вам о сценическом впечатлении, производимом первым драматическим опытом М. Горького» (ЛЖТ Горького. С. 366).

В начале января (до 11) ялтинский уездный исправник берет у Горького подписку о невыезде из Олениза (Крым) без специального разрешения (Там же. С. 367).

В январских письмах Горький ополчается против новых течений в среде интеллигенции, связанных с поворотом ее к религии, богоискательскими настроениями: «Если б Вы знали, как мне противен этот поворот *назад*, к самоусовершенствованию! <...> Теперь – совершенный человек не нужен, нужен боец, рабочий, мститель» (п. к К. П. Пятницкому около 9 янв. Т. 3. С. 13).

После отказа книгоиздательства «Скорпион» (в лице Брюсова), выпустившего поэтический сборник Бунина «Листопад», принимать другие книги писателя, он вступает в издательские контакты со «Знанием». 11 января Горький пишет К. П. Пятницкому: «Очень рад, что Бунин отошел от “Скорпиона”» (Т. 3. С. 16). Того же 11 января Бунин пишет Чехову о предстоящем издании «Знанием» его сочинений – «томика нов<ых> стих<отворений>, книжки рассказов и 2-ого изд. “Гайаваты”

* Подробнее об этом см. в работе Д. Риникера // И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 428–431.

[перевода поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате»] (Письма. С. 396).

Леонид Андреев организует писателей-реалистов вокруг газеты «Курьер», 13 января обращается с письмом к А. С. Серафимовичу: «В “Курьере” подбирается хорошая компания беллетристов, и мне, как заведующему этим отделом и ценящему ваш талант, очень хотелось бы пригласить Вас как сотрудника» («Московский альманах». Кн. Первая, 1926. С. 280).

Около 12(25) янв. Волошин выступил в Высшей русской школе общественных наук (Париж) с лекцией «Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого»: «Я выставлял Некрасова, как истинного художника, предтечу всех новейших течений русской поэзии, а Алексея Толстого, как вечный тормоз искусства – олицетворение академизма <...>, – писал он Е. С. Ляминой 16 (29) янв. – <...> Успех был полный: т.е. вся русская колония только и делает, что ругательски ругает меня <...> Дело в том, что я сказал, что русские либеральные журналы являлись всегда крайними консерваторами в области искусства <...> назвал шестидесятые годы “узкими” и гибельной эпохой для нового искусства, а, с другой стороны, восхвалял Некрасова за его широкое отношение к политическим и социальным темам» (Т. 8. С. 698–699).

Лекция легла в основу статьи под тем же названием, развертывающей это противопоставление. В противоположность Толстому «в своих эстетических взглядах Некрасов был настолько же широк, как и в своих исторических эмоциях» (Т. 6. Кн. 2. С. 120).

(Статья Волошина была впервые опубликована лишь в 1996 г. – в журн. «Русская литература», № 3).

25 января на литературно-музыкальном вечере в пользу Литературного фонда в Большом зале консерватории был восторженно «громом рукоплесканий и приветственными кликами встречен Н. К. Михайловский. Ему был подан лавровый венок» («Московские вести», Р. Вед., 26 янв.).

29 января в Лит.-худ. кружке П. Боборыкин прочел реферат «О литературном пролетариате», посвященный вопросам улучшения быта литературных работников, единения журналистов для борьбы с эксплуатацией издателей. Реферат вызвал сочувственные отклики в прессе.

В связи с открытием в Москве выставки «Тридцати шести» художников (на которой были представлены работы Врубеля, А. Васнецова, Малявина, Бенуа, Сомова и др.) Л. Андреев в «Курьере» размышляет об утверждении нового в искусстве: «Давно уже глухо ворочается громада искусства, давно уже начала колебаться почва под ногами и изменился горизонт, но глаз никак не хочет приноровиться к новому виду и требует старого. Но он *должен* приноровиться, и в этой борьбе двух начал – привычного старого и нового – заключается одна из самых интересных особенностей нашего времени» (Джемс Линч. Мелочи жизни, Кур., 6 янв.).

6 января в Петербурге открылась выставка работ членов Московского товарищества художников (Поленова, Коровина, Мусатова, Юона, Кандинского и др.).

С января – начало формирования, под главенством Мережковского и З. Гиппиус, журнала «Новый Путь» как издания религиозно-философского направления. Предполагалось целиком подчинить ему, за исключением литературно-художественного отдела, другие, собственно идеологические, отделы издания. В позднейшей, мемуарной, книге о Мережковском З. Гиппиус писала: «Эта идея возникла, конечно, из Собраний [Религиозно-философских] – и для Собраний. Ведь все заседания были стенографированы, начиная с первого. А где они могли быть напечатаны? Конечно, нигде... Да и с других сторон – журнал наш нам был нужен. “Мир искусства” уже перестал совпадать с нашими устремлениями – нашей группы» (З. Гиппиус. Дмитрий Мережковский // Зинаида Гиппиус. Живые лица. Кн. 2. Тбилиси. 1991. С. 227). 15 янв. П. П. Перцов пишет Брюсову: «Редакция состоит официально из меня (= редактор-издатель). Неофициально она триипостасна – я и двое Мережковских. Если дело приобретет почву, я надеюсь на Ваше согласие <...> переехать сюда в качестве

секретаря журнала <...> я уповаю еще на Вас, что Вы соблазните Леонида Андреева дать нам в первый выпуск хоть к<акой>-л<ибо> клочок (беллетристика – наше больное место!). Максима Горького мы решили единогласно отвергнуть, ради чистоты души <...> О Чехове мечтаем» (Цит. по: Ежегодник на 1973 год. Л., 1976. С. 39).

Прошение об издании подано 21 янв. (Там же).

Выходит «Третья книга рассказов» З. Гиппиус (СПб., 1902, изд. А. Колпинского, тираж – 1000). Произведения 1897–1900 гг.: Сумерки духа. Комета. Слишком ранние (и др.) Немногочисленные рецензенты расценили книгу как пример «несомненного таланта», изломанного декадентством (Р. Мысль, № 7. С. 220).

А. И. Свирский – «Преступник (записки арестанта) и рассказы» (СПб., 1902, изд. т-ва печ. и изд. дела «Труд»), тираж – 2525. Сборник был встречен в критике немногочисленными умеренно положительными отзывами, отмечавшими хорошее знание писателем быта босяков и арестантов (А. Скабичевский. Кто из них прав? Нов., 11 июня; Бирж. Вед., 20 марта. «Библиограф. отд.»), его веру в человека, «даже <...> такого <...> который, по-видимому, безвозвратно ушел в глубину порочного» (Р. Мысль, № 6. «Библиограф. отд.». С. 175).

Вышла отдельным изданием пьеса С. Найденова «Дети Ванюшина» (изд. журнала «Т. и Иск.». СПб., 1902), тираж – 300.

Одновременно выходят книга Евг. Соловьева [Андреевича] «Очерки по истории русской литературы XIX века» (СПб., 1902, изд. Н. Карбасникова), тираж – 5000, ставящая основной целью проследить развитие «нравственно-освободительной идеи» в русской литературе*, и книга нововременца Н. Энгельгардта «История русской литературы XIX столетия. Том первый. 1800–1850» (СПб., 1902. Изд. А. С. Суворина, тираж – 1200), расхваленная критикой консервативного лагеря за отсутствие «повадки

* Книга Е. Соловьева вызвала резкие возражения В. Шулятикова, обвинившего ее автора в несамостоятельности (Кур., 11 февр., 29 марта).

ценить писателей за верность либеральному знамени» (Р. Вест. № 11. С. 343) и раскритикованная в демократической печати.

А. В. Мезьер – «Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Библиографический указатель. Часть II. Русская словесность XVIII и XIX столетия. С предисловием Н. А. Рубакина» (СПб., 1902, тираж – 2100). «Кто знает, как много у нас несправедливо забытых и затерянных художественных произведений, которых не читают, потому что не знают об их существовании, тот может оценить всю важность такого труда; давно чувствовалась в нем настоятельная потребность не только среди специалистов, но и среди обыкновенных любителей отечественной словесности...» (заметка А. Горнфельда в отд. «Библиография». Журн. для всех, № 9).

Февраль

Активизируется студенческое революционное движение в крупных городах России. Короленко характеризовал особенность движения: «Рабочее движение, как и студенческое <...> слились естественно, чувствуя общего противника <...> в этом безграничном произволе. И вот из струйки уже ручей» (Владимир Короленко. Дневник. 1898–1903. Т. IV. 1928. С. 284–285. Запись от 30 апр.).

Революционные выступления приняли особенно острый характер в начале февраля. В дневниковой записи Брюсова от первых чисел февраля упоминается «о готовившемся (по слухам) московском бунте с набатом и знаменами» (Дневники. С. 114). Приехавший в эти дни в Москву Суворин фиксирует в «Дневнике» от 6 февраля: «Много арестов. Ждут в Москве “революции”» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 435). В тот же день О. Книппер сообщает Чехову: «...был обыск у Леонида Андреева, и у него было много писем очень важных от Горького...» («Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер». Т. 2. С. 310). В самом начале месяца арестован и сослан в Якутскую область Г. И. Чулков «за организацию политической демонстрации совместно с рабочими» (Г. Чулков. «В. Я. Брюсов. Воспоминания». «Искусст-

во», 1925. № 2. С. 252). 8 февраля А. Блок, студент Петербургского университета, писал отцу: «Вообще я мало где бываю и чувствую себя в некоторой отдаленности от внешнего мира <...> Впечатление от Университета какое-то смутное – “временные” и бессильные “организации”, которые возят по головам студентов, отчего последние свирепеют уже в последней мере; практических же перспектив трудно и доискаться в этом хаосе, где нельзя даже различить точно, кто первый виноват» (Т. 8. С. 28–29).

5 февраля произошла демонстрация в полтавском театре на спектакле «Власть тьмы», вызвавшая обыски и аресты в городе. «Перед вторым действием, когда на сцене и в зале темно, посыпались вдруг листки с портретом Толстого и с надписью: “Да здравствует отлученный от церкви борец за правду!”» (Владимир Короленко. Дневник. Т. IV. С. 288–289).

15 февраля С. А. Толстая получает письмо петербургского митрополита Антония с просьбой «умолить» Толстого «вернуться ко Христу и к церкви его святой». Узнав о письме, Толстой сказал: «О примирении речи быть не может» (С. А. Толстая. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 54).

В Лондоне, в изд-ве «Свободное слово» (№ 72) выходит статья Л. Толстого «О веротерпимости», в которой идет речь о церкви как орудии насилия и угнетения народа «правительствами и правящими классами».

Окончилось печатание труда Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (Мир Иск., № 2), публиковавшегося в журнале с № 1–2 за 1900 г.

Завершая публикацию, автор писал о ней: «книга, в особенности второй том [«Религия Л. Толстого и Достоевского»] <...> есть только опыт постановки на новом, самом близком и наглядном для нас примере <...> вопроса отвлеченного, мистического, о возможном соединении двух противоположных полюсов христианской святости – святости Духа и святости Плоти» (Мир Иск. № 2. С. 105–106)*.

* Общая реакция критики на книгу особенно усилилась после выхода в мае второго тома отдельным изданием, когда появились наиболее крупные и значимые отзывы на нее (см. май).

В «Мире искусства», № 2 начинается публикация труда Л. И. Шестова «Достоевский и Нитше (философия трагедии)».

С. Булгаков – «Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”» как философский тип» («Вопросы философии и психологии». Кн. I, янв.–февр.). Призывая к религиозному обновлению «новейшей европейской культуры и социалистического движения», автор статьи ищет опору в философии Достоевского, с «пророческой прозорливостью» предрекшего «проблему атеистического аморализма».

Статья получила прямо противоположные оценки и на страницах самого журнала.

В резко полемической статье «Русский Фауст» (Там же. Кн. III [май–июнь]) А. Луначарский развенчивал религиозно-христианское толкование социализма и идеи Достоевского («Мы глубоко уважаем дар Достоевского, но считаем его клеветником на жизнь»), при этом апеллируя к авторитету Ницше («Мы коренным образом расходимся с Ницше во многом, но считаем его великим, радостным освободителем»).

Но уже в следующей, четвертой (июль–авг.) книге журнала с протестующей статьей – «Торжествующий аморализм (По поводу “Русского Фауста” А. Луначарского)» выступил критик Волжский (А. С. Глинка). В размышлениях «одного из наиболее талантливых теоретиков», С. Булгакова, опирающихся на «яркую художественную философию Достоевского», «мы видим, – утверждает автор статьи, – искреннее и убежденное признание необходимости морального и религиозного обоснования социализма». Им противостоит «нравственный дальтонизм г. Луначарского, запрещающий ему слушать голос морального закона внутри нас», отражая затронувшие «современный социализм» «аморализм в нравственности и атеизм в религии». При этом «некоторые, опасные для защищаемой г. Луначарским точки зрения пункты доведены» в его статье «до своих крайних выводов» (цит. по: А. С. Глинка (Волжский). Собр. соч.: В трех книгах. Сост. и ред. Анны Резниченко. Книга первая: 1900–1905. М., 2005. С. 306–308, 323).

«Гражданин» характеризует современную литературу как литературу «надрывов», «вулканов», хаоса, едва прикрытого «тонким налетом» твердой корки». Достоевский «открыл русского нигилиста в его прообразе, в его вулканическом зарождении <...> предрек переживаемую эпоху пессимизма, безверия и всяких надрывов» (Серенький [И. И. Колышко]. Вулканическая литература. 10 февр.).

Н. К. Михайловский – статья «О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова» (Р. Бог., 1902. № 2). Воспроизводя ряд своих прежних критических замечаний по адресу обоих писателей, автор статьи вместе с тем, в отличие от некоторых других критиков «Русского богатства», усматривает (особенно по отношению к Чехову) некие новые и сближающие черты в их творчестве: «г. Горький и г. Чехов, несмотря на резкое различие своих писательских обликов, сошлись не только в мысли, а отчасти и в выражении ее на одном пункте: на необходимости “общей идеи” или “стройной и ясной мысли, охватывающей все явления”, или “того, что называется Богом живого человека” <...> оба они понимают и эту необходимость, и эту тоску. Эта общая им мысль и выделяет их из сонма наших “рассказчиков” <...> побуждает их в последнее время <...> охватить больший круг явлений жизни вместо тех осколков ее, с которых они начали».

По поводу замечания Михайловского В. Г. Подарский (Н. С. Рузанов) писал 17 марта заведующему редакцией журнала А. И. Иванчину-Писареву: «Прочитал я с величайшим интересом Николая Константиновича о Горьком и Чехове. Но, грешный человек, по совести не могу признать, что Чехов так существенно изменился, как представляется Н. К.» (Цит. по: Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания. Сост. М. Г. Петровой и В. Г. Хороса. М., 1995. С. 576).

В «Русском листке» (2 февр.) публикуется статья Аврелия [В. Брюсова] «Завоевание земли». Говоря об историческом пробуждении Африки, Азии (боксерское движение), о восстании на Кубе, автор замечает: «До конца XVIII века политической жизнью жила одна Европа и лишь отчасти Азия. В XIX веке к ним начала присоединяться Северная Америка. За последнюю чет-

верть века в этот поток увлечен весь мир. Кажется, что история идет все стремительней с каждым десятилетием».

В ответ на приглашение участвовать в формируемом журнале «Новый Путь», переданное Брюсовым Бальмонту в письме конца января – начала февраля, где, в частности, сказано: «Распоряжаться и деспотствовать будет Мережковский, который Вас славит очень» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 117), Бальмонт отвечает 15 февраля: «Мне нравится во многом Мережковский, но чуждо <...> А эти петербургские мудрецы и валькирии <...> чахоточные философы, пророки и канатные плясуны – поистине жалости достойны» (Там же. С. 120).

В письме Чехову от 2 февраля Мережковский приглашает его к сотрудничеству в журнале «Новый Путь»: «Дайте что угодно и в каком размере угодно – хотя бы 2, 3 страницы из старого. Разумеется, чем больше – тем лучше <...> Вспомните, что я был одним из первых Ваших критиков, и не огорчите нас отказом!» (Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 267–268).

В «Новом пути» Чехов не печатался.

В. С. Миролюбов, участник Религиозно-философских собраний, пишет В. Г. Короленко 4 февраля: «Рел[игиозно]-филос[офские] собрания идут себе помаленьку. Народ валит, но заседания – закрытые. След[ующий] реферат Мережк[овского] “О плоти”, затем реферат кн[язя] Волконского “О свободе совести” <...> Духовенство держится прекрасно» (Лит. процесс и русская журналистика. [Кн. 1]. С. 323).

4 февраля А. Б. Гольденвейзер, отмечая «неподражаемую постановку Художественного театра», записал в дневнике: «Вчера смотрел “Три сестры” Чехова <...> Я отлично чувствую, что если б Лев Николаевич [Л. Н. Толстой] посмотрел эту пьесу, она возбудила бы в нем негодование, но я, несмотря на то, что Лев Николаевич и его мысли для меня дороже тысячи человек, тем не менее, полон сочувствия чеховской драме» (Чеховиана. Статьи, публикации, эссе. М., 1990. С. 234). В мемуарной книге о Толстом Гольденвейзер привел его мнение о пьесе Чехова: «Я очень люблю Чехова и ценю его писание, но его “Три сестры” я

не мог себя заставить прочитать. К чему все это? Вообще у современных писателей утрачено представление о том, что такое драма» (А. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 113).

9 февраля, на «пятнице» у К. К. Случевского, поэт К. Н. Льдов читал доклад о Тютчеве, которого объявил лучшим поэтом не только России, но и всего мира. За ужином он продолжал переоценку всех ценностей: Тютчев, по его словам, «неизмеримо выше Пушкина, да и Баратынский в некотором отношении превосходит Пушкина»; «обрушился на Некрасова, назвав его типичным графоманом <...> Зато Фофанов – настоящий поэт, и Некрасов недостойн даже целовать его грязную калошу» (Фидлер. С. 328–329).

17 февраля в Москве состоялась публичная лекция Д. Мережковского «Судьба Гоголя», собравшая много публики и вызвавшая иронические комментарии в печати. «А чуть только великого писателя или художника завидит, так и начинает рассказ об антихристе. Точь-в-точь почтмейстер, который сразу прозрел в Чичикове Капитана Копейкина...» (С. Яблоновский, Р. Сл., 18 февр.).

21 февраля исполнилось 50 лет со дня смерти Гоголя. Памятная дата дала повод для столкновения в прессе борющихся идеологических течений. Показателен большой цикл статей о Гоголе в «Московских ведомостях» (на протяжении февраля – начала марта), авторы которых возмущались тем, «что и сегодня, пятьдесят лет по кончине Гоголя, его всюду прославляют не таким, каким он был, смиренным, кающимся и призывавшим к покаянию христианином, а таким, каким он не был, – дерзким сатириком и циническим скоморохом вроде какого-нибудь Щедрина» (М. Вед., 21 февр.).

С юбилеем совпало окончание прав на литературную собственность писателя. Это вызвало целый поток новых изданий Гоголя, хлынувший на книжный рынок, – факт, широко освещенный в прессе.

«В течение года вышло 1 136 100 экз. книг писателя, а общий тираж изданий Гоголя достиг 2 млн. экз.», что было отмечено

прессой как «явление небывалое». «Значительная часть выпущенных книг приходилась на долю Маркса» (Е. А. Динерштейн. «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 110).

25 февраля Академией наук в почетные академики разряда изящной словесности избраны Горький и А. В. Сухово-Кобылин. «Видеть Максима Горького рядом с А. П. Чеховым и Л. Н. Толстым настолько логично, что вряд ли кому в голову придет отрицать право нового академика на место среди бессмертных» (XXX. Маленькая хроника, Кур., 2 марта). «Когда я сегодня прочитал известие об избрании в почетные академики... Максима Горького, у меня помутилось в глазах... Вызов, брошенный всей образованной России Пушкина и Карамзина, всей верноподданной России – академии наук, это – исторический факт! До сих пор французская академия не смела избрать из уважения к правам Зола в свои члены, а наша академия в насмешку над всем, что есть у русских людей святого, осмелилась Максима Горького избрать в свои члены...» («Дневники» кн. В. Мещерского, Гражданин, 3 марта).

28 февраля попечитель Одесского учебного округа предписывает директору Ялтинской русской гимназии и председателю Совета Ялтинской женской гимназии «принять все меры к пресечению всяких сношений учащихся гимназии» с находящимся в Крыму Горьким (ЛЖТ Горького. С. 371).

На протяжении конца 1901 г. – февр. 1902 г. Р. М. Рильке в письмах к А. Н. Бенуа, А. С. Суворину, Л. О. Пастернаку вынашивает мысль о переселении в Россию, под впечатлением предшествующих поездок. «Я одинокий и лишний в этой стране [Германии], – пишет он Суворину 5 марта (н. ст.), – где нет смирения и нет Бога для смиренных и молчаливых. И я не сомневался бы, что буду везде таким же <...> если бы дважды (в 1899 и 1900 году) не посетил Россию, где я узнал, что и у меня есть родина <...> и есть народ <...> который люблю» (К. М. Азадовский. Райнер Мария Рильке. Письмо к А. С. Суворину // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 123).

Издан альманах «Северные цветы на 1902 г., собранные книгоиздательством Скорпион»* (тираж – 1800).

В альманах вошли стихи и проза Брюсова, Бальмонта, Сологуба, Коневского, Розанова, Минского, Мережковского, Гиппиуса, Балтрушайтиса, Фофанова, Лохвицкой и др.

В историко-документальном разделе издания («Статьи, письма») печатаются – впервые публикуемые – «Записка А. С. Пушкина к В. И. Григоровичу», отрывки из писем Тургенева к Фету, статья Фета «Источник нашего нигилизма» и др. В предварении к альманаху (за подписью «Скорпион») сказано, в частности: «Издатели Северных Цветов на 1902 год настаивают на отсутствии всякой партийности в выборе материала <...> Издатели не видели затруднения поставить рядом с письмами И. С. Тургенева рассуждения А. Фета и поместить у себя статью А. Волынского, критически относящуюся к поэтам, обычно участвующим в изданиях “Скорпиона” <...> Авторы сами отвечают за себя – вот взгляд издателей Северных Цветов. Искренно высказанное мнение, новое и сознательное, имеет право быть выслушанным».

Упомянутая ст. Волынского – «Современная русская поэзия» – сопоставляя две эпохи русской поэзии – пушкинскую, в которую «расцвели такие великаны русской поэзии, как Баратынский, Лермонтов, Тютчев», и последующую (Фет, Майков, Полонский) с молодой русской поэзией (начинающейся с Надсона и завершающейся «так называемыми московскими символистами», группирующимися вокруг «Скорпиона»), оценивает последних как «индивидуалистические дарования», которые «не захватывают русской жизни в ее общности» и «работают, зарывшись в личную глубину», но при этом признавая, что они «дают в своих стихах смутные мерцания какого-то нового рассвета, нового дня».

* Выход книги датируется по дневниковой записи Брюсова от 17–19 февраля: «Вышли “Северные цветы” 902 г. Пока мало еще толков» (Дневники. С. 120); в «Книжной летописи» выход датируется мартом. Разноречие объясняется, видимо, лишь малой частью тиража, вышедшей в феврале, из-за чего печатание альманаха растянулось на достаточно долгое время, о чем также писал Брюсов еще в конце января — начале февраля Бальмонту: «печатается он так неспешно, что может и к весне не поспеет» (ЛН. Т. 98, кн. 1. С. 117). Комментаторы этого письма относят выход книги к апрелю (Там же. С. 119), очевидно, имея в виду окончательное завершение тиража.

Из свидетельств В. Ф. Ходасевича (1916): «Я вспоминаю прозрачную весну 1902 года. В те дни Бальмонт писал “Будем как солнце” – и не знал, и не мог знать, что в укомных классах 3-ей московской гимназии два мальчика: Гофман Виктор и Ходасевич Владислав читают и перечитывают, и вновь читают и перечитывают всеми правдами и неправдами раздобытые корректуры скорпионовских “Северных Цветов”... Читали украдкой и дрожали от радости» (Ходасевич В. Собр. соч. Под ред. Джона Мальмстада и Роберта Хьюза. Т. II. Ann Arbor, 1990. С. 237).

Из отзыва Н. О. Лернера в «Бессарабских Губернских Ведомостях» от 3 мая: «“Северные Цветы” представляют собою образец ярко расцветшего на нашем севере символизма, лучшим представителем которого у нас следует считать Валерия Брюсова» (Цит. по: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 55).

К. К. Случевский писал Брюсову 18 апреля: «Статья Волынского, во многом, как характеристика мне нравится <...>» (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 42).

Д. В. Философов посвящает свою рецензию, главным образом, оценке заявленного в предисловии к альманahu отказа от «всякой партийности в выборе материала». Само по себе стремление «давать возможность каждому дарованию высказаться полностью <...> заслуживает всякого одобрения»; «С этой точки зрения издательская деятельность “Скорпиона” очень симпатична...». Вместе с тем «подобная терпимость» по отношению к «художественному творчеству» «немыслима в области критики», ибо «противоречит тому принципу, на котором *настаивают* <...> редакторы». Ставя между «сотрудниками альманaha» и «публикой» «неблагоприятный отзыв критики» (имеется в виду в этом случае критическая статья Волынского), они тем самым «лишают их возможности говорить сами за себя» (Мир Иск., № 4).

Рецензент «Русских ведомостей» (22 апр.), затрагивая тот же принцип, высказывает сомнение в его искренности: «вкусы издателей <...> настолько очевидно проглядывают в выборе беллетристического материала, что ни один “партийный” журнал не представляет такого однообразия рассказов, как беспартийный альманah “Северные цветы”» (Цит. по: Д. В. Философов. Критические статьи и заметки: 1899–1916. Сост. О. А. Коростелев. М., 2010. С. 517).

Отталкивающаяся от этих «вкусов», не приемлющая модернистов пресса откликнулась на альманах ироническими, подчас открыто издевательскими отзывами, высмеивающими «образчики нового творчества» «вне человеческих мыслей» (Треплев [А. А. Смирнов]. Альманахи. Кур., 12 авг.).

Н. Д. Телешов – «Повести и рассказы». Русское товарищество печати и издательского дела. М., 1902. Рецензии на книгу появились в петербургских «Русском богатстве» и «Русской мысли», «Одесских новостях» и др. одесских изданиях. (См. Письма. С. 671, 675).

И. Ф. Анненский – «Царь Иксион. Трагедия в 5-ти действиях, с музыкальным антрактом» (СПб., 1902, тираж – 4000). В критике высказывается мысль, что своеобразное воскрешение Анненским приемов античной драмы сулит обновление современному театру (П. Соколов. Царь Иксион. М. Вед., 1 мая).

Джемс Линч и Сергей Глаголь – «Под впечатлением Художественного театра» (М.). Сборник статей Л. Андреева и С. Голоушева, частично печатавшихся ранее в журнале «Жизнь» и газете «Курьер». Все статьи объединяет мысль о новаторском значении Художественного театра и связанной с ним современной драматургии. «...Драма стремится сбросить с себя оковы невольной схоластики и мертвящей догмы, – писал Л. Андреев. – Как роман, она стремится передать всю полноту, пестроту и сложность жизни. В новый фазис вступает искусство...» (С. 66).

Волжский [А. С. Глинка] – Два очерка об Успенском и Достоевском. I. Г. И. Успенский. II. Кто виноват? (Учение Ф. М. Достоевского об ответственности). СПб., 1902, тираж – 1000. Задача первого очерка – «выяснить сущность идеала художника <...>, для чего потребовалось определить положение Успенского в тязбе между “интеллигенцией” и “народом”» (Цит. по: А. С. Глинка [Волжский]. Собр. соч. Кн. 1. М., 2005. С. 17). Задача второго очерка – «выявить философские воззрения Ф. М. Достоевского, его учение об ответственности, покаянии и свободе» (Там же. С. 18).

В большой рецензии «Границы анализа в литературной критике» (Р. Бог., 1903. № 41. II отд.) Ал. Гуковский, характеризуя книгу как «небольшие монографии, богатые мыслями <...> превосходно изложенные и логически очень стройные» (Там же. С. 667), вместе с тем возражает против некоторых ключевых идей очерков: недостаточно осложненного представления автора об освещении Успенским интеллигентской среды, а также против сведения конечной философской мысли «“расколотого” от вершины до основания исполинского таланта Достоевского» к «христианскому всепрощению», соединенному с «покаянным самообвинением», в чем усматривает следы «критической легенды», «получившей полновесную дань <...> от гг. Волинского с Мережковским» (Там же. С. 687).

24 февраля в Петербурге открылась XXX выставка передвижников, переехавшая потом в Москву. Многочисленные отрицательные отзывы констатируют упадок этого течения. Его защитники, подчас соглашаясь с критикой, продолжают отстаивать значение передвижников, «удерживающих искусство на тех темах, о которых стараются забыть оригинальничающие новаторы» (—ъ [В.И. Сизов]. XXX передвижная выставка в Москве, Р. Вед., 20 апр.). Ведутся горячие споры вокруг новых течений в русской живописи. Их трудному утверждению посвящен фельетон В. Дорошевича «Новое в искусстве» (Р. Сл., 10 февр.): «Каждый раз, как поднимаются крики и вопли против людей, ищущих “нового в искусстве”, мне вспоминается Гейне. Пифагор,— сказал он,— принес гекатомбу быков в благодарность за великое открытие. Вот почему всякий раз, когда делается на свете новое открытие, все быки в ужасе поднимают отчаянный рев!»

26 февраля оживленными дебатами в Московском литературно-художественном кружке (доклад С. Голоушева, выступления В. Брюсова и др.) открывается серия бесед о новых течениях в современной живописи.

27 февраля в «Биржевых ведомостях» помещен фельетон Старого Петербуржца [В. П. Бурнашев?] «Новейшее слово искусства». За кружкой пива, в компании товарищей молодой ху-

дожник Вадим Грядущий провозглашает новое направление «грядущизм» [«фютюризм»].

М а р т

В «Мире Божьем», № 3, закончилось печатание повести В. Вересаева «На повороте». По сравнению с бодрыми, оптимистическими начальными главами тональность произведения, сосредоточившегося в последующем на изображении духовных кризисов современной интеллигенции, изменяется.

В. Буренин издевался над «идейной» повестью Вересаева, представляя ее поклепом на современную молодежь (Н. Вр., 21 июня). Желая написать ей дифирамб, Вересаев написал сатиру, заявлял Н. Скиф [Н. М. Соколов] (Р. Вест., № 6). «Русское богатство» увидело в драматической судьбе героев повести косвенное признание несостоятельности русского марксизма (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов], Р. Бог., № 4). Показав, «в какие дебри мы зашли», Вересаев не сумел показать «поворота» (Н. Коробка, Обр., № 5–6). О неясности «поворота» писали и другие критики.

Противоположная точка зрения высказана В. Шулятиковым: произведение написано в защиту нового мировоззрения от идеалистической ревизии его в духе Бердяева и К^о; в этом – «главный интерес» повести, представляющей собой «талантливо и ярко написанную страницу из жизни современной русской интеллигенции» (Кур., 11 марта). Другие рецензенты отмечали широкую типичность главного героя Токарева, «душевный процесс» которого «из десятилетия в десятилетие переживает русская интеллигенция...» (А. Измайлов. В. Вересаев и обойденный тип интеллигентской молодежи, Бирж. Вед., 25 апр.).

И. А. Бунин – рассказ «Надежда» (Од. Нов., 7 марта). 15 марта Телешов пишет Бунину: «Нет, Иван Алексеевич! Рассказ сухощав, а не мускулист» (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 544). 21 марта Бунин – Телешову: «Нет, Н<иколай> Д<митриевич>!.. Ты ошибаешься... красивая и тонкая штука!..» (Письма. С. 404).

Б. Зайцев – рассказ «Волки» (Кур., 3 марта). «Однажды Андреев привез к нам новичка <...> молоденького студента в серой форменной тужурке с золочеными пуговицами.

– Юноша талантливый, – говорил про него Андреев. – Напечатал в “Курьере” хотя всего два рассказа, но ясно, что из него выйдет толк.

Юноша всем понравился. И рассказ его “Волки” тоже понравился, и с того вечера он стал посетителем “Сред”. Вскоре из него выработался писатель – Борис Зайцев» (Н. Телешов. Записки писателя. М., 1948. С. 120).

В. Мирский [Е. А. Соловьев] отвергает версию критики «Русского богатства» об «аморальности», «безразличии» Чехова. Пессимизм писателя – «от излишней требовательности к человеческой жизни»; за «клубами тумана», «серой дымкой» его произведений «чувется жизнерадостность» (О некоторых мнениях г. Подарского об А. П. Чехове, Журн. для всех, № 3).

В журнале «Театр и искусство» А. Сумбатов-Южин сетует на излишне тенденциозное направление современного русского театра, на чрезмерное пристрастие его к общественным вопросам в ущерб художественным (Личные заметки об общих вопросах современного театра. № 11). Угрозу современному театру Вл. И. Немирович-Данченко видит в оскудении драматической русской литературы (выступление на приеме в честь артистов МХТ 23 марта в Петербурге). Журнал «Мир искусства» отвечает ему: «Пока старый, сослуживший свою службу, условно-реалистический театр не вымрет, трудно ждать подъема в области драматургии» (Мир Иск., № 7, отд. «Хроника». С. 64).

Часть критики осуждает современную беллетристику за отрицательное направление и мрачность тона (Рославлев [И.И. Колышко]. Беседы, Нов., 18, 24 марта; В. Буренин. Критические очерки, Н. Вр., 22 марта). Примером для подражания современным беллетристам считает А. Измайлов творчество Вас. И. Немировича-Данченко, едва ли не единственного писателя, стремящегося к «изображению положительного типа», – черта, «слишком заметная среди современных отрицательных портретов

и художественных характеристик с пессимистической окраской» (Бирж. Вед., 19 марта).

Отмечая успех выступлений известного сказителя былин И. Т. Рябинина, отдельные петербургские газеты предаются размышлениям об упадке русской народно-крестьянской поэзии, вытесняемой «пошлыми виршами фабричного и солдатского производства», «столичной лжекультурой» (Пб. Газ., 5 марта; Бирж. Вед., 5 марта).

5 марта Николай II пишет на докладе министра внутренних дел об избрании Горького почетным академиком: «Более чем оригинально», – а в письме к министру народного просвещения П. С. Ванновскому заявляет: «Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании, понять нельзя.

Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточное наличие причин в пользу его избрания на такое почетное звание.

Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека в теперешнее смутное время Акад[емия] наук позволяет себе избирать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что [по] моему повелению выбор Горького отменяется.

Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии» (ЛЖТ Горького. С. 372).

10 марта в «Правительственном вестнике» (а затем и в других газетах) опубликовано сообщение, что «ввиду обстоятельств, которые не были известны» Академии наук, выборы Горького, «привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 устава уголовного судопроизводства», объявляются недействительными» (12 марта это же сообщение было перепечатано в «Правительственном вестнике» с заголовком «От Императорской Академии наук»).

В п. к Чехову от 11 марта проф. Киевского университета, зоолог А. А. Коротнев, выражая «негодование» по поводу происшедшего, вопрошает: «Неужели же остальные почетные ака-

* Ст. 1035 предъявляла обвинение в публикации оскорбительных отзывов о действующих в стране законах.

демики не выйдут в отставку?» (Из архива А. П. Чехова. М., 1960. С. 229).

12 марта Сухотин записал в дневнике о встрече с Горьким, находившимся в Крыму, и его реакции на происшедшее: «Сегодня я видел Горького. По-моему, он доволен. В его серых небольших глазах светился злой и насмешливый огонек, когда он говорил о скандале, который неминуемо последует, так как Чехов и другие академики <...> намерены выйти из Академии ради нанесенному ему, Горькому, оскорбления. Л. Н. [в Гаспре] долго беседовал с Горьким наедине, но вряд ли подаст в отставку» (ЛН, т. 69. Кн. 2. С. 171).

14 марта М. В. Нестеров пишет А. А. Турыгину: «Что Горькому их академический почет, когда его чтит, да как еще чтит, весь свет» (М. В. Нестеров. Письма. Избранное. Л., 1988. С. 201).

23 марта П. Д. Боборыкин пишет А. Ф. Кони: «Неужели это обошлось без всякого протеста? <...> Слухи – один другого печальнее» (С. И. Чупринин. Чехов и Боборыкин // Чехов и его время. М., 1977. С. 142–143).

31 марта Чехов посетил Толстого и «когда <...> заговорил с ним о Горьком и об академии, то он проговорил: “я не считаю себя академиком” – и уткнулся в книгу» (п. к В. Г. Короленко от 19 апр. Письма. Т. 10. С. 505, 226; также – п. к О. Л. Книппер-Чеховой от 31 марта. Там же. С. 222).

Говоря о спорах Бенуа с Мережковским и его кругом об отношении «эстетики к религии», о чрезмерном «мирискусническом» эстетизме, З. Гиппиус писала П. Перцову 8 марта: «А вопрос этот... очень важный, на нем и сами мы, от неопределенной недодуманности, частенько срываемся. По крайней мере, я часто чувствую какую-то и у нас непоследовательность» (Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову /Вступительная заметка, подготовка текста и примечания М. М. Павловой. Русская литература, 1991. № 4. С. 135).

12 марта скончался писатель-народник Ф. Д. Нефедов.

В «Историческом вестнике» (№ 5) опубликованы «Воспоминания о Ф. Д. Нефедове» С. И. Васюкова.

Некрологи: П. С. Быков, Бирж. Вед., 1902, 17 марта; Вестник Европы, 1902, № 4; Д. А<нучин>, Р. Вед., 1902, 14 марта.

13 марта Короленко сообщает Ф. Батюшкову о полицейской слежке за ним (Т. 10. С. 332–333).

14 марта в п. к Арвиду Эрнефельту Толстой, сочувственно отзываясь о волнениях в Финляндии (отказы от военной службы и пр.), замечает: «Я так и умру с уверенностью, что “близко, при дверях” изменение всего существующего строя» (Т. 73. С. 217).

24 марта скончался Г. И. Успенский. Похороны состоялись 26 марта на Волковом кладбище в Петербурге: «Сердечная, искренняя дань почтительного уважения, много литературных имен, много чуткой, отзывчивой молодежи» (А. Измайлов. На Волковом кладбище, Бирж. Вед., 28 марта). «Искра» (1 мая) поместила некролог «По поводу смерти Г. И. Успенского».

Запись Ф. Фидлера от 27 марта: «Вчера хоронили Глеба Успенского. Он выглядел в гробу <...> совсем иначе, чем в жизни: на его лице лежала печать какой-то нерешительности и строгой серьезности; под высоким выпуклым лбом – высоко взнесенные брови, плотно сжатые губы, каштаново-коричневая борода <...> В похоронах принимала участие вся либеральная литература. Полиция создавала большие – и, разумеется, нелепые – сложности, которые затем, без всякого повода, сама же и устраняла. Множество венков, среди них – один серебряный с красной лентой: от редакции “Русского Богатства”» (Фидлер. С. 332).

25 марта А. Н. Бенуа писал Перцову: «Религиозно-философские [собрания] продолжают. Толпа и духота возрастающие. Суесловие тоже... Вопросы запутываются <...> несмотря на взывания Дмитрия Сергеевича [Мережковского], совсем нет мистицизма.

Официальная религиозность, религиозная политика, схоластика, так называемая христианская мораль, на пять копеек Канта, на три Ницше, немного либерализма, отрывки Дневника Писателя – вот и все. При этом масса курьезного, почти занятого <...>

Разумеется, есть кое-что и хорошего, но это хорошее никогда не выражается цельно, выпукло» (Ежегодник на 1973 год. Л., 1976. С. 38–39).

10 апреля Перцов отвечал Бенуа: «А вы безжалостны к религ<иозно>-философским <...> я и сам, когда смотрю на них как на нечто абсолютное (законодательное), сокращаюсь в интересе; а когда принимаю их как нечто относительное (симптом, комментарий), то начинаю глядеть вперед без боязни <...> я думаю, эти собрания (и вообще вся эта новейшая “протекция мистицизму”) вызывают духа, с которым не им справиться. Радуются, что вода подошла под колесо и оно закрипело, – а пойдет на прибыль – всю плотину разнесет» (Ежегодник на 1979 год. Л., 1981. С. 39).

30 марта Н. К. Михайловский писал Н. С. Русанову: «Молодежь хорошая есть, даже много ее, быть может, даже большинство. <...> но это народ пока безымянный, серый, рядовой. Выдающиеся декадентствуют, нищестанствуют, устраивают альянсы с попами и проч., и для всех их “пошлый опыт, ум глупцов” представляют старики нашего типа <...>. Что же касается вообще распри между стариками и молодыми, отцами и детьми, то я сказал бы, что ее теперь нет. Формы, в которых проявляют себя старики, конечно, не те, что у молодежи, но мы в настоящее время переживаем момент такого единения молодых и старых <...> сердец, что натравливать их друг на друга – не политично» (М. Г. Петрова. Блок и народническая демократия // ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 95–96).

31 марта скончался В. П. Острогорский, редактор журнала «Мир Божий» и известный педагогический деятель. Со смертью Острогорского официальным редактором журнала становится Ф. Д. Батюшков.

Выходит отдельное издание первой пьесы Горького – «Мещане. Сцены в доме Бессеменова. Драматический эскиз в 4 актах» («Знание». СПб., 1902. Тираж – 30 500)*.

* Соответственно документу из фонда «Знания» (Архив А. М. Горького, Москва) издание вышло 12 марта, что корректирует датировку «Книжной летописи» — 16–23 февр.

19 марта в Панаевском театре Петербурга, где гастролировал МХТ, состоялась генеральная репетиция «Мещан», на которую «съехался весь “правительствующий” Петербург <...>. В самый театр и вокруг него был назначен усиленный наряд полиции; на площади перед театром разъезжали конные жандармы. Можно было подумать, что готовились не к генеральной репетиции, а к генеральному сражению» (К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М., 1962. С. 310). После репетиции Станиславский писал дочери К. К. Алексеевой: «Разрешат ли нам ее [пьесу] играть – неизвестно, так как боятся, что имя Горького вызовет демонстрацию» (К. С. Станиславский. Собр. соч. Т. 7. М., 1960. С. 230). В дневнике Сухотина (запись от 24 марта) передан рассказ Горького о «тяжелой участи» «Мещан»: «На одну из репетиций явились Святополк-Мирский [товарищ министра внутренних дел] и Клейгельс [петербургский градоначальник], уселись в первом ряду с книжками в руках и вычеркивали в тексте все то, что находили чрезмерно либеральным. Затем приказали, чтобы актеры вычеркнутых ими выражений и тирад <...> не произносили во имя представления. <...> И в таком искалеченном, грубом виде пьеса предстала перед публикой» (ЛН. Т. 69. Кн. 2. С. 174).

26 марта в Панаевском театре состоялась премьера пьесы. На следующий день Вл. И. Немирович-Данченко телеграфировал Чехову: «Прием блестящий в первых двух актах и похолоднее в остальных. Играли отлично, поставлена прекрасно» («Ежегодник МХТ, 1944 г.». Т. 1. М., 1946. С. 144). Пресса также отмечала успех постановки и отдельных исполнителей, особенно выделяя Тетерева – Н. А. Баранова, Перчихина – А. Р. Артема, Елену – Книппер-Чехову, Бессеменову – В. В. Лужского.

Пьеса вызвала большой интерес читателей и породила обильную критическую литературу, в которой сталкивались самые разные точки зрения. Версии о традиционности пьесы, являющейся одним из вариантов темы мещанско-купеческого «темного царства» в духе Островского ([Н. К. Михайловский], Р. Бог., № 4), противостояло мнение о произведении, которое изображает «целую полосу новой жизни. В ней много любопытного идейного брожения; она выдвигает едва лишь слагающиеся типы; в ней слышатся новые споры, новые воззрения, новые за-

просы» (Буква [И. Ф. Василевский]. Петербургские наброски, Р. Вед., 7 апр.; см. также: —ф— [Н. Е. Эфрос], Нов. Дня, 27 окт.). Оптимизм пьесы — знамение времени: «В этой перемене сценического направления будем видеть одно из указаний на перемену в общественном настроении» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 9 апр.). О разоблачительном содержании «Мещан», мнимости конфликта между отцами и детьми Бессеменовыми развернуто писал Леонид Андреев (Джемс Линч. Москва. Мелочи жизни, Кур., 31 марта)*.

Мнения критиков о том, кто является центральной фигурой «Мещан», расходятся. Одни (как Андреев) считают «вопреки быть может замыслу автора» одним из самых значительных персонажей пьесы певчего Тетерева; хотят видеть в его образе едва ли не наиболее красноречивый смысл содержания «Мещан» (Кур., 31 марта.). Другие — их большинство — связывают выражение горьковского *credo* прежде всего с образом Нила, отношение к которому особенно разноречиво. «Московские ведомости» выступают в защиту «симпатичной “старой правды” стариков Бессеменовых от обличений Нила, проповедника грубой силы» (20 апр. А. Басаргин [А. И. Введенский]. Две правды). А одесский критик — в защиту младших Бессеменовых: «Мещанская интеллигенция имеет законное право на свое существование» (В. Владимиров [В.Е. Жаботинский]. Вопросы Общественной Жизни. Вып. 6. Одесса). «Всякое слово Нила — самодовольство физически сильного животного; всякий поступок его — жестокость» (С. Яблоновский. Новые песни, Р. Сл., 2 ноября). «Печальна будет та жизнь, в которой они явятся “строителями”, потому что они в состоянии только рвать друг друга за горло» (П. Морозов, Обр., № 4, отд. III); «Кони возмущен Нилом. “Этому ничего не жаль, — сказал Ан[атолий] Фед[орович], — он все растопчет своими сапожищами. Он ничего не знает, а поэтому ему все нипочем... Нет, уж лучше “лишние люди”, чем такой победоносный инженер» (Из дневников Р. М. Хин-Гольдовской. Запись от апреля. Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 95). Ю. И. Айхенвальд писал: «сам Нил, в котором и автор, и читатель видят зарю новой жизни, в сущности представляет

* Полный, свободный от цензурных купюр, текст фельетона Андреева помещен в т. 72 «Литературного наследства».

собою только жизнерадостного мещанина» (Р. Мысль, № 11. Отд. II. С. 216).

Подобным оценкам противостоял взгляд на Нила как на центральную положительную фигуру пьесы. «Давно литература не создавала “героев”. А Нил – бесспорно “герой”, хотя он и говорит про себя: “Я знаю, что не богатырь, а просто честный, здоровый человек”. Но на самом деле он “герой”, “богатырь”; “Мещане” – первая талантливая русская пьеса, за долгий период последних лет – с бодрым отношением к жизни...» (С. Сутугин [О. Г. Эттингер], Т. и Иск. № 15). Разделяя мнение о Ниле – положительном герое, критик «Русских ведомостей» усматривал недостаток его в том, что он не показан «в действии», в борьбе «с большими жизненными препятствиями, с большими индивидуальными или массовыми силами», объясняя это тем, что «для изображения в литературе такого Нила, который на деле применял бы свои афоризмы, не настало время» (И. [И.Н. Игнатов], 9 апр.). В. Кранихфельд полагал, что Нил обрисован «не совсем ясно... по условиям, лежащим вне таланта художника» (Мещанство и его значение. Обр., № 7–8). В статье «Раскол в “темном царстве”» (1903)* В. В. Воровский выделил две основные черты в характере Нила – «жизнерадостную боевую психологию» и «потребность борьбы»; критик говорил: «В личности Нила для нас особенно ценно то, что это не книжный человек, что его взгляды и суждения <...> возникли в нем под давлением окружающей жизни» (В. В. Воровский. Соч. Т. II. М., 1931. С. 168).

Критические суждения о художественных достоинствах «Мещан» также отличаются разноголосицей. Рецензенты упрекают пьесу в дидактизме – «философия в лицах» (Рославлев [И. И. Колышко]. Философия в доме Бессеменова, Нов., 31 марта), в копировании приемов Чехова, в отсутствии сценического действия. Их оппоненты указывают на изобразительное мастерство Горького, искусство лепки характеров, говорят о самообытном развитии писателем чеховской традиции (Смоленский [А. А. Измайлов]. Спектакли Московского Художественного театра, Бирж. Вед. 28 марта). О мнимой бездейственности «Мещан» сказано Л. Андреевым: «Взят кусок жизни такой, какова она есть, с ее медленным движением и потаптыванием на одном

* Статья не была опубликована при жизни автора.

месте <...> Поступков много, а действий нет <...> И только тогда, когда увидишь, как конец не похож на начало, – только тогда почувствуешь, поймешь, что за этим видимым отсутствием действия кроются могучие силы жизни. Эта художественная *историчность* жизни, впервые введенная в русскую драму А. П. Чеховым, доведена до полного развития в “Мещанах”...» (Кур., 31 марта). В критических отзывах возникает параллель «Мещан» с «Детями Ванюшина». Сближая обе пьесы темой «отцов и детей», критики указывают и на различие между ними: фотографичность «Детей Ванюшина» и широта обобщения в «Мещанах» («Раскол в “темном царстве”» В. Воровского), сострадательное отношение Найденова к своим героям и непримиримо обличительная позиция Горького (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 9 апр.).

Еще до публикации «Мещан» с пьесой знакомился Чехов, который писал Горькому 22 окт. 1901 г.: «Она, как я и ждал, очень хороша, написана по-горьковски <...> и если начать с того, что говорит о недостатках, то пока я заметил только один, недостаток непоправимый, как рыжие волосы у рыжего, – это консерватизм формы» (Т. 10. С. 95). В том же письме высказан противостоящий позднейшим развенчивающим суждениям взгляд на «чудесную роль» Нила как на «центральную фигуру пьесы», хотя в этой оценке отразились существенные различия с горьковским замыслом: «Только не противопоставляйте его [Нила] Петру и Татьяне <...> все чудесные, превосходные люди, независимо друг от друга» (Там же. С. 96).

Ив. Бунин «Рассказы», т. 1 (изд-во «Знание», СПб., тираж – 3200). По поводу сомнений Горького насчет публикации книги Бунина К. П. Пятницкий писал ему 5 января: «Я думаю, жалеть об этом издании Вы не будете. Рассказы хороши. Что же касается отсутствия общественных настроений, этот упрек приложим и к Андрееву» (Т. 3. С. 237). В связи с выходом нового сборника писателя (включившего рассказы 90-х – начала 900-х годов) в критических отзывах возникает устойчивая версия о «старом» и «новом» Бунине. «Прежний г. Бунин представлялся по преимуществу писателем обиженных и угнетенных, занимался общественными явлениями и течениями, интересовался людьми сами-

ми по себе <...> теперь у писателя на первом плане только *его* настроение», импрессионизм «искусства и мысли». Критик сожалеет о «перевале» писателя «в долину <...> художнического индифферентизма» и призывает его «помнить о родных “печалях”...» (И. Джонсон [И. В. Иванов]. Красивое дарование, Обр., № 12). «Фабула, рассказ, все это отошло на задний план, все заменилось “настроением”»; «Взятый в отдельности, каждый такой очерк производит приятное впечатление грациозной вещицы <...>. Но собранные вместе эти двадцать (или около того) маленьких “настроений” не дают чего-либо яркого, цельного, а так и остаются отдельными мелкими картинками, черточками, штрихами, рассеянно выхваченными автором из своей записной книжки. Вкрапленные среди них четыре-пять больших и цельных очерка прежнего типа (“Байбаки”, “Тарантелла”, “Кастрюк”, “На край света”) резко выделяются среди этих маленьких вещиц как серьезностью и содержательностью, так и здоровым реализмом <...> Одно, что объединяет всю книгу рассказов, это любовная тщательность, с которою автор относится к языку своих произведений, и что мы считаем его огромным достоинством» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 5). Это «не то чтобы равнодушное, а вялое отношение к действительности <...> рядом с утонченной чуткостью к внешним, красочным и т. п. впечатлениям отчасти роднит музу г. Бунина с декадентством» ([А. И. Гукковский], Р. Бог., № 7. Отд. «Новые книги»). Вместе с тем признается незаурядный художественный талант писателя: красота и изящество языка, необыкновенно чуткое изображение природы и пр. 7 июня К. П. Пятницкий писал Бунину: «Книга Ваша идет очень хорошо. В конце марта издано 3000 экз. Теперь разошлось уже более 2000», а 30 сент. сообщал ему: «Книга Ваша распродана» (Письма. С. 677, 684).

Выходит первая книга Скитальца – «Рассказы и песни. Том первый»: повесть «Сквозь строй», рассказы «Композитор», «Спевка», «Любовь декоратора» и др. (СПб., «Знание», 1902). Книга издана при активном участии Горького как редактора и составителя ее (тираж – 6200).

Демократическая пресса откликнулась на книгу статьями и рецензиями положительного характера, в которых прежде всего

указывалось на общественно важное содержание ее. «И прежде всего находим мы в его произведениях признание великих сил, таящихся в массе, и сил – что особенно любопытно – художественно чутких и богато <...> одаренных. С содроганием и с тоской спрашивает себя Скиталец, куда же пропадают эти огромные силы, и знает, что ответить на это» (В. Мирский [Соловьев Е. А.], Журн. для всех, № 9). Почти во всех отзывах возникает параллель Скиталец – Горький: близость судьбы обоих (выходцы со «дна» жизни), близость устремлений, тем, образов. При этом некоторые критики склонны отдать предпочтение Скитальцу: герои Скитальца здоровее духом, менее индивидуалистичны, цельнее и духовно богаче горьковских (В. Шулятиков. «Артистические натуры» босяцкого царства, Кур., 25 марта). «Если герой Горького представляет собой важное явление, как сила, обещающая разрушение преград», воплощая лишь «необузданную, неукротимую волю», то «перед героями г. Скитальца носят идеалы добра и красоты»; это «первая попытка» создания «деятельного, положительного и в то же время несомненно жизненного, хотя, может быть, не свободного от некоторой идеализации», типа человека из народа (Н. Коробка. Рассказы Скитальца, Обр., № 9). Похвальным суждениям противостоит другая, значительно более критичная, оценка: «Ерусалимская чрезмерность» романтических преувеличений ([Н. К. Михайловский], Р. Бог. Кн. 9. Отд. «Новые книги»), «надуманность лиц и происшествий и рядом с ними – искреннее чувство» (Северов [П. О. Морозов], Нов., 11 апр.), дидактизм, ограниченность творческого диапазона (Р. Мысль. Кн. 7. «Библиограф. отд.») и пр. В. И. Немирович-Данченко замечает в письме Книппер-Чеховой (июль): «Как объяснить, что о Скитальце шумят, на его книжке значится “шестая тысяча”. Это успех в хвосте у кометы, т. е. у действительно большого художника – Горького» (Вл. И. Немирович-Данченко. Избр. письма. С. 225). «Спутником», «литературным сателлитом» Горького назвал Скитальца А. Измайлов. Возражая литературным обозревателям, «переборщившим в восхвалениях Скитальца», он резюмирует: «При всех недостатках Скитальца вне сомнения стоит его дарование <...>. Но пока это дарование не самобытное и – нужно это сказать – ненадежное» (Рассказы Скитальца, Бирж. Вед., 8 мая).

В течение 1902–1906 гг. книга выдержала 6 изданий.

Выходит второе, дополненное издание «Рассказов» Л. Андреева, в изд-ве «Знание», тираж – 8000. Издание дополнено рассказами «Бездна», «Стена», «Набат», «В темную даль» и др.

На второе издание откликнулся Брюсов в обзоре «Русская литература в 1902 году», опубликованном в английском еженедельнике «The Athenaeum» (1902. July 5, № 3897. Pp. 24–26): «Из чисто беллетристических произведений наибольший успех выпал на долю Леонида Андреева. Первая книга его рассказов [СПб., 1901] была раскуплена в несколько недель, и тотчас появилось ее второе, дополненное издание. Оставаясь совершенно доступен среднему читателю, Л. Андреев в то же время некоторыми приемами и настроениями близок к новой поэзии. Он обладает дарованием рассказчика и можно ожидать, что в будущем найдет самостоятельную дорогу. Лучший рассказ Л. Андреева – “Бездна”» (С. П. Ильев. Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «Athenaeum» (1901–1906). – Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 302).

И. А. Белоусов – «В родных полях. Стихотворения». М., 1902, тираж – 3000. (В том же месяце «Среда» отмечала 20-летие литературной деятельности Белоусова, которую Чехов в приветственном письме к юбиляру от 21 марта назвал «тихой, скромной и прекрасной». Т. 10. С. 218).

А. Шницлер – «Мгновения жизни. Тетралогия» (пер. с нем.) (М., 1902, тираж – 1200). Издавалась несколько раз в течение года и привлекла значительное внимание критики. «Шницлер становится модным писателем в России» (Тетралогия Шницлера, Р. Вед., 26 апр.).

Столь же «модным» драматургом стал и Г. Зудерман, чья новая пьеса «Да здравствует жизнь» в ноябре была поставлена в Московском Малом театре с Ермоловой в главной роли. Русский перевод пьесы (тираж – 1200), появившийся одновременно с «Мгновениями жизни», также многократно переиздавался в течение года и вызвал многочисленные отклики.

М. О. Меньшиков. Критические очерки. Т. II (Красивый цинизм. Вожди народные. Слово о мужиках и др.) (СПб., 1902, тираж – 1200).

Выходит критический очерк А. Плетнева «Максим Горький» (СПб., 1902, тираж – 1000), дающий весьма высокую оценку деятельности Горького, которая демонстрирует «творческую силу русского духа» (с. 1), «направляет нашу мысль в какую-то недостижимую даль нового человеческого устройства» (с. 5).

Пафос Горького – «хулиганство»: «Живи сообразно своей натуре, надейся только на себя, воруй, отнимай, убивай, с кем сладишь». Таков «тезис» другого критического очерка (Михаил Москаль [М. М. Митрофанов]. Оправдание зла. Пафос М. Горького. М., 1902, тираж – 1700); поддержали его издания типа охранительных «Московских ведомостей».

9 марта в Петербурге открылась четвертая художественная выставка журнала «Мир искусства», вызвавшая бурные дебаты. Sensацией явилась картина Врубеля «Демон» (представленная еще раньше, в феврале, на выставке «36»); «ни одна картина на последних выставках не возбуждала таких крайних и противоположных мнений, как именно эта...» (М. Судковский. По поводу картины Врубеля, Нов., 21 марта). Пресса в основном издевалась: «Это нечто болезненное, дикое, патологическое» (Р. Вед., 24 марта); «невообразимая мазня» (М. Вед., 20 марта); «вершина уродства» (Р. Сл., 6 февр.); «Позвольте... если это демон, то где же его голова?» (Пб. Газ., 12 марта). Даже художественный критик более широких взглядов С. Сергеевич [С. С. Голоушев] нашел возможным предьявить упрек «Демону» в отсутствии «пропорциональных человеческих форм» (Кур., 8 февр.). Возражая хулителям картины, критик «Театра и искусства» писал о «Демоне» как интереснейшем произведении, в котором «несомненно есть какая-то особая правда изображения, – может быть, очень тонкая, глубокая и художественная» (А. [А.] Ростиславов. Наша живопись, Т. и Иск., № 16).

Ведутся споры и вокруг других новых явлений в искусстве: живописи, представленной на «весенней выставке» в Академии художеств, творчества Скрябина, авторский концерт которого в

Большом зале Московской консерватории 5 марта вызвал ряд откликов в печати.

А п р е л ь

2 апреля С. В. Балмашовым был убит министр внутренних дел Д. С. Сипягин.

5 апреля Л. Толстой пишет великому князю Николаю Михайловичу: «Событие это ужасно, главное, той злобой, ненавистью, мстительностью, которые оно неизбежно вызовет в людях, но оно было неизбежно и обещает только еще худшие бедствия, если правительство не изменит совершенно свой курс» (Т. 73. С. 230). «Трудно взвесить результаты этой жертвы [речь идет о казненном Балмашове] – ближайший, несомненно, – реакция. Деревянная фигура Сипягина превращена в мученика» (Владимир Короленко. Дневник. Т. IV. С. 303).

Запись в «Дневнике» А. С. Суворина (2 апр.) «...Мы подошли к стене, которую лбами и усердием пробить нельзя. Революционное настроение растет, и как оно кончится, сказать трудно» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 442).

С конца марта и в первой половине апреля в Полтавской и Харьковской губерниях происходят большие крестьянские волнения. «От мысли, что где-то, “во глубине России”, темная крестьянская масса голыми руками пытается что-то достать, а “лучшие люди” русской земли пьют вино и рассуждают, что из сего последует, – у меня пылает рожа и сердце больно ноет. Проклятое русское общество во главе с его руководителями фактом своего молчания совершает одно из гнуснейших исторических преступлений – это факт» (из п. Горького к К. Пятницкому, 19 апр. Т. 3. С. 49).

30 апреля появилось правительственное сообщение о крестьянских «беспорядках», приписывавшее происшедшие события «преступному» подстрекательству революционной интеллигенции. Короленко отвергает официальную версию о «зачинщиках», указывая на истинные причины волнений: «общая земель-

ная нужда», «полное недоверие к правительству» (Дневник. Т. IV. С. 296). «Страшное правительственное сообщение о беспоряд[ках]. Хочется писать об этом», – записывает Л. Толстой 30 апреля в календарном блокноте (Т. 54. С. 306). Позднее, 25 мая, выслушав рассказ посетившего его в Гаспре Короленко о захвате крестьянами помещичьих экономий, скота, сельскохозяйственных орудий, Толстой «сказал <...> с видимым полным одобрением:

– И молодцы!..

<...> – Мужик берется прямо за то, что для него всего важнее» (В. Короленко. Разговор с Толстым. Максимализм и государственность. Т. 8. С. 140). Под впечатлением этого разговора Короленко писал Ф. Батушкову 28 мая: «Теперешний Толстой и Толстой, которого я видел 13 лет назад, – два разных человека. И между прочим, от “непротivления” едва ли остались и следы» (В. Г. Короленко. Письма 1881–1921. Пг., 1922. С. 215).

В «Вестнике Европы», № 4, окончание повести П. Боборыкина «Исповедники» (печатавшейся с января). Посвященная изображению современных религиозных веяний в интеллигенции и народе, повесть вызвала интерес в литературных кругах, вопреки своей натуралистической манере («ряд беглых фотографических снимков» – А. Богданович, Мир Б., № 4). Большинство критиков констатирует злободневность самого материала произведения. 2 февраля Чехов писал О. Книппер: «Боборыкин <...> взял да и обругал меня в «Вестн[ике] Европы». За «Трех сестер». У него в романе мою пьесу ругает Грязев, профессор, т. е. Тимирязев, человек, которого, кстати сказать, я очень уважаю и люблю» (Т. 10. С. 183).

А. Чехов – рассказ «Архиерей» (Журн. для всех, № 4).

«Бунин, сразу высоко оценивший рассказ», сказал своему племяннику Н. А. Пушешникову: «<...> “Архиерей” написан <...> изумительно. Только тот, кто занимается сам литературой и сам испытал эти адские мучения, может постигнуть всю красоту этого произведения. Критики, кстати сказать, обошли молчанием» // А. П. Чехов. Сочинения: В 18 т. Т. 10. М., 1977. С. 460). 14 окт. В. С. Миролубов, сообщая Чехову о своем посещении

Л. Толстого, писал: «Был в Ясн<ой> П<оляне>, старик бодр и благостен. Хвалил “Архиерея” <...>» (Там же. С. 461). «12 апреля 1902 г. <...> Александр Борисович [Гольденвейзер] записал [в дневнике]: “Прочел нынче “Архиерей” Чехова. Сюжет – смерть Ивана Ильича. Как мне близок этот писатель! Он больше Горького, глубже, умней...”» / Е. И. Гольденвейзер. «...Чудесный, несравненный художник...» (Из архива Музея-квартиры А. Б. Гольденвейзера) // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. М., 1990. С. 234.

Среди немногих литературно-критических отзывов – рец. А. А. Измайлова: «Небольшой, дышащий простотой старых мастеров, исполненный красивого лиризма, он [рассказ] производит впечатление красивое и цельное. В ряде последних новелл А. П. Чехова “Архиерей” – одна из наиболее красивых и изящных» (<А. И.>, Бирж. Вед. 14 мая).

Н. Гарин – рассказ «Волк» (Кур., 6, 9, 11 апр.).

Рассказы Л. Андреева «Весной», А. Серафимовича «О том, как Епишка встречал Светло-Христово Воскресение» (Кур., 14 апр.).

Л. Андреев – рассказ «Город» (Кур., 21 апр.).

М. Арцыбашев – рассказ «Куприян» (Р. Бог., №№ 3–4).

В № 4 «Мира искусства» помещена статья Брюсова «Ненужная правда». Видя прежде всего в сценическом искусстве самовыражение артиста, Брюсов судит с этих позиций Московский Художественный театр, в котором, по его мнению, господствует натуралистическое правдоподобие, и противопоставляет ему условные традиции, идущие от античного театра. «На страницах журнала “сценический реализм” был – в духе Брюсова – подвергнут критике в выступлениях Мережковского и Философова» (И. В. Корецкая. «Мир искусства» // Литературный процесс и русская журналистика. [Кн. 2]. С. 165, 167). «Преглупо и ужасно претенциозно написал Брюсов о Художественном театре», – отозвался Горький в письме Пятницкому от 24 июня (Т. 3. С. 79). Прямо противоположное отношение к этой статье позд-

нее выразил В. Э. Мейерхольд: призывая «от ненужной правды современных сцен к сознательной условности». Брюсов – впервые в России – «указал иные пути драматического воплощения» (Вс. Мейерхольд. Театр (К истории и технике) // Театр. Книга о новом театре. СПб., 1908. С. 154).

Отмена выборов Горького в Академию наук продолжает волновать общественность. 1(14) апреля в газ. «Искра» помещается статья «Несчастный случай с Академией наук», где, в частности, сказано: «Но в Императорской Академии наряду с архивными крысами и придворными одописцами заседают и такие люди, которых публика считает в рядах противников мракобесия. Сочтут ли эти деятели для себя пристойным оставаться членами или “почетными членами” учреждения, с которым произошел несчастный случай?»

2 апреля А. И. Эртель пишет Чехову: «...будь я на вашем месте, гг. академики, я бы не замедлил расплеваться с академией после этого пассажа, – конечно наивозможно шумнее, дабы подчеркнуть это новое проявление “ослиномании” в наших, решительно спятивших сферах» (Записки рукописного отдела Гос. биб-ки им. В. И. Ленина. Вып. 8. М., 1941. С. 81). 6 апреля Короленко в п. к А. Н. Веселовскому, председателю разряда изящной словесности Академии наук, заявляет, в частности: «Если бы этот обычай установился*, то мы рискуем, что нам могут быть диктуемы те или другие обязательные взгляды и что о перемене наших взглядов на те или другие вопросы (жизни и литературы) может быть объявляемо от нашего имени, совершенно независимо от наших действительных убеждений. А это – величайшая опасность в глазах всякого, кто дорожит независимостью <...> своего убеждения. Смею думать, что это – величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства» (Т. 10. С. 338); «Мое мнение <...> состоит в том, что Академия должна соотносываться лишь с литературной деятельностью избираемого, не справляясь с негласным производством постороннего

* Имеется в виду повеление Николая II об отмене выборов, которое было объявлено от имени самой Академии, «между тем как Академия не могла даже обсуждать его содержание!» (из п. Короленко Чехову от 10 апр. (Т. 10. С. 339). См. с. 158.

ведомства» (Там же. С. 337). Копию письма Короленко посылает Чехову, прося ознакомить с ним Толстого и Горького (Там же. С. 340); в п. к Чехову от 29 апреля замечает: «С нами поступили, как с нашалившими мальчишками <...> Я ни в коем случае не примирюсь и, значит, уйду <...> Кажется мне, дорогой Антон Павлович, что мы с Вами будем только вдвоем» (Там же. С. 343). 18 апр. П. Д. Боборыкин пишет А. А. Тихонову (Луговому): «Инцидент с Горьким начинает требовать какого-нибудь разрешения для нас, почетных академиков <...> Мне уже писали, будто он [Короленко] отказался считать себя, отныне, почетным академиком. Такой шаг был бы хорошей реакцией: но он единоличный...»* (Из переписки П. Д. Боборыкина // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Общественные науки. Баку, 1926. Т. 6–7. С. 140).

В том же апреле австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд отклонил решение Пражской академии наук и искусств об избрании Л. Толстого почетным членом академии (Бирж. Вед., 29 апр.); номер пражской газеты «Сas» от 23 апреля (6 мая) с передовой статьей на эту тему был конфискован (ЛЖТ Толстого. С. 416). Сопоставляя этот факт с отменой избрания Горького, «Московские ведомости» приветствовали поступок эрцгерцога: «Общественные учреждения <...> не могут признавать своими почетными членами лиц, которые подрывают основы существования общества» (11 мая).

11 апреля в п. к К. Д. Носилу Чехов весьма сочувственно отзывается о фирме «Знание», которая «издала много хорошего, между прочим Горького <...> В “Знании” верховодят очень порядочные люди» (Т. 10. С. 225).

В Крым, где живут выздоравливающий Толстой, Чехов, Горький, съезжается много писателей: Мамин-Сибиряк, Куприн,

* «Когда надежды Боборыкина на коллективный протест со стороны членов Академии окончательно развеялись, он решил было присоединиться к позиции, занятой Чеховым и Короленко, и составил даже проект письма А. Н. Веселовскому, в котором сообщал: “Я принужден сложить с себя звание почетного академика” <...>. Но проект так и остался проектом» (С. И. Чупринин. Чехов и Боборыкин // Чехов и его время. М., 1977. С. 143).

Бунин, Скиталец, Найденов, Телешов и др. (Н. Телешов. Записки писателя. С. 168). Часты встречи, беседы о литературе, политике, чтения своих произведений. В разговоре с рядом писателей Чехов высказал мысль о необходимости приступить к изданию хорошего нового журнала, чтобы «всем там собраться» (Скиталец. Чехов // Скиталец. Избранные произведения. М., 1955. С. 555).

Вышла первая книга Андрея Белого (Б. Н. Бугаева) – «Симфония (2-я, драматическая)» – Кн-во «Скорпион» (М., 1902, тираж – 325). Здесь же впервые появился постоянный псевдоним автора, о происхождении которого он вспоминал позднее – в частности, в рукописном «Материале к биографии...»: «мы выдумываем [автор и М. С. Соловьев] псевдоним мне; я предлагаю “Бурево́й”, но М. С. смеется: “Нет, когда узнают, что автор – вы, то будут смеяться: это не Бурево́й, а “Бори вой””... М. С. придумывает мне псевдоним “Андрей Белый” и делается моим крестным отцом в литературном крещении» (ЛН. Т. 105. С. 71).

Еще осенью 1901 г. Брюсов прочел «Симфонию», счел ее «прекрасным произведением» (Там же) и принял решение печатать ее. «Под моим влиянием была издана “Скорпионом” первая книга Андрея Белого “Симфония II”» (ЛН. Т. 85. С. 206).

В предваряющем текст фрагменте «Вместо предисловия» автор определил содержание своего сочинения: «Произведение это имеет три смысла: музыкальный, сатирический и, кроме того, идейно-символический <...> Соотношение в одном отрывке или стихе всех трех сторон ведет к символизму» (Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С. 89) и так разъяснял особенность сатирического смысла: «стиль пародии над священнейшими нашими переживаниями; и этот стиль пародии внушает мне тему 2-ой “Симфонии”» (Материал к биографии. ЛН. Т. 105. С. 62).

Позднее Белый вспоминал и о первоначальной реакции «на появление этой странной в то время книги: большинство ругает, не понимая “Симфоний”, говорят, что это – “дичь и бред”»; «Осенью обнаруживается, что псевдоним мой раскрылся и что я “притча во языцех”»; в профессорских кругах говорят: “А у Николая Васильевича [Н. В. Бугаева] – сын декадент”» (Там же. С. 75, 80).

Вместе с тем близкая автору среда отнеслась к сочинению с особым интересом: «Эллис глубоко изумлен ею <...> Мережковский из Петербурга присылает письмо, в котором расхваливает “Симфонию”» (Там же. С. 75). Брюсов и после выхода книги продолжал весьма высоко отзываться о «Симфонии» и самом ее создателе: «был у меня Бугаев, читал свои стихи, говорил о химии. Это едва ли не интереснейший человек в России. Зрелость и дряхлость ума при странной молодости. Вот очередной на место Коневского» (Дневники. С. 121); «Б. Н. Бугаев – интереснейший человек в России» (Там же. С. 122); «У меня по средам сходятся новые поэты <...> есть один цены настоящей <...> Это А. Белый, автор “Симфонии”. Если бы его не было, в России было бы жить невыносимо» – из п. к К. М. Фофанову (В. Брюсов и литература конца XIX – начала XX века. Ставрополь, 1979. С. 144). В обзоре «Русская литература в 1902 г.» из английского еженедельника «The Athenaeum» (1902. July 5. № 3897) Брюсов, оценивая «Симфонию», делает основной акцент на указанном автором одном из ее «трех смыслов» – «сатирическом»: «Это первый опыт молодого писателя, но книга производит впечатление работы человека, много прожившего. В ней нет юношеских надежд, а много сарказма и горечи. Сам мистик, сам увлеченный религиозным движением своего времени, А. Белый обращает свою насмешку на собственные идеалы. Книга написана в необычной форме: прозаическими стихами, как библейские книги» (Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 302). Среди ряда суждений такого рода выделяется более позднее и заметно более «прохладное». В принадлежащем Брюсову издании «Симфонии» со многими брюсовскими пометами на первом листе надпись: «Пустота и искренность смешаны тут везде...» (К. Пуришева. Библиотека Брюсова. ЛН. Т. 27–28. С. 670).

В письме С. М. Соловьеву от начала июля А. Блок неоднозначно высказался о мистической устремленности «Симфонии»: «По-моему, это вещь громадная, но <...> не затерялось ли и здесь, в страницах, порой “шумящих” откровением, “злое пламя земного огня”» [слова из стихотворения Вл. Соловьева] (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 331). 3 янв. 1903 г. Блок писал Белому: «настойчивы и неотвязны Ваши духовные стихи в “Симфонии”» (Переписка. С. 15). В небольшой лирической рецензии Блока на сочи-

нение Белого (Нов. П., 1903. № 4) основной мотив произведения характеризовался словами: «близится *воплощение*» (ПСС Блока. Т. 7. С. 128). Э. [Э. К. Метнер] писал: «От Андрея Белого можно смело ждать большего, нежели от всех других молодых писателей» (Приднепр. Кр., 1903. 9 июня), а еще раньше, 16 сентября 1902 г., записал в своем дневнике: «Так сильно, никто из русских, кроме Пушкина и Лермонтова, не начинал. Его “Симфония” – гениальна» (Цит. по: «Начало века». С. 585). Ряд лет спустя Метнер снова вернулся к «Симфонии», посвятив ее десятилетнему «юбилею» специальную статью в журнале «Труды и дни» (1912. № 2), оценившую сочинение как событие в словесном искусстве, означившее рождение новой «поэтической формы», в пору появления которой «почти никто <...> не предчувствовал того, что могло значить ее формальное устремление для будущего» (с. 27–28)*; «загадочным прозвучало и самое имя автора Андрей Белый, а издание книги в “декадентском” Скорпионе довершило в глазах читающей публики характеристику этого странного явления на литературном небосклоне. Несмотря, однако, на причудливость симфония была распродана, прочитана, рецензирована (одними – в качестве курьеза, другими – в качестве... пасквиля) и спрятана в книжные шкапы. Почти никто не понял, о чем она пела, не предчувствовал того, что могло значить ее формальное устремление для будущего, не предвосхищал в ней строф Пепла и Урны, страниц Серебряного Голубя, литературных портретов Арабесок и Луга зеленого, наконец, самых теорем Символизма»; «Вот почему Симфония драматическая, как первый в литературе и притом сразу удавшийся опыт нового формального творчества, надолго сохранит свою свежесть, и год издания этой первой книги Андрея Белого должен быть отмечен как момент рождения своеобразной поэтической формы» (Эмилий Метнер. Маленький юбилей одной «странной» книги. (1902–1912), Труды и дни. 1912. № 2. С. 27–28).

* «Высокие оценки первых творческих опытов Белого и предсказания его дальнейшего расцвета впервые в России прозвучали в статьях, рецензиях, информационных заметках Метнера, появившихся (за подписью: Э.) в екатеринславской газете “Приднепровский край”» (Лавров. «Андрей Белый в 1900-е годы». С. 99).

Противостоящая символистам критика отвергла произведение: «Трудно уловить смысл в этих пронумерованных строках, похожих на бред» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 6 авг.). Вместе с тем рецензент «Русских ведомостей» оценил книгу по-иному: «По странному капризу издателей, новое издание осмеивает многое из предыдущих творений, изданных тем же “Скорпионом”. “Симфония” смеется над беллетристической “настроения”, над современными мистическими тенденциями, над стремлением славить в Достоевском не столько великого психолога, сколько посредственного пономаря» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 9 мая). Сам автор впоследствии писал: «Иронию вышедшей в 1902 году “Симфонии” даже отметил публицист “Русских ведомостей” Игнатов, писавший в газете, что я-де убиваю “Симфонией” самих декадентов; иронию эту отметил позднее и Блок» («Начало века». С. 138); «Отзыв Игнатова в “Русских ведомостях” <...> дружелюбный по недоразумению (автор принял “Симфонию” за пародию на декадентов») (ЛН. Т. 105. С. 779).

Публикуется «Каталог книгоиздательства “Скорпион”. К началу 1902 г.» (М., 1902, тираж – 6000), с обращением «К читателю», где вновь сформулирован принцип, которому, по мнению руководителей издания, подчинена деятельность их предприятия: «Желая стать вне существующих литературных партий, оно охотно принимает... все, где есть поэзия, к какой бы школе ни принадлежал автор». Вместе с тем в намеченной здесь перспективе публикаторской деятельности ведущее место занимает зарубежная литература, и при этом прежде всего «издание переводов тех авторов, которые служат так называемому “новому искусству”», «новым течениям в литературе». «Широко задуманная программа не была осуществлена с должной, достойной ее последовательностью, хотя переводные книги составляют около трети в репертуаре издательства за все шестнадцать лет его активной деятельности» (из вступ. ст. Н. В. Котрелева к переписке Брюсова с С. А. Поляковым. ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 12). Среди переводных книг – сочинения Г. Ибсена, К. Гамсуна, М. Метерлинка, О. Уайльда и др.

Выходит литературно-критический сборник «Литературное дело» (СПб., 1902, тираж – 4200). Сюда вошли художественные произведения Чирикова (пьеса «На дворе во флигеле»), Тана (повесть «На красном камне»), Вересаева (рассказ «На эстраде»), Скитальца (рассказ «Атаман» и стихотворения) и другие, а также историко-литературные и социально-философские статьи, в том числе новые выступления «критиков Маркса» С. Булгакова («Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой») и Н. А. Бердяева («К философии трагедии. Морис Метерлинк»). Именно эти статьи, проповедовавшие идеи «спиритуалистической метафизики», призывавшие к «синтезу» марксизма с идеализмом, привлекли особое внимание к сборнику. Рецензент «Русских ведомостей» противопоставлял художественный отдел издания, где всё – «реализм, жизнь, действительность», «мистическим поползновениям» новоявленных идеалистов (Р. Вед., 9 мая). В полемической статье А. Луначарского «Трагизм жизни и белая магия» (Обр., № 9) идеалистическая «магия» Бердяева непосредственно связывалась с настроениями общественной реакции. В защиту новых «спиритуалистов» от Луначарского выступил А. С. Изгоев (Со стороны, Обр., № 11).

В Лондоне выходит первый номер возобновленного журнала «Жизнь», выходившего в Петербурге и запрещенного в июне 1901 г. В редакционной статье «Освобожденная “Жизнь”» редакция призывает русских писателей «войти в ряды работников свободной печати» и «перестать поддерживать своим художественным талантом подцензурную прессу».

«Для издания этого журнала в конце 1901 г. за границей была создана социал-демократическая организация <...> Фактическим его редактором был В. А. Поссе, ответственным секретарем – В. Д. Бонч-Бруевич»; «Издательство просуществовало около года. Оно выпустило 6 номеров журнала <...> 20 брошюр серии «Библиотека “Жизни”» и др. «Во всех этих изданиях <...> давались сообщения о революционном движении в России... Здесь публиковались А. Бебель, К. Каутский» и др. Художественные произведения «помещали Г. Галина, В. Г. Тан-Богораз, С. И. Гусев-Оренбургский и др.» (Голубева О. Д. В. Д. Бонч-Бруевич – издатель. М., 1972. С. 17–18). В № 5 журнала (август) в переводе

печатавшегося в «Жизни» пролетарского поэта А. Я. Коца был опубликован русский текст «Интернационала» Э. Потье, который с тех пор приобрел значение гимна у российских социал-демократов (см. Вл. Бонч-Бруевич. Автор «Интернационала». На литературном посту. 1931. № 2. С. 5).

«22 декабря 1902 г. состоялся съезд организации “Жизнь”; было решено ликвидировать издательство» во многом на почве идейных разногласий (О. Д. Голубева. Цит. соч. С. 19–20).

Выходит книга П. Струве – «На разные темы (1893–1901). Сборник статей» (СПб., 1902, тираж – 3000). В предисловии к ней Струве декларирует «перестройку» своего мировоззрения: «и “позитивизм”, и опирающийся на него марксизм перестали для автора быть всей истиной».

М а й

В. Г. Короленко – О Глебе Ивановиче Успенском. Черты из личных воспоминаний (Р. Бог., № 5). «Короленко, быть может, лучше и глубже всех сумел изобразить этого оригинального человека, которого мы все знаем только по его писаниям. И человек в изображении его так тесно и полно сливается с писателем, что их уже не отделить...» (А. Б. [А. И. Богданович]. Мир Б., № 7). В том же духе высказывался и Мирский [Е. А. Соловьев] (Журн. для всех, № 8).

В переводе И. Ф. Анненского опубликована трагедия Еврипида «Ипполит» (Журнал Министерства народного просвещения, № 3–5).

Выходит первый (майский) номер реорганизованного журнала «Русский вестник». Цель новой редакции (В. Л. Величко, В. В. Комаров) – обновление пришедшего к концу XIX в. в упадок одного из самых крупных консервативных изданий в русской журналистике середины XIX в. Платформа издания остается неприкосновенной. В обращении «К нашим читателям» редакция заявляет о своей приверженности «тройственной фор-

муле русского государственно-народного бытия»: православие, самодержавие и народность. С майского номера начинается цикл политических фельетонов Величко «Русские речи»*.

7 мая Чехов пишет Бальмонту: «Горящие здания» и второй том Кальдерона** получил и благодарю Вас безгранично. Вы знаете, я люблю Ваш талант, и каждая Ваша книжка доставляет мне немало удовольствия и волнения» (Т. 10. С. 230).

Ф. Д. Батюшков вспоминал о встрече с Чеховым весной 1902 г.: «Антон Павлович опять вернулся к вопросам внутренней политики, настаивая на неизбежности скорого введения у нас конституции. Меня поразила эта настойчивость в желании показать, как его занимают общественные вопросы» (Ф. Д. Батюшков. Две встречи с А. П. Чеховым, Солнце России. 1914, июнь).

9 мая Горький поселяется в Арзамасе под «гласным надзором» полиции (ЛЖТ Горького. С. 384–385).

Немирович-Данченко пишет Книппер-Чеховой: «Знаете, Скимунт*** арестован. И сколько ни добивались узнать причины, единственная та, что у него останавливался Горький. Что делают! Как подгоняют катастрофу!» (Л. Фрейдкина. Дни и годы Вл. И. Немировича-Данченко. М., 1962. С. 175–176).

24 мая Короленко приезжает в Ялту для свидания с Чеховым по поводу «академического инцидента» – отмены выборов Горького (Т. 10. С. 344).

На первом заседании правительственной комиссии «по общему пересмотру законов о театре и зрелищах», происходившем 24 мая под председательством великого князя Сергея Михайловича, было принято решение, что театр «надлежит оградить от

* Обновление не состоялось: «за 1902–1906 гг. журнал скатился с 12-го на 20-е место по отношению к “читательскому спросу” и прекратил существование» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века: 1890–1904 [Кн. 1]. С. 64 (раздел 8-й «Введения», написанный М. Г. Петровой).

** К. Д. Бальмонт. Горящие здания. Лирика современной души. М., 1900; Кальдерон. Сочинения. Перев. с испанск. Бальмонта. Изд. М. и С. Сабашниковых. Вып. II. М., 1902.

*** С. А. Скимунт (1863–1932) — книгоиздатель, общественный деятель.

таких уклонений с плодотворного пути, которые могли бы превратить его в кафедру, откуда бы раздавались речи, приуроченные к проповеди постепенного разложения нашей общественной жизни» (Бирж. Вед., 15 июля).

Запрещается постановка «Мещан» на провинциальных сценах (Т. и Иск., № 19).

Выходит сборник И. Бунина «Новые стихотворения»* (М., 1902, тираж – 600). Положительную оценку сборнику Бунина, чей талант «достигает крупных размеров» в описании природы, дает «Курьер» (1 июня, «Библиограф. отд.»). Рецензент «Русского богатства» дает отрицательную оценку сборнику, отмечая влияние «модного» декадентства на новые стихи поэта. Изображавший ранее «бесхитростные картинки родной природы» и «жизнерадостные настроения молодой здоровой души», он пытается ныне нарядиться «в плащ сверхчеловека», равнодушного «к горестям и радостям простых смертных», усматривающего смысл человеческого существования лишь в «созерцании “вечной красоты”» ([П. Ф. Якубович]. Р. Бог., № 7. Отд. «Новые книги»). Сопоставление «прежнего Бунина, еще не чурящегося толпы и потому понятного нам и близкого», с новым Буниным, стремящимся «на некие вершины, где в уединенном величии хочет бесстрастно взирать на нашу грешную землю», содержится и в отзыве «Мира Божьего» (№ 7. «Библиограф. отд.». С. 81). Язвительной рецензией на книгу отозвался Брюсов (Аврелий, Нов. П., 1903. № 1): «В “новых стихотворениях” г. Бунин неожиданно переходит на новую дорогу. Он перенимает темы парнасцев и первых декадентов. Это не случайное явление. Оно показывает, что и новое искусство способно на “вульгаризацию” <...> г. Бунин подмечает у действительно *новых* поэтов красивые приемы, красивые образы, красивые чувства – и воспроизводит их даже не без некоторого мастерства <...>»; «новые стихотворения будут несомненно интересны», но лишь «тем, кто не знаком с их иностранными и русскими оригиналами <...> Образцы г. Бунина – это вчерашний день литературы».

* Сборник Бунина вышел не в июне (как указано в «Книжной летописи»), а в конце мая (см. Бунин. Письма. С. 407, 674).

Вышла «Книга рассказов и стихотворений» (изд-во книжного магазина торгового Дома С. Курнин и К°. М., 1902, тираж – 5000). Первое коллективное выступление участников «Среды», предшествующее сборникам «Знания». В «Книгу» вошли произведения (ранее печатавшиеся) Горького, Мамина-Сибиряка, Куприна, Бунина, Андреева, Чирикова, Телешова, Зайцева, Гославского, Белоусова и др. В п. Телешову (от 14 сент. 1902 г.) Чехов отзывается о сборнике: «... многое мне понравилось, многое очаровало»; называет «необыкновенно хорошими, великолепными» напечатанные здесь рассказы Горького «В сочельник» и «Песня о слепых» (Т. 11, С. 39). В отзывах отмечалась гуманистическая устремленность произведений, составивших «Книгу», резкая противоположность декадентским тенденциям (Треплев [А. А. Смирнов]. Альманахи. Кур., 9 сент; Р. Бог., № 10, отд. «Новые книги»; Р. Вед., 16 сент.; Южный край, 11 сент.). Отрицательный отзыв был помещен в «Мире Божьем» (№ 10).

Выходит отдельным изданием книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Том 2. Религия Л. Толстого и Достоевского» (СПб., 1902, тираж – 600), вызвавшая ряд значительных отзывов, обращенных к труду Мережковского в целом. Одним из первых крупных литературных деятелей, обратившихся к книге, был Брюсов. В рецензии «Новая ересь», подписанной «Аврелий» (Р. Листок. 7 июня), в частности, сказано: «Необходимо оговориться, что книга Мережковского в общем прекрасная и даже замечательная книга. Деятельность Мережковского, громко свидетельствующего перед всем нашим обществом о необходимости религиозных основ в жизни, знании и творчестве, – почетная деятельность. Но теории, положенные им в основу его любопытных критических исследований, шатки, непоследовательны, неубедительны <...>». Его теория – «о равносвятости духа и плоти» – это соединение «христианства с нищенством».

В двух больших обзорах «Литература и жизнь» (Р. Бог., №№ 9 и 10) Н. Михайловский высмеивает концепцию Мережковского, представляющего Достоевского религиозным пророком («Г. Мережковский <...> жалок в своих усилиях слепить что-то цельное из христианства и язычества, Христа и Антихрис-

та, Достоевского и Ницше» – № 10, II отд.), противопоставляя ей свое представление о «жестоком таланте» писателя. Критик отмечает, что «звезда Достоевского, по-видимому, вновь загорается, и он может стать предметом такого же слепого увлечения, какими у нас в разное время были и есть Дарвин, Толстой, Маркс, Ницше» (Там же).

Михайловский возмущен и оценкой Толстого у Мережковского. Отдавая должное «бессознательной стихии» Толстого, воплощающей его «языческую» сторону», автор книги развенчивает вместе с тем «его христианское или якобы христианское сознание», не находя при этом «достаточно слов для характеристики фальшивости, грубости, цинизма, узости» мысли писателя (№ 9. II отд. С. 50), «прорывается как в первом, так во втором томе злобными против него выходками» (Там же. С. 45). «Относительно Достоевского он не позволяет себе ничего подобного» (Там же. С. 51). Резкой критике подвергается и розановская «религия пола».

В защиту труда Мережковского выступил Розанов. Приведа слова Михайловского: «Мережковский знает огромность человека, на которого он, карлик, с таким бешенством замахивается» (имеется в виду резкое принижение Толстого перед Достоевским), Розанов осудил «брань» Михайловского, посягнувшую на «имя самого внимательного и самого трудолюбивого критика, далеко оставившего за собою» то, что писалось «ранее о Толстом». Труд Мережковского – «совершенно новое явление в нашей критике: критика объективная взамен субъективной, разбор писателя, а не исповедание себя. Плодом этой <...> критики (пусть со множеством частных ошибок) было то, что великий писатель <...> выяснился как огромный, как небывалый еще факт цельной культуры европейской и христианской». Подобного пиетета не отменяет «идейное расхождение» Розанова с религиозными идеями Толстого, «которые указывают “узкий путь” жизни» (Заметка о Мережковском // Хроника Мира Иск., 1903, № 2. С. 15–16).

С ответом Михайловскому (озаглавленным «О гигантах и пигмеях») выступил Мережковский. «Не меньше, чем г. Михайловский, я понимаю все величие Л. Толстого как художника. Перед этою громадою я иногда действительно чувствую себя

<...> как “пигмей” перед “гигантом” [слова, приведенные в “Заметках” Розанова]. Но вместе с тем я вижу, что на горе художественного гения стоит человек <...> такого же среднего роста, как все мы, грешные»; «Л. Толстой не был великим человеком в этом смысле»; «Возмущение г. Михайловского и всех прочих» происходит от того, «что я заговорил о Л. Толстом не как “пигмей” о “гиганте”, а как человек о человеке» (Хроника Мира Иск., 1903, № 3. С. 21–22).

С большой статьей в «Мире Искусства» (1903, № 1–2), названной «Власть идей», выступил Л. Шестов, критически оценивший 2-й том труда Мережковского, в отличие от 1-го тома, на который он отозвался сочувственной, в целом, рецензией: «В первом [томе] он внимательно, неторопливо, без всяких предвзятых мыслей вглядывается в жизнь и только от времени до времени... морализирует и делает обобщения. Во втором – он раз навсегда закрыл глаза на действительность и, весь отдавшись во власть идей, начинает обобщать и судить, или, как ему кажется, созидать новую религию» (с. 80); «Г. Мережковскому на этот раз нужны догматы и только догматы» (Там же). Уже в самом замысле этого труда усматривает критик отрыв от жизни, поскольку «никто из людей не вправе создавать религию... Ибо одно из двух: либо Бог есть – и тогда религия дана нам Библией; либо Бога нет – тогда нам с г. Мережковским лучше всего замолчать» (с. 84). Наиболее догматические страницы книги, по мнению Шестова, посвящены разоблачительному освещению религиозных воззрений Толстого, когда, в угоду своему морализаторству, автор иногда даже «смешивает с грязью великого писателя земли русской» (с. 88). Вместе с тем, в противоположность Михайловскому, «лучшими страницами второго тома» признаются посвященные Достоевскому, хотя тоже не свободные от морализаторского налета: «Достоевского г. Мережковский внимательно слушает, редко стесняет его свободу и только иногда направляет и дополняет» (с. 90). Критика Мережковского демонстрирует основную презумпцию Шестова – его скептицизм ко всякого рода «синтезам» как попытке навести по отношению к многообразной действительности «равнение во фронте» (с. 90).

1 августа 1903 г. Блок писал Белому: «...перечитал “Войну и мир”, прочел юношеские творения Достоевского. Этим отрезал себя от II тома...» (Переписка. С. 90). В рукописной заметке «Возражение на теорию Мережковского» (от 13 дек. 1902 г.) Блок, в частности, писал: «Констатирование без разрешения <...> Усталый взгляд назад <...> Обетование без провиденья» <...> «Таким образом – констатирование собственной внутренней трагедии» (Т. 7. С. 67).

В позднейшей мемуарной книге «Дмитрий Мережковский» З. Гиппиус признает, что автор «Л. Толстого и Достоевского» «сказал кое-что несправедливо насчет Толстого» и предполагает само собой разумеющуюся причину: «конечно, Достоевский <...> был ближе ему, нежели Толстой. Поэтому, вероятно, он и перегнул немного в его сторону» (Живые лица. Воспоминания. С. 240).

Н. Г. Молоствов – «Борец за идеализм (слово правды о А. Л. Волынском). С приложением ряда публикаций Волынского, относящихся к современной литературе» (Рига, 1902, тираж – 600).

Выходят книги о Горьком: Ст. Суханов [М. Столяров-Суханов]. Правда о Максиме Горьком (Психологический этюд). Киев, 1902, тираж – 2000; Г. Эрастов. Открытое письмо Максиму Горькому. «Светит, да не греет». Изд. Ф. И. Матюрникова. СПб., 1902.

И ю н ь

Продолжается кампания критики монархического направления, предпринятая против Горького. В «Русском вестнике» (№ 6) опубликована большая статья Н. Энгельгардта «Максим Горький как художник»: «Эстетический вкус его не идет выше кричащего, фальшиво приподнятого романтизма самого дурного тона. Нравственное мерило его заключается в понятии удалегеройства в самом животнo-чувственнoм смысле». «Русскому вестнику» вторит «Гражданин»: «Это поэзия пугачевщины, дружков Стеньки Разина, лихих ватаг Ермака и даже кровожад-

ных размахов опричнины» (Серенький [И. И. Колышко], Дух времени. 2 июня).

В дневниковой записи от 14 июня Фидлер передает рассказ В. М. Ламанского, посетившего Л. Толстого в Крыму: «Жаловался [Толстой] на распад русской литературы. Он против чеховских драм, в которых нет никакого действия и никакой борьбы, одно настроение»; «Если бы я участвовал в выборах Горького в Академию, то положил бы ему черный шар, – заявил Толстой. После того, как Горького постыдным образом исключили из числа академиков, он [Толстой] и не подумал заявить о своем выходе» (Фидлер. С. 340).

21 июня Горький пишет Пятницкому: «Лев Николаевич [Толстой] окончательно встал на ноги <...> Гений – сильнее смерти. Пишет статью по земельному вопросу, а? Экая силища, экое изумительное понимание запросов дня!». В том же письме сообщает: «Начал писать <...> пьесу “Дачники”. Думаю изображать современную “буржуазно-материалистическую интеллигенцию”, – как выражается Бердяев. Очень хочется подарить “всем сестрам – по серьгам”, в том числе и Бердяеву небольшие» (Т. 3. С. 78–77).

25 июня Толстой уезжает из Ялты в Ясную Поляну. Познакомившийся с ним в этот день А. И. Куприн писал: «<...> я понял в эти несколько минут, что одна из самых радостных и светлых мыслей – это жить в то время, когда живет этот удивительный человек» (О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай». Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1958. С. 605).

Во второй половине июня Чехов вместе с С. Т. Морозовым совершает поездку на Урал, осматривает всеволодо-вильвенский химический завод, принадлежащий Морозову, интересуется условиями труда рабочих (ЛЖТ Чехова. С. 711–712). В разговоре с находящимся здесь А. Серебровым [А. Н. Тихоновым] Чехов критически высказывается о ряде сочинений Горького – «Песне о Соколе», «Песне о Буревестнике», «Фоме Гордееве» и др.: «Вы совсем не то цените в Горьком, что надо. А у него действительно

есть прекрасные вещи. “На плотях” – например <...> Чудесный рассказ!» (Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 474–475).

Брюсов путешествует по Италии (май – начало июля). В газ. «Русский листок» с июня по ноябрь печатаются его итальянские корреспонденции.

Блок пишет А. В. Гиппиусу 23 июня: «Мне чуются иногда впереди великие надежды и великие прегрешения, и все-таки – свет, свет и радость» (Т. 8. С. 33).

26 июня умер скульптор М. М. Антокольский.

Вышел второй сборник Ф. С. Шкулева «“Не всем счастье” и другие рассказы и стихотворения» (М., 1902, тираж – 2400).

Из данных о петербургском книжном деле за первое полугодие 1902 г. Наиболее крупным тиражом выходили «Записки врача» Вересаева (40 000 экз.) и «Мешане» Горького (30 500 экз.). Лубочное издательство в Петербурге выпустило 285 000 экз. книг, среди которых преобладали песенники и разбойничьи романы. «Ученое издательство в Петербурге, довольно значительное по числу названий, имеет совершенно ничтожный спрос. Ученые записки и подобные им труды печатаются от 200 экз., самое большое, если 600. Исключение представляют словари...» (Наше книжное дело, Мир Б., № 10).

Вышла книга Александра Бенуа «История живописи в XIX веке. Русская живопись. Часть II» (изд-во т-ва «Знание», СПб.; тираж – 3400), явившаяся отражением эстетических позиций группы «Мир искусства». С резкой критикой книги выступил Н. Михайловский, обвинивший автора в отрицании «общественного направлeнства» в живописи (Р. Бог., № 12). В ряде отрицательных отзывов на книгу отмечались пренебрежительное отношение Бенуа к «передвижникам», стремление поставить выше всего в живописи «внутренний смысл красок и линий», субъективность и произвольность отдельных выводов и оценок (А. Лу-

начарский, Обр., 1903. № 2; Р. Вед., 19 авг. Отд. «Библиограф. заметки» и др.). В целом весьма высоко оценил этот труд С. П. Дягилев, виднейший деятель группы «Мир искусства» (Бенуа «первый расчистил авгиевы конюшни нашей живописи»), но и он вступил в спор с автором книги: «Я очень смущен и не могу понять, откуда у Бенуа взялась эта прямолинейная вера в то, что “мы – избранники” и что лишь с нашего времени пошло и “стало быть” русское искусство» (Мир Иск., № 11. Отд. хроники).

И ю л ь

С июля в Штутгарте (Германия) начинает выходить двухнедельный нелегальный журнал общественно-политической ориентации, издаваемый группой российских либеральных деятелей во главе с П. Б. Струве, – «Освобождение» (позже издание было перенесено в Париж). В программном заявлении «От редактора» (№ 1) указано, что журнал обращается «в очень значительной степени к умеренным, не участвующим в революционной борьбе, элементам русского общества» и что одна из главных его задач – «осознать и оформить либерально-демократическое движение в стране».

«Освобождение» явилось истоком возникшей в 1905 году партии кадетов.

В «Мире Божьем», № 7, опубликован рассказ Л. Андреева «Мысль», вызвавший значительный интерес в критике и самые разные суждения. Своим рассказом, считает А. Яровицкий, «Л. Андреев хотел возбудить в читателе не столько сомнения в мощи самой человеческой мысли», сколько «протест против самодовольной уверенности образованного общества в том, что оно владеет всей истиной»; герой рассказа Керженцев – типичный представитель этого общества (А. Яр-ий, Самарская газета, 26 окт.). «“Мысль” наигрывает на одной из наиболее чувствительных струн той “психологии ужаса”, которая особенно близка нам, людям современного общества <...> И если слабому человеку этот психиатрический этюд даст лишнюю долю напрасного мучительства, то человеку жизни и борьбы он послужит

новым аргументом в пользу известных изменений окружающего строя», «порождающего “человека-зверя”» (В. Г. Подарский [Н. С. Русанов]. Наша текущая жизнь, Р. Бог., № 9). Вопреки болезненности «душевного уклада» героя «Мысли», «по существу и по основным чертам своего типа он является выразителем того <...> индивидуалистического <...> направления, которое известно у нас в разных формах его разветвления под названием нищезанятия, декадентства, индивидуализма» (Н. Геккер. Леонид Андреев и его произведения. Одесса, 1903. С. 37). «Мысль» – «одно из самых серьезных и обдуманых произведений современной литературы». «Все ли можно? Все ли дозволено умному, даровитому и смелому человеку, у которого нет других побуждений, кроме личных и эгоистических? Ответ г. Андреев дает в духе старых добрых традиций русской литературы...» (Н. Скиф [Н. М. Соколов], Р. Вест., № 8). Напротив, А. Луначарский воспринял рассказ как несостоявшуюся попытку создать положительный тип современного «сверхчеловека» (О художнике вообще и некоторых художниках в частности, Р. Мысль. 1903. № 2). Другие рецензенты видят в рассказе утверждение «бессилия человеческой мысли, почти полного ее банкротства» (XXX. Маленькая хроника, Кур., 30 июня. № 178; также: Вл. Кранихфельд. Леонид Андреев и его критики, Обр., № 10. С. 67). Высоко оценивая рассказ («После “Красного цветка” Гаршина, “Палаты № 6” и “Черного монаха” Чехова я не помню ни одной вещи <...> которая бы производила такое сильное впечатление»), А. Измайлов относит его к категории «психопатологических» произведений (Бирж. Вед., 19 авг.). В письме А. Измайлову от 30–31 августа сам автор заметил о «Мысли»: «Холодная эта вещь, риторика. Кстати: я ни аза не смыслю в психиатрии и ничего не читал для “Мысли”» (А. А. Измайлов. Переписка с современниками. СПб., 2017. С. 56). «Рассказ хорош, – писал Горький Андрееву еще до его публикации (в апреле, после 17), – <...> Пускай мешанину будет страшно жить, сковывай его паскудную распушенность железными обручами отчаяния, лей в пустую душу ужас!» (т. 3, с. 47). В ответном письме Андреев, в частности, заметил: «Михайловскому не понравилась “Мысль”. Говорит: искусственно и непонятно, что собственно хочу я сказать» (ЛН. Т. 72. С. 147). 29 июля Чехов писал Горькому:

«“Мысль” Л. Андреева – это нечто претенциозное, неудобопонятное и, по-видимому, ненужное, но талантливо исполненное. В Андрееве нет простоты, и талант его напоминает пение истинного соловья» (Т. 11. С. 13).

18 февраля 1903 г. на заседании русского общества нормальной и патологической психологии в Петербурге д-р И. И. Иванов прочитал доклад «Леонид Андреев как художник-психопатолог на основании психиатрического анализа его рассказа “Мысль”», вызвавший большое внимание «преимущественно учащейся молодежи»: «По мнению д-ра Иванова по верности и реальности изложения рассказ соответствует всем требованиям современной психиатрии» (Леонид Андреев на суде психиатров, Бирж. Вед., 20 февр.). В письме в редакцию газеты Андреев, опровергая версию докладчика об отражении в «Мысли» психических недугов самого автора, возражает против склонности «известной части публики и критики <...> связывать сюжеты литературных произведений с личной жизнью их авторов» (Там же, 27 февр.).

В «Мире Божьем», № 7, закончилось печатание повести С. Юшкевича «Ита Гайне» (начало – в № 6), посвященной жизни еврейской бедноты. «...Повесть производит впечатление реальной, действительно виденной, а не сочиненной только и не вычитанной жизни и притом изображаемой автором с несомненной, хотя и не кричащей, симпатией к этим жертвам мучительных усилий» (В. Г. Подарский. [Н. С. Русанов], Наша текущая жизнь. Р. Бог. № 9).

И. Бунин – рассказ «Свидание» (Р. Мысль. № 7).

После длительного рассмотрения в Главном управлении по делам печати Перцовым получено 3 июля разрешение на издание «Нового Пути», о чем 6 июля он писал Брюсову: «“Новый путь” разрешен – со всей программой (самой обширной из всех существующих). Итак, победа – такая полная и решительная, к<какой> трудно было ожидать» (Ежегодник на 1973 год. Л., 1976. С. 40).

9 июля З. Гиппиус пишет А. Блоку, имея в виду журнал «Новый Путь»: «Нам, наконец, разрешили журнал <...> Надеюсь, дадите мне стихов (не декадентских, а мистических <...>)» (З. Г. Минц. Александр Блок и русские писатели. СПб., <2000>. С. 545). В ответе Гиппиус от 2 авг. Блок пишет, что «с величайшим удовольствием и согласием» отдает свои стихи в «Новый путь» (Т. 8. С. 98).

15 июля Гиппиус писала Перцову: «Горький *скоро* проникнет <поникнет?>; увидите. Прочитала недавно об успехе Марлинского, соответственно сопоставила (исторически) подробности – и многое поняла» (Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступительная заметка, подготовка текста и примечания М. М. Павловой. Русская литература. 1991. № 4. С. 145).

25 июля Л. Толстой делится своими мыслями о современных писателях. Отрицательно отзываясь о горьковских произведениях («Дело с застешками», «Трое», «Мещане»), замечает: «Но мне все-таки импонирует, что Европа его так переводит, читает. Несомненно, что-то новое в нем есть» (А. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. С. 113).

В письме в Отделение русского языка и словесности Академии наук от 25 июля Короленко окончательно слагает с себя звание почетного академика, выражая протест против «административно-полицейского воздействия», оказываемого на русскую литературу (полный текст этого заявления опубликован в журнале «Освобождение». Штутгарт, № 5, 19 авг. [1 сент.]).

29 июля Чехов пишет Горькому о пьесе «На дне»: «...пьесу Вашу я прочел. Она нова и несомненно хороша» (Т. 11. С. 12).

В июле П. Перцов пишет Брюсову: «Знаете ли вы поэта Блока? У меня два его стихотворения – удивительно красиво и удивительно непонятно. Стиль Вл. Соловьева, но гораздо *вопло-*

ценнее». Брюсов отвечает: «Блока знаю. Он из мира Соловьевых. Он – не поэт» (Перцов. Лит. восп. С. 281)*.

Р. М. Рильке в письме к Бенуа от 5 августа (23 июля) снова напоминает о своем помышлении переехать в Россию: «для моей жизни самое важное – не потерять Россию: <...> сохранить с ней связь вплоть до того времени, когда я смогу обосноваться в Вашей стране, – что является конечной целью всех моих помыслов» (К. М. Азадовский. Рильке и Россия. Статьи и публикации. М., 2011. С. 214).

Бенуа отвечает 4(17) августа: «Хорошая страна Россия, но по многим причинам прямо и безусловно необходимо с ней иногда расставаться <...> хочется подальше от всей нашей до последней степени изовравшейся (о, куда более изовравшейся, чем на Западе!) жизни, от наших громких пустых разговоров, от нашей вонючей пошлости. И Вы еще хотите сюда переселиться!..» (Там же. С. 217).

Выходит в свет очередная «разносная» книга о М. Горьком – Ф. Добронравов. Прогорькший романтизм Максима Горького. СПб., тираж – 2300.

А в г у с т

В очередном литературном обзоре (Нов., 29 авг.) Северов [П. О. Морозов] рассуждает о причинах «кризиса» романа в современной литературе, который «разменивается на мелкие очерки и рассказы»: «...в настоящее время он, по-видимому, уже вступил в период готовых клише, условных формул, определенных рецептов <...> Возможно ли, в самом деле, чтобы после всех превращений, пережитых романом в течение столетия, после романтиков, реалистов, натуралистов <...> явились еще писатели, которые сумели бы придать роману <...> еще небывалую форму и новое содержание?»

* В книге «Ранний Блок» (М., 1922. С. 24) Перцов датирует письмо Брюсова началом августа.

И. А. Гофштеттер – статья «Поэзия вырождения: Философские и психологические мотивы декадентства» (Вестник иностранной литературы, № 8), позднее публиковавшаяся в отдельных изданиях. По мысли автора, современная декадентская поэзия «вырождения» «превращается в поэзию возрождения», заключающую в себе миросозерцательную перспективу, ибо «открывает возможности» искать красоту не в «смутной действительности», а в «художественном созерцании жизни».

На статью в «Вестнике...» обратил внимание Блок (Зап. Кн. С. 35). Позднее, в статье М. А. Протопопова «Критики-эстетики» (Р. Мысль. 1903. № 8) была, в том числе, подвергнута критике работа Гофштеттера, служащая «горсти людей с притупленным вкусом, с разбитыми нервами и утомленным мозгом».

В. В. Розанов – статья «Концы и начала, “божественное” и “демоническое”, боги и демоны (по поводу главного сюжета поэмы М. Ю. Лермонтова “Демон”» (Мир Иск. № 8). 5 ноября Брюсов писал Перцову: «Читал я Розанова в “Мире искусства” и проповеди двубожия смутился. А уж Лермонтов здесь положительно ни при чем» (цит. по: Лит. процесс и русская журналистика [Кн. 2]. С. 158).

Опубликована статья И. Ф. Анненского «Трагедия Ипполита и Федры» – «опыт эстетического разбора» переведенной им трагедии Еврипида «Ипполит» (Журнал Министерства народного просвещения, № 8).

8 августа Л. Н. Толстой написал, а затем вычеркнул в дневнике: «Желаю дурного» (Т. 54. С. 135). Подразумевается желание писателя уйти из дома.

Леонид Андреев пишет Н. Михайловскому в начале августа: «Был я в Арзамасе у Горького и слышал его новую драму: “В ночлежном доме” или “На дне” (он еще не остановился на том или другом заглавии) <...> новая драма – нечто неожиданное по силе, смелости и красоте <...> Берет Горький все тех же своих босяков и бывших людей, но есть нечто совершенно новое в сильно изменившемся и, я сказал бы, просветленном взгляде ав-

тора. Из романтика со всею бессознательною, хоть и красивою ложью романтизма он словно превратился в философа <...> хотел ли он того или уж это случилось так, но драма его лежит на широчайших социальных основах <...> И “Мещане” его – в подметки не годятся!» (ЛН. Т. 72. С. 495–496).

7 авг. Белый пишет Э. К. Метнеру о своих «Симфониях»: «“Симфонии” не имеют будущности, как таковые; но как промежуточная стадия на пути к образованию какой-то безусловно важной формы – они значительны <...> центр тяжести в объяснении окружающей действительности перенесен из прошлого в будущее, что произведет грандиозный переворот в характере созерцаний <...>» (Цит. по: Лавров. «Андрей Белый в 1900-е годы». С. 65–66).

В конце августа исполнилось 50 лет с начала литературной деятельности Толстого. «Мы гордимся Вами, как может гордиться история целого века, во время которого и жил и работал один из величайших людей, дух коего будет направлять человеческую мысль еще в течение нескольких веков» (из телеграммы, подписанной Горьким, Шаляпиным, Л. Андреевым, артистами МХТ и др. Вл. И. Немирович-Данченко. Театральное наследие. 2. Избранные письма. «Иск-во». 1954. С. 230).

25 августа Чехов сообщает А. Н. Веселовскому о своем отказе от звания почетного академика: «В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почетные академики. А. М. Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его <...> Я поздравлял сердечно, и я же признал выборы недействительными – такое противоречие не укладывалось в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог» (Т. 11. С. 23–24). 6 декабря А. Куприн писал Чехову: «Большое впечатление произвело в Петербурге ваше письмо в Академию <...> все единодушно находят его чрезвычайно сдержанным и очень сильным» (ЛН. Т. 68. С. 387).

В конце августа Вл. И. Немирович-Данченко едет в Петербург хлопотать о разрешении пьесы «На дне». «Пришлось <...> отстаивать чуть не каждую фразу, скрепя сердце делать уступки и в конце концов добиться разрешения только для одного Художественного театра» (Л. Фрейдкина. Дни и годы Вл. И. Немировича-Данченко. М., 1962. С. 179).

«С августа <...> Серафимович начинает вести в “Курьере” два цикла очерков – “Заметки” и “Обо всем”» (Чуваков В. Н. «Курьер» // Литературный процесс и русская журналистика. [Кн. 1-я]. С. 368).

Вышла книга В. Вересаева «Рассказы. Том II» (СПб., 1902, тираж – 5000). Сюда вошли ранее печатавшиеся рассказы о народной жизни («В сухом тумане», «Об одном доме», «Лизар» и т. д.) и повесть «Конец Андрея Ивановича». Критика в основном высоко оценила книгу Вересаева за ее правдивость; отметила решительный отказ писателя от представлений о деревне и в духе Златовратского, и в духе гораздо более трезвого Г. Успенского (А. [Л.Н. Андреев], Кур., 4 ноября); увидела «новизну освещения трудовой жизни» в сопоставлении двух типов – «городского рабочего, порвавшего связи с землей» и поднимающегося «на ступень сознательной личности» (Андрей Иванович), и «представителей массовой психологии земли», подчиняющей «себе человека до полной обезличенности» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 11; также: Р. Мысль, № 12, без подп.). Противонародническая тенденция книги, принятая одними, вызвала отпор у других. В статье «Новые взгляды на “власть земли”» А. Измайлов писал: «И хочется верить с Гл. Успенским, что в <...> силе ржаного колоса – спасение русского мужика, и подождать с упреками Вересаева тому же мужику...» (Бирж. Вед., 18 ноября). 1 июля 1903 г. Чехов писал А. Суворину: «<...> почитайте <...> рассказы Вересаева. Начните со второго тома, с небольшого рассказа “Лизар”. Мне кажется, что Вы останетесь очень довольны» (Т. 11. С. 231). Еще в 1901 г. Л. Н. Толстой высоко отозвался о крестьянских рассказах писателя, в которых «видна искренность и глубоко чувствующая душа» (п. М. И. Во-

довозовой В. В. Вересаеву, 22 июля 1901 г. В. Вересаев. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1961. С. 463).

Выходят 2-е издание «Мещан» Горького и 3-е издание т. I «Рассказов» Л. Андреева («Знание», СПб.).

Издана книга Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Вопросы психологии творчества» (изд. Д. Е. Жуковского. СПб., 1902, тираж – 3100), куда вошли статьи «К психологии мысли и творчества», «А. С. Пушкин как художественный гений», «Гений Гете», «А. П. Чехов» и др. Книга была встречена сочувственными рецензиями, привлекла интерес новой методологией, которая подходит к художественному произведению «с широкими данными психологии и литературной истории и выносит из его исследования новые объяснения душевной жизни» (Р. Бог. № 11, без подп.).

С е н т я б р ь

В «Курьере» от 8 сентября – первое выступление в печати А. М. Ремизова за подписью «Н. Молдаванов» – стихотворение в прозе «Плач девушки перед замужеством», запечатлевшее мотив из зырянского фольклора.

«Плач девушки» вместе с рассказом «Бebка» задолго до публикации были отосланы Ремизовым Горькому из вологодской политической ссылки; позднее Горькому было отослано еще одно – автобиографическое – сочинение Ремизова – «мой тюремный свиток – “В плену”» (А. М. Ремизов. Собр. соч. Т. 8. М., 2000. С. 456). О последнем Горький отозвался отрицательно: «Похоже на истерические вопли, и не думаю, чтобы способствовало оно подъему духа человеческого на должную, для борьбы за жизнь, высоту» (из п. Горького Ремизову от 17 или 21 мая. Т. 3. С. 60). Отказ напечатать произведение последовал также от «Мира Божьего» и «Мира искусства». Ведущий критик «Мира Божьего» и член редакции А. И. Богданович писал автору 18 апреля: «редакция находит его [содержание произведения] вымученным, претенциозным и неестественным» (ЛН. Т. 98. Кн. 2.

С. 152). Что же касается первых двух произведений, Горький переслал их Андрееву с рекомендацией опубликовать в «Курьере» и с высокой оценкой первого из них: «“Плач девушки” – ей-богу – хорош» (п. Андрееву от начала августа. Т. 3. С. 92). «Л. Андреев заведовал литературным отделом в “Курьере”, он и пропустил мою “Эпиталаму” [“Плач девушки”]» (А. М. Ремизов. Иверень // А. М. Ремизов. Собр. соч. Т. 8. М., 2000. С. 456). В «Курьере» от 22 сентября опубликованы еще два стихотворения Ремизова в прозе – «Мгла» и «Осенняя песня».

В «Русском богатстве» (№№ 8–9) опубликовано произведение С. П. Подъячева «Мытарства (Очерки Московского рабочего дома)», принятое в журнал и отредактированное Короленко. Очерки об ужасах жизни обитателей рабочего дома, написанные с натуры, привлекли широкое внимание как яркий человеческий документ. «Рассказ совершенно безыскусственен. В нем нет не только стилистических красот, но он даже легко уязвим со стороны техники»; вместе с тем он глубоко впечатляет своей «жестоккой правдой, картинами страшного падения человека, обращения с ним хуже, чем со скотом...» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 20 сент.). В том же духе писали В. Дорошевич (Р. Сл., 27 окт.), И. Н. Игнатов (Р. Вед., 14 сент.) и др. 14 ноября Короленко писал Михайловскому: «Его “Мытарства” вызвали очень много разговоров, а в Москве они – целое событие» (В. Г. Короленко. Письма. Пб., 1922. С. 91)*. 24 августа 1914 г. Горький писал Подъячеву: «... я знаю Вас с того времени, как Вы напечатали Ваши этюды о “Рабочем доме”; большинство Ваших рассказов я читал с величайшим удовлетворением <...> любя правдивость Вашего пера» (Т. 11. С. 123).

С сентября в «Журнале для всех» «введена специальная рубрика “Отклики”, в которой помещались стихотворения начинающих поэтов преимущественно из народной среды» (Е. Г. Ко-

* Из коммент. к восп. Подъячева: «Очерки Подъячева “Мытарства” всколыхнули общественное мнение. В Московскую городскую думу были сделаны запросы, в рабочем доме — произведена ревизия» (Цит. по: В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 598).

ляда. «Журнал для всех» // Лит. процесс и рус. журналистика. [Кн. 1]. С. 326).

«Новое время» (от 12 сентября) так аттестует вышедшие пятое и шестое «Письма идеалиста» Ярмонкина (всего 12 выпусков в год), автор которых «обращает внимание на то отрицательное направление, в которое впала переживаемая нами русская литература. Л. Толстой всю свою литературную деятельность посвятил опрошению и опошлению духовной стороны нашей жизни и весь свой талант и всю свою желчь излил на разрушение *эстетического начала* <...> Такие, как А. Чехов» восприняли «наследие разрушения эстетического начала <...> останавливаясь только на отсутствии жизнерадостных проявлений. Такие, как М. Горький, Андреев и др. <...> подернули свой литературный фон совершенно мрачным колоритом и с каким-то особым злорадством погружаются в самую грязь <...> общественной жизни <...>, в которой задыхается все чистое, возвышенное и облагораживающее».

29 сентября в «Биржевых ведомостях» помещено интервью с писателем Д. Л. Мордовцевым, который, в частности, сказал: «Теперь время какое-то странное <...> Вы замечаете, какое настроение охватило не только Россию, но и все человечество <...> Горького переводят в Японии, им зачитывается Рузвельт, президент Северо-Американских Штатов; за Горьким цепляется новая известность Леонид Андреев <...> Что это такое? Пятый десяток пишу и мыслю – никогда не видал такого извращения в жизни, какое показывает Андреев <...> Ведь оторопь возьмет от такой литературы <...>».

Начиная с сентября, Брюсов устраивает у себя журфиксы по средам (Дневники. С. 122).

А. С. Суворин записывает 4 сентября в дневнике о недавней беседе с Чеховым: «Он удивлялся, что Горького считают за границей предводителем социализма. “Не социализма, а революции”, – заметил я. Чехов этого не понимал. Я, напротив, понимаю. В его повестях везде слышится протест и бодрость. Его бо-

сяки как будто говорят: “Мы чувствуем в себе огромную силу и мы победим”» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 448).

14 сентября Толстой читал «Душечку» Чехова собравшимся у него. «В современной русской литературе нет никого выше Чехова. Горького он считает значительно ниже Чехова, хотя говорит, что как человек Горький ему очень симпатичен и что он ему гораздо ближе, чем Чехов» (из п. А. С. Бутурлина П. А. Строеву. – ЛН. Т. 22–24. С. 779).

16 (29) сентября умер Эмиль Золя. В многочисленных отзывах на это известие отмечается близость Золя русской литературе, подчас отклоняются живучие представления о его творчестве: «...он всеми своими романами, а последними в особенности, опровергал доктрину натуралистического романа» (Н. Негорев (А. Р. Кугель). Заметки. Т. и Иск. № 39). 18 сентября Чехов писал О. Л. Книппер: «Сегодня мне грустно, умер Золя. Это так неожиданно и как будто некстати. Как писателя я мало любил его, но зато как человека в последние годы, когда шумело дело Дрейфуса, я оценил его высоко» (Т. 11. С. 41). В разговоре о смерти Золя «Лев Николаевич [Л. Н. Толстой] говорил о нем с добрым чувством, но сказал, что у Золя было много дидактики. “Из-за этого я не любил его”. Но... добавил:

– Но это нужно. Такое искусство необходимо» (Из записи П. А. Сергеевко от 22 сент. // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 100).

21 сентября Л. Андреев выступал на литературном вечере в Смоленске и «так был встречен молодежью, что с некоторым стыдом подумал: за что? Нужно будет написать хорошую штуку для этой молодежи, такой горячей, такой честной, такой жадной к свету и правде» (из п. Л. Андреева Н. К. Михайловскому. сент.–окт. Лит. Арх. 5. С. 58).

Блок записывает в записной книжке (между 26 и 30 сент.): «Отсутствие идеалов у декадентов <...> Противоположное – соловьевский лагерь» (Зап. Кн. С. 43).

29 сентября Горький читает на «Среде» свою пьесу «На дне». «Эта “Среда” была необычной: были приглашены артисты, некоторые литераторы, не бывшие членами “Среды”, <...> журналисты, художники <...> врачи и адвокаты. Была эта Среда не у Телешовых, а у Андреева. Успех был громадный» (В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870–1906. Париж, 1958. С. 138).

С сентября Брюсов исполнял обязанности секретаря подготавливаемого к изданию журнала «Новый путь». Отказ от секретарства, отчасти вызванный расхождениями с редакторами журнала по философско-идеологическим и литературным вопросам, но обусловленный невозможностью для Брюсова постоянно находиться в Петербурге, произошел в конце года (Д. Максимов. Валерий Брюсов и «Новый Путь»; письма Брюсова к Перцову от конца сентября, ноября–декабря 1902 г. и от 4 января 1903 г. // ЛН. Т. 27–28. С. 276–279, 282–292).

Из письма Брюсова Л. Н. Вилькиной <сентябрь>: «После Льва Толстого и Ибсена (о Горьком не хочется упоминать) – Метерлинк теперь наиболее читаемый писатель в Европе <...> это тот мост, который будет перекинут от новой поэзии к среднему читателю. Метерлинка могут читать все, и он научит всех, как читать и Вас, и меня, и Ник<олая> Макс<имовича Минского>, и тех, кто близко в Вашем лагере, и кто в лагере “Ваших недругов”» (Лица. Биографический альманах. 10. СПб., 2004. С. 299).

В течение сентября выходят 3-е и 4-е издания «Мещан» М. Горького и 4-е и 5-е издание «Рассказов» Л. Андреева.

Вышла книга крестьянского писателя (из окружения Толстого) С. Т. Семенова «“В разлуке” и другие повести и рассказы» (М., 1902, тираж – 7200).

В течение сентября – ноября выходят книги, посвященные «Запискам врача» В. В. Вересаева: Н. Н. Исполатов. Мысли старого врача по поводу «Записок врача» Вересаева (Новороссийск, 1902. Тираж – 1000); Г. Медведев. Врач-художник (СПб., 1902).

Тираж – 200); И. А. Сикорский. О книге В. Вересаева «Записки врача» (Киев, 1902, тираж – 700).

23 сент. спектаклем «Три сестры» открылся первый сезон Товарищества новой драмы в Херсоне, созданного В. Э. Мейерхольдом (Мейерхольд – в роли Тузенбаха). 26 сент. – премьера «Дяди Вани» с Мейерхольдом в роли Астрова. Мейерхольд был и «основным режиссером большинства постановок» театра (М. М. Ситковецкая. В. Э. Мейерхольд до Октября // Встречи с прошлым. Вып. 1. М., 1983. С. 280).

О к т я б р ь

Мамин-Сибиряк – повесть «Любовь куклы» (Р. Бог., №№ 7–10). В связи с новым произведением писателя и с его творчеством вообще Горький писал Пятницкому 17 октября: «Сильно смущает меня его последняя вещь <...> хотя талант его – всюду крупен и ярок. Интересный он писатель, но – скудно в нем социальное чувство» (Т. 3. С. 109). 26 октября в письме к тому же Пятницкому замечает: «Мамина – прочитал почти всего. Хороший, интереснейший писатель. Его необходимо издать дешево, хотя он, Господь с ним, совсем не общественный человек» (Там же. С. 113). В письме от 6 ноября автор пишет матери, А. С. Маминной: «Моя повесть “Любовь куклы” в “Русском богатстве” совсем не удалась»^{*}.

Леонид Андреев – рассказ «Оригинальный человек» (Кур., 24 окт.).

Горький писал Андрееву (после 24 октября): «“Оригинальный человек” тебе удался безусловно» (Т. 3. С. 112). Ссылаясь на рассказ Андреева, С. Плевако писал «Его [Андреева] настроения зиждятся на оригинальных интересных основаниях, на фундаменте, созданном исключительно его художнической мыслью, совершенно не считаясь с реальностью» (Крымский

^{*} Сообщено А. Н. Евстафьевой.

курьер, 1 дек. Цит. по: Леонид Андреев. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 623).

А. С. Серафимович – рассказ «Преступление» (Журн. для всех, №№ 9, 10).

В «Мире искусства» (№ 9–10) завершается публикация труда Л. Шестова «Достоевский и Нитше (Философия трагедии)», печатавшегося в №№ 2, 4, 5–6, 7, 8 за 1902 г.

13 октября опубликованным в газ. «Курьер» фельетоном «Мелочи жизни» (подп. – Джемс Линч), посвященным 200-летию юбилею русской печати, завершается фельетонный цикл Л. Андреева «Москва. Мелочи жизни», начатый в мае 1900 г. (Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Вып. 1: Сочинения и письма. Сост. В. Н. Чуваков. М., 1995. С. 115, 91).

В «Мире Божьем» (№ 10) публикуется статья Вересаева «По поводу “Записок врача”. Ответ моим критикам», развернуто опровергающая восприятие в медицинской среде критического пафоса книги как «опаснейшего колебания авторитета медицины и врачебного сословия». «В 1903 году эта статья, значительно дополненная, вышла отдельной брошюрой» (В. Вересаев. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1961. С. 475–476. Из примеч. Ю. У. Бабушкина к «Запискам врача»).

11 октября Л. Н. Толстой пишет В. Г. Черткову: «Кончил Х[аджи]-М[урата], к[оторого] в неотделан[ном] вполне виде отложил и при жизни не буду печатать» (Т. 88. С. 278). «Весть об окончании “Хаджи-Мурата” <...> широко распространилась в периодической печати, что вызвало многочисленные предложения Толстому издать повесть» (Т. 35. С. 611).

Киевским комитетом РСДРП в количестве 1500 экз. (с обращением «Ко всем новобранцам-рабочим») издана прокламация, публикующая «Солдатскую памятку» Л. Н. Толстого, «в которой

* Отзывы на это сочинение см. далее. Они приведены в связи с выходом книги отдельным изданием в январе 1903 г.

он <...> воплотил свой <...> замысел написать для народа статью о “военном сословии”» (В. А. Максимова. «Искра» и «Заря» // Лит. процесс и рус. журналистика [Кн. 1]. С. 102–103).

На квартире Короленко в Полтаве и при его участии «происходят совещания защитников крестьян по делу об аграрных волнениях в Полтавской губернии» (В. Г. Короленко. Собр. соч. Т. 10. С. 601).

Горький устанавливает непосредственные связи с РСДРП и с газетой «Искра», которую считает «единственным органом, заслуживающим уважения, талантливым и интересным» (из п. В. Гурвич-Кожевниковой В. И. Ленину от 13 окт. ЛЖТ Горького. С. 405). В. И. Ленин и Н. К. Крупская отвечают Гурвич-Кожевниковой: «Все, что вы сообщаете о Горьком, очень приятно <...> Попросите Г[орького] писать для нас <...>» (Там же. С. 407–408).

Выходит первая книга Вячеслава Иванова «Кормчие звезды. Книга лирики» (СПб., 1903, тираж – 1000)*. С «Кормчими звездами» Иванов связал – в поздней автобиографии – подлинное начало своего литературного пути (хотя первые его публикации относятся к 1898 г.): «До 1903 года я не был литератором» (Цит. по: Ежегодник на 1990 год. СПб., 1993. С. 85). Говоря в автобиографическом письме 1904 г. о воздействии «знакомства с Вл. Соловьевым» на воспитание его «души», Иванов замечает: «Он был первым судьей моего подготавливавшегося сборника, который был назван “Кормчие звезды” с его благословения» (Там же. С. 83).

В отзывах на книгу модернистская критика писала о «богатстве поэтической эрудиции» и «многоцветном разнообразии словаря» (Крс. [А. А. Курсинский?], Кур., 1903. 27 мая). «Книга Вячеслава Иванова странно не похожа на обычные русские “сборники стихотворений”», – писал Брюсов. – Словно автор жил <...> вне наших ежедневных литературных драм, вне наших

* Октябрем датируется выход книги по «Книжной летописи». В автобиографическом же письме, адресованном С. А. Венгеру 14(27) декабря 1904 г., Вяч. Иванов сообщает, что она вышла в декабре 1902 г. (Ежегодник на 1990 год. СПб., 1993. С. 84).

базарных криков: “декадент? – не декадент?”. Вячеслав Иванов – настоящий художник, понимающий современные задачи стиха <...> Его стих – живое, органическое целое, самостоятельная личность <...> Его особая сила в самостоятельном словаре. Он не довольствуется безличным лексиконом расхожего языка, где слова похожи на бумажные ассигнации, не имеющие самостоятельной ценности. Он понимает удельный вес слов, любит их, как иные любят самоцветные камни, умеет выбирать, гранить, заключать в соответствующие оправы <...> Вместе с тем Вячеслав Иванов истинно современный человек, причастный всем нашим исканиям <...> это не значит, чтобы в “Кормчих звездах” не было недостатков <...> Прежде всего автор более искусен <...> чем просто отдается творчеству <...> Поэтому его вдохновения часто тяжелы, его стихи как-то громоздки <...> в них нет легкости гения <...> В погоне за новыми словами он без нужды заполняет свои стихи старославянскими и областными словами и оборотами, часто непонятными без объяснения <...> Однако и ошибки “Кормчих звезд” не лишены интереса. Это не бессмысленная неумелость, а неудачи ищущего <...> Книгу Вячеслава Иванова прочтет с настоящим любопытством и поэт, любящий свое дело, и каждый вдумчивый человек» (Нов. П., 1903. № 3). Иванов – «поэт-педант, чрезвычайно <...> начитанный, сжившийся с обществом великих гениев прошлого» (П. Н. [П. Николаев]. Хроника Мира Иск., 1903. № 14). Высоко оценивал «Кормчие звезды» в своей позднейшей статье «Творчество Вячеслава Иванова» А. Блок: «Вячеслав Иванов – совершенно отдельное явление в современной поэзии», «изумительно» претворивший «в себе длинную цепь литературных влияний»; «“Немного извне (пещеры) доступно было взору; но чрез то звезды я видел ясными и крупными необычно”, говорит Дант. Эти слова Вяч. Иванов избрал эпиграфом “Кормчих звезд”. Звезды – единственные водители; они предопределяют служение, обещают беспредельную свободу <...> “Невнятный язык”, темная частность символа – мучительно необходимая ступень к солнечной музыке, к светлomu всеобщему мифу»; творчество Иванова – «плод труда не менее, чем вдохновения. Поэт, вооруженный тонкой техникой, широкой образованностью, и вместе – глубоко новый художник – останавливает на себе пристальное и любов-

ное внимание» (Вопр. Ж. 1905. № 4–5. Цит. по: ПСС Блока. Т. 7. С. 7, 9).

Критика другого лагеря, хотя подчас и признавая дарование поэта, развенчивает книгу Иванова, «современного двойника <...> господина Тредьяковского», пытающегося «воскресить <...> древний классицизм» в декадентском духе (Ник. Ашешов, Обр., 1903. № 12).

«Иногда от стихов г. Иванова, – замечает А. Измайлов, – так и повеет <...> давно прошедшими временами – Третьяковским, Ломоносовым <...>». «Стих его, в тех случаях, когда он чужд ломоносовского парения, иногда возвышается до незаурядной красоты <...>. Но не с этих, лучших сторон характерен для нас тип стихов Иванова <...> он типичен именно со стороны своих недостатков» – «искусственной претенциозности», «ходульности», «прихотливых вычур» и т. д. «В результате – полная холодность читателя к поэту. Это все – прихотливые изгибы ума» (Новая иллюстрация. СПб., 1903. № 6. Цит. по: Вячеслав Иванов. Pro et contra. Т. 1. СПб., 2016. С. 41–42).

На «недюжинное дарование Иванова», «высокую технику стиха», воскрешающего «старые размеры и старый русский слог», «приподнятый славяно-русский язык», – указывает и П. Краснов. Однако «есть одна черта его творчества, обращающая все эти его качества в ничто. Это – удивительная мертвенность его натуры. Г. Вячеслав Иванов не способен отзываться на жизнь, на живую природу, на чувства» (Литературные вечера «Нового мира». 1903. № 8. Цит. по: Вячеслав Иванов. Pro et contra. Т. 1. С. 43–44).

8 октября 1905 г., отвечая на – не обнаруженное – письмо С. А. Венгерова (судя по ответу, упрекавшее адресата в архаичности выражения его художественной мысли), Иванов, в частности, писал: «Знающему свои пути и цели художнику не страшно сознавать себя мертвым для современности <...> До издания первой своей книжки я и не знал, что выступаю еретиком в области поэтической формы <...> Но со времени моего выступления in publicum все оценки, отрицательные или положительные, подчеркивали эту мою ересь. Тогда я и сам осознал ее, и понял, что мой художнический инстинкт вел меня по правому пути <...>, понял, что поэтическая речь, по своей природе, ищет

дифференцироваться от речи прозаической (как мы и наблюдали это во все эпохи расцвета поэзии) <...> что новая энергия религиозного творчества <...> требует и новой символизации <...> в слове <...> что истинному русскому стиху, каким он необходимо станет, роднее древняя гиратичность нашего забытого слова или лубочная простота нашей старинной песни и сказки, нежели совершенная общепринятая речь нашего образованного общества <...>» (Ежегодник на 1990 год. С. 90–91).

А. Л. Миропольский [А. А. Ланг] – «Лествица», поэма в VII главах (М., 1903. Тираж – 199).

Тексту поэмы предшествует статья Брюсова «Ко всем, кто ищет» с подзаголовком «Как предисловие», которая, непосредственно не касаясь самой поэмы, отстаивает (в споре с позитивистской наукой) значимость затронутых в «Лестнице» идей спиритизма: «то, что мы смутно знаем из предчувствий, вещих снов, симпатий, что почитается темной, бессознательной стороной нашего духа, – становится основой всего бытия» (Цит. по: Валерий Брюсов. Среди стихов: 1894–1924. М., 1990. С. 68).

В статье «Спиритизм как антихристианство» (Нов. П., 1904. № 3) прямо противоположное суждение высказал Флоренский: «“Лествицу” Миропольского можно назвать поэмою антихристианского позитивизма» (Свящ. П. Флоренский. Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 143).

«Неотвратимое свершилось: московские символисты сделали спиритами» ([А. Г. Горнфельд], Рус. Бог. № 12. II отд. С. 61). Это – закономерный результат предшествующего пути названного течения, где «было все – туманные стихи и несвязные манифесты, сжигание богов и разрыв с традициями <...> не было одного: творчества» (Там же. С. 60). Характерно, однако, что «у г. Брюсова при всех его курбетах достаточно вкуса, чтобы молчать об этой книге», которая «ничтожна, как детское упражнение в поэзии» (Там же).

Вышла книга В. М. Дорошевича «Сахалин (Каторга)», I–II (изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1903, тираж – 5000). Критика отметила познавательное значение книги, дающей «богатый и интересный материал для ознакомления с бытом сосланных на ка-

торгу» (Вест. Евр. № 12. «Библиограф. листок»), гуманность автора (Р. Вед. 18 ноября. «Библиограф. заметки»).

Вышла книга П. Перцова «Первый сборник. Славянофильство. – Литература и театр. – Путевые очерки» (СПб., 1902, тираж – 1200), куда вошли статьи 1898–1901 гг. о Герцене, Вл. Соловьеве, русском марксизме, Чехове и Художественном театре и пр. О своих впечатлениях о книге Брюсов писал Перцову: «Лучшее, на мой взгляд, критика нашего ех-либерализма. Конечно, он мертв, он труп, но толпящиеся кругом этого не видят» (ЛН. Т. 27–28. С. 288). Консервативная пресса сочувственно отзывалась о неославянофильско-националистических тенденциях книги и о критике марксизма – «болезни роста русской мысли» (К. С-г [Конст. Эрберг (К. А. Сюннерберг)], Н. Вр., 1903. 5 февр.; Р. Вест., 1903. № 1. «Библиограф. отд.»).

Вышел критический очерк Л. Е. Оболенского «Максим Горький и причины его успеха (Опыт параллели с А. Чеховым и Глебом Успенским)» (Изд. В. И. Губинского, СПб., 1903, тираж – 3400). О творчестве Горького как новом этапе в русской литературе после Чехова, «на смену» которому «народная русская жизнь выдвинула другого певца, представляющего противоположный полюс – надежды, бодрости, веры, смелости», носителя героического идеала, враждебного ниществу.

14 окт. в Александринском театре Петербурга представлена трагедия Еврипида «Ипполит» (сценография Л. С. Бакста) в переводе Мережковского, который выступил перед началом спектакля с речью «О новом значении древней трагедии», напечатанной 28 окт. в «Новом времени».

Новый сезон МХТ открывается 25 октября в Москве, в Камергерском переулке, в собственном помещении (оформленном по проекту Ф. О. Шехтеля) пьесой Горького «Мещане», что вызвало новую волну критических статей о пьесе. В этот же день Брюсов писал П. Перцову: «Билетов нет уже на четыре спектакля. Недавно у нас в кружке [Литературно-художественном] было чтение о Горьком. Залу затопила толпа. Всем, кто прославлял

Горького, долго и бурно кричали браво. Немногим, посмевающим говорить против, свистали» (ЛН. Т. 27–28. С. 286).

Между тем спектакль имел «только скромный, так называемый “средний” успех. И рукоплескали больше вообще, за прошлые заслуги <...> Зрительная зала была заметно разочарована. <...> Все ждали большего» (Нов. Дня, 26 окт. Цит. по: «И. А. Бунин. Новые материалы». Выпуск I. М., 2004. С. 460).

В интервью «Киевской газете» от 27 ноября Бунин высказал свое мнение о пьесе и спектакле: «Что касается меня лично, то “Мещан” я нахожу пьесой замечательной, умной, интересной. А вот большая публика, так та меня поражает своей странностью <...> посмотреть серьезную пьесу у нее терпения не хватает» (Там же. С. 458).

Н о я б р ь

А. И. Куприн – рассказ «На покое» (Р. Бог. № 11). Положительно, в целом, оценив высланное ему автором произведение (в корректурном оттиске) – «Повесть хорошая» – Чехов вместе с тем выразил несогласие «с особенностями ее некоторыми»: прежде всего, с традиционным – «по старинке» – изображением героев (п. Куприну от 1 ноября. Т. 11. С. 67).

24 ноября в газ. «Курьер» напечатан рассказ Ремизова «Бибка», ранее отклоненный «Русским богатством» в письме Короленко Ремизову от 4 сент. (См. А. В. Лавров. Брюсов и Ремизов // Лавров. «Русские символисты». С. 112–113), и стихотворение в прозе «Колыбельная песня».

И. Анненский – статья «Античная трагедия» (Мир Б., № 11). В обращении современного театра к античной трагедии автор усматривает «простор для самого широкого идеализма», освобождающего «от тумана и паутин жизни», утверждение «благородно-мажорных нот, которых не хватает современным темам».

Андрей Белый – статья «Певица» (Мир Иск. № 11). Первая журнальная публикация Белого. В статье о концертах певицы

М. А. Олениной-д-Альгейм, пользовавшихся большим успехом, возникает и общая для эстетики символистов тема музыки.

Л. Н. Толстой снова возвращается к работе над «Хаджи-Муратом» (работа продолжалась вплоть до 1904 г.).

Узнав о «побоище рабочих в Ростове» (со 2 по 25 ноября в Ростове-на-Дону происходила всеобщая забастовка, подавленная военной силой), Л. Н. Толстой 21 ноября писал Т. Л. Сухотиной: «Положение в России, не только глядя со стороны, но и для нас представляется все более и более напряженным» (Т. 73. С. 332).

19... 23 ноября А. И. Куприн знакомится с Горьким и 6 декабря пишет Чехову об этом: «Дела мои литературные так хороши, что боюсь сглазить. “Знание” купило у меня книгу рассказов. Не говоря уже об очень хороших, сравнительно, материальных условиях, – приятно выйти в свет под таким флагом <...> Я познакомился с Горьким<...> Знаете, в нем есть что-то аскетическое, суровое, проповедническое. Все рассказывает о молоканах, о духоборах, о сормовских и ростовских беспорядках, о раскольниках и т. д.» (ЛН. Т. 68. С. 386–387).

Запись от ноября (между 6 и 13) из дневника Брюсова: «в Худож. Кружке виделся с Ремизовым [6 ноября], моим поклонником из Вологды. Пришел к “нам” из крайнего красного лагеря. Говорил интересное о Н. Бердяеве, Булгакове и др. своего, Вологодского кружка» (Дневники. С. 123)*.

В разговоре с Брюсовым Мережковский жалуется на слабость модернистского лагеря: «Какие мы несчастные. И ясно, что мы можем ожидать только мученичества <...> нас мало, мы смеш-

* В 1902 г. за участие в освободительном движении Ремизов отбывал ссылку в Вологде, где общался с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, А. В. Луначарским, А. А. Богдановым, Б. В. Савинковым и другими политическими ссыльными из Вологодской колонии (см.: А. М. Грачева. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 419–447).

ны, а там Максим Горький, Андреев <...>» (Там же. Запись от 13 ноября. С. 123–124).

16 ноября Брюсов записывает в дневнике: «Был я на XIII Религиозно-философском собрании. Отношения явно изменились. Как и должно было быть, между церковью и светскими явился раскол» (Там же. С. 124).

1 ноября редактор «Нового пути» П. П. Перцов пишет Блоку по поводу присланных им в журнал стихов из цикла «Стихи о Прекрасной Даме»: «Я с искренней радостью прочел Ваши стихи; мало что на свете радует больше, чем встреча с истинным “божией милостью” талантом <...> в области поэзии особенно. Мне лично Ваша поэзия “Прекрасной Дамы”, как говорите Вы, или “бога-природы”, как говорю я <...> особенно близка и понятна. Пусть же она пошлет Вам лучшие свои вдохновения!» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 459).

29 ноября, в письме к отцу, Блок рассказывает о том, что обратил на себя внимание в литературных кругах: «Редактор (Перцов) * написал мне письмо <...> по поводу моего “божьей милостью” таланта<...> Брюсов, который со мной еще не познакомился, имел на меня какие-то виды<...> “Мир искусства” приглашает меня на свои журфиксы<...> Д. С. Мережковский на днях читал мне главу из нового своего романа “Петр и Алексей”» (Т. 8. С. 47–48).

Композитор Н. К. Метнер пишет брату Э. К. Метнеру 11 ноября о посещении Художественного театра: «Был я, конечно, не на “Мещанах” (чтоб им пусто было), а на “Дяде Ване”. В третий раз на “Дяде Ване”! <...> Поразительная цельность! Притом гениальнейшая простота» (Метнер Н. К. Письма. М., 1973. С. 39).

В. Вересаев – «Рассказы». Т. III (СПб., 1903, тираж – 5000). Содержание: повесть «На повороте», рассказы «Паутина», «Встреча» и др. Критика отметила углубленное изображение пи-

* Речь идет о проектируемом журнале «Новый путь».

сателем исканий русской интеллигенции (Мирский [Е. А. Соловьев], Журн. для всех, 1903, № 4 и др.).

Вышел сборник Ф. С. Шкулева «“Кто виноват?” и другие рассказы и песни». Кн. 2 (М., 1903, тираж – 1200). Сочувственный отзыв о произведениях «человека, исключительно живущего интересами трудящихся классов, черпающего посылки своего миросозерцания из наблюдений над жизнью пролетариата», был помещен в «Курьере» (В. Ш. [В. М. Шулятиков], 9 дек.).

Вышел сборник «Проблемы идеализма» (изд. Московского психологического общества. М., тираж – 3000) – своеобразный манифест «неоидеалистического» направления в русской философии, который вызвал большой резонанс, став заметным событием литературной жизни. В него вошли статьи Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Б. А. Кистяковского, С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева (редактор сборника), С. Л. Франка и др.

Рассматривая «богатое содержание этого замечательного сборника», А. И. Богданович ставит во главу угла «те стороны в новом течении», которые «резко подчеркивают его отличие от прежнего идеализма». Оно заключается в направленности на «практику жизни», выдвигает «борьбу за “социальность” на первый план». Но мыслит эту борьбу на принципиально иных, чем прежде, основаниях, противостоящих – в том числе – позитивизму марксистской доктрины, сторонником которой был ранее ряд авторов сборника. Марксистское движение «в свое время» явилось «огромным шагом вперед». «Но затем отсутствие утопического элемента и практицизм <...> начали подрывать самое движение, как бы потерявшее душу, и отсюда то возрождение идеализма», основной движущей силой которого становятся «высшие нравственные задачи», «неустраняемая “метафизическая потребность”», противостоящие не только позитивизму, но и мистическим построениям в духе «г.г. Мережковских, Розановых и К^о» (А.Б. Критические заметки, Мир Б., 1903, № 2).

Но «Проблемы идеализма» встретили и прямо противоположную оценку. Сборник «вызвал целое оппозиционное движение в русской журналистике» (Волжский [А. С. Глинка], Журн. для всех, 1904, № 4).

Одновременно с Богдановичем, в том же феврале 1903 г., выступил А. В. Луначарский с отчетливо негативным отношением к «толстой книге г.г. идеалистов», отличающейся «каким-то судорожным стремлением поскорее дискредитировать науку и удариться в вольное творчество метафизико-мистического характера», которое «решительно ничего не освещает» в «коренной» для идеалистов проблематике. Опровергается представление о действительном характере нового идеализма, ибо присущее ему «сознание вне нас находящейся силы» неизбежно порождает фаталистическое мышление, в чем авторы книги упрекают своих противников. Между тем детерминистское мышление «активного позитивизма», к которому причисляет себя автор статьи, напротив, враждебно фатализму, «нисколько не противоречит свободе», является доктриной, «ни на минуту не отказывавшейся от возвышенного идеала» (А. В. Луначарский. «Проблемы идеализма» с точки зрения критического реализма, Обр., 1903, № 2).

Критическая реакция на «Проблемы идеализма» оказалась долговременной. Например, много позже в №№ 9 и 10 «Журнала для всех» за 1903 г. с развернутыми соображениями о книге выступил в своих «Литературных беседах» Д. Н. Овсянко-Куликовский – и тоже с позиций позитивизма. Но демонстрировал более широкий подход к теме, отстаивая «возможность *понимать* многое и многое чуждое нам, – лишь бы оно было сколько-нибудь *человеческим*». «Давнишний приверженец позитивизма и критицизма, – пишет он, – не находя в себе того, что называют “метафизическими потребностями мысли”, – я однако приветствую новое идеалистическое направление, ценя в нем серьезную, самостоятельную и благотворную работу мысли и совести», но не отменяющую несогласий с нею. В отвергаемых им метафизических устремлениях авторов книги критик усматривает прежде всего неправомерное противопоставление «сущего» (иначе – конкретно жизненного) и «должного» (иначе – идеально неизменного); и соответственно – противопоставление науки как низшего знания, обращенного к законам эмпирии, и философии как знания высшего, обращенного к вечным истинам. Данное противопоставление, констатирует критик, оборачивается в современном искусстве антитезой символизма и реализма, в котором (реализме) он видит подлинную зрелость ху-

дожественной мысли. «Молодая идеалистическая философия, – полагает автор, – есть исторически необходимая философия переходного времени», пребывающего в «брожении чувств и идей», с завершением которого «все это отойдет в прошлое».

С прямо противоположных позиций критикует сборник Д. В. Философов в большой рецензии «Проповедь идеализма» (Нов. П., 1903, № 10). Именно в «борьбе с позитивизмом», которая «талантливо, горячо и убедительно ведется», он видит заслугу книги. Однако, то, что, в противовес ему, авторы книги «утверждают – бесплодно», поскольку «вся беда и вся ненужность нового идеализма <...> в том и состоит, что в нем нет ничего подлинно мистического, подлинно религиозного. Он восстает <...> во имя еще более мертвого, чем самый позитивизм, рационалистического “отвлеченного начала”». «Слепая вера» в него, «красивая абстракция» не в состоянии породить «живую активность», к которой призывают они, ибо только религиозная «вера может сдвинуть горы». В письме к Перцову от 4 января 1903 г. Брюсов отзывался о сборнике: «Восстав против догматизма марксистов (“исторического матерьялизма”), они сами стали догматиками» (ЛН. Т. 27–28. С. 291).

5 ноября в МХТ состоялась премьера пьесы Л. Толстого «Власть тьмы».

Позднее режиссер спектакля К. С. Станиславский относил постановку к «историко-бытовому» направлению деятельности театра, характерному для ее раннего этапа, и находил, что именно в этой постановке сказались наиболее уязвимые стороны избранного направления: «Духовной стороны пьесы мы, актеры, не дали, не сумели <...> и, чтоб заполнить пробел <...> перепустили внешнюю, бытовую сторону. Она осталась неоправданной изнутри <...> И чем все это было ближе к действительности, чем этнографичнее – тем было хуже» (К. С. Станиславский. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1954. С. 259).

Особенно негативное отношение к спектаклю выразил Брюсов в неопубликованной тогда рецензии «“Власть тьмы” в Художественном театре» за подписью Аврелий: «Художественный театр думает, что своей постановкой он усиливает “иллюзию” сцены, приближает игру к правде жизни. Прежде всего остается

еще вопросом, нужно ли такое приближение. Не похоже ли это на раскрашивание мраморных статуй в телесные цвета <...> Художественный театр не достигает даже своих, хотя бы ложных целей», отвлекая «внимание <...> от главного – идейного содержания драмы» (ЛН. Т. 85. С. 187–188).

В ноябре в Александринском театре возобновляется чеховская «Чайка». «Успеха она не имела. Было скучно, томительно. Играли по-станиславски, с паузами, с настоящей травой в саду <...>. Несколько лет тому назад, когда пьеса провалилась, она исполнялась гораздо лучше. Теперь была хороша только <М. Г.> Савина» [в роли Аркадиной] (Запись в дневнике С. И. Смирновой-Сазоновой от 15 ноября. – ЛН. Т. 87. С. 312).

15 ноября в Москве открылась выставка «Мира Искусства», на которой были представлены, среди других работ М. Врубеля, картины «Демон поверженный» и «Демон сидящий». Под сильным впечатлением от увиденного А. М. Ремизов написал – сохранившийся в архиве – лирический этюд «Демон (к картине Врубеля)», рефрен которого – слова «Царство мое – одиночество» (Лавров. «Русские символисты». С. 118–119).

Посетивший выставку Белый вспоминал о словах Бенуа: «повел [Белого] под полотнище Врубеля: “Фауст и Маргарита” [“Фауст и Маргарита в саду”].

“Смотрите, – взмахнул он рукою, – вот титан! Я горюю, что не оценил его в своей “Истории живописи”» («Начало века». С. 218).

«Эта выставка мне впервые открыла огромность Врубеля; под картиной его “Фауст и Маргарита” я простоял около часу» (Материал к биографии. ЛН. Т. 105. С. 287).

Д е к а б р ь

В начале месяца возник «Частный комитет по устройству чествования 200-летия периодической печати» (в янв. 1903 г.), о предстоящем образовании которого 8 декабря сообщили петербургские газеты. Комитет, в состав которого вошли Короленко,

Горький, Вересаев, Михайловский, Вейнберг, Н. А. Рубакин и др., решил 3 января 1903 г. «устроить сепаратно “банкет”» (п. Короленко от 4 янв. 1903 г. к И. Ф. Волошенко – Т. 10. С. 354), на котором зачитать резолюцию комитета со следующими требованиями: «Полная и безусловная отмена предварительной цензуры <...> полная отмена системы административных взысканий, предоставление законом о печати свободного обсуждения вопросов общественной государственной жизни, явочный порядок возникновения всех без исключения органов, на каком бы языке они не издавались» (Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России 19–20 вв. М., 2001.).

Министр внутренних дел В. К. Плеве, раздраженный самочинной организацией комитета, заявил Михайловскому, что «он не потерпит никаких демонстраций в пользу свободы печати» со стороны комитета, добавив при этом: «...прежде литераторов высылали, а теперь будут ссыласть» (Осв., Париж, 2(15) янв. 1903). Заявление это стало известно широкой общественности. О других подобных фактах сказал Короленко в упомянутом письме к Волошенко: «Не довольствуясь всем этим, – перед новым годом были приняты уже прямо полицейские меры, чтобы сборище “опасных” литераторов состояться не могло» (Т. 10. С. 355).

Наиболее обстоятельно о посещении Плеве Михайловским рассказал 21 дек. Н. Ф. Анненский в письме к Короленко, сообщив не подлежащие «оглашению подробности» их «разговора», который состоялся 10 декабря: «Беседа велась в монологической форме. Н. К., по его словам, едва мог вставить две-три кратких реплики. Смысл речи Плеве был таков. Он считает литературу главною пружиною всего революционного движения последнего времени. Молодежь, рабочие – все это “пушечное мясо”, а главный заводчик всего сочинитель. <...>

То, что говорилось о литературе вообще, применялось в частности и в особенности и к “Р[усскому] Б[огатству]” – это, по словам Плеве, “штаб революции”. <...>

При всей этой зловредности литературы Плеве, однако, ее терпит и не переходит в нападение. <...>

Но бывают, однако, положения, при которых он не может оставаться в роли свидетеля. Таковы те случаи, когда писатели

прямо и непосредственно выступают на общественную арену, уже не в печати, а лично. К таким случаям относит он и образование “самочинного” комитета, который под предлогом чествования юбилея печати имеет в виду волновать общество и вызвать смуту. Он не остановится пред ссылками, если комитет эту смуту в самом деле вызовет или выступит с заявлениями по поводу свободы печати, в форме ли обращения к обществу или петиции к власти, безразлично. На замечание Мих[айловского], неужели же, в самом деле, он считает преступным актом даже петицию, ему поданную <...> Плеве ответил: да, ибо теперь ведь ни о каком практическом результате подобных петиций нельзя думать, при теперешних условиях ни на какие облегчения печать рассчитывать не может, – и следовательно петиция есть только маска той же общественной агитации» (Вопросы литературы. 2010. № 5, сент. – окт. С. 381–382. Публ. М. Г. Петровой).

Деятельность комитета была запрещена.

Начинает выходить ежемесячный журнал «Новый Путь», возникший под непосредственным воздействием Религиозно-философских собраний. Его основатели – Мережковский, З. Гиппиус и П. Перцов, ставший официальным редактором-издателем.

Январская книжка (№ 1 за 1903 г.) в скромной лиловой обложке (без рисунков, которые предлагал Бакст и которые отклонил П. Перцов), появилась в 20-х числах декабря 1902 г.: «сегодня как раз вышла первая книжка “Нового пути”» (из п. С. Дягилева Чехову от 23 дек. // Из архива А. П. Чехова. М., 1960. С. 211). В первом номере журнала Перцов определял его цели: «Дать возможность выразиться <...> тем новым течениям, которые возникли в нашем обществе с пробуждением религиозно-философской мысли»; «осмеянный отцами “мистицизм” есть единственный путь к твердому и светлому познанию мира, жизни, себя»; провозглашался разрыв с «утилитарно-позитивным миросозерцанием» и с традициями русского «толстого» журнала, подчиняющего «вечные» вопросы общественной злобе дня (Нов. П., № 1).

* Летописные статьи о выходе журнала «Новый Путь» и основном идейно-философском содержании его первого номера составлены И. С. Багдасарян.

Другая задача издания состояла в том, чтобы «дать хоть какой-нибудь простор новым литературным силам, уже достаточно обозначившимся и внутренне окрепшим к тому времени, но все еще не имевшим своего “места” в печати <...> Все эти “декаденты”, “символисты” <...> не имели где приклонить голову...» (Ранний Блок // Перцов. Лит. восп. С. 272–273).

Из воспоминаний П. Перцова и З. Гиппиус: «<...> небольшой “декадентский” кружок собрался издавать (без денег и без возможности платить гонорар) синтетический “Новый путь”, беспрограммная “программа” которого должна была вести куда-то вдаль» (Там же). «Денег не было никаких, кроме пяти тысяч самоотверженного Перцова, да очень малой, внешней помощи издателя Пирожкова, и то лишь в самые первые месяцы» (Дневник. Т. 1. С. 632).

Д. Философов, высоко оценивая «подвиг» религиозных «новаторов» – создателей нового журнала, в то же время выражал опасение, что им будет «очень трудно прокладывать *свою* тропу», так как в России «работающие» на религиозно-философском «поприще неминуемо причисляются к врагам общества», у них мало сочувствующих, и единственные, с кем «есть некоторая духовная связь, это славянофилы» (ст. «Новый Путь», Хроника Мира Иск., 1903, № 2).

В первом номере журнала была помещена статья В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей». В ее основе – доклад, прочитанный на первом Религиозно-философском собрании («Записки религиозно-философских собраний») публиковались в журнале, начиная с первого номера и далее из номера в номер вплоть до закрытия). По словам Гиппиус, доклад Тернавцева о глубоком разладе интеллигенции с церковью и поиске пути по преодолению духовно-нравственного кризиса «был и остался как бы краеугольным камнем всех заседаний, к нему всегда возвращались, какая бы ни была очередная тема» (Цит. по: С. Маковский. На Парнасе «серебряного века». М., 2000. С. 45). И хотя Тернавцев «убедительнее кого-нибудь другого выражал сущность затронутых вопросов», непонимание с интеллигенцией сохранялось (Там же. С. 47–48).

В опубликованной здесь же статье Н. Минского «О свободе религиозной совести» также противопоставлялись официальная

церковь и интеллигенция, последняя как «печальница народа и как защитница свободомыслия» (Нов. П., № 1). Вместе с тем автор полагал, что русская Реформация придет «не снизу, а сверху» путем союза интеллигенции с обращенными к переменам представителями духовенства. В этой и последующих своих работах («Еще о свободе совести (ответ г. Сигме)», «Двуединство нравственного идеала») Минский пытался доказать одноприродность веры и свободы, науки и мистики, освободительной борьбы и религиозных исканий, являющихся разными сторонами одного и того же духовного явления.

Начало публикации философского эссе Мережковского «Судьба Гоголя».

Отрывок из письма Андрея Белого к Мережковскому под заглавием «По поводу книги Д. С. Мережковского “Л. Толстой и Достоевский”». Подпись – Студент-естественник (Нов. П., № 1). В нем Белый полемизирует с идеей Мережковского о равноправном соединении «духовного» и «плотского» начал, отстаивая приоритет духа на путях к новому «жизнетворческому» сознанию. Публикация эта была составлена из фрагментов «теоретического» письма Белого к Мережковским, «произведшего сенсацию» в их «кружке <...> (особенно им восхищался В. В. Розанов)» (Андрей Белый. Ракурс к дневнику. ЛН. Т. 105. С. 342). Блок в своем первом письме Белому (3 января 1903 г.) писал: «<...> читал Ваше письмо Зин<аиде> Ник<олаевне>. В этом письме все белое, целый свод апокалипсической белизны» (Переписка. С. 16). Отрывок был опубликован в разделе журнала «Из частной переписки» без ведома Белого.

В журнале была создана специальная рубрика В. В. Розанова под названием «В своем углу». Розанов «был несказанно рад журналу. Прежде всего – упросил, чтобы ему дали постоянное место, “на что захочет”, и чтобы названо оно было “В своем углу”» (Гиппиус З. Н. Живые лица. С. 106).

«Новый Путь» сразу же и с разных сторон стал подвергаться резкой критике: левая критика осуждала его недемократическое направление, а правая («Московские ведомости», «Русский

вестник») отвергала «Новый Путь» с позиций официальной религиозно-православной ортодоксии. Помимо этого, по свидетельству Гиппиус, «Новый Путь» был «стиснут» цензурными ограничениями «как ни один из его современников». Помимо «светской» и «духовной», «была еще третья цензура, самая, может быть, для нас, сотрудников этого журнала, тяжелая: цензура тех, кого мы любили, как друзей, но кто нас часто считал врагами <...> Вскоре к трем цензурам прибавилась и четвертая: цензура начинающих оперяться декадентов. И они были нашими друзьями, но и против них мы шли, потому что их “религия” – эстетизм, обожествление “чистого искусства” – была для нас неприемлема. Мы хотели создать другие ценности...» (Дневник. Т. 1. С. 166–167).

Леонид Андреев – рассказ «Иностранец» (Р. Бог., № 12). В октябре Андреев отвечал редактору журнала, Н. К. Михайловскому, на его положительный отзыв о рукописи рассказа: «Очень, очень рад, что вам понравился “Иностранец” – на этот раз наши вкусы совпали <...>» (Лит. Арх. 5. С. 59). Об этом рассказе, поднимающем гражданско-патриотическую тему, Горький еще в сентябре (28-го) писал С. П. Боголюбову: «...Леонид написал рассказ, позволяющий думать, что сей Л. желает идти по новой тропе» (Т. 3. С. 106). Новую ноту в андреевском творчестве заметила и критика (А., Р. Мысль, 1903. № 2). Но ее не подтверждали другие рецензенты. Так, Н. Геккер увидел в образе главного героя «тусклость и неопределенность» (Од. Нов., 1903. 11 янв.). П. М. Пильский (Журналист) усмотрел в рассказе примирение с жизнью (Каспий, 1903. 25 янв.).

Леонид Андреев – рассказ «В тумане» (Журн. для всех, № 12). После выхода в свет журнала Главное управление по делам печати потребовало объяснения у С.-Петербургского цензурного комитета, чем руководствовался цензор, разрешая к печати рассказ, в котором «описываются крайне циничные картины похождения гимназиста в обществе проститутки»: вслед за этим цензор получил выговор от министра внутренних дел (Лит. Арх. 5. С. 96–97). Рассказ вызвал бурную реакцию: «...не ожидал я, что “В тумане” явится боевым рассказом еще в большей сте-

пени, нежели сама “Бездна”, и разделит читателей на две воинствующие группы. Именно воинствующие <...> Одни безмерно рассказ поносят, другие столь же безмерно хвалят» (п. Андреева В. С. Миролубову, янв.–февр. 1903. Лит. Арх. 5. С. 101)*. А. Крайний [З. Гиппиус] писала в «Новом пути» (1903. № 2) о «мучительной жажде последних пределов мерзости» у Андреева; С. А. Толстая в письме в редакцию «Нового времени» (7 февр. 1903 г.) призывала «все русское общество <...> восстать с негодованием против той грязи», которая наполняет «сочинения господ Андреевых» и «которую в тысячах экземпляров разносит по России дешевый журнал». В поддержку Толстой выступил Розанов, опубликовавший в «Новом времени» от 11 февраля 1903 г. статью «По поводу письма гр. С. А. Толстой». Это письмо, перепечатанное во множестве газет, стало источником особенных толков. В защиту Андреева, отстаивая социально-нравственный пафос произведения, выступили А. Б. [А. И. Богданович] (Мир Б., 1903. № 1), В. Мирский [Е. А. Соловьев] (Журн. для всех, 1903. № 2), А. Бостром (Обр., 1903. № 12), Евг. Аничков (Литературные образы и мнения. 1903. СПб., 1904) и другие критики, а также многочисленные читатели, письма которых публиковались в газ. «Новости», «Русские ведомости» и других.

Во вступлении редактора к подборке «По поводу письма гр. С. А. Толстой» (Хроника Мира Иск., 1903. № 4) осуждаются «призыв графини Толстой к помощи “цензуры”», «воззвание к “мерам пресечения”, столь легко осуществимым, особенно у нас», солидарность «с графом Алексисом Жасминовым» [Бурениным], назвавшим «порнографическим» произведение Андреева (в «Новом Времени», 31 янв.). Помещенные здесь читательские письма опровергают, в том числе, обвинения Розановым Андреева в клевете на пол, напоминая при этом о мотиве разрушительных последствий, связанных с проблемой пола, в творчестве самого автора «Крейцеровой сонаты». «...Письмо Толстой возбудило во мне такое негодование, какого я давно не испытывал...» – писал Вл. И. Немирович-Данченко Чехову в феврале 1903 г. (Вл. И. Немирович-Данченко. Избранные письма.

* Подробно освещается критика о рассказе в т. 1 (М., 1990) шеститомного собрания сочинений писателя.

С. 237). 11 февраля Чехов писал О. Л. Книппер по тому же поводу: «Я читал, и меня в жар бросало, до такой степени нелепость этой статьи резала мне глаза» (Т. 11. С. 150). А 1 и 2 февраля писал ей: «“В тумане” очень хорошая вещь, автор сделал громадный шаг вперед; только конец, где распарывают живот, сделан холодно, без искренности» (Там же. С. 139). Месяцем раньше, 2 янв. 1903 г., Чехов писал самому Андрееву о рассказах «Иностранец» и «В тумане»: «...это два серьезные шага вперед» (Там же. С. 112). В январе 1903 г. Л. Андреев писал одному из своих читателей, Е. Л. Бернштейну: «Только небольшой кружок лиц – в числе коих, к моему удовольствию, находятся Горький и Чехов, – хорошего мнения о рассказе» (ЛН. Т. 72. С. 500). Общественный смысл полемики вокруг рассказа Андреева, отразившей, в частности, настроения учащейся молодежи, отметил Орловский [В. В. Воровский] в «Искре» (1903, 22 окт.).

А. И. Куприн – рассказ «Болото» (Мир Б., № 12). Критика отметила обобщающий смысл рассказа: «Рассказ “Болото” гораздо шире своего содержания. Болота в жизни у нас везде и всюду очень много...» (Ник. Ашешов, Вестник и библиотека самообразования, 1903. № 17).

В «Мире искусства» (№ 12) напечатана статья Бориса Бугаева [А. Белого] «Формы искусства». Первая философско-эстетическая статья Белого вызвала развернутое обсуждение в переписке Белого и Блока (Переписка. С. 15, 21, 23–33, 35–37; см. также: п. Белого Э. Метнеру от 14 февр. 1903 г. – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 196). Статья затронула вопросы религиозно-философского обоснования искусства как искусства символического, в основу которого должна быть положена идея музыки: «В музыке нам открываются тайны движения, его сущность, управляющая миром <...> Каждый вид искусства стремится выразить в образах нечто типичное, вечное, независимое от места и времени. В музыке наиболее удачно выражаются эти волнения вечности».

Статья А. Белого «Интеллигенция и церковь» (Приднепр. Кр., Екатеринослав, 16 и 18 дек.). «Настоящая эпоха весьма знаменательна. Мы присутствуем при великом переломе сознания», по-

рождающем «сознание всей грандиозности переживаемой эпохи. <...> Отсюда само собой вытекает ряд болезненных явлений в области мысли, чувства и воли, которыми так изобилует наша переходная эпоха» (А. В. Лавров. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 335–350).

В. Розанов – статья «Гоголь» (Мир Иск., № 12). «Гоголь дал нам неутешное зрелище себя, и заплакал, и зарыдал о нем <...> После Гоголя <...> стало не жалко ломать»; он «был величайшим у нас <...> политическим писателем», обладающим вместе с тем «душою <...> странною, необыкновенною», в произведениях которого «рядом с <...> могуществом и <...> призванием к фантастическому <...> равное могущество и равное призвание и к натуральному, натуралистическому».

В. В. Розанов – статья «25-летие кончины Некрасова» (Н. Вр., 24 дек.). 30 дек. Чехов писал В.С. Миролюбову: «Давно, давно уже не читал ничего подобного, широкого и благодушного, и умного» (Т. 11. С. 108).

В связи с исполненным 27 декабря 25-летием со дня смерти Н. А. Некрасова газ. «Новости дня» (1902, 27 дек.; 1903, 1 янв.) под заглавием «Отжил ли Некрасов?» помещает ряд ответов на этот вопрос современных деятелей литературы и искусства (Чехова, Горького, Брюсова, Бунина, Андреева, Репина и др.). В редакционном вступлении к «анкете» сказано: «Для Некрасова и его поэзии наступает история. Нам показалось интересным сделать хоть слабую попытку заглянуть в приговор этой истории, угадать, какое место приготовила она ему, сулит ли бессмертие или забвение».

На вопрос газеты Чехов отвечал: «Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко <...> о том, что он уже отжил <...> не может быть и речи» (27 дек.). Бунин писал: «Я очень люблю Некрасова <...> Это большой и яркий талант: возьмите хотя бы некрасовский “Мороз, Красный нос” – какое ослепительное великолепие! Как хороши в нем картины русской природы, как пленительны образы русской женщины. Я положительно удивляюсь, как Толстой, этот великий художник <...> не оце-

нил поэтического дарования Некрасова*. После Пушкина и Лермонтова, Некрасов не пошел за ними, а создал свою собственную поэзию <...> По моему мнению, Некрасов далеко еще не отжил своего времени; и не скоро еще потеряет интерес <...>» (27 дек.). «После Пушкина и Лермонтова Некрасов запел на особый лад», создал «самобытный склад стихотворной речи», «сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники», – сказал Брюсов. Но при этом усмотрел «помехи» его творчества в «его “гражданском служении”», которое «сделало из его стихов предмет партийных споров» (27 дек.).

Высокая оценка некрасовского наследия преобладала у большинства отвечавших на анкету. По-другому высказались Леонид Андреев («в наши дни Некрасов уважаем более, чем когда-нибудь, и менее, чем когда-нибудь, читаем») и Найденов («Некрасов, конечно, не отжил еще свое время, но он отживает»).

12 декабря на литературно-музыкальном вечере в Московском благородном собрании с триумфом было встречено выступление Скитальца, прочитавшего свои революционно звучащие стихотворения «Гусляр» и «Нет, я не с вами...» (Кур., 13 дек.). «Полицейский пристав<...> заявил, что прекращает концерт. Публика с криками бросилась к эстраде<...> а молодежь полезла даже на самый помост, чтобы приветствовать автора<...> Полиция распорядилась гасить огни» (Н. Телешов. Записки писателя. С. 47). Вслед за этим газ. «Курьер», напечатавшая на следующий день стихотворение «Гусляр», была приостановлена на два месяца; Скитальца предупредила полиция, что «в случае проявления им впредь тенденциозной деятельности он будет подвергнут административной высылке», а Л. Андреев, как устроитель вечера, был привлечен к судебной ответственности (ЛН. Т. 72. С. 169, 172).

* Бунин возражает представлению Толстого (высказанному в предисловии к роману В. фон Поленца «Крестьянин», вышедшему в русском переводе с немецкого в январе 1902 г.) о художественном упадке русской поэзии после Пушкина, Лермонтова, Тютчева, подтверждаемом, в том числе, словами о «совершенно лишенном поэтического дара Некрасове» (Т. 34. С. 274).

15 декабря М. В. Нестеров пишет А. А. Турыгину о своем пребывании в Москве: «... были в Большом на Шаляпине и Собинове, были в Художественном на “Мещанах” и “Штокмане” <...> ну разве это не возрождение?! Какой живой, горячий подход к искусству – сколько <...> желаний изыскать новые формы» (М. В. Нестеров. Письма. Избранное. Л., 1988. С. 204).

23 дек. С. П. Дягилев посылает письмо Чехову, в котором задается уже обсуждавшимся ими вопросом «возможно ли теперь в России серьезное религиозное движение?», полагая, что «это, другими словами, вопрос – быть или не быть всей современной культуре?» (Из архива А. П. Чехова. М., 1960. С. 211). В ответе Дягилеву от 30 дек. Чехов пишет: «Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались <...> религиозное движение <...> само по себе, а вся современная культура – сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура – это начало работы во имя великого будущего <...> для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога – т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре <...> а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает» (Т. 11. С. 106).

25 дек. Блок пишет Л. Д. Менделеевой: «К счастью, мы переходим из эпохи чеховских отчаяний в другую, более положительную: “мы отдохнем” [слова Сони, героини чеховской пьесы “Дядя Ваня”]. И это правда, потому что есть от чего отдыхать: перешли же весь сумрак, близимся к утру. Чего только не было – и романтизм, и скептицизм, и декаденты, и “две бездны” [намек на религиозную доктрину Мережковского]. Я ведь не декадент, это напрасно думают. Я позже декадентов» (ЛН. Т. 89. С. 92).

Выходит книга В. Короленко «Очерки и рассказы. Книга третья» (изд. ред. журнала «Русское богатство», СПб., 1903). В нее вошли рассказы «Огоньки», «Парадокс», «Мгновение», послед-

ние сибирские рассказы и др. Книга вызвала ряд высоко положительных отзывов. А. Б. [А. И. Богданович] писал, что в современной литературе нет другого художника, который мог бы так поднимать «веру в человека, в жизнь, в идеал» (Мир Б., 1903, № 3); «в примере его героев читатель находит импульсы для деятельности, основанной на сознательно враждебном отношении к несправедливости» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 1903, 16 янв.).

18 декабря состоялась премьера пьесы «На дне» в МХТ. «После первого же акта начались вызовы автора; он вышел не сразу, но появление – его добивались настойчиво – вызвало бурю аплодисментов и восторженных криков; в этом антракте г. Горькому пришлось выйти шесть раз. То же повторилось и после следующих актов; по окончании пьесы овация приняла прямо небывалые размеры. Г. Горький <...> выходил со всеми участниками спектакля и г. Немировичем-Данченко. Нечто не поддающееся описанию произошло, когда Горький, наконец, вышел на вызовы один <...>» (Р. Сл., 19 дек.). Многочисленная декабрьская пресса высоко отзывалась о горьковской пьесе (как и о спектакле) и высказала в сущности близкий взгляд на нее: центром «На дне» является образ Луки, чья проповедь совпадает с авторской мыслью (В. Дорошевич, Р. Сл., 19 дек.; С. Яблоновский. Там же; И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 20 дек.; Нежданов, Кур., 23 дек. и др.). 25 декабря Горький писал К. П. Пятницкому: «<...> ни публика, ни рецензента – пьесу не раскусили. Хвалить – хвалят, а понимать не хотят. Я теперь соображаю – кто виноват? Талант Москвина – Луки или же неуменье автора?» (Т. 3. С. 127–128).

В интервью К. И. Чуковскому для «Одесских новостей» (напечатанном в газете 28 дек. под заглавием «Наши гости») Бунин поделился своим впечатлением от премьеры «На дне», ответив, в том числе, и на вопросы интервьюера: «Как повлияли» на самого Горького «эти небывалые овации? Каково его собственное впечатление от исполнения?» «“Дно” нравится автору гораздо больше, чем “Мещане”, – сказал Бунин, – он вообще возлагает на свою новую пьесу большие надежды, так что овации приняты были им как нечто “в порядке вещей”, сам он после постановки

пьесы был сумрачен, печален и замкнут, хотя исполнение очаровало его. Ничего художественнее нельзя себе представить. Артисты превзошли самих себя. Особенно хорош был Москвин в роли “странника”» (Цит. по: ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 360).

Вместе с тем высказывалось и другое, противоположное, мнение о спектакле, как и о самой пьесе, но значительно менее распространенное.

Успех Горького язвительно комментировал Брюсов в п. к Л. Н. Вилькиной (25 дек. 1902 г.): «В первое представление зрители карабкались на сцену, раздвигали занавес руками и венчали Максима 1-го. Но и на втором представлении Горький стал выходить на зовы с первого акта <...> Дамы перевешивались через барьер, как куклы в петрушке, крича “Горький!”, и, увидя его, откидывались назад в изнеможении от счастья» (Лица. Биографический альманах. 10. СПб., 2004. С. 313–314).

В дневнике Брюсова (как и несколько подробнее в упомянутом п. к Вилькиной) воспроизведен – с отдельными вариациями – разговор с Боборыкиным в Литературно-художественном кружке по поводу спектакля: «Боборыкин очень негодовал. – Всего лет пять пишет! Я вот сорок лет пишу, 60 томов написал, а мне таких оваций не было! Семенов [М. Н. Семенов, переводчик, издатель] сказал, что Горький – современный Марлинский*. – Нет-с, милостивый государь, – возразил Боборыкин, – Марлинский был человек образованный и с талантом!» (Дневники. С. 128).

В статье В. Мирович (В. Г. Малахиевой) «О первом представлении пьесы “На дне”», весьма положительно оценивающей постановку МХТ, вместе с тем о самой пьесе сказано как «повторении старого»: «Горький не прибавил в этой вещи ни одного такого слова, какое не было бы уже <...> в его произведениях»; как и в «его прежних рассказах» – «большое усилие духа найти себя и свой путь», которое, однако, не приводит к решению, свидетельствуя о душе, «заблудившейся в различных культурных течениях и в жизненных противоречиях» (Хроника Мира Иск., 1903, № 1. С. 6).

В конце декабря в Мюнхене (изд-во Мархлевского) вышло первое отдельное издание пьесы под названием «На дне жизни»

* В черновике п. к Вилькиной слова «Горький — современный Марлинский» приписаны, в отличие от дневника, себе (Ежегодник на 1973 год. С. 130).

(ЛЖТ Горького. С. 420). «Сам автор первоначально дал пьесе заглавие “На дне жизни”. Однако уже в ряде авторизованных экземпляров пьесы и на театральных афишах последнее слово отсутствовало. И. А. Бунин позже свидетельствовал: “Заглавие пьесы “На дне” принадлежит Андрееву <...>” Станиславский же сообщает, что Горький изменил название пьесы по совету Немировича-Данченко: вместо “На дне жизни” она стала называться “На дне”» (Цит. по: ПСС Горького. Художественные произведения в 25 томах. Т. 7. М., 1970. С. 606).

3 декабря в Московском Большом театре – бенефис Ф. И. Шаляпина в опере А. Бойто «Мефистофель». В адресе, преподнесенном артисту в день бенефиса и подписанном Горьким, Андреевым, Буниным, Скитальцем, Телешовым и др., в частности, говорилось: «Для тысяч тех пресыщенных людей, которые наслаждаются твоей игрой, ты – голос, артист, забава<...>; для нас – немногих – ты доказательство духовного богатства родной страны<...> Мы смотрим на тебя как на глашатая о силе духа русского народа...» (ЛН. Т. 72. С. 165).

В конце года реорганизовано товарищество «Знание»: единственными пайщиками товарищества становятся Горький и Пятницкий (ЛЖТ Горького. С. 420). «По последним известиям, к писателю [Горькому] перешло книгоиздательское дело “Знание”. Факт редкий, а потому тем более отрадный» (Петербургский листок. 23 дек.). «В конце 1902 года была сфотографирована Фишером группа из семи человек: Горький, Скиталец, Бунин, Андреев, Телешов, Чириков и Шаляпин. Эти снимки разошлись по всему миру <...> В одних заграничных изданиях называли группу “писателями”, в иных изданиях “русскими революционерами” и т. д. <...> это было как бы представление читателям авторского коллектива зарождавшегося тогда издательства “Знание” и сборников “Знание” <...>» (Н. Телешов. Записки писателя. С. 53); «Издательство вело свои дела <...> по четко выраженному принципу: “весь доход от издания книги принадлежит автору, а не издателю” <...> Он [Горький] первый создал положение, когда писательский труд освободился от эксплуатации издателей» (Там же. С. 106–107).

В течение года

В Москве возникли новые издательства: изд-во В. Саблина и модернистское изд-во «Гриф» во главе с С. А. Соколовым (С. Кречетовым).

Написан роман Ф. Сологуба «Мелкий бес». Редакторы журналов, вспоминал Г. Чулков, «не решались его напечатать, считая роман слишком рискованным и странным» (Федор Сологуб. «Звезда». 1928. № 1. С. 92).

Вышли новые издания книг В. В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария» (СПб., 1902) и «Литературные очерки» (СПб., 1902).

Издано «Полное собрание сочинений в 12 томах» В. А. Жуковского. Приложение к журналу «Нива» (СПб., А. Ф. Маркс. Подготовлено историком литературы А. С. Архангельским). Это — «наиболее полное» из вышедших до тех пор изданий поэта, «в собрании имеются впервые напечатанные тексты» (Е. И. Рыскин. Основные издания сочинений русских писателей: XIX век. М., 1948. С. 18).

Проходят литературные «понедельники» у Л. Андреева*.

В 1902 г. Брюсов сменил Бальмонта в качестве обозревателя современной русской литературы для английского журнала «Athenaeum» (С. П. Ильёв. Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901–1906) // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983).

Впервые на русском языке в Лондоне выходит книга П. А. Кропоткина «Записки революционера». Толстой «восторгался этой

* Время их возникновения по-разному датируется: его относят то к сезону 1901–1902 гг., то к 1902–1903 гг. (см.: И .А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 460).

книгой» (Х. Н. Абрикосов. Двенадцать лет около Толстого. Летописи Гос. Литературного музея. Кн. 12. М., 1948. С. 434).

В течение года выходит ряд сборников революционных стихов и песен: «Песни революции» (изд. типографии «Искры», Женева); «Песни борьбы» (изд. Союза русских социал-демократов, Женева); «Песни борьбы» (изд. Самарского комитета РСДРП).

В связи с правительственными репрессиями представители студенческих организаций обращаются к Чехову и другим писателям и деятелям искусства с просьбой оказать поддержку и помощь арестованным и ссылаемым студентам (А. Н. Дубовиков. Письма к Чехову о студенческом движении 1899–1902 г. // ЛН. Т. 68. С. 464–476).

В Бутырской тюрьме (Москва) студенты, арестованные за участие в студенческих волнениях, выпускают ряд рукописных журналов общественно-политического и литературного характера: «Свободное слово», «Гражданин», «Бутырский вестник», «Бутырские ведомости» (ЛН. Т. 7–8. С. 420–421).

Итоги литературного года

«Русские ведомости» констатируют «оживленное отношение читателей к литературе» в истекшем году, что вызвано прежде всего «изменением в настроении общества, которое<...> переходит к пробуждению...» «Нельзя сказать, чтобы в интересе читающей публики<...> проглядывали совершенно определенные вкусы», но в общем симпатии ее обращены к произведениям, отличающимся «бодрым и деятельным настроением», к направлению мысли, которое объясняет «человеческие несовершенства несовершенством общественных условий», а не свойствами человеческой природы. К первому направлению обозреватель относит пьесу Горького «Мещане», привлекая «наибольшее внимание публики»; ко второму – произведения Андреева («Мысль», «В тумане»), утверждающие власть над человеком

стихийных душевных сил («Русская литература», Р. Вед., 1903. 1 янв.).

«Минувший год не оставил по себе в нашей литературе ярко го следа», полагает П. О. Морозов; тем не менее «все-таки чувствуется, именно чувствуется, а не видится еще, присутствие какого-то живого, свежего начала, которое будит бодрое чувство и обещает литературе лучшие времена». Новое веяние связано с деятельностью автора «Мещан», «довольно значительного литературного события», и литераторов горьковского окружения – Андреева, Скитальца: «Около Горького успела уже сгруппироваться своего рода “плеяда” писателей более молодых и не менее искренних, которые также хотят сказать свое слово в литературе и многое уже сказали с большим успехом» (Северов, Нов., 1903, 2 янв.).

Для А. И. Богдановича, настроенного гораздо более мрачно, «общая картина литературы» прошедшего года «сливается в серую <...> бесформенную массу», что объясняется независимыми от художника политическими обстоятельствами: «...между писателем и жизнью становится нечто чуждое им...» Но все-таки «жив, жив, курилка-журналист». Признаки жизненности литературы критик видит в творчестве Л. Андреева: «Три издания в один год, ряд критических статей, хвалебных и бранчливых отзывов, шум около каждой написанной им вещи <...>– все выставило его на первый план» (А. Б., Мир Б., 1903, № I).

1903 год*

Январь

3 января – 200-летний юбилей русской периодической печати.

В начале января почти все газеты поместили статьи, оценивающие роль прессы в жизни общества: в «Русских ведомостях» (2 января) появились две статьи и фельетон В. Е. Якушкина; в № 1 и 2 журнала «Право» опубликована статья К. К. Арсеньева «Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования», Московская синодальная типография выпустила брошюру с описанием газет с 1703 по 1727 г., книга «Государев печатный двор» перепечатала петровские «Ведомости» (См. Жирков Г. В. История цензуры в России 19–20 в. М., 2001). Вышла также приуроченная к юбилею статья Г. Градовского «К 200-летию печати. Возраст русской публицистики», в которой автор пишет о цензуре, «и теперь еще <...> безграничной», и ее последствиях: «Политическую мысль гнали в дверь, а она входила в окно, политическая мысль, общественное сознание, стремление к обновлению пролагали себе дорогу в отделах критики, в повестях и комедиях, в баснях и стихотворениях. Теснили политическую печать, политическую мысль внутри, она переходила за пределы России и оттуда оказывала влияние на наше умственное развитие» (Цит. по: Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903 гг. СПб., 1903).

* В «Списке книг, вышедших в России в 1903 году» (СПб., 1904), отсутствует роспись изданий по месяцам.

Одновременно в гектографических копиях распространяется резолюция «Частного комитета по устройству чествования 200-летия периодической печати», запрещенного правительством, а также коллективное письмо литераторов с требованием: «полной свободы печати», «отмены предварительной цензуры <...> свободного обсуждения вопросов общественной и государственной жизни» («Освобождение», 19 янв. [1 фев.]). Письмо должно было быть оглашено 3 января на юбилейном банкете.

По-своему отметило 200-летний юбилей Главное управление цензуры по делам печати: в семи крупных городах – Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске, Харькове были введены на места чиновников должности профессиональных цензоров. «Мало было знать о чем говорила русская пресса <...> нужно знать еще другое – о чем она должна была молчать», писал В. Мякотин (Р. Бог., № 9). Журналисты иронично сообщали о создании школы, где Дорошевич возглавит юмористический факультет и предложит «ввести форму для журналистов» (Обр., № 10). «Грустный юбилей» – так называется заметка журнала, в которой автор пишет: «200 лет, 2 века разве не были сплошным военным положением?», и отсюда «совсем не юбилейные настроения» печати, лишенной «возможности отражать жизнь» (Там же. С. 64).

Начинает выходить «Вестник знания» – ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования. Редактор-издатель – В. В. Битнер.

Стала выходить отдельными тетрадями «Хроника журнала “Мир искусства”». В течение года вышло 16 номеров.

В «Журнале для всех» (№ 1) – два стихотворения К. Бальмонта под общим заглавием «Дилемма» – внутренний спор поэта с самим собою, завершающийся словами: «Всех люблю я без изъятия, Я для всех пою свой стих». З. Гиппиус язвительно писала по этому поводу о «Журнале для всех», «этом литературном “омнибусе”, где даже г. Бальмонт, после некоторого стихотвор-

ного колебания, решает быть “как все”...)» (Антон Крайний, Последняя беллетристика, Нов. П., № 2).

А. Куприн – рассказ «Трус» (Журн. для всех, № 1). «<...> По оригинальности задачи и художественному выполнению – лучшая вещь, напечатанная за последнее время» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 4).

В том же номере «Журнала для всех» опубликована автобиографическая заметка Л. Андреева под заглавием «Из моей жизни» (вместе с портретом). Публикация состоялась по просьбе редактора журнала В. С. Миролюбова, в письме к которому Андреев писал: «Мой портрет <...> очень для меня приятная и лестная штука <...> главным образом потому, что к читателям его /журнала/ отношусь с симпатией. И сведения дам с удовольствием» (Лит. Арх. 5. С. 99). По этому поводу Горький писал Пятницкому 15 янв.: «Леонид сглупил – и очень худо <...> помещена его заметка “Из моей жизни”. Правильнее – “Из моей, закружившейся от дыма славы, башки”. Зададут ему деру газетчики! И – за дело» (Т. 3. С. 144–145); «<...> автобиография Андреева в № 1 – прямо черт знает что такое! Неловко как-то делается за него, и больно» (из п. В. Вересаева Миролюбову 15 февраля 1903 г. Цит. по: Лит. Арх. 5. С. 100).

Е. Чириков – пьеса «Друзья гласности» (Обр., № 1).

В. Брюсов «Защита. Святочный рассказ» (Р. Листок, 1 янв.); стихотворение «Полночь. 31 декабря» («Старый год! уже так мало...») (Лит. прилож. к газ. «Р. Листок», 6 янв.).

С. Сергеев-Ценский – рассказ «Тундра (Из записок моего приятеля)» (Р. Мысль, № 1), который принес ему известность.

В журнале «Вопросы философии и психологии» начинается публикация статьи Е. Н. Трубецкого «Философия Ницше. Критический очерк» (№ 66–69). В ней автор пишет о том, что в философии Ницше «с необычайной силой высказалась неудовлетворенность современного человечества его настоящим и мучи-

тельная тревога за будущее. В ницшеанстве выразился острый кризис европейской мысли и предчувствие опасности, грозящей человечеству в будущем». Рассматривая идеи Ницше сквозь призму религиозных исканий, Трубецкой приходит к выводу, что отвергнутый философом Бог «тем не менее остается центром его философии <...> Во множестве своих сочинений Ницше твердит на все лады: “Бог умер, Бог умер” <...> Но все его усилия напрасны: он отрицает то самое, чем он живет!»

В рецензии на эту работу Д. Философов также связывал идеи Ницше с богоискательством: «<...> Ницше всю жизнь думал “об одном, о Боге” и только из-за постигшего его безумия не пришел к “осанне”» («Профессор Евгений Трубецкой о Ницше», Нов. П., № 2).

Н. О. Лосский – «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» (Вопр. Фил. и Псих., № 66). Всякий человек, «даже и самый выдающийся <...> например, Паскаль, Франциск Ассизский, Владимир Соловьев в юности были в высокой степени честолюбивыми натурами. Только вслед за эгоцентрическим периодом может появиться преобладание сверхличной деятельности», – пишет Лосский.

В. Брюсов – По поводу 25-летия со дня смерти Некрасова (Русск. Арх., № 1) – о необходимости издания его полного собрания сочинений: «Некрасов настоящий и значительный поэт», у которого «самобытный стих, свои, ему одному свойственные размеры и рифмы<...>», а его «сумрачные картины северной столицы могут быть поставлены рядом с лучшими стихами “Медного всадника” и “Евгения Онегина”».

В. Брюсов – «Искусство или жизнь (К 10-летию со дня смерти А. Фета)» (Мир. Иск., № 1–2). В основе статьи – доклад, прочитанный 7 января в Московском литературно-художественном кружке «Искусство или жизнь. О поэзии Фета», вызвавший бурные прения и шум в печати.

Ходасевич писал: «В полемику с Брюсовым вступил Любошиц, заявив, “что поэзия Фета похожа на коготку, скрывающую грязное белье под нарядным платьем” <...> Зал разразился бу-

рей аплодисментов <...>. Ответное слово Брюсова потонуло в общественном негодовании» (Вл. Ходасевич. «Московский Литературно-художественный кружок». Цит. по: Московский Парнас. Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века. 1890–1922. М., 2006. С. 282–283). Высокая оценка, данная Фету, выразившему, по мнению Брюсова, «самые смелые славословия искусству и его мощи» и примирившему «притязания жизни и искусства», послужила поводом для серьезных разногласий его с либеральной общественностью. Дискуссия продолжилась в прессе. В статье того же С. Б. Любошица, подписанной псевдонимом – бо, – говорилось, что, «восторгаясь» «роковой односторонностью» Фета и, говоря о нем, «как об учителе жизни», Брюсов оказал поэту «медвежью услугу» (Нов. Дня, 12 января). В дискуссии участвовали М. Л. Мандельштам, В. М. Дорошевич и др.; отголоском ее стала еще одна статья Брюсова «Фетовский вечер и фетовский скандал» (Нов. П., № 2, подп. Москвитянин).

22 января на заседании «Общества классической филологии и педагогики» Ин. Анненский выступил с докладом «Медея в трагедиях», который затем был опубликован в виде статьи-послесловия «Трагическая Медея» к изданию: Еврипид. «Медея». (В переводе Ин. Анненского, Спб., 1903 г.). Современники отмечали, что перевод Анненского слишком «осовременен», а автор трагедии наделен чертами поэта-декадента. Ф. Ф. Зелинский писал, что «это не просто русский Еврипид, а именно русский Еврипид И. Ф. Анненского, запечатленный всеми особенностями его индивидуальности», которыми «Иннокентий Федорович очень дорожил <...> и сдавался только перед очевидностью» (Зелинский Ф. Ф., Из жизни идей. Т. 2. Спб., 1911).

В «Мире Божьем» (№ 1) опубликован «критический очерк» симферопольского педагога В. П. Альбова «Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова». Об «очень важном переломе» в творчестве Чехова последних лет, об отказе его от пессимистического мирозерцания 80-х годов и «первых попытках осветить жизнь с новой точки зрения. Временами прорывается еще прежнее настроение, но нет уж и следа прежнего уныния, подавленности, отчаяния. Напротив, все сильнее слы-

шится что-то новое, бодрое, жизнерадостное, глубоко волнующее читателя и порой необыкновенно смелое <...> У него именно нужно учиться любить и понимать человека, любить и понимать жизнь в том глубоком значении слов, в каком они к нему приложимы». 11 января Чехов пишет Ф. Д. Батюшкову: «я прочел статью Альбова – с большим удовольствием» (Т. 11. С. 121).

Ф. Д. Батюшков – статья «О Чехове» (Спб. Вед., 27 янв.). Вырезка из газеты со статьей и печатным примечанием: «К “Чеховскому вечеру”» была прислана Чехову Батюшковым в письме от 29 января (см. Чехов и его среда. Л., 1930. С. 326–327). Батюшков писал: «Пришлось неожиданно и мне выступить со “словом” о Вас по просьбе студентов Института гражданских инженеров. Я не мог не сочувствовать их замыслу устроить “Чеховский вечер” <...> отношение молодежи к Вам достойно всячески сочувствия: зал был битком набит <...> все слушали с чрезвычайным вниманием» (Т. 11. С. 449–450).

В. Розанов «Из житейских и литературных мелочей» (Н. Вр., 21 января).

О сотрудничестве Розанова в «Новом времени» Гиппиус писала: «Мы все держались в стороне от “Нового времени”; но Розанову его “суворинство” инстинктивно прощалось: очень уж было ясно, что он не “ихний” (ничей): просто “детिशкам на молочишко”, чего он сам, с удовольствием, не скрывал <...> Розанов считался в духовном мире немножко *enfant terrible* <...>» (Зинаида Гиппиус. Живые лица. Воспоминания: В 2 т. Тб., 1991, Т. 2. С. 93, 97; *далее* – «Живые лица»).

Начало переписки Андрея Белого и Блока.

«Начали мы переписку, скрестив свои письма», то есть одновременно и «<...> неожиданно для нас обоих», писал Белый («Начало века». С. 286). Первое письмо Блока датировано 3 января (за год до личного знакомства поэтов). Поводом к нему послужила статья Белого «Формы искусства», напечатанная в № 12 журнала «Мир искусства» (1902), прочитав которую Блок «почувствовал органическую потребность» написать автору: «Статья гениальна, откровенна. Это – “песня системы”, которой я

давно жду. На Вас вся надежда <...>» (Переписка. С. 15). Днем позже (4 января) Белый пишет Блоку: «<...> мы не знаем друг друга», но «соприкоснулись с Одной Истиной, хотя часто и с разных сторон <...> Значит, возможно общение друг с другом из “бессмертных далей”. Легче дышать. Веселей путь <...>» (Там же. С. 22). Современники отмечали близость петербургского и московского символизма тех лет на примере этих поэтов: «Это уже одно цельное, неразделимое!...» (из п. М. Шика Брюсову 1 авг. 1903 г. – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 204); Перцов также указывал на «связь творческого братства», которая «соединяет» имя Блока и Белого «в мистическую пару единого духовного явления» (Ранний Блок // Перцов. Лит. восп. С. 284); «Крестный знак писем стал символом перекрещенности наших путей», писал впоследствии Белый (Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 36).

11 января Общество русских драматических писателей и оперных композиторов присуждает Грибоедовскую премию пьесам «Мещане» Горького, «Дети Ванюшина» С. А. Найденова и «В мечтах» Вл. И. Немировича-Данченко (Нов. дня, 15 янв.).

15 января Брюсов выступил с докладом на одной из очередных литературных встреч («Сред») Н. Д. Телешова, о чем последний 19 января сообщил в письме Бунину: «Очень интересна была прошлая Среда. Читал Брюсов об искусстве». (ЛН. Т. 84. Кн. 1. С. 552). В ответном письме (9 февраля) Бунин раздраженно вопрошает, «Что “Среды”? Что значит присутствие на них Брюсова, этого высокомерного болвана, так нагло отделавшего меня в “Новом пути” <... >» (Письма. С. 422) (Имеется в виду рецензия Брюсова в № 1 «Нового пути» на сборник И. Бунина 1902 года «Новые стихотворения»).

16 января после недолгой болезни умер педагог, переводчик, брат философа В. С. Соловьева – М. С. Соловьев и застрелилась его жена – художница О. М. Соловьева, не перенесшая утраты мужа. Белый увидел в этом провиденциальный знак: «Приблизилось небо. Я радовался...» (см. п. Андрея Белого Э. К. Метнеру от 15 марта 1903 г. – Лавров. Андрей Белый в 1900-е годы.

С. 137; см. также письмо Белого Блоку от 19 января – Переписка. С. 34). После похорон Брюсов делает дневниковую запись: «Бугаев держал себя торжественно. Сережа /С. М. Соловьев/ – странно. Речей не было» (Дневники. С. 129; см. также заметку Брюсова «Похороны М. С. и О. М. Соловьевых», Р. Листок, № 19, 19 января). Памяти М. С. и О. М. Соловьевых Белый посвятил стихотворение «Могилу их украсили венками», Блок – стихотворение «Отшедшим». В. Розанов в ст. «Издание сочинений Влад. С. Соловьева» (Н. Вр., 24 янв. С. 4) выражает тревогу о судьбе «Собрания сочинений» Вл. Соловьева в связи с кончиной редактора издания М. С. Соловьева.

23 января 1903 г. М. Волошин посетил заседание XVIII Религиозно-философского собрания (выступали Розанов, Мережковский и др.), о чем он как о событии «значительном» и «важном» пишет А. В. Гольштейн (Т. 9. С. 21). Здесь же состоялась его первая встреча с Брюсовым. На следующий день в редакции «Нового Пути» состоялось знакомство поэтов (через посредничество Бальмонта), и вскоре Волошин получил доступ в круг символистов издательства «Скорпион», предводительствуемых Брюсовым.

Брюсов писал: «В Петербурге познакомился и с Максом Волошиным. Юноша из Крыма <...> В Петербурге он не очень понравился, но Москва носилась с ним почти три недели» (Дневники. С. 130). Волошину (в отличие от «чуждых» ему Мережковского, Розанова и Гиппиус) Брюсов показался «самым интересным» собеседником, у которого «необычайно смелый, дерзкий, изобретательный» ум (Т. 9. С. 24). Белый называл Волошина в ряду тех «интересных имен», которые Брюсов «вызвал к жизни», привлек к литературной деятельности (Андрей Белый. «Валерий Брюсов», Рос., 1925, № 4 (13). С. 272).

30 января в Петербурге в редакции «Нового Пути» состоялось знакомство А. Блока и В. Брюсова. Во время личной встречи была достигнута договоренность о публикации цикла стихов Блока в альманахе «Северные цветы». В этот период Брюсов довольно сдержанно относился к блоковскому творчеству, в то время как для Блока он был не только «законодателем русского

стиха», но и «кормщиком» и «путеводной звездой» русского символизма (см. Переписка А. А. Блока с В. Я. Брюсовым (1903–1919) / Вступительная статья З. Г. Минц и Ю. П. Благовоиной. Публ. и коммент. Ю. П. Благовоиной. – ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 469, 491).

В конце января Толстой начинает работу над «Воспоминаниями» (Т. 34. С. 596), работа ведется вплоть до 1906 г. (Большая часть их была опубликована в кн. «Лев Николаевич Толстой». Т. 1. М., 1906).

Вышла книга Л. Шестова «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)», СПб. 1903, <тираж – 1000>, на протяжении 1902 года печатавшаяся в «Мире искусства», в которой речь идет об общей природе мировоззренческих кризисов Достоевского и Ницше.

Мысль Шестова об эволюции Достоевского (сходной с Ницше) от гуманистических идеалов к философии «подполья», лишь маскирующейся религиозно-христианской моралью, вызвала обмен мнениями в критике. Т. Сожин, положительно оценивая книгу, пишет, что она «дает тонкий анализ душевного состояния Ницше и Достоевского и рисует яркую картину их трагедии», их «великой духовной каторги» и близости их судеб: отречение обоих от первоначальных идеалов и переход к «подполью». (Кур., 24 марта). Идея книги – в переходе Достоевского от веры в истину и гуманность к философии «подполья», «карамазовщины». Путь этот, который прошел и Ницше, и есть, в представлении Достоевского, истинная правда о человеке; а проповеди любви и братства – лишь «общепринятый мундир, без которого нельзя явиться в люди», пишет Гольцев, причисляя автора книги «к числу наших “новых” полуфилософов, полукритиков», которые не могут «отделаться от свойственных новой школе постоянных повторений одной и той же мысли в разных словесных формах <...> и от несколько таинственного вида, с которым излагаются часто совсем не таинственные вещи» (М. Г-ан [М. Я. Гольцев], В. Евр., № 9).

Рецензент «Мира искусства» полагал, что суть подлинной философии и истины о человеке в следующем: «кончается для

человека тысячелетнее царство “разума и совести” и начинается новая эра “психологии”» (Мир Иск., Т. 7. С. 243); «Шестов – предостережение для всей нашей культуры», писал Бердяев (Бердяев Н. «Трагедия и обыденность», Вопр. Ж., 1905, № 3).

31 января пьеса Горького «На дне» выходит отдельным изданием в «Знании» (с посвящением К. П. Пятницкому), тираж – 5000. «В тот день, когда открыли продажу пьесы, ни мне, ни служащим в конторе нельзя было выйти оттуда до 9 ч. вечера <...> Цепь покупателей не прерывалась. Все, что успевали привозить брошюровочные <...> расхватывалось в ту же минуту. Это продолжалось несколько дней...» (из п. К. П. Пятницкого Горькому, 12 февр., ЛЖТ Горького. С. 428). В течение года издвом «Знание» выпущено 14 изданий пьесы, вызвавших обширную критическую литературу. В ряде статей развивается (хотя и по-разному) версия, возникшая в первых рецензиях на спектакль МХТ, о «положительном» Луке как центре философской концепции пьесы. С этим героем «в творчество Горького вошло новое, каратаевское начало...» (Ю. А. [Ю. И. Айхенвальд]. Современное искусство, Р. Мысль, 1903, № 1); пьеса Горького пронизана «светом философского утешения»; Лука – «принцип движения, фермент, бродильное начало...»; он провозглашает «великую освободительную возможность» в царстве «деспотического факта» (Треплев [А. А. Смирнов]. Факт и возможность. Кур., 21, 28 апр., 5 мая); это «тип беспокойного, неутомимого искателя “своей правды”», олицетворяющий «духовное брожение в народе, которое по преимуществу выразилось в расколе и сектантстве» (Батюшков Ф., Мир Б., № 1).

В критике 1903 г. была высказана и противоположная точка зрения на пьесу и ее героя. В ней предстает «весь ужас и вся жестокость <...> нашего времени», но «ответа на свой огромный, наболевший вопрос о смысле жизни» Горький еще не нашел. Лука полон благих намерений «внушить <...> людям – веру», он «хочет опереться только на человека, только от него ждет лучшего...», но вместе с тем «какой усталью, какой относительностью, каким оппортунизмом звучит вся его проповедь» (Мирский [Е. А. Соловьев], Журн. для всех, № 3). В Луке «больше хитрости и жизненной ходкости, чем идейного богатств-

ва. Его программа жаления людей <...> (а не уважения к ним) – только приспособительна». «Какой же отсюда вывод? Во спасение ли ложь? Сатин, повторяя Луку, говорит – “да”. Вся драма говорит – “нет”» (Ашешов Ник., Обр., № 4). Горький «явился <...> на смену тому призыву к любви и снисхождению, которыми проникнут Достоевский», противопоставив христианской проповеди беспощадно мрачную правду (С. Соломин [С. Я. Стечкин]. Верхи и дно, Нов., 13 апр.).

В письме Чехову от 4 апреля Б. Лазаревский воспроизвел суждение В. Мейерхольда: «В Художественном театре Луку поняли как тип положительный <...> в этом весь курьез, так как с точки зрения Горького Лука – тип отрицательный...» (Цит. по: Вопросы литературы. 1966. № 3. С. 175).

Распространенному взгляду на образ Луки воспротивился в своей статье о «На дне» и Н. Михайловский: «Весь мрак и грязь жизни “на дне” как был до него, так и остался после его ухода и даже усугубился. Он оказывается даже косвенным виновником этого ...»; «в Сатине все-таки скорее, чем в Луке, следует признать положительный тип в смысле выразителя собственных взглядов автора. Но и это как-то неловко ввиду того, что Сатин проповедует презрение к труду и участвует в шулерском обыгрывании рабочего человека, то есть сам “жрет чужое”». В целом отрицательно оценивая пьесу, критик, тем не менее, считает, что Горький все же отказывается здесь от свойственной ему эгоцентрической мысли – «что сильно, то и хорошо» (Литература и жизнь, Р. Бог., № 4). Напротив, Импрессионист [Б. И. Бентовин] уверяет, что Горький снова свернул с верного пути «Мещан», прославляющих «крепкие руки Нила», к «вящему прославлению босяцкой философии» («Бывшие люди» и люди будущего, Нов., 14 апр.).

Д. С. Мережковский неожиданно «пришел в восторг» от «На дне»: «Это подлинное! Это написано тем, за его спиной (т. е. чертом). О, это очень сильно!» (Дневник. С. 130). В целом же критика «Нового Пути» развенчивает пьесу Горького, «посвященную прославлению и возвеличению лжи» и отрицающую «Бога <...> загробную жизнь <...> все, что выше человека, что над ним...»; бьет тревогу: «у нас теперь целое поколение воспитывается на Максиме Горьком» (А. Меньшов [П. С. Соловьева].

Ложь. «На дне» – драма Горького, Нов. П., № 5; она же: «Еще несколько слов о “лжи” Горького», Нов. П., № 7). С ней полемизирует Д. Философов в статье «О “лжи” Горького» (Нов. П., № 6), в которой пишет: «Борьба с Богом <...> сопряжена с исканием Бога, и как подлинная кровавая трагедия – не может быть ложью». В то же время «понятие “лжи” в искусстве – вещь обоюдоострая <...> художественная ложь есть вместе с тем и художественная правда. И если кисло-сладкие рассуждения Луки не трогают, то вовсе не потому, что он говорит ложь, а потому что он лжив как художественный образ» так же, как «лжив сам Горький, которому на этот раз изменило его дарование». И далее: «“На дне” – это какой-то международный мармелад, разбавленный выдержками из Ницше...» Однако «трагедия русской общественной жизни» в том, что «Горький в данную историческую минуту крайне нужен, благодаря чему ему прощаются самые грубые оскорбления художественной правды. <...> Со временем от шумной славы Горького не останется и следа», предсказывает автор (Там же). В том же духе прогнозы П. И. Вейнберга: «Многие сознают уже давно, что Горький кончается, пройдет три-четыре года, и имя его сойдет со сцены» (К. С. Герои «Дна». Беседа с П. И. Вейнбергом, Нов., 11 апр.). По поводу суждения Вейнберга Чехов отозвался: «<...> то же самое писал он и о “Чайке”... Старики наши ненавистничают, это нехорошо» (Т. 11. С. 195). В. Буренин писал о «“дне” <...> в четырех “картинах”, в нескольких выпивках, в трех драках и в трех трупах»; «Он <Горький> преподносит современной высоко развитой и глубоко понимающей публике образы примитивного кустарного производства, а публика принимает эти грубые образы за подлинные перлы и сходит с ума от созерцания их красоты и блеска» (Н. Вр., 21 фев.).

О собственно драматургических достоинствах пьесы высказывались столь же противоположные суждения. Горький подчинил объективную логику жизни дидактическим целям, его герои «образуют собою какой-то клуб философов <...> они все – мыслители, все остроумны», все изъясняются по подсказке «своего духовного отца» (Ю. А. [Ю. И. Айхенвальд], Р. Мысль, № 1). В пьесе «нет движения, нет главного героя» (Смоленский [А. А. Измайлов], Бирж. Вед., 9 апр.); «драма расплывается в разговорах»

(А. Суворин, Н. Вр., 9 апр.); это – «набор сцен без связи ...» (К. С. Герои «Дна». Впечатления Н. М. Минского. Нов., 12 апр.). «Устарелым понятиям» о «драматизме действия, интриге» возражал Евг. Ляцкий: «пора предоставить свободу <...> изображать и драматизм состояния <...> люди могут не всегда действовать, но они должны всегда жить <...> С этой точки зрения пьеса “На дне” – полна драматизма» (В. Евр., № 4). «Горький <...> ищет новых форм более непосредственного изображения жизни так, как она есть, а не в искусственной рамке условных приемов драматической композиции. Он идет за Чеховым...» (Батюшков Ф., Мир Б., № 6).

Л. Н. Толстой, по воспоминаниям Горького, познакомившийся с пьесой еще в 1902 г., сказал ему: «Везде у вас замечен петушинный наскок на все. И еще – вы всё хотите закрасить все пазы и трещины своей краской... Старик <Лука> у вас – несимпатичный, в доброту его – не веришь» («Лев Толстой». – М. Горький. Т. 16. С. 279–280).

15 февраля Горький пишет Пятницкому по поводу «На дне»: «Гг. писатели присылают мне благодарственные письма, совершенно не чувствуя, что обращаются не по адресу. Письма довольно тошнотворные, в них много радости за себя и – нет ни слова о литературе и ее задачах» (Т. 3. С. 154).

В течение января в «Знании» при непосредственном участии Горького-редактора выходят книги А. Куприна, А. Серафимовича, Н. Телешова, С. Юшкевича (впервые издающихся здесь) и одновременно подготавливается первый сборник товарищества «Знание». «Лет десять тому назад показалась бы сказкой возможность такой издательской деятельности, какую развивает теперь товарищество “Знание”». «Легкомысленные газетные критики объявили даже о нарождении новой <...> школы беллетристов, которых не без сарказма уже успели прозвать “подгорькими” <...>»; и если «художественная ценность» произведений этих авторов «может быть совершенно различна, то в общественном отношении достоин внимания громадный интерес, проявляемый к ним читающей публикой» (Ашешов Ник., Обр., № 6).

С особенной теплотою была принята книга Куприна «Рассказы» (Т. 1. Спб., 1903, тираж – 5200, куда вошли «Молох», «Ночная смена», «Ночлег», «Дознание», «В цирке», «На покое» и др.). Критика отметила талант «необычайной свежести, чистоты и яркости», от которого «мы можем ожидать многого» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 4), «дар отзываться на неправды жизни», в каждой из которых «отражается вся тягота крупных неправд» (Ашешов Ник., Обр., № 6), «силу художественной проникновенности и тонкого понимания красоты» (Р. Мысль, № 5, «Библиограф. отд.»); «наблюдательность, восприимчивость, любовь к человеку и хороший русский язык» (Н. Вр., 23 июля). Значительно более сдержанными были отзывы «Русского богатства» о Куприне – художнике-объективисте «чеховской школы», стремящемся к «констатированию <...> за счет <...> обсуждения» (№ 4, отд. «Новые книги»), и, особенно, – А. Скабичевского, который заявил, что талант Куприна – это «неведомый икс» и что его рассказы, хотя и «весьма недурные», «не идут далее фотографических снимков с действительности» (Нов., 20 мая). Толстой отозвался о новой книге в письме к брату, С. Н. Толстому: «Жалею, что тебе не понравился Куприн. В нем много лишнего, но очень ярко, и хороши тон и язык» (Т. 74. С. 102).

Серафимович «Рассказы» (Т. 1. Спб., тираж – 5200). Рецензент «Русской мысли» (№ 4) писал о «властно захватывающем» чувстве, которое вызывают произведения Серафимовича, изображившие «тяжелый труд, безысходную нужду и молчаливое горе <...> рабочего люда». А. Б. [А. И. Богданович] также оценил талант писателя, но не почувствовал в его рассказах «современности с ее <...> исканием новых путей в осложнившейся жизни...» (Мир Б., № 4). Признавая удачными «бытовые черты» произведений Серафимовича, рецензент «Русских ведомостей» (26 мая) сетовал на «страсть автора» к чрезвычайным ситуациям, «нагромождению опасностей».

Со значительным интересом были встречены и «Рассказы» (Т. 1. Спб., тираж – 5200) С. Юшкевича (первая книга писателя). Критика отметила «несомненное дарование» автора (Ф. А., Кур., 27 мая), изобразителя «еврейской массы», который «исследует самые темные низины народного быта», заставляя «работать <...> мысль над проблемой массового человеческого страдания»

(Р. Бог., № 4, отд. «Новые книги»), «идейность как преобладающую черту» творчества Юшкевича (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 4), «так нужную нам теперь проповедь национальной гуманности» (Ашешов Ник., Обр., № 10); особенно высоко оценивались повести «Ита Гайне» и «Распад». Ряд рецензентов вместе с тем сходил в своих претензиях к автору: «чересчур однотонные, мрачные краски» (Р. Мысль, № 6. «Библиограф. отд.»), «унылая нота безысходного страдания» (Р. Вед., 19 мая, разд. «Библиограф. заметки»), отсутствие героя, обнаруживающего «хотя бы слабые попытки к борьбе» (Кранихфельд Вл., Обр., № 11), «погоня за эффектами драматического характера» и «уклонения <...> в сторону романтической искусственности» (Ашешов Ник., Обр., № 10). 5 июня Чехов писал В. В. Смидовичу (Вересаеву): «По-моему, Юшкевич и умен, и талантлив, из него может выйти большой толк, только местами и очень часто он производит впечатление точно перевод с иностранного; таких писателей, как он, у нас еще не было» (Т. 11. С. 219).

Прием, оказанный книге Н. Телешова «Рассказы» (Т. 1. Спб., 1903, тираж – 5200), был прохладнее. Сочувствуя устремлениям писателя, «все симпатии» которого «на стороне слабых, обиженных, нуждающихся в защите», критики констатировали художественную неяркость его произведений (В. Евр., № 11, отд. «Лит. обзор.»; также – Ашешов Ник., Обр., № 10). В «Русской мысли» достоинства Телешова-художника оценены выше – «безыскусственная правда», «умение живо и образно рисовать действительность» (№ 5, «Библиограф. отд.»). Рецензент «Вестника Европы» писал, что автор книги «не исследователь и не наблюдатель», а лишь «хороший заповинатель поверхностных впечатлений – не более» (№ 11. С. 414).

Вышел 2-й том сочинений И. Бунина «Стихотворения» (Спб., «Знание», тираж – 5185). Ф. Д. Батюшков в статье «Новые победы русской поэзии» писал: «Г. Бунин совершенный романтик, или неоромантик, по настроению. Вполне новых, вполне оригинальных мыслей и тем мы едва ли найдем в его сборнике. Но все-таки он говорит нам свое <...>. В его поэзии нет ничего “декадентского”; в то же время его стих ничуть не банален. Встречаясь в темах с прежними романтиками, особенно в своей чрез-

вычайной любви к природе <...> г. Бунин индивидуализирует ощущение и развивает мысль по-своему» (Мир Б., № 10. С. 3–13); Волынский отмечал, что Бунин «<...> человек почвенный. У него русская земля, русский воздух, русский лес <...> дарование Бунина не отличается ни яркостью, ни силою, ни богатством тех красочных оттенков, которые так необходимы для пейзажиста. <...> Но Бунин знает и чувствует русский лес» (Волынский А. Книга великого гнева. Критические статьи, заметки, полемика. Спб., 1904; *далее* – Волынский); «Впечатление от его произведений до того хрупко и нежно, – что от малейшего постороннего прикосновения – рассыплется, как постройка из пепла. Его нужно читать наедине с самим собою<...> Это скрытый, замкнутый, ушедший в себя, притаившийся талант – талант без восклицательных знаков» (Чуковский К. «Об одном принципе художественного творчества», Од. Нов., 26 февр.)

Выходит в свет второе издание поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе И. Бунина (Спб., «Знание», тираж – 5200) с иллюстрациями Ф. Ремингтона (1-е изд. кн. вышло в 1898 г.). В предисловии Бунин писал, что «работал с горячей любовью к произведению», стараясь «держаться возможно ближе к подлиннику».

Е. Деген отмечал «большое количество рисунков», представляющих «несомненный интерес, даже независимо от текста <...> самого перевода», который, «несмотря на отдельные шероховатости <...> читается приятно и легко, а это большая редкость среди наших стихотворных переводов» (Мир Б., № 5. Отд. 2); рецензент «Южного обозрения» пишет: «фирма “Знание” задумала выпустить роскошно иллюстрированное издание. Намерение это выполнено блестяще. Книга издана с большим изяществом и вкусом без показной аляповатой роскоши <...> Цена книги очень дешевая. В успехе издания сомневаться невозможно» (С., «Южное обозрение», № 2322).

«Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством “Скорпион” (Редакция и примечания Валерия Брюсова)».

В письме к Полякову от 22 января Брюсов писал: «В книге о Пушкине сделаны были мною выкидки <...> Видно, что книгу будут покупать. Подумываю уже о втором издании» (2-го издания книги не было. – см. ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 70). «Прекрасное издание “Скорпиона” выполнено г. Брюсовым с большой любовью к делу и редким знанием <...> От переписки с Бенкендорфом, впервые являющейся в такой полноте и в таком ярком освещении, веет прямо трагическим ужасом: живо чувствуется та петля, которая задавила несчастного поэта», пишет рецензент «Русской Мысли» (№ 4, «Библ. отд.»); И. И. Ясинский высоко отметил «Солидный труд, в котором есть новые материалы. Семь писем Пушкина являются в печати в первый раз <...> Брюсов не только блестящий поэт, но и удивительно добросовестный исследователь литературной старины» («Беседа», № 4).

Выходят две книги А. М. Федорова – «Рассказы». Т. 2 и сборник пьес «Обыкновенная женщина. Стихия. Старый дом. Бурелом» (изд. О. Поповой, СПб., тираж – 1600), встреченные неблагоприятными, в целом, отзывами: «есть навык, умелость», но нет «достаточного таланта» (М. С. [М. А. Славинский], Кур., 22 сент.), «ясно выраженное влияние больших образцов» (Р. Мысль., № 8, «Библиограф. отд.») и пр. «Получил от Федорова том пьес. Между прочим “Стихия”. Мне сия пьеса нравится, она в миллион раз талантливее всего Тимковского <...> Только вот что мне кажется: архитектурские способности есть, хоть отбавляй, а материала, из чего строить, очень мало» (из п. Чехова О. Книппер, 22 февр. Т. 11. С. 159).

В Ростове-на-Дону начинает издательскую деятельность руководимая Н. Е. Парамоновым фирма «Товарищество Донской Речи», «первые шаги которой вызывают большое сочувствие. Она выпустила целый ряд в общем удачно подобранных произведений нашей современной беллетристики, сделав это с расчетом на массового читателя <...> Что же касается цены, то по широкой доступности ее рассматриваемые издания резко выделяются из ряда других подобных изданий» (П. Ш., Р. Вед., 21 июля). Отзывы появляются в «Курьере», «Образовании», «Мире Божьем».

В Петербурге в залах Академии наук открылась первая выставка этюдов, рисунков, эскизов товарищества передвижных выставок. Устроители – Н. Дубовской, В. Маковский, Репин. Последний принимал самое деятельное участие в выставке, на которой было представлено более 80 его работ.

Выставка предприятия «Современное искусство», объединившего художников, близких к журналу «Мир искусства», открылась в Петербурге и состояла из ряда интерьеров, исполненных по проектам А. Бенуа, Л. Бакста, А. Головина, К. Коровина, Е. Лансере. За время существования предприятия были устроены 3 таких экспозиции, включающих также произведения К. Сомова, Н. Рериха и японские художественные гравюры. С. Дягилев писал: «Я был свидетелем того, с какими трудами рождалось это дело <...> приятно видеть в нем одно из жизнеспособных начинаний», без «корявости и самодельщины», это «оазис <...> среди <...> серого индифферентизма и закоренелой пошлости петербургской и общерусской художественной пошлости» (Дягилев С. «Современное искусство», Хроника «Мира Иск.», № 3).

Февраль

Ф. Сологуб – Подземные песни. «В великом холоде могилы...»; «В первоначальном мерцании...»; «Измученный жгучей болью...» и др. (Нов. П., № 2).

Стихотворения, проникнутые духом безверия и пессимизма, вызвали критику в «Новом Пути». «Ф. Сологуб – поэт несомненный, глубокий, стройный и цельный; а кому нужны его <...> книжки? Кто поймет его душой и сольется с ним в молитве – дьяволу, да еще и дьяволу-то необъяснимому, таинственному, известному только им <...> даже, может быть, вовсе не дьяволу» (Антон Крайний [З. Гиппиус] «Нужны ли стихи?», Нов. П., № 9); Волынский писал о «нравственной порче» творчества Сологуба, «которой никогда не было в произведениях настоящих русских талантов и которая никогда не будет привлекательна для русской публики» (Волынский. С. 190); Белый отмечал «отсутствие преемственности» у «безусловно интересного» поэта (см. Пере-

писка. С. 22); он «<...> занят лишь собой, своим отношением к миру <...>», ищущий «лишь примеров, ярких образов, выражающих его субъективные воззрения на мир и на жизнь. Все стихи Сологуба – только такие примеры, что и делает его поэзию символической, в самом истинном смысле слова», писал Брюсов (Т. 6. С. 289).

В ярославской газете «Северный Край» при содействии И. П. Каляева и А. В. Тырковой были напечатаны стихотворения в прозе А. Ремизова «Кутьи-войсы» (№ 42, 14 февраля)*. «Странного характера» стихи Ремизова воспринимались с непониманием, их часто отказывались печатать, отдавая предпочтение его беллетристике. Н. Минский 7 апреля писал Ремизову: «<...> высказать мнение боюсь. Сильный язык, полная свежесть образов – все это подкупает меня. Но многих мест я не понял» (Лавров. «Русские символисты». С. 112).

3. Гиппиус – рассказ «Сумасшедшая» (Нов. П., № 2)**. Героиня романа, вопреки взглядам мужа и скудости религиозной жизни уездного городка, тянется к вере. Стремление человека к Богу и обличение нравов невежественного духовенства – тема прозаических журнальных выступлений Гиппиус, отвечающая идеологическим устремлениям новопутейцев (см. Корецкая И. В. «Новый путь». – Литературный процесс и русская журналистика <Кн. 2>. С. 199).

О прозе Гиппиус критика писала в целом несочувственно, отмечая в ней отсутствие меры и вкуса, присущие ее поэзии. (Лундберг Е. «Религия и лирика несвободной души З. Н. Гиппиус». Пб., 1914). Брюсов отмечал «архаические приемы и тенденциозность» ее прозаических произведений; Белый считал, что ее рассказы испорчены «ходячими поучениями», от которых «скучно и душно» (Андрей Белый. «Арабески». М., 1911. С. 440); «Какой-то слабый прохладный ветерок вечно колеблет паутину Гиппиус, в которой запутались, как мухи, эти, придур-

* Там же опубл.: «Музыка» (№ 56, 2 марта); «Влага» (№ 102, 20 апреля); «Над колыбелькою» (№ 118, 6 мая).

** В течение года Гиппиус опубликовала в «Новом пути» из прозы также рассказ «К худу» (№ 10) и очерки о поездке к заволжским сектантам.

манные ею, всегда маленькие, всегда бескровные человечки. <...> Эти ее разговоры о Боге, это хождение в гости к Богу отзываются суетою нового кокетства, нового интересничанья» (Волынский. С. 190).

Вл. Короленко – повесть «Не страшное (Из записок репортера. Этюд)» (Р. Бог., № 2). «Лишь в немногих произведениях русских авторов <...> так поразительно воспроизведен <...> этот ужас, который кроется под мирной, благополучной обстановочкой обывательской жизни» (Треплев [А. А. Смирнов]. Молодое сознание, Кур., 8 сент.); повесть «является вызовом, брошенным компромиссу» (Н. Коробка, Обр., № 5); это «замечательное произведение» вносит в «знакомый образ писателя новую черту» – «непокойный тон», «некоторую тревожность», пробуждая «сознание ответственности» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 4). Диссонировало с общим тоном критики мнение Ю. А. [Ю. И. Айхенвальда], сетовавшего на «избыток мягкости» в «изображении трагизма обыденного» (Р. Мысль, № 4).

А. М. Федоров – роман «Земля» (Р. Бог., № 2).

Чехов пишет Федорову 23 февраля, что роман будет «читать непременно». Автор в ответном письме: «<...> я сам себе враг <...> мне страшно не нравится. Все теперь сделал бы иначе и можно было бы исправить, да нужда проклятая не позволила задержать печатание <...> У меня мечта написать о Вас книгу <...>» (Т. 11. С. 477).

Тренев-Харьковский [К. А. Тренев] – рассказ «На извозчике» (Журн. для всех, № 2). Дебют Тренева в столичном журнале, редактор которого, Миролубов, первый оценил неизвестного сотрудника «Донской речи» (Лит. Арх. 5. С. 189).

В. Розанов – статья «Шестидесятые годы и “утилитарная” критика (Маленькое возражение Н. А. Энгельгардту на его проект “переоценки ценностей” литературных)»: «<...> идеал 60-х был “утилитарный”, но в каком-то пророчесственном, священном смысле» (Нов. П., № 2).

В № 2 «Нового Пути» опубликовано «Письмо художника А. Б. к Д. С. Мережковскому», в котором автор письма (А. Бенау), открыто декларируя «западническую» точку зрения, утверждает и возвеличивает безусловную ценность искусства. Несовместимость позиций с Мережковским и его кругом Бенау видит в их «аскетической», как у «первых христиан», культуре, превращающей по пути к «новому искусству» и «новой религии» «Венеру в Мадонну», в то время как для мирискусников «мир, несмотря на торжествующий американизм <...> на всю современную жестокость и пошлость <...>, все еще полон прелесть, а главное – полон обещаний» (С. 156–158).

В «Ответе Д. С. Мережковского г. А. Б.» Мережковский обвинил Бенау и его окружение в бескрылом «западном» рационализме и противопоставил ему спасительный «восточный» мистицизм, связав торжество красоты с грядущим очистительным пожаром «конца мира» (Там же. С. 159–160).

Белый откликнулся на полемику статьей «О религиозных переживаниях», в которой, не опровергая ни одну из сторон, изложил свой, «теургический», взгляд на проблему. Статья была отправлена в «Новый путь», но редакция журнала ее не приняла. «Перцов нашел статью “О религиозных переживаниях” непонятной и не хочет ее печатать. Отдал мне, чтобы я переслал Вам», – пишет Белому Блок, которому статья показалась «очень важной» (См. п. от 20 марта. – Переписка. С. 54). Уязвленный Белый раздумывает печатать статью (она остается у Блока) и пишет по этому поводу Метнеру: «<...> он [Перцов] меня просил присылать каждый месяц что-нибудь <...> но я решил твердо не давать им ничего <...>» (Цит. по: Ежегодник на 1979 г. Л., 1981. С. 44). Статья Белого опубликована в новейшее время («Литературное обозрение», 1995, № 4/5).

Москвитянин [В. Брюсов] – статья «Монна Ванна и г. Дорошевич» (Нов. П., № 2) – полемика с В. М. Дорошевичем по поводу постановки пьесы М. Метерлинка «Монна Ванна» с В. Ф. Коммиссаржевской в главной роли (пьеса была сыграна в Москве 6 января); 7-го в «Русском слове» появился фельетон Дорошевича, а еще через месяц там же его пародия «“Монна Ванна” Метерлинка» (11 февраля).

Посылая статью в «Новый путь», Брюсов писал П. Перцову: «Посылаю Вам статью для Театр[альной] хроники. Очень прошу оставить удары хлыста г-ну Дорошевичу. Здесь нет с моей стороны “личности”. А если всех шадить, со всеми жить в мире, придется самим подставлять спину. Дорошевич заслуживает и более резкого – я знаю» (Цит. по: Перцов. Лит. восп. С. 307). «“Удары хлыста”, конечно, повисли в воздухе, – вспоминал Перцов, – так как мои соредакторы журнала, Мережковские, предпочитали “жить в мире”, если не со всеми, то по крайней мере с такими широко популярными лицами, как тогдашний первый тенор сытинской журналистики – Дорошевич» (Там же). Саму же пьесу Метерлинка, которая «написана слишком по-театральному», Брюсов характеризует как одну «из самых слабых драм», имевшую «потому, вероятно, и... наибольший успех».

Силэн [А. П. Нурок] – статья «“Новое время” о западном искусстве». (Хроника «Мира Иск.», № 2) саркастически высказывается о «мистических вожделениях» журнала «Новый путь». Гиппиус в ответной статье спорит: «Для мирискусников – “все мистическое <...> только блуд”» (Антон Крайний – «О Силэне из “Мира искусства”», Нов. П., № 2), а в другой статье пишет: «жить среди их красоты страшно. В ней “нет места для Бога”, веры, смерти: это искусство “для здесь”» (М. Г. [З. Гиппиус] «Они и мы», Нов. П., № 2. С. 195).

С. Н. Булгаков – «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева» (Вопр. Фил. и Псих., № 66, 67).

«Целостное и последовательно развитое христианское миро-созерцание, – вот что дает современному сознанию философия Соловьева», – считает Булгаков. Провозгласив «высшей нормой международных отношений начало любви, а не ненависти народов друг к другу», Соловьев «устранил “внутреннее противоречие славянофильства” и совершил “желательный синтез славянофильства и западничества”»; это «реформированное славянофильство» сможет, по мнению автора статьи, «сделаться знаменем и вероисповеданием прогрессивных элементов нашего общества».

В. Розанов – «Заметка о Мережковском» (Хроника «Мира Иск.», № 2).

Выступая в защиту Мережковского, Розанов пишет, что его работа о Толстом – «новое явление в нашей критике, критика объективная, взамен субъективной, разбор писателя, а не исповедание себя», и призывает к «уважению» к труду, без которого «нет культуры».

В. Бородаевский – статья «О трагизме в христианстве» (Р. Вест., № 2). Вслед за Вл. Соловьевым, автор утверждает, что мир движется к апокалиптическому концу, ибо далек от совершенства и вряд ли сможет к этому совершенству приблизиться; трагична также христианская религия, потому, что в ней разлад между земным и вечным благом, «жгучая распря» между «хочу» и «должен».

В. Розанов – «О благодущии Некрасова» (Мир Иск., № 1–2).

Автор отмечал «невыразимую нравственную прелесть» поэзии Некрасова, «земную» стихию его лирики, создавшую «новое в истории лицо – русского мужика», и это для Розанова значительнее «Медного всадника». Для него муза Некрасова – не «муза мести и печали» (выпад против критериев революционно-демократической эстетики), а муза жизнеутверждающая, полная «приятя» жизни, сила которой – в «беззлобии», «благодущии», переливающимся «во что-то пантеистическое». В полемику с автором вступил Д. Шестаков в статье «Предки» (Хроника «Мира Иск.», № 7).

В. Брюсов – рецензия на «Материалы для академического издания сочинений Пушкина». Собрал Л. Н. Майков. Спб., 1902 (Нов. П., № 2). Об этой своей рецензии Брюсов в письме Перцову писал, что она «ученая <...> сухая, но серьезная», и с ней «редакторам Ак<а>демического изд<а>ния придется считаться» (Цит. по: Перцов. Лит. восп.. С. 308).

26 февраля возобновляется издание газеты «Курьер» (выпуск был приостановлен 26 декабря 1902 г.). «Газета продолжает держаться оппозиционного направления», отличается «откро-

венным радикализмом» и «желает стать органом “российской демократии”...», – говорится в отчете Московского цензурного комитета (См. Чуваков В. Н. «Курьер» – Литературный процесс и русская журналистика. <Кн. 1>. С. 373). В газете опубликован последний фельетон Л. Андреева из цикла «Впечатления» (за подписью «Л. -ев», публиковавшегося с января 1900 г.) и рассказ А. Серафимовича «Некогда» (Кур., 27 февр.).

Н. Рубакин – статья «Читательская выучка» (Обр., № 1–2). О «нарастании читателей» «ускоренным темпом» и о «вопиющем безобразии» обстановки, «в которой появляется, существует, растет и крепнет духом русский читатель».

Чехов в письме Книппер: «“Мир искусства”, где пишут новые люди, производит <...> совсем наивное впечатление, точно сердитые гимназисты пишут» (Т. 11. С. 139).

1 февраля в Москве отмечали 25-летний юбилей литературной деятельности В. Гольцева. «Крымский курьер» сообщал: «На днях в ресторане “Эрмитаж” происходило чествование известного ученого и талантливого публициста В. А. Гольцева по поводу 25-летия его литературной деятельности. На это чествование собрались видные представители науки и литературы: проф. Д. Н. Анучин, К. А. Тимирязев, Мануйлов, Каблуковы, Боборыкин, Соболевский, Немирович-Данченко и много др.<...> Получено было много телеграмм со всех концов России, между прочим, от А. П. Чехова из Ялты» (8 февр.).

7 февраля Чехов пишет Книппер об отношении к Горькому цензуры, незадолго до того запретившей постановку «На дне» на «императорской» сцене Александринского театра: «Мне кажется, что цензура объявила Горькому войну не на живот, а на смерть, и не из страха, а просто из ненависти к нему» (Т. 11. С. 144).

12 февраля А. И. Сумбатов-Южин – Чехову: «Вообще я Горького не люблю. Он меня не трогает, все его мировоззрение мне

совершенно чуждо <...>Первая его вещь, которая мне понравилась почти вся, – “На дне”» (Т. 11. С. 479).

В ответном письме от 26 февраля Чехов пишет: «Я согласен с тобой, о Горьком судить трудно <...> Пьесы его “На дне” я не видел <...> но уж таких рассказов, как, например, “Мой спутник” или “Челкаш”, для меня достаточно, чтобы считать его писателем далеко не маленьким. “Фому Гордеева” и “Трое” читать нельзя, это плохие вещи, и “Мещане”, по-моему, работа гимназическая, но ведь заслуга Горького <...> в том, что он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве <...> произведения Горького забудут, но он сам едва ли будет забыт <...>» (Там же. С.164). «Уж если говорить о борьбе с мещанством, – пишет Южин в ответ, – то ты более простыми, но гораздо более сильными приемами гонишь его из жизни» (п. Чехову от 21 марта. – Там же. С. 480).

20 февраля. Запись в дневнике Толстого: «Сторонники социализма <...> не знают ни красоты, поэзии деревенской жизни, ни их страданий. Если бы они знали, они не хотели бы, как теперь, уничтожить эту жизнь, заменить ее удобствами городской, а старались бы только освободить ее от бедствий». (Т. 54. С. 157).

Знакомство М. Волошина с Андреем Белым и М. В. Сабашниковой, ставшей впоследствии его женой.

В течение февраля–марта в Москве происходят бурные дебаты о «новом искусстве». Брюсов писал: «Борьба началась <...> лекцией Бальмонта в Литературно-художественном кружке * <...> Сторонники были “Скорпионы” и “Грифы” (новое книгоиздательство). Я и Бальмонт были впереди, как “маститые” <...> а за нами целая гурьба <...> юных декадентов <...> На другой день и еще дня три газеты изливались в брани – самой неприличной. Это продолжалось больше месяца. Говорено было о новом искусстве и писано в газетах столько (газеты все нагло извращали, что говорилось), как никогда в Москве. Кончилось

* доклад «Чувство личности в поэзии».

все моей лекцией о новом искусстве в Истор<ическом> музее*. Собралось людей немного, но все свои, и мне устроили “оvation” – небольшую положим» (Дневники. С. 130, 131). Литературные встречи происходят и на квартире у Брюсова: «Многие собирались у меня по средам. Не хватало мест» (Там же).

Белый писал: «Мы шли в “Кружок”: там В. Брюсов с эстрады перед всею Москвою демонстрировал ум, эрудицию; К. Д. Бальмонт стрелял пачками пышных испанских имен, <...> Волошин умел демонстрировать дар: звучно вылепить в слове и сведение о новейшем, и сведение о древнейшем <...> Плюс – наша начитанность, быстрота в подаче красивых ответов, позорнейшие рушивших сплетню об идиотизме; но были громадные минусы: слово для слова, софизмы, обилие “фиг” в нос мешанам, кокетничанье порнографией <...>» («Начало века». С. 231). О выступлениях декадентов в Литературно-художественном кружке в прессе появлялись многочисленные критические отзывы (см. фельетон в «Нов. Дня» от 21 марта); с другой стороны, росла их популярность.

М. Меньшиков, в целом неодобрительно отзываясь о декадентстве («вырождение», «скрытый яд», «низшая ступень, уже <...> пройденная»), в то же время признавал: «Талантливые декаденты с их повышенной чувственностью несомненно расширяют гамму ощущений <...> после ужаса и изумления, ошеломленное дерзостью декадентов, старое искусство присматривается к нему и кое-чему учится <...> Нужна терпимость к декадентам, но нужна и какая-то борьба с ними, борьба здоровья с болезнью» (Меньшиков М. «Из писем к ближним», Н. Вр., 16 марта).

Ек. Леткова [Е. П. Султанова] – сборник рассказов «Раб» (изд. журн. «Р. Бог.», СПб., 1903). «Рабы своего положения, привычек, слабостей, люди, чувствующие над собой давление жизненного ярма, – таковы герои рассказов» (Р. Вед., 2 июня, «Библиографические заметки»).

* лекция «Ключи тайн».

Выходит первая книга Анатолия Каменского – сборник рассказов «Степные голоса» (изд. П. П. Сойкина. Спб., тираж – 2000). «Мужчины-неврастеники, женщины-эротички – вот “недозревший плод недолгой науки” юного беллетриста <...> никаких признаков действительного знания жизни и людей в этих произведениях нет и следа <...>» (Северов [П. О. Морозов], Нов., 10 апр.).

В залах Общества поощрения искусств прошла 5-я, последняя выставка «Мира искусства» с участием художников из «36». На открытии выступил С. Дягилев с сообщением о том, что выставки «под фирмой “Мира искусства” <...> окончили свое существование» и что «нужно сызново создавать новое общество, <...> столкнуться с “36” – обществом, выставляющимся в Москве» (Цит. по: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. М., 1971. С. 590).

В тот же день Лансере пишет: «В 3 пошли в малый Ярославец, где заседали до 6, вырабатывая новое общество выставок. Присутствовали Бенуа, Браз, Архипов, Билибин, Иванов, Грабарь, Малявин, Рерих и др.». В результате переговоров происходит объединение кружка «36 художников» и кружка «Мира искусства» в общество, получившее название «Союз русских художников» (Р. Вед., 28 февр.). Учредители: М. В. Нестеров, М. А. Врубель, А. М. Васнецов и др. (См. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. М., 1988; Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1993).

М а р т

В № 3 «Нового Пути» – поэтический дебют Блока – 10 стихотворений с общим названием «Из посвящений» (из цикла «Стихи о Прекрасной Даме»): «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (4 июня 1901 г.), «Новых созвучий ищу на страницах...» (4 апреля 1902 г.), «Гадай и жди. Среди полночи...» (15 марта 1902 г.), «Старик» («Под старость лет забыв святое...») (29 сентября 1902 г.), «Когда святого забвения...» (май 1902 г.), «Я, отрок, зажигаю свечи...» (7 июля 1902 г.), «Экклесиаст» («Благос-

ловляя свет и тень...») (24 сентября 1902 г.), «Я к людям не выйду на встречу...» (14 января 1903 г.), «Царица смотрела заставки...» (14 декабря 1902 г.), «Верю в Солнце Завета...» (22 февраля 1902 г.).

Мартовский номер «Нового пути» первоначально предназначался для стихов Гиппиус (в журнале была принята публикация стихов по авторам), но Гиппиус, по свидетельству Перцова, «сама пожелала уступить этот месяц Блоку: март казался самым естественным, даже необходимым месяцем для его дебюта; март – месяц Благовещенья. Со стороны молодого журнала была некоторая отвага <...> выдвигать уже в третьей книжке дебютанта, о котором заранее можно было сказать, что “широкая публика” (публика 1903 года!) не примет его как своего певца» (Ранний Блок // Перцов. Лит. восп. С. 277). Стихи, «непринятые» многими, тем не менее были напечатаны (10 из 15 присланных), и впечатление было «как и следовало ожидать <...> едва ли не самого “курьезного” из курьезов курьезнейшего журнала» (Там же. С. 281).

Положительных откликов на дебют Блока не последовало; зато критики было немало: газета «Знамя» откликнулась следующей заметкой: «Стихотворения откуда-то выкопанного поэта Ал. Блока (хорошо еще, что хоть не Генриха Блока), набор слов, оскорбительных и для здравого смысла, и для печатного слова <...> “Новый путь” – в старую больницу для умалишенных» (Зн., 24 марта); в том же духе – богослов и сотрудник канцелярии Синода Н. М. Гринякин (Миссионерское Обозрение, № 6); Мережковский «забраковал новичка», Брюсов называл раннего Блока – поэтом «ожиданий, видений, таинственного сумрака», но при первом знакомстве стихи Блока ему не понравились: «<...> Он – не поэт» (Перцов. Там же); «Очень страшные “посвящения”. Кому посвящены – неведомо, но слова мудреные», молчание поэта «было бы очень отраднo, но <...> г. Блок, видимо, очень плодovit» (Н. Я. Стародум [Стечкин], Р. Вест., № 5); Гиппиус о раннем Блоке говорила: «Писать так стихи – старомодно; туманы и прочая добролюбовщина – давно изжиты», позже «на стихи Блока она реагировала совершенно обратнo». («Начало века». С. 204; см. также письма Гиппиус Андрею Белому от марта и сентября 1902 г. – ЛН. Т. 92. Кн. 3); Буренин

зло пародирует стихотворение «Царица смотрела заставки...» (Н. Вр., 25 апр.); «Эта дама – не то Мадонна... не то веселая гризетка. Не знаем, насколько охотно возьмется психиатрическая наука за исследование основных признаков современного декадентского творчества», у представителей которого «все опрокинуто вверх дном – мирозерцания, душа, сердце, словно люди ходят вниз головами, как мухи по потолку, и весь мир представляется им не в своем виде» (Евг. Ляцкий, В. Евр. № 9). Белый уже в первом своем письме Блоку признавался: «<...> Ваши стихи мне чрезвычайно нравятся <...> Вы точно рукоположены Лермонтовым, Фетом, Соловьевым, продолжаете их путь <...> Ваша поэзия заслоняет от меня почти всю современную русскую поэзию» (Переписка. С. 22). Перцов о своем самом первом впечатлении о Блоке писал так: «<...> за много лет разной редакционной возни, случайного и обязательного чтения “начинающих” и “обещающих” молодых поэтов только однажды было такое впечатление: пришел большой поэт. Пришел кто-то необыкновенный; никто из “начинающих” никогда еще не начинал такими стихами» (Перцов. Лит. восп. С. 274).

В № 3 «Нового Пути» – журнальный дебют А. Ремизова (при посредничестве Брюсова) – новеллистический цикл «На этапе. Эскизы»: «В вагоне»; «Тараканий пастух»; «Черти»; «Скандальники»; «Заутреня».

Леонид Андреев – рассказ «Весенние обещания» (Кур., 4, 7 марта). Проникновение в «тайну жизни» отметил в рассказе писатель Ал. Вознесенский (Од. Нов., 11 марта); сам автор отзывался о рассказе (в п. Миролубову) негативно: «в “Курьере” – Чепуха» (Лит. Арх. 5. С. 104).

В газете «Курьер» под заголовком «Лирические картины» напечатан рассказ И. Бунина «Ночлег» (16 марта).

Д. С. Мережковский – «Судьба Гоголя» (Нов. П., № 1–3).

Отдавая должное критическому дарованию автора, А. Измаилов говорит о заданности и предвзятости его религиозно-мистических построений: «И так далее ползет софистическая мысль, пока не только у забавнейшего Ивана Александровича,

но и у добродушнейшего Павла Ивановича Чичикова не получается на сытеньком туловище с легким брюшком – грозный лик антихриста» (Бирж. Вед., 15 янв.); Северов [П. О. Морозов] протестует против новой попытки оправдать книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (Нов., 1 мая). Критика «Нового пути» хвалит Мережковского, который «пролил струю <...> нового и яркого света» на творчество Гоголя, объяснив его «со стороны религиозной» (Романский Т. [А. В. Карташев] «Знающие», Нов. П., № 10); «я никак не могу согласиться с Д. С. [Мережковским] что критика должна быть религиозным самосознанием! К чему тогда Гоголь, Пушкин и все!..», писал Брюсов, не соглашаясь печатать свои статьи о Пушкине рядом с «Судьбой Гоголя» (п. Брюсова Перцову от 22 февраля 1903 г. Цит. по: Максимов Д. Валерий Брюсов и «Новый путь». ЛН. Т. 27/28. С. 278).

Николай Энгельгардт – «Мысли кстати» (Н. Вр., 5 марта). Автор полагает, что «единственное, что может возродить русскую литературу, это – националистическое самосознание, движение мысли, углубляющейся в прошлое Руси и всего славянства и в этом прошлом обретающее образы мощной и яркой красоты», «порыв правдиво бескорыстного патриотизма, порыв религиозный».

К. Бальмонт – «Кальдероновская драма личности “Жизнь есть сон”» (Мир Иск., № 3) – эссе-размышление о творчестве Кальдерона, Д’Аннунцио, Пшибышевского и др. Брюсов, относя Бальмонта к «провозвестникам нового в искусстве», имел в виду его поэзию «стихийного порыва». Но там, «где сила в – сознательности, в ясности мысли, Бальмонт – слабее слабых» (Мир Иск., № 7–8. – Цит по: Корецкая И. В. «Мир искусства». – Литературный процесс и русская журналистика. <Кн. 2>. С. 175).

Статья К. Бальмонта «Сквозь строй (Памяти Некрасова)» (Нов. П., № 3). «Неотразимая обида, ощущение клеймящих орудий – вот ключ к поэзии Некрасова. Он за многих взял на себя великую тяжесть, он прошел сквозь строй и нарушил прозрач-

ный мир поэтических настроений, чтобы сделаться криком, предупреждающим и грозящим».

В № 3 «Нового пути» – две рецензии Блока: «Героини Овидия» (подп. Б.) и «Близость второго пришествия Спасителя» (подп. Ал. Бл.).^{*} 1-я – похвальная рецензия на перевод Д. Шестакова «Героини Овидия» (Казань, 1902) и 2-я – на книгу полковника Ф. Бейнингена «Близость второго пришествия Спасителя» (Спб., 1903).

В марте – последняя публикация в журнале протоколов Религиозно-философских собраний.

В начале марта на товарищеском ужине писателей в Петербурге (участвовало более 70 литераторов) была принята еще одна резолюция, требующая «освобождения печатного слова от цензурного режима» («Освобождение», 19 марта).

6 марта В. В. Розанов вместе с женой посетил Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Поездке предшествовала переписка: Розанов в начале 1903 года написал Толстому письмо о горячем желании посетить его. Ответ Толстого пришел с месячным опозданием, которое покорило Розанова, не скрывшего в письме свою обиду. Толстой в ответном письме сожалел, что его «непродолжительное молчание» из-за болезни «несправедливо приняли за нежелание познакомиться», и подтвердил приглашение: «Теперь я особенно усердно прошу вас об этом» (п. В. В. Розанову 28 февраля. – Л. Н. Толстой. Гос. Лит. Музей. М., 1938. Т. 1. С. 225). После встречи Толстой писал брату Сергею Николаевичу: «Был у меня на-днях Розанов. Мало интересен» (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея). Л. Л. Толстой записал в своем дневнике следующие слова отца о Розанове: «Я сказал Розанову две вещи. Первое <...> что он на вопрос, каковы его религиозные верования, не мог

^{*} В 1903 г. в «Новом пути» Блок опубликовал также рецензии: «Андрей Белый. Симфония (2-я драматическая)» (№ 4, А. Блок.); «А. Е. Зарин. Спирит» (№ 4, Ал. Бл.); «1. И. Е. "Просветы" и настроения. 2. Иван Абрамов. В культурном сите» (№ 5, Ал. Бл.).

дать мне определенного ответа, и второе, что он пишет очень хорошо, но беда в том, что в его писаниях ничего понять нельзя». «Отец, – пишет далее Л. Л. Толстой, – был поражен его малой образованностью» (Толстой Л. Л. Отрывок из моего дневника 1903 г. – «Столица и Усадьба», 1914, № 4). Розанов описал свое посещение Толстого в статьях: «Одно воспоминание о Л. Н. Толстом» (Р. Сл., 1908, № 236 от 11 октября, подпись: В. Варварин (ранний вариант) и окончательно – в виде очерка «Поездка в Ясную Поляну» (опубл. в «Международном Толстовском альманахе», сост. П. А. Сергеенко. М., 1909. С. 284–291). На мартовской встрече взаимопонимания не было, хотя для Розанова это было «полезное непонимание». Толстой дал ему для прочтения свои статьи – «Восстановление упраздненного было Ада» и «Обращение к духовенству», только что напечатанные в издании В. Г. Черткова в Англии «Свободное слово».

«Старик был чуден, – писал Розанов, – *Натура* эта, честная, благородная <...> Все у него из “натуры”... А натура – от Бога...<...> Прощаясь, я поцеловал его и поцеловал его руку <...>» («Поездка в Ясную Поляну», 1908 г.). Позже Розанов об этой встрече писал иначе.

10 марта В. В. Стасов пишет Л. Н. Толстому о своем уходе из Академии наук, главным образом, из-за «истории нашей с Горьким» («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка». Л., 1929. С. 303). Речь идет о лишении Горького звания «почетного академика Академии Наук по разряду изящной словесности» в порядке статьи 1035 Устава Уголовного Судопроизводства. («Правительственный вестник», 10 марта, 1902 г.).

11 марта во Франции умер А. В. Сухово-Кобылин. Похоронен в Ницце.

17 марта умер писатель и публицист Е. Л. Марков. Его именем до революции называлась Щигровская публичная библиотека.

Толстой замечает в письме К. И. Ландеру (19 марта), что «больше $\frac{9}{10}$ книг», которые он посылает разным лицам, «попадают в руки полиции» (Т. 74. С. 71).

Белый – Э. К. Метнеру 26 марта: «<...> я и один молодой человек (Л. Л. Кобылинский) собираемся учредить некоторое негласное общество (союз) во имя Ницше – союз Аргонавтов: цель эзотерическая – изучение литературы, посвящ<енной> Шопенгауэру и Ницше, а также их самих; цель эзотерическая – путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать золотое руно <...> аргонавты сквозь Ницше за золотым руном!! <...> бороться с волнами, плывя... к неведомому Богу» (Цит. по: Лавров. «Андрей Белый в 1900-е годы». С. 108).

9 марта – в Обществе любителей российской словесности на заседании памяти кн. А. И. Урусова К. Бальмонт выступил с чтением стихов, а 12 марта – в аудитории Исторического музея прочел лекцию «Тип Дон-Жуана в мировой литературе»).

27 марта в аудитории Исторического музея состоялась лекция В. Брюсова «Ключи тайн», содержащая проповедь «новой эстетической теории»: суть которой во взгляде на искусство как на сверхчувственное познание сущности вещей, «происходящее в художественном экстазе», в отличие от «холодных рассуждений» науки, которые «ничто». «Благодаря живому и блестящему таланту молодого лектора, а также его громадной эрудиции, сухая, с первого взгляда, тема обратилась в водопад самых животрепещущих идей <...> Публики на лекции собралось очень много, и лектора встретили и проводили шумными приветствиями» (Р. Листок, 28 марта); «Красивым бредом» назвал теорию Брюсова Сергей Глаголь в статье «Ключи тайн»: «Как ни относитесь к этому учению, но несомненно, что оно видит в искусстве нечто очень большое. Для него искусство – храм, а не лавочка с продажей распивочно и на вынос <...> возведя искусство на подобающую ему высоту, оно объясняет и его мировое значение. На этом все преимущества нового учения и останавливаются. Все дальнейшее – это сплошной красивый бред» (Кур., 28 марта).

В марте-апреле в Крыму часто встречаются Чехов, Горький, Куприн, Бунин, Андреев, Вересаев, Гарин-Михайловский, Пятницкий и др.; обсуждается деятельность «Знания», характер и состав будущих сборников товарищества.

«Северные цветы. Третий альманах». М., кн-во «Скорпион», тираж – 1200. Авторы: А. Блок, К. Бальмонт, Андрей Белый, В. Брюсов, З. Гиппиус, М. Волошин, А. Ремизов, Н. Минский и др. В предисловии говорится: «Пора снова идти. Наши лица обращены вперед к будущему...»

Опубликованы стихотворения Блока из цикла «Стихи о Прекрасной Даме», присланные ранее (наряду с другими) для отбора Брюсову. В своем первом письме Брюсову (1 февраля) Блок писал: «Посылаю Вам стихи о Прекрасной Даме. Заглавие ко всему отделу моих стихов в “Северных цветах” я бы хотел поместить такое: “О вечно-женственном”. В сущности это и есть тема всех стихов, так что не меняет дела и то, что я не знаю точно, какие именно Вы выбрали<...>» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 480).

Брюсов выбрал 10 стихотворений: «Вхожу я в тёмные храмы...», «Ты свята, но я Тебе не верю...», «Тебя скрывали туманы...», «Безмолвный призрак в терему...», «Бегут неверные дневные тени...», «Она стройна и высока...», «Днём вершу я дела суеты...», «Пытался сердцем отдохнуть я...», «Я вышел в ночь – узнать, понять...», «Я жду призыва, ищу ответа...»; вписал название: «Стихи о Прекрасной Даме» вместо предложенного Блоком и пронумеровал стихи и листы цикла, зачеркнув кое-где авторскую нумерацию (Там же. С. 481).

Реакция на «совершенно непонятные» стихотворения Блока была подобна реакции на его стихи в № 3 «Нового пути» (см.) Перцов писал: «Я не помню в тогдашней критике скольконибудь ярких отзывов о дебютных стихах Блока <...>», которые «еще несколько лет потом пугали газетных ценителей» (Ранний Блок // Перцов. Лит. восп. С. 283); см. также: Скворцова Н. В. Раннее творчество Блока в оценке критиков и современников (1902–1905) – Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987).

Аврелий [В. Брюсов] выступил в альманахе с циклом «Мысли»: *L'ennui de vivre* («Я жить устал среди людей и в днях...»); *Habet illa in alvo* («Ее движенья непрворны...»); «Италия» («Страна, измученная страстностью судьбы!...»); *In hac lacrimarum valle* («Весь долгий путь свершив, по высям и низинам...»); «Я взойду при первом дне...»; «Я к вам вернусь, о, люди, – вернусь преображен...»; «Яростные птицы с огненными

крыльями...»; Волошин как поэт дебютировал со стихотворением «В вагоне» (ранее читанном им вслух Брюсову).

Гиппиус в рецензии на альманах высмеяла его авторов: Брюсова – в пародии на мотив Бальмонта: («Валерий, Валерий, Валерий, Валерий! / Учитель, служитель священных преддверий / Тебе поклонялись восторженно-чисты / Купчихи, студенты, жида, гимназисты» и т. п.); Волошина – по поводу стихотворения «В вагоне» («Снова дорога... и с силой магической...») – с рефреном-подражанием звуку движущегося поезда: «Шаловливый Макс Волошин подпрыгивает». Не слишком нравятся стихи последнего и Брюсову: «в чтении было лучше»; о Бальмонте Гиппиус пишет, что «он поет “wie der Vogel” с большой приятностью, порой увеселяя, а порою укачивая, убаюкивая читателя» (Нов. П., № 6).

В альманахе – цикл Белого «Призывы» (название и редакция – Брюсова; см. ЛН. Т. 85. С. 354, 206), а также отрывок из неоконченной мистерии Белого «Пришедший», который, по признанию автора, он «испортил», готовя к печати (Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 380). Отклики были разноречивые: «Стихи Бугаева очень “милы” и свежи. Субличность вполне сомовская...» (из п. Перцова Блоку от 28 февраля. – Переписка. С. 58). Белый – «хорош и интересен намеками нового в прозе и теплочно бледен в стихах...» (Шестаков Д. Хроника «Мира Иск.», № 9); «характерный образчик стихотворного сумбура» (Буренин В., Нов. Вр., 25 апр.); «Сознаемся в отсутствии гражданского мужества сказать что-либо о содержании дикого бреда г. Андрея Белого <...> Что делать, поэты живее обыкновенных смертных чувствуют в себе кровь предков, и она сказывается в их воображении тропическими узорами отдаленных времен каннибализма и беспорядочного смещения полов...», – пишет рецензент «Вестника Европы» (№ 9); «Прекрасны стихи Бугаева и Блока» (Петровский – Метнеру 9 апреля – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 198); «<...> Вашу мистирию прочел захлебываясь; помещение оной рукописи в печати – не одобряю; пощадите себя; неужели Вам не будет больно от камней. Хотя бы их бросали в Вас презираемые вами “неповоротливые мужики с низин”» (Метнер – Белому 13 апреля. – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 199); «Несомненно талантливый Андрей Белый, уже давно прославленный в москов-

ской семье декадентов <...> все пишет в стихах <...> все то же – тоскливое, давно надоевшее <...> Как бы хорошо Андрею Белому почитать, поучиться, подождать печататься» (Антон Крайний, Нов. П., № 6); Блоку стихи Белого «нравятся в общем и во многих частностях» (Переписка. С. 53); Брюсов писал: интереснее «всех этих мелких <...>, конечно, А. Блок <...> а еще интереснее вовсе не мелкий, а очень крупный Б. Н. Бугаев – интереснейший человек в России» (Дневники. С. 129). «Никогда не забуду я первого разбора стихов моих Брюсовым; – писал позднее Белый, – эти стихи уже были им приняты: но на конкретном разборе он явственно мне показал, что они еще – общее место, которое в будущем лишь наполнится поэтическим содержанием <...> урок Брюсова не пропал; я впервые стал крепко работать над собственной формой <...>» (Андрей Белый. «Валерий Брюсов», Рос., 1925, № 4/13/. С. 278).

Через посредничество Брюсова в альманахе было напечатано стихотворение Ремизова «Северные цветы», о котором Брюсов пишет автору: «Мне Ваши безразмерные стихи нравятся очень» (п. от 9 апреля. ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 158).

Отзывы об альманахе в целом неодобрительные. Из письма А. С. Петровского – Э. К. Метнеру: «<...> Вышли “Северные цветы”. Отвратительный, утонченно-скабресный рассказ Гиппиус*. Какая мерзость. И какая поверхностность» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 198); «Я не поздравляю Бугаева и Блока с таким обществом», – пишет в ответном письме Метнер, – «Гиппиус необходимо высечь, хороши тоже ее молитва за дьявола <стихотворение «Божья тварь»>, молитва Ф. Сологуба дьяволу <«Когда я в бурном море плавал...»>; низкое опозорение ангельской чистоты <...> бездарно-грязная мазня Брюсова и т. п. ...» (Метнер – Петровскому 26 апреля. – Там же); а в письме Белому он признается, что не может отделаться от «осадка <...> после прочтения “Северных цветов”» (Там же. С. 199). Гиппиус в письме Перцову от 14 апреля пишет: «“Северные цветы”<...> мальчишески сумасшедши и мало приличны. Кто занят прежде всего собой, тот еще щенок» (Цит. по: В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов.

* О рассказе «Месса» (с аналогией между эротическими и религиозными переживаниями) Гиппиус позже писала: «<...>не напоминайте мне о «Мессе». Это была скверная шутка» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 198).

«Из прошлого русской журналистики». С. 146–147); «Литературные мелочи» – иронизирует А. Измайлов (Бирж. Вед., 25 августа); Цветы «не живые, а искусственные» (Р. Мысль, № 8); в книге «почти все – или вздор с претензией на непостижимую глубину смысла, или суцая бессмыслица» (В. Евр., № 9); «в последнем выпуске “Северных цветов” нет прежнего лада, унисона декадентства. И это большой шаг вперед!» (Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], Нов. П., № 6); Шестаков желает книге «звонкой разноголосицы» «полевого букета, а не выхоленной садовой клумбы», но признает, что в целом, несмотря на «чертополох», в альманахе преобладают «настоящие цветы, несущие нежный и тонкий аромат» (Хроника «Мира Иск.», № 9. С. 88–89).

Одновременно с выходом «Северных цветов» в продажу были выпущены все три издания альманаха под единой новой обложкой В. Э. Борисова-Мусатова («Северные цветы», 1901, 1902, 1903, тираж – 600); вместе с нераспроданными тиражами выпусков двух предыдущих лет (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 70–71).

Выходит в свет Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов Императорского С.-Петербургского Университета под руководством Б. В. Никольского с иллюстрациями студентов Императорской Академии художеств под ред. И. Е. Репина (Спб., 1903, тираж – 1500). В сборнике приняло участие 34 поэта и 25 художников.

Блок выступил в сборнике с тремя стихотворениями: «Моей матери» («Чем больней душе мятежной...»), «Тихо ясные дни подошли» («Видно дни золотые пришли»), «Ранний час. В пути незрима...» Первоначально Б. В. Никольскому было отправлено 12 стихотворений, из которых он выбрал три, подвергнув их, с разрешения Блока, редакторской правке (ПСС. Т. 1. С. 494).

Д. Философов в рецензии на сборник от имени сторонников нового в искусстве доказывал несостоятельность «дряхлого, выродившегося» академического искусства. Иллюстрацией этого стало, по мнению автора рецензии, и художественное оформление сборника, и литературная сторона издания. «Примерами подлинной поэзии» Философов назвал прежде всего стихи Блока, а также Кондратьева, Полякова, Семенова. «Опираясь на

прошлое, они ищут новых форм <...> стоят на верном пути, и общество вправе рассчитывать на них как на будущих защитников культуры от нашествия варваров», которыми, по мнению Философова, являются в первую очередь академисты (Философов Д. «Студенты и академисты», Хроника журнала «Мир Иск.», № 16. С. 177).

Вышла книга Мих. Лемке «Думы журналиста» (изд. М. Пирожкова, СПб., тираж – 3000), посвященная памяти В. Г. Белинского.

В книге затронут «ряд интересных и жгучих вопросов журналистики», в особенности, вопрос «о тех печальных условиях, в которых изо дня в день идет работа печати» (А. Б. [А. И. Богданович] – Мир Б., № 5). «Это – почти полное игнорирование условий и обстановки ее собственной современной деятельности <...>. Широкого освещения этой жизни, вдумчивого анализа очень разнообразных нужд и потребностей журналистики, ее болезней и язв, разоблачения того закулисного мира, который скрывается за некоторыми печатными листами – ничего этого почти нет, особенно в сколько-нибудь систематизированном, обобщенном виде. Мало ли, много ли, но мы говорим обо всем, о чем еще можем говорить – и это, конечно, наша громадная заслуга, – молчим же *добровольно* только о журналистике, о самих себе, о своей собственной рубашке», – пишет автор книги. Лемке полагает, что низкий уровень современной журналистики зависит не только от «обстоятельств», но и от недостатка нравственности среди деятелей печати. Свидетельством этому он называет отношение русской печати к юбилею Толстого.

(Будучи редактором газеты Приднепровский край (Екатеринослав), Лемке в марте 1902 выпустил «белый» номер газеты (с пустыми местами на месте изъятых цензурой статей), поступок, вызвавший широкий общественный резонанс в России и за рубежом – см. Лемке М. История белого номера, Обр., 1906, № 9).

Волжский [Глинка А.С.] – Очерки о Чехове (тип. М. М. Стасюлевича, СПб., 1903).

«<...> все написанное Чеховым только индивидуализация отдельных случаев власти обыденной жизни». «Человек в футляре», по его мнению, «это высшая точка чеховского творчества, произведение, в котором творческий синтез художника выразился с особой силой <...> Повсюду в чеховских произведениях вы на каждом шагу встречаете различные виды власти футляра Беликова: чувства в футляре, мысли в футляре <...> в футляре вся жизнь». Критика отмечала повышенный интерес автора очерков к духовно-нравственной проблематике и интерпретацию им проблем человеческой личности в духе субъективной социологии Михайловского (Нов. П., 1904, № 8).

А п р е л ь

Указом обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева от 5 апреля были запрещены Религиозно-философские собрания и публикация их протоколов.

Из дневника Гиппиус от 5 апреля: «Сегодня светская (синодальная) власть запретила Религиозно-Философские собрания, вопреки доброй воле митрополита Антония. Повод – донос Меньшикова и мелкая пресса» (Дневник. Т. 1. С. 129). Речь идет о статье М. Меньшикова «Титан и пигмеи: тоже стиль модерн» (Нов. Вр., 23 марта), в которой он пишет об «искажениях» «во всем, что творят декаденты», и, в частности, журнал «Новый путь», ищущие «скрытое в природе лицо дьявола». Меньшикову и другим критикам журнала Розанов возражает в статьях «Ответ г. Меньшикову» (Нов. Вр., 28 марта) и «Серьезный критик». В последней он с горечью пишет, что журнал «родился все-таки как вдохновение <...> У него можно отрицать что угодно, даже здравый смысл, но этого отрицать не могут... Мы любим то, что говорим, и верим в то, что говорим» (Нов. П., № 4).

В письме к Перцову Гиппиус сообщала, что статью Меньшикова якобы дали для ознакомления Николаю II, и тот выразил возмущение журналом (см. Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 1992. № 1. С. 140 и 1991. № 4. С. 124–159; см. также: Максимов Д. «Новый Путь». – Евгеньев-Максимов В.,

Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. С. 131–254).

В прессе усиливаются нападки на журнал; в их ряду анонимная статья (предположительно В. А. Грингмута) «Грозит ли нам бесцерковное христианство» (М. Вед., № 93, 4 апреля) с резкими обвинениями в адрес «врагов», пытающихся «отделить Царя и народ глубокою пропастью от Церкви» и призывом к властям «прекратить безобразие». «Думается, просто иссякло терпение Победоносцева, и он сказал “довольно”», напишет впоследствии Гиппиус (Дневник. Т. 1. С. 632). В письме к Перцову от 20 апреля 1903 г. она в числе причин называет также высказывание о «Новом пути» о. Иоанна Кронштадтского на проповеди: «Умники неумные, вроде Толстого и его последователей, сбившись с истинного пути, находят путь заблуждения <...> и даже выдумали журнал “Новый путь”. Это сатана открывает эти новые пути <...>» («Миссионерское обозрение», № 2, 5). Отзыв Иоанна Кронштадтского из «Миссионерского обозрения» был целиком перепечатан в № 3 «Нового Пути» без каких-либо комментариев (что было воспринято как насмешка над проповедником), а в № 4 опубликованы редакционные комментарии, в которых, в частности, говорилось: «Питая к личности о. Иоанна Кронштадтского <...> глубокое уважение, мы вполне сознаем, что в данном случае вся вина падает на людей, которые ввели его в заблуждение»; в том же, 4-м номере – попытка Н. Минского защитить и объяснить позицию сотрудников журнала: «Мы <...> старому пути противопоставляем новый путь религиозной глубины и внутреннего откровения <...> О. Иоанн живет в небесном эфире религии <...> Но мы движемся среди бурных волн культуры <...> и нам поневоле приходится доверять компасу философского и мистического разума». Гиппиус пишет Перцову 6 апреля: «Если <...> потеряем журнал, – вряд ли стоит сидеть в России и ждать погоды. Железный занавес упадет между нами и общественно-церковной жизнью» (Цит. по: Русская литература. 1992. № 1. С. 140). Журнал уцелел, но была приостановлена публикация в нем «Записок религиозно-философских собраний» и издание их отдельными оттисками.

«Сначала (пожалуй, весь первый год) эти собрания на Театральной улице, возбудившие сразу общественный интерес, были

очень “содержательны”, и за этот период они получили для многих участников большое значение. Однако с течением времени они стали приобретать тот характер суесловных говорилен, на который обречены всякие человеческие общения, хотя бы основанные с самыми благими намерениями» (Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 292). Философов писал: «Впервые в истории русской церкви и русской интеллигенции, произошло личное свидание <...>, которое “долго не длилось, да и не могло длиться”». Однако «собрания эти имели <...> большое значение», так как «появились интеллигенты, которые начали говорить с церковью <...> с точки зрения тех самых истин, которые <...> должна исповедовать церковь. Много было приложено стараний со стороны церковных иерархов, чтобы дать ответы <...> но <...> конечный ответ был насильственное молчание» (Цит. по: Философов Д. В. Критические статьи и заметки. 1899–1916. М., 2010. С. 215–216).

19 апреля состоялось последнее, 22-е заседание Религиозно-философских собраний. Обсуждалась тема «О священстве».

«Официальная церковь занялась своими делами, интеллигенты, когда-то обращавшиеся к ней с заветными вопросами, – своими. Пути разошлись. Обе стороны поняли, что столкнуться нельзя» (Философов Д., Сл., 1908, 20 окт.) .

6–7 апреля в Кишиневе произошли еврейские погромы, всколыхнувшие широкое общественное мнение. В резолюции протеста, принятой на собрании петербургских писателей (присутствовало больше 200 человек), говорилось: «Еврейский вопрос <...> сливается с вопросом общерусским и только вместе с ним может найти свое радикальное решение» («Освобождение», 19 мая [1 июня]). 27 апреля в письмах Э. Г. Липецкому и Д. С. Шору Л. Толстой указывал на «настоящего виновника всего» – «наше правительство с своим одуряющим и фанатизирующим людей духовенством и с своей разбойнической шайкой чиновников» (Т. 74. С. 107–109), 6 мая Толстой писал Шолом-Алейхему [С. Н. Рабиновичу]: «Ужасное совершенное в Кишиневе злодеяние болезненно поразило меня» (Там же. С. 118).

Спустя два месяца после событий В. Г. Короленко посетил Кишинев и вслед за этим написал очерк «Дом № 13», в котором воссоздал картину погрома. (Запрещенный для публикации в «Русском богатстве», вышел в 1903–1904 г. в трех изданиях за границей.)

Широко распространяется гектографированный текст статьи М. Горького «По поводу Кишиневского погрома» (2 июня она была опубликована в журнале «Освобождение». Штутгарт), в которой автор называет «человеконенавистнической» пропаганду идеологов погрома, «подстрекателей к убийству» – Суворина, Буренина, Величко, Шарапова, Комарова, Крушевана, Пятковского «и иже с ними». В ответ Буренин выступил с «Отповедью г. Максиму Горькому» (Н. Вр., 12 сент.), сказав, что «человеконенавистник» не он, Буренин, а сам Горький, который «в своих грубо лубочных рассказах, повестях и пьесах <...> проводит <...> идею “убежденного” душегубства». 29–30 сентября Горький писал К. П. Пятницкому: «По поводу писаний Буренина получил стихи “Националиста”, в которых меня именуют “паскудной мордой” <...> и извещают: Нам отлично понятны мотивы Твоего золотого пера» (Т. 3. С. 201).

В петербургских газетах появляются фельетоны в адрес Горького и его литературного окружения (В. Буренин «Трое» – Н. Вр., 4 апр.; А. Суворин «Чехов и Горький, или Люди и черти» – Н. Вр., 18 апр.; «В тумане» – Нов., 12 апр., подписано – «Тоже из рыбаков»). Фельетон В. Буренина «Трое» – о трех великовозрастных гимназистах, задумавших превзойти Горького, Андреева и Брюсова в писании «рассказцев <...> непременно с эротическим оттенком», пьес «с <...> площадными ругательствами» и стихов «в современном сверхсмысленном роде». Н. Энгельгардт в очередном фельетоне «Мысли некстати» пишет о «широком распространении в обществе <...> идей босяческой философии»; «кажется, что вся Россия превратилась в залитое помоями босяцкое “дно”» (Н. Вр., 17 апр.).

Н. Гарин – «Тени земли. I. Художник. II. Гений. III. Вероника» (Обр., № 4).

В. Вересаев – «Звезда. Восточная сказка» (Журн. для всех, № 4). О герое вересаевской притчи и «Журнале для всех», воспитывающем в читателе «озлобление и ненависть», пишет в «Журнальном обозрении» рецензент «Русского вестника» Н. Я. Стародум [Н. Я. Стечкин].

Валерий Брюсов – цикл «Предчувствия» (Нов. П., № 4), куда вошли 7 стихотворений: «Искатель», «Лестница», «Последнее желание», «Прощальный взгляд», «Нить Ариадны», «Блудный сын», «В ответ», впоследствии включенные в сб. «Urbi et Orbi». Желая дистанцироваться от деклараций журнала и сразу заявить читателям о своей идеологической независимости, Брюсов просил в письме к Перцову от августа 1902 г. напечатать его «Предчувствия» в первом же номере журнала, однако редакция отказалась под предлогом цензурных препятствий (см. Максимов Д. Валерий Брюсов и «Новый путь». – ЛН. 27/28. С. 279).

Валерий Брюсов – стихотворение «За оградой (Младшим)» (Ежемесячные сочинения, № 4), сопровождаемое эпитафией «Там я жду прекрасной дамы. – А. Блок» (позднее название «Младшим»). По свидетельству П. Перцова, стихотворение было написано после длительного разговора о недавно появившихся первых стихах А. Блока, мистические упования которого рационалист Брюсов разделить никак не мог. Вот почему он рисует себя за оградой, говорит о непонятном свете, о том, что напрасно ищет на небе звезду, что не в силах «сорвать тяжелые запоры», чтобы проникнуть в храм, где творится «священное действие» (Брюсовское стихотворение «Младшим» // Перцов. Лит. восп. С. 320). Брюсов позже снял эпитафию из Блока, предпосланный первопечатному тексту, тем самым расширив и углубив смысл своего стихотворения.

Рассказы Сергеева-Ценского «Забыл», «Тундра», «Умру я скоро» (Р. Мысль). «Рассказы <...> свидетельствуют о даровании автора...» (Гольцев В. «Мысли вслух», Кур., 20 мая).

Вл. Измайлов – «Заводские очерки» (Р. Бог., № 4). «Его наброски производят сильное впечатление не только преобладаю-

щей трагичностью содержания, но и грустной дымкой настроения...» (А. Журн. обзор., Р. Мысль, Кн. 6. С. 258).

В. Брюсов – «Первая любовь. Рассказ» (Лит. прилож. к газ «Р. Листок», 1903, 6 апреля. С. 212); стихотворение «На улице» («Люблю одно, бродить без цели...», там же. С. 226).

М. Неведомский [М. П. Миклашевский] – «О современном искусстве. Леонид Андреев» (Мир Б., № 4). Успех Андреева автор статьи объясняет, в частности, «свободным, непредвзятым отношением к жизни», свидетельствующим о том, что русская литература перестает быть «суррогатом гражданской жизни» во имя решения собственно художественных задач; именно потому, что теперь «не в одной только литературе бьется пульс общественной жизни», мы «можем позволить себе некоторую роскошь – отдохнуть от художественной публицистики <...>». С резким упреком Неведомскому в том, что он служит отходную «гражданскому», тенденциозному, «идейному» искусству, выступил В. Шулятиков (Кур., 16 авг.) и другие критики (Н. Коробка, Обр., № 7; И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 12 апр.).

Антон Крайний [З. Гиппиус] – статья «Весна пришла? (Поэзия г-жи Галиной)» (Нов. П., № 4. С. 174–177). «Перевернул несколько страниц – все весна да весна. И без конца так и мелькали предо мною цветы – мечты, слезы – березы, вновь – любовь <...> все это даже не дешевые слова, а <...> пыльный сор и хлам, давно выметенный за ненадобностью».

В. Розанов – «Из переписки К. Н. Леонтьева»; с предисловием и примеч. В. В. Розанова (Р. Вест., № 4–6). Из своей переписки с Леонтьевым 1891 г., прерванной смертью Леонтьева, Розанов опубликовал только письма Леонтьева, снабдив публикацию пространном предисловием и примечаниями. Леонтьев отправил Розанову тринадцать писем; тот ответил ему девятью.

Андрей Белый – Открытое письмо «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» (Хроника журнала «Мир Иск.», № 7). В основе текста статьи – черновой набросок

сок: Ответ «отцам» от лица молодежи – из рабочей тетради Белого 1901 года. «Либералы и консерваторы спорили <...> Мы не хотим брать в руки их жалкие хоругви, именуемые направлениями...»; наша «видимая беспринципность – меньшее зло сравнительно с принципиальной ограниченностью»; ибо «мы отпеваем старое». Причисляя себя к «безумцам», которых Ницше считал «пророками», Белый призывал: «Да здравствует безумие: посшибаем очки трезвости с близоруких носов!» В печати появились возмущенные отклики на «торжественный манифест», отпевающий «наше прошлое» и отвергающий «наши хоругви» (П. «Мимоходом», Кур., 27 апр.; К – ий [М. Н. Коваленский] «Наброски», Кур., 3 мая; Веталис [В. А. Гольцев]. «Со стороны», Р. Мысль, № 5; см. также ЛН. Т. 105. С. 787).

5 апреля в беседе с Миролюбовым Чехов высказывает суждение, что Горькому следует «развивать <...> талант, чтобы все не говорили у него одинаковым языком», хотя он «в своих рассказах великан перед Андреевым», у которого «нет легкости». Но «больших вещей его <Горького> нельзя читать» (Записная книжка Миролюбова на 1903 год. Цит. по: Чехов. ЛЖТ. С. 744).

Поездка Брюсова в Париж, который ему «пришелся очень по сердцу». 23 апреля читает «группе русских» свою лекцию об искусстве «Ключи тайн», встречается с социалистами (см. Дневники. С. 131–132; Ашукин Н. «В. Брюсов». М., 1929. С. 183–184). Там же состоялось знакомство с Вяч. Ивановым, который читал там курс лекций «Эллинская религия страдающего Бога» в Русской высшей школе общественных наук (ЛН. Т. 85. С. 428), высоко оцененный Брюсовым. «Автор, обладая замечательной эрудицией, истолковывает с новой точки зрения культ Диониса в древней Греции. Он сближает его с христианством и усматривает между этими двумя религиями ряд замечательных точек совпадения» («The Athenaeum», 1903, № 3949, July 4. P. 23 – Цит. по: ЛН. Т. 85. С. 435).

30 апреля умер известный историк литературы, профессор Московского университета А. И. Кирпичников.

«Весна 1903 года отметилась <...> изменением облика; всюду запел, как комар, декадент <...> расширились задания издательские “Скорпиона” <...> три объявились поэта: Волошин, Блок, Белый...» («Начало века». С. 263). 9 апреля Белый пишет Метнеру о неуклонном возрастании интереса к «новому искусству», которое « <...> разливается вширь, стучится в двери; “*скорпионовская кучка*” интересуется всех: ее ругают, хвалят, но все интересуются. Словом, начался процесс ассимиляции. Образовалась целая порода молодых людей и девиц, которых газетные репортеры уже окрестили позорным, по их мнению, прозвищем “подбрюсков”, “брюссенят”, “брюссиков” <...> бывали случаи, когда Брюсовым увлекались и почтенные люди (даже старики) <...> Если Москва будет прогрессировать в том же направлении, то, по словам Бальмонта, она превратится в декадентский городок менее чем через два года» (Цит. по: ЛН. Т. 85. С. 317).

Белый устраивает у себя «первый прием декадентов», на котором присутствовали Брюсов, Бальмонт, Балтрушайтис, Перцов, Соколов, Эллис и др. Хозяин вечеринки бывал заранее «смущен», ибо «везде, где “являлись Бальмонт, Брюсов и Соколов, начинались скандалы”» («Начало века». С. 257).

Выходит в свет «Альманах кн-ва “Гриф”». М., 1903, <тираж – 1200>. В числе участников – Белый, Брюсов, Иванов, Волошин, Гофман, Рославлев и др.

В альманахе – отрывки из 4-й «Симфонии» Белого, которая, по свидетельству ее автора, «должна была дать новую, мистически правильную транскрипцию 2-ой: раскрыть подлинную ноту времени <...> » (Цит. по: Лавров. «Андрей Белый в 1900-е годы». С. 95). В письме к жене А. Ремизов писал, что отрывки Белого «оригинальны, если бы только не язык его: опять “безмирный”, опять сочетания напряженной выдумки, а не мягко возникающих образов» («На вечерней заре». Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Публ. Антонеллы Д’Амелия // *Euroa Orientalis*. Roma, 1985. P. 165). А. С. Петровский писал Метнеру 9 апреля, что поначалу «хорошенько не разобрал» первоначальную редакцию 4 «симфонии» Белого, так как понял ее «только эстетически, а тут эстетическая сторона, конечно второстепенная...», но уже 16 апреля (незадолго до выхода альманаха) в

письме тому же адресату утверждает, что «отрывок из 4-ой симфонии Андр<ея> Белого: вещь совершенно не-бы-ва-лая и невероят-ная по углубленности», которая «и не снилась» ни Вл. Соловьеву, ни Ницше. «Ни в одной литературе <...> не было ничего подобного <...> Это один из немногих образчиков подлинного символического языка и подлинной “теософии”» (Лавров. Указ. соч. С. 97); «Несомненно талантливый <...> но недошедший, недокисший, как недавно поставленная опара», писала о Белом Гиппиус (Нов. П., № 6); «Андрей Белый – очень странная фигура молодой русской литературы, полная разнузданной лирики и разнузданного юмора. В его лице, быть может, дошла к нам, наконец, та старо-романтическая ирония, которая одна из всех романтических веяний не прививалась до сих пор в русской изящной словесности» (Аббадонна [А. В. Амфитеатров]. Отклики, «Русь», 1904, 15 мая).

Критика усмотрела обилие банальностей у Валерия Брюсова, который выступил в альманахе со стихами «Sancta Agatha» («На горы тихая ложилась мгла...»); «Наполеон» («Да, на дороге поколений...»); «Лесная дева» («На перекрестке, где сплелись дороги...»).

В сборнике дебютировал поэт В. Гофман со стихотворениями «Русалка» и «Жить и жутко и сладостно», посвященными К. Бальмонту и В. Брюсову: Брюсова той поры привлекла в Гофмане «бальмонтовская стихия» (Брюсов В. Мои воспоминания о Викторе Гофмане. – Валерий Брюсов. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Составители Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М., 1990. С. 509); «<...> было в этих стихах одно преимущество <...> “прирожденная” певучесть <...> особый “дар неба”, достающийся в удел лишь немногим, истинным поэтам» (Там же). Но дебют Гофмана не был успешным: в литературных кругах его называли «поэтом вальса», поэтом «очень красивых, но не очень глубоких стихов», «дамским поэтом». «Маленький Гофман <...> поет гимназические восхваления старым “магам, волшебникам” – Бальмонту и Брюсову, «склоняя голову» перед обоими», писала Гиппиус (Нов. П., № 6). Сам Гофман называл свой идеал «мистическим интимизмом» (Гаспаров М. Л. Виктор Гофман. – Русская поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология. М., 1993. С. 289).

Отзывы об авторах альманаха в целом неодобрительные. «Бранить же их по меньшей мере бесполезно. «Сумасшествие! Кривлянье! Порнография! Безобразия!» – только и слышишь, чуть зайдет речь о так называемых “декадентах”», писала Гиппиус (Указ. соч.); «Каждый из них <авторов> старается перевернуться так, чтобы не походить на других, но все их перевертывания поразительно однообразны...» (Р. Вед., 28 апреля), в целом же, в «оркестре» альманаха, состоящем в основном из «перепевов» и «повторений», есть лишь «отдельные инструменты» в лице Белого, Бальмонта, Блока, Иванова.

В письме Блоку Белый писал: «<...> Вы немного правы, Грифы не то что “не о том подмигивают”, а еще только учатся подмигивать без разбора чему». Но «судить о том, вреден, или полезен “Гриф”, я не имею основания, так как он «еще в будущем» (Переписка. С. 119); «серый и по обертке и по содержанию» – вынес вердикт Брюсов (Дневники. С. 131).

И. А. Белоусов – «На воле. Стихотворения» (изд. И. Д. Сытина, М., 1903). 27 апреля Бунин в письме Белоусову писал: «<...> напрасно ты думаешь, что я смотрю прежде всего на форму. Форму я люблю, но люблю я и душу человеческую <...> А твоя книга именно полна души, – хорошей души...» (Письма. С. 425).

Выходит книга С. Гусева-Оренбургского «Рассказы». Т. 1 («Знание», СПб., тираж – 5000), встреченная рядом сочувственных отзывов. Произведения Гусева, изобразившие жизнь «типичной русской глуши», подводят к выводу: «старая Русь вконец исчерпала себя» (Н. Коробка. Из глухого угла, Обр., 1904, № 3). Критика отметила «художественное дарование <...> хорошо направленное» (Волжский [А. С. Глинка], Журн. для всех, 1904, № 2); «умную, трезвую наблюдательность», гуманность писателя (Дымов О., Бирж. Вед., 1904, 6 февр.). 5 июня Чехов писал В. В. Вересаеву: «Гусев <...> талантлив, хотя и наскучает скоро своим пьяным дьяконом. У него почти в каждом рассказе по пьяному дьякону» (Т. 11. С. 219).

7 апреля открылись гастроли МХТ в Петербурге пьесой Горького «На дне».

Книппер сообщала 9 апреля Чехову: «<...> “На дне” принимали неважно очень. Пьеса не нравится большинству. Первые два акта и мы все играли почему-то вразброд <...> Ощущение от спектакля осталось неприятное. Все-таки какая различная публика в Москве и в Петербурге. Здесь, по-моему, более тонкая, и потому “На дне” не имело такого успеха». (Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: В 3 т. Т. 1. М., 1934. С. 257–258). 9 апреля Немирович-Данченко телеграфирует Чехову: «Вчера сыграли “Дядю Ваню” с большим подъемом духа и истинным наслаждением <...> успех был полный и превосходный» (Цит. по: Чехов. ЛЖТ. С. 744–745). 11 апреля Книппер писала: «Приехали сюда с “Дном” и выезжаем на “Дяде Ване”, на который спрос огромный. Все идут на “Дядю Ваню”. О “На дне” никто и слышать не хочет <...> Везде говорят о Чехове, точно новую пьесу привезли». В ответном письме от 15 апреля Чехов пишет: «Зачем вы играете в одну дудку с “Новым временем”», имея в виду напечатанную 9 апреля отрицательную рецензию А. С. Суворина: «“На дне” г. Горького на сцене» (Т. 11. С. 194–195).

В конце апреля во время гастролей труппы Мейерхольда в Севастополе состоялась последняя его встреча с Чеховым, находящимся там проездом в Москву. Местные газеты писали о прошедшем с успехом спектакле «Дядя Ваня» «под личным руководством автора г-на Чехова» (Крым, 23 апр.). О севастопольских гастролях Мейерхольд писал Чехову: «<...> вы знаете, мы оправдали доверие к нам» (Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С. 43).

В. Стасов – статья «Две декадентские выставки» (Нов., 19, 25 апр.). Автор в обличительном тоне пишет о Врубеле, Сомове и других новейших художниках, а также о «барде, герольде и истолкователе декадентского царства» – А. Бенуа.

Р. Бодуэн-де-Куртенэ упрекает современную художественную критику, которая могла бы «все-таки серьезнее разобраться в сложных современных течениях <...> глубже вникнуть в личности художников, играющих столь решающую роль в современном индивидуальном творчестве» («Открытая задача», Бирж. Вед., 23 апр.).

В Париже образовался кружок русских художников и любителей искусства в помощь всем приезжающим русским; им предоставлялись различные сведения по искусству, оказывалась помощь в вопросах выставления работ и предметов искусства в парижских салонах и галереях. Председателем кружка был И. И. Мечников, секретарем – М. Волошин. В кружок входили Н. Н. Ге, Е. С. Кругликова, А. В. Гольштейн. Е. Н. Давиденко (Волошин. Т. 9. С. 804)

М а й

В № 5 «Нового пути» – цикл из 10 стихотворений К. Случевского «Смерть и бессмертие». В статье «Поэт противоречий (К. Случевский)» Брюсов писал, что Случевский «Менее всего <...> был художник. Он писал свои стихи как-то по-детски, каракулями <...> был косноязычен <...> любил выступать под чужой маской <...> заимствовать чужую форму». Но когда «он говорил прямо от себя, <...> нескладно, почти смешно», то получалось «вместе с тем часто пророчески, сильно, огненно ярко» (Т. 6. С. 231).

М. Арцыбашев – рассказ «Кровь» (Нов. П., № 5). В письме М. А. Стаховичу от 5 февраля 1909 г. Толстой назвал рассказ «Кровь» «превосходным»; в это же время записал в дневнике: «Читал Арцыбашева. Талантлив, но та же неблаговоспитанная литературная небрежность <...>»; и есть «не только талант, но и мысли» (Цит. по: Гусев Н. Отметки Л. Н. Толстого на томе рассказов М. Арцыбашева. – Л. Н. Толстой. Гос. лит. музей. М., 1938. Т. 1. С. 270).

Н. Молоствов – статья «Как и где читается Толстой» (Бирж. Вед., 21 мая).

«Сочинения <...> Толстого разошлись в одной только России в количестве 1.000000 экземпляров <...> Один человек перекрикивает сотни и тысячи голосов». А систематизированная критика о Толстом «даст интереснейшие выводы и покажет почти

полный генезис идей общества в различных его слоях за всю вторую половину 19 века».

М. Гельрот – статья «Ницше и Горький» (Р. Бог., № 5). «Ницшеанство» Горького автор видит в протесте против «детерминизма <...> подрывающего веру в творческую роль <...> личности», в «переоценке понятия жалости и сострадания», в характерном противопоставлении «сознающей себя силы и рабской морали скрюченного червяка». Но «если в конечном социально-политическом идеале Ницше <...> над огромной массой представителей рабской морали возвышается аристократическая индивидуальность», то идеал Горького «глубоко демократичен».

В. Брюсов. «Из парижских впечатлений. Театры и кабаре». (Р. Листок, 19 мая).

На парижских сценах «еще господствуют старые традиции», – пишет Брюсов, – а «чтобы верно изображать жизнь, нет и помину. Об этом заботится один только театр Антуан. Но и он далеко отстал от нашего Художественного театра», который «не ставит таких пошлых вещей»; в целом, на него «театры производят безобразное впечатление самодовольной рутин», более интересными показались только парижские «артистические кабаре».

Завершается публикация работы Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве (К теории и психологии художественного творчества)» («Вестник воспитания». Т. 2, 4, 5).

20 мая в Неаполе умер К. М. Станюкович. Похоронен там же, на кладбище Поджореале.

14 мая в Петербурге состоялась встреча Ф. Батюшкова с Чеховым. Из воспоминаний Батюшкова: «Застал за чайным столом Чехова, Горького, еще несколько человек. Антон Павлович отозвал меня в сторону и шепнул: “Заканчиваю пьесу <...> Скажу только, что театр – ужасная вещь <...> Так он затягивает, волнуется, поглощает” <...> Заговорил он о Толстом, о Короленко, о Куприне. “Я очень люблю Короленко, – сказал А. П., – и доса-

дую, что Толстой не может освободиться от предубеждения <...> А. И. Куприн очень талантлив – этого Лев Николаевич сразу воспринял”» (Батюшков Ф. Д. «Две встречи с А. П. Чеховым»). Цит. по: Русская литература, М., 2004. № 3).

Выходит критико-биографический этюд В. Ф. Боцяновского «Леонид Андреев» (изд. т-ва «Литература и наука», СПб., тираж – 3000). Первая книга о писателе, попытка «определить роль и значение г. Андреева в духовном процессе, переживаемом сейчас нашим обществом» (Кур., 28 мая).

В. Ф. Боцяновский – Максим Горький. Критико-биографический этюд (изд. 2-е. Спб., тип. А. Суворина, тираж – 3000).

В. Буренин в «Критических очерках» иронизирует по поводу переизданного очерка Боцяновского «усердными поклонниками» Горького, играющими «роль настоящих гороховых шутов в своих шумных и нелепых восхвалениях <...> этого писателя», который, если будет продолжать в духе «Трое» и «На дне», то может «хлопнуться в грязь с “живых” балаганных подмостков любимца <...> наглой и шумной толпы...» (Н. Вр., 9 мая).

Арс. И. Введенский – «Литературные характеристики. Последние произведения Тургенева, Гончарова, Достоевского. Сатиры Щедрина. Литературное народничество. Гл. Успенский, Н. Златовратский». (Спб., 1903, тип. М. Стасюлевича, тираж – 3000). Отклики были разноречивые. (Протопопов М., Р. Мысль, № 6; <А. Г. Горнфельд>, Р. Бог., № 8; В. Евр., № 8 и др.).

Г. С. Петров – Братья-писатели! (Спб., 1903). В ст. «Драма писателя» рецензент М. Г. в целом положительно оценивает книгу, которая написана «умно и красиво». «<...> Разыскание Бога есть основное настроение русского народа», а «задача русского писателя – указывать путь к Богу <...>». Вместе с тем он считает, что Петров «умалил действительную силу и действительное влияние художника» (Кур., 16 июня).

Вышли «Воспоминания» Н. А. Огаревой-Тучковой, изд. М. и С. Сабашниковых (М., 1903), встреченные сочувственными откликами.

1 мая – «Юбилей» Чехова в Александринском театре.

«<...> в первый раз, была поставлена вчера новая неигранный еще одноактная шутка г. Ант. Чехова “Юбилей”, пьеса-кариатура, на празднование пятнадцатилетия существования Н-ского Общества взаимного кредита. Все то, что говорится, происходит на сцене, – в жизни не бывает. Благодаря яркой, превосходной игре К. Варламова (нервный, больной, раздражительный женофоб, бухгалтер), выдержанной игре г. Ге (председатель правления) и жизненно интересной игре г-ж Левкеевой и Потоцкой – “Юбилей” шел под несмолкаемый хохот публики» (Н. Р<оссов>ский. «Александринский театр», «Петербургский листок», 2 мая); Измайлов писал, что «шутка» Чехова прошла «при невероятном хохоте <...> За юмористически-карикатурными разводами на чисто реальном фоне, которые так удаются Чехову в сценических вещах, рассчитанных на комизм, нельзя было в самом деле следить без улыбки» (Смоленский [А. А. Измайлов]. «Александринский театр. Бенефис вторых режиссеров и суфлеров русской драматической труппы», Бирж. Вед., 2 мая).

И ю н ь

Вышла книга К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце. Книга символов» (М., 1903, «Скорпион», тираж – 1200). Эпиграфом к сборнику были взяты слова Анаксагора «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце». Посвящение к сборнику гласило: «Посвящаю эту книгу, сотканную из лучей, моим друзьям, чьим душам всегда открыта моя душа: брату моих мечтаний, поэту и волхву Валерию Брюсову, нежному, как мимоза, С. А. Полякову, угрюмому, как скала, Ю. Балтрушайтису и весеннему цветку Люси Савицкой <...>».

«Получили ли Вы мою книгу “Будем как Солнце”, прошедшую сквозь строй московских и петербургских цензоров <...>» (из п. Бальмонта И. И. Ясинскому 1 июля. – Цит. по: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 147). Уже готовая к печати рукопись подверглась цензурному вмешательству. 3 марта Московский цензурный коми-

тет направляет в Главное управление по делам печати Петербурга донесение, из которого следует, что стихотворения в книге Бальмонта «относятся к разряду так называемых символических и среди них имеется слишком много эротических, крайне циничных <...> даже кошунственных». Книгу сочли «крайне вредною с цензурной точки зрения», особенно для молодежи, которая «в настоящее время<...> так увлекается символизмом» (Там же). Из 205 стихотворений в книге осталось 198, некоторые заменены на другие, исправлены отдельные строки. «Спасите мою книгу» – взывает Бальмонт в письме к Брюсову (Там же. С. 146; см. также Ежегодник на 1978 г. Л., 1980. С. 10).

В статье «Бальмонт» Брюсов писал: «“Будем как солнце” ставит Бальмонта в ряду наших лириков тотчас после Тютчева и Фета <...> Бальмонт прежде всего “новый человек”, в нем новая душа, новые страсти, идеалы, чаяния – иные, чем у прежних поколений <...> При всей тонкости общего построения стихотворений, он в отдельных стихах доходит до пределов банальности <...>», тем не менее, «среди современных поэтов Бальмонт бесспорно самый значительный, – и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу» (Мир Иск., № 7–8); Ф. Батюшков отметил «оптимистическое настроение автора, склонного восторгаться и внешним миром, и чувствующего в себе источник жизнерадостной силы», стремление «к восстановлению целостной личности» в его поэзии, но вместе с тем и «чуждества»: «кричащий, вызывающий убор куртизанки и под несколькими, как бы наугад наклепанными мазками поддельного румянца чистое лицо, задумчивые глаза...» («Новые побеги русской поэзии», Мир Б., № 10); талант «яркий, крупный, оригинальный», но продолжающий «шалить легкомысленно с своей Музой» (Ашешов Ник., Обр., 1904, № 2). Появилось и немало разносных отзывов, авторы которых не увидели в книге Бальмонта ничего, кроме «любования всяческой грязью и мерзостью» (Р. Бог., № 12), «самообожания», «власти слов над творчеством» (Р. Мысль, № 7), желая вызвать улыбку «на заплывшем лице пресыщенного сластолюбца» (Евг. Л[яцкий], В. Евр., 1904, № 1). Волинский писал: «Настоящий поэтический талант, настоящая фантазия, настоящее буйство страсти, болезненно-капризной и временами поднимающейся в какие-то светлые вы-

си, бесподобный, звучный, легкий стих – все это перемешано у Бальмонта с невыносимо глупым хвастовством, с бредом алкоголя и выдумками шарлатанского расчета»; «Каковы бы ни были недостатки поэзии г. Бальмонта», в ней «начинают играть участливые лучи вдумчивой человечности» (Аббадона [А. В. Амфитеатров]. «Мысли о поэтах», Русь, 9 августа); Буренин в «Критических очерках» называет поэта «бедламным стихоплетом», у которого «паралич мозга» (Н. Вр., 19 сент.); «К. Д. Бальмонт – гений импровизации», – считает Белый; «певучий, моцартовски непосредственный, поэт гениальных случайностей» – характеризует Бальмонта Волошин (Т. 9. С. 24); Бальмонт не только «обогатил русский язык, но нарядил его в богатые экзотические одежды, придав ему особенную пряность». Успех его поэзии «кроется отчасти» в «этой пышности одежды» стихов, сделанных «из столь непрочных материй, что разрушается при малейшем прикосновении», но это «охотно прощается любящему измены поэту», – писал Д. Философов (Нов. П., 1904, № 2); Блок писал, что «точно» определить сущность поэзии Бальмонта невозможно, ее можно лишь «угадать», и что проследивая за его стихами, «решительно не знаешь; есть ли область, в которую нет сил проникнуть поэту», и что «можно, не нарушая цельности на любой странице цитировать Бальмонта; он весь – многострунная лира» (Блок А. «К. Д. Бальмонт. Будем как солнце. Только любовь», Нов. П., 1904, № 1). Сборник разошелся в полгода. Бальмонт–Перцову: «Браните, но не молчите» (Перцов. Лит. восп. С. 199).

В № 6 «Нового Пути» – подборка стихотворений Бальмонта под заглавием «Из книги “Только любовь”»: “Красный цветок”, “Далеким близким”, “Я ненавижу человечество...”, “Как трудно мне на медленном огне...”, “Я заглянул во столько глаз”, “Я нити завязал могучего узла...”, “Я был вам звенящей струной...”, “Отречение”».

В программном для автора стихотворении «Далеким близким» – наглядный выпад против идеологии журнала («Мне чужды ваши рассуждения...») и противопоставление ей стихийного и вольнолюбивого дара поэта: «Вы разделяете, сливаете, не доходя до бытия, Но никогда вы не узнаете, как безраздельно целен я». В письме к Перцову Брюсов иронически писал, что противники журнала когда-то сопоставят эти строки Бальмонта с

напечатанными здесь же протоколами Религиозно-философских собраний (См. Корецкая И. В. «Новый Путь». – Литературный процесс и русская журналистика. <Кн. 2> С. 205); Белый писал: «Бальмонт <...> славил поэта вообще, назвал Мережковскому, вне религии поэзию отрицавшему». И когда Бальмонт «“бросил” о поэте: “Как ветер песнь его свободна!” <...> Мережковский с ленивым презрением <...> бросил в ответ: “Зато, как ветер и бесплодна”» («Начало века». С. 249); Брюсов – «умнее, Бальмонт – гениальнее», – писал Волошин (Т. 9. С. 24); Гиппиус называла стихи Бальмонта «банальными», не очень интересовалась поэтом, считая, что он «мелко плавает» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923. С. 20 –21). Позже Гиппиус поясняла: «Бальмонт был <...> как-то слишком несомненен. Его сразу, без спора, и все решительно, признали тем, чем он был. Им тотчас увлеклись и седовласые адвокаты, и поголовно все барышни <...> Что нам, критикам, было говорить? Бальмонт-сам говорил и за себя, и о себе» (Антон Крайний. «Последние Новости», Париж, 1922, 11 августа. С. 2)*.

В том же номере журнала «Новый путь» – рассказ А. Ремизова «Медведюшка», который Брюсов отметил в числе его «удачных выступлений» («Брюсовские чтения 1980 г.», Ереван, 1983. С. 315). В письме Перцову от 7 июля он пишет, что Ремизов в рассказе «<...> читаемее, чем обычно, но все же трудно» (Лавров. «Русские символисты». С. 37).

3. Гиппиус – статья «Два зверя» – об альманахах «Северные цветы» (М., 1903, изд. «Скорпион») и первом альманахе изда-

* Несмотря на резкие взаимные отзывы и неприятие между Бальмонтом и лидерами журнала, в 1903 г. в «Новом Пути» было опубликовано более 20 его стихотворений и переводов. В № 1 – «Безрадостность», «Ты была мне сестрой...»; № 6 – Из книги «Только любовь»: «Красный цветок», «Далеким близким», «Я ненавижу человечество...», «Как трудно мне на медленном огне...», «Я заглянул во столько глаз...», «Я нити завязал могучего узла...», «Я был вам звенящей струной...», «Отречение»; № 8 – «Из иностранных поэтов» (из Поля Фора, Вильяма Блэйка, Тора Ланге, Аугусто Феррана); № 10 – «Из книги “Только любовь”»: «Что мне нравится...», «Сигурд», «Мои звери», «Маскированный бал», «Так скоро», «К Елене», «Дьявол моря», «Пять пещер», «Полночь», «Сознание, сила и основа» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 151).

тельства «Гриф» (М., 1903). «Оба альманаха <...> не могли бы родиться нигде, кроме Москвы <...> Скорпион старше Грифа, серьезнее и гораздо культурнее <...> Он любит то, чего у нас пока еще никто не любит, – книгу. Он издал По, Гамсуна, “Письма Пушкина”, “Пушкин” (хронологические данные), Шиш-бышевского – издал красиво, заботливо, с любовью. В альманахах он помещает письма и ненапечатанные материалы старых писателей – Крылова, Тютчева. Эта любовь к литературе и спасает, вероятно, Скорпиона от печальной “гармонии” Грифа, который знать ничего не хочет, кроме собственной “неизведанности”» (Нов. П., № 6).

Там же – статья Валерия Брюсова «Из жизни Пушкина». Попытка «выставить на вид» черты живого облика, человеческой индивидуальности Пушкина, который стал для нас «каким-то отвлеченным, нарицательным словом». «<...> для “Нового Пути” я дал самое драгоценное, что у меня сейчас есть <...> статью о Пушкине. Статью эту я отделяваю и оттачиваю с самой весны. Я хотел поместить ее, как предисловие к сборнику писем Пушкина, который издаю <...> я отыскиваю новые черты Пушкина, как человека и поэта <...> каким он истинно был (из п. Брюсова Перцову. Цит. по: Перцов. Лит. восп. С. 306).

Статью Брюсова «пришлось кое в чем смягчить (журнал был под прессом двух цензур – <...> светской <...> и духовной), что весьма огорчило Валерия Яковлевича», – вспоминал Перцов. «Особенно волновал его пропуск указания на “любострастную болезнь” юного Пушкина». 15 июня в письме Перцову Брюсов писал: «Умоляю оставьте “любострастную болезнь” <...> Без нее юный Пушкин не в Пушкина!» (Там же. С. 445). Статья вызвала «изрядное ворчание в литературных и читательских кругах. В ней видели прямо *lesse-majeste* <умаление, принижение> великого поэта. А так как Брюсов числился тогда в “декадентах”, то преступление являлось еще вдвое более тяжким» (Там же. С. 307).

К. Бальмонт – эссе «Тип Дон-Жуана в мировой литературе» (Мир Иск., № 5/6). «Поэт несомненно талантливый <...> в области сказочного <...> фантастического» «своеобразен и интересен», но «на реальной» почве «слаб и беспомощен» (Ю-н. [Н. Н. Вентцель] Н. Вр., 2 июня).

А. Измайлов – «Просвещенные иностранцы о русской литературе» (Бирж. Вед., 19 июня).

В беседе с Мамонтовым Чехов говорит: «торопитесь писать для театра. Общество будет интересоваться театром всего два, много – три года. А там ему будет уже не до театра. Нагрянут в России такие события, которые все перевернут вверх дном». (Мамонтов С. С. «Две встречи с Чеховым». Цит. по: Чехов. ЛЖТ. С. 756).

Из рапорта цензора Ламберта от 6 июня Главному управлению по делам печати о постановке пьес «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня» на сцене народных театров: «Принимая во внимание, что во всех трех пьесах рисуется быт образованных классов в непривлекательном виде, причем безнравственные <...> поступки <...> выводимых автором лиц выставляются в симпатичном свете, вследствие чего не могут не смутить народных воззрений на нравственность, я полагаю бы ходатайство о допущении названных пьес к исполнению в народных театрах отклонить». Резолюция нач. Главн. упр. по делам печати: «Согласен. 7. VI» (ЛЖТ. С. 753).

12 июня умер М. М. Филиппов, редактор журнала «Научное обозрение», публицист, философ, литературный критик.

С. Подъячев – «По этапу (Наброски)» (Р. Бог., № 5–6). Очерки о тюрьме и арестантском этапе, перед публикацией «проредактированные» В. Г. Короленко (Т. 10. С. 363). В. А. Гольцев писал о «потрясающем впечатлении», которое производит это произведение в своей «фактической части», несмотря на художественные недостатки: «Так много человеческого унижения, так много зловещих и ужасающих сцен...» (В. Г. Журнальное обозрение, Р. Мысль, № 8).

Евгений Чириков – «Пьесы (На дворе во флигеле. За славой)», изд. «Знание» (СПб., 1903).

Вышла книга рассказов Марка Криницкого [М. В. Самыгина] «Чающие движения воды» (М., 1903). Критика отметила тягу ав-

тора к изображению болезненной психики, к героям, которые «находятся под властью какой-либо навязчивой идеи или действуют под влиянием темных, для них самих непонятных сил» (Ю-н [Н. Н. Вентцель], Н. Вр., 27 авг.; см. также В. В. Каррик, Р. Бог., 1904, № 3; «В книге чувствуются «позывы <...> нового ветра, который с удаленных вершин Тайны налетел теперь на плоскогорья нашей жизни, нашего искусства»; но пробивается все это «сквозь тяжелую кору отживших приемов» (Аврелий [В. Брюсов], «Весы», 1904, № 5).

И ю л ь

Ф. Крюков – «Из дневника учителя Васюхина (Картинки ста-ничной жизни)» (Р. Бог., № 7). «Очень интересное произведе-ние», хотя и «не достигающее безусловной художественной вы-соты», в котором возникает «антитеза одинокого культурного деятеля и грубой среды» (А. Журнальное обозрение, Р. Мысль, № 9).

В 7-й кн. «Русского Архива» – заметка В. Брюсова «Пушкин. Рана его совести» – об авторстве «Гавриилиады», которое Пуш-кин опровергал в письмах к Вяземскому (опубликованных в Кн. 5 «Старины и Новизны» за 1902 г.).

Брюсов писал, что большинство исследователей отказалось поверить Пушкину, так как «Гавриилиада» «написана пушкин-ским стилем и пушкинским стихом» и что он, Брюсов, не сомне-вается в авторстве Пушкина. Разгорелась острая полемика. Брю-сову возражает Н. Барсуков: «Пушкин не лгал, заявляя в своих показаниях Николаю I, что не он – автор “Гавриилиады”», и предполагать, как Брюсов, что Пушкину в 1828 году «угрожали “сибирские рудники”», значит нанести «оскорбление памяти правдолюбивого Царя, который верил своему поэту» (Р. Вест., № 7); солидарен с Барсуковым Н. Стародум [Н. Я. Стечкин]: «<...> некто Валерий Брюсов избрал себе специальность – гряз-нить память Пушкина», выставляя последнего «мотом, кутилою, картежником, нахалом...»; он «с наглостью невежды <...> тшил-ся доказать, что Пушкин решился на бессовестную ложь перед

императором Николаем I» и тем самым бросил «тень на одну из самых трогательных страниц жизни Пушкина <...> тонкое понимание Государем поэта» (Р. Вест., № 8.); Н. М. Павлов в своей рецензии «Заметки на заметку» предполагает, что Пушкину принадлежат отрывки из поэмы, ничего кощунственного не содержащие; последующая же ее часть «приделана бездарнейшим кропателем <...> подозрительным писакой “запретных стихов”» (Р. Вест., № 10).

В защиту Брюсова выступил В. Каллаш, назвав аргументацию Стечкина «мутным и грязным потоком прямо непристойных ругательств», которая «была очень сочувственно подхвачена и повторена многими органами провинциальной печати» (В. В. Каллаш. «Спор уж взвешенный судьбою. Об авторстве “Гавриилиады”», Р. Мысль, № 12). В августе Брюсов в письме в редакцию «Нового времени» подтверждает свою убежденность в принадлежности «Гавриилиады» Пушкину и выражает сожаление, что со стороны оппонентов «дело дошло до грубой брани» и «что у нас так боятся свободы исследования и так мало уважают свободу мнения» (Н. Вр., 30 авг.).

Вл. П. – статья «Ф. И. Тютчев. (К тридцатилетию со дня кончины)». В частности, о современности Тютчева, о том, «что в “маленькой книжке” его стихов – вся “новая”, молодая литература» (Кур., 15 июля).

В «Новом Времени» в разделе «Среди газет и журналов» приводится отзыв Л. Толстого о марксизме, взятый из сообщений Скрибы [Е. А. Соловьев-Андреевич]: «Что за печальное заблуждение отдать человека в жертву чему-то общему, стихийному и случайному! <...> Посмотрите, как в сущности быстро и сам собою рассеялся марксизм. Никто даже и не боролся с ним. А просто люди поняли, что жить этим книжным увлечением нельзя <...> В свое время я хотел было писать о нем и против него, но когда взялся за перо, то увидел, что и писать уже не о чем» (Н. Вр., 25 июля).

В. И. Попов – Православная церковь по учению наших светских писателей: А. С. Хомякова. Ф. Г. Тернера и В. С. Соловьёва («Вера и Разум». Кн. 1–2, июнь–июль. Отд. церковный).

Дягилев и Философов посетили Чехова, уговаривая его стать во главе «Мира искусства», так как «необходима помощь, подмога человека, стоящего вне нашей кружковщины и вместе с тем близкого нам, ценимого нами», могущего «объединить все искренне ищущее», «Такой человек – Вы» (из письма Дягилева Чехову от 3 июля. – Из архива А. П. Чехова. С. 212; см. также ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 212). Позднее, в августе, Брюсов писал Белому по поводу преобразования «Мира искусства», который «кажется, преобразуется в меньший (по формату) журнал, но со стихами, рассказами, драмами, симфониями. Этот микрокосм будет полнее макрокосма. Положим, пока это секрет, но мне хочется порадоваться» (ЛН. Т. 85. С. 365). В ответном письме Дягилеву от 12 июля Чехов говорит о невозможности сотрудничества с Мережковским, с которым «<...> воз-то мы если и поведем, то в разные стороны», ибо Мережковский «верует определенно, верует учительски», в то время как он, Чехов, «давно растерял свою веру» и смотрит «с недоумением» «на всякого интеллигентного верующего» (Т. 11. С. 234).

Дягилев был готов «принять многое» ради возможности совместной с Чеховым работы над новым журналом вплоть до участия в нем писателей, «близких» Чехову. «Что касается Вашей принципиальной розни с Мережковским и “Новым Путем”, то уверяю Вас, что я сам слишком большой приверженец эстетизма, чтобы принять взгляды поборников нового мистического движения. Должен Вам сказать, что на Мережковского, Розанова и других я всегда смотрел лишь с эстетической точки зрения, и в этом отношении считаю их людьми ценными и талантливymi» (Дягилев – Чехову 26 июля. – Из архива А. П. Чехова. С. 214; см. также: Сергей Дягилев и русское искусство: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 86). Гиппиус в письме к Перцову от 12 июля передавала со слов Дягилева чеховскую реплику: «“Мир искусства” это прелестная 20-летняя девушка, которую хотят убить за то, что она когда-ниб<удь> состарится» (Цит. по: Ежегодник на 1973 г. С. 44).

3 июля Поляков подал прошение на издание в Москве «ежемесячного научно-литературного и критико-библиографического журнала “Весы”»: «из прошения <...> ясно, в 1903 г. скорпионовцы представляли себе “Весы” как журнал чисто критический, <...> призванный пропагандировать “новое искусство” и освещать «культурную жизнь в России и на Западе» (Азадовский К. М., Максимов Д. Е., Брюсов и «Весы». – ЛН. Т. 85. С. 261).

Летом 1903 года Брюсов пишет С. Полякову: «Очень мечтаю о “Весях”. Составил (в уме, конечно) все объявления, все циркуляры, все воззвания <...> Жаль, если пропадет» (Там же). Замысел создания «скорпионовского» журнала появился не позднее 1900 г. «Самая мысль создания “Весов” и “Скорпиона” принадлежала Б<альмон>ту вместе с С. А. Поляковым, давшим средства для этого издания <...> Б<альмон>т привлек уже потом Б<рюсо>ва», – вспоминала жена поэта Е. А. Бальмонт (Цит. по: Лавров А. В., Максимов Д. Е. «Весы». – Русская литература и журналистика начала XX века. М., 1984. С. 66). Начинается подготовительная работа к изданию журнала, в работе которого должны были участвовать также Бальмонт и Белый.

15 июля общественность России широко отмечает 50-летие со дня рождения В. Г. Короленко. Чехов прислал телеграмму: «Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек, сегодня с особенным чувством вспоминаю Вас. Я обязан вам многим. Большое спасибо» (Т. 11. С. 235). Короленко благодарно реагировал на слова Чехова как в ответном письме ему, так и в других письмах тех дней (Там же. С. 544). Телеграмма «мне особенно дорога, – писал он Чехову 29 июля, – потому что я отношу ее не к пятидесятилетию и не к юбилею, а просто к Короленку, который Чехова любит давно <...> и искренно <...> Мы как-то мало встречаемся, но мне не раз хотелось сказать Вам то, что говорю теперь» (Т. 10. С. 380). «приветствия <. .> посылались не только от собратьев по перу; не было, кажется, такого уголка России, откуда местная интеллигенция не сочла бы своей обязанностью ознаменовать так или иначе пятидесятилетие жизни одного из наших славных современников» (В. Б. Из русских изданий, Обр., № 9). В большой статье «Молодое сознание» (Кур., 18, 25 авг., 1,

8 сент.) Треплев [А. А. Смирнов] следующим образом определял своеобразие писателя: «В то время когда наша (да и заграничная) литература все более и более охватывается склонностью изображать души <...> в состоянии старости или утомления, г. Короленко продолжает быть неизменным наблюдателем, другом и поэтом молодого сознания». С общим тоном статей расходилась «Заметка о В. Г. Короленке» Ю. Альда [Ю. И. Айхенвальда] (Р. Мысль, № 8). Отдавая дань «художественному творчеству и <...> общественному делу» писателя, которые «чаруют своей мягкой внутренней красотой», автор статьи находит, тем не менее, что Короленко избрал «предметом своего творчества <...> не самое глубокое и существенное». В его художественном мире слишком много человека, но «не чувствуется космоса»; «слишком ясно и конкретно то реальное, чем недоволен Короленко <...> слишком понятно, что это за огоньки, которые <...> манят его к себе <...> Но он ничего не говорит о тех бесконечно более далеких и недостижимых огнях, по которым от века тоскует неутолимая человеческая душа <...> И потому он не вечен, и потому он не велик». Отзываясь на статью Ю. Айхенвальда, Короленко писал В. Н. Григорьеву 15 сентября: «мое мировоззрение далеко не так узко <...> Я только верю, что впереди будет все светлее, что *стремиться и достигать стоит*, что, кроме нашего маленького смысла, есть еще бесконечно большой смысл, который, однако, преломляется в наших капельках смысла и в наших стремлениях. И я думаю, что эта вера несколько не глупее и не ниже пессимизма <...> А автор, по-видимому, намекает, что мои “Огоньки” – конституция, а затем – я удовлетворен, и искать мне больше нечего» (Т. 10. С. 383). Волжский [А. С. Глинка] в ст. «Вл. Г. Короленко» подчеркивает «особенный интерес писателя к религиозным исканиям все разрешающей истины» (Мир Б., № 7). Житомирская Дума постановила назвать именем Короленко улицу, на которой он родился, а нижегородская – учредила стипендию его имени (Журн. для всех, № 8).

19 июля – открытие мощей Серафима Саровского.

Из письма А. С. Петровского Белому 7 августа: «Очень значительна по бездонно глубокой символичности была ночь на 19 июля. В соборе совершалось открытие мощей. Шла всенощная –

торжественнейший момент. Вся толпа разместилась у стен, так как внутрь не пускали казаки» (Андрей Белый – Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932. М., 2007. С. 62). Белый – в ответном письме: «<...> Саровские торжества выяснили одно: конец все-таки <...> ближе, чем думают». (Там же. С. 66), а в письме Блоку 19 августа пишет: «Только там, Серафим, любовь, где твой голос призывно поднимается из бездны безвременья <...> дорогой Александр Александрович, не бросайте ни Церкви, ни Соловьевских “костылей”» (Переписка. С. 95);.

Бывший в Сарове В. Г. Короленко пишет Чехову 29 июля: «Я только что вернулся от Серафима Саровского <...> старик был хороший. Ехал я в поездах, битком набитых богомольцами, потом три дня шел пешком и наконец ночевал в Саровском лесу, в толпе (где нажил изрядный насморк). Много есть умильного в этом потоке темной веры <...>» (Т. 10. С. 380). На торжества в присутствии царской семьи было много откликов в печати. Газета «Московские ведомости» поместила статью «Серафим Саровский и Лев Толстой», в которой автор под псевдонимом С. Н. Р. пишет, что в этих двух личностях заключались «две грани Боговедения» – «богопреданность» и «безблагодатность» (М. Вед., 16/29 июля).

21 июля Л. Н. Толстой записал в дневнике: «Думал о том, что для выражен[ия] всего моего отношения к власти недостаточны ни формы рассуждения, ни обращения, ни художественного произведен[ия], а нужна новая форма. Может быть, я ищу ее» (Т. 54, С. 187).

26 июля Бальмонт посылает «Гимн солнцу» Чехову с просьбой поместить его в «Русской мысли» «Я не решаюсь послать этот гимн Виктору Александровичу <Гольцеву> непосредственно» (Вопросы литературы, 1980. № 1. С. 124). Чехов исполнил просьбу и переслал рукопись В. А. Гольцеву, отметив, что «стихотворение хорошее» (Т. 11. С. 239). Но несмотря на его рекомендацию, стихотворение напечатано не было, так как Гольцев нашел его «растянутым и чересчур напыщенным» (Там же. С. 550).

Б. Лазаревский – «Повести и рассказы». М., тираж – 3600. И в критических, и в сочувственных отзывах отмечалось заметное влияние Чехова (Ашешов Ник., Обр., № 10; М. С. [М. А. Славицкий], Кур., 29 дек.; Р. Бог., 1904, № 2).

Н. Геккер – критический очерк «Леонид Андреев и его произведения» (кн-во М. Козмана, Одесса, 1903).

В. В. Розанов – «Юдаизм» (Нов. П., № 7–12).

Антон Крайний [З. Гиппиус] в статье «Вечный жид (По поводу “Юдаизма” В. В. Розанова)» пишет: «Прочел <...> и ужаснулся <...> Великая религиозная жажда должна быть у Розанова, если он решается утолять ее даже в таком источнике <...> Сам того не подозревая, Розанов и здесь, своим незаконным возвратом к жалким обломкам Израиля, – служит Христианству в его грядущем, еще не известном проявлении» (Нов. П., № 9; см. также Стечкин Н. Я. Журнальное обозрение, Р. Вест., № 11, подп. Н. Я. Стародум; Л. П. «Брак или девство», Нов. П., № 11 и др.).

К. С. Станиславский, обеспокоенный здоровьем Чехова, пишет Книппер: «Мы огорчаемся за <...> Ант[она] Павл[овича] и его окружающих <...> Как ни верти, а наш театр – Чеховский, и без него нам придется плохо» (Чехов. ЛЖТ. С. 759).

В письме Э. Метнеру от 25 июля Белый дает разъяснения по поводу посвященного Брюсову стихотворения «Маг» (1903 г.): «Среди официальных выразителей магизма <...> пальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который “играет роль” с чувством, с пафосом, исполняя свою миссию (миссию показного мага) перед целой Россией, и, конечно, заслуживает уважения <...> ибо он же – громоотвод, принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу мужиковато удивляющуюся толпу не удивляться» (Цит. по: Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. С. 458).

Усиливаются разногласия Белого и Блока с редакцией журнала «Новый Путь» (начавшиеся с отказа напечатать статью Бело-

го «О религиозных переживаниях»). В письме Э. Метнеру от 25 июля Белый пишет: «<...> у нас с “Новым Путем” глухие и продолжительные неладья <...> Вот почему уже месяцев 5 я принципиально не печатаюсь в “Новом Пути”, несмотря на просьбы Мережковского и Перцова, которые выказав много пристрастности и тенденциозности, оттолкнули меня от себя (не как люди, а как деятели)» (Цит. по: Лавров А. В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома. – Ежегодник на 1979 г. Л., 1981. С. 44).

Из письма Брюсова Белому: «Мне за вас страшно. Я слишком верю в вас. Что до меня, например, я могу писать и в “Пути”, и в “Архиве”, и даже “Бог знает” где, как могу целовать всех женщин и не женщин, могу доходить до последних пределов позорного. Вы этого не можете <...> в этом-то все ваше безмерное преимущество надо всеми нами. Все входит в вашу душу до самого ее дна. У нас есть временные слова, которые мы забываем. Вы говорите только вечные слова, только слова навеки. Нет, вам нельзя быть литератором. Что же вам делать? – Не знаю» (после 1 августа. ЛН. Т. 85. С. 362).

А в г у с т

В № 8 «Нового пути» – стихотворный цикл Волошина из пяти произведений: «Охота», «Пустыня», «Тангейзер», «Венеция» и др., опубликованных при посредничестве Брюсова. Волошин писал в автобиографии: «Настоящие литерат<урные> дебюты “В вагоне” <...> и цикл парижских стихов в “Новом пути”» (Т. 7. Кн. 2. С. 227). Уже в следующем номере журнала появился отрицательный отзыв З. Гиппиус о его стихах (Нов. П., № 9).

«В августе г. Перцов любезно представил нам поэта Макса Волошина, в сентябре тот же г. Перцов спустил Антона Крайнего <...> уверяющего тех же читателей, что Макс Волошин – поэт-комми-вояжер», – пишет Волошину А. М. Петрова (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 285). В статье Гиппиус отзывается о стихах Волошина как образчике «заемного, эклектичного, неглубокого творчества», а их автора причисляет к «поэтам-комми-вояжерам», кото-

рые отличаются «<...> пустотой воздушности, дешевизной и непереносной <...> пошлостью»; они с «необыкновенной легкостью» наряжаются «во всякие одежды, извне, издали, очень современные, – и с первым прыжком» сбрасывают их, «запылив» (Антон Крайний. «Нужны ли стихи?», Нов. П., № 9). Волошин в письме Брюсову (от 14 октября) пишет, что его стихи в процессе редактуры «подверглись» столь серьезным «искажениям», что он отказывается их «считать своими <...> Мне жаль, что я позволил напечатать свои стихи» (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 283, 284). Правка была сделана Перцовым, который позже в письме Брюсову (в марте 1904 г.) упоминал о волошинских «несчастных» «куплетах», которые он «так неудачно штопал» (Там же. С. 285). «Помню его первые стихи, – писал Бунин, – судя по ним, трудно было предположить, что с годами так окрепнет его стихотворный талант, так разовьется внешне и внутренне. Тогда были они особенно характерны для его “влечения к словам”» (И. Бунин. «Волошин». – Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1992. С. 334). «Он умен и талантлив, не гениален», – отозвался о Волошине Брюсов (Дневники. С. 135). «<...> иные умаляли значение стихов его, пока печатные книги не выпрямили впечатление, что интерпретатор Волошин – настоящий поэт <...>» (Белый. «Начало века». С. 253)

В. Брюсов – стихотворение «Двенадцатый час» («Да! пробил последний, двенадцатый час!») (Р. Листок, 3 авг.). Стихотворение сопровождалось эпиграфом «Настал последний, двенадцатый час...», взятым из передовой статьи газеты «С.-Петербургские ведомости» от 29 июля, где говорилось: «Слишком давно Святая София тоскует о русском кресте <...> славянские народы стоят на распутье: настал последний, двенадцатый час <...>» (Т. 1. С. 618). 2 августа Брюсов писал Перцову: «А какие события на Балканах! Какие темы для политик!! Я же написал только стихи в духе Тютчева» (Там же). Стихотворение вызвало иронический отклик в газете «Курьер» (от 12 авг.).

Тан [В. Г. Богораз] – «Восемь племен. Роман из древней жизни крайнего северо-востока» (Мир Б., № 5–8). «Автор с любовью и знанием изобразил древний мир северных кочевников и

оленеводов и на этом фоне написал несколько ярких сцен <...> Он написал их рукой не первоклассного мастера; вы слишком чувствуете, что в нем сильнее археолог и этнограф, нежели художник, и все-таки они оставляют в вашей фантазии живой след...» (А. Журн. обзор., Р. Мысль, № 9).

Роман Д. П. Голицына (Муравлина) «На Руси» (Р. Вест., № 7–8).

А. Вербицкая – повесть «Злая роса» (Обр., № 3–8). Неодобрительно отозвался о повести Ю. Айхенвальд, сочтя образ главного героя «плоским» и поверхностным. Удачны, по мнению критика, лишь страницы, где автор «не сочиняет, не мудрствует» (А., Р. Мысль, № 9).

В № 8 «Образования» опубликован рассказ М. Арцыбашева «Паша Туманов» (первоначальное название «В паутине»). Сначала рассказ был принят в журнал «Русское богатство», но не был напечатан по цензурным соображениям («Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь». М., 1989. Т. 1. С. 113).

В газете «Юг» (Херсон) напечатаны стихотворения в прозе Ремизова «Чайка» (12 авг.), «Лепесток» (14 авг.) и стихотворение в прозе Ст. Пшибышевского «Памяти Шопена» в переводе Ремизова (9 авг.).

М. Протопопов – статья «Критики-эстетики» (Р. Мысль, № 8). С «кратким возражением на длинную статью» выступила Гиппиус. «В последней, августовской книжке “Русской Мысли” г. Протопопов очень много написал об эстетике. Сегует, что она все еще жива», хотя «уж более сорока лет прошло, как Добролюбов, торжествуя, уверял, что она гибнет, а “через несколько лет после него Писарев еще более уверенным тоном говорил о разрушении эстетики”. Да, более сорока лет прошло, а уверенные пророчества не исполняются. Я понимаю, что верующим ученикам этих пророков должно быть горько<...>» (Антон Крайний. «Г. Протопопов и красота», Нов. П., № 9).

Антон Крайний – статья «Слово о театре» (Нов. П., № 8), в которой Московский Художественный театр называется «истинным кладбищем театрального искусства». Чехов и Горький в своем стремлении «сделать искусство тождественным с жизнью» «сильно подвинули русский театр <...> к его последнему концу <...> Падают листья. Люди пьют чай с вареньем. Раскладывают пасьянс. Очень скучают. Поет и тихо долго хохочет пьяненький. Опять скучают. <...> Потом опять пьют чай, скучают и, наконец, умирают, иногда от болезни, иногда застреливаются. <...> Принцип Художественного театра <...> вбить его <искусство> в жизнь, сравнять, сгладить с жизнью <...> Художественному театру удаются лишь пьесы, отвечающие этому принципу, преимущественно пьесы Чехова (последнее время Горького) <...> Никакого вымысла! <...> Смерть искусству!», пишет Гиппиус.

Критика не осталась в стороне: в фельетоне «Антон Чехов и Антон Крайний» Гулливер [К. М. Михайлов] расценил как «резонерское политиканство» статью Гиппиус с нападками на Чехова, этого «“Суворова” современной сцены. Создавайте новые пути, увлекайте за собою молодежь <...> Но не посягайте на талант <...> Чехов – сын своего времени <...> не в отрицании его искусства и его таланта наша победа, а в создании нового искусства и новых условий его процветания» (Хроника «Мира Иск.», № 10. С. 98–99); Н. Ашешов высмеивает извечное стремление журнала «лететь в метафизическую высь <...> в этой области он тоже ищет новых путей. Лидером литературно-критического отдела в журнале является г. Антон Крайний – мужчина (если он – мужчина) развязный, разухабистый, веселый <...>. Он напоминает Алешку, сапожника из пьесы М. Горького “На дне”, и эпиграфом всех своих писаний мог бы взять слова этого разудалого парня: “Ничего не хочу – и шабаш... не желаю, не хочу...”» (Обр., 1904, № 4).

Статья В. Розанова «Среди иноязычных. (Д. С. Мережковский)» (Мир Иск., № 7/8; была перепечатана в № 10 «Нового Пути»).

Автор считает Мережковского выдающимся мыслителем, в трудах которого «мир древний и новый становятся один к дру-

гому в совершенно новое отношение, еще ни разу не показанное в истории», но при этом остается никем непонятым, иноязычным, чужестранцем в своей стране, между тем как этот писатель «ни в одном народе, кроме русского, не видит <...> интереса, занимательности, содержания». С возражениями выступил Д. Шестаков в статье «Мертвые языки» (Мир Иск., № 9).

Ник. Бердяев – «Политический смысл религиозного брожения в России» (Осв., № 37, 38). «От вершин интеллигенции (в лице национального героя мыслящей России Льва Толстого) и до низин народных оно (русское общество) сознательно и самочинно творит культуру, работая над разрешением высших ее задач – религиозных, выдвигая их как христианство первых веков и реформация нового времени рядом и в связи с проблемами моральными и социальными. Этой особенности нашего времени – упорной работе народного сознания над религиозной проблемой <...> мы придаем огромное значение: в ней видится нам явственный знак культурной зрелости русского народа в его целом и благое предзнаменование широкого подъема национальной культуры», – пишет Бердяев.

В. Розанов – «О некоторых подробностях церковного воззрения на брак». Лекция, прочитанная на 13-м Религиозно-философском собрании (Нов. П., № 8).

Н. Минский в статье «О двух путях добра» (Два доклада, прочитанных в Петербургских религиозно-философских собраниях) полемизировал с Розановым по вопросам брака, утверждая, «что все новые поэты воспевали не только радости любви, но и разочарования от любви», и «что пессимизм европейской литературы не что иное, как отрицание любовничества и жажда целомудрия» («Северные цветы. Третий альманах»); С. Соловьев пишет Блоку: «<...> с Минским согласен. Розанова он разбивает совершенно и вполне справедливо<...> Согласно рецепту “цинического мистика”, великий обряд венчания <...> следует заменить символами Мирры Лохвицкой, или кого-нибудь из компании <...> Недавно один мой знакомый женился и после свадьбы уехал куда-то на три дня со своей женой, и они захватили с собой томик... Короленки <...> как много еще придется де-

лать усилий, чтобы мир преобразился» (п. от 1 сентября – ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 339; см. также п. Соловьева Белому от 20 сентября. – Там же. С. 340).

В «Новом Пути» (№ 8) помещена статья В. Брюсова «Папство» (подп. Вал. Бр.) – последнее из его политических обозрений, печатавшихся в журнале на протяжении года (в № 1, 2, 3, 5, 8). Об этих обозрениях, отличавшихся славянофильскими тенденциями и политическим консерватизмом, Брюсов говорил позднее в своей автобиографии как об «особенно неприятном» воспоминании (История русской литературы XX века. Т. I. М., 1914. С. 114). Поначалу Мережковские отказались публиковать ее, посчитав слишком «правой», затем статья вышла, но, по свидетельству Брюсова, «в искаженном виде, обесмысленная» (Дневники. С. 133).

По поводу своих политических обозрений в «Новом Пути», которые Мережковский и Гиппиус считали «ретроградными», Брюсов пишет Перцову 28 июля: «Я думаю, что предан своей “свободе” (и политической)», «переворота» желаю, «но только не для того, чтобы перестроить Русь на западный образец, а чтобы на Западе уничтожились все образцы. Таков смысл моих политик. Если это ретроградно, я смиряюсь. Но славить социализм и интернационализм все же не стану...» («Печать и революция», 1926. Кн. 7. С. 41), а в письме от 2 августа сообщает, что решил «политик более для “Н<ового> П<ути>” не писать» (ЛН. Т. 27/28. С. 294). Позже он писал Венгерову: «Я почти не ответствен за свои “политические обозрения” в “Н. Пути”. Они всегда были “инспирированы”<...> но и после того редакция находила возможность делать в них такие изменения <...> что воистину я не могу признать их выражением своих убеждений. Жалею, что подписывал под ними свои инициалы. Меня соблазнило желание показать, что я не так чужд вопросам общественным, как думают» (Там же. С. 279).

П. А. Флоренский – «О суеверии» (Нов. П., № 8). Первоначальное название статьи было «О суеверии и чуде»; в ней Флоренский противопоставляет суеверие вере, утверждая, что отличие заключается не в самом факте чуда, а в точке зрения. «Важ-

но <...> как субъект суеверия, суевер, относится к своему представлению» (Флоренский П. А. «О суеверии и чуде». – Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 47). Отличие веры от суеверия поэтому заключается не столько в содержании, сколько в форме: «Чудо – в отношении к факту», ибо сами по себе факты природы и факты духовной жизни не разнятся между собою, разница между ними заключается «в способе отношения к этим фактам» (Там же. С. 52–54).

В. В. Розанов – статья «Ив. Сергеевич Тургенев. (К 20-летию со дня смерти)» (Н. Вр., 22 авг.). Значение писателя Розанов видит «в полной и удивительной гармонии не гениальных, но необыкновенно изящных способностей <...> свое высокообщечеловеческое развитие, до некоторой степени универсальную по интересам душу, он до того пропитал запахом полей русских, складочками русского темперамента, особыми приемами русского ума, что, как ни в ком еще, всемирное и русское в нем срослись, соединились, сроднились. Мы не можем назвать еще ни одну фигуру в нашей литературе, где “европеец” и “русский” кончались бы так незаметно, так неуловимо один в другом». 20 сентября в письме Белому Соловьев пишет: «появилась недавно весьма недурная его <Розанова> статья о Тургеневе. В “Новом времени” он, видимо, подтягивается и не дает простору астартическим кликушествам, зато не так ярок и силен <...>» (Цит. по: ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 340).

И. Соколов – «Деревенская молодежь в ее песнях-частушках» (Бирж. Вед., № 2, 9, 16). Автор выступает в защиту частушки от тех, кто видит в современном народном творчестве лишь «извращение творческой мысли и фантазии». «Современные песни» – «краткие, образные, смелые обобщения живой мысли, чувства».

9 августа Толстой пишет в дневнике: «Написал в один день Дочь и отец [“После бала”]. Не дурно» (Т. 54. С. 189).

28 августа – 75-летие Л. Н. Толстого. «Поздравления прямо тяжелы и неприятны – неискренно земли русской и всякая глу-

пость» (запись в дневнике Толстого от 3 сент. Т. 54. С. 190). Перед журналистами стояла дилемма: с одной стороны, имя юбиляра придавало вес и популярность изданию, с другой – цензура придиралась к каждому слову и самого Толстого, и к сказанному о нем.

Юбилей Толстого (как и прежние юбилеи) не был отмечен официально. Сообщения о том, что «все органы печати – без различия направлений – приветствовали великого художника», что «со всех столбцов всех органов русской печати» (Приднепр. Кр., 6 сентября) неслись восторженные похвалы гению Толстого, были явным преувеличением. «Чем ознаменовала Москва <...> Глубокий старик вправе был ожидать чего-нибудь больше письменных поздравлений и не ахти каких газетных статей», – пишет журналист «Нового времени», сетуя на отсутствие со стороны правительства «корпоративных знаков уважения» Толстому в день его 75-летия» (Н. Вр., 6 сентября).

22 августа Горький пишет К. П. Пятницкому: «Андреев читал Шаляпину свой рассказ для сборника – «Жизнь о. Василия» [«Жизнь Василия Фивейского»]. Шаляпин говорит: «Удивительная сильная вещь, я ревел, как баба» (Т. 3. С. 190).

17 августа – венчание А. Блока и Л. Д. Менделеевой. Шафером со стороны жениха был С. Соловьев. Белый от приглашения Блока быть шафером со стороны невесты отказался (См. Переписка. С. 82; см. также ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 203 и Кн. 1. С. 334–336). Гиппиус и ее друзья не сочувствуют свадьбе Блока и находят в ней «дисгармонию» с его стихами. Блок пишет отцу: «Для меня это несколько странно, потому что трудно уловить совершенно рассудочные теории, которые Мережковские неукоснительно проводят в жизнь <...> Главное порицание высказывается мне за то, что, я будто бы, “не чувствую конца”, что ясно вытекает (по их мнению) из моих жизненных обстоятельств» (Письма Александра Блока к родным. <Т. 1>. Л., 1927. С. 86–87). Из письма Петровского Метнеру от 27 августа: «<...> Блок женился на “Прекрасной Даме” <...> Сережа Соловьев, бывший на свадьбе, говорит, что она действительно то, за что выдает ее нам

ее рыцарь (написавший, кстати, несколько новых, превосходных стихотворений)» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 205).

Усиливаются разногласия Брюсова с редакцией журнала «Новый Путь».

Брюсов пишет Мережковскому: «<...> “антиэстетичность” Н[ового] П[ути] я никак не могу признать кажущейся. Увы! Это очень реальная опасность. И вот с этой-то реальностью, необходимость которой я так и не признаю, мне так трудно примириться» (Цит. по: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 26). В августе – в письме Белому: «Читаете ли вы “Новый путь”? Он падает, <...> все безнадежнее и жалче. Вычтите Мережковского, Минского, Розанова (и случайных, вас, меня, Бальмонта) – все остальное – позор и мерзость» (ЛН. Т. 85. С. 362); в следующем письме Брюсов пишет, что «разочаровался в “Новом пути” еще, и еще, и даже еще» и что «Мережковские не могут допустить рядом с собой никакой мысли». Антон Крайний поносит беллетристику «Русского богатства», но никогда «Русское богатство» не падало так низко, чтобы допускать на свои серые страницы ту позорную дрянь, которую горделиво печатает “Новый путь”. Еще немного – и мне будет стыдно, что я имел что-то общее с этим “тощим” журналом, раздувающимся как лягушка, чтобы стать – увы! – толстым» (Там же. С. 365; см. также письмо к Гиппиус – Там же. С. 366).

Белый высылает в «Скорпион» рукопись книги «Золото в лазури»: «Я включил туда несколько лирических отрывков в прозе, ибо если им не здесь место, то – нигде» (п. Брюсову от 9 августа. – ЛН. Т. 85. С. 363). В том же письме он пишет о своих мистических переживаниях и желании уйти «из мира». «Это единственное дело. А всякие “новые пути” – фикция, трафарет» (Там же. С. 364).

28 августа выходит составленный Л. Н. Толстым сборник «Мысли мудрых людей на каждый день» (изд. «Посредник». М.). Буренин восхвалил сборник Л. Толстого как книгу «глубочайших просветителей человечества» в противопоставление «наглой глупости», «самоуверительному невежеству и пустому

верхоглядству» «нынешних мнимо-выдающихся сочинителей» а la Горький, «рифмоплетов Бальмонтов, Брюсовых, Гиппиус, беллетристов Андреевых, Сологубов и проч.» («Критические очерки», Н. Вр., 19 сент.).

О. Н. Ольнем [В. Н. Цеховская] – «Очерки и рассказы», изд. «Общественная польза». СПб. <1903>, тираж – 3100.

Э. М. (де) Вогюэ – «Максим Горький, его личность и произведения». Критический очерк, дополненный мнениями русских критиков: Андреевича, Измайлова, Минского и др. М., тираж – 6000. А. Измайлов, «иронически характеризуя вышедшие в России книги о Горьком, в которых “один критик, точно намеренно, говорит диаметрально противоположное другому”, противопоставляет им вышедшую в русском переводе книгу Вогюэ, в которой действительно “выражена суть напряженных чаяний, какие возлагает интеллигентная Русь на своего писателя”» («Литературные мелочи», Бирж. Вед., 14 авг.).

В. В. Розанов – «Семейный вопрос в России» (Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятия незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия). С рисунками в тексте. Т. 1 и Т. 2 (СПб., 1903, по 1200 экз.).

Белый писал: «Я ценю Розанова», но «ведь нельзя же в сотый раз и все в тех же выражениях все то же писать <...> Брюсов верно пишет мне: “Он (Розанов) прилагает свои откровения <...> к вопросу о петербургских мостовых. Не разобрав в чем дело, он при всяком стечении народа начинает кричать: “Что? Пол? Мистическая тайна брака?” <...> Губит, губит Розанова многописание и благодушество. А это редкий, блестящий, несравненный талант <...> А потом зачем он религией прикрывается и почтенных протоиереев морочит?»» (п. Блоку от 19 августа. Переписка. С. 93); «Читая Розанова, надо помнить всегда <...> основную его черту – “окрыление”», в отличие от «грубой и материальной» критики толпы, которая видит в Розанове «развращение, где есть лишь возвращение назад к мечтающейся критике-поэту полной семье прошлого, семье-природе, семье-храму», – писал Д. Шестаков в статье «Печальный и мужественный автор» (Хроника «Мира иск.», № 9); Брюсов – Белому: «Даже

Розанов, в лучших условиях, при том исключительном даре, что хороши у него только импровизации, что прелесть его письма именно в неотделанности, даже Розанов гибнет от многописания. Он повторяет в сотый раз все те же приемы речи, которые были в первый раз так «божественны» и которые превращаются в розановский трафарет» (Цит. по: ЛН. Т. 85. С. 362).

Николай Энгельгардт – «История русской литературы 19-го столетия. Т. 2 (1850–1900)» (Спб., изд. А. С. Суворина, тираж – 2520).

«Давно уже в нашей литературе <...> не появлялось произведение, которое бы так художественно соединяло самоуверенную наглость тона с невежеством и безграмотностью» (Р. Мысль, № 12. С. 130); «литературная стряпня» (Мир Б., № 9. С. 82); «Собакевичем» и любителем «шельмовать» именуется автор в своем фельетоне А. Измайлов («Интервью с Собакевичем», Бирж. Вед., 13 мая). Рецензент «Русского Вестника», напротив, считает, что «труд отличается полным беспристрастием» (М., Р. Вест., № 11. С. 325).

С е н т я б р ь

В № 9 «Нового Пути» – цикл из 12 (программных для журнала) стихотворений З. Гиппиус («Белая одежда», «Костер», «О вере», «Ограда», «Цепь» и др.), с призывом поиска новой религии и непременным для новопутейцев оптимистическим религиозным звучанием (См. Корецкая И. В. «Новый Путь». – Литературный процесс и русская журналистика. <Кн. 2>. С. 196–198).

Брюсов называл журнальные стихи Гиппиус того времени «лампадными», а о ней писал: «была когда-то поэтом и перестала быть» (п. Белому, авг. 1903 г. – ЛН. Т. 85. С. 365); «<...> поэзия Гиппиус – маленькая строгая часовня, безмолвная, сумеречная, в тишине которой чувствуется сосредоточенно-глубокая, немая и незримая жизнь в Боге» (Абрамович Н. Я. Лирика З. Н. Гиппиус. – Нов. П., 1904, № 8); Волынский называл Гиппиус «<...> самой типичной фигурой среди декадентов <...> это декадентка ощущений. Все, что она изображает и описывает, представляет собою какую-то тонкую ткань или, вернее сказать,

паутину ощущений, сквозь которую она и смотрит на мир» («О Зинаиде Гиппиус») Волинский. С. 190–193). «Поэзия Гиппиус с точки зрения психологии – это поэзия пределов <...> Отсюда такая антонимичность тем, почти ни у кого из наших поэтов не встречающаяся <...>», – писала М. Шагинян, отмечая в то же время дидактический характер религиозных стихов Гиппиус (Альциона, 1912. С. 7); Белый считал, что «<...> символистами умалена роль поэзии Гиппиус: для начала века; разумею не идеологию, а стихотворную технику; ведь многие размеры Блока эпохи “Нечаянной радости” ведут происхождение от ранних стихов Гиппиус» («Начало века». С. 204). Сама Гиппиус стихи свои не любила, неохотно их печатала и уверяла, что «никогда <...> не умела писать стихов» (Лавров. «Русские символисты». С. 17).

Федор Сологуб «Жало смерти. Рассказ о двух отроках» (Нов. П., № 9).

Отклики в основном отрицательные. «Всеми детьми в его рассказах овладевает бешеная мания смерти» (А. Б. [Богданович А. И.] Ф. Сологуб. «Жало смерти», Мир Б., 1904, № 11); «Когда автор и ему подобные копаются в тонких изгибах извилистой, перекошенной, упадочной души, это только скучно или смешно, но когда для чего-то автор из своих рассказов делает какое-то детское кладбище, где хоронят несуществующих детей-самоубийц, чтение становится отвратительным» (Иллюстр. Прилож. к газете «Новое время», 14 (27) июля); Измайлов полагал, что писатель описывает течение «болезней психически ненормальных детей <...> Но нужно ли вносить все это в область искусства, есть ли здесь над чем работать художнику, имеют ли эти исключительные, субъективнейшие случаи хоть какой-нибудь характер типичности <...>, – все это большие вопросы» (Измайлов А. «Литературные заметки», Бирж. Вед., 8 октября); «рассказы Сологуба большей частью раскрашены в пестрые цвета жизни», – писал Блок, – а его богатый и гибкий язык «близится к гоголевскому» (Т. 5. С. 160); Белому проза Сологуба этого периода казалась «квинтэссенцией декадентских переживаний» («Начало века». С. 128); Адамович писал: «В прозе Сологуб таков же, как в стихах <...> наиболее долговечным в этой части

его творчества окажется не “Мелкий бес”, а его детские рассказы – такие как “Жало смерти”, с их дикой, жуткой мечтой» (Адамович Г. «Федор Сологуб», Дни (Париж, 1927. 18 декабря).

А. Н. Будищев – роман «Солнечные дни» (В. Евр., № 7–9). Вл. Боцяновский дает положительную оценку роману, автор которого «казнит <...> позитивистов и нищезанцев»; «представителей низменного реализма» – «не идеологов этого направления, а большинство их последователей» («Критические очерки», «Русь», 19 июля).

Антон Крайний [З. Гиппиус] – статья «Нужны ли стихи?» (Нов. П., № 9).

Автор пишет о «бесполезности» и «ненужности» современной поэзии, видя причину этого – не в «бездарности» ее, а во времени, «к которому принадлежат» и авторы и читатели. Это время, когда «каждое “я” сделалось особенно одиноким, оторванным от других “я”, и потому для других непонятным, ненужным». Идет поиск «*своих звуков* <...> *своей* пока одинокой молитвы. Они ищут <...> Кто-нибудь найдет. Но все-таки это будет несовершенная и никому не нужная молитва – потому что одинокая».

В том же номере статья Андрея Белого «О теургии», в которой говорится о важности «мистерии» человеческих отношений как прообразе «мистерии» вселенской. «Заговорили сущности. Сдернута маска – повсюду удивленные, удивляющие, незамаскированные лица» (Нов. П., № 9). Брюсов писал Белому около 20 сентября: «“О теургии” не совсем меня удовлетворило. Там и сям что-то начато говорить, но не договорено, не высказано, оборвано, сбито <...> неубедительно; особенно начало – конец сильнее. Есть непростительные промахи <...> вся статья осталась ненаписанной<...>» (Цит. по: ЛН. Т. 85. С. 368–369). В ответном письме Белый признается Брюсову, что сознает «бесцветную фальшивость и серединность» написанной «наскоро» заметки и сожалеет, что редакция не сочла «возможным печат-

тать» его предыдущую, «истинную» «по тону», статью^{*}. В письме П. Перцову от 6 октября Брюсов называет статью Белого «О теургии» «гимназическим упражнением», удивляясь, «как могли ее хвалить Мережковские?» (Там же. С. 369). Д. Философов полагал, что статья Белого свидетельствует «о большой, метущейся и стремящейся к Богу, душе. Здесь подлинный дух пророчества» (Хроника «Мира Иск.», № 15. С. 165).

В «Критических очерках» В. Буренина – насмешливые нападки на «цвет и надежду литературы “нового стиля”» – Горького, «рифмоплетов Бальмонтов, Брюсовых, Гиппиус, беллетристов Андреевых, Сологубов и проч.» (Н. Вр., 19 сент.). 19 сентября Чехов пишет Книппер: «“Новое время” продолжает пощипывать Горького: боюсь, как бы скандала не вышло» (Т. 11. С. 251).

Статья «Новейшая русская литература в средней школе» (Р. Вед., 13 сент.). О «пренебрежительном отношении школы к нашей литературе», о том, что история русской литературы поставлена в школе «ненаучно и непедagogично», что изучение русской литературы заканчивается на Пушкине и Гоголе, между тем как «изучение в средней школе писателей послегоголевского периода – давно назревшая <...> общественная потребность».

М. Гершензон – очерк «Лирика Н. П. Огарева» (В. Евр., № 9). Цель: «напомнить о забытом лирике и выяснить характер его творчества», основной мотив которого – в «страстном позыве к вечной красоте», раскрытом «в форме стремления к гармонии личного чувства» (С. 312).

Толстой пишет в дневнике 3 сентября.: «Разговаривая о Чех[ове] с Лазаревским, уяснил себе то, что он как Пушкин двинул вперед форму. И это большая заслуга. Содержания же, как у Пушк[ина], нет. Горький – недоразумение» (Т. 54. С. 191). Бывший в сентябре в Ясной Поляне Б. А. Лазаревский так передавал

^{*} «Предыдущая» статья Белого «О религиозных переживаниях» была отклонена журналом, по причине ее «непонятности» (См. об этом: письмо Блока Белому от 20 марта. – Переписка. С. 54).

слова Толстого: «Чехов – это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил и сам, так и в рассказах Чехова...» (Там же. С. 530).

Запись, сделанная в дневнике Толстого от 6 сентября: «Был Добролюбов, христиански живущий человек. Я полюбил его» (Т. 54. С. 191).

В сентябре празднуется юбилей – 25-летие литературной деятельности В. Г. Короленко. «Торжественное празднование в Полтаве и во многих городах» (Т. 10. С. 602).

20 сентября в Петербурге прошел вечер в честь писателя с участием Горького, Куприна, Бунина, Михайловского и множества студенческой молодежи (Бирж. Вед. 22 сент.). 21 сентября Горький пишет Е. П. Пешковой: «Вчера был литературный вечер в честь Короленки. Я сглупил и пошел с Чириковым, Буниным и К. П. Пятницким. Публика увидела и начала беситься. Спрятался в артистической, где меня сухо и холодно приняли Вейнберг, Михайловский, Анненский, Шапир и иные. Сейчас же стали применять экстренные меры для скорейшего удаления меня с этого вечера» (ЛЖТ Бунина. Т. 1. С. 514). Короленко на вчерашнем не было, он находился в Полтаве.

Из письма Бальмонта Миролубову от 25 сентября: «Меня цензура порадовала: запретила “Балладу” Уайльда [«Баллада Реддингской тюрьмы»]. Я должен, как с “Будем как Солнце”, предпринимать снова долгий поход против глупцов <...> мне так хочется говорить своими строками не с надоевшей мне кликой “поклонников”, “поклонниц” и “друзей”, а с неизвестными, с тысячами...» (Лит. Арх. 5. С. 158).

Горький – Е. Пешковой 29 сентября: «Л. Андреев прислал длинное письмо. Очень хорошо написано <...> Он – талантлив, как сатана» (Т. 3. С. 202).

А. Вербицкая – «Чья вина?». Повесть в 2-х частях. М., 1903, тираж – 5000.

Критика отмечала, что «идеи автора <...> имеют громадную ценность и должны быть положены в руководство каждой женщины» (Краснов Пл. Идейная писательница, Литературные ве-

чера «Нового мира», 1903, № 5. С. 237), хотя порой все «доходит до крайности» и борьба выливается в «целую драму с воплями и припадками» (Миртов О. [О. Э. Котылева]. Апофеоз догматов, Обр., 1907, № 1). Сама Вербицкая себя причисляла к идейным писательницам, отмечая, что литература никогда не была для нее целью, а только орудием борьбы.

Евгений Жураковский – Симптомы литературной эволюции. Критические очерки: М. Горький, Л. Андреев, В. Гаршин, Е. Баратынский, П. Бомарше, Лев Толстой (Т. 1. М., 1903). Критика в ироническом ключе писала, что Жураковский «не имеет определенных взглядов» и «неустанно морализирует в духе детских прописей <...>» (И. Власов. «Современный “критик”!», Кур., 29 сент.). В том же ключе статьи: Х. И. (Р. Мысль, № 11); Евг. Л. [Е. А. Ляцкий] (В. Евр., № 12).

Сергей Булгаков – От марксизма к идеализму. Сб. статей 1896–1903 (Спб., 1903, тираж – 3000) – одно из наиболее демонстративных выступлений нового религиозно-философского движения в России, представленного – в том числе – некоторыми из бывших так называемых «легальных марксистов». В сборник вошли статьи: «О закономерности социальных явлений», «Закон причинности и свобода человеческих действий», «Хозяйство и право», «Иван Карамазов как человеческий тип», «Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева» и др. Под одной обложкой в сборнике объединены статьи, в которых отстаивается идеализм (с четвертой по десятую), и статьи, написанные в защиту марксизма (три начальных). «За это время, – признается Булгаков, – мое общее мировоззрение претерпело значительные изменения – я перешел “от марксизма к идеализму”». В предисловии к сборнику он писал: «<...> Я стремился верою и правдою служить марксизму <...> Но совершенно помимо моей воли и даже вопреки ей выходило так, что, стараясь оправдать и укрепить свою веру, я непрерывно ее подрывал».

Основные сомнения закладывали Достоевский и В. Соловьев. Даже в «пору наибольшего увлечения марксизмом» перед Булгаковым вставали «карамазовские вопросы». Решение пробле-

мы – у Владимира Соловьева. Об этом статья «Что дает современному сознанию философия Соловьева?». Булгаков убежден: «<...> Система Соловьева есть самый полнозвучный аккорд, какой только раздавался в истории философии»; по его учению «мир состоит из личностей, связанных узами любви». Для Маркса же люди – «алгебраические знаки», их назначение – быть средством. Маркс растворил «индивидуальное в социальном».

Современники отмечали также влияние Л. Н. Толстого. А. Б. Гольденвейзер писал: «Был у Толстых. Там был С. Н. Булгаков-марксист», с которым Толстой очень горячо и страстно спорил <...> Я глубоко убежден, что эта беседа была одним из сильнейших толчков, заставивших Булгакова вскоре отказаться от марксизма», хотя это влияние «носило скорее негативистский характер» («Вблизи Толстого»). Сам Булгаков столь резкий мировоззренческий «поворот» объяснял «любовью к Христу», привитой ему с детства, а также «чудесной» встречей с Сикстинской мадонной в Дрездене, к которой он, «тогда марксист <...> всякое утро <...> бежал “молиться” и плакать» (Булгаков С. «Автобиографические заметки». Париж, 1916. С. 64).

Книга была сочувственно встречена в «Новом пути»; в рецензии говорилось, что «исповедь о зарождении и о муках родов нового миросозерцания», – одна из тех «беспокойных» книг, которые «фильтруют умы» и осуждены критиками из противоположенного лагеря (Нов. П., № 12). Критически отзываются о сборнике Т. Сожин (Кур., 3 ноября), в частности, по поводу оценки Герцена Булгаковым в статье «Душевная драма Герцена», и А. Луначарский – «Метаморфоза одного мыслителя» (Пр., 1904, № 3, 5, 6; его же «Журнальные заметки», Обр., 1904, № 2). Иной оказалась позиция «Журнала для всех», поместившего в № 12 высоко положительную рецензию Волжского [А. С. Глинки], который призывал марксистов устыдиться «наготы своей» и так аттестовал выступление Булгакова и его единомышленников: «Грубая материалистическая скорлупа философского учения марксизма не выдержала напора скрытых религиозно-идеалистических настроений; марксизм заскучал в душных рамках своей догмы, затосковал о человеке, о Боге; сдавленная тисками аморализма и атеизма душа запросила воли, простора, запросила открытой, откровенной веры, задумалась о вечности и бессмер-

тии <...> Рубикон перейден, ортодоксальный марксизм остался позади...». Эта статья, свидетельствующая о перемене направления журнала, вызвала резко критическую реакцию в кругу писателей-реалистов. В письме Горькому 25 декабря (из вологодской ссылки) А. А. Богданов [А. А. Малиновский], оценивая статью Волжского как «клерикальную ложь», призывал Горького публично высказать отрицательное отношение к статье и к «Журналу для всех», который, пользуясь именем писателя, проводит идеи «просвещенного клерикализма» (Е. Г. Коляда. «Журнал для всех». – Литературный процесс и русская журналистика. <Кн. 1>. С. 341.

В декабрьском номере «Журнала для всех» опубликовано письмо Л. Андреева и М. Горького, в котором говорится, что «по некоторым причинам» они не дали журналу «обещанных» произведений: «Твердо надеемся, что в будущем году нам удастся искупить нашу невольную вину перед читателями “Журнала для всех”, искренними друзьями которого мы остаемся». Письмо было написано до конфликта редакции журнала с демократически настроенной частью его авторов и послужило поводом для упреков в адрес Горького и Андреева, якобы «сочувствующих» изменившему направленность журналу. Упреки содержались и в упомянутом выше письме А. А. Богданова (Малиновского) Горькому от 25 декабря, в котором выражалось недоумение по поводу одновременного появления в журнале статьи Волжского, рекламирующей книгу Булгакова «От марксизма к идеализму», и письма Горького и Андреева, заявляющего «о своем неизменном сочувствии к журналу». «Мы думали, что с клерикальной ложью у Вас нет ничего общего. Мы и сейчас не изменили этого мнения <...>, конечно <...> Но если Вы сами не скажете этого, то Ваши читатели с полным основанием могут прийти к выводу: “и он туда же”» (Е. Г. Коляда. Там же. С. 340). В письме Богданову от 27 декабря Горький выразил благодарность за «ценное и неприятное сообщение»: «Вы правы – статьи Волжского я не читал <...> Писать в нем <журнале> не собираюсь <...> А того, что меня зачислят в идеалисты а la Булгаков – не боюсь» (Т. 4. С. 19). В тот же или на следующий день (28 декабря) Горький написал Миролубову: «По недостат-

ку времени и охоты писать я принужден взять назад мое обещание дать рассказ в журнал Ваш» (Там же. С. 20).

В конце декабря в письме к Миролюбову Горький взял назад «обещание дать рассказ в журнал ваш» (Там же. С. 20). В том же январе Миролюбов получил письмо протеста (подписанное В. Вересаевым, автором письма, Л. Андреевым, А. Серафимовичем, В. Дмитриевой, И. Белоусовым), в котором говорилось: «Появление в Вашем журнале <...> статьи <...> с проповедью Бога и злорадною отходною над направлением, имеющим глубокие жизненные корни в современной русской жизни, глубоко возмутило всех нас <...> если и в будущем не исключается возможность появления в Вашем журнале подобных статей, то мы покорнейше просим Вас не считать нас больше своими сотрудниками» («История русской литературы». Т. 10, М.; Л., 1954. С. 507). В феврале 1904 г. Л. Андреев писал Миролюбову: «Как ни разнятся мои взгляды с взглядами Вересаева и других, у нас есть один общий пункт, отказаться от которого – значит на всей нашей деятельности поставить крест. Это – “царство человека должно быть на земле”. Отсюда призывы к Богу нам враждебны...» (Лит. Арх. 5. С. 106). В другом письме (от сентября 1904 г.)* Андреев пишет, что журналу «придется изменить не только обложку, но и самое заглавие “Журнала для всех” на “Ж<урнал>для немногих”», так как: «И в интеллигенции, и в народе ищут Бога – но не в этих кладовых со всяким хламом, где роются старьевщики из “Нового Пути”. И полтавские мужики, которые усадьбы сжигали, ведь они что делали – Бога искали. И тот интеллигент, который Плеве убил – он ведь тоже Бога искал, того Бога, которого искал сам Иисус Христос <...> полуинтеллигентные выходцы из народа считают нас (Горького и меня) самыми заправскими христианами – хотя никогда не провозглашали мы “аллилюю”» (Там же. С. 109–110). После встречи Андреева и Вересаева с Волжским в феврале 1904 г. последний писал Миролюбову: «Упразднение Бога, исключение религиозного элемента из предметов обсуждения – условие для меня неприемлемое» (М. Горький и его современники. Л., 1968. С. 64). Неприемлемо это было и для Миролюбова, который писал: «искание

* В Лит. Арх. 5 письмо датировано неточно – июль 1904 г. Дата уточнена в ЛН. Т. 72. С. 223.

Бога, истина для меня всегда будет определять мою дальнейшую деятельность в ведении журнала» (Лит. Арх. 5. С. 106). Гиппиус приветствовала позицию Миролюбова и участие Волжского в деятельности журнала, который, не выпуская старого знамени из рук, понемногу косится уже на «новое» и не пугается слова «Бог» (Там же. С. 111).

О к т я б р ь

Н. Гарин – рассказ «На практике» (Журн. для всех, № 10). Вл. Кранихфельд отметил «задушевно и тепло написанный рассказ», привлекающий новым образом интеллигентного рабочего (Журнальные заметки, Обр., № 11).

К. Бальмонт – «Из книги “Только любовь”: “Что мне нравится...”, “Сигурд”, “Мои звери”, “Маскированный бал”, “Так скоро”, “К Елене”, “Дьявол моря”, “Пять пещер”, “Полночь”, “Сознание, сила и основа”» (Нов. П., № 10).

В. Брюсов «Наполеон» («Да, на дороге поколений...») (Беседа, 1903, № 10).

Вышел в свет первый напечатанный рассказ А. Аверченко «Как мне пришлось застраховать жизнь» (Южный Край (Харьков), 31 окт.).

Николай Бердяев – «Критика исторического материализма» (Мир Б., № 10). О необходимости «выделить зерно истины, заключающееся в историческом материализме, и отбросить ложную материалистическую метафизику», которая состоит в «теории классовой идеологии, классовой науки и нравственности»; «<...> классовая точка зрения <...> делается вредным предрассудком <...> препятствует обнаружению идеальной общечеловеческой природы <...>».

Запись в дневнике А. С. Суворина от 2 октября: «Мне кажется, что не только я разваливаюсь, не только “Новое Время” раз-

валивается, но разваливается Россия» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 455).

Толстой пишет В. В. Стасову о замысле статьи «О Шекспире и о драме»: «Дело не в аристократизме Ш<експира>, а в извращении, посредством восхваления, нехудожественных произведений, эстетического вкуса. Ну да пускай бранят <...> но мне нужно было высказать то, что сидело во мне полстолетия» (Т. 75. С. 202).

5 октября Н. Г. Гарин-Михайловский пишет А. И. Иванчину-Писареву: «Познакомился и полюбил Чехова. Плох он. И догорает, как самый чудный день осени <...> Он знает свое завтра и рад и удовлетворен, что кончил свою драму “Сад вишневый”» (Лит. Арх. 5. С. 49–50).

В начале октября Л. Андреев писал Миролюбову о своей повести «Жизнь Василия Фивейского»: «“Василий Фивейский” только еще на половине <...> отдан он мною в сборник Горькому, и я уже в отрывках читал его этому самому Горькому (с которым, к великой моей радости, я совершенно примирился)» (Лит. Арх. 5. С. 105). 8 октября Горький пишет Пятницкому: «<...> Был у Леонида. Мирились. <...> Его “Отец Василий Фивейский” – огромная вещь будет. <...>. Лучше этого – глубже, яснее и серьезнее – он еще не писал» (Т. 3. С. 209).

11 октября на заседании Общества любителей российской словесности, посвященном памяти скончавшегося председателя О-ва проф. А. И. Кирпичникова, временным председателем избран А. П. Чехов (Р. Вед., № 280).

15 октября умер писатель П. Е. Накрохин, сотрудник «Недели», автор сборника рассказов «Идиллии в прозе» (М. Н. М. Памяти П. Е. Накрохина. – Н. Вр., 17 окт.; Н. Энгельгардт. О П. Е. Накрохине, Н. Вр., 18 окт.).

В Императорской академии наук официально объявляются результаты 15-го присуждения премии имени Пушкина. «19 ок-

тября в присутствии министра народного просвещения Г. Э. Зенгера, представителей Академии и посторонней публики, академиком А. Н. Веселовским был прочитан отчет о пятнадцатом присуждении Пушкинских премий» (Н. Вр., 20 окт.). Премия была поделена между И. Буниным и П. И. Вейнбергом. Премия Бунину присуждена за перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло и стихотворный сборник «Листопад»; П. И. Вейнбергу – за переводы Шиллера и Гейне. Как «ценный вклад в русскую переводную литературу», оценил издание А. А. Голенищев-Кутузов, рецензирующий произведения Бунина в Комиссии по присуждению Пушкинских премий: «Нельзя не признать, что г. Бунин блестяще справился с предпринятою им обширной и трудной задачей <...> г. Бунин сделал “Песнь о Гайавате” достоянием русской литературы. Это большая заслуга, которую нельзя не признать в соображение при суждениях о выдаче г. Бунину Пушкинской премии, если не в полном, то хотя бы в половинном размере», – пишет А. Голенищев-Кутузов в отзыве на книги «Листопад» (М., 1901) и «Песнь о Гайавате» (Спб., 1903) («Пятнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1903 г.», Спб., 1904. С. 59–62).

20 октября умер прозаик Всеволод Сергеевич Соловьев – брат философа В. С. Соловьева. (См. Бирж. вед., 22 окт.).

Из письма Горького Пятницкому от 22 октября о чтении в МХТ «Вишневого сада»: «Слушал пьесу Чехова – в чтении она не производит впечатления крупной вещи. Нового – ни слова. Все – настроения, идеи – если можно говорить о них – лица, – все это уже было в его пьесах. Конечно – красиво, и – разумеется – со сцены повеет на публику зеленой тоской. А – о чем тоска – не знаю» (Т. 3. С. 218).

26 октября Горький пишет Пятницкому: «С Андреевым <...> буду писать пьесу “Астроном” (будущая пьеса Андреева “К звездам”)). «Леонид <...> хочет изображать человека, живущего жизнью всей вселенной среди нищенски серой обыденщины» (Т. 3. С. 220).

В октябрьских газетах появились сведения, что из-за малочисленности подписчиков «Новый путь» после декабрьского номера прекратит свое существование (Нов. Дня, 27 окт.). После безуспешных переговоров с купцом В. А. Хлудовым и А. С. Суворониным Мережковские предприняли попытку создать особый издательский фонд из 50 паев (См. ст. «Новый путь» – В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. «Из прошлого русской журналистики»).

Формируется кружок «аргонавтов». Ядро сообщества составляли Андрей Белый и его друзья: Эллис, А. С. Петровский, С. М. Соловьев, А. П. Печковский, историк и теософ П. Н. Батюшков, историк М. А. Эртель и др. В то же время, как утверждал Белый, «в “аргонавтах” ходил тот, кто становился нам близок, часто и не подозревая, что он “аргонавт”; не подозревал о своем “аргонавтизме” Рачинский, еще редко меня посещавший и не бывавший у Эллиса; не подозревал Э. К. Метнер <...> что и он – сопричислен...» («Начало века». С. 123). «Своим» считали «аргонавты» и Блока. «Роль аргонавтов – была ролью импульсаторов, согревателей душевным динамизмом самых разнообразных течений, перекрещивающихся в “аргонавтическом” русле и впоследствии распавшихся и многообразно оформившихся», – писал Белый впоследствии. А «трагедию “аргонавтов”» видел в том, что «не сели <...> мы вместе на “Арго” <...> каждый нашел свой корабль, субъективно им названный “Арго”» (Цит. по: Лавров. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 126).

В издательстве «Скорпион» выходят почти одновременно новые поэтические сборники В. Брюсова, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, З. Гиппиус и «Северная симфония (1-я, героическая)» Андрея Белого. Еще 31 июля Брюсов писал Белому: «Важно то, что сейчас мы издаем 6 стихотворных сборников: Дмитрия Сергеевича <Мережковского>, Зинаиды Николаевны <Гиппиус>, Сологуба, мой, Коневского, Балтрушайтиса, Бальмонта 7-й, Ваш будет 8-й. Вся русская поэзия будет в “Скорпионе”. Эта осень – что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц?» (ЛН. Т. 85. С. 360. *Из названных книг в 1903 году не был осуществлен только объявленный в каталогах «Скорпиона» сборник*

Ю. Балтрушайтиса «Бедуины. Морской царь. Вечер. Спутники Колумба. Книга поэм» – Там же).

«Со страниц этих сборников говорит голос поэзии из уст подлинных, настоящих, современных поэтов», преданных «культу вечной красоты», – писал Д. Философов, (Хроника «Мира Иск.», № 14). Новые интонации появились теперь и в суждениях чуждой модернизму критики. Вл. Боцяновский полагает, что «нельзя больше довольствоваться слишком поверхностным взглядом на это течение, как на нечто совершенно не заслуживающее внимания и стоящее вне действительной жизни»; он находит «искание» во «всем, что пишут» декаденты, хотя «куда они придут и в каком направлении – сказать трудно» («У декадентов», Русь, 23 дек.). А. Измайлов признает, что «два-три последних года сделали многое для уяснения внутренней сути нашего литературного декадентства» и что «за это время успело объявиться <...> в этом течении и нечто более или менее серьезное, и нечто свое, не заимствованное <...> от западных собратьев» (Литературные заметки, Новая иллюстрация. 26 ноября, № 47).

В. Брюсов – «Urbi et Orbi». Стихи 1900–1903 (М., «Скорпион», тираж – 1200). Книга вышла с посвящением «К. Д. Бальмонту, другу и брату» (см. ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 151). «Я очень радуюсь тому, что Вы хотите посвятить Вашу книгу мне <...> Я ни с кем не чувствую такого внутреннего родства, как с Вами, несмотря на все наши различия <...>» (Бальмонт – Брюсову 6, 8 июня. – Там же. С. 150). О заглавии книги поэт позднее писал в своей автобиографии, «я хотел сказать, что обращаюсь не только к тесному “граду” своих единомышленников, по и ко всему “миру” русских читателей» («Русская литература XX века». Т. 1. М., 1914. С. 115).

«Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. <...> Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов – не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно», писал Брюсов в предисловии.

Отзывы появлялись и в не приемлющих модернизм изданиях. Аббадонна [А. В. Амфитеатров] характеризует автора как «умного и талантливое человека, который долго искал путей для смутного призвания своей души, и, наконец, теперь они ему выясняются». Он восторгается одой «Habet illa in alvo...» и пишет об известном стихотворении «Каменщик»: «Под “Каменщиком” <...> Некрасов с радостью подписал бы свое имя: до такой степени это волнующее, мрачное стихотворение – в духе и тоне “музы мести и печали”...» (Русь, 1904, 15 мая); «“Скорпионовская” внешность и “декадентская” репутация автора, по всей вероятности, послужат значительным препятствием к столь широкому распространению поэзии Валерия Брюсова <...> И это очень жаль, так как в сборнике “Urbi et orbi” любители и ценители <...> нашли бы <...> настоящую поэзию» (М., Киевская газета, 1904, 30 янв., прилож. № 4); Волынский писал, что «сборник <...> несмотря на проявление талантливости в отдельных стихотворениях, производит впечатление тяжелое и громоздкое <...> от стихов его на любовные темы отдает спертым воздухом мелкого разврата в публичных домах»; Брюсов «эволюционировал к лучшему» и «выражает <...> намерение стать вполне серьезным поэтом», но ему нужно «прежде всего упразднить “самохваление” и чаще выглядывать “на улицу”, ища в общем сознании прояснения индивидуальных проблем» (Ф. Бат-ов [Батюшков], Мир Б., 1904, № 7); И. Игнатов в статье «Литературные отголоски» противопоставил книгу Брюсова, воплотившую напряженные духовные «искания, муки» и «неизменную пытливость» человека, «искусственному верчению вокруг таинственных слов, которое характеризует» сборники Гиппиус, Мережковского и Сологуба; «<...> г. Брюсов допускает в свою поэзию мотивы, которых, как “ненавистой простоты”, чуждаются другие писатели “Скорпиона”» (Р. Вед., 25 ноября); «Брюсов работает над стихом как средневековый алхимик, он хитроумец, изобретатель и волхв», – пишет Волошин в письме А. В. Гольштейн (Т. 9. С. 24), которая в ответном письме заверяет: «Брюсов ни в пророки, ни в большие поэты не попадет» (Там же. С. 27); Ремизов в письме П. Е. Щеголеву (от 31 окт.) отозвался о книге сдержанно: «Прочитал Брюсова: мучает меня одна вещь в современных писателях “не глыбко мыряют”, за плечами ничего, ровно ничего

не чувствуешь <...>» (Ежегодник на 1997 г. Спб., 2002. С. 176 / Публ. А. М. Грачевой).

«Гг. Брюсовы помогают, купно с г. Бальмонтом и прочими присными, предавать и насиловать общественную мысль и совесть <...> подыскивают оправдательные формулы для нравственной распущенности и для торжествующей наглости, содействуя притуплению и без того невысокого чувства нашего гражданского и национального достоинства» (Евг. Л. [Ляцкий], В. Евр., 1904, № 3). «Книга “Urbi et orbi”, превзошедшая во всех отношениях предыдущие сборники стихов Брюсова, представляет важный и знаменательный литературный факт. Беспочвенное “декадентство” осталось далеко позади, и путь к нему окончательно загражден...», пишет Блок в рецензии на «Urbi et orbi» (Нов. П., 1904, № 7), а в письме Белому признавался: «Книга <...> тянет, жалит, ласкает, обвивает <...> ряд небывалых озарений <...> почти гениальных <...> Долго просижу еще над ней, могу похвастаться и поплясать по комнате, что не всю еще прочел, не разглядел всех страниц, не пронзил сердца всеми запятыми» (от 20 ноября 1903 г. – Переписка. С. 121); 26 ноября Блок отправляет Брюсову письмо с восторженным отзывом о сборнике: «Быть *рядом* с Вами я не надеюсь никогда. То, что *Вам* известно, не знаю, доступно ли кому-нибудь еще и *скоро* ли будет доступно» (Т. 8. С. 72). В ответном письме Брюсов писал: «Мне очень дороги Ваши слова о моих стихах, ибо я высоко ценю Вас как поэта» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 485). Белый в письме к Э. Метнеру (ноябрь 1903) утверждал, что «Брюсов по этому сборнику оказывается единственным современным поэтом, держащим в руках судьбы будущей русской поэзии <...> Такой концентрации, мощи, порой Микель-Анжеловских взмахов, вдумчивости русская поэзия не видала со времен Фета, Тютчева, Майкова...» (Цит. по: Переписка. С. 111).

Федор Сологуб – «Собрание стихов. 1897–1903». Кн-во «Скорпион». М., 1904, тираж – 1200.

Сологуб, так же, как Гиппиус и Мережковский, «желает воздвигнуть алтарь «богу неведомого», но у него, как и у них, нет ничего, кроме мотивов «недостижимости цели, опустошенности души <...> отрады снов, тоски пробуждения» и убеждения, что

«свобода – в одиночестве...» и что «истинный поэт должен заниматься только вечными вопросами» (И. [И. Н. Игнатов] – «Литературные отголоски», Р. Вед., 25 ноября). Ю-н. [Н. Н. Вентцель] в статье «Поэты “стиль-модерн”» называет Сологуба поэтом «преимущественно болезненных настроений», стихи которого отличаются «мрачною сосредоточенною силою» и посвящены «изображению власти темного начала над душою человеческою» (Н. Вр., 3 дек.). «Унылый декадент», который пытается «напугать своим пессимизмом» (А. Б. [А. И. Богданович] «Критические заметки», Мир Б., 1904, № 1. С. 85); рецензент «Курьера» также пишет о «неотступном пессимизме» Сологуба, его «психофизическом бессилии» и т. п. (1904, 13 янв.); в том же духе отзыв «Биржевых ведомостей» – «взвинченность крайнего пессимизма» (1904, 13 марта).

«Из новейших поэтов – Сологуб, кажется, наименее популярный», он «остается как-то в стороне, в незаслуженной тени. Его побаиваются и не понимают <...> в нем нет никакой <...> красоты», к нему «очень трудно подступиться», – писал Д. Философов, уподобив поэзию Сологуба «морской раковине» с «настоящим жемчугом», которая «живет на глубине морей <...> в совершенстве одиночества» и ценность ее – «в ее матовой серости». И лишь «тот, кто не гонится за блеском пышных одежд» и «не боится ужаса одинокой души <...> не может не полюбить этого самобытного и страшного поэта» (Д. Философов. «Федор Сологуб», Нов. П., 1904 г., № 2); «<...> То, что написано Сологубом после “Теней”, полно болезненных галлюцинаций, нравственных извращений и передает в грубой, нехудожественной форме миазмы какого-то разложения, внешней и внутренней бедности», «нравственную порчу, которой никогда не было в произведениях настоящих русских талантов и которая никогда не будет привлекательна для русской публики» (Волынский А. Книга великого гнева. С. 190); Блок очень ценил сологубовский цикл «Звезда Маир», вошедший в эту книгу. Сохранилась его дарственная надпись на «Стихах о Прекрасной Даме»: «Федору Кузьмичу Сологубу – автору Звезды Маир – Утешения – Сказок в знак глубокого уважения и благодарности» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 357).

З. Н. Гиппиус – «Собрание стихов. 1889–1903 г.». Кн-во «Скорпион». М., 1904, тираж – 1200. В предисловии к сборнику под названием «Необходимое о стихах» Гиппиус пишет: «<...> Теперь у каждого из нас отдельный, сознанный или несознанный, – но свой Бог <...> Пока мы найдем общего Бога <...> до тех пор наши молитвы, наши стихи <...> будут непонятны и не нужны ни для кого». Н. Я. Абрамович в статье «Лирика З. Н. Гиппиус» пишет: «<...> В ней, этой книге, не мертвые, пустые слова и строки, но сама жизнь, странно и сильно переживаемая. Книга живая, – и это первое, что о ней должно быть сказано» (Нов. П., № 8. С. 217, 218); В. Шулятиков пишет, что, в отличие от настоящего художника – Мережковского, стихи Гиппиус свидетельствуют о ее «полной художественной несостоятельности» (Кур; 1 дек.); «Поэтесса, которая молится, кокетливо охорашиваясь <...> умеет, когда захочет, выразить в образе красивом, ярком и в то же время понятном, мысль, хотя бы и очень отвлеченную» (Н. Вр., 3 дек.); «В былые времена поэты не решались показываться с такими стихами в публику...» – сердится рецензент «Русского Богатства» (1904, № 1); «Размышления (о чем – редко можно сказать), облеченные в довольно неудачные формы» (Р. Мысль, № 7); «У нее нет божества...» (Р. Вед., 8 ноября).

А. А. Смирнов писал, что от книги Гиппиус – впечатление «зрелости» и «глубины»; и основное в ней – идея «религиозного созерцания» и разрешающееся противоречие «между безнадежной, безысходной тоской и светлой мистической радостью»; стихи же ее «настолько хороши, что могут показаться искусственными» (Хроника «Мира Иск.», № 16. С. 181–183). «Но стихи, стихи Зинаиды Николаевны! И уморительны и гениальны! Если кто устал, то это она и Сологуб. За эту усталость ей все простится <...> вижу, что действительно будет чудо, если их поймет хоть один. Я не понимаю, но чувствую, что надо остановиться; а ранним утром пронзительно визжат в мозгу и ее стихи» (Блок – Белому 12 декабря. – Переписка. С. 129). «Ее стихи не громки и не яркие, но у них своя поступь, своя осанка, – они не похожи ни на кого» (Брюсов В., Весы, 1904, № 9. С. 50). Ин. Анненский утверждал, что в творчестве Гиппиус – «вся пятнадцатилетняя история нашего лирического модернизма», а о ее сборнике писал:

«Я люблю эту книгу за ее певучую отвлеченность. Эта отвлеченность вовсе не схематична по существу <...> всегда сквозит или тревога, или несказанность, или мучительное качание маятника в сердце» («Аполлон», 1909, № 3. Отд. 1. С. 8–9). Сама Гиппиус была к себе строга: «<...>для меня стихи писать – это камни ворочать», – писала она О. Н. Чюминой 9 января 1903 г.; Брюсову – 13 июля: «Какие у меня омерзительные стихи! Ей-Богу, даже противно корректуры исправлять. Недаром я так не хотела издавать сборника. И не следовало» (Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 303 / Публ. М. В. Толмачева); а позже признавалась Ходасевичу: «Никогда я не умела писать стихов <...> Как не умею мостовую мостить» (Там же. С. 17).

Д. С. Мережковский – «Собрание стихов». Кн-во «Скорпион». М., 1904, тираж – 1200. «Как и у Гиппиус, религиозный оптимизм лишь “афиша” Мережковского, для которого “мир – не радость”; он – пессимист, утвержденный в несовершенстве человеческой природы и колеблющийся между желанием любить человека и отвращением к нему. В борьбе между этими двумя побуждениями он скорее склоняется ко второму» (И. [И. Н. Игнатов] «Литературные отголоски» – «Р. Вед», 18 ноября). Поэзия Мережковского – отражает позицию «интеллигентного пролетариата» в литературе, «двойственность» которой заключается в стоянии «на полдороге» между «адам мещанского застоя <...> и раем <...> живой жизни...» (В. Шулятиков «Критические этюды». Кур., 1 дек.). Критики отмечают слабость лирических стихотворений (по сравнению с Гиппиус и Сологубом), которые «почти ничего не теряют, будучи переложены на прозу» (Ю.н. «Поэты “стиль-модерн”». Н. Вр., 3 дек.), а также их «рассудочность, холодную и расчетливую» (А. Б. [А. И. Богданович] Критич. заметки. Мир Б., 1904, № 1. С. 84). «<...> настоящий сборник его стихов производит <...> самое обескураживающее впечатление. Прежде всего, в нем нет никакой поэзии, потому что нет живых ощущений и чувств, ни тех мыслей, которые органически вырастают на почве непосредственных ощущений и чувств и могут быть названы поэтическими мыслями. Вообще, Мережковский, так сказать, не органический человек и потому

неорганический поэт. Это какой-то очаг разностильных современных мыслей, напряженно стремящихся к синтезу, но сцепленных между собой только механически» (Волынский). Хотя в стихотворениях Мережковского рассудок преобладает над «поэтическим», тем не менее ему «принадлежит <...> место в ряду деятелей нашей временно замирающей поэзии, как типичному представителю известной части людей эпохи с их искренним и частным тяготением к “новому свету” и к новой заре» (А. Измайлов. «Литературные заметки». Бирж. вед., 1904, 18 июня). От стихов Мережковского «веет только ароматом глубоких, интересных идей и переживаний...» (А. Смирнов. Хроника Мира Иск., № 15). В своей «вдумчивой и глубокой» поэзии Мережковский «отзывается читателю с самых задушевных, самых русских своих сторон» (Д. Шестаков. «Тихие мгновения». М. Иск., 1904, № 4. С. 84); «Главный тон» книги Мережковского, внесшей «ценный вклад в современную литературу», – «глубокая грусть, задумчивая скорбь философа, пытливо вглядывающегося в жизнь» (Р. Мысль, 1904, № 7. С. 205). Брюсов писал, что Мережковский «<...>более оратор, чем поэт, более мыслитель, чем художник», тем не менее, его стихи «всегда интересны» («Вестн.» 1904, № 9. С. 50).

Андрей Белый. «Северная симфония (1-я, героическая)». М., «Скорпион», 1904, тираж – 1200.

«<...> в авторе нужно было бы признать литературное дарование, если бы он не избрал столь исключительного рода писание» (А. Измайлов. «Лит. заметки», Бирж. вед., 1904, 18 февр.); рецензент Ю-н [Н. Н. Вентцель] считает книгу «пародией» на декадентов (Н. Вр., 26 ноября); «Как ни вчитывайся, как ни вникай, все равно до смысла не доберешься (М. М-в [М. О. Меньшиков]. Р. Вест., 1904, № 5. С. 245); «На человека, непривычного к декадентской прозе, – заявляет Лопатин, – “Симфония” производит впечатление бреда сумасшедшего» (Лит. Вестн., 1904, № 1). «Сев. симф.» «много слабей “Драматической”»; «немногие приятные поэтические страницы теряются среди массы слабых... Белый несомненно обладает крупным талантом<...>», но «мне лично Белый кажется не пророком, которым ему так хочется быть, а напротив поэтом “сказочным”, немного “куколь-

ным» (П. Н. [П. Ф. Николаев], Хроника «Мира Иск.», № 15. С. 164). В том же номере с ним полемизирует Д. Ф. [Д. Философов], утверждая, что «г. П. Н.» «подходит к Андрею Белому исключительно с художественной точки зрения»; у Белого не только «сказочность», но и «большой силы реализм, особого характера “фантастический реализм” в соединении с “духом пророчества”», и его «никак нельзя втиснуть в строго литературные рамки» (С. 165). «Благодарю Вас за “Симфонию”. Прочитал и, больной от радости и печали, намарал т<ак> назыв<аемую> рецензию, которую, по справедливости, не хочет печатать “Новый Путь”» (из п. Блока Белому, ноябрь 1903 г. – Переписка. С. 111). П. Флоренский писал, что проникнутая «сказочно-апокалиптическим духом» «поэма мистического христианства» Белого, проникнутая «радостной печалью», – опыт «искусства *чистого слова*», стройное, «организованное *изнутри* целое», «внешний ритм» которого подчинен «внутреннему ритму, ритму образов, ритму смысла»; «Везде и во всем – законченность, “законченная” актуальная бесконечность. И все заполнено светом, ровным и мягким, и детскостью» (П. Флоренский. «Спиритизм как антихристианство», Нов. П., 1904, № 3).

С. Елеонский [Миловский С.Н.] – «Рассказы» («Знание», СПб., 1904). Рецензируя книгу Елеонского вместе с «Рассказами» Гусева-Оренбургского, Вл. Боцяновский писал: «новые бытописатели» дают «чрезвычайно ценный материал, вводящий вас в деревенскую жизнь и рисующий взаимоотношения крестьян, их пастырей <...> красками», значительно более «суровыми», чем в произведениях Потапенко, «создателя школы, из которой вышли наши молодые беллетристы, черпающие материалы <...> из быта духовенства» («Русь», 1904, 28 февр.). Правдивость произведений Елеонского и «важность <...> трактуемых им тем компенсирует многие погрешности автора против художественности» (Ашешов Ник., Обр. 1904, № 6).

Мих. П. Чехов – «Очерки и рассказы» (изд. А. Суворина, СПб., 1904). В сочувственном отзыве Вл. Боцяновский отметил «родственность настроений» в произведениях М. П. Чехова и его брата, А. П. Чехова, обратил внимание на характерную тема-

тику «обыденной жизни», вызывающей «чувство протеста» у автора книги, «в то время как Антон Чехов только выводит перед вами пошлость <...> жизни», Мих. Чехов не скрывает «своего личного чувства <...> протеста» и «негодования». В этом плане «он более брат Леониду Андрееву, нежели Антону Чехову» («Русь», 1904, 17 апр.).

В. Буренин – «Театр». Том 1. Потонувший колокол. Забава Путятишна. Ожерелье Афродиты и др. (Спб., 1904, тираж – 1000). Положительную рецензию опубликовал М. Иванов («Из области драматической литературы» – Н. Вр., 27 окт.). В отдельной рецензии на книгу Короленко писал: «если бы понадобилось охарактеризовать выдающуюся черту литературной деятельности г. Буренина, то пришлось бы сказать кратко: г. Буренин всю свою жизнь ругался <...> “Театр” г. Буренина представляет <...> некоторое приятное исключение: здесь он является в совершенно приличном виде, как будто и ему самому опротивело, наконец <...>, ругаться и производить литературные дебоши. Однако <...> за содержанием своих приличных произведений г. Буренину так же приходится отправляться в люди, как и за содержанием своей “сатиры”. Его сатира – шарж и пародия. Его “театр” – переводы и пересказы. Из шести пьес разбираемой книги только одна принадлежит самому г. Буренину. Это – “Забава Путятишна”, чье “содержание” “заимствовано из былин”. Но при всем том “театр” г. Буренина есть несомненно литература...» (Р. Бог., 1904. Кн. 1. Цит. по: Т. 8. С. 325, 329).

В. Л. Дедлов – «Просто рассказы» (Спб., 1904, тираж – 600).

Ф. М. Решетников – «Полное собрание сочинений в двух томах. Первое полное издание». Под ред. А. М. Скабичевского. С портр. автора и вступ. ст. А. М. Скабичевского. (Спб., изд. П. В. Луковникова, 1904). Т. 1, Т. 2 (тираж по 10200 экз.). «Это издание превосходит предыдущие полностью, но полным и оно не было» (Рыскин Е. И. «Основные издания сочинений русских писателей: XIX век». М., 1948. С. 179).

24 октября в театре Корша – пьеса С. А. Найденова «№ 13». «Это грустная страничка обывательского существования с его страшным внутренним трагизмом, с его незаметной внешностью». Найденов в этой пьесе «пессимист чеховского пошиба. Он поэт грустной обыденщины, из которой нет выхода...» (П. К. [П. С. Климентов], Кур., 26 окт.). «Неудачной» и «слабой» назвал пьесу О. Дымов («Спутники жизни», Бирж. Вед., 19 ноября).

Выходит в свет отдельное издание перевода И. Бунина поэмы Дж. Байрона «Манфред» (Спб., 1904, «Знание», тираж – 5300).

Н о я б р ь

Выходят новые произведения Л. Н. Толстого – две сказки «Ассирийский царь Ассархадон» и «Три вопроса» (Р. Сл., 5 дек., и в отдельном изд. «Посредника». М.). Третья сказка «Труд, смерть и болезнь» не была пропущена цензурой. На произведения Толстого краткой рецензией отозвался В. Брюсов: «В первом рассказе слишком явно выступает поучение; второй замечателен сжатостью и стремительностью изложения» (Аврелий, «Весы», 1904, № 1).

А. Куприн – рассказ «Конокрады» (Р. Бог., № 11). И. [И. Н. Игнатов] характеризует рассказ как «наиболее выдающуюся вещь» из «беллетристических новостей» (Р. Вед., 11 дек.); Куприн «в характеристике своих героев *допустил* значительную идеализацию, и весь его тщательно отделанный рассказ, несмотря на физические ужасы, которые в нем описаны, и <...> свою талантливость, не производит все-таки сильного художественного впечатления» (А. Журн. обзор., Р. Мысль, № 1).

М. Арцыбашев – рассказ «Сумасшедший» (Мир. Б., № 11).

В. Шулятиков на примере этого произведения (наряду с рассказами Е. Летковой и А. Кипенева [А. А. Кипен]) писал о целом течении «застоя», «скорби» и «страха», находящемся «в плену интеллигентного пролетариата», «эготически настроенной» социальной группы, «не поднимающейся до вершин просветлен-

ного общественного сознания» (Шулятиков В. «Плоды пессимистического творчества», Кур., 17 ноября).

В ноябрьском «Русском вестнике» – очередное «Журнальное обозрение» Н. Я. Стародума [Н. Я. Стечкин] с критикой «Нового пути», Розанова, Сологуба и др.

В. Брюсов – статья «Оклеветанный стих» («Беседа», № 11) – наиболее ранняя из его публикаций о Лермонтове, которого Брюсов глубоко почитал: «Мой восторг перед Лермонтовым был неумерен <...> Его мятежная поэзия всегда была любимицей юности» (Брюсов В. «Из моей жизни». М., 1927. С. 74). Сравнивая творчество Пушкина и Лермонтова, Брюсов писал в статье, что «существенное отличие лермонтовской поэзии от пушкинской» в том, что «Лермонтов был поэтом для себя самого» и, в отличие от Пушкина, оставлял «свои мечты навсегда в глубине души <...> все слова – ледяные», ибо, как «воскличал Мцыри», «душу можно ль рассказать».

23 ноября – 100-летие со дня рождения Ф. И. Тютчева. В статье В. Брюсова «Легенда о Тютчеве» опровергается «легенда о Тютчеве-Робинзоне, жившем на необитаемом острове в Мюнхене», созданная И. С. Аксаковым в «Биографии Ф. И. Тютчева». Тютчев, пишет Брюсов, «только географически был вне России...»; «он в русской жизни, в русском языке, просто и естественно оставаясь русским, – обрел свою поэзию тайн, поэзию потустороннего откровения» и «прозрений» (Нов. П., № 11).

В. Брюсов – «Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни» (Р. Арх., № 11, 12) – Биографический очерк первой половины жизни и деятельности Тютчева – первая попытка составления «канвы» для биографии поэта. Составление подобного труда было продиктовано временем: к началу 1900-х гг. появилось более 50-ти неизвестных ранее стихотворений Тютчева, отрывки из 199-ти писем его к жене (1843–1871), несколько писем к разным лицам и т. п. (Скудость источниковедческой базы и ее недостаточная изученность повлекли за собой ряд неточностей и ошибок в издании).

4 ноября Главное управление по делам печати удовлетворило ходатайство С. Полякова об издании нового журнала «Весы», ключевое положение в котором занял Брюсов.

«Поздравляю с “Весами”. Желающим пребывать в надежном равновесии», – пишет Брюсову Перцов 13 ноября (ЛН. Т. 85. С. 263). Брюсов в письме Белому (до 12 ноября): «“Весы” разрешены. Пишите, пишите, пишите. Нам нужны теперь десятки, сотни, тысячи статей» (Там же. С. 370). Брюсов ведет интенсивную переписку с петербургскими литераторами, предлагая сотрудничество. 21 ноября он пишет Блоку: «От Вас (кроме общих статей) ждем особенно рецензий на новые русские книги и корреспонденций о Петербургской литературной и художественной жизни <...>» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 485); в ответном письме от 23 ноября Блок благодарит Брюсова за «предложение», которое для него «необыкновенно лестно и приятно» (Т. 8. С. 71–72). Оформление журнала было поручено Л. Баксту, который писал Брюсову 24 ноября: «Прошу вас считать меня сотрудником “Весов”. С удовольствием сделаю обложку <...> Название интересно и будит художественное воображение рисовальщика» (ЛН. Т. 85. С. 264). «Сколько раз говорили мы с вами о недостатках “Мира искусства” и “Нового пути” (вы его называли “Бедным путем”), и вот у нас журнал, который мы сможем сделать таким, как мы хотим» (из п. Брюсова Белому 5 декабря. – Там же. С. 372).

10 ноября Чехов пишет В. Л. Кигну-Дедлову: «Я все похварываю, начинаю уже стариться <...> и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что как литератор должен бы видеть. Вижу только и, к счастью, понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше и лучше, умнее и честнее – это в главном...» (Т. 11. С. 303).

Состоялся вечер памяти Тургенева и Плещеева, устроенный Литературным фондом. Из программы вечера по цензурным соображениям были вычеркнуты стихотворения Плещеева «Вперед без страха и сомненья» (и некоторые др.) и выступление П. Ф. Якубовича. Тем не менее, на следующий день Плеве вызвал председателя фонда П. И. Вейнберга и «изъявил ему свое

неудовольствие» деятельностью фонда. «Если так будет продолжаться и впредь <...> мы принуждены будем принять по отношению к Фонду строгие меры» («Еще одно неблагонадежное учреждение», «Освобождение», 12 (25) ноября).

18 ноября – выступление К. Бальмонта в Литературно-художественном кружке, посвященное О. Уайльду. После характеристики творчества Уайльда Бальмонт прочитал свой перевод «Баллады о Редингской тюрьме» (Нов. Дня, 19 ноября; Р. Сл., 20 ноября).

С. Соколов писал Блоку 23 ноября: «Бальмонт читал в Литературном клубе реферат об Оскаре Уайльде, после чего была ожесточенная схватка: говорили, между пр. – Белый и я» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 530).

Конфликт в издательских кругах «Скорпиона» и «Грифа». Деятельность последнего ослабляла, по мнению сотрудников «Скорпиона», их лидерство в символистских кругах, а публикация «Грифом» слабых произведений эпигонов от символизма дискредитировала «новое искусство». Из-за назревшего конфликта «скорпионовцы» предложили своим писателям отказаться от участия в «Гриффе». По этому поводу Брюсов писал Белому 5 декабря: «Существующий <...> “Гриф” есть только пародия настоящего дела» (ЛН. Т. 85. С. 372). Целый ряд писателей, однако, не подчинился, в их числе: Бальмонт, Белый, Ремизов и др. В письме Блоку Белый пишет, что хотя «Гриф» «может иногда смешать новое, действительное искусство со “style modern<e>” порядком-таки опошленным», он «принял намерение непременно участвовать в “Гриффе”», так как «весь “Гриф” еще в будущем» (Переписка. С. 118–119); «размолвку Скорпиона с Гриффом» осудил и Блок (Там же. С. 121); С. Соловьев также считал, что «“Гриф” заслуживает сочувствия, а “Скорпион” с ним поступил не по-христиански» (п. Блоку от 23–24 ноября. – ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 351). Конфликт принял форму публичного разбирательства между Брюсовым и Белым (см. Переписка. С. 119–120).

К. Бальмонт – «Только любовь. Семицветник» (кн-во «Гриф», М., 1903, тираж – 1500). Книга открывается циклом «Гимн солнцу», состоящим из семи стихотворений: «Жизни податель...», «О, как, должно быть, было это утро...», «Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы...», «Свежей весной...» и др.

«Это – все тот же очень музыкальный и местами очень красивый стих», но «мы <...> не видим глубины души. Перед нами – пена и только пена. Отдельные пузырьки ее красивы; в них <...> переливается свет...», но «поэзия г. Бальмонта является только пеной, и нет никакой надежды, что в будущем, несмотря на несомненный талант автора, она сделалась <бы> чем-нибудь другим» (И. [И. Н. Игнатов] «Литературные отголоски», Р. Вед., 25 ноября); Д. Философов полагал, что в поэзии Бальмонта «расточительность, подавляющее количество цветных тканей опьяняют читателя, не дают ему опомниться <...> Феерия длится, не прекращаясь, одна картина сменяется другой, повторяя <...> всю ту же многообразную тему», но кто об этом «пожалует», «когда поэт запел с новой силой о солнце, и только о любви...» (Нов. П., 1904, № 2); Блок писал о Бальмонте, что он «весь – многострунная лира», а замысел книги «Только любовь» «еще нежней и прозрачней, чем “Будем как солнце”» (рец. на книги К. Д. Бальмонта «Будем как солнце» и «Только любовь». Нов. П., 1904, № 1); он обратил «мир в песню <...> изысканно-нежных и вместе – пестрых тонов», а «ключ к сердцу его поэзии – *сердцу прежде всего*, как источнику любви» (Там же); Ашешов писал, что эта книга «гораздо слабее, чем “Будем как солнце”», в ней Бальмонт «начинает перепевать самого себя и становится однообразным» (Обр., № 2. Отд. «Критика и библиография»); Брюсов 12 октября 1903 г. в письме Вяч. Иванову признавался: «Я ставлю Бальмонта выше Фета» (ЛН. Т. 85. С. 438); «Все меньше и меньше великих представителей эстетизма <...> Для чистой поэзии наступает пора осени. Тем драгоценней <...> лепестки еще не угасших цветов». И хотя сборник «не является <...> новым взлетом в высоту», он «полнее, многозвучней, многоцветней», а «Бальмонт – последний русский великан чистой поэзии, представитель эстетизма...» (Андрей Белый. «К. Д. Бальмонт», Весы, 1904, № 3); Горькому Бальмонт напоминал «райскую птицу Сирину», которая, распевая «сама себя позабы-

вает» (Н. Л., № 313); позже Н. Гумилев в целом высоко оценил «странно-прекрасную, изысканную по мыслям и чувствам книгу», в которой «глубже всего отразился талант Бальмонта, гордый, как мысль европейца, красочный, как южная сказка, и задумчивый, как славянская душа», и хотя в ней «быть может, уже таятся зачатки позднейшего разложения-растления девственного русского слова во имя его богатства <...> “Только любовь” завершила собой блистательное утро возрождения русской поэзии» (Весна, 1908, № 10; Н. Гумилев. К. Бальмонт. «Только любовь». Второе издание. Письма о русской поэзии. – Соч.: В 3 т. /Подг. текста и примеч. Р. Д. Тименчика. Т. 3. М., 1991. С. 37).

Вышла книга Ив. Коневского [И. И. Ореуса] «Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений (1894–1901 г.)», М., «Скорпион», <1904>, тираж – 2000. Под ред. и с предисловием В. Брюсова и кратким биографическим очерком отца поэта – И. И. Ореуса. Предисловие Брюсова «Мудрое дитя. Творческие замыслы И. Коневского» – вторая, измененная, редакция его же статьи-некролога 1901 г. с тем же названием, вышедшая в журнале «Мир Искусства», № 8–9 (позже были еще – 3-я и 4-я редакции текста).

Брюсов еще при жизни Коневского признал, высоко оценил и усердно пропагандировал его поэзию, называя ее «одною из замечательнейших на рубеже двух столетий»; Блок отмечал в поэзии Коневского «особенное, углубленное и отдельное чувство связи со своей страной и своей природой», которую он «полюбил “несокрушимой” любовью» и «понял каким-то животнo-детским, удивленным и хмельным чутьем <...>» (Т. 5. С. 598); «В Коневском была не только жажда жизни, но какая-то ненасытная жадность к жизни, из которой он умел брать многое такое, что только мудрецу дано замечать», – писал Н. О. Лернер, полагая, что после Пушкина «Коневской – самое радостное, самое бодрое явление в нашей литературе» («Ив. Коневской» – Книга о русских поэтах последнего десятилетия». Спб.; М., С. 123); в стихах Коневского «играет и бьется нерв чисто растительной радости, слышен пульс <...> восторга перед величием и красотой мироздания», и «нельзя без горечи безвременной утраты не признаться в том, что в лице погибшего поэта мы потеря-

ли необыкновенно тонкий, оригинальный, я бы сказал – благоуханный талант» (С. Крымский [С. Г. Кара-Мурза] «Неизвестный поэт», «Семья», 1904, № 6, 8 февраля. С. 10–12)». Непонимание и досаду вызвали «холодные, некрасивые» стихи Коневского у анонимного рецензента «Русской мысли» (1904, № 6); едкую иронию – у А. Амфитеатрова – «О! это великолепно, – виноват: по-декадентски надо выразиться – “запредельнее”, чем даже вихревая пляска Паоло и Франчески да Римини!...» (Цит. по: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 442); в резких выражениях – «глупая беллиберда», «вымученная и кривляющаяся изломанность», – отозвался о них Ник. Мат. Соколов (Там же. С. 434). Отвергая декадентское направление его творчества, отдельные критики другого лагеря признавали искренность стремлений, «сильную мысль», «критическое чутье» писателя (Р. Мысль, 1904, № 6; Ашешов Ник., Обр., 1904, № 3); о «редком, исключительном таланте» Коневского писал А. Смирнов в статье «Поэт-бесплотия», после которого «осталось богатое, дорогое наследство, которым мы должны воспользоваться. Если Коневской не путеводная звезда, то один из тех немногих, одиноких, мрачно-прекрасных маяков, освещающих дорогу зимней ночью» (Мир Иск., 1904, № 4).

Вышел литературный сборник «К заветной цели» (изд. Кружка писателей из народа. М., 1904). «За исключением двух, трех авторов, все остальные стоят ниже всякой критики по слогу и смыслу своих поэтических произведений» (Л. В. «Литературный сборник», М. Вед., 1904, 11 марта).

7 ноября в театре Корша в Москве состоялась премьера новой пьесы С. А. Найденова «Богатый человек». Наиболее сильную сторону произведения критика увидела в изображении действительности «в ее будничном наряде» (Ю. А. [Ю. И. Айхенвальд], Р. Мысль, № 12), «безнадежном мраке, который навис над серым человеком» (П. К. [П. С. Климентов], Кур., 9 ноября). И. [И. Н. Игнатов], напротив, констатировал падение драматургического искусства Найденова (Р. Вед., 9 ноября). Познакомившись с пьесой еще в августе, Чехов советовал автору ряд изменений, находя ее в целом «превосходной» (п. Найденову от 29 авг. Т. 11. С. 244).

19 ноября в Малом театре – премьера драмы А. Сумбатова [Южина] «Измена». Пьеса стала «баловнем сезона» (Не фельетонист [Н. М. Ежов], Н. Вр. 7 февр. 1904 г.) и, несмотря на свое несовершенство, привлекала романтическим звучанием, пафосом героики (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., 1904, № 1) и др.

В начале ноября Л. Андреев пишет И. Бунину: «Иване! Приехал Короленко, но до среды остаться не может. Посему соберемся у меня в понедельник, вечером. Нужно почествовать». На квартире Андреева юбиляру Короленко преподносят адрес от кружка «Среда», подписанный И. Буниным, Л. Андреевым, Н. Телешовым, Б. Зайцевым, Ю. Буниным и др. (ЛЖТ Бунина. С. 519, 520).

14 ноября в Петербурге состоялось чествование писателя. В обращенном к нему письме говорилось: «Желаем Вам долгих лет для такой же мужественной и славной борьбы за благо родины, за честь, достоинство и счастье русского народа. Мы вместе с Вами горячо верим, что час торжества тех идей, которым вы посвятили свою жизнь и красоту своего поэтического таланта, недалеко. “На святой Руси петухи кричат, Скоро будет день на святой Руси”...» (Письма. С. 456). *Цитата из стихотворения Н. В. Берга.*

Из письма Короленко дочерям: 12 ноября: «Чувствую себя <...> как <...> перед экзаменом и даже хуже <...> буду вроде как на выставке» (РГБ. ф. 135, к. 6, ед. 14, л. 23 об.), 19 ноября: «В “Нижегородском листке” № 316 – есть описание юбилея. В “Р<усских> в<едомостях>” моя речь передана нисколько не похожа» (л. 24); в письме от 23 ноября: «Юбилей мой, наконец, кажется, совсем прошел и в заключение (об этом мне сказали вчера) – газетам запретили писать о нем. Немного поздно» (Там же, л. 25).

Д е к а б р ь

Последнее произведение А. П. Чехова – рассказ «Невеста» (Журн. для всех, № 12). Многие критики увидели в нем «символ глубокого значения», свидетельство «внутреннего переворота,

который совершился во взглядах писателя» (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., 1904, № 1), «новую главу из истории чеховского духа» – «нынешнее его настроение <...> отличается небывалой раньше степенью бодрости и силы» (И. Джонсон [И. В. Иванов], Пр., 1904, № 5); «Если прежде его положительные типы в подавленном и беспомощном недоумении стояли перед пустотой и пошлостью нашего обывательского прозябания, то теперь они активно ищут отсюда выхода» (Гельрот М., «Южные Записки», Одесса, № 2, 21 дек. С. 31); «Из предшествующих героев Чехова ни один не позволял себе такого решительного шага, и уж одно бегство Нади на курсы должно быть признано новым этапом в писательской деятельности Чехова» (Боцяновский Вл., Русь, 1904, 3 янв.); «Для меня стало очевидно, что происходил перелом во всем настроении Чехова, в его художественном восприятии жизни, что начинается новый период его художественного творчества» (Елпатьевский С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет, Уфа, 1984. С. 267) и др.

Ряд критиков (различной идеологической ориентации и художественных пристрастий) не разделял подобной точки зрения. Так, М. Волошин [М. Е. Цуккерман] воспринял «Невесту» как «типичный чеховский рассказ <...> с тонкими нюансами в настроениях и в немногих строках вырисовывающий целые категории типов и характернейшие черты момента» (Киевские Отклики, 1904, 8 янв.). «Новой Нади почти совсем не видать, – писал М. Гершензон, – какой переворот произошел <...> в ее душе – об этом трудно догадаться по тем немногим внешним признакам, которые дал художник» (Литературное обозрение, Научн. Сл., 1904, № 1. С. 135). В. Шулятиков, признав новизну «положительного типа» в творчестве писателя, рекомендовал тем не менее «быть очень осторожным», говоря «о повороте в творчестве г. Чехова», который продолжает оставаться «идеологом» общественной группы, не стоящей на «“большой дороге” истории...» (Кур., 24 дек.); «все содержание <...> заключается в том, как некая провинциальная барышня из купеческой семьи сбежала почти накануне свадьбы из родительского дома в Петербург на курсы. Боже мой, как все это банально, терто и перетерто!» (Скабичевский А., Нов., 23 февр.); «Написан рассказ на обычную для Чехова тему о скудости и бесцельности русской провин-

циальной жизни. Выведенные лица – все повторение других героев Чехова» («Весы», 1904, № 1. Отд. «В журналах и газетах»).

В. Вересаев – повесть «Честным путем (Конец Александры Михайловны)» (Мир Б., № 12) – продолжение повести «Конец Андрея Ивановича». Недостаток повести, написанной «ярко и сильно», И. [И. Н. Игнатов] усмотрел в том, что писатель обращает «главное внимание <...> на несмолкаемое недовольство» героев и «лишь вскользь характеризует общее настроение среды», которая «равнодушно слушает проклятья в битве с жизнью гибнущих людей» (И., Р. Вед., 11 дек.). В «произведении <...> мало действия, не глубока психология», но «слышатся в нем чуткая и тревожная мысль, серьезный общественный интерес» (А., Р. Мысль, 1904, № 1).

Семен Юшкевич – повесть «Человек» (Мир Б., № 9–12). Произведение, в котором писатель вновь обратился к жизни мелкобуржуазных низов города, было в основном оценено как художественная неудача: «широкая картинность» прежних вещей сменилась «романтической искусственностью» (Ашешов Ник., Обр., № 10; также Кранихфельд Вл., Обр., № 11; А., Р. Мысль, 1904, № 1). В связи с новыми произведениями Вересаева и Юшкевича Н. Энгельгардт с раздражением писал о беллетристах «горького» направления, изошряющихся в «нагромождении ужасов, мерзостей, преступлений всяческого свойства» (Н. Вр., 1904, 8 янв.)

В № 12 «Вестника Европы» А. Пыпин публикует 60 писем Некрасова к Тургеневу за 1847–1861 гг. Публикатор пишет, что «они очень любопытны для характеристики того брожения, которым отмечен конец сороковых годов и начало нового литературного направления». Рецензент «Правды» настойчиво рекомендует эту «живую летопись событий» «самому широкому вниманию» (1904, № 1).

11 декабря вышел 1-й номер «ежедневной политической и литературной газеты» «Русь» (ред.-издатель А. А. Суворин). В обращении «К читателям» говорится: «мы – против всяких усоч-

биц, разлагающих ее <родины> силы»; есть необходимость «общей и широкой устроительной и созидательной работы внутреннего обновления» на почве «соединения» сил. В числе сотрудников газеты объявлены: свящ. Григорий Петров, И. Н. Потапенко, А. Р. Кугель, В. Ф. Боцяновский. А. Н. Будищев и др. В номере начинается печататься 1-я часть задуманного романа-трилогии А. В. Амфитеатрова «Восьмидесятники» под названием «Крах души».

Начал выходить новый детский журнал «Путеводный огонек» под ред. А. А. Федорова-Давыдова (Р. Вед., 13 дек.).

8 декабря П. Перцов пишет Блоку: «Вы знаете мои симпатии к Вашей музе и поэтому поверите, что, если бы это зависело только от меня, – стихи Ваши непременно были бы напечатаны в “Новом пути”. Но, к сожалению, против них существует такая упорная и обширная оппозиция, что, в настоящее по крайней мере время, я лишен возможности это сделать. Всякая новизна требует привычки к ней, и я живо помню еще время, когда Бальмонт и Брюсов возбуждали такое же недоумение, как Вы. Поэтому эти затруднения первых шагов не должны Вас обескураживать. Ваше будущее во всяком случае принадлежит Вам» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 461–462).

15 декабря умер философ Н. Ф. Федоров. В «Весах» был опубликован некролог «Николай Федорович Федоров» за подписью Н. [Н. Н. Черногоубов?] («Весы», № 1); в № 2 и № 6 – статьи философа, в № 6 также был напечатан предоставленный Черногоубовым портрет Федорова работы Л. О. Пастернака (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 87, 88; см. также Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. СПб., 2004).

31 декабря умер поэт, публицист и общественный деятель В. Л. Величко.

Представители литературной и художественной общественности намеревались обратиться с письмом к издателю А. Ф. Марксу,

предлагая ему расторгнуть договор с А. П. Чеховым, ставивший последнего в кабальную материальную зависимость от издателя. Писатель, «на которого обращены восторженные взоры всей мыслящей России», как сказано в письме, «не имеет того среднего достатка, при котором много поработавший и утомленный человек может спокойно отдохнуть без думы о завтрашнем дне». Письмо, составленное Горьким и Андреевым, было подписано также Шаляпиным, Бунинным, Вересаевым, Серафимовичем, Найденовым, Чириковым, Телешовым, Дорошевичем и др. По просьбе Чехова письмо не было отослано (Телешов Н. Записки писателя. М., 1948. С. 79–83).

М. Лохвицкая – Стихотворения. Т. 5. 1902–1904 (Спб., 1904, тип. М. Стасюлевича, тираж – 1000). Брюсов, в отличие от Бальмонта, с самого начала неохотно признавал достоинства поэзии «русской Сафо» (как именовали Лохвицкую): «Лучше не писать» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 9).

Вышла первая книга Георгия Чулкова «Кремнистый путь. Стихотворения и поэмы» (изд. В. Саблина. М., 1904, тираж – 2000).

В большинстве отзывов современников книга оценивалась как пример дарования, искаженного декадентским «ломанием» и манерностью (Р. Мысль, 1904, № 6; П. К. [П. С. Климентов], Кур., 1904, 19 янв. и др.). Анонимный автор «Русского богатства» писал: «г. Чулков постоянно насилует себя, постоянно силится быть оригинальным, странным, таинственным, безумным, непонятым и... непонятым», при этом рецензент винил во всем приемы творчества представителей «нового искусства» (Р. Бог., 1904, № 5); Ник. Ашешов, сравнивая стихи Чулкова с вышедшим в это же время сборником стихов И. Коневского, делал вывод о бедности символизма «своим содержанием», о его «нежелании и неумении понять <...> жизнь в ее глубинах <...>» (Обр., 1904, № 3); Брюсов в рецензии на книгу писал: «У г. Чулкова нет своего стиха: он пользуется чужим, составляющим общее достояние, публичным стихом, подобно тому, как есть публичные женщины <...> Г. Чулков не безнадежен <...> Но его первая книга – только попытки и опыты, большей частью неудачные» (Авре-

лий. Весы, 1904, № 1). В письме Чулкову из Женевы (8 августа 1904 г.) Волошин пишет о книге: «Это было для меня прекрасной неожиданностью» (Т. 9. С. 138); «благосклонной», по позднему определению Чулкова, была также рецензия Allegro [П.С. Соловьевой] (Нов. П., 1904, № 2; см. Чулков Г. И. Годы странствий /Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. М. В. Михайловой. М., 1999).

Д. Я. Айзман – «Черные дни. Очерки и рассказы» (изд. ред. журн. «Русское Богатство», Спб, 1904, тираж – 2000), первая его книга, посвященная жизни и быту еврейских тружеников. Критика отметила достоверность, социальную остроту, публицистическое звучание произведений писателя (Ашешов Ник., Обр., 1904, № 5; Боцяновский Вл., Русь, 1904, 18 мая; Клейнборт Л., Обр., 1904, № 11).

К. Баранцевич – «Символические рассказы». (Спб., 1904, тираж – 3000). Книга стихотворений в прозе, аллегорий, сказок, написанных «красивым лирическим языком», автор которой «глубоко проникнут идеалами добра».

А. А. Вербицкая – «История одной жизни», в которой, по свидетельству автора, наиболее отчетливо выражено ее «credo» – тема женской эмансипации (См. Грачева А. М. Анастасия Вербицкая: легенда, творчество, жизнь. – «Лица»: биографический альманах. 5. М.; Спб., 1994. С. 110–111); «<...> сочинения г-жи Вербицкой разошлись за 10 лет в 500000 экземпляров <...> судя по отчетам публичных библиотек <...> там, где Чехова “требовали” 288 раз, а Короленко – 169, – там г-жа Вербицкая представлена цифрой: 1512 <...> откуда эти страшные цифры» (Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2003. Т. 7. С. 101).

Оскар Уайльд – «Саломея». Драма. Пер. В. и Л. Андрусон под ред. К. Д. Бальмонта (кн-во «Гриф», М., 1904, тираж – 1000). «Прекрасный перевод “Саломеи”, изданный оригинально и тщательно – серьезная заслуга кн-ва “Гриф”», – писал Белый (А. Б-ый, «Весы», 1904, № 1). Блок в письме к С. Соловьеву от

8 марта 1904 г. назвал Уайльда среди других книг «Грифа», изданных «более или менее скверно» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 371).

Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич) [П. Ф. Якубович] – Очерки русской поэзии (Пушкин, Некрасов, Фет, Тютчев, Надсон). Современные миниатюры. О старом и новом настроении (Спб., 1904, изд. ж. «Р. Бог.», тираж – 2000). Рецензент «Русских ведомостей» писал, что «<...> критик-Мельшин (так же как г. Мельшин-беллетрист) выше всего ценит в поэтических произведениях слияние “красоты” с “истиной и добром”»; а вошедшая в книгу статья «О старом и новом настроении» проясняет «точку зрения автора на вопросы искусства» (Р. Вед., 1 дек., без подп.). Есть недостатки, но в целом, это «прекрасная книга»; ее автор «любит поэзию и там, где он отдается во власть своего непосредственного чувства красоты, он редко ошибается» (Р. Мысль, № 12); Брюсов писал: «все талантливое инстинктивно начинает сторониться от партии, к которой принадлежит г. Мельшин-Гриневич, – чувствуя, что там смертное окостенение, что там уже невозможна жизнь» (Пентаур, «Весы», 1904, № 1. Отд. «О книгах»).

А. Л. Волынский – «Книга великого гнева. Критические статьи. Заметки. Полемика» (СПб., 1904, тираж – 1200). В книгу вошли статьи о «Бесах» Достоевского и о современной литературе и журналистике. Автор книги пишет, что «в России, как и на Западе, стали изменять своему декадентству и переходить в идеалистические течения. В России такая быстрая эволюция декадентства является особенно естественною, потому что нет народа, в котором с такою силою была бы выражена противоположная декадентству религиозная стихия, а также и потому, что декадентство есть создание чисто культурное и занесено в болотистую Россию западноевропейскими ветрами. Теперь оно явно разлагается, и, когда оно окончательно переродится в новую форму творчества, можно надеяться, что из всего этого движения выйдут какие-нибудь новые литературные силы. Это будет эпоха Достоевского, это будут люди одного с ним безумия. Толстовская традиция вся исчерпана в русской литературе, и высокий талант Чехова является последним словом в этом направле-

нии. Полоса же Достоевского только еще начинается <...>. «Человеком, пережившим себя», назвал Волынского Брюсов (Аврелий, «Весы», 1904, № 2); Журнал «Правда» характеризовал книгу как явление современной идеалистической реакции, созвучное «Проблемам идеализма» (1904, № 1, «Библиограф. отд.»). «Новая книга Волынского – типичная для Волынского книга. В ней сочеталось все хорошее, что есть в этом критике, и все дурное, что отбрасывает от него симпатии многих, – писал Измайлов. <...> в новой книге автор дает чувствовать какой-то излом, какой-то вывих своего критического мировоззрения <...> И опять, как всегда, как везде, отталкивающая и порой несносная черта хлесткого, самоуверенно-высокомерного и безразборного пренебрежения и к маленьким, и к средним, и к великим русским именам» (Измайлов А. Литературные заметки, Бирж. Вед., 1904, 4 июня).

Вышла книга Мих. Лемке «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» (СПб., 1904, кн-во М. В. Пирожкова, тираж – 4000). Почти единодушно признается ценное познавательное значение этого труда (Ашевский С. [М. Н. Столяров], Мир Б., 1904, № 4; Измайлов А., Бирж. Вед., 1904, 25 июня; Лундберг Е., Нов. П., 1904, № 6 и др.).

В. П. Батурицкий – «А. И. Герцен, его друзья и знакомые. Материалы для истории общественного движения в России». Т. 1. (СПб., 1904). Книга, в которой используются «неизданные в России произведения Герцена, письма Тургенева к Герцену» и др., вызвала «большой интерес». Ляцкий считает, что работе «недостает полноты, фактической обоснованности и критического отношения к разбираемым явлениям <...>» и что она «в широких кругах <...> способна посеять неверное и сбивчивое понятие о трактуемых лицах и событиях» (Евг. Л., В. Евр., 1904, № 2); высоко оценивают «глубоко интересную работу», имеющую черты «драгоценной хроники нашей общественности середины 19 в.» и дающую «много интересных материалов» «Русская Мысль» (1904, № 2) и «Мир Божий» (1904, № 8).

Ник. Энгельгардт – «Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати» (изд. Суворина. Спб., 1904, тираж – 1500). А. Б. [А. И. Богданович] иронизирует по поводу рассуждений автора о «просвещенной цензуре», которая должна оградить общество от «яда интеллекта», от «кошунства мысли <...>» (Мир Б., 1904, № 2); Р. И. Сементковский писал, что будущее принадлежит не героям с «картонными мечами», а «полезным», «простым серым людям» (Нива, 1904, № 1).

Очерки реалистического мировоззрения. Сб. статей по философии, общественной науке и жизни (изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, Спб., 1904). «Книга невежественная» – вердикт Брюсова (Пентаур, «Весы», 1904, № 2).

22 декабря в Москве открылась выставка «Союза русских художников», на которой были представлены произведения Врубеля, Малявина, Рериха, Бенуа, Сомова и др.

Своей главной задачей Союз объявил распространение русского искусства, а также обеспечение членам Союза сбыта их художественных произведений и выставление работ без жюри. Выставка была в целом одобрительно встречена критикой и зрителями.

С. Яблоновский в статье «На выставке» пишет, что публика «уже не боится так называемых декадентов в живописи. С другой стороны, и большинство декадентов <...> до многого-таки дописались <...> и, оставив некоторые уродливости, которые были не главной сутью нового направления <...> несомненно, вписали в искусство свежую струю и открыли перед ним новые горизонты» (Р. Сл., 1904, 6 февраля).

В числе наиболее «значительных» – работы Врубеля. «Едва ли найдется в России другой художник, который так ярко стоял бы на рубеже старого искусства <...> и нового <...> Понимать Врубеля – значит понимать все надвигающееся на искусство время», «яркое впечатление» производят также работы Рериха, Сомова, Бенуа, Иванова и др. На выставке представлено «все, что есть сейчас в русском искусстве талантливого и сильного» (С. Глаголь, «Весы», 1904, № 1. Отд. «Хроника»). «А ведь было время и вовсе не так давно, когда на Врубеля <...> со всех сторон

сыпались <...> издевательства, глумления и даже запрещения» (—ъ [В.И. Сизов], Р. Сл., 1904 г., 2 янв.).

1 декабря Блок пишет С. Соловьеву о впечатлении от концерта певицы М. А. Олениной д'Альгейм: «С Олениной что-то делается, когда она поет. Мне кажется, что она не проживет долго<...>» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 352). Олениной д'Альгейм было посвящено стихотворение Блока: «Темная, бледно-зеленая / Детская комнатка...», 3-я книга стихов С. Соловьева «Цветник царевны» и статья Белого «Певица».

19 декабря в Херсоне состоялась премьера спектакля по пьесе Пшибышевского «Снег». Снег. Драма в 4-х актах. Перевод Серафимы Ремизовой и Алексея Ремизова (М., 1903, тип. М. А. Добрышева). Ремизов в «Письме из Херсона» с одобрением пишет о постановке Мейерхольда, «в котором сказалось большое художественное чутье режиссера <...> сумевшего сочетать <...> символику драмы с ее реальным сюжетом» («Весы», 1904. № 4). С. Поляков резко раскритиковал перевод пьесы за ошибки в передаче польских слов и выражений («Весы», 1904, № 5, см. также ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 170–171).

В конце декабря состоялось чествование Ф. Ф. Фидлера по поводу 25-летия его литературной деятельности. Газеты отмечали, что «огромные заслуги» Фидлера «признают лучшие писатели и критики, и в том числе Куно Фишер, Макс Нордау, Георг Брандес и др.» (Спб. Вед., 22 дек.; см. также: Фидлер. С. 364–365).

В течение года

Число подписчиков журнала «Новый путь» к концу года составляло 2558; «Русское Богатство» с начала 900-х — имело 11000 подписчиков (см. ЛН. Т. 85. С. 273).

По поводу готовящегося журнала «Весы» Брюсов пишет 20 декабря П. Перцову: «Что до подписки, у нас плохо очень. У нас <«Нового Пути»> вот по 20–30 в день, а у нас по 2–3, больше 5 не было ни разу» (Там же).

О том, что Брюсов и его группа не рассчитывали на широкий успех издания, понимая, что «декадентский» и «аристократический» журнал лишь для «избранного» круга читателей, свидетельствует написанное годом раньше письмо П. Перцову: «Я всегда был убежден, что ни вы, ни Мережковские, никто из нас не сумеет издавать журнал на 3000 подписчиков. В области чистой литературы нам, ценителям стихов Зинаиды Николаевны, долго еще быть в великом меньшинстве» (Там же. С. 274).

Помимо русских символистов, в «Новом пути» печатались произведения Анри де Ренье, Вилье де Лиль-Адана, Верлена, Метерлинка, Стриндберга, Гамсуна и др. Обозревателем иностранной литературы была З. Венгерова, которая в своих очерках о Верхарне, Роденбахе и др. стремилась, по ее же признанию, показать их «отношение к вопросу о религиозном мирозерцании» (Нов. П., № 4).

Образовалось общество искусств изящной литературы (просуществовало до 1910 г.) – объединение при Московском университете, основанное по инициативе Д. Н. Крачковского и П. Н. Сакулина. В работе принимали участие Андрей Белый, А. А. Бурнакин, Н. Н. Русов и др.

С 1903 г. – начало «вторников» у Бальмонта.

«У нас в доме встречались люди самых разнообразных знаний и положений<...> адъютант великого князя, молодой рабочий, писавший стихи, какая-нибудь светская дама, максималист Ривкин, бежавший из тюрьмы, рой молодых девиц, поклонниц Бальмонта <...> старые ученые, художники и писатели разных возрастов и направлений. И поэты, конечно» (Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания, М., 1997. С. 341). Журфиксы продолжались до конца 1905 г.

Продолжается работа основанного год назад кн. С. Н. Трубецким историко-филологического общества. Объединение существовало при Московском университете; в работе его принимали участие Д. Н. Анучин, С. В. Бахрушин, Андрей Белый,

И. А. Ильин, В. О. Ключевский, А. А. Мануйлов, П. И. Новгородцев, В. П. Свенцицкий, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн и др.

Н. О. Лосский подал в Главное управление по делам печати МВД прошение о разрешении на издание «в СПб без предварительной цензуры ежемесячного журнала» под названием «Вопросы Жизни». Главное управление обратилось в Департамент полиции с запросом о наличии «неблагоприятных сведений» о Лосском. Булгаков обратился за содействием к Е. Н. Трубецкому, который составил рекомендательное письмо главе Управления сенатору Н. А. Звереву. 13 декабря разрешение было выдано без каких-либо изменений в программе (См. Колеров М. В. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. Спб., 1996).

В приложении к журналу «Нива» было выпущено Полное собрание сочинений А. П. Чехова (изд. второе: В 16 т.). В том же приложении изданы (начиная с 1902 г.) массовым тиражом сочинения Н. С. Лескова. Издание «на протяжении более полувека было самым полным из всех сочинений писателя» «<...> руководитель “Посредника”. И. И. Горбунов-Посадов писал, обращаясь к Марксу <издателю «Нивы»>: “Вы поставили ему <Лескову> лучший памятник в русском обществе, распространив произведения по всей России”» (Цит. по: Е. А. Динерштейн. «Фабрикант читателей: А. Ф. Маркс». М., 1986. С. 136).

Вл. С. Соловьев. Собрание сочинений. СПб., «Общ. польза». Т. 7 (тираж – 5100), Т. 8 (тираж – 5000)..

Собрание сочинений А. Шопенгауэра. В перев. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. Вып. 8, 9, 10 (тираж – по 3.600 экз.)

Вышло Собрание сочинений Ф. Ницше: В 9 т., М., 1902–1903, изд. 2-е (Первое издание вышло в 1900 г.: В 8 т. Под ред. А. И. Введенского).

Итоги литературного года

А. И. Богданович отмечает «количественный рост» литературы за прошедшее время, но не находит в ней «объединяющего начала, синтеза, который выяснил бы читателю сложность текущей жизни...». Писатель вынужден молчать по поводу острых и злободневных вопросов времени, и тяжело смотреть на «эту щемящую сердце картину – молчаливой литературы на фоне мятущейся жизни...» (А. Б., Мир Б., 1904, № 1).

Ник. Ашешов согласен с тем, что «невозможность коснуться всех сторон жизни, во всей ее сложности... является настоящею болезнью литературы...» (Обр., 1904, № 2). Но в отличие от критика «Мира божьего» он полагает, что «настоящий момент в литературе... является чрезвычайно оживленным и напряженным... сравнительно с недавними глухими, застойными эпохами», что «в коллективном творчестве литературы царит нервность, отражающая силу, бьющуюся в тисках, внутренних и внешних... эту нервность вы заметите почти у всех беллетристов новейшей формации <...>»

Анонимный автор статьи «Литературные ценители и судьи начала века» (Р. Мысль, № 11) характеризует «переживаемый момент в русской духовной жизни как «головокружительные saltomortale от марксизма к идеализму», «явные симптомы вырождения драмы и литературной критики» и т. д. Все это создает в «сплетении» с прошлым «пестрый узор», «прихотливые арабески идеи, формы».

А. Скабичевский в литературе истекшего года не желает видеть ничего, кроме «будничной ординарности», «мертвой обрядности», «бог весть когда проторенных дорожек» (Нов., 1904, 23 янв.).

1904 год

Январь

27 января началась русско-японская война.

28 января Горький писал Е. П. Пешковой из Москвы: «Здесь патриотизм цветет только в газетах; на улицах и в обществе – насмешки. Война – не популярна» (Т. 4. С. 35); 4 февраля – Л. Н. Андрееву: «В тревожное и спутанное время нужно оперировать с точными принципами или мнениями – из них же первое: воюют правительства, а не народы, и воюют для упрочения своей власти, а не в интересах страны» (Т. 4. С. 41). 30 января А. Н. Бенуа писал В. А. Серову: «Здесь все в кошмаре японской войны. Даже эстеты всполошились» (Валентин Серов в переписке, документах и интервью: В 2 т. Т. 1. Л., 1985. С. 448).

Впоследствии Бенуа вспоминал о настроениях, царивших в русском обществе того времени: «<...> почти все отнеслись к [войне] с каким-то удивительным легкомыслием, как к какой-то пустяковой аванюре, из которой Россия не может не выйти победительницей <...> У меня и у многих зародилось даже тогда подобие жалости к этим “неосторожным безумцам”. Ведь их разобьют в два счета, ведь от них ничего не останется, а если война перекинется к ним на острова, то прощай все их чудное искусство, вся их прелестная культура, которая мне и моим друзьям полюбилась за последние годы» (Бенуа А. Мои воспоминания: В 2 т., 5 кн. Т. 2. Кн. 4–5. М., 1980. С. 400).

9 февраля Л. Н. Толстой ответил телеграммой на запрос филладельфийской газеты «The North American» о его отношении к войне: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать

против своего благополучия, совести и религии» (Т. 75. С. 37–38). «Ужасно! Но без этого нельзя. Пусть японцы сдвинут нас с места», – сказал мне Чехов взволнованно, но твердо и уверенно, когда в России запахло порохом» (Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1962. С. 334).

27 января В. Я. Брюсов написал стихотворение «К Тихому океану» во славу исторической миссии России. В течение года поэтом написано еще несколько стихотворений в том же духе («К согражданам», «На новый 1905 год», «Война»). 10 февраля 1904 г. Брюсов писал М. Волошину: «Япония будет раздавлена страшной тяжестью России, которая катится к Великому Океану по столь же непобедимым космическим законам, как лавина катится в долину» (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 310).

«Новый Путь» констатировал: «Война <...> заслонила весь горизонт <...>» (П. Перцов, «Желтые или белые?», № 2, отд. «Политическая хроника»); столкнулись «народ, жизнь которого насквозь проникнута религиозным мирозерцанием», и «народ без всякой веры», это «борьба <...> двух мировоззрений, двух форм мировой души», в которой Россия прольет свою кровь «за весь мир, за Бога» (А. А. Смирнов, «О войне», Там же).

В Москве, в кн-ве «Скорпион» начал выходить новый «научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник» – «Весы». Официальный редактор-издатель журнала – С. А. Поляков, фактический руководитель – В. Я. Брюсов. «“Весы” желают создать в России критический журнал. Внешними образцами они избирают такие издания, как английский “Athenaeum”, французский “Mercure de France”, немецкое “Literarisches Echo”, итальянский “Marzocco”. Стихи, рассказы, все создания творческой литературы сознательно исключены из программы “Весов”. Таким произведениям – место в отдельной книге или в сборнике.

“Весы”, в своих критических суждениях, желают быть беспристрастными, оценивать художественные создания независимо от своего согласия или несогласия с идеями автора. Но “Весы” не могут не уделять наибольшего внимания тому знаменитому движению, которое под именем “декадентства”, “символизма”, “нового искусства” проникло во все области человеческой деятельности. “Весы” убеждены, что “новое искус-

ство” – крайняя точка, которой пока достигло на своем пути человечество, что именно в “новом искусстве” сосредоточены все лучшие силы духовной жизни земли, что, минуя его, людям нет иного пути вперед, к новым, еще высшим идеалам.

Каждый номер “Весов” будет распадаться на два отдела. В первом будут помещаться общие статьи по вопросам искусства, науки и литературы. Сюда будут входить, кроме теоретических статей о задачах и средствах искусства, характеристики творчества выдающихся художников, их биографии, статьи по истории литературы и т. п. <...> Второй отдел “Весов” предоставлен хронике литературной и художественной жизни. Здесь будут помещаться критические и библиографические заметки о новых книгах, появившихся как на русском, так и на других языках, также перечни новых книг, русских и иностранных. Сюда же войдут отчеты о театральных представлениях, музыкальных исполнениях и картинных выставках. “Весами” приглашены корреспонденты в главных городах Европы и Азии. Число этих корреспондентов “Весы” надеются значительно увеличить.

В первом отделе “Весов” примут участие: К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Макс Волошин, Н. Досекин, Вячеслав Иванов, Марк Криницкий, Д. Мережковский, Н. Минский, П. Перцов, В. Розанов, М. Семенов, Ф. Сологуб и др.

В отделе библиографии и художественной хроники кроме того будут участвовать: П. Батюшков (теософия), А. Блок, В. Владимиров (художеств., выставки), В. Каллаш (история русск<ой> литературы), К. Коровин (художеств<енные> выставки), Н. Лернер, А. Миропольский (эзотеризм и спиритизм), С. А. Поляков (языковедение), Г. Попов (математика), С. Рафалович (театр), В. Ребиков (музыка), А. Ремизов, И. Рачинский (музыка) и др.

Свои корреспонденции обещали: М. Волошин (Франция), Franz Evers (Германия), Rene Ghil (Франция), Г. Касперович (Польша), Dagny Kristensen (Норвегия), А. Леман (Индия), А. Madelung (Дания), William R. Morfill (Англия). М. Семенов (Италия), Maximilian Schick (Германия) и др.» («К читателям», «Весы», 1904, № 1).

Описание редакции нового журнала, располагавшейся в здании только что построенной гостиницы «Метрополь», дал его

участник Б. А. Садовской: в «двух высоких комнатах в стиле “модерн”» – «большой портрет Ницше» и «портрет-триптих З. Н. Гиппиус в белом со шлейфом платье». В кабинете редактора – «портреты Метерлинка, Пшибышевского с женой, Достоевского, Верлена, Верхарна, много рисунков», «картины Борисова-Мусатова, Феофилактова, Сапунова» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 19–20).

Первый № открывался статьей Брюсова «Ключи тайн», развивавшей мысль об искусстве как «познании мира вне рассудочных форм, вне мышления по причинности»: «Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства это – приотворенные двери в Вечность».

В напечатанной в № 1 статье «Скелет живописи» М. А. Волошин писал: «Живопись должна или быть нерасторжимой и гармонирующей с публичным зданием, или составлять частную собственность. Стать собственностью каждого, но не собственностью всех, вот задачи для современного искусства. Европейское искусство или станет всенародным и необходимым для каждого, или его не будет». Волжский [А. С. Глинка] увидел здесь «предел <...> искусства», достигнув которого, оно «умирает, становясь *ничьей* собственностью; каждый от каждого отделяется непроходимой бездной и в уединенности своей тонет <...>, оторвавшись от источников своего питания – вселенского понимания <...>» («Об уединении. О “Горных вершинах” г. Бальмонта и о “Вессах”», Нов. П., № 11).

В статьях первого отдела «Весов» (А. Белого, Вяч. Иванова и др.) в последующие месяцы была развернута философско-эстетическая платформа символизма. Во втором, критико-библиографическом, отделе, наряду с отечественными, широко рецензировались иностранные издания.

Начало издания «Весов» приветствовал «Новый Путь»: «<...> “Весы” так же, как и “Мир искусства”, верный союзник в борьбе с варварами, хулиганами», в борьбе «“декадентов” с “босьяками”», которые добиваются «свободы, равенства и братства уничтожением старого уклада и плеванием на драгоценные дары культуры» (Дм. Философов, № 1, отд. «Литературная хроника»). Однако уже во № 2 журнала, несмотря на общее приятие «Весов», прозвучала и критика: «Первый выпуск <...> по своему

качеству <...> ниже того, что могут и должны сделать его создатели». Желая «говорить одновременно и с толпой, и с избранными», «Весы» впадают в «культ безбожной красоты», который приводит их «к мертвому, условному “академизму”» (И. Лобанов, «Обзор журналов», Нов. П., № 2). «Без сомнения гг. Бальмонт, Брюсов Валерий, Белый Андрей, Коневской Иван, Мережковский Дмитрий, Гиппиус Зинаида и другие столпы, на которых зиждется “Скорпион”, далеко не гении, но у всех у них есть дарования, и все они в большей или меньшей степени способствуют прорубанию просеки в том дремучем лесу, в котором бродит и долго еще будет бродить человечество» (Офеня, «По книжной части», «Русь», 16 февр.).

В основном же журнал был встречен резко критически и в либеральной, и в консервативной журналистике. «Курьер» писал о защите новым изданием «упадка, бессилия, болезни» (Сожин, 5 февр.). «Почему именно “Весы”? Что заставило московское кн-во “Скорпион” окрестить так нового ублюдка декадентской музыки, порожденного ею от непрерывного общения с гг. Валерием Брюсовым, Бальмонтом, Балтрушайтисом, Андреем Белым и другими литературными упадочниками?» (Эс. [М. П. Козиенко]. «“Весы”. Новый декадентский журнал», «Киевская газета», 14 февр.). «Журнальчик, издаваемый “Скорпионом”, тощ не только объемом, но и весьма убог содержанием, да и само книгоиздательство “Скорпион” со всеми своими затеями одно из разновидностей того московского самодурства, которое бьет зеркала в отдельных кабинетах и устраивает “аквариумы”, наливая шампанское в рояль и напуская туда живых стерлядок из бассейна» (Б. п., «Кустари», Нов. Дня, 22 февр.). «Сведения» о «корифеях “Весов” собраны в приложенном к первой книге каталоге кн-ва “Скорпион”. <...> Видите ли, с каким составом великих писателей мы имеем дело в “Весах”. А мы-то, люди темные, жили и не подозревали, что у нас под боком такая плеяда всяческих гениев» (Стародум Н. Я. [Стечкин], «Журн. обозрение», Р. Вест., 1904, № 3).

С января в Москве начал выходить новый «ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни» – «Правда» (редактор-издатель Вал. Кожевников; в составе редакции:

А. Богданов, Н. Рожков, П. Румянцев, М. Лунц). Анонсируется сотрудничество в журнале Бальмонта, Бунина, Вересаева, Найденова, Серафимовича и др. писателей; Коллонтай, Луначарского, Неведомского, Потемкина, Овсяннико-Куликовского, Рожкова, Гарле и других публицистов и критиков. Предполагалось участие Горького (см.: письмо Е. П. Пешковой от 9 марта. Т. 4. С. 57). В художественном отделе «Правды», руководимом И. А. Буниным, значительное место заняли малый повествовательный жанр и лирическая поэзия. Журнал знакомил читателя с явлениями новейшей иностранной литературы (Шницлер, Пшибышевский, Гофмансталь, Д'Аннунцио и др.). Но «внутренняя физиономия» нового издания, как тогда же заметили рецензенты, «определяется главным образом в статьях, посвященных критике идеализма, во внутреннем обозрении и в обозрении общественной жизни» (И. [И. Н. Игнатов], «Литературные отголоски», Р. Вед., 23 янв.). «Тон этого журнала <...> не выдержанный, – писал Б. Кремнев [Г. И. Чулков]. – В отделе беллетристики попадают такие интересные вещи, как “Снег” Пшибышевского, пьесы Гуго фон Гофмансталя, рассказы Бориса Зайцева и рядом с ними пошлости г-жи Галиной, Вербицкой и других им подобных. “Правда” прекрасно иллюстрирует вышеизложенные мысли о банкротстве марксизма-позитивизма; жизнь идет, развивается помимо этих непрошенных руководителей, которые; в своем стремлении к обобщению жизненных фактов, просмотрели самое существенное, самое важное, Тайну жизни и связанную с ней истинную эстетику» (Нов. П., № 7, отд. «Литературная хроника»). Мнение «Весов» о новом журнале: «Его беллетристика и стихи – бесцветны. Некоторые статьи пытаются оживить мертвеца – русский марксизм. <...> “Правда” щеголяет разными внешними странностями (к слову сказать, дурного вкуса) – форматом, шрифтом, обложкой – и все же <...> сразу чувствуется дружеский привет: это все та же надоевшая канитель русской “толстой” журналистики» ([В. Я. Брюсов], № 2, отд. «В журналах и газетах»). Общая ориентация общественно-политического отдела «Правды» была социал-демократической, но отличалась непоследовательностью.

В январском номере «Правды» среди других материалов – стихи и проза Бунина (рассказ «С высоты»), рассказ Телешова

«Певец Богоматери», статья Луначарского «Идеалист и позитивист как психологические типы», рассматривающая «тяготенье к идеализму» как «душевный строй, который жаждет утешительной лжи», которому «необходим Лука».

В «коротеньком» рассказе Бунина, по мнению рецензента «Вестника и библиотеки самообразования», «ничего символистского или декадентского <...> не усматривается» (Б. п., «Из текущих журналов. Новый журнал “Правда”», № 7). Статью Луначарского сочувственно отметил Горький (письмо Е. П. Пешковой от 23... 24 января. Т. 4. С. 31).

В № 1 журн. «Новый Путь» начали печататься: роман Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» (последняя часть его трилогии «Христос и Антихрист»); «очерки» Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога», которые «без существенных перемен воспроизводят курс лекций, читанный весной 1903 года в Русской высшей школе общественных наук в Париже. <...> Изучая предмет в связи с современными исканиями религиозно-философской мысли, автор намечает <...> результаты предпринятого им специального исследования религии Диониса» (Примечание автора, Нов. П., № 1).

Леонид Андреев – рассказ «Нет прощения» (одновременно: Кур., 1 и 2 янв.; Од. Нов., 1 янв.).

12 января московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов сообщил председателю московского цензурного комитета В. В. Назаревскому, что в рассказе «заключается крайне вредная тенденциозная характеристика розыскной деятельности агентов полиции, причем путем целого ряда возмутительных описаний понимание читателя злонамеренно направляется к выводу о неизбежности и похвальности насильственных действий против должностных лиц полиции <...>» (ЛН. Т. 72. С. 169). 17 января начальник Главного управления по делам печати известил Назаревского, что за напечатание рассказа «Нет прощения» министром внутренних дел «воспрещена продажа газеты “Курьер”» (Цит. по: Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 630).

Критика отнеслась к рассказу сочувственно. Рецензент тифлисской газеты «Новое обозрение» (17 янв.) отметил у Андреева

«живой интерес к живой действительности нашей общественной жизни». Рецензент «Донской речи» назвал рассказ «Нет прощения» интересным образчиком соединения «нового искусства» с «основною чертой русской литературы – проповедью» (Б. п., «Казнь Молчалина», 1 февр.).

Федор Сологуб – цикл рассказов «Превращения» («Воскресенье», 4 янв.). О провинциальных нравах. Состав цикла: «С книгою и с книжкою», «Учитель и конторщик», «С учеником и с гостем», «В сапогах и босиком», «С подчиненным и с начальником».

В. В. Вересаев – рассказ «Проездом» (Обр., № 1).

Критика сочувственно оценила «полный жгучего страдания очерк», остро ставящий женский вопрос (А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 4; Е. Колтоновская, «В заколдованном круге», Нов., 30 июня).

Е. М. Милицына – повесть «За светом» (Р. Мысль, № 1).

А. Луначарский назвал ее «<...> интересной попыткой проникнуть в душу той бродячей Руси, разнокалиберной, разноценной, богатой типами, которая ходит по лицу земли, в поисках за утешением, поучением, развлечением, иногда и за более низменными благами» («Журн. заметки», Обр., № 3). См. также отзыв Н. Геккера (Од. Нов., 1905, 6 февр.).

Евг. Ляцкий – статья «А. П. Чехов и его рассказы» (В. Евр., № 1): творчество Чехова – «фокус, вобравший в себя косые лучи разочарования, сомнений, утомления русской прогрессивной мысли <...> этот фокус – только этап для больных, малодушных и отставших, и мы на нем не остановимся долго <...> Не устоять “чеховским” настроениям перед <...> порывом жизненных сил, окрыленных надеждой, озаренных бледными лучами занимающейся зари».

А. В. Луначарский присоединился к этому выводу («Журн. заметки», Обр., № 3); в «Русской мысли», осудившей статью Ляцкого, была отмечена связь его высказываний о Чехове с ус-

таревшим взглядом Н. К. Михайловского (Ф. Арн. [Ф. К. Арнольд], «Журн. обозрение», № 2).

В январской книжке «Нового Пути» З. Гиппиус резко критиковала Горького, как бы неспособного «к художественному развитию» «*пророка* нашего злополучного времени», чья «проповедь <...> освобождает человека <...> от любви, от нравственности <...> от знания, от красоты, от долга <...> и, наконец, от всякой активной воли». В той же статье Гиппиус дала оценку и другим авторам круга «Знания»: Леонид Андреев, по ее мнению, «не лишен силы изобразительности и без сомнения самый талантливый из всей “плеяды”»; впрочем местами недурен и Скиталец; да и Куприн не бездарен. Другие – их тьма тем – Серафимовичи, Юшкевичи, Вересаевы, Яблоновские, Чириковы – к сожалению неразличимы и значительны только своим явлением в данное время, явлением общественного характера» (Антон Крайний, «I. Выбор мешка. II. Углекислота»). Публицист «Русского вестника» (№ 1) негодовал по поводу того, что «в настоящее время нередко встречаются даже педагоги, восторгающиеся Максимом Горьким и обучающие своих питомцев на государственный счет пугачевской морали босячества» (В. Величко, «Русские речи»); этот «беззастенчивый апофеоз босячества» не что иное, как «факел революции», «факел анархии» (Н. Я. Стечкин, «Максим Горький», Р. Вест., № 1).

4 февраля Горький писал Е. П. Пешковой: «<...> внешняя война обострит внутреннюю <...> Против меня затеян поход с трех сторон: “Новый Путь” – Философов и Гиппиус клянутся уничтожить Горького. “Новое время” ставит своей задачей доказать, как 2 x 2, вред моего существования, о том же усиленно будет заботиться “Русский вестник”. Ты почитай 1-ю книгу этого журнала – удивительно просто доносят в нем» (Т. 4. С. 42).

В дневниковой записи «1904. Начало года» В. Я. Брюсов характеризовал свою деятельность в «Весах»: «Все делаю я один и, разумеется, не без ошибок» (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 8).

3 января Ф. Ф. Фидлер записал в дневнике: «Вчера у меня был Куприн с женой <...> Он бредит Чеховым. “Одним-

единственным прилагательным он умеет выразить больше, чем мы силимся сказать на пяти страницах. Мы все по сравнению с ним – глупые дети, сосущие мокрую тряпку”<...>» (Фидлер. С. 366).

7 января секретарь журн. «Новый Путь» Е. А. Егоров писал редактору П. П. Перцову о ходе подписки на журнал: «Всего платных подписчиков 1070 <...> все это смешно в сравнении с тем, что делает “Образование”, не говоря уже о “Русском богатстве” <...> Необходимо давать рассказы общественного характера и политику поострее» (Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 226).

10–24 января А. А. Блок и Л. Д. Блок провели в Москве. 10 января впервые встретился с ними Андрей Белый. 11 января на квартире Белого с участием Блоков и Брюсова прошло одно из «воскресений» – встреча кружка «аргонавтов» (см.: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 305). Свои впечатления от поездки в Москву Блок изложил в письме к А. В. Гиппиусу от 23 февраля: «Виделись особенно много с Сергеем Соловьевым и Борисом Николаевичем Бугаевым (А. Белым). Брюсова я видел несколько раз, также и Бальмонта. В последнем разочаровался, в первом – наоборот. По моему убеждению, Брюсов теперь первый в России поэт, особенно после последней книги (“Urbi et orbi” <...>), которая, по-моему, крупнейшее литературное явление в последние годы» (Т. 8. С. 90). Блок, «ласковый, выдержанный, даже светский, везде возбуждал рой симпатий; среди аргонавтов – особенно; в литературной среде молодых “Скорпионов” и “Грифов” А. А. возбуждал любопытство <...>» (Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 73). Подробное хроникальное изложение пребывания Блоков в Москве – в письмах Блока к матери от 14–15 и 19 января (Т. 8. С. 81–88).

14 января Л. Н. Толстой записал в дневнике: «Какое праздное занятие вся наша подцензурная литература! Все, что нужно сказать, что может быть полезно людям в области внутренней, внешней политики, экономич[еской] жизни и, главное, религиоз-

ной, все, что разумно, то не допускается. То же и в деятельности общественной. Остается забава детская. “Играйте, играйте, дети. Чем больше играете, тем меньше возможности вам понять, что мы с вами делаем”» (Т. 55. С. 6–7).

Общество русских драматических писателей и композиторов присудило Грибоедовскую премию пьесе Горького «На дне» (Нов. Дня, 16 янв.).

24 января П. А. Флоренский в письме к матери отозвался об Андрее Белом: «Чем больше я узнаю его, тем более понимаю, что это замечательная личность, глубокая и совершенно не имеющая в себе той вульгарности “практической жизни”, которая в большей или меньшей степени почти у всех <...> Видел я его как-то на вечере, среди разных знаменитостей, людей во всяком случае талантливых и оригинальных более или менее. И все мне перед Бугаевым казались такими жалкими и ничтожными, хотя он почти ничего не говорил» (Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 440–441).

В «Материале к биографии» Андрей Белый заметил о январе: «В этот месяц стали завязываться мои отношения с будущим христианским кружком <В. П.> Свенцицкого». В «Ракурсе к дневнику» – «Крепнет наше трио (я, Блок, Сережа)». Одновременно: интенсивны и часты свидания с Флоренским; долгие философские, нас самоопределяющие беседы <...>» (ЛН. Т. 105. С. 98, 349).

28 января умер Н. К. Михайловский. «<...> Михайловский умер не вовремя <...> хотя за последнее время его голос и ослабел. Но – события возбуждают энергию, и он еще мог бы хорошо говорить» (письмо Горького к Е. П. Пешковой от 6 февраля. Т. 4. С. 63). «Служил молодой священник панихиду среди шкапов с книгами. Вместо икон со стен глядели: портрет Успенского, с одной стороны, и бюст Шелгунова – с другой. Потом выне-

* С. М. Соловьев, племянник философа Вл. С. Соловьева.

сли гроб в Спасскую церковь напротив, где шла очень долгая литургия <...> Толпа была такая, что, говорят, не бывало с похорон Тургенева <...> Венки везли на трех колесницах, гроб несли до самого кладбища на руках» (Из письма Короленко жене от 31 января. Цит. по: Петрова М. Г. Михайловский Н. К. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 105). 30 января – похороны на Волковом кладбище, на которых присутствовали «почти все находящиеся в Петербурге писатели», множество учащейся молодежи (Р. Вед., 31 янв.). 31 января Ф. Ф. Фидлер записал в дневнике: «<...> городской, окинув площадь опытным взглядом, сказал мне, что здесь от четырех до пяти тысяч человек. Множество студентов и курсисток <...>. И что было запрещено после похорон Тургенева: весь долгий путь до Волкова кладбища гроб несли на плечах <...>» (Фидлер. С. 366). «Таких похорон Петербург не видел давно. Это были в полном смысле слова гражданские похороны; вся толпа точно была охвачена одним настроением, одним чувством. Все сознавали, что хоронят одного из последних могижан шестидесятых годов. <...> Смерть Николая Константиновича Михайловского – самое крупное и самое тяжкое событие в литературе» (А. Б. [Богданович], Мир. Б., 1904, № 3). «Умер – в жизни своей чуждый, после смерти всем нам близкий и родной человек. С ним связаны наши лучшие юношеские воспоминания, надежды, мечтания <...> В нем не было глубины мудреца, <...> крайностей утописта-мечтателя; это был трезвый, спокойный, любящий свою науку и своих учеников преподаватель, не смущавшийся тем, что многие и многие из его учеников, пройдя его школу, теряли с ним духовную связь, уходили дальше его <...> Не отреклись от него его питомцы, а просто *пережили* его, и пошли дальше...» (Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], Нов. П., № 2, отд. «Некрологи»). «Лучшая часть русского общества должна единодушно сознавать всю тяжесть утраты Николая Константиновича, самого крупного русского публициста, неизменного борца за правду, родного нам в лучших и заветных наших стремлениях», – писал Николай Бердяев (Од. Нов., 7 марта).

После смерти Н. К. Михайловского с февраля ответственным редактором-издателем «Русского богатства» стал В. Г. Короленко.

Вышло 3-е изд. 1-го тома сочинений Бунина – «Рассказы» (СПб., изд. т-ва «Знание», тираж 5200).

9 января в Петербурге, в Александринском театре – премьера трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (пер. Д. С. Мережковского, художник – Л. С. Бакст). В. В. Розанов посвятил спектаклю, который смотрел «с чрезвычайным волнением», большую статью в журн. «Мир искусства», где, подробно разобрав характеры Тезея, Эдипа, Антигоны и др., отметил, что «инсценирование (постановка на сцене), в своей необыкновенной яркости, страшно подчеркивает текст словесного творенья» («Что сказал Тезею Эдип? (Тайна Сфинкса)», № 2, отд. «Хроника»). По мнению Евг. Иванова, эта постановка показала: «ударяет час мистерии», «все житейское, повседневные мелочи, пошлость <...> исчезает как дым» и человек «стоит лицом к лицу пред бездной темной» (Нов. П., № 2, отд. «Театр»).

11 января в петербургском Новом театре – премьера пьесы М. Метерлинка «Пеллеас и Мелисанда». «Новости» напечатали вступительное слово Н. М. Минского перед спектаклем: «Драмы Метерлинка <...> хрустально-прозрачны по мыслям и чувствам. Но манера, в которой они написаны, слишком нова <...> соединением незамысловатости и глубокомыслия <...>». Это «поэтическое обобщение действительной жизни, самый простой и самый общий рисунок ее, <...> стилизация мировой трагедии» (12 янв.).

Приветствуя обе постановки, критика «Нового Пути» писала об отказе от «реальной драмы» во имя нового театра, в котором «свободное творчество выше жизни <...>» (А. А. Смирнов, «Тайнственное и тайны», Нов. П., № 3; см. также статьи Леонида Семенова, Б. Бартенева [В. В. Успенского] и Евгения Иванова о возрождении античной трагедии в № 2 «Нового Пути»). Тем не менее «Мир искусства» отметил, что спектакль «Пеллеас и Мелисанда» «производил в высшей степени тягостное впечатление» из-за «претензий на понимание Метерлинка» и «шокирующей нехудожественности», «опошления и коверкания дорогого писателя» (№ 1, отд. «Хроника»). Театральными рецензентами спектакли (особенно – второй) были встречены весьма скептически. «Наша интеллигенция в настоящий момент несом-

ненно более, чем когда бы то ни было, заинтересована <...> Метерлинком. Чуть ли не во всех больших городах России ставится его Монна Ванна, и одновременно несколько издателей выпускают в свет полные собрания его пьес в русском переводе» (Ачкасов, «Метерлинк как драматург», Пр., № 1).

17 января в МХТ – премьера пьесы Чехова «Вишневый сад» и чествование писателя по случаю 25-летия его литературной деятельности, «полное и торжественности, и искренности» (Нов. Дня, 18 янв.). Чехова приветствовали: Общество любителей российской словесности, редакции многих журналов и газет, театральные деятели и писатели. «Наш театр, – сказал Вл. И. Немирович-Данченко, – в такой степени обязан твоему таланту, твоему нежному сердцу, твоей чистой душе, что ты по праву можешь сказать: “Это – мой театр!”» (Р. Сл., 18 янв.); к «родному писателю, создавшему новую чудную страницу великой книги русской литературы», обращался Малый театр в адресе, прочитанном Г. Н. Федотовой (Р. Сл., 18 янв.); в приветствии Московского литературно-художественного кружка говорилось об искусстве «правды, озаренной <...> глубокою любовью к человеку», которое завоевало «бессмертие» Чехову «не только в истории русской литературы, но и в истории русской жизни» (Зап. рукоп. отдела Гос. биб-ки им. В. И. Ленина. Вып. 8. М., 1941. С. 87). «В день первого представления “Вишневого сада” находящиеся в Петербурге участники журн. “Мир искусства” послали в Москву телеграмму следующего содержания: “Сегодня, в день чествования славного русского художника Антона Павловича Чехова, участники журнала “Мир искусства” шлют ему свой привет и радуются обогащению русской литературы новым проявлением его изящного дарования. Бакст, Александр Бенуа, Зинаида Гиппиус, Головин, Добужинский, Дягилев, Лансере, Мережковский, Минский, Нурок, Нувель, Розанов, Философов, Яремич”» (Мир Иск., № 1, отд. «Хроника»). 25 января цензор П. М. Пчельников сообщал в Главное управление по делам печати: «<...> мною были собраны, совершенно частным образом, справки, из которых выяснилось следующее: канцелярия обер-полицмейстера никакого разрешения на это чествование не давала, а потому и не цензуровала всего того, что говорилось и чи-

талось со сцены в этот вечер» (Ежегодник Московского Художественного театра 1948 г. Т. 1. М., 1950. С. 688). Сам Чехов в письме к Ф. Д. Батюшкову от 19 января признавался: «на первом представлении “Вишневого сада” <...> меня чествовали, и так широко, радушно и в сущности так неожиданно, что я до сих пор никак не могу прийти в себя» (Т. 12. С. 15).

Пресса в целом высоко оценила спектакль: «В постановке чеховских пьес молодой театр достигает такого художественного совершенства <...> которое дает нам право говорить о возрождении сценического искусства» (Л. Гуревич, «Возрождение театра», Обр., № 4). Но сам автор был во многом не согласен с режиссерским замыслом, отразившимся в письме К. С. Станиславского к Чехову от 22 октября 1903 г.: «Это не комедия, не фарс, как Вы писали, – это трагедия, какой бы исход к лучшей жизни Вы ни открывали в последнем акте. Впечатление огромное, и это достигнуто полутонами, нежными акварельными красками <...>» (Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 7. М., 1960. С. 265): 10 апреля Чехов писал жене: «Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев в моей пьесе видят положительно не то, что я написал <...>» (Т. 12. С. 92). Мнение «Петербургской газеты»: «<...> Чехов прежде всего художник, он “дофин”, наследник Тургенева, друг Левитана, а не только учитель, которого во что бы то ни стало хотят из него сделать москвичи» (№ 19).

Сценическая интерпретация «Вишневого сада» повлияла на критическую литературу о пьесе. «Это комедия по названию, драма по содержанию. Это – поэма» (В. Дорошевич, Р. Сл., 19 янв.). Восприятие пьесы как элегической драмы стало наиболее распространенным: «Единство настроения <...> выдержано в пьесе удивительно: <...> одна тихая жалоба» (М. Гершензон, Научн. Сл., № 3); «<...> автор никого не хотел судить и карать. Он рисует эти тихие внутренние драмы <...> как поэт с чутким сердцем, откликающийся на всякое страдание в мире» (П. К. [П. С. Климентов], Кур., 19 янв.). Молодым героям пьесы (Трофимову, Ане), их «слабо мерцающей грезой» не осветить «всей темнеющей глуби чеховского понимания действительности <...>» (Волжский [А. С. Глинка], Журн. для всех, № 5); «<...> даже молодое, даже стремящееся жить» имеет в пьесе «характер неопределенности, или нерешен-

тельности, или неумения, или ненужности» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 19 янв.). Пессимизм «Вишневого сада» – всеобщий, философский (Ю. А. [Ю. И. Айхенвальд], «Современное искусство», Р. Мысль, № 2); «Здесь больше, чем ликвидация <...> старинного дворянского имения. Вся жизнь людей есть такое же совершенно пассивное ожидание ликвидации <...> Я не запомню даже у Чехова такой безнадежной фигуры, как Трофимов. Единственно будто бы бодрый и деятельный представитель жизни – барин “облезлый” <...>» (А. Кугель, «Грусть “Вишневого сада”», Т. и Иск., №№ 12, 13). «Неужели выхода нет, другой жизни нет и не может быть, неужели Чехов – последняя точка *всего* искусства?» (Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], «Что и как», Нов. П., № 5). Но у критиков-модернистов мнения о пьесе разошлись. Г. Чулков оспорил суждения Гиппиус: «Чехов не только конец, но и начало»; «Чехов, может быть, полусознательно, но осязает уже своим талантом страшные колебания, глухую тревогу и бессмысленный топот жизни» (Нов. П., № 5). В духе символистских концепций истолковал «Вишневый сад» Андрей Белый: «Хотя, казалось бы, чему ужасаться: ведь идет речь о продаже имения. Но страшны маски, под которыми прячется ужас <...>»: «В мелочах для нас открывается какой-то тайный шифр <...>» («Весы», № 2). В. Э. Мейерхольд писал Чехову 8 мая: «Ваша пьеса абстрактна <...> В третьем акте на фоне глупого “топотанья” <...> незаметно для людей входит Ужас <...> В этом акте что-то метерлинковское, страшное» (ЛН. Т. 68. С. 448).

Напротив, взгляд на «Вишневый сад» как на социальную драму был высказан А. В. Амфитеатровым: «Если бы этому [Художественному] театру нужен был девиз на портал <...> я рекомендовал бы им надпись средневекового колокола: “Vivos voco, mortuos plango”^{*} <...> Mortuos plango: Антон Чехов. Vivos voco: Максим Горький <...> отпевали в “Вишневом саду” российского интеллигентного, но оскуделого дворянина <...> поставили памятник над могилою симпатичных белоручек, орхидей, отцветших за чужим горбом <...> Понятна и не внушает ни малейшего негодования железная необходимость, непреложную тяжестью которой давят их колеса жизни – но трагическая бес-

^{*} «Живых приветствую, мертвых оплакиваю» (лат.).

помощность <...> вялое покорство и кротость их наполняют сердце <...> конечно, сентиментальною и напрасною, но невольною жалостью инстинкта» («Русь», 3 апр.). Но и Амфитеатров полагал, что «Чехов остался верен <...> пессимизму» («Русь», 4 апр.). Напротив, рецензент «Новостей дня» увидел в пьесе обновленного Чехова: «Перевертывающим жизнь не пришел еще черед. Но их призрак реет уже над “вишневым садом”, все в пьесе тоскует по ним»; в Трофимове – их «первые признаки» (-ф [Н. Е. Эфрос], «Под говор вишневого сада», 20 янв.). О светлых надеждах писателя свидетельствует уже «возвращение Чехова к юмору», в котором «он себе отказывал при создании других <...> драматических произведений» (Сожин, «Культурные отголоски», Кур., 20 янв.). Но указания прессы на бодрую ноту в спектакле занимали скромное место среди первых критических откликов.

Публика приняла премьеру пьесы Чехова сдержанно: «актеров вызывали после каждого акта лишь по три-четыре раза, под конец – восемь раз. А когда кончился спектакль, автора стало требовать около тридцати голосов. Между тем все места были заняты. Пьесу, таким образом, встретили прохладно» (Из дневника Ф. Ф. Фидлера от 1 апреля 1904 г. // Фидлер. С. 370).

Откликаясь на разносный отзыв В. П. Буренина на свою пьесу и хвалебную статью В. А. Гольцева о спектакле (Р. Мысль. 1904. № 2), Чехов писал жене 31 марта: «Вчера читал фельетон Буренина и заключил из него, что “Новое время” решило растерзать вас, и порадовался, так как растерзать вас уже никому не удастся, что бы там ни было. Ведь вы уже сделали свое <...>» (Т. 12. С. 76).

2 января в Херсоне прошло представление (премьера – 19 декабря 1903 г.) спектакля «Снег» по пьесе С. Пшибышевского в переводе А. М. и С. П. Ремизовых и в постановке В. Э. Мейерхольда. В «письме из Херсона» «Товарищество новой драмы» Ремизов отмечал: «“Товариществу новой драмы” принадлежит инициатива постановки на русской сцене “Снега” Ст. Пшибышевского <...> Постановка, в которой сказалось большое художественное чутье режиссера Мейерхольда, сумевшего сочетать в тоне, красках и пластике символику драмы с ее реальным сюже-

том, желанное, любовное отношение актеров к своим ролям, все это сыграло симфонию света и озими, успокоения и неукротимой жажды <...> («Весы», № 4).

В Петербурге открылась выставка этюдов Н. К. Рериха (памятники древнерусской архитектуры), привлекающая значительное внимание.

Февраль

З. Гиппиус – «Светлое озеро. Дневник» (Нов. П., №№ 1, 2) – о поездке на озеро Светлояр, место религиозного паломничества к легендарному граду Китежу. В поздней книге «Дмитрий Мережковский» Гиппиус назвала это путешествие «одним из самых интересных из множества совершенных нами с Д. С.»: «мы попали на озеро, к Китежу, как раз в ту июньскую ночь, когда там каждый год совершается особое ночное собрание народа, – староверов-раскольников, духоборов, сектантов всякого толка <...> когда приезжает туда и окрестное духовенство – не специальное миссионерство, а для разговоров и народных споров. Вот эту ночь – всю – мы там, на Озере, и провели, на холмах местных, в которые когда-то превратились золотоголовые храмы “града Китежа”. <...> С тех пор лишь раз в год, в ночь на 21 июня, на заре, могут достойные – говорит предание – видеть в светлых водах озера не отражение холмов, но отражение подлинного города Китежа, и слышать скользящий по воде звон его колоколов» (Собр. соч. Т. 6. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. С. 279).

Среди полемических откликов на очерк Гиппиус – статья Волжского [А. С. Глинки] «Об исканиях и об ищущих»: «Народные религиозные брожения, взглянуть на которые она ездила на “Светлое озеро”, являются в ее изображении только <...> фоном для изображения ее собственных внутренних переживаний, только <...> приправой к самовосхищению, обильному питанию соком собственных, часто действительно тонких и красивых ощущений» (Журн. для всех, № 6). В. Я. Брюсов в письме к П. П. Перцову от 19 марта (1 апреля) недоумевал: «О

чем в конце концов М<ережковск>ие разговаривали с “народом” на озере? Что в статье сообщено, то ничтожно; не стоило, чтобы это сказать, ездить так далеко» (Печать и революция. 1926. № 7. С. 42).

В статье под названием «Согласным критикам» Гиппиус в саркастическом тоне ответила своим оппонентам, что «любовь» и «жалость» к народу не тождественны и пора отходить от либеральных «правил», по которым народ следует лишь «жалеть» (А. Крайний, Нов. П., № 7).

В «Новом Пути» (№ 2) напечатана подборка стихотворений Вяч. Иванова «Из книги “Прозрачность”»: «Хмель», «Седьмой день», «Пан и Психея», «Дриады».

В. П. Буренин назвал их «идиотской поэзией» (Н. Вр., 27 февр.). На эту «ругань» Брюсов ответил заметкой в «Весах», в которой назвал стихи Иванова «образцом чистой и сильной поэзии» (№ 3).

Н. Гарин – «Бабушка» (Р. Бог., № 2).

Рассказ, создающий психологический тип накопительницы, А. Луначарский назвал «превосходным» («Журн. заметки», Обр., № 5).

Вл. Короленко – «Николай Константинович Михайловский» (Р. Бог., № 2).

Воспоминания Короленко, где говорилось о «новом приливе общественного внимания к дорогим для Михайловского стремлениям и идеям <...>», как и другие материалы, помещенные после января в «Русском богатстве», вызвали полемику между марксистами и народниками. «Правда» отвечала народническим публицистам: «Михайловский несомненно был учителем русского общества и учил довольно долго, но несомненно также и то, что с начала 90-х годов значительная часть передового русского общества ушла от него – и *безвозвратно*» (А. Финн, Пр., № 9).

Волжский [А. С. Глинка] – «О некоторых мотивах творчества Максима Горького» (Журн. для всех, №№ 1, 2). О Горьком как проповеднике «полунищешанской» «философии лжи», «религии

атеизма», «крайнего индивидуализма», дискредитирующих нравственный смысл его общественного протеста.

Статья подтвердила новую идейную ориентацию журнала. Против ее публикации протестовал А. С. Серафимович в письме к В. С. Миролюбову: «Теперь против Горького открыли яростный поход и “Новый Путь”, и “Новое время”, и многие другие <...> Волжский невольно играет этим господам в руку <...> Не надо курить фимиам, но не надо и невольно участвовать в походе нововременцев, в походе, который знаменует собой определенное *общественное* течение» (А. С. Серафимович. Собр. соч. Т. 7. М., 1960. С. 388–389).

В «Литературных заметках» А. Измайлова (Бирж. Вед., 27 февр.) высказана мысль, что «мы присутствуем почти при последней фазе чистого реализма <...> Когда приходится иметь дело с крайностями натурализма <...> мысль об истощении реалистических фондов предносится особенно настойчиво <...> Чуткий читатель <...> улавливает новое в идущей к нам *психологически-символической* школе <...>». Критик оговаривался при этом, что не имеет в виду «шалунов и паяцев символизма и декадентства», которые лишь «скандализовали <...> “новую школу”».

В № 2 журн. «Мир Божий» опубликован очерк «В. Д. Брайан у Л. Н. Толстого» о визите этого американского политика в Ясную Поляну. «Работает, т. е. пишет Лев Николаевич по-прежнему наиболее продуктивно по утрам, т. е. до двенадцати, до часу дня. Но иногда увлекается работой и засиживается позже».

Ф. М. Достоевский – «Из записной книжки» (Нов. П., №№ 1–2). «После Ф. М. Достоевского осталась записная книжка, в которую он вносил отрывочные мысли и заметки, как подготовительный материал для “Дневника писателя”. Всего в этой книжке накопилось до 300 отрывков. Часть из них вошла в посмертное собрание сочинений и хорошо известна. Остальные – числом 147 – впервые появляются в печати. При всей эскизности и необработанности многих из них, они имеют свою ценность, как

всякое слово Достоевского. “Новый Путь” рад начать свой второй год строками того из русских писателей, мысль и вера которого ему наиболее близки» (№ 1, «Примечание редакции»).

Февральский № «Нового Пути» завершен редакционным уведомлением: «По не зависящим от редакции обстоятельствам печатание “Записок религиозно-философских собраний” приостанавливается». Возобновлено оно больше не было.

5 февраля был арестован Н. Ф. Анненский и – в связи с похоронами Н. К. Михайловского – допрошен в охранке В. Г. Короленко (Короленко В. Г. Т. 10. С. 389–390). Сообщая об этом Е. П. Пешковой 6 февраля, Горький писал: «Пользуются войной. Есть еще аресты» (Т. 4. С. 43).

В феврале М. А. Волошин и В. Я. Брюсов обменялись мнениями о разворачивавшейся русско-японской войне. 5 (18) февраля Волошин писал Брюсову из Парижа: «Война... Как это отзывается в России? Здесь впечатление полного разгрома России. Флот, в сущности, уничтожен. <...> Неужели мы будем так счастливы, что доживем до момента, когда культурный Восток обновит Европу?» (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 306). Более отчетливо Волошин выразил свою позицию в письме к А. М. Петровой от 13 (26) февраля: «Я всей душой на стороне японцев и жду от этой войны начала общего обновления Европы» (Там же. С. 309). Брюсов отвечал Волошину 10 (23) февраля: «<...> с точки зрения истории – это вовсе не война Азии с Европой, Востока с Западом, а только что война японского “императорского” правительства с русским “императорским” правительством. То и другое воплощает идеи “европеизма”, в сущности глубоко чуждые истинной России и истинной Японии. <...> с московской точки зрения – войны вовсе нет. Мы ее не ощущаем, как не ощущает левая рука нашего тела, если мы уколем большой палец правой ноги» (Там же. С. 309).

В письме к Л. Н. Вилькиной от 4 февраля Брюсов охарактеризовал «приемы рассказа», которыми пользуется «Зина Гиппиус», как «старые, бессильные, стесняющие творчество» (Лица: биографич. альманах. [Вып.] 10. СПб., 2004. С. 353).

18 февраля З. Н. Гиппиус написала Л. Н. Толстому: «Мы любим вас давно, и всю жизнь нас тянет к вам, но мы не осмеливались ехать к вам, зная, сколько чуждого народа отягощает вас свиданиями... Д. С. Мережковский (мой муж) чувствует теперь особенную внутреннюю потребность видеть вас; он говорит, что в последнее время до конца понял, как любит вас, и как вы нам, в самом главном, близки. И ему хочется и нужно сказать вам об этом» (Цит. по: Опульская Л. Д. Толстой и русские писатели конца XIX – начала XX в. // ЛН. Т. 69. Кн. 1. С. 136). 27 февраля Толстой ответил приглашением (см.: Т. 75. С. 49).

5 (18) февраля М. А. Волошин по просьбе В. Я. Брюсова делился с ним своими впечатлениями от вышедшего номера журн. «Весы»: «Внешность очень хороша. Обложка менее*. <...> Воспроизведение рисунков мне очень нравится. В содержании везде выдержаны два главных элемента – краткость и обстоятельность. <...> Хотелось бы более четкого типографического и топографического разделения разных отделов» (Т. 9. С. 75).

20 февраля Чехов писал жене из Ялты: «Скорее бы побии японцев, а то как-то странно и в газетах, и в обществе; вранья много, курс упал, интерес ко всему, кроме войны, иссяк у общества» (Т. 12. С. 40).

25 февраля в Зимнем дворце издатель «Нового времени» А. С. Суворин и редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» А. А. Столыпин поднесли Николаю II адрес от «ежедневной столичной печати», гордящейся «быть вестницей и истолковательницей <...> величественного подъема несокрушимой духовной силы» русского народа в войне с Японией («Русь», 28 февр.).

28 февраля Московский цензурный комитет, «принимая в соображение вредное направление» творчества Горького, запретил вышедшую 25 февраля книгу Л. Г. «Иностранная критика о Горьком» (ЛЖТ Горького. С. 470).

* Обложки с рисунками Л. С. Бакста были у первых трех номеров «Весов» за 1904 г.

В феврале Андрей Белый написал прозаический отрывок «Аргонавты», ставший концептуальной переработкой древнегреческого мифа в «утопико-фантастический, quasi-жюльверновский проект переправы человечества к Солнцу, который осуществляет “орден аргонавтов” “на заре XXIII века”» (Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 118, 305). Отрывок вошел в книгу Белого «Золото в лазури».

Вышел первый поэтический сборник И. Ф. Анненского (под псевдонимом «Ник. Т-о») – «Тихие песни». С приложением сборника стихотворных переводов «Парнасцы и проклятые» (СПб., тираж – 400)

На «дебют неизвестного <...> автора» отозвался В. Брюсов: «У него хорошая школа. В его оригинальных стихотворениях есть умение дать движение стиху, красиво построить строфу, ударить рифму о рифму как сталь о камень <...> В нем есть художник, это уже явно. Будем ждать его работы над самим собой» (Аврелий, «Весы», № 4, отд. «О книгах»). В уничижительном тоне писали о книге рецензент «Образования» Л. В. [Л. М. Василевский] (№ 4, отд. «Критика и библиография») и М. М-в: «<...>автор очень близок к помешательству» (Р. Вест. № 7). Два года спустя появилась рецензия А. Блока, увидевшего в стихах Анненского «печать хрупкой тонкости и настоящего поэтического чутья, несмотря на наивное безвкусие некоторых строк и декадентские излишества <...>», на «болезненный надрыв». Блок отметил искусство Анненского-переводчика, умеющего «вселяться в душу разнообразных переживаний» (Сл., 1906, 6 марта, «Литературное приложение», № 5). 12 марта 1906 г. он писал Анненскому: «<...> целый осенний вечер в глухой деревне я читал Вашу книгу вслух – и был ряд открытий» (Т. 8. С. 152).

Вышел второй «Альманах» кн-ва «Гриф» (М., тираж – 1200). В нем участвовали: К. Бальмонт, А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов, А. Койранский, С. Кречетов, А. Миропольский, А. Ремизов, Ф. Смородский, Эллис [Л. Л. Кобылинский], Н. Янков [Н. Е. Поляков] и др. «Если не считать таких поэтов, как К. Бальмонт, Вяч. Иванов, А. Белый и А. Блок <...> если исключить еще два-три голоса, не сильных, но все же самостоятельных, как А. Ремизов, А. Миропольский, А. Койранский <...> – все остальное

<...> что принадлежит именно “Грифу”, окажется ненужными перепевами и скучными повторениями» (Д. Сбирко [В. Я. Брюсов], «Весы», № 3, отд. «О книгах»). 18 февраля С. М. Соловьев в письме к Блоку заявил, что «почти весь альманах хочется положить в печку»: «Последняя ночь» Н. И. Петровской «бездарна»; «Световую сказку» Белого «трудно понять, а где поймешь, так не рад, что понял: много неестественного, выдуманного, натянутого», несмотря на отдельные «великолепные места»; сонет Койранского и рассказ Ремизова «Иван Купал» – «безобразие»; стихи Бальмонта «скверные», Брюсова – «посредственные» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 364). 8 марта Блок в ответном письме шутивно делился и своими впечатлениями от альманаха: «О, позволь мне отругаться (по алфавиту)! Какая скотина Бальмонт! Что он печатает! <...> Сергей Кречетов вполне бездарен. А Ремизов неудобочитаем от скуки. <...> А Белый – изумителен <...> Александр Блок – свинья, ибо поместил половину стихотворений – скверных, старых, подслеповатых» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 371–372). М. А. Волошин отозвался об альманахе так: «Стихотворение Дурнова* великолепно. Удивителен Блок» (письмо к В. Я. Брюсову от 9 (22) апреля. Т. 9. С. 121).

Вышла комедия С. Найденова «Богатый человек (Особняк)» (СПб., изд. журн. «Театр и искусство», тираж – 200).

Вышел очерк В. В. Розанова «Критические этюды. 1. Декаденты» (СПб., тираж – 10000). О декадентстве как полном опустошении искусства «беспросветным эгоизмом» личности; спасение от «смердного чудовища» – в религии.

В отзыве на книгу Вл. Боцяновский писал: «Положительно досадно за г. Розанова, не сумевшего отбросить старую граффитку, по которой давно уже говорят о декадентах. При всей своей уродливости это течение заслуживает того, чтобы в него вдуматься и добросовестно его объяснить» («Русь», 10 февр.).

* Дурнов М. А. – художник-акварелист, график, архитектор, писавший стихи; яркий приверженец декадентства.

Вышла книга Александра Бенуа «Русская школа живописи. Вып. 1, 2» (СПб., изд. Р. Голике и А. Вильборг, тираж каждого выпуска – 1500).

20 февраля на гастролях в Москве В. Ф. Коммиссаржевская впервые сыграла заглавную роль в «Норе»* Ибсена. «“Нора” в исполнении Коммиссаржевской – одна из тех вершин, до которых только может подняться сценическое искусство» (-бо- [С. Б. Любошиц], «Разговоры», Нов. Дня, 22 февр.). Однако по мнению С. Рафаловича, роль Норы Коммиссаржевской «не слишком удалась»: «не столько “Нора” первых двух актов, “Нора” бытовая, характерная внешне типичная, сколько “Нора” третьего, к которой интерес привлекается уже не внешней типичностью облика и характера, а драмой просветляющейся в ней идеи собственного сознания» («Петербургские театры», «Весы», 1905, № 1).

В Петербурге открылась XXXII передвижная выставка, позже переехавшая в Москву. «Падение передвижничества теперь уже такой несомненный факт, что странно было бы его доказывать <...>» (А. Ростиславов, Т. и Иск., № 12). «Теперь передвижников <...> принято бранить; это считается признаком истинного понимания искусства», но «не нужно ли поставить в заслугу передвижникам, что они <...> остались <...> с тем словом, которое им предназначено было сказать. Теперь это слово не является новинкой <...> но все-таки оно <...> талантливое» (Сергей Яблонский [С. В. Потресов], Р. Сл., 15 апр.).

М а р т

«Весы» возвестили грядущую революцию в искусстве. Вячеслав Иванов развивал концепцию «мифотворческого искусства», которому «принадлежит господство над миром» и которое призвано возродить символизм (№ 3, «Поэт и чернь»). «Мы <...> накануне великих откровений <...> Мы делаемся причастными величайшему прозрению, отвергая те пути познания, которым сле-

* Под этим заглавием ставилась на русской сцене драма Г. Ибсена «Кукольный дом».

довало заблудившееся человечество», – декларировал Г. Чулков («Светлеют дали», № 3). В этом же номере «Весов» опубликованы заметка К. Бальмонта «Символизм народных поверий» и статья Андрея Белого «К. Д. Бальмонт»: «Бальмонт золотой, прощальный сноп улетающей кометы эстетизма» (№ 3).

Мережковский в «Новом Пути», назвав статью Иванова «замечательной», не согласился с его утверждением, что за всеми явлениями мира «скрывается лик Единого страдающего бога Диониса»: «<...> к чему маски, когда уже есть Лицо? К чему Дионис, когда уже есть Христос? («За или против?», № 9, отд. «Литературная хроника»).

Статья Чулкова, по мнению Волжского [А. С. Глинки], пронизана «расплывчато-восторженным молением Тайне» «на грани одинокого эстетизма и углубленного мистицизма <...>» («Об уединении. О “Горных вершинах” г. Бальмонта и о “Весах”», Нов. П., № 11).

«Бальмонт дошел до полного владения стихом и, кажется, стал уже ненужным. Я говорил об этом А. Белому. Он не соглашался, а потом сам написал статью, в которой “устроил Бальмонту торжественные похороны” (его слова)» (Флоренский П. А. Записная тетрадь (1904–1905), 23 мая // Павел Флоренский и символисты. С. 348).

О начальных главах романа Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», печатавшегося в каждом номере журн. «Новый Путь», А. Б<огданович> писал: «В двух первых частях есть отдельные сцены и характеристики прекрасные, но <...> обилие мелочей загромаждает роман и замедляет действие» (Мир Б., № 3). Обозреватель «Весов» отметил: «Лучшее место пока – характеристика Петра, сильная, самобытная, многосторонняя; вот область, где чисто критическое дарование Д. С. Мережковского распоряжается свободно и властно» (№ 3, отд. «В журналах и газетах»). С. М. Соловьев 18 февраля писал Блоку: «С громадным интересом прочел начало романа Мережковского» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 362).

Ив. Бунин – рассказ «В хлебах» (Пр., № 3).

А. Куприн – рассказ «Белый пудель» («Юный читатель», №№ 2, 3).

С. Сергеев-Ценский – рассказ «Дифтерит» (Нов. П., № 3).

Никита Бобринский [Л. Н. Вилькина] – рассказ «Пафос жизни» (Нов. П., № 3).

Ф. Ф. Фидлер передавал со слов С. К. Маковского: «<...> у Вилькиной, “жены” Минского, незаурядный писательский талант (в прозе)» (Фидлер. С. 383–384).

В. В. Розанов – очерк «Психика и быт студенчества» (Нов. П., №№ 1–3).

В 1–3 выпусках «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» – статья М. О. Шайковича «Психопатологические черты героев Максима Горького»: «Всех героев Горького <...> нужно рассматривать и классифицировать с точки зрения общественно-психологической, так как все они представляют собою несомненно продукт известных общественно-психологических условий».

3 марта П. А. Флоренский писал матери: «Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно воспринять все положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. – вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чем-нибудь другом, и мне кажется, что было бы не только нелепо, но во многом и не последовательно отрицать такую необходимость, как это делалось и делается» (Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 64).

8 марта Блок писал С. М. Соловьеву: «Я чувствую неразрывную связь с Мережковским только как с *прошлым* и в смысле *отлучения от пошлости* и пр. Теперь меня пугает и тревожит

Брюсов, в котором я вижу, однако, неизмеримо больше света, чем в Мережковских. Вспоминаю, что апокалипсизм Брюсова (т. е. его стихотворные приближения к откровению) не освещены исключительно багрянцем, или исключительно рациональной белизной, как у Мережковских. Что он *смятеннее* их (*истинный* безумец) <...>. Наконец, что он, без сомнения, носит в себе *возможности* многого, которых Мережковский совсем не носит, ибо *большее* уже не скажет. Притом мне кажется теперь, что Брюсов всех крупнее – и Мережковского». Здесь же Блок отозвался об издательстве «Гриф», которое «выпустил[о] два альманаха, Бальмонта и Уайльда»: «Все издано более или менее скверно» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 370–371).

Подбирая, взамен Е. А. Егорову, новую кандидатуру на должность секретаря редакции «Нового Пути», 9 марта З. Н. Гиппиус писала П. П. Перцову: «<...> есть чудесный кандидат, некто Чулков <...>. Он бывший студент, поживший в Иркутске, теперь в Нижнем – пишет в “Ниж<егородском> листке”, был очень хорош с кружком Горького и Андреева, теперь принципиально разошелся; прислал его Брюсов; сам далеко не без таланта, либерало-декадент, подающий надежды на новое, крайне тянущийся к “Нов<ому> Пути”. Человек деятельный, неприхотливый <...>, и <...> во всяком случае литератор. Нам он очень понравился» (Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 14. М., 2013. С. 161).

10 марта утвержден устав «Московского товарищеского кружка писателей из народа». В нем значилось, что кружок «имеет целью издание с надлежащего разрешения и с соблюдением действующих на сей предмет правил произведений действительных членов кружка и развитие эстетического, художественного чувства и литературной техники среди них» (Шруба Манфред. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 132). В 1904 г. кружок выпустил сборники «В поисках света» и «К заветной цели».

27 февраля (11 марта) М. А. Волошин делился с В. Я. Брюсовым своими впечатлениями от второго номера «Весов»: «слабыми» ему показались рецензии, которые «слишком мало дают

представления об книгах», в них «оценка часто заменена полемикой»; «это же касается хроники и других отделов». «Полемиический тон», по мнению Волошина, «неприятно приравнивает “Весы” к другим журналам, даже газетам», а ведь «<...> “Весы” призваны *судить*, но не бороться». «Больше всего мне нравится статья Белого о Чехове^{*}» (Т. 9. С. 98).

12 марта А. Н. Шмидт написала незнакомому ей дотоле Блоку: «<...> мы друг о друге слышали от Сергея Соловьева. Он мне даже читал отрывок вашего письма к нему, который мне памятен. Читала и некоторые ваши стихотворения в “Нов<ом> Пути” <...> Давно собиралась я Вам написать <...> Теперь, узнав от Сережи, что Вы “в своих стихах, обращенных к таинственному женскому лицу, глубоко проникли в таинство Премудрости”, я решила не откладывать далее своего намерения» (Цит. по: Переписка. С. 140). Далее Шмидт спрашивала, каких воззрений на Софию придерживается Блок, и делилась собственными интуициями. Из письма Блока к матери от 4 мая известно, что он не ответил на это письмо Шмидт (Там же).

13 марта Бальмонт в Историческом музее в Москве прочел лекцию об Уолте Уитмене (П. Минин, «Лекция Бальмонта», М. Вед, 18 марта). «В аудитории на эстраде бальмонтисты и бальмонтистки, в смокингах, в модных туалетах <...>. Сам поэт – еще молодой и интересный – в изящном фраке, <...> встречен взрывом оваций. Волны густых рыжеватых волос над неприятным безбровым лбом, в крошечных глазках холодная дерзость; приплюснутый нос и хищная бородка создают выражение сладострастно-грубое. Интеллект, преодолеваемый инстинктом» (Б. А. Садовской. «Весы» (Воспоминания сотрудника) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 17).

16 марта в Москву из Женевы прибыл Вяч. И. Иванов с женой, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, и сразу же погрузился в литературную жизнь города. В письме к М. М. Замятиной от 24 марта Зиновьева-Аннибал привела оценку Брюсовым и Бальмонтом состояния современной русской поэзии: «<...> в трактате они придумали 4-х поэтов России: Вяч<слав> Ив<анов>, Вал<е>

* «Вишневы сад (Драма Чехова)».

рий» Бр<юсов>, Конст<антин> Бальм<онт> и Андрей Белый», а также – впечатление от первых встреч Ивановых с Бальмонтом, Брюсовым, Балтрушайтисом, Поярковым: «Это величайшие поэты России и чистые, высокие художники слова» (Цит. по: Богомоллов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 98, 103).

В письме П. П. Перцову от 1 апреля (19 марта) В. Я. Брюсов выразил свое противоречивое отношение к воевавшей с Россией Японии: «Я люблю японское искусство. Я с детства мечтаю увидеть эти причудливейшие японские храмы, музеи с вещами Кионати, Оутомары, <...> Хокусаи <...> Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников <...> Пусть вся Япония обратится в <...> руины лучшего и великого прошлого, – а я за варваров, я за гуннов, я за русских! Россия *должна* владычествовать на Дальнем Востоке, Великий Океан – наше озеро <...> Будущее принадлежит нам, и что пред этим не то что всемирным, а космическим будущим – все Хокусаи и Оутомары вместе взятые!» (Печать и революция. 1926. № 7. С. 42).

Около 28 марта Андрей Белый писал Блоку: «<...>“Лик безумия” сходит в мир, и все мы стоим перед страшной опасностью» (Переписка. С. 132). 7 апреля Блок отвечал Белому: «“Лик безумия, сошедший в мир” – и притом *нынешнего* нашего безумия – грозил и прежде. Но, знаешь ли? Он разрешит грозу и освежит. <...> Мы поняли слишком много – и потому *перестали понимать*» (Переписка. С. 138).

В «Ракурсе к дневнику» Андрей Белый вспоминал о марте: «Аргонавтические собрания у меня ширятся, но – выдыхаются уже <...>» (ЛН. Т. 105. С. 350).

31 марта под Порт-Артуром при взрыве на mine броненосца «Петропавловск» погиб художник В. В. Верещагин. «Красивая, благородная смерть, достойная этого замечательного человека <...> Значение Верещагин имел больше общественного характера. Он был крупной фигурой, сильным, талантливым человеком <...> верным и честным служителем культуры, умевшим гово-

речь с людьми, <...> спасти их от одолевшего их чорта косности и варварства.

Достигал он своего громадного влияния не чисто художественными средствами <...> потому, что размеры его художественного дарования не соответствовали громадности его замыслов и мечтаний. Как борец он был сильнее чем как художник» (Мир Иск., № 4, отд. «Хроника»).

«Литератору Н. А. Рубакину в конце марта месяца было предложено на выбор: ссылка на 5 лет в Сибирь или отъезд за границу навсегда. Н. А. Рубакин выбрал последнее и уехал за границу» («Освобождение», 2 (15) мая).

16 марта вышел первый «Сборник товарищества “Знание” за 1903 год» (СПб., тираж – 33000). В него вошли повесть Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (с посвящением Ф. И. Шляпину; в последующих изданиях снято), стихотворения и рассказ «Чернозем» Ив. Бунина, рассказ «Перед завесой» В. Вересаева, «Деревенская драма» Н. Гарина, поэма М. Горького «Человек», рассказы: С. Гусева «В приходе», А. Серафимовича «В пути», Н. Телешова «Между двух берегов». «В книге было 325 страниц, и стоила она один рубль. Авторам был выплачен гонорар, весьма повышенный по тогдашнему времени – чуть не втрое обычных журнальных норм. И, несмотря на это, на первой странице сборника было объявлено, что из прибыли с настоящей книги отчисляется: тысяча рублей в распоряжение Литературного фонда, тысяча – Высшим женским курсам, тысяча – Женскому медицинскому институту, тысяча – Обществу учителей и учительниц на общежитие для детей, тысяча – Обществу охранения народного здоровья на постройку детского дома и 500 рублей – на Народную читальню в Кемь. Объявление этих пожертвований произвело тогда потрясающее впечатление <...>» (Н. Телешов. Записки писателя. М., 1950. С. 106).

27 апреля Чехов писал К. П. Пятницкому: «Мне <...> первая книжка сборника очень понравилась» (Т. 12. С. 96). Рецензент «Правды» (№ 6) отметил единство «основных настроений», «идейной окраски» произведений сборника, внушающих мысль, что «гром войны и зарево ее пожара не так далеки от нас: эта

война – везде – кругом нас, в самих нас и во всей быстротекущей жизни» (М. С. [М. А. Славинский], Библиогр. отд.). И. [И. Н. Игнатов] писал о «впечатлении серьезности тем и тех сложных вопросов общечеловеческой и нашей русской жизни, которыми заняты рассказы» (Р. Вед., 5 мая); «<...> во всем сборнике нет ни одного произведения, не отмеченного печатью таланта» (-бо-[С. Б. Любошиц], «Мысли вслух», Нов. Дня, 8 июня). С. Адрианов отметил, что «у каждого автора есть своя индивидуальная физиономия, особенно ценная у Андреева и у Горького, но в то же время на сборнике лежит печать внутреннего единства: чувствуется одно литературное и общественное течение, одна школа, – быть может, даже кружок, вырабатывающий свои запросы и взгляды в постоянном общении» («Современные беллетристы. О первом “Сборнике” товарищества “Знание”», «Вестник и библиотека самообразования», № 35, «Литературное обозрение»). М. Неведомский увидел в сборнике новую художественную тенденцию: «Перед нами прошла целая вереница художественных символов. Эти символы то охватывают целую социальную группу, как отживающие дворяне Чехова, как “хмурые” крестьяне г. Бунина и Серафимовича, или “ищущие” представители городской трудовой массы у г. Юшкевича; то воспроизводят лишь определенный *моральный* тип, как “Василий Фивейский” [Л. Андреева] и, пожалуй, “Человек” Максима Горького <...> Но *художественных* типов в общепринятом значении этого слова, типов психологических мы почти не видим во всех этих образцах современного искусства. Тенденция к символизму <...> является характерной особенностью новой нашей беллетристики. <...> Символ есть нечто полуконкретное, полуотвлеченное» («О современном искусстве (По поводу сборников “Знания”», Мир Б., № 10). «Новый Путь» встретил книгу резкой рецензией Г. Чулкова («какие-то молодые, но уже полумертвые авторы бормочут старые, никому не нужные слова»), сделавшего исключение лишь для повести Андреева (№ 6, отд. «Литературная хроника»).

«Жизнь Василия Фивейского» была воспринята почти единодушно как наиболее значительное произведение сборника. Ругательные отзывы по адресу Андреева (вроде отзыва Н. Я. Стародума [Стечкина], Р. Вест., № 6, «Журн. обозрение») были ис-

ключением. Еще до публикации повести Горький сообщал Пятницкому: «Лучше этого – глубже, яснее и серьезнее – он еще не писал. Очень, очень крупная вещь!» (Т. 3. С. 209). Критика по-разному раскрывала смысл произведения. О «выдающемся» сочинении, выдвигающем «одну из важнейших» тем, «к каким обращается человеческая мысль в поисках за общим смыслом существования», писал В. Г. Короленко, но опровергал в то же время авторскую «концепцию мира»: Андреев утверждает «*мистически-злую* преднамеренность природы» и «порой <...> для своей мистической, сухой и мрачной формулы <...> приносит значительные жертвы реальной правдой изображения <...>» (Журналист, «О сборниках товарищества “Знание” за 1903 г.», Р. Бог., № 8). С Короленко спорил М. Неведомский: повесть Андреева, изобразившая «коллизии полной жизненных сил природы <...> с объективными непреодолимыми условиями реальной действительности», – это «скорее окончательный разрыв с мистицизмом» (Мир Б., № 10). Рецензент «Правды» увидел в повести «трагедию религиозной веры в душе современного человека» (М. С. [М. А. Славинский], № 6, Библиогр. отд.), а критик «Образования» – упования на «чудо» и «религиозный экстаз» (В. Львов [Рогачевский], «Мертвое царство», № 11). Другой же критик «Образования» истолковал «Жизнь Василия Фивейского» как вызов «метафизикам-идеалистам», как «блестящую страницу из жизни современной души <...> мятежной, затаенно гневной, тяготеющей к бунту» (Н. Ашешов, «Из жизни и литературы», № 5). Повесть Андреева безысходно мрачна (Старый [Г. С. Петров], Р. Сл., 1 июня), трактует о тщетности человеческих усилий (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 5 мая), внушает ужас перед иррациональным началом бытия (-бо- [С. Б. Любошиц], Нов. Дня, 9 июня).

Суждения модернистской критики также разноречивы. Вяч. Иванов нашел в повести хотя и «недосказанное», но отражение «мистической концепции <...> противоречий бытия» («Весы», № 5). В. Брюсов, напротив, убежден, что «Л. Андреев лишен мистического чувства», и сожалеет, что «грубо матерьялистическое мировоззрение» лишает большое дарование писателя «истинного полета» («Весы», № 9). Суждение З. Гиппиус: «прекрасный рассказ <...> на “тему о Боге” – опять все тот же

гимн человеку, многоликому и единому гордому божеству всех Горьких» (Антон Крайний, «Летние размышления», Нов. П., № 7). По мнению Г. Чулкова, в повести Андреева «чувствуются искренние муки и трепетные порывания», автор «подходит вплотную к <...> вопросу о Боге», однако «все время колеблется между мистическим мироощущением и позитивным миропониманием» (Нов. П., № 6, отд. «Литературная хроника»). В 1919 г. Блок вспоминал о «потрясении», испытанном им при чтении повести Андреева: «<...> что везде неблагополучно, что катастрофа близка, что ужас при дверях, – это я знал <...> еще перед первой революцией, и вот на это мое знание сразу ответила мне “Жизнь Василия Фивейского” <...>» (Т. 6. С. 131).

Различно оценивались и художественные достоинства «Жизни Василия Фивейского». Л. Н. Толстой нашел произведение «искусственным» (Маковицкий Д. П. Яснополяние записки // ЛН. Т. 90. Кн. 1. С. 142). Критика писала о его надуманности, «претенциозной крикливости» (Н. Соколов, Бирж. Вед., 21 июня), «взвинченной напряженности, как бы *перерисованности рисунка*» (Волжский [А. С. Глинка], Журн. для всех, № 7) и т. п. В. Розанов же увидел в повести «краски почти естественно-исторические»: «всемирную боль», изображенную «в обстановке захудалого, местного, бытового, экономического» (Н. Вр., 2 июня). «Жизнь Василия Фивейского», полагал Ник. Ашешов, намечает новый для русской литературы, «синтетический» художественный путь: «реализм сливается с широким символизмом <...> жизненно-психологический анализ – с модернизированным тяготением к иррациональному <...>» («Из жизни и литературы», Обр., № 5). Напротив, М. Неведомский считал заслугой писателя и художественным итогом повести «концепцию чисто *символическую*»: «Андреев <...> нашел *свою* дорогу, утвердился в манере, вполне вытекающей из его индивидуальности <...>» (Мир Б., № 10).

Л. Андреев писал М. Неведомскому о своем согласии с его взглядом на повесть как на сочинение богоборческого смысла и в то же время символической художественной концепции: «Моя отдаленность от жизни, постоянные крушения в попытках писать реалистически <...> всегда пугали меня. А то, что Вы говорите о Фивейском <...> окрыляет меня на новые ирреальные

подвиги» («Искусство», 1925, № 2. С. 266). Вместе с тем о сборнике «Знание» в целом и о своем месте в нем Андреев отозвался критически: «Слишком черно, мрачно, торжественно и однотонно <...> Скверное в этом смысле начало положил я. Это навело меня на мысль: не выпускать второго тома [своих сочинений], прежде чем не напишу двух истинно жизнерадостных рассказов» (письмо К. П. Пятницкому от 15 апреля. ЛН. Т. 72. С. 16).

В центре внимания критики оказался и «Человек» Горького. Уничтожающие отзывы появились в модернистских «Весах» и «Новом Пути»: М. Пант-ов [М. И. Пантюхов], «Весы», № 5 («<...> нечто совершенно чудовищное по пошлости»); Георгий Чулков, Нов. П., № 6 («<...> какая-то странная кукла в “марксистской” блузе, из кармана которой торчит Ницше в изложении г. Луначарского»); Антон Крайний [З. Гиппиус], Нов. П., № 7 («безмысленность и бессмысленность»); Д. Философов, Нов. П., №№ 7, 11 («“Человек” Горького, это – вечная казнь плоскому позитивизму. <...> Грубый, но непосредственный босяк, под влиянием “культурного” воспитания стал хамом»; «<...> квинт-эссенция банальности»). Аналогично высказалась консервативная журналистика (Н. Я. Стародум [Н. Я. Стечкин], Р. Вест., № 6; А. Басаргин [А. И. Введенский], М. Вед., 20 нояб.; и др.). «Революционное воззвание, преступная прокламация налицо», – возмущался Стечкин. В. Буренин издевался над «скоропелой славой певца босяков», которая начала «испаряться», чему свидетельство «Человек» – «первый блин в “мыслительном роде”, вышедший по обычаю немножко комом» (Н. Вр., 15 авг.).

Против «непристойной статьи» «неизлечимого» Буренина в защиту Горького, «великого продолжателя великих, правдивых и национальных созданий русской литературы», выступил В. В. Стасов: «Какая ширина и объем мысли, какая красота и сила <...> – писал он о «Человеке». – Эта вещь – одно из <...> оригинальнейших созданий всей русской литературы» (Нов., 2 окт.). 6 октября И. Е. Репин писал В. В. Стасову: «Ваш отзыв об этом глубоком таланте <...> будет иметь решающее значение в определении его значения в нашей литературе <...> Отлично Вы смазали этого нововременского цепного барбоса, теряющего свои зубы» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. Т. III. М.; Л., 1930. С. 68–69).

Однако и демократическая среда неодинаково приняла новое произведение Горького. Укоры в рассудочности, риторике, холодной аллегоричности – общее место ряда рецензий (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 5 мая; -бо- [С. Б. Любошиц], «Мысли вслух», Нов. Дня, 9 июня; и др.). Напротив, Л. Андреев воспринял «Человека» как вещь глубоко органичную: «И в твоём “Человеке” не художественная его сторона поразила меня – у тебя есть вещи сильнее – а то, что он при всей своей возвышенности передает только *обычное* состояние твоей души <...> То, что в других устах было бы громким словом, пожеланием, надеждою, – у тебя лишь точное и прямое выражение обычно существующего» (письмо Горькому от 12...13 апреля. ЛН. Т. 72. С. 208). А. В. Амфитеатров писал: «назло надетому на талант корсету искусственных фраз прорывается <...> вещей, глубокий, сильный Максим Горький <...> среда, куда рухнули сотни тысяч томов Горького <...> затвердит теперь <...> и новую, столь легкую и полную формулу <...> “Все в Человеке, все для Человека!”» (Аббадонна, «Отклики», «Русь», 9 мая). А. М. Федоров в письме к Бунину от 30 мая заметил: «А сборник-то “Знания” плоховат и хуже всех Горький» (ЛЖТ Бунина. Т. 1. С. 539).

Л. Н. Толстой сказал об авторе «Человека»: «начал учительствовать, и это смешно <...>» (А. Зенгер, «У Толстого», «Русь», 15 июля). Чехову «Человек» напомнил «проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом, на о <...>» (письмо к А. В. Амфитеатрову от 13 апреля. Т. 12. С. 85). В. Г. Короленко предъявил «Человеку» претензии философского характера. В образе героя, шествующего «далеко впереди людей и выше жизни», он увидел нищенского «сверхчеловека», противопоставленного «коллективному человеку». Он упрекал писателя в «прославлении мысли, и притом *одной мысли*» в ущерб эмоциям, тогда как до сих пор «в произведениях Горького можно было заметить скорее превознесение сильных непосредственных импульсов и темпераментов» (Журналист, Р. Бог., № 8). В том же духе – отзыв художника М. В. Нестерова: «Вещь написана <...> с определенным намерением принести к подножью мысли чувства всяческие <...> И это делает Горький, недавно проповедовавший преобладание чувства “над мыслью” <...>» (письмо А. А. Турыгину от 19 апреля. М. В. Нестеров. Письма. Избранное. С. 213). М. П. Не-

ведомский возразил Короленко: «<...>“Человек”, стоящий “выше людей”, совсем не <...> исключительно одаренная личность, а именно *идея человечества*, за которую ратует г. Журналист <...> антисоциальное аристократическое настроение Ницше совершенно чуждо “Человеку” <...> “Мысль” в произведении <...> это, несомненно, синтетическая работа нашего сознания <...>» (Мир Б., № 10). Критик «Правды» писал о «грандиозном», хотя и не свободном от схематизма, образе «победно шествующего в вечности человеческого гения» (М. С. [М. А. Славинский], № 6, Библиогр. отд.).

Заметный интерес вызвал «Чернозем» Бунина (под этим названием объединены два рассказа – «Сны» и «Золотое дно»), повествующий о деревне предреволюционных лет. Чехов в письме Амфитеатрову от 13 апреля назвал «Чернозем» «великолепным», «превосходным» рассказом: «есть места просто на удивление» (Т. 12. С. 85). Новое сочинение писателя «шире прежних по замыслу», «охватывает <...> огромный круг явлений нашего сельского существования» (М. П. Неведомский, Мир Б., № 8); это «значительное литературно-публицистическое произведение» отличается «неопровержимо типическими» образами (Аббадонна [А. В. Амфитеатров], «Русь», 12 мая), внушает «впечатление серьезности», «впечатление чего-то противоречивого, неразрешимого <...> нуждающегося в исходе» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 5 мая). Еще до выхода книги, 13 декабря 1903 г., Горький писал К. П. Пятницкому: «Рассказики Бунина <...> очень <...> мне нравятся» (Т. 4. С. 9). С положительными оценками произведения не согласился В. Г. Короленко: «Чернозем» – лишь «легкие виньетки», проникнутые «печалью о призраках <...> “дворянских гнезд” <...>», «лирическими вздохами о чем-то ушедшем <...> Эта внезапно ожившая элегичность нам кажется запоздалой и тепличной»; главного в жизни современной деревни Бунин не увидел (Журналист, Р. Бог., № 8). Мнения о стихах Бунина, напечатанных в сборнике, разделились: А. М. Федоров в письме к Бунину от 30 мая назвал их «превосходными», М. И. Пантюхов – беспомощным «лепетом» (ЛЖТ Бунина. Т. 1. С. 539–540).

Критика отнеслась со вниманием и к другим произведениям сборника: увидела «серьезную общественную драму» в рассказе

Серафимовича «В пути» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 5 мая), полемическое «возражение на <...> “рафинированное” мистическое настроение» современных идеалистов в рассказе Вересаева «Перед завесой» (М. П. Неведомский, Мир Б., № 10), отметила «трагическую фигуру» «деревенского протестанта» и добротную бытовую правду в рассказе Гусева-Оренбургского «В приходе» (Журналист [В. Г. Короленко], Р. Бог., № 8).

Лишь «Деревенская драма» Гарина встретила в основном отрицательный прием. Рецензенты писали об «интересном бытовом материале», скомпрометированном художественным несовершенством (М. С. [М. А. Славинский], Пр., № 6), о «наивной подражательности» (М. П. Неведомский, Мир Б., № 8), неправдивом «нагромождении ужасов» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 5 мая). Несколько мягче отзыв Короленко: «Все фигуры намечены талантливой и бойкой рукой, язык – живой, образный, подлинно народный. Но в общем <...> впечатление <...> пестрое и непрочное» (Р. Бог., № 8). Протестуя против рецензии И. Игнатова, Гарин-Михайловский выступил с большим письмом в «Санкт-Петербургских ведомостях» (15 июля), где объяснял замысел пьесы: привлечь внимание к вопросу об общине – «одному из самых <...> жгучих вопросов наших дней», «величайшему нашему злу», «почве, на которой вырастают все <...> ужасы жизни среди бесправных людей». Он писал: «эта моя работа – результат тридцатилетнего изучения деревни <...> кто знает жизнь деревни, согласится, что действительность может быть еще безотраднее».

Выходят книги К. Д. Бальмонта: «Собрание стихов. Том 2. Горящие здания. Будем как солнце» (М., изд. «Скорпион», тираж – 2400); критический сборник «Горные вершины. Книга I. Искусство и литература» (М., изд. «Гриф», тираж – 1500), куда включены статьи о русской и западноевропейской литературе: «Чувство личности в поэзии», «Праотец современных символистов», «О русских поэтах», «Элементарные слова о символистической поэзии», «Тип Дон-Жуана в мировой литературе» и др.

В рецензии на первый (позднее вышедший) и второй тома «Собрания стихов» Бальмонта А. А. Блок писал о его заслугах «начинателя в России того литературного (по крайней мере

“стихотворного”) освобождения, которое теперь так распространено, так уже старательно многими опошлено <...>»; но поэт «не выполнил, да уж и не выполнит» своей задачи до конца из-за «недостаточной строгости» к себе, из-за «неэкономной траты стихов, которые <...> часто по количеству уступают качественности <...>». Сборник «Будем как солнце» Блок назвал «величайшим подъемом» поэзии Бальмонта (Вопр. Ж. 1905, № 3). В книге статей Бальмонта Блок увидел «яркое и полное проявление того художественного индивидуализма, приемы которого далеко отошли от мещански-будничных приемов “объективной критики”», чьим «лозунгом <...> служил <...> взгляд на литературу исключительно как на “социальный фактор”». По Блоку, не может быть спора о том, что «“субъективная” критика глубже <...>». Но и она не способна дать «разгадки» ряда литературных явлений – «и, кажется, оттого, что в литературе есть момент, когда она перестает быть *литературой* в собственном смысле, то есть самодовлеющей, красивой письменностью» (Нов. П., № 6). Волжский [А. С. Глинка] характеризовал метод Бальмонт-критика: «<...> это прежде всего апология индивидуальности и индивидуального <...> Он все может простить <...> ради <...> красивой прихоти единственных мгновений <...>», – а приведенные в «Горных вершинах» «поэтические характеристики» Ф. Гойи, П. Кальдерона, В. Блейка, Э. По, Ш. Бодлера, Ф. Тютчева, А. Фета, Н. Некрасова, К. Гамсуна, О. Уайльда и др. назвал «прежде всего характеристикой самого автора, а вместе и того литературного настроения, выразителем которого он является» («Об уединении. О “Горных вершинах” г. Бальмонта и о “Весях”», Нов. П., № 11). «Весы» отмечали «новизну точки зрения», «дар психологического проникновения» в статьях Бальмонта (М. Р. [Ю. К. Балтрушайтис], № 4, отд. «О книгах»). Второй том стихотворений Бальмонта критик журн. «Образование» Ник. Ашешов оценивал следующим образом: «Раскачиваясь со стрекозиным легкомыслием во все стороны, даровитый поэт в конечном результате остается “вправо” от нас и делается тем более “вправо”, чем более звучит в его прекрасном стихе изломанность неврастеника, сытость эпикурейца и самовлюбленность ушедшего в самолюбование эстета» (№ 8). Напротив, Эллис [Л. Л. Кобылинский] в книге «Русские символисты» (М.: Мусaget, 1910) увидел

в новых сборниках «высшее торжество и победу русского символизма»: «В первый раз определенно и сознательно поэтом современной души К. Бальмонт называет сам себя в “Горящих зданиях”», здесь «высказана целая философия мгновенья, целое мирозерцание: это импрессионизм, ставший мирозерцанием... Разве это не сама сущность современной эпохи <...>». «Книга “Будем как солнце” замечательна в двух отношениях. Прежде всего в ней поэт окончательно находит свой путь <...> экстатического проникновения в душу мира <...> Во-вторых, эта книга представляет собой великую систему символов <...>» (Цит. по изд.: Томск, 1996. С. 89–90).

Вышел первый сборник произведений Андрея Белого – «Золото в лазури» (М., изд. «Скорпион», тираж – 1200), включивший 96 стихотворений в пяти разделах и 7 лирических отрывков в прозе («Видение», «Волосатик», «Ревун», «Ссора», «Этюд», «Сон», «Аргонавты»).

18 июля П. А. Флоренский писал Белому: «Ваш сборник по своему характеру (не по качеству, а по сути) знаменье перелома, перевала сознания; новые виды раскрываются, хотя многое еще подернуто дымкой. Об этом новом (теургизм) надо сказать достойно Вашего сборника <...> Может быть, Вы <...> сами и половины в своих стихах не понимаете, не понимаете ценностей. С некоторыми вещами можно богослужение совершать. Не знаю уж, я ли так сжился с Вашими стихами, или они действительно так многообразны <...>, но на всякий момент жизни находится несколько стихов, и когда остаешься один, то невольно незаметно для себя напеваешь или шепчешь что-нибудь из Вашего» (Павел Флоренский и символисты. С. 464).

«В Белом есть восторженность первой юности, которой все ново, все в первый раз <...> девять раз из десяти попытки Белого кончаются жалким срывом, – но иногда он неожиданно торжествует, и тогда его взору открываются горизонты, до него не виденные никем» (Валерий Брюсов, «Весы», № 4); «В этой гениальности есть нечто шиллеровское, слегка надломленное, чересчур стремительное; отсюда недостаток вкуса или, правильнее, недостаточное подчинение своих порывов своему вкусу» (Э. К. Метнер], «Приднепровский край», 1 июня); «<...> спра-

ведливость требует сказать, что его необузданная фантазия идет об руку с несомненным талантом» (И. И. Ясинский, «Беседа», № 10); можно отвергнуть $\frac{3}{4}$ стихов сборника, но от остальных «повет на вас ароматом настоящей <...> поэзии», искусный *Vers libre* свидетельствует о том, что «наши декаденты выступают реформаторами стиха» (Вл. Боцяновский, «Русь», 4 мая); «Сумасшедший юмор, сумасшедшие скачки фантазии <...> сумасшедшая красочность <...> способность оживлять природу и сливаться с нею зрительными и слуховыми галлюцинациями <...>», «декаденты, крутятся в причудливом мирке светотеней, с острою силою развили в себе <...> чутье оттенков» (Аббадонна [А. В. Амфитеатров], «Русь», 15 мая). В ряде отрицательных отзывов, иронизировавших по поводу декадентских «вещих речений» Белого, признавалось, тем не менее, его «неподдельное поэтическое дарование» (Ф. Батюшков, Мир Б., № 6; Ник. Ашешов, Обр., № 8). Но встречались и более жесткие оценки: «В г. Белом нет поэтической чуткости. Из него вышел бы хороший юморист или сочинитель пародий» (К. Тарский, М. Вед., № 12); «<...> у г. Белого, несмотря на претензии, порою мелькает совершенное отсутствие поэзии, а вычурность, за неимением поэтичности, доходит до смешного» (Г. Г., «Наука и жизнь», № 6). Темой многих пародий и насмешек стало стихотворение Белого «В горах» со строками о горбуне, который «голосил низким басом, в небеса запустил ананасом». Юный В. В. Маяковский, судя по его позднему признанию, оценил эти стихи как пример мастерства поэта («Я сам». Собр. соч.: В 12 т. Т. I. М., 1978. С. 51). В книге «Русские символисты» (М.: Мусагет, 1910) Эллис [Л. Л. Кобылинский] оценил «Золото в лазури» как «великий теургический путь» к «преждевременному костру»: книга «ярко говорит о том мученичестве и безумии, без которых немислимо ни одно мистическое прозрение», «<...>чувство конца и ужас последней мировой развязки насытил и зажег лучшие вещи “Золота в лазури” <...>». Недостатками книги, по мнению Эллиса, являются «некоторая бедность рифмы» и «чрезмерная субъективная условность в построении образов <...>» (Цит. по изд.: Томск, 1996. С. 218–219, 225–226).

Вячеслав Иванов – «Прозрачность. Вторая книга лирики» (М., изд. «Скорпион», тираж – 1200).

«Читатель Вяч. Иванова должен отнестись к его стихам с вдумчивой серьезностью <...> должен буравить эти руды, часто неприветливые, иногда причудливые скалы, зная, что оттуда брызнут серебряные ключи чистой поэзии» (Валерий Брюсов, «Весы», № 4); «Книга Вяч. Иванова <...> хороша как урок порою стального стиха <...>» и «пленительное <...> по смелости замысла сочетание словесных и логических форм», но в ней «заметна прежде всего работа, потом творчество <...> Поэзия Вяч. Иванова может быть названа “ученой” и “философской” поэзией» (А. Блок, Нов. П., № 6). Автор «весьма рельефно фотографирует свою прозрачную бездарность <...> что ни слово, то стилистический или логический курьез» (Ник. Ашешов, Обр., № 8); «<...> не видно даже самой небольшой искры поэтического дарования» (К. Тарский, М. Вед., 28 мая). В обзорной статье «Творчество Вячеслава Иванова» Блок писал, что «Прозрачность» – это «книга *символов*», она «есть ступень переходная, как “Кормчие звезды”^{*} – подготовительная. Во многих частях своих “Прозрачность” еще близка к “Кормчим звездам”, но, в сущности, говорит уже об ином. Здесь “порыв”, которому были поставлены “границы”, предчувствуется во всей полноте; его первое условие – *неразлучность с землей* – налицо. Это и есть – *предчувствие возврата к стихии народной*, свободно парящей, не отрываясь от земли. <...> Начало воздушное, как ожидание больших белых птиц, сидящих на уступе, готовых улететь, – проходит сквозь книгу “Прозрачность”», «книгу испытаний, одинокой пробы крыльев»; здесь «применяются уже размеры древних дифирамбов» – «элементов трагедии» как «“всенародного мифотворческого искусства” страдающего бога, возврат к которому “сквозь леса символов” очевиден для поэта» (Вопр. Ж., 1905, № 4–5).

В изд-ве «Знание» вышел IV том сочинений Е. Чирикова – «Пьесы» (СПб, тираж – 4800), куда вошла его новая драма «Евреи». Своими впечатлениями от пьесы, в которой «встает безобразное, мрачное, таинственное чудовище, именуемое еврейским вопросом», делился Л. Андреев в письме к Горькому от 4

* Первый сборник лирики В. И. Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1903).

марта: «Вопрос <...> разработан и решен публицистически. Отсюда огромное чувство <...> неудовлетворенности <...> А в общем – очень хорошая пьеса, а недостатки ее с одной стороны являются достоинствами с другой» (ЛН. Т. 72. С. 201–202). Горький ценил новое произведение Чирикова, которое «очень хвалил» (письмо Чехова О. Л. Книппер от 7 октября 1903 г. Т. 11. С. 265). Чехов отнесся к пьесе значительно прохладнее: «написано не так уж плохо, можно три с плюсом поставить» (Т. 11. С. 285). Немногочисленные рецензии на книгу были в основном недоброжелательными, отмечавшими главным образом драматургическое несовершенство пьес Чирикова (Б. п. [А. Г. Горнфельд], Р. Бог., № 6, отд. «Новые книги»; Р. Мысль, № 9, Библиогр. отд.).

Вышло отдельное издание рассказа Бунина «Над городом» (Ростов-на-Дону, изд. «Донская речь», тираж – 10000).

В научно-литературном сборнике «К свету» (СПб., тираж – 3000), выпущенном к 25-летию Петербургских высших женских курсов под редакцией Е. П. Летковой и Ф. Д. Батюшкова, напечатан новый «сибирский» рассказ В. Г. Короленко «Феодалы». Появился ряд положительных отзывов на него (Р. Вед., 17 мая, отд. «Библиогр. заметки»; А. Б. [А. И. Богданович], Мир Б., № 5, Библиогр. отд.; Ник. Ашешов, Обр., № 5, и др.).

Вышла первая книга И. А. Новикова – «Искания. Сборник (повестей, рассказов и драм)» (Киев, тираж – 2400).

Рецензент «Русского богатства» отметил «задушевную искренность и серьезность» автора и вместе с тем неопределенность его представлений о жизни: «<...> чего ищут» герои, «сказать трудно» ([В. В. Каррик], № 7, отд. «Новые книги»).

Вышла книжка переводов Эллиса [Л. Л. Кобылинского] «Им-мортели», вып. I (М., тираж – 1200). Переводы из Ш. Бодлера.

Резко отрицательный отзыв поместил в «Весах» Брюсов (Аврелий, «Новый перевод Бодлера», № 4). По мнению Г. И. Чулкова, здесь «<...> не поэтическая передача подлинника, а стихотворное изложение его содержания». «Слова Бодлэра, написан-

ные кровью, безжалостно стерты банальной рукою г. Эллиса» (Вопр. Ж., 1905, № 2, отд. «Литературные заметки»). Андрей Белый писал Блоку 8 апреля: «Перевод убийственно плох. Он меня очень просит написать рецензию. Увы, увы!..» (Переписка. С. 141–142)*. В «Ракурсе к дневнику» Белый вспоминал о своих «затруднениях» «с бездарными переводами Бодлера Эллиса» (ЛН. Т. 105. С. 350).

Впервые опубликованы «Записки М. Н. Волконской» (СПб., тираж – 2400), написанные в конце 50-х гг. XIX в., с предисловием и примечаниями ее сына, кн. М. С. Волконского.

Мемуары жены декабриста вызвали значительный интерес. Критика писала о «драгоценном вкладе в историю <...> прошлого века» (А. П. [А. Н. Пыпин], В. Евр., № 5), о связи воспоминаний с поэмой Н. А. Некрасова «Русские женщины» (Ник. Ашешов, Обр., № 7), о «памятном “документе” великой русской женской души» (А. Филиппов, «Русь», 5 июля), о «<...> трогательном памятнике самоотвержения русской женщины» (В. К., «Весы», № 5, отд. «О книгах»). См. также: Р. Мысль, № 4, Библиогр. отд.; Феличе, Нов., 29 апр., и др. Появились статьи о творческой истории «Русских женщин» Некрасова, познакомившегося с «Записками» в рукописи (А. Г. Горнфельд, «Русские женщины” Некрасова в новом освещении», Р. Бог., № 4). 8 мая Л. Н. Толстой писал В. В. Стасову: «<...> занят Николаем I и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, [которую] хотелось бы художественно изобразить в связи с декабристами» (Т. 75. С. 103). 1 июля Л. Н. Толстой писал внуку декабриста С. Г. Волконского, Г. М. Волконскому: «Декабристы, больше чем когда-нибудь, занимают меня и возбуждают мое удивление и умиление» (Т. 75. С. 134).

В январе-марте вышли книги В. В. Розанова: «В мире неясного и нерешенного» (2-е изд. СПб., тираж – 1800), «Место христианства в истории». Религиозно-философская биб-ка, вып. 1 (СПб., тираж – 10000). В предисловии ко 2-му изданию «В мире неясного и нерешенного» Розанов писал: «Дать почувствовать

* Рецензию на эту книгу Белый, по всей вероятности, не написал.

семью как ступень поднятия к Богу, – вот простая и ясная цель собранных здесь статей».

Мережковский, отметив в «Новом Пути» (№ 3) «гениальную прозорливость» и «сверхъестественную интуицию» Розанова, не одобрил розановского смешения «брака с полом»: разрешение вопроса, по мнению критика, – «лишь в признании того абсолютного принципа, что Христос освящает плоть, что аскетизм Христа есть *преображение пола*, а не его *отрицание*, что будущность пола – в стремлении к новой христианской влюбленности, а отнюдь не в идеале скопческого изуверства, как на то не устает указывать Розанов». Заслуга же Розанова в том, что он, «подобно Ницше, Достоевскому и Толстому расширяя наше религиозное сознание, выдвинул и осветил такие стороны нашего бытия, которые до него пребывали в темноте. Отныне не считаться с Розановым нельзя» («Новый Вавилон», отд. «Литературная хроника»). В отклике на статью Мережковского о Розанове З. Н. Гиппиус, согласившись с мыслью о необходимости «*преображения пола*», заметила: «только одна влюбленность», родившаяся для нас «*только после Христа*», «в области пола <...> утверждает *личное* в человеке» (А. Крайний, «Влюбленность», Нов. П., № 3, отд. «Литературная хроника»).

Вышел критический очерк кн. Евг. Трубецкого «Философия Ницше» (М., тираж – 1600).

В январе-марте вышли: 2-е изд. драмы М. Метерлинка «Тайны души» в переводе и с предисловием А. С. Суворина (СПб., тираж – 5000); 2-й том собрания сочинений Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» в переводе А. Николаева и Е. Воронцовой (М., изд. М. Клюкина, тираж – 2400).

А п р е л ь

А. Куприн – рассказ «Корь» (Мир Б., № 4).

Критика обратила внимание на образ Завалишина – интересный «тип современного националиста» (И. Джонсон [И. В. Ива-

нов], «Киевские отклики», 22 мая), «ярко написанную, слегка карикатурную фигуру современности» (А., Р. Мысль, № 4).

М. Арцыбашев – рассказ «Бунт» (Мир Б., №№ 3, 4).

Рассказ, поднимающий тему проституции и «культурного» общества, вызвал сочувственные отзывы в критике (А. Луначарский, «Журн. заметки», Обр., № 7; И. Джонсон [И. В. Иванов], «Киевские отклики», 22 мая).

А. Аверченко – рассказ «Праведник» (Журн. для всех, № 4). «Самым значительным событием жизни считаю появление в печати моего первого литературного опыта – рассказа “Праведник”» (А. Т. Аверченко. Автобиография // Ежегодник на 1973 год. Л., 1976. С. 155).

Антон Крайний [З. Гиппиус] – статья «Еще о пошлости» (Нов. П., № 4). О чеховском творчестве, исполненном «отрицания жизни», мотивами «небытия <...> охлаждения сердца ко всему живому». Георгий Чулков возразил на это: «Мертвое спокойствие, чортово болото не в душе Чехова, а в тех душах, которые <...> “не доросли до Чехова” <...>» («Примечание к словам Антона Крайнего о Чехове», Нов. П., № 5, отд. «Литературная хроника»).

В журн. «Весы» (№ 4) А. Ремизов опубликовал статью о «Товариществе новой драмы» В. Мейерхольда в Херсоне, ищущем «новых форм для выражений вечных тайн и смысла нашего бытия» в создании символического театра. Ремизов участвовал в деятельности театра в роли литературного консультанта и переводчика иностранных пьес.

В журн. «Образование» (№ 4) Ник. Ашешов напечатал резко критическую статью об эстетической и религиозной программе журн. «Новый Путь»: «Поиски религиозных начал в русском обществе есть. “Нов<ый> Путь” задел их краешком, – и мы отмечаем этот краешек для регистрации литературно-жизненных явлений. Но к этому микроскопическому зерну присоединено много скверных придатков, чуждых общественности и здравого

смысла, но зато полных нелепостей, изломанности, фиглярничанья, вредного бахвальства и крикливого ничтожества».

В статье «Перевал» Борис Кремнев [Г. И. Чулков] призвал к объединению марксизма и христианства: «не социализм должен продиктовать людям атеистическое мировоззрение, а сам он должен быть освещен религиозной Истиной» (Нов. П., № 4, отд. «Политическая хроника»).

1 апреля Д. Н. Мамин-Сибиряк говорил Ф. Ф. Фидлеру: «По мне сверяют свой русский язык такие люди, как академик Шахматов или исследователь былин Всеволод Миллер <...> Никто из современных писателей не знает русский язык, как я! По-настоящему знали русский язык только Лесков, Печерский, С. В. Максимов и Аверкиев. Остальные не знают русского: это книжный, а не народный язык». «Мамин сказал, что кроме четырех выше названных писателей все остальные учили русский язык как иностранный и пишут стилем, похожим на дословный перевод» (Фидлер. С. 371).

8 апреля Андрей Белый писал Блоку: «В настоящее время у нас начинается процветать *“аргонавтизм”* и, несмотря на его проективность, я уже с грустью убеждаюсь, что догматизму в нем еще больше, чем у *“Скорпионов”* и у *“Грифов”*». В том же письме – примечательная характеристика Брюсова: «Ты недаром видел во сне Брюсова. Брюсов значительней кого бы то ни было. В то время как другие выставляют напоказ свою глубину, он все усилия употребляет на то, чтобы спрятаться» (Переписка. С. 141). 15 апреля Белый в письме к Блоку отозвался о Мережковском следующим образом: «Дм<итрий> Сер<геевич> сказался весь и <...> дальше от него ждать нечего» (Переписка. С. 148, 150).

В «Материале к биографии» Андрей Белый вспоминал об апреле: «На пасхе ко мне является с визитом Вячеслав Иванов, и мы проводим с ним в разговоре несколько часов; с тех пор я часто с ним вижу <...>». В «Ракурсе к дневнику» добавил: «<...>

всюду: проблема *дионисизма*; темы “религии страдающего бога”» (ЛН. Т. 105. С. 102, 351).

В апреле произошли изменения в редакции журн. «Новый Путь»: соредактором П. П. Перцова стал Д. В. Философов, секретарем вместо Е. А. Егорова – Г. И. Чулков (Ежегодник на 1973 год. Л., 1976. С. 47–48).

20 апреля в петербургской Академии художеств прошел вечер, посвященный памяти погибшего на Дальнем Востоке художника Верещагина. На вечере с прочувствованной речью выступил И. Е. Репин (см.: Репин И. Е. Воспоминания о В. В. Верещагине (1904–1914 гг.) / Публ. и предисл. О. И. Гапоновой // Художественное наследство. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 335–346).

В течение января–апреля в изд-ве «Знание» вышли 3 тома «Рассказов» С. Елпатьевского (I и II тт.– 24 января; III т.– 14 апреля; общий тираж – 15600). Содержание томов: «До Томска», «От Томска», «Жиганы», «Уголовные дворяне», «Миша», «Свирька служащий», «Из случайных встреч», «Рассказы о прошлом» и др.

В отзывах критики говорилось о бытописательном значении произведений Елпатьевского (его сибирских рассказов и «Рассказов о прошлом» – из жизни сельского духовенства), о «даровании <...> – не из крупных <...> но полном грустной наблюдательности и тихого, истинно русского лиризма» (Аббадонна [А. В. Амфитеатров], «Русь», 26 мая), о его «несколько скорбной любви к людям» (Р. Мысль, № 7, Библиогр. отд.).

Иван Рукавишников – «Книга 3-я. Стихотворения» (СПб., тираж – 1000).

«<...> много интересных попыток: пробы свободного стиха, искания новых впечатлений в повторении слов, в переломах размеров; некоторые стихотворения оригинально задуманы, картины схвачены с новой точки зрения; хотя нет ни одной пьесы, которая была бы хороша вся до конца» (Аврелий [В. Я. Брюсов], «Весы», № 4, отд. «О книгах»).

Вышел сборник рассказов крестьянского писателя С. Т. Семенова «В родной деревне» (М., изд-во «Посредник», тираж – 3000).

«Русская Муза. Собрание лучших оригинальных и переводных стихотворений русских поэтов XIX в.». Составил П. Я. (СПб.: изд. журн. «Русское богатство», тираж – 3500). В июне вышло 2-е изд., тираж – 3500, на обл.: СПб., 1905.

Либеральная критика отнеслась к изданию в целом одобрительно. Однако рецензент «Весов» Н. Янков [Н. Поярков] восстал против «грубого произвола редактора» сборника, в котором не нашлось места для «всей молодой школы в русской поэзии» (№ 5, отд. «О книгах»). В середине апреля Горький писал Е. П. Пешковой, что из «Русской музыки» «вырезали» «Песню о Буревестнике» и «сообщили, что больше ее разрешать к печати – не будут» (Т. 4. С. 72).

Вышло исследование акад. А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» (СПб., тираж – 2038).

Труд историка литературы, занимающего «первое место в России», высоко оценил А. А. Блок в специальной рецензии: «Книга о Жуковском ценна не только новым освещением поэта <...> Это – целая энциклопедия эпохи <...> *реальный* образ Жуковского (взамен “иконописного” <...>), данный Веселовским, следует отнести на счет *любви* не менее, чем на счет стремления к “научной правде”» (Вопр. Ж., 1905, № 4–5). Рецензент «Весов» отметил, что новое исследование «радикально расчищает всю массу накопившихся недоразумений и выясняет истинный характер поэзии Жуковского», который оказывается «вовсе не типичным романтиком», а «сентименталистом из школы Карамзина» (В. С. [В. Ф. Саводник], № 10, отд. «О книгах»). Положительная оценка преобладала в отзывах критиков. «Московские ведомости» остались недовольны тезисом о психологической «исчерпанности» поэзии Жуковского: «Если новые поколения предпочитают воспитываться на Писареве и Добролюбове, то об этом русскому академику следовало искренне пожалеть» («О Жуковском», 15 июня).

Вышла книга А. И. Фаресова «Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем» (СПб., тираж – 1200). В мае вышло 2-е изд., тираж – 1200.

Книга, освещавшая, в частности, отношение Лескова к революционному движению 1860-х гг., вызвала разноречивые отклики. Вл. Боцяновский с сочувствием писал о стремлении автора «реабилитировать <...> много выстрадавшего при жизни писателя»; Лесков «прекрасно чувствовал идеальную сторону движения шестидесятых годов, но питать иллюзии относительно его осуществимости <...> не мог»; в то же время никакой травли «нигилистов» в его произведениях нет («Критические наброски», «Русь», 11 мая). Напротив, А. Яблоновский резко осудил попытку «реабилитировать» Лескова и его отношение к «нигилистам» – «самую мрачную <...> страницу из жизни покойного писателя» («Родные картины», Обр., № 6).

В течение марта – апреля печать бурно обсуждала проект реформы русского правописания, предложенный специальной комиссией Академии наук под председательством акад. Ф. Фортунатова (ликвидация «яти», «фиты», «ижицы», «ера» и ряда архаических правил правописания). Голоса противников реформы звучали громко не только в консервативных, но и в либеральных изданиях: «<...> тени Пушкина и Гоголя перевернулись бы в гробу, если бы увидели издание своих сочинений по правописанию <...> орфографической комиссии» (Ч. Кучинский, Н. Вр., 16 апр.); это «значило бы сбиваться в какое-то <...> декадентство <...>» (проф. А. С. Будилович, В. Евр., № 5). Отрицательно высказался о предполагаемой реформе и Л. Толстой: «<...> это бессмысленно – пытаться исправлять природу <...>» (А. Зенгер, «У Толстого», «Русь», 15 июля).

Вышли два издания М. Метерлинка: «Пьесы» (СПб., изд. Д. Ефимова, тираж – 3600): «Принцесса Малена», «Непрошенная», «Слепцы», «Пеллеас и Мелизанда», «Алладина и Паломид», «В доме» и др.; 2-й том Полного собрания сочинений – «Драмы» в переводе В. Саблина (М., 1904, тираж – 2000).

В статье «Метерлинк и Пшибышевский» В. Перемилловский писал: «<...> стал Метерлинк чуть ли не своим человеком на Ру-

си <...> Теперь уже все знают, что у Метерлинка – Предопределение, Рок, Фатум, Судьба или что-то в этом роде», однако перевод – «<...> просто – убить автора на месте! Произвольные пропуски, вставки, перевиранья, грубое непонимание духа автора, незнание французской речи, крикливо-придурковатый тон русской <...>» (Мир Иск., № 5, отд. «Хроника»).

М а й

В. Брюсов – стихотворение «Конь блед» (Нов. П., № 5). «Апокалипсическое стихотворение, лучшее, что мной пока написано (А. Белый и юный С. М. Соловьев, когда я им его прочел, повскакали со стульев) <...>» (письмо Брюсова к П. П. Перцову от 19 марта (1 апреля) // Печать и революция. 1926. № 7. С. 42).

1 мая П. П. Перцов писал Блоку: «Брюсов прислал “Коня Бледа”. Знаете, мне не очень. <...> Мне кажется, вообще не брюсовская тема. Слишком он – посюсторонняя душа <...>» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 462). «“Конь блед”. Что это за слова? На каком языке? Бог их знает! Неужели же русский язык так беден, что этим скудоумным графоманам требуется еще выдумывать свои слова, неуклюжие, ненужные слова» (Лютик, «Литературный недуг – “стихотворенничество”», «Варшавский дневник», 27 июня, № 179). 29 июля (11 августа) М. А. Волошин написал А. М. Петровой: «Что совсем меня ослепило, это “Конь Блед” Брюсова в Майской книжке» (Т. 9. С. 139).

Андрей Белый – статья «Символизм как миропонимание» (Мир Иск., № 5). О предшественниках и основоположниках символизма – Шопенгауэре, Ницше, Вл. Соловьеве; о символическом искусстве как «гениальном познании»; о «музыкальных идеях» – высшей форме символа; о «теургии» – «соединении вершин символизма, как искусства, с мистикой»: «Теургия – вот что воздвигает пророков, вкладывает в уста их слово, дробящее скалы».

Вячеслав Иванов – статья «Ницше и Дионис» («Весы», № 5). «Трагическая вина Ницше в том, что он не уверовал в бога, которого сам открыл миру»: он «понял дионисическое начало как

эстетическое, и жизнь – как “эстетический феномен”. Но то начало, прежде всего, <...> религиозное <...>».

3 мая в газете «Новости дня» помещена первая корреспонденция Н. Гарина, уехавшего на русско-японский фронт. В ней сказано: «Я беру на себя большую ответственность пред читателем: быть правдивым». Корреспонденции писателя под общим названием «Дневник во время войны» печатались вплоть до 10 октября и впоследствии составили книгу того же названия.

Об этих статьях Горький отозвался в письме к Е. П. Пешковой и М. А. Пешкову от 25 июля: «Гарин – пишет очень интересно и порядочно» (Т. 4. С. 112).

10... 12 мая Л. Андреев писал К. П. Пятницкому: «Самодержавная бессмыслица – кошмар, а не жизнь <...>»; «Одно верно: мне, Скитальцу, Вересаеву и многим другим придется делать свою литературную карьеру почти сызнова – глубоко уйдет в прошлое то, что было до войны. И читатель будет новый <...>, и песни ему нужно петь новые, и благо тому, у кого есть слух и голос. Очень для многих из нас, еще во цвете лет сухих, – начинается уже история» (ЛН. Т. 72. С. 508).

11 и 12 мая Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус по приглашению Л. Н. Толстого гостили в Ясной Поляне. Когда в разговоре Толстой «обращался к Мережковскому», вспоминала Гиппиус в очерке «Благоухание седин» («Живые лица»), то «чувствовалось <...>, что книгу его о себе* он читал». Не случайно он признался Мережковскому: «А я рад, что вы ко мне приехали. Значит, вы уже ничего против меня не имеете...» (Собр. соч. Т. 6. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. С. 190-191). 26 декабря дочь Толстого Александра вспоминала о поведении Гиппиус в Ясной Поляне: «Декадентски одетая; когда говорила с отцом, то делала это с снисходительностью», – резко прибавив: «Мережковскую бы взять за шиворот и выбросить ее!» (Маковицкий Д. П. Яснополянские записки // ЛН. Т. 90. Кн. 1. С. 112–113). «Сейчас уехали от нас Мережковские, – писал Толстой дочери

* Имеется в виду критическое исследование Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902).

Марии Львовне. – Этих хочу любить и не могу» (Т. 75. С. 104). Д. П. Маковицкий записал 19 декабря: «В “Новом Пути” <...> Гиппиус, жена Мережковского, описывает в повести “Suor Maria”* свое посещение Ясной. По-моему, хорошо» (ЛН. Т. 90. Кн. 1. С. 103). Примирение было достигнуто, но, как писала Гиппиус в книге воспоминаний «Дмитрий Мережковский», «религию Толстого» ее муж не принимал до конца своих дней, хотя и «немножко иначе стал видеть его, как человека с его трагедией» (Собр. соч. Т. 6. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. С. 294).

12–13 мая к Блоку в Шахматово приезжала А. Н. Шмидт. М. А. Бекетова свидетельствовала со слов Л. Д. Блок: «<...> Блок больше отмалчивался. Это было единственное свидание их. Очевидно, поведение Блока сразу показало А. Н. Шмидт, что из ее попытки завязать с ним сношения ничего не выйдет. Блок не признал ее “душою мира” и не заинтересовался ни ее личностью, ни ее теориями» (Письма Александра Блока к родным. <Т. I.> С. 326). Однако сам поэт, по-видимому, вынес из встречи с Шмидт несколько иное впечатление – хоть и «смутное, во всяком случае, хорошее – крайней искренности и ясности ума, лишённого всякой “инфернальности”, дурной и хорошей. Говорила много тонких вещей, которые мне *только понятны*» (письмо к Андрею Белому от 16 мая. Переписка. С. 153–154).

22 мая Л. Д. Зиновьева-Аннибал отразила в дневнике впечатления свои и Вячеслава Иванова от литературных кругов Москвы и Петербурга: в Петербурге «люди <...> тоскливо-безнадежные и догматично верующие узко и задорно <?>; и всегда горделивые, – таковы (все вместе) Мережковские. <...> Мы как-то душевно уставали и тосковали там. Пробыли десять дней** . Мережковские очень ревновали нас к Москве <...> Мережковский скалил зубы и вращал белки против “оргазма” вне Христа, и требовал крепкие четыре ставни вокруг “как”, чтобы прежде *всего* было “что”. Гиппиус поддерживает его <...> Их интимный и нагой человеческий облик так и остался нам скрытым <...>

* Опувл.: Новый Путь. 1904. № 11. Точное название: «Suor Maria. Intermezzo».

** С 31 марта по 10 апреля.

Москва прямее, яснее... Брюсов драгоценный друг. <...> Он принимает мир, чтобы одолеть мир, своей волей покорить. И пьет жизнь без жадного спеха – глубокими глотками. <...> Он нам с В<ячеславом> необыкновенно полезен, как земля <...> Он молод еще и собирается жить до 80 лет! Дай Бог. В нем сильный цепкий талант и вожжи его коней в сильной руке. <...> Мы виделись (в особенности В<ячеслав> и он) почти каждый день и всегда внове и всегда с жадностью обеих сторон. <...> О Бальмонте не хочется писать. Проснется ли он к новому духу? Вряд ли. Старая песня выпета и перепета. <...>» (Публ. А. Шишкина // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 789–790).

21 мая П. А. Флоренский в письме к Андрею Белому делился замыслом нового журнала, способного стать «заранее обдуманым и единым по настроению периодическим органом, который имел бы не временное значение, а сохранял бы ценность, как книга», и приглашал своего корреспондента к сотрудничеству с «кружком» вокруг будущего журнала (В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов, В. П. Свенцицкий). В ответном письме от 27 мая Белый поддержал Флоренского и обещал для его издания все свои «стихотворения религиозного оттенка». Замысел, однако, не был осуществлен (см.: Павел Флоренский и символисты. С. 453–455).

В «Материале к биографии» Андрей Белый вспоминал, что в мае в Москве «появляется Леонид Семенов, опять, как и в предыдущем году, мы с ним часто видимся; в этот период он переживает настроение “*Стихов о Прекрасной Даме*”. Мне это настроение чуждо <...>» (ЛН. Т. 105. С. 103).

29 мая вышла вторая книга «Сборника товарищества “Знание” за 1903 год» (СПб., тираж – 81000). Содержание: «Вишневый сад» Чехова; «Евреи. Отрывки из повести» С. Юшкевича (произведение было напечатано со значительными цензурными купюрами); повесть Е. Чирикова «На поруках»; рассказ А. Куприна «Мирное житие»; пять стихотворений Скитальца.

После появления текста «Вишневого сада» произведение Чехова во многом по-другому воспринимается в критике. Пред-

ставление о философско-пессимистической элегичности пьесы, преобладавшее в откликах на спектакль МХТ, все чаще сменяется взглядом на нее как на социальную драму, проникнутую бодрыми настроениями. «Вишневый сад» – «символ разрыва с прошлым» и «надежды на лучшее» (Вл. Боцяновский, «Русь», 12 июня); Чехов «пишет смертный приговор» дворянскому былому, противопоставляя ему «свежие, бодрые силы» (Старый [Г. С. Петров], Р. Сл., 8 июня); рядом с «гниением старой разлагающейся жизни» писатель изображает «побеги новой жизни», говоря о ней устами Трофимова (А. Скабичевский, Р. Вед., 31 авг.). Трофимов «способен на величайший подвиг самоотвержения и, не задумываясь, отдаст свою жизнь за общее дело <...> Мысль автора настолько ясна, что только близорукие люди могут не видеть ее», – утверждала поэтесса О. Чюмина (Нов., 11 июля). Ф. Батюшков писал о молодых героях «Вишневого сада»: «Конечно, не такие лица создают движение, а движение их создает, и в этом смысле они особо знаменательны: стало быть, движение есть, стало быть, оно сильно, если захватывает в свои ряды даже таких средних личностей, без выдающихся индивидуальных свойств <...>». Основным итогом пьесы критик считал мысль об «исправимости» жизни (Мир Б., № 8). М. Неведомский увидел художественную новизну «Вишневого сада» в создании «глубоко реалистических типов, как бы прокипяченных на огне символизма <...>»: «А эти символы – поют истинное психологическое *de profundis* барскому укладу жизни, барской культуре и поют в высшей степени выразительно» (Мир Б., № 8). По мысли Ю. Череды [Ю. П. Дягилев], в «Вишневом саду» Чехов обличил «декадентскую несоразмерность и *неравноценность любви и быта*»: сад не сохранен потому, что «просто не хватило нужной для того прежней действующей любви, любви желающей, и ушла вся страшная сила лишь в любовь замирающую, лишь в бесполезные “сдержанные рыдания”». Чехов же учил «возрастить и возлелеять нам <...> новую жизнь, новый быт <...>» («Чехов и быт», Нов. П., № 7, отд. «Литературная хроника»).

Наиболее радикально настроенная художественная интеллигенция осталась все же не удовлетворена социальной мыслью «Вишневого сада», неопределенностью представлений писателя о будущем. Об этом писал В. Г. Короленко Ф. Батюшкову 2 сен-

тября: «Вы в Вашей статье, руководясь любовью к Чехову, тщательно разыскиваете малейшие крупинки “надежды на лучшее” <...> Вот это, по-моему, и есть главный недостаток пьесы: отсутствие ясного художественно определенного рисунка, основной ноты <...> А “реализм, прокипяченный в символизме” (выражение Неведомского) – разве это что-нибудь уловимое?» (Короленко В. Г. Письма 1888–1921. Пг., Изд. «Время», 1922. С. 271), и в рецензии на сборник «Знания»: «А фигура “облезлого студента” <...> производит впечатление невыясненности и недоумения: почему надежда на будущее ассоциирована с внушающей уныние полинялостью и безнадежной тусклостью» (Журналист, Р. Бог., № 8). Тогда же, в 1904 г., Горький писал в очерке «А. П. Чехов» о «дряньном студенте Трофимове», который «красно говорит о необходимости работать и – бездельничает <...>» (ПСС. Художественные произведения. Т. 6. М., 1970. С. 55). Трофимов – это «одни слова. Ведь он только вечный студент, “недотепа”» (А. Луначарский, «Киевские отклики», 5 сент.). С другой стороны, В. В. Воровский связал с образом хотя и «странного, полукарикатурного “вечного студента”» Трофимова путь к «выходу» из «заколдованного круга праздности, бессилия, тунеядства» (Ю. Адамович, «Лишние люди», Пр., № 7).

Сочувственно в целом отнеслась критика к новому произведению Юшкевича из жизни еврейского пролетариата, отметила его достоверность, социальную остроту, но вместе с тем и однообразный, чрезмерно мрачный тон – «неустанный, несмолкаемый, все распалюющий вопль о страданиях» (Волжский [А. С. Глинка], Журн. для всех, № 8; И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 24 июня; Р. Мысль, № 8, Библиогр. отд.). Противоположное высказал М. Неведомский: «Несмотря на трижды несчастные условия жизни <...> городской массы <...> основная черта их психики не уныние <...> а упорные поиски за правдой <...>»; «<...> центральная фигура молодого Нахмана носит на себе все гордые и мятежные черты “Человека” М. Горького» («О современном искусстве», Мир Б., № 8). В. Г. Короленко осудил повесть Юшкевича за «неряшливость и неотделанность», стилистические преувеличения, надуманную художественную манеру (Журналист, Р. Бог., № 8).

«В “Мирном житии” А. Куприна характерными чертами изображена фигура доносчика по призванию», – писал В. Г. Короленко (Р. Бог., № 8). Сохранился отзыв Л. Толстого о «Мирном житии»: «А из молодежи самым даровитым я считаю Куприна <...> Он чужд тенденции, он славный, здоровый художник. Не помню уже, как называется у него вещичка: старичок идет в церковь, – какая это прелесть! <...> Только не следовало старика делать доносчиком <...> Зачем? <...> Он и так хорош, рельефен, ярок <...>» (Ник. Брешко-Брешковский, «У великого старца (Впечатления из Ясной Поляны)», Пб. Газ., 1907, 26 июля).

По выходе первых книжек «Знания» реалистическая критика высказала и общие суждения о новом литературном предприятии. Преобладал взгляд на него как на «явление выдающегося значения» (Журналист [В. Г. Короленко], Р. Бог., № 8). «Сборники “Знания” – это самое крупное литературное явление последнего времени <...> В то время как <...> ученые, философы, публицисты <...> останавливаются в растерянности пред “Проблемами идеализма”, попадают в старые трясины мистики и метафизики <...> художники, поэты смело вступают на путь критического реализма, отказываясь от старых костылей, от старых няnek и от старых страхов» (-бо-[С. Б. Любошиц], Нов. Дня, 11 июня). Сборник концентрирует самые характерные черты современной литературы, заключающиеся, по мнению М. Неведомского, в «тенденции к символическому, очень обобщенному трактованию жизни», и, с другой стороны, в «общем *тоне* содержания – беспокойном, хмуρο отрицательном», окрашенном мыслью, что «жизни пора, наконец, сдвинуться с того постылого места, на котором она застаивается <...>» (Мир Б., № 8).

Об успехе первых же сборников «Знания» вспоминали впоследствии их участники; книги «расхватывались как магазины, так и непосредственно публикой моментально <...> Книжные магазины не только подписывались на них заблаговременно, но и упрашивали знакомых писателей помочь им подписаться, чтоб не пропустить очередь» (Н. Телешов. Записки писателя. С. 108).

Из литературного лагеря, противостоявшего реалистам, слышались другие голоса: кроме «Вишневого сада» Чехова, «все остальное <...> скучно, серо, нежизненно, трафаретно» (рец. Ник.

Яркова [Н. Пояркова] на второй сб. «Знания», «Весы», № 6, отд. «О книгах»).

Вышел т. I «Пьес» С. Найденова (СПб., изд. т-ва «Знание», тираж – 5300), куда включены «Дети Ванюшина», «Блудный сын», «Номер тринадцатый», «Богатый человек».

Л. Н. Войтоловский писал о драматургии Найденова: «Свои задачи он ставит широко и смело подходит к самым запутанным вопросам, проявляя серьезное отношение к жизни» («Киевские отклики», 3 июля).

Вышел составленный Н. Гариным сборник «Корейские сказки, записанные осенью 1898 года» (СПб., изд. т-ва «Знание», тираж – 5300).

«Гуманностью и сострадательным отношением к ближним», «трогательною мягкостью, тончайшею деликатностью чувств и отношений, глубочайшим уважением к женщине дышат эти повести кроткого народа» (Аббадонна [А. В. Амфитеатров], «Отклики», «Русь», 5 июля).

Вышла книга Ив. Наживина «У дверей жизни. Очерки и рассказы» (М., тираж – 1200).

Рецензенты отмечали непосредственное воздействие толстовских идей на рассказы Наживина. «Книга наводит на тяжелые размышления; ее правильно было бы назвать “Против культуры”» (Н. Минский, Нов., 5 нояб.); «адепт <...> эмансипированной христианской морали» (М. С. [М. А. Славинский], Пр., № 12, Библиогр. отд.).

Вышел сборник произведений Ал. Н. Будищева «Солнечные дни» (М., тираж – 2600). Состав: роман «Солнечные дни», рассказы «Допрос», «На палубе», «Самозванец», «Лучшая».

Впервые после 1863 г. в России изданы сочинения Н. П. Огарева – «Стихотворения», т. 1 под ред. М. О. Гершензона. Т. 2 вышел в декабре (М., изд. М. и С. Сабашниковых, тираж каждого тома – 2400).

«Лишь теперь уничтожается, наконец, печальнейший и бессмысленнейший анахронизм» – «сорок с лишком лет» поэзия Огарева «находилась <...> под запретом» (Б. п. [П. Ф. Якубович], Р. Бог., № 10, отд. «Новые книги»); настоящее издание «делает общедоступными» его произведения (Р. Вед., 12 июля, отд. «Библиогр. заметки»). Приветствуя долгожданное издание, В. Брюсов отмечал: «Н. П. Огарев принадлежит к числу наших замечательнейших поэтов и должен быть поставлен наряду с Тютчевым, Баратынским, Фетом, К. Павловой, выше А. Толстого или Щербины». Под «кажущейся небрежностью» его стихов «скрывается стальной остов, не позволяющий переставить ни одного слова, за <...> простотой – сложность противоречий искавшей, страдавшей и отчаявшейся души» (В. Б., «Весы», 1905, № 2, отд. «О книгах»). По мнению М. Могиланского, в Огареве «разъедающий философски-религиозный скептицизм разрушил мечту о возможности личного упоения напряженной душевной полнотой, но ненависть ко всему, обращающему человека в раба, осталась нетронутой, как проявление прекрасной и благородной души». Особо отмечены «возвышенный идеализм» Огарева и его «страстное стремление подчинить жизнь исповедуемым принципам» (Вопр. Ж., 1905, отд. «Хроника культурной жизни»).

Оскар Уайльд – поэма «Баллада Рэдингской тюрьмы» в пер. с англ. К. Д. Бальмонта (М., кн-во «Скорпион», тираж – 2400).

«Несомненный символизм баллады безмерно расширяет значение темы, которая положена в основу этого произведения. Перед нами раскрывается, в своей смелой наготе, душа, влюбленная в свободу и осмелившаяся, ради своей возлюбленной, перешагнуть за грани нравственности и порядка» (Б. К. [Г. И. Чулков], Вопр. Ж., 1905, № 2, отд. «Литературные заметки»).

Вышел последний, VI том обширного библиографического труда С. А. Венгерова – «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней» (СПб., тираж – 3200, изд. не закончено). В последнем томе, наряду с другими материалами, напечатаны автобиографии ряда современных литераторов, а также алфавитный указатель ко всем шести томам.

В рецензии на книгу П. Щ. [П. Е. Щеголев] писал: «Словарь <...> имеет не только специальное, но и общее значение <...> В биографиях и автобиографиях перед читателем разыгрывается яркая картина общественных условий, в которых живет русская литература» (Мир Б., № 10). См. также рецензию С. Ашевского в журн. «Образование», № 12).

Вышла книга Михаила Лемке «Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов» (СПб.: кн-во М. Пирожкова, тираж – 4000).

Вышло 4-е издание книги Владимира Соловьева «Три разговора о войне, смерти, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об Антихристе и с приложениями» (СПб., изд. т-ва «Труд», тираж – 3000).

Вышло в свет философское эссе М. Метерлинка «Мудрость и судьба» в переводе Н. Михайловой (СПб., изд-во «Общественная польза», тираж – 1200).

И ю н ь

В начале июня в изд. «Свободного слова» (Лондон), 13 (26) и 14 (27) июня в английских, французских и немецких газетах опубликована статья Л. Н. Толстого «Одумайтесь!» о русско-японской войне. Наряду с обычными морально-христианскими положениями, она содержала обличения политики царского правительства и ура-патриотической прессы.

Новое сочинение Толстого вызвало широкое обсуждение за рубежом (Нов. Дня, 20 июня). «Ваша волнующая, смелая статья <...> – писал ему английский искусствовед Сидней Кокрелль, – много сделает для мира во всех странах» (Толстой Л. Н. Т. 75. С. 142). Одновременно писатель получал «с каждой почтой <...> ругательные письма» с обвинениями в измене (письмо Толстого Н. В. Давыдову от 2 июля. Т. 75. С. 142). «Московские ведомости», обозвав Толстого «старым сумасбродом», «маниаком и богохульником», призвали правительство «сорвать личину с гр<афа> Толстого и показать его Русскому народу во всей его безобразной наготе <...>» (Spectator [В. А. Грингмут], «Новей-

ший памфлет гр<афа> Толстого», 27 июня). В том же духе высказался и «Гражданин» (Кн<язь> Мещерский, «Дневники», 24 июня).

В «Новом Пути» (№ 6) напечатана большая подборка А. Блока, состоящая из 9 стихотворений («Целый год не дрожало окно...», «Погружался я в море клевера...», «Я вырезал посох из дуба...» и др.).

Тан – «За океаном. Повесть из жизни русских в Америке» (Мир Б., №№ 1–6).

А. Луначарский писал о «новизне и чрезвычайной интересности <...> материала» произведения и «умном наблюдателе» – авторе (Обр., № 4).

Андрей Белый – лирико-критический этюд «Маска» («Весы», № 6) с посвящением «<...> Вячеславу Иванову, проповеднику дионисиазма». О своем ощущении переживаемых дней («ночные бури» стенающего «времени», «глухой рев тишины», «на горизонте тревога») и стремлении к выходу за пределы искусства, которое «перестает удовлетворять»: «Вместо бездонных образов душа просит бездонной жизни».

23 мая Вячеслав Иванов писал Белому: «<...> Вашу проникновенную и так много говорящую мне статью было позволено мне прочесть в рукописи, – и счастлив был я и глубоко тронут Вашим посвящением: спасибо Вам за честь и память!»* (Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова // Русская литература. 2015. № 2. С. 37). Рецензент «Нового Пути» назвал статью Белого «интересной» (Б. п., «Цитаты и заметки», Нов. П., № 7). Под впечатлением статьи Белого Волжский [А. С. Глинка] писал: «Декадентство в самом себе носит семена собственной смерти». «Опасность гибели от утончения более всего угрожает <...> художественному символизму нового искусства в его крайних выражениях, там, где символ, индивидуализируясь, замыкается в со-

* При перепечатке «Маски» в сборнике статей Белого «Арабески» (М., 1910. С. 130–137) текст посвящения был сокращен: «Посвящено Вячеславу Иванову».

вершенно замкнутое, непроницаемое кольцо» («Об уединении. О “Горных вершинах” г. Бальмонта и о “Весакх”», Нов. П., № 11).

Борис Кремнев [Г. И. Чулков] – «О культурном строительстве» (Нов. П., № 6, отд. «Политическая хроника»). Откликаясь на события русско-японской войны, автор утверждал, что «религиозно-мистическое движение должно углубить, осветить жизнь, но никоим образом не сделать нас равнодушными к современности» – по примеру Владимира Соловьева, которому был свойствен «синтез мистического миропонимания и трезвой исторической точки зрения», соединение «непосредственного интереса к текущей жизни с прозрением отдаленнейших судеб».

А. И. Покровский – статья «Современное декадентство перед судом вековечных идеалов» (Р. Вест., № 6).

«Перелистав два-три издания к-ва “Скорпион”, да пяток популярных брошюр о современных западных поэтах, рано затевать “суд” над декадентством». На деле «<...> то новое, что принесено “декадентством” – жизненно и способно к творчеству на всех путях человеческой мысли и деятельности» («Весы», № 6, отд. «В журналах»).

Закончилось печатание статей Н. Я. Стечкина под общим названием «Максим Горький (Его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества)» (Р. Вест., №№ 1–6). «Это исследование не критическое, оно – обличительное»; его задача – призвать к тушению «пожара», который зажег Горький, «кошунственный ругатель всего, чем жило и сложилось общество <...> босяцкий провозвестник революции» (№ 6).

«Московские ведомости» поддержали «смелый и решительный голос протеста против современной всеувлекающей моды на горькописание» (А. Басаргин [А. И. Введенский], 24 апр.). В октябре статьи Н. Я. Стечкина вышли отдельной книгой. 15 февраля 1905 г. Горький писал К. П. Пятницкому: «Скажите <...> чтобы мне нашли книгу Стечкина “Максим Горький” <...> из нее почерпает данные для моей характеристики де[партамент]

по[лиции], – вернейших и справедливейших оценок деятельности порядочных людей» (Т. 5. С. 16).

2 июня, в связи с длившимся конфликтом между двумя символистскими издательствами в Москве: основанным в 1903 г. Сергеем Кречетовым [С. А. Соколовым] «Грифом» и фактически руководимым В. Я. Брюсовым «Скорпионом», Вячеслав Иванов призывал сотрудничавшего с «Грифом» Андрея Белого к одновременному участию в альманахе «Северные цветы», издание которого готовилось «Скорпионом»: «Этим действием Вы положите конец настоящему ненормальному положению дела, вносящему внешний раскол в дорогую область, где должно быть любовное единство, и обманчивую видимость разделения там, где самое согласие – уже действенная сила» (Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) (Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада) // Русская литература. 2015. № 2. С. 39).

4 июня прекратилось издание газеты «Курьер».

15 июня Блок делился с Е. П. Ивановым своим восприятием философии Владимира Соловьева: «<...> я в этом месяце силился одолеть “Оправдание добра” Вл. Соловьева и не нашел там *ничего*, кроме некоторых остроумных формул средней глубины и непостижимой *скуки*. Хочется все делать *напротив*, назло. Есть Вл. Соловьев и его стихи – единственное в своем роде *откровение*, а есть “Собр<ание> сочин<ений> В. С. Соловьева” – *скука* и проза» (Т. 8. С. 105–106).

15 июня И. Ф. Анненский писал А. В. Бородиной: «<...> вечность не представляется мне более звездным небом гармонии: мне кажется, что там есть и черные провалы, и синие выси, и беспокойные облака, и страдания, хотя бы только не бессмысленные. <...> Я ничего не делаю, только стихи во мне иногда делаются, но обыкновенно болезненно и трудно, иногда почти с

* В 1904 г. Белый продолжал сотрудничать в издававшихся «Скорпионом» «Весак», но в «Северных цветах Ассирийских» (вышли в начале 1905 г.) все же участия не принял.

отчаяньем» (Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979. С. 457).

В письме от 28 июня Белый признавался П. А. Флоренскому: «Чувство конца, апокалипсичность, есть, по-моему, один из вернейших показателей нашего христианства <...> ибо “чувство” безвременности, конца есть залог и вместе с тем начало того, что “проходит образ мира сего” <...>» (Павел Флоренский и символисты. С. 460).

30 июня Брюсов писал уехавшему в Европу Вячеславу Иванову: «Живо ли в тебе <...> чувство общности с нами? Если живо, ты вернешься. А мне сейчас кажется, что если вынуть тебя из нашего круга, – все распадется» (ЛН. Т. 85. С. 449–450).

Отдельным изданием вышла пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад. Комедия в 4-х действиях» (СПб., изд. А. Ф. Маркса, тираж – 5150).

Отдельным изданием вышла книга путевых очерков Н. Гарина «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры» (СПб., изд. т-ва «Знание», тираж – 5300). Критика отметила большой познавательный интерес очерков Гарина и талантливость изложения (Р. Мысль, № 8, Библиогр. отд.; Р. Вед., 28 июня, отд. «Библиогр. заметки»).

Вышла книжка переводов Эллиса [Л. Л. Кобылинского] «Иммортели», вып. II (М., тираж – 1200). Переводы из Верлена, Роденбаха, Метерлинка, Леопарди и др.

Брюсов отозвался на книжку резко отрицательной рецензией (Аврелий, «Весы», № 7). Суровым был и вердикт Ф. Д. Батюшкова: «Переводы г. Эллиса не только значительно хуже переводов г. П. Я., но и безотносительно плохи» (Мир. Б., № 7). По мнению Г. И. Чулкова, Эллис перевел Верлена так, «как будто он имел в виду во что бы то ни стало обесцветить подлинник». «Совсем плохо переведен Метерлинк» (Вопр. Ж., 1905, № 2, отд. «Литературные заметки»).

Вышла книга Е. Аничкова «Литературные образы и мнения, 1903 г.» (СПб., тираж – 1000). В главе «Рассказы “Знания”» говорится: «<...> теперь внимание читающей публики сосредоточилось на небольших, одинаково изданных “Знанием”, сборниках рассказов Куприна, Бунина, Телешова, Юшкевича и Серафимовича. <...> Повсюду встает перед нами все тот же простой русский обыватель, бесхитростный и бесцветный. Все эти разнообразные образы обыденны, каждодневны и часто серы <...>». В главе «Поэты “Скорпиона”» рассматривается поэзия Бунина, Брюсова, Бальмонта и др., которая проникнута «безудержным упоением жизнью и красотой», «бодротью духа», «светлой радостью, блещущей сотнями созвучий и сочетаний» (С. 153–154).

Бенуа, Александр – «Русская школа живописи. Вып. 3» (СПб., изд. Р. Голике и А. Вильборг, тираж – 1500).

И ю л ь

2 (15) июля в немецком курортном городке Баденвейлер умер Антон Павлович Чехов. В телеграмме, посланной О. Л. Книппер-Чеховой И. П. Чехову, говорилось: «<...> внезапно скончался 15 ночи от слабости сердца <...> умер без страданий тихо» (М. Долинский, С. Черток. Последний путь Чехова // Русская литература. 1962. № 2. С. 191).

«Его кончина тем более поразила общество, что последние известия о состоянии его здоровья были успокоительны» (Евг. Ляцкий, В. Евр., № 8). «Есть что-то безумно-роковое в этой смерти, так неожиданно подорвавшей надежды на “новое слово”, которого дожидались от Чехова по мере прояснения его мирозерцания» (Ф. Батюшков, Мир. Б., № 8). «Тяжело, грубо ударила меня его смерть, хоть и ждал я ее» (письмо Горького Бунину от 11 июля. Т. 4. С. 105).

Поезд с телом писателя, прибывший в Петербург утром 8 июля, встретило лишь 15–20 человек. «Вышедшая на перрон <...> О. Л. Книппер, – вспоминал С. А. Венгер, – была, очевидно, поражена отсутствием встречающих <...> и я, очень сму-

щенный, должен был ей объяснить, что <...> никто не был в достаточной степени осведомлен о времени прибытия тела <...> Направились мы все к печальному вагону с останками любимого писателя и прямо были ошеломлены. Всем бросилась в глаза, ставшая с того времени знаменитой, надпись на вагоне, в котором стоял гроб с телом А. П. Чехова: вагон для устриц («Солнце России», 1914, № 228 [25]). 9 июля в 7 час. 30 мин. утра поезд прибыл в Москву. На платформе в ожидании поезда находились Горький, Шалапин, Васнецов, Коровин, Вл. И. Немирович-Данченко, Златовратский, Качалов, Москвин, Южин и многие другие. С вокзала траурная процессия направилась к Новодевичьему монастырю. «Несметные толпы народа сопровождали гроб, причем на тех улицах, по которым его несли, было прекращено движение трамваев и экипажей, и вливавшиеся в них другие улицы и переулки были перетянуты канатами» (Чехов М. П. Вокруг Чехова. М., 1964. С. 295). «Заметно было много служащих – и это несмотря на будничность день» (Из письма С. Д. Махалова к И. А. Белоусову // Лица. Вып. 4. М.; СПб., 1994. С. 438–439). «Грандиозное шествие через всю Москву, продолжавшееся более четырех часов <...> Интереснейшее зрелище на улицах, ближайших к Николаевскому вокзалу, где густо заселяющий эти улицы мастеровой и рабочий народ безмолвно стоял по обеим сторонам, толпился у открытых окон во всех этажах, пока торжественная процессия тихо проходила мимо» (А. Ростиславов, «Цена таланта», Т. и Иск., № 30).

Московский обер-полицмейстер в письме к директору МХТ Вл. И. Немировичу-Данченко от 8 июля предписывал: «<...> при следовании похоронной процессии <...> мимо Художественного театра и мимо редакции “Русской мысли” разрешается отслужить литии, но при условии не произносить при этом никаких речей или надгробных слов <...>» (М. Долинский, С. Черток. Последний путь Чехова. С. 197).

Траурная процессия достигла Новодевичьего монастыря в половине первого. «Две ярко-обособленные группы – вокруг Горького и Шалапина: оба стояли порознь» (Из письма С. Д. Махалова к И. А. Белоусову // Лица. Вып. 4. С. 440). «Над могилой ждали речей. Их почти не было. Публика начала строптиво требовать, чтобы говорил Горький <...> хотелось какого-то краси-

вого, искреннего, грустного слова, и никто не сказал его» (письмо Горького к Е. П. Пешковой, 11 июля. Т. 4. С. 104). «На гроб Чехова было возложено до 80 венков, в числе которых было 7 серебряных <...> Толпа окружила могилу таким плотным кольцом, что только с большим трудом удалось пройти сквозь нее духовенству и родственникам и пронести самый гроб. Вся могила была уложена изнутри цветами и зеленью <...> Когда гроб опустили в землю, он мягко лег на груды цветов. Сверху стали снова кидать цветы – розы, левкой, маленькие букеты, так что скоро весь гроб покрылся душистою пеленою цветов» («Нива», № 30, 24 июля).

Глубина переживания потери засвидетельствована в те дни многими высказываниями деятелей русской культуры. Л. Н. Толстой сказал корреспонденту газеты: «Чехов <...> был несравненный художник <...> Художник жизни <...> он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма <...> Его язык – это необычный язык <...> Смерть Чехова это большая потеря для нас, тем более, что кроме несравненного художника, мы лишились в нем прелестного, искреннего и честного человека <...>» («Русь», 15 июля). «Кажется, что я никогда еще не чувствовал ни одной смерти так глубоко, как чувствую эту <...> Жалко и литературу нашу, она лишилась первоклассного художника <...> который еще мог бы много раз ударить по сердцам» (письмо Горького к Е. П. Пешковой от 4 июля. Т. 4. С. 102); «Беспрестанно преследует одна мысль – это Чехов. Я не думал <...> что это будет для меня такая брешь в жизни» (письмо К. С. Станиславского к М. П. Лилиной от 7 июля. Собр. соч. Т. 7. С. 295); «<...> я буквально как громом поражен» (письмо Бунина к М. П. Чеховой от 9 июля. Письма. С. 444); «Бедный Антон Павлович, мучительно жаль» (письмо А. С. Серафимовича к И. А. Белоусову от 11 июля. Собр. соч. Т. 7. С. 390).

В июльском номере «Русского богатства» помещены воспоминания В. Г. Короленко «Антон Павлович Чехов». Тогда же, в июле, в «Знании» возник замысел мемуарного сборника, посвященного Чехову, в котором предполагалось участие Горького, Куприна, Бунина, Леонида Андреева. 11 июля Горький писал Бунину: «Нужно же создать противовес пошлости газетных “воспоминаний”, нужно по мере сил постараться показать Чехо-

ва без фольги – чистого, ясного, милого, умного» (Т. 4. С. 105). В выступлениях печати, посвященных памяти писателя, сталкивались разные точки зрения на Чехова. «Пессимизм слит с Чеховым органически», – утверждал Ник. Ашешов (Обр., № 7). Традиционные представления о Чехове-фаталисте, утверждавшем «беспросветность жизни», высказал журн. «Театр и искусство» (А. Кугель, «О Чехове», №№ 30, 33; Леонид Галич [Л. Е. Габрилович], «Скорбь ведения», № 32). Другие критики нашли в произведениях Чехова, особенно в последних, общественный темперамент и светлую мысль о будущем (например, Вл. Боцяновский, «Русь», 3 июля; И. Э-т, Нов., 4 июля). «В умах и еще более в сердцах чеховских героев постепенно <...> выдвигалась на первый план человеческая личность, искавшая свободы, простора и кипучей деятельности, столь необходимых при вновь слагавшихся общественных условиях <...>» (Б. п., «А. П. Чехов [некролог]», Пр., № 7). П. Пильский писал о Чехове – «великом реформаторе литературных форм», которому множество «талантливой молодежи в нашей литературе обязаны <...> своим рождением, ростом и мужеством <...>» (Нов., 10 июля). В анонимном некрологе «Нивы» (№ 27, 3 июля) о Чехове говорилось как о писателе, проникшем в «душу современного человека». «Весы» и «Новый Путь» рассматривали Чехова как предтечу модернизма: «Всю жизнь свою он неустанно шел от реализма к символизму и смерть прервала его на полуслове <...> в Чехове нельзя не видеть носителя сокровенной тайны, целомудренного жреца мистической истины», с его смертью «мир потерял великого художника, гениального прозорливца» (Георгий Чулков, Нов. П., № 7); «<...> Чехов более всего символист, более всего художник. <...> Пусть герои Чехова говорят пустяки, едят, спят, живут в четырех стенах, бродят по маленьким, серым тропинкам, – где-то там, в глубине чувствуешь, что и эти серые тропинки – тропинки вечной жизни, и нет четырех стен там, где есть вечные, неизведанные пространства. <...> В нем Тургенев и Толстой соприкасаются с Метерлинком и Гамсуном» (Андрей Белый, «Весы», № 8). М. А. Волошин выразил солидарность со статьей Чулкова о Чехове (письмо Г. И. Чулкову от августа. Т. 9. С. 151). «Если чеховщина безжеланность, – писал К. И. Чуковский после смерти писателя, – то Чехов ненавидел свою чехов-

щину как величайший позор, клеймил ее всеми проклятиями, и жизнь свою положил, чтоб ее искоренить из души. <...> Чехов, единственный из всего поколения, почувствовал здесь грех, боль и стыд, – единственный жестоко стал бороться <...> с дьявольским наваждением чеховщины <...> все его письма и большинство его книг – суть как бы летопись этой борьбы» (Дневник: В 3 т. Т. 1: 1901–1921. С. 107–108). И. Ф. Анненский свидетельствовал: «<...> мучительная ночь была, это – чеховская, когда я узнал о смерти этого писателя. Всю ночь меня преследовали картины окрестностей Таганрога (которых я никогда не видал). Туманная низина, болотные испарения, мокрые черные кусты, и будто рождается душа поэта, и будто она отказывается от бытия, хочет, чтобы ее оставили не быть...» (письмо к Е. М. Мухиной от 1 августа. Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979. С. 458).

При московском Литературно-художественном кружке образована комиссия памяти А. П. Чехова для выдачи ссуд и пособий нуждающимся литераторам и деятелям искусства (Н. Телешов. Записки писателя. С. 27).

Б. Зайцев – рассказ «Скопцы» (Нов. П., № 7). 26 апреля автор писал Г. И. Чулкову: «<...> в трактовании скопцов если и проходит нотка чего-то <...>, может быть, и мистицизма, то во всяком случае мистицизма не вероисповедного, не церковного» (Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 10 доп. М., 2001. С. 17).

Вяч. Иванов – стихотворение «Мечь мечная» (Нов. П., № 7), помеченное 12 мая и имеющее посвящение – «Геройской памяти сотника Александра Зиновьева», племянника жены поэта Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, погибшего в бою на дальневосточном фронте.

Андрей Белый – статья «Поэзия Валерия Брюсова» (Нов. П., № 7): «Только в крупных поэтических талантах», к которым «принадлежит Брюсов», «сочетается глубина с общедоступностью, безусловная свобода творчества с внутренней необходимостью <...> в лице его русская поэзия борется с произволом в расположении символов. А ведь организация символов современного творчества в систему произвольно возносит поэзию к религиозно-мистическим высям».

К. Бальмонт – обзорная статья «Певец личности и жизни. Уолт Уитмен» (Нов. П., № 7): «Уолт Уитмен воспевает личность, берущую все из прошлого, что было в нем самого сильного, но лишь затем, чтобы сделать свой день единственным по силе новизны».

Б. Кремнев [Г. И. Чулков] – статья «Вопросы жизни и “Правда”» (Нов. П., № 7, отд. «Литературная хроника»): «Первая, ближайшая цель наша – борьба с мешанством, в какой бы форме оно не проявлялось. Для нас равно ненавистны как наглоторжествующие “охранители”, так и те “либералы”, которые стремятся скрыть за почтенными идеями свою духовную нищету. Мы приветствуем то историческое движение, которое, не удовлетворяясь старыми общественно-материальными отношениями, ищет иных социальных форм <...>. Наше отношение к социальному прогрессу совпадает со взглядом на него Вл. Соловьева», говорившего о «*правде социализма*».

Н. А. Бердяев – статья «А. С. Хомяков, как философ (К столетию со дня рождения)» (Мир Б., № 7): «Теоретический глава славянофилов, А. С. Хомяков по справедливости должен быть признан одним из крупнейших русских умов».

8 июля В. Г. Короленко направил в редакцию «Биржевых ведомостей» письмо о своем отношении к русско-японской войне: «<...> страшная, кровопролитная и разорительная борьба из-за настоящей цели <...> Историческая ошибка, уже поглотившая и продолжающая поглощать тысячи человеческих жизней, – вот что такое настоящая война на мой взгляд» (Т. 10. С. 397). Письмо не было опубликовано.

15 июля эсером Е. С. Созоновым убит министр внутренних дел В. К. Плеве. «Подавление общественного элемента и гласности <...>, установление <...> тесной опеки над русскою деревнею, превращение земского и городского самоуправления в соответственные “управления” <...> – вот главные последствия политики недоверия к общественным учреждениям и силам», проводившейся убитым Плеве. «Глубоко сочувствуя принципу

“доверие обществу”», провозглашенному новым министром внутренних дел Святополком-Мирским, «мы <...> не будем говорить фразы о “весне” и “ясной заре” <...> которыми так шеголяют теперь наши газеты. *Факты красноречивее слов. Их мы и будем ждать*» (Б. п. Нов. П., № 9, отд. «Внутренняя хроника»). После возвращения в Москву из Шахматова «первое, что нас встретило в городе, – весть об убийстве фон Плеве <...> и задумались мы, ощутив, что убийство – рубеж. Начиналась иная эпоха <...>» (Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. С. 102). В апреле 1906 г. Л. Андреев писал Вересаеву: «Смерть Чехова, тяжелая, бессмысленная, пригнетающая, точно увенчивающая и кончающая собою старую Русь, растущая духота, в которой дышать нечем, почти отчаяние – и трижды благословенный громовой удар Сазонова. И благодатный шумный дождь революции. С тех пор ты дышишь, с тех пор все новое, еще не осознанное, но огромное, радостно страшное, героическое» (Цит. по: Вересаев В. В. Воспоминания. М., 1936. С. 457).

В середине июля Андрей Белый и А. С. Петровский посетили Блока в его подмосковном имении Шахматово: «Июльские синие дни проходили в сплошном теургизме <...>» (Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. С. 92). Итог поездки – «<...> вера в творение ценностей жизни вдохнулась мне Шахматовым (точно мы сотворили там Новую Жизнь)» (Андрей Белый. Начало века: Берлинская редакция (1923). СПб., 2014. С. 17, 19). В «Материале к биографии» Белый вспоминал: «Это пребывание для меня – “заря” большой любви к Л. Д. <Блок>, осознаваемой мучительно весь 1904 и 1905 год. Александр Александрович Блок, думается мне, первый понял <...> глубину моего чувства, огорчился, но “принял” его, предвидя все будущие трудности, которые должны были встать между нами» (ЛН. Т. 105. С. 106).

18 июля К. Д. Бальмонт писал В. С. Миролубову о своих настроениях, вызванных событиями русско-японской войны: «<...> я не знаю ненависти, и она не для меня <...> Но за эти месяцы, что мы не виделись, я в первый раз понял целый ряд горьких ис-

тин, которые упорно не хотело понимать мое “пантеистическое благоволение”. Я все же уж не тот» (Лит. Арх. № 5. С. 160–161).

В конце июля Горький писал В. В. Вересаеву по поводу его поездки на фронт: «Эта идиотская, несчастная, постыдная война – какой-то дикий кошмар, и Ваше участие в ней – обидно, тяжело <...> Есть и хорошая сторона в Вашем присутствии там – события будут иметь трезвого, честного свидетеля <...> Скверное, тяжелое время, требующее массы энергии со стороны тех людей, кои озабочены ростом сознания в массе» (Т. 4. С. 116–117).

28 июля В. Я. Брюсов отправил Вячеславу Иванову письмо, в котором обрисовал ситуацию с изданием журн. «Весы» и предложил разделить с ним «редакционную работу»: «Продолжать “Весы” так, как они идут сейчас, я не хочу и не стоит. <...> я не в силах работать один. <...> “Весы” отымают у меня всю жизнь; изо дня [в день] у меня остается свободного времени только, чтобы отдохнуть, не более. И через это самое дело идет хуже, чем могло бы <...>» (ЛН. Т. 85. С. 455).

В июльском № «Нового Пути» в качестве редактора указан только Д. В. Философов, имя П. П. Перцова отсутствовало (Ежегодник на 1973 год. С. 47).

Вышла книга Ф. Сологуба «Жало смерти. Земле земное. Обруч. Баранчик. Красота. Утешение. – Рассказы» (М., кн-во «Скорпион», тираж – 1800). За месяц до выхода книга была задержана цензурой. «Не из-за “Милого ли паж» этот скандал? – писал Сологуб Брюсову 7 июня. – Но разве нельзя было его вырезать, если с ним цензура не пропускает? Впрочем, любопытно было бы знать, в чем дело». Новелла «Милый паж» в сборнике не появилась и впервые была напечатана в журн. «Весы» (1906, № 8) (см.: Ежегодник на 1973 год. Л., 1976. С. 107).

Д. П<авлов> упрекал писателя в «болезненности фантазии и уродливости сюжетов» (М. Вед., 20 дек.); А. Б. [А. И. Богданович] с издевкой писал о «сборнике рассказов, <...> посвященном смерти в различных ее проявлениях», о смаковании темы дет-

ских самоубийств «в связи с тайными похотливыми мечтами» (Мир Б., № 11); «Мы давно уже не встречали книги, которая производила бы такое отталкивающее, неприятное впечатление <...> экстатические видения больного человека он передает нам спотыкающимся языком галлюцината <...>» (Р. Мысль, № 9, Библиогр. отд.). См. также сходную по тону рецензию В. Боцяновского («Русь», 17 авг.). Вяч. Иванов восхитился «рассказами тайновидца», увидевшего в смерти «дружественную силу», книгой «русской по обаятельной прелести и живой силе языка <...>» и «французскую <...> по мастерству ее изысканной, в своей художественной простоте, формы» («Весы», № 8).

Вышло в свет 2-е изд. перевода Д. Мережковского «Дафнис и Хлоя. Древнегреческая повесть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на острове Лесбосе» (СПб., изд. М. Пирожкова, тираж – 3500)*.

Вышла книга очерков Вас. Ив. Немировича-Данченко (ранее печатавшихся в «Русском слове») «На войну. От Петербурга до Порт-Артура. Из писем с дороги» (М., изд. И. Д. Сытина, тираж – 6000).

25 июля Горький писал Е. П. Пешковой: «<...> Немирович – вообще патристически врет, но порою сообщает такие штучки, что сразу видно – плохо у нас все, что только можно себе представить» (Т. 4. С. 112).

2-м изданием вышло исследование К. Ф. Головина [Орловского] «Русский роман и русское общество» (СПб., изд. А. Ф. Маркса, тираж – 2100).

А в г у с т

Викт<ор> Муйжель – рассказ «В непогоду» (Мир Б., № 8). Писатель (печатавшийся с 1903 г.) считал этот рассказ подлинным началом своей литературной деятельности.

* 1-е изд. – СПб., 1896.

Федор Сологуб – эссе «Жалость и любовь» (Нов., 21 авг.). Из-за «проникновения в мысль и чувство европейских народов элементов сострадания, пессимизма, атеизма», обусловленных «буддийской моралью <...> жалости», христианская «религия любви и оптимизма едва ли кем исповедуется в Европе» «в чистом виде». Столкновение принципов «жалости» и «любви» в русско-японской войне предполагает «их будущий синтез», который даст «новое, более совершенное миропостижение <...>».

В. Брюсов – эссе «Вехи. I. Страсть» («Весы», № 8): «Существенная черта нового миропонимания, роднящая его, – хотя лишь одной стороной, – с миропониманием эллинов и эпохи Возрождения, – признание равноправности тела, телесного начала».

Бальмонт «с большим удовольствием <...> прочел <...> статью <...>» (письмо к Брюсову от 31 августа. ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 157). Мережковский, отметив в статье Брюсова противопоставление «начала половой “страсти” как ноуменального, началу “любви” как “рациональному”», утверждал, что для Брюсова «новой религиозности как будто вовсе не существует; как будто он живет и мыслит до Рождества Христова» («За или против?», Нов. П., № 9, отд. «Литературная хроника»).

Н. Я. Абрамович – статья «Лирика З. Н. Гиппиус» (Нов. П., № 8, отд. «Литературная хроника»): «<...> поэзия Гиппиус – маленькая строгая часовня, безмолвная, сумеречная, в тишине которой чувствуется сосредоточенно глубокая, немая и незримая жизнь в Боге <...> Но у дверей этой часовенки стоят березы, на камни ее ступеней ложатся тени ветвей, падают капли росы с листьев и по утрам в листве деревьев слышатся щебет, порханье и возня птиц <...>».

В. Розанов – «Среди обманутых и обманувшихся» (Нов. П., №№ 3, 4, 5, 7, 8). Об изнанке «христианского брака»: половых проблемах и аномалиях, насилии над женщинами. О неспособности исторической церкви отнестись к этим фактам с пониманием.

В статье «Книголюбцам» (Нов., 9 авг.) Ф. Сологуб писал о недостатке «любви к русской книге»: «Нет специальных словарей ни для одного автора – а какой бы это был богатый материал для истории русского слова! Биографии многих авторов не изучены толково и не написаны. Для многих авторов нет исправных собраний сочинений. А какие и есть, те по большей части плохи <...> испорчены небрежностью или произволом редакторов и издателей <...> Право <...> не всем же спасать отечество, – хоть бы пушкинский словарь составили».

29 июля (11 августа) М. А. Волошин сообщал А. М. Петровой: «По вечерам езжу к Вячеславу Иванову <...> Жду приезда Полякова – “Скорпиона” (главного), который должен явиться на днях в Женеву. Иногда встречаюсь с Семеновым – переводчиком Пшибышевского в кафе Ландольта. Словом, в Женеве оказывается импровизированный съезд скорпионщиков. Интереснее всего для меня Вячеслав Иванов <...>» (Т. 9. С. 139). В том же письме Волошин отозвался о стихотворении Федора Сологуба «Водой холодной отражены...» (Нов. П., № 7): «<...> поразительно, и картиной и ритмом» (Т. 9. С. 139).

9 августа Волошин записал в дневнике: «Разговор с Вячеславом Ивановым: “У Вас удивительно красочный язык Вы редко<стно> хорошо рассказываете. Это тонкая живопись, до мельчайшей детали”». 10 августа: «<...> у Вас глаз непосредственно соединен с языком. В ваших стихотворениях как будто глаз говорит. <...> Вы буддист ... Вы нам чужды <...> Мы – Брюсов, Белый, я. Брюсов приходит к магизму. Белый создал для этого новое слово, свое “теургизм” – создание божеств, это иное, но в сущности то же» («История моей души». Т. 7. Кн. 1. С. 160, 163). С 10 по 21 августа Иванов и Волошин встречались практически ежедневно; на последнего эти беседы произвели огромное впечатление и подвигли на чтение №№ «Нового Пути» с работой Иванова о Дионисе «Эллинская религия страдающего бога»: «Это целое откровение, и притом обставленное таким тяжеловесным аппаратом филологии текстов, что от него никак не отделаешься одним словом “декадентство”» (письмо к А. М. Петровой от 29 июля (11 августа). Т. 9. С. 139).

12 августа Андрей Белый признавался в письме к П. А. Флоренскому: «Иной раз мне кажется, что Соловьев – посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле <...> Часто я внутренне бунтую против соловьевства и потом снова и снова проникаюсь его духом» (Цит. по: Павел Флоренский и символисты. С. 465–466).

В «Материале к биографии» Андрей Белый вспоминал об августе: «у меня возникает концепция философии символизма; в этой концепции теория символизма должна сочетаться с учением о Софии Владимира Соловьева» – и отметил пробудившийся интерес к сочинениям А. Рилья и Г. Риккерта* (ЛН. Т. 105. С. 106–107).

«С 14-го по 16-е августа русские похоронили под страшным огнем 700 разлагавшихся японских трупов на северо-восточном фронте во избежание заразы» (Р. Вед., 29 авг.). Андрей Белый ликовал: «“700” японцев взлетело от Порт-Артурских фугасов. Ура! Да здравствует русское оружие! Родился “Алексей” – младенец – звезда наша! **» (Переписка. С. 174).

20 августа Л. Н. Толстой записал в дневнике: «Читаю историю франц[узской] революции, становится несомненно ясно, что основы революц[ии] <...> несомненно верны и должны быть провозглашены <...> ошибка б[ыла] только в том, ч[то] провозглашенные принципы предполагалось осуществлять <...> насильем» (Т. 55. С. 81).

20 августа А. А. Блок занес в записную книжку: «“Весы” в настоящий момент – самый боевой журнал в России» (Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 97).

21 августа З. Н. Гиппиус делилась с Брюсовым трудностями издания «Нового Пути»: «<...> буйства цензуры неописуемы» (Собр. соч. Т. 14. М., 2013. С. 191).

* Рилья А. (1844–1924), Риккерт Г. (1863–1936) – немецкие философы-неокантианцы.

** Имеется в виду сын императора Николая II, наследник русского престола царевич Алексей (1904–1918), родившийся 30 июля 1904 г.

31 августа Брюсов писал Л. Н. Вилькиной: «Я мучительно и бесполезно занят все теми же “Весами”, где я один буквально. Летние №№ я и писал (под десятком псевдонимов), и редактировал, и корректировал <...> только что не набирал» (Лица. Вып. 10. М.; СПб., 2004. С. 356).

В течение месяца (конец июля – конец августа) Блок занимался составлением поэтической книги «Стихи о Прекрасной Даме» (см.: Минц З. Г. О первом томе лирики Блока // ПСС. Т. 1. С. 395-401).

Н. К. Михайловский – «Отклики»: В 2 т. (май, сентябрь) (СПб., изд. ред. журн. «Русское богатство», тираж каждого тома – 3000).

«Весы» поместили на оба тома резко отрицательную рецензию: покойный критик назван «любопытной литературной окаменелостью» в глазах современного читателя. «На безрыбьи восьмидесятых годов, – писал Борис Садовской, – этот некрупный по таланту публицист вдруг неожиданно для самого себя очутился в роли философа, учителя и пророка. <...> В двух книжках “Откликов” собраны статьи Михайловского, печатавшиеся в “Русском богатстве” с 1895 по 1898 год. <...> Это все те же старые вариации на избитую тему. <...> Все наиболее интересное, нужное из того, что появлялось за эти года в литературе, оставлено без внимания или встречено враждебно. <...> Заря нового искусства приветствована негодующими циническими плевками. <...> издатели “Откликов” оказали памяти Михайловского плохую услугу» (№ 11, отд. «О книгах»).

Вышло 5-е издание «Стихотворений» Владимира Соловьева (М., изд. С. Соловьева, тираж – 1200).

В доме И. Е. Репина в Куоккале (под Петербургом) в течение лета устраивались литературно-художественные «среды», на которых бывал Горький.

В конце лета в Женеве организовано большевистское «Издательство социал-демократической литературы В. Бонч-Бруевича

и Н. Ленина» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5-е. Т. 46. М., 1975. С. 395, 517).

С е н т я б р ь

Началась деятельность нового министра внутренних дел кн. П. Д. Святополка-Мирского (назначен в конце августа). В сентябрьских речах и интервью он обещал «проявить истинный и широкий либерализм <...> поскольку этот последний не противоречит установленному порядку правления», предоставить земствам больше полномочий, обеспечить более полную свободу печати и свободу совести. Освобождение из ссылки отдельных либеральных деятелей, временные послабления земствам и некоторые смягчения цензурного режима вызвали надежды в либеральных кругах, окрестивших осенние месяцы 1904 г. «общественной весной».

9 сентября Горький писал Е. П. Пешковой: «<...> сейчас мы все напряженно ждем всяких благ, реформ и т. д., забывая, что реформы, которые *даются* сверху, никогда не бывают устойчивыми, на что нам история наша указывала не однажды и довольно сурово» (Т. 4. С. 128). Мережковский в статье «О свободе слова», отдаваясь, «может быть, преувеличенным надеждам» на нового министра, призвал его к завершению «великого дела освобождения *всенародного*»: после устранения «*телесного* рабства народа» (крепостничества) снять «стеснение печати» как «*духовного* рабства народа». В отсутствие свободы слова «пропасть, которая отделяет нас от народа, не только не уничтожилась с уничтожением крепостного права, а еще углубилась» (Нов. П., № 10).

А. Куприн – рассказ «Жидовка» (Пр., № 9): против антисемитизма в русском обществе; «Маленькие рассказы» («Брильянты», «Пустые дачи») («Южные записки», № 39, 5 сент.).

Федор Сологуб – эссе «Дрезденские скромницы» (Нов., 21 сент.). Разоблачение ханжеского протеста против обнаженно го человеческого тела в произведениях искусства.

В. В. Розанов – статья «Об одной особенной заслуге Влад. Соловьева» (Нов. П., № 9): «он прошелся “ледоколом” по нашему религиозному формализму именно от того, что в нем уже загорелся энтузиазм к подлинным религиозным темам, к самому “существованию” религии, а не “мнениям” около нее».

В № 9 «Нового Пути» (отд. «Литературная хроника») появились программно-концептуальные статьи Д. М. [Д. С. Мережковского] «За или против?» и А. Крайнего [З. Н. Гиппиус] «Быт и события». В первой их них – полемика с дохристианским, по мнению Мережковского, пафосом «Весов» (рассмотрены статьи Вяч. Иванова, Брюсова и Андрея Белого), в которых «Новый Путь» все-таки «желал бы видеть своего единомышленника». Вторая предостерегает «от непонимания глубин пропасти между жизнью и бытом»: «жизнь – события», «творчество», а «быт – лишь вечное повторение, укрепление, сохранение этих событий в отлитой, неподвижной форме», исключаящее всякое «творчество». Так что «любовное» соединение Чехова с Достоевским «непростительно».

Леонид Галич [Л. Е. Габрилович] – статья «Катехизис русского символизма» (Т. и Иск., № 38): «Мне кажется, что для русского символизма прошло время борьбы. Новое течение признано. Любой книгопродавец вам скажет, что журналы и издания символистов жадно и прилежно читаются».

Продолжалась борьба за направление «Журнала для всех» В. С. Миролубова. Антон Крайний [З. Гиппиус] поощрял богоскательские тенденции журнала – «единственного из наших популярных ежемесячников, который не чуждается религиозных – в настоящее время в России наиболее ответственных, сложных и новых – тем. Будучи аристократом, думая лишь о маленьком кружке избранных ценителей, – легко стремиться к новизне; но это чрезвычайно трудно <...>, удовлетворяя <...> огромную <...> демократическую толпу, целый маленький народ читателей <...>. Чтобы тут сметь думать о <...> такой <...> опасной новизне, как религия, <...> нужна истинная отвага. Редактор

“Журнала для всех” обладает этою отвагою. Нельзя ее не приветствовать <...>» («Из записной книжки», Нов. П., № 9).

Еще в конце августа – начале сентября Н. А. Бердяев писал П. Б. Струве: «Нам, т. е. главным образом мне и Сергею Николаевичу [Булгакову] предлагают вступить в редакцию “Нового Пути” на очень выгодных условиях. Для этого к Серг[ею] Никол[аевичу] специально приезжал в Крым официальный делегат из “Н[ового] п[ути]”. Комбинация такова, что мы делаемся физическими хозяевами журнала и приобретаем целый ряд талантливых сотрудников, которых и без того желали иметь у себя в журнале. Розанов может быть совершенно устранен, так же как и некоторые другие подобные писатели. Но нам навязывается в качестве редактора Философов. Клянутся, что он человек очень радикальный и что с ним легко иметь дело» (Лица. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 149). 11 сентября Д. В. Философов писал П. П. Перцову: «<...> только на этих днях выяснилась судьба “Нов<ого> Пути”. Поставлена она была в зависимость главным образом от того обстоятельства, примкнул ли к нам идеалисты или нет. Велись долгие переговоры с Булгаковым. Г. И. Чулков ездил к нему в Крым, затем я был у него в Москве, и наконец в четверг он приезжал сюда, для свидания с Мережковскими. Дело, по-видимому, устроится, и мы будем выходить при “обновленном составе редакции”» (Цит. по: Ежегодник на 1973 год. Л., 1976. С. 48).

11 (24) сентября М. А. Волошин писал В. Я. Брюсову об июльском пребывании в Женеве, которое было заполнено «<...> разговорами с Вячес<лавом> Ив<ановым>. Ведь я только теперь лично с ним познакомился. Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет» (Т. 9. С. 156).

В ночь на 25 сентября умер К. К. Случевский. В Брюсов посвятил его памяти статью «Поэт противоречий»: «<...> душа его была уязвлена <...> мучительной двойственностью – его научных убеждений и его стремлений как художника. Значительную долю творческих сил Случевский отдавал» тому, чтобы «установить реальность ирреального», но, «кажется, так до конца и не мог убедить самого себя» («Весы», № 10). См. также: Н. Я. Стечкин,

«Случевский как поэт незримого», Р. Вест., № 11). Похороны поэта кратко описал в своем дневнике Ф. Ф. Фидлер: «Его невозможно узнать – так исхудал. Собралось не более ста человек. У гроба – ни одной речи» (Из дневника от 29 сентября 1904 г. // Фидлер. С. 380).

30 сентября Мережковский писал Андрею Белому: «<...> у Вас есть такие прозрения, богоощущения, которых нет ни у кого из нас» (Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому / Вступит. статья, публ. и коммент. А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. Январь-февраль. С. 152).

В студенческий кружок, возникший на историко-филологическом факультете Московского университета, посвященный Владимиру Соловьеву, вошли А. Белый, В. П. Свенцицкий, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, С. М. Соловьев и др. (см.: Андрей Белый. Начало века: Берлинская редакция. СПб., 2014. С. 52–53).

Вышел альбом «Сто русских писателей. Портреты, биографические данные, образцы произведений», составитель В. А. Никольский (СПб.: изд. книжн. склада Н. И. Игнатова, тираж – 2000).

«В книге собрано сто портретов современных русских писателей, тех, деятельность которых еще продолжается (исключение составляют скончавшиеся во время печатания книги), с краткими известиями о годе их рождения, образовании, начале литературной деятельности и с образцами их творчества. <...> Из числа наших сотрудников в альбом включены: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Минский, К. Бальмонт, Валерий Брюсов» (А. [В. Я. Брюсов], «Весы», 1905, № 1, отд. «О книгах»). Кроме названных авторов, сборник также уделил внимание Л. Андрееву, Бунину, Вересаеву, Горькому, Короленко, Мамину-Сибиряку, Случевскому, Л. Толстому, Чехову, Чирикову, А. И. Эртелю, И. И. Ясинскому и мн. др.

Вышла книга К. К. Случевского «Новые повести» (СПб., изд. П. Сойкина, тираж – 3000). Содержание: «Балетная», «Одна из встреч с Тургеневым», «Рассказ-симфония» и др.

Издана драма Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Кольца» (М., кн-во «Скорпион», тираж – 600). Вяч. Иванов увидел в ней «характеристические симптомы» новой драмы, возвращающей театр к его «литургической природе», воплощающей «начало хоровое и религиозно-общинное, или оргийное» (предисловие к драме; первоначально – статья «Новые маски», «Весы», № 7).

По мнению Г. И. Чулкова, драма «Кольца» – «опыт приближения к дионисическому искусству; ее сокровенный смысл – дифирамбическое разрешение личной трагедии; “внутренность дома”, “берег моря” и, наконец, сама “морская глубина”, вот – три символа, которые характеризуют в драме прохождение личности чрез роковые испытания, влекущие душу к мистической цели» (Г. Ч., Вопр. Ж., 1905, № 6, отд. «Хроника культурной жизни»).

Вышла книга А. Вербицкой «Счастье. Новые рассказы» (М., 1905, тираж – 10000).

В сочувственной рецензии Вл. Боцяновский писал о правдивом изображении «ищущих женщин» и их «трагического положения» в обществе («Русь», 5 окт.).

Вышел сборник стихов И. А. Белоусова «Весенние гости» (М., 1905, тираж – 3600).

Вышел четвертый выпуск «Русской школы живописи» Александра Бенуа (СПб., изд. Р. Голике и А. Вильборг, тираж – 1500).

15 сентября в Петербурге спектаклем «Уриель Акоста» К. Гуцкова открылся «Драматический театр» В. Ф. Коммиссаржевской. В течение сентября – октября новый театр поставил «Дядю Ваню» Чехова, «Кукольный дом» и «Привидения» Ибсена, «Богатого человека» Найденова.

«При несомненной сценичности», в «Богатом человеке» Найденова «особой жизни художественного сознания <...> почти нет. Есть еще смутная настроенность, чуть-чуть углубляющаяся, ровно настолько, чтобы дать временами иллюзию живой струи, поднимающейся из глубин духа. Но настроенность эта не изнутри идет <...>» (С. Рафалович, «Петербургские театры», «Весы», 1905, № 1).

26 сентября Товарищество новой драмы В. Э. Мейерхольда открыло сезон в Тифлисе пьесой «Три сестры» Чехова.

О к т я б р ь

Произошли изменения в журн. «Новый Путь». С октября он стал выходить «при обновленном составе сотрудников» и при «ближайшем участии в редакции журнала» С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева (объявления о журнале), а также Н. О. Лосского и С. Л. Франка. В программной статье под новой рубрикой «Философия и жизнь» Бердяев писал: «В общественной программе нашей мы примыкаем к освободительным и демократическим заветам нашей интеллигенции, но даем другое философское обоснование ей <...>» (Нов. П., № 10). В октябрьском и последующих номерах журнала впервые за время его существования напечатан ряд статей общественно-политического характера.

15 сентября, после известия о соединении журнала Мережковских с «идеалистами», Брюсов писал Вячеславу Иванову: «Можно считать “Новый Путь” покойным. Тем больше причин продолжать “Весы” <...>» (ЛН. Т. 85. С. 460). 21 октября Блок признавался Белому: «Я боюсь новой философии “Нового Пути”, хотя интересуюсь. Говорят, что Булгаков своеобразный мистик. Идеалисты в восторге от Мережковского» (Переписка. С. 182). «Весы» недоумевали: «Мы не вполне представляем себе, как направление “Нового Пути” будет примирено с направлением “Проблем идеализма” <...> вряд ли совместительство двух партий в одном журнале может дать добрые последствия» (Б. п., № 10, отд. «Хроника»). Новое направление журнала, в котором руководящие позиции Мережковских были поколеблены, а затем вообще утрачены, вызвало решительное несогласие Андрея Белого, опубликовавшего в № 11 «Весов» полемическую заметку «“Идеалисты” и “Новый Путь”». По мнению Горького, «<...> гг. идеалисты не вышибут гг. мистиков из “Нового Пути”, а — сольются с ними <...>» (письмо к К. П. Пятницкому от 18 сентября. Т. 4. С. 136).

Опубликовано стихотворение В. Брюсова «Кинжал», написанное в 1901–1903 гг. (Нов. П., № 10). Оно встретило сочувственные отклики в либеральной прессе: «Брюсов, первый из новых поэтов, принесший свой кинжал поэзии на службу общему делу, новый поэт-гражданин» (Вл. Боцяновский, «Русь», 13 нояб.). Значительно прохладнее, полуиронически отзывалась о «декаденте-гражданине» «Наша жизнь» (Ив. Власов, 10 дек.). Сам же автор опасался, что его произведение воспримут как отклик на либеральное движение конца 1904 г. Он писал Г. Чулкову: «Опасения мои относительно “Кинжала”, к сожалению, оправдываются. “Русь” и “Русск<ие> Вед<омости>” относят его прямо к нашим дням <...> Нет, я не то разумел, говоря о призывном громе» («Искусство». 1925. № 2. С. 254). 5 декабря Л. Н. Вилькина писала Брюсову из Петербурга в Москву: «<...> вы здесь стали чрезвычайно популярны. Прямо не Брюсов, а какой-то Некрасов. Ваш “Кинжал” цитируется на всех перекрестках. Бывают же перевоплощения! Вы хамелеон» (Лица. Вып. 10. М.; СПб., 2004. С. 361). 23 декабря Брюсов отвечал Вилькиной: «“Кинжалу” не верьте. Он напечатан без моей воли и написан несколько лет назад» (Там же. С. 362).

А. Куприн – рассказ «Белые ночи» («Южные записки», № 44, 10 окт.).

Впервые в России легально опубликованы «Весенние мелодии» Горького (газ. «Самарканд», 30 окт.).

Для нового направления журн. «Новый Путь» характерна статья Н. А. Бердяева, осмыслявшая итоги деятельности покойного Н. К. Михайловского: «<...> философская позиция Михайловского была поистине трагической и безысходной. Он вел идеалистическую борьбу за личность, противопоставлял человеческую индивидуальность не только природе, но и обществу. Мы это готовы всей душой приветствовать». Однако позитивизм не позволил Михайловскому «стать на точку зрения философского идеализма», «личность» осталась для него «биологической абстракцией», он «пытался создать нечто вроде биологического индивидуализма. Но это ведь самообман <...>. Основы истинного ин-

дивидуализма заключены в философии и религии христианства» («Дневник публициста. Н. К. Михайловский и Б. Н. Чичерин. О личности, рационализме, демократизме и проч.», Нов. П., № 10).

Критик «Русского богатства» А. М. Редько озадачен сложностью литературно-общественной ситуации: «Чехов со своим горьким неверием в жизнь <...> Его антипод – Горький, поэт радости бытия и веры в силу человека изменить жизнь и, наконец, Л. Андреев, оценивающий моральную силу человеческой личности величиной, которая немногим больше нуля, – все они любимые писатели! Все владеют вниманием аудитории!.. что же в конце концов “будут играть музыканты”?» («Диссонансы настроения», № 10).

В № 10 «Весов» помещена программная статья Вяч. Иванова «Копье Афины. Поскольку мы индивидуалисты?»: «В искусстве всенародном Я творца как бы погружено в Нирвану Я народного».

6 октября Ф. Ф. Фидлер передавал в своем дневнике впечатления от встречи с С. К. Маковским (будущим издателем и редактором журн. «Старые годы», «Аполлон», «Русская икона»): «Одет элегантно, почти щегольски <...> Много путешествует за границей. Очень любит сонет 1) поскольку это – отличная школа стихотворной техники <...> и 2) поскольку он – “мозговой поэт”».

С ледяной холодностью говорит о своем отце, известном художнике Константине Егоровиче Маковском. <...> Во время похорон Случевского я спросил отца, чем занимается его сын. “Не знаю. С тех пор как он сделался декадентом, он меня не признает. Даже на улице не узнает меня”» (Фидлер. С. 383).

16 октября Фидлер записал мнение С. К. Маковского о Мережковском: «Он состоит из множества ящичков, расположенных один в другом; но каждый ящичек – пуст» (Там же. С. 384).

* Слова из «Мещан» Горького.

11 октября Главное управление по делам печати сообщило Санкт-Петербургскому цензурному комитету, что «издателям может быть дозволено приступить к печатанию сочинений А. И. Герцена, с тем чтобы соответственно высочайшему соизволению <...> издатели обязались: 1) печатать сочинения Герцена в общем сборнике, состоящем из нескольких томов; 2) назначить этому сборнику солидную цену, не менее 10 руб.; 3) не выпускать в продажу отдельных томов или статей». Вскоре после этого, в начале ноября, было запрещено отдельное издание «Кто виноват?» (Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. М., 1962. С. 243–244).

12 октября С. А. Найденов познакомил Горького со своей новой пьесой «Авдотьяна жизнь», которая привела последнего в «восторг» (письмо Горького к Е. П. Пешковой от 12 октября. Т. 4. С. 145; письмо С. А. Найденова к жене от 14 октября. ЛН. Т. 72. С. 235). 20 октября Горький читал пьесу Найденова в Москве на собрании «Среды» (письмо к Е. П. Пешковой от 21 октября. Т. 4. С. 151) в присутствии Бунина, Л. Андреева, Ф. И. Шаляпина, Е. Н. Чирикова, С. А. Скимунта и др.

13 октября П. Д. Боборыкин писал жене: «Вчера видел “Вишневый сад”- <...> В пьесе много водевильного смеха. Это на одну треть – не “Чехов”, а “Чехонте”. Все это раздуто и в публике, и еще сильнее в критике» (Цит. по: Чехов и его время. М., 1977. С. 146).

14 октября Горький писал Е. П. Пешковой о настроениях либеральной «весны»: «Все преисполнены красных и розовых надежд. Оптимизм – совершенно детский» (Т. 4. С. 149).

17 октября исполнилось 15 лет со дня смерти Н. Г. Чернышевского. В связи с этой годовщиной печать подняла вопрос о судьбе сочинений писателя. «Еще до сих пор находится под запретом роман “Что делать?”, еще и теперь не могут быть изданы примечания к “Основам политической экономии” Милля; еще сейчас критические историко-литературные и другие признанные безвредными статьи Чернышевского продаются в собран-

ном виде без имени автора <...> Мы и сейчас ничего не знаем о причинах, которые заставили сорок лет назад отнять у литературы и общества необыкновенно яркую умственную силу <...>» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 29 окт.). Об этом же пишут Вл. Бояновский («Русь», 30 окт.), А. Б. [А. И. Богданович] (Мир Б., № 12), Л. Клейнборт (Обр., № 12) и др.

19 октября А. В. Амфитеатров писал в «Руси» о задуманном И. Ф. Масановым «Словаре псевдонимов русских писателей» как «непозволительном предприятии»: «<...> псевдоним писателя есть <...> орудие самообороны – едва ли не единственное, несколько охраняющее свободу писательской личности от прямого давления общества и государства там, где не существует свободы печати» (Аббадонна, «Зарубежные отклики»).

Около 20 октября Л. Андреев писал М. П. Неведомскому о разрешении конфликта писателей-«знаниевцев» с «Журналом для всех»: «С Миролюбовым было собеседование (Чириков, Серафимович, Скиталец, Бунин и я) и кончилось миром. Религиозные вопросы насмарку и все по-прежнему и мы у него работаем <...> Как Горький, не знаю» («Искусство». 1925. № 2. С. 265). Примирение со «знаниевцами» обеспокоило противоположный лагерь. В письме к В. С. Миролюбову С. Булгаков упрекал его за удаление из журнала критика Волжского и подчинение «трибуналу» московских беллетристов (Лит. Арх. № 5. С. 70).

24 октября Бунин прочел свои воспоминания о Чехове на торжественном заседании памяти Чехова в Обществе любителей российской словесности (ЛЖТ Бунина. Т. 1. С. 551).

В октябре Андрей Белый писал Блоку: «Сержусь на декадентов. Задыхаюсь, когда бываю в их обществе. Ненужно расставляющий во все стороны иглы, талантливый Брюсов, натянутый Бальмонт, пухлый Соколов, глистовидный Ланг и омерзительные Койранские – и в результате все не то, не то, все как-то ненужно. Вообще я заметил, что гораздо лучше себя чувствую с не-декадентами <...> я думаю от времени до времени совершен-

но порвать всякие сношения как с Грифом, так и со Скорпионом» (Переписка. С. 179).

Вышла первая книга А. Блока – «Стихи о Прекрасной Даме» (М., кн-во «Гриф», 1905, тираж – 1200). Из почти 750 стихотворений, написанных к тому времени поэтом, в сборник вошло 93. Выходу книги предшествовали колебания Блока: «<...> мне ужасно не хочется печатать сборник в Грифе. <...> Грифы <...> – очень хорошие люди и искренно не понимают и не видят, что им гораздо лучше не издавать ничего; <...> Гриф – *положительная* подделка и большой грех против искусства по отношению к людям (публике): публика не различает дурного от хорошего и будет ругать без разбора “Гриф” и не “Гриф”» (письмо к С. М. Соловьеву от 8 марта. ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 371). Обстоятельства издания в «Грифе» первой книги Блока нашли отражение в письмах С. А. Соколова к Блоку (21 июля 1904 г. – 9 марта 1905 г.) (см.: Там же. С. 535–540). Сразу после выхода, 29 октября, в письме отцу поэт объяснял некоторые особенности книги: «Мне хотелось “благородной скромности”, потому я старался избегать посвящений “знаменитостям”, если не считать учителя – Вал<ерия> Брюсова и нежного близкого друга – Андрея Белого. Что касается Вл<адимира> Соловьева, – то он в эпиграфе* слишком уместен. Быть может, я стольким обязан его стихам, что лучше было промолчать о “светлой дочери темного хаоса” и не цитировать его...» (Т. 8. С. 111).

За пределами модернистского круга книга была встречена, в основном, глумливыми критическими оценками: «<...> искренняя белиберда бедного графомана, одержимого стремлением к сочинению стихов в новом роде» (В. Буренин, Н. Вр., 7 нояб.); «прескверные стихи, и даже совсем не стихи», «уродливости но-

* Ко всем трем отделам первой книги Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М., 1905): «Неподвижность», «Перекрестки», «Ущерб» – даны эпиграфы из стихотворений Вл. С. Соловьева и В. Я. Брюсова. Один из эпиграфов к отделу «Неподвижность» взят из стихотворения Вл. С. Соловьева «На Сайме зимой» (1894):

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся Ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

вого поэтического движения доведены до абсурда» (Б. п. [А. И. Гукковский], Р. Бог., № 12, отд. «Новые книги»). М. В-ов в статье «Перлы декадентства» (М. Вед., 1905, 30 мая) утверждал, что Блок «задает читателю трудную задачу – со многими неизвестными – отыскать хоть каплю смысла в его произведениях», и предлагал «назначить премию» «за отыскание смысла в этом абсурде». Анонимный рецензент («Петербургская жизнь», № 796) все же отметил, что «там, где автор не кликушествует», «у него чувствуется настоящее дарование». Вл. Боцяновский, приведя отрывки из стихотворений «Обман» и «Город в красные пределы...», заявил: «<...> не сомневаюсь, что впечатление, произведенное этими образцами на читателя, совершенно одинаково с моим. Не хочется читать их» («Русь», 13 нояб.). «Целый том стихов об *одной* прекрасной даме – теперь, когда у всех русских людей одна *общая* прекрасная дама» (Л. В. [Л. М. Василевский], Мир Б., 1905, № 3, Библиогр. отд.).

В символистской и околосимволистской критике преобладало признание поэтической ценности «Стихов о Прекрасной Даме», хотя и в этой среде порой наблюдалось сдержанное отношение к сборнику. Так, по мнению З. Н. Гиппиус, эта «милая книжка» «дает нам много, освежает и утешает нас, посылает легкий, мгновенный отдых», однако «прекрасная мистика рыцаря – безрелигиозна, безбожественна» (Х., Нов. П., № 12, отд. «Литературные заметки»). В 1905 г. Гиппиус критиковала Блока с позиций религиозной общественности: «Нежный Блок <...> все поет себе самому про к нему одному приходящую, им одним виденную “Царицу”, “Деву” <...>» (Антон Крайний. Литературный дневник. СПб., 1908. С. 339, 341). «Не восхитился» книгой Блока и Вл. В. Гиппиус (см.: Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 60). Напротив, Вяч. Иванов отозвался на книгу Блока лирически одушевленной рецензией: «<...> таюшая в светлых тонах поэзия <...> горящая как восковая свеча <...> везде мелодия или мелодический шепот <...>» («Весы», № 11, отд. «О книгах»). Приветствовал книгу и В. В. Гофман: «Нежное, как-то мягко мерцающее, вдумчиво-ласковое дарование светится в этих “Стихах о Прекрасной Даме”» («Искусство». 1905. № 1). С. В. Штейн, напечатавший свою рецензию на книгу Блока без подписи, призывал автора преодолеть «декадентство»

Брюсова во имя мистической лирики «соловьевства» («Живописное обозрение». № 50, 12 дек.).

В книге воспоминаний «Живые лица» (очерк «Мой лунный друг. О Блоке») З. Н. Гиппиус рассказала о своем «единственном журнальном столкновении» с С. Н. Булгаковым и Г. И. Чулковым – «очень характерном для наших взаимоотношений и показательном для тогдашнего положения Блока»: «оно вышло как раз из-за моей статьи о Блоке, первой, кажется. Она была, конечно, о его стихах. И вот, Чулков и Булгаков дали мне понять, что тема недостаточно общественна, а Блок недостаточно замечателен, и статейка моя, при новом облике журнала, не может пойти. Признаюсь, эта нелепость меня тогда раздосадовала, и правдами и неправдами – заметку удалось напечатать. Все-таки это был еще “Новый Путь”!» (Собр. соч. Т. 6. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. С. 18).

31 октября С. Соловьев писал Блоку: «<...> книжку получил и очень ей доволен. Она не только оправдала ожидания, но превзошла их. За исключением *Urbi et orbi*, я не видал книги такой цельной и стройной. Она вкусна с начала до конца и от нее не получается никакого осадка, как от Брюсова» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 382). В начале ноября Блоку писал о книге и сам Брюсов: «Читаю ее с тем редким чувством, какое испытываешь, читая “настоящие” стихи». Блоковский инскрипт автору «*Urbi et Orbi*» на «Стихах о Прекрасной Даме» он прокомментировал следующим образом: «Пишу безо всякой излишней скромности, что не считаю себя вправе принять того слишком ответственного посвящения, какое я нашел на своем экземпляре. Не возлагайте на меня бремени, которое подъять я не в силах. Принимаю разве только первую строчку. Дайте мне быть только слагателем стихов, только художником в узком смысле слова, – все большее довершите Вы, молодые, младшие» (Там же. С. 489). Дарственная надпись Блока гласила: «Законодателю русского стиха, // Кормщику в темном плаще, // Путеводной Зеленой Звезде. // Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову // В знак истинного преклонения // Александр Блок // 29 X 1904 г. С. Петербург» (Там же. С. 491). Печатно о первой книге Блока Брюсов отозвался в обзоре русской литературы за июль 1904 – июль 1905 гг. для английского журн. «*Athenaeum*»: «Настоящим самос-

тоятельным поэтом показал себя А. Блок в своих “Стихах о Прекрасной Даме”. Прекрасная Дама поэта – это не столько его земная любовь, сколько – мистическая мадонна, “дева радужных ворот”, по терминологии гностиков. Русская поэзия еще не знала таких проникновенных песен к “вечно женственному” <...> Местами в стихе видна неопытная рука художника начинающего, но форма поэзии Блока настолько своеобразна, что он должен быть признан мастером, <...> создателем своей школы, и, действительно, у него уже нашлись подражатели, ученики» (русский текст цит. по: ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 489–490). 14 ноября на книгу откликнулся Андрей Белый: «Получил громадное удовольствие. Читал и тонул – и ничего больше не хотелось. Хотелось “одного – все того же”. Буду писать, если позволишь, статью “Прекрасная Дама в русской поэзии”» (Переписка. С. 184). Частично воплощая этот замысел в статье «Апокалипсис в русской поэзии», Белый, поставив стихи Блока о Вечной Женственности в один ряд с поэтическими прозрениями на ту же тему Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета и др., писал: «Она явилась перед Соловьевым в пустынях Египта. У Блока она уже появляется среди нас, неузнанная миром, узнанная немногими. Небесное видение соединяет в себе отныне небо и землю, отражается в жизненных мелочах. Но еще не вся жизнь подчинена ей. Еще кругом бунтует хаос, не ставший ее телом. Там, в хаосе, злобные силы, противоборствующие Ее власти» («Весы», 1905, № 4). Брюсову столь высокая оценка Блока показалась чрезмерной: «<...> неужели Блок более являет собой русскую поэзию, чем Бальмонт <...>?» («В защиту от одной похвалы: Открытое письмо А. Белому», «Весы», 1905, № 5). В книге воспоминаний «Начало века» (Берлинская редакция 1923 г.) Белый назвал «Стихи о Прекрасной Даме» «эпохой в поэзии русской; ни Брюсов, ни Бальмонт, ни Вячеслав Иванов не дали своей суммой книг того мощного напряжения поэзии, которое нас встречает в одном первом томе А. А. 1904 год есть действительно праздник в поэзии русской» (СПб., 2014. С. 51).

Вышла «Книга сказок» Федора Сологуба (М., кн-во «Гриф», 1905, тираж неизвестен).

В. Г. Короленко посвятил «пустяковым сказкам г-на Сологуба, за коими было бы тщетно искать смысла», короткую саркастическую рецензию (Б. п., Р. Бог., № 12, отд. «Новые книги»). Отрицательные отзывы появились и в других изданиях. Напротив, «Весы» и «Новый Путь» отнесли «Книгу сказок» к лучшим произведениям Сологуба (В. Брюсов, «Весы», № 11, отд. «О книгах»; А. А. Смирнов, Нов. П., № 12). В. Брюсов писал: «Ф. Сологуб среди нас <...> один из немногих, сохранивший живую, органическую связь с землею. Он тоже знает порывания за пределы, жажду захватить хоть каплю “стихий чуждой”, но он свой и “в пределах”, он у себя дома и здесь, на земле. Эта двойственность его отношений к миру ведет к такой же двойственности его творчества. Поэт изысканно-замкнутых, достигающих полной безукоризненности словесного выражения стихов, он в то же время автор грубо-реалистических рассказов <...> В “Книге сказок” обе особенности творчества Ф. Сологуба как-то удачно соединены <...>». По мысли А. Смирнова, «сказки Сологуба – это дети нашей новой литературы, так долго бывшей бесплодной и грозившей застыть в старческом бессилии. Они – яркое доказательство ее жизненности и залог дальнейшего расцвета. <...> можно истолковать “Сказки” как символы. Но нужно ли это? <...> вся художественная прелесть их выступит именно тогда, когда они будут поняты и восприняты непосредственно».

Вышли «Рассказы» Е. Милицыной (М., 1905, тираж – 6000). Состав: «Деревенские картинки», «Утрата», «В тихом уголке», «В лесу» и др.

Вышли «Драматические сочинения и переводы, т. I, 1888–1896» О. Н. Чюминой (М., изд. С. Рассохина, тираж – 1020). Содержание: «Угасшая искра», «У мольберта», «Сократ и его жена» и др.

Издано стихотворение Игоря Лотарева (будущего Игоря Северянина) «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры» (СПб., тираж – 100).

Отдельным оттиском выпущена статья И. Ф. Анненского «Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Го-рация, П. Ф. Порфирова» (СПб., тираж – 110).

Вышел 3-й том Полного собрания сочинений М. Метерлинка – «Сокровище смиренных», «Мудрость и судьба» (М., изд. В. Саблина, 1905, тираж – 2000).

Осенний театральный сезон в России отмечен обращением к европейской «новой драме». 2 октября МХТ открыл сезон постановкой пьес Метерлинка «Слепые», «Непрошенная», «Там – внутри» (пер. Бальмонта). Большинство рецензентов констатировало неуспех спектакля. Метерлинковский «“театр неподвижности” представляется совершенною фикцией» (А. Кугель, «Театральные заметки», Т. и Иск., № 41). Опыт МХТ показал непримиримое «противоречие между природою этой новой поэзии и природою театра <...>» (Ник. Эфрос, «Из Москвы», Т. и Иск., № 43). Защитники символического театра дали другие объяснения: драмы Метерлинка «были уложены <...> на прокрустово ложе реализма»; они «не по плечу» МХТ («Весы», № 10). Были и более сочувственные отзывы. Так, рецензент «Русских ведомостей» (4 окт., отд. «Театр и музыка») утверждал, что в целом состоялся «очень интересный спектакль», хотя особого успеха не имевший, несмотря на то что «ни по своей теме, ни <...> по потребностям зрителя <...> пьесы Метерлинка не заслуживают недоверия театральной публики».

11 октября в московском Малом театре поставлена пьеса А. Шницлера «Одиноким тропой».

12 октября в петербургском Александринском театре поставлена пьеса Стриндберга «Отец».

12 октября на «вторнике» в Московском литературно-художественном кружке – собеседование о «новой драме» (Р. Вед., 12 окт.)

19 октября – премьера пьесы Чехова «Иванов» в МХТ. Спектакль был встречен с одобрением и воспринят частью рецензентов как «реванш за тот неуспех, который был при первом представлении пьес Метерлинка» (Не фельетонист [Н. Ежов], «Мос-

ковская жизнь», Н. Вр., 23 окт.), и возвращение на путь «жизненности идеи, которая определяет работу Художественного театра <...>» (Н. Эфрос, «Из Москвы», Т. и Иск., № 43). Андрей Белый увидел другое: чеховская пьеса в постановке МХТ «зажглась светом иных реальностей», обернулась «фантастическим кошмаром жизни» («Весы», № 11).

В Одессу приехал польский писатель-модернист С. Пшибышевский, который читал рефераты «Новая драма и символизм» в здешнем Литературно-артистическом обществе и присутствовал на постановках своих пьес в городском театре (К. Чуковский, «Пшибышевский о символе», «Весы», № 11; Л. Т-цкий, Т. и Иск., № 45, отд. «Провинциальная летопись»).

«Товарищество новой драмы» В. Э. Мейерхольда поставило в Тифлисе пьесу С. Пшибышевского «Снег». «Пьесу ошкарли всем театром, раздавались крики “долгой сверхдраму” <...>» (Пенснэ, Т. и Иск., № 44, отд. «Провинциальная летопись»).

Н о я б р ь

Л. Андреев – рассказ «Призраки» (Пр., № 11).

И. [И. Н. Игнатов] усмотрел «внутреннюю правду рассказа» (действие которого происходит в лечебнице для душевнобольных) в «передаче мрака и скорби, витающих за стенами психиатрического заведения» (Р. Вед., 9 дек.). По мнению Вл. Боцяновского, андреевские «призраки», что «распоряжаются нашей жизнью», есть «прямое порождение нашей общественной жизни» («Русь», 4 дек.). Андрей Белый писал о глубоком ощущении «безумия» и «бесцельности» «нашей жизни» в рассказе «этого крупного таланта» («Весы», № 12), который позднее назвал одним из «изумительных по красоте и силе» произведений Андреева. «“Призраки” – апофеоз сумасшедшего дома <...> Тьма беспросветная, полная ужаса растворяет одинаково как идеальные, так и реальные основы жизни» (Андрей Белый, «Весы», 1906, № 5). Сторонний наблюдатель [В. В. Быховский] назвал рассказ «превосходным» и посвятил свою рецензию размышле-

ниям о том, что это – аллегория или реалистическая зарисовка (СПб. Вед., 5 дек.). «Трагизм “Призраков”, – писал А. Измайлов, – тихий трагизм неустранимого увядания человеческой личности, ужасного схождения ее на нет, духовной смерти, приближающейся медленно и неизбежно <...> “Призраки” – строго реальная и бытовая вещь» (Бирж. Вед., 10 дек., утр. вып.). Появились и отрицательные отзывы. Так, Н. Геккер отнес «Призраков» к неудавшимся, слабым произведениям Андреева (Од. Нов., 5 дек.). По мнению Н. Минского, рассказ Андреева написан «неведомо для чего» и изображает «неведомо что, может быть, нелепость жизни <...> может быть, что-нибудь другое» (Нов., 11 дек.). Волжский [А. С. Глинка] назвал рассказ «маленьким и не очень удачным»: «существенного различия» между «сумасшедшими» и «нормальными» «в рассказе не чувствуется», «призраками кажутся и те, и другие. <...> Все призрачно, все как во сне страшно, ненужно, недоуменно...» («О рассказах Б. Зайцева, Л. Андреева и М. Арцыбашева», Вопр. Ж., 1905, № 1, отд. «Литературные заметки»). Ф. Белявский в обзоре «Русская литература в 1904 году» писал о «Призраках»: «Вместо силы и глубины “бунта” Ивана Карамазова здесь <...> слишком много вымученного импрессионизма и заметно преобладание сухорассудочного момента. Огромный мировой вопрос о страданиях человечества Андреев вздумал прогнать сквозь узкую призму рассудочных настроений и пришел к глухой стене» (Сл., 1905, 6 янв.). Горький положительно оценил рассказ (телеграмма Андрееву от 27 октября ... 2 ноября. Т. 4. С. 163). Позднее, в очерке «Леонид Андреев», Горький вспоминал о признании Андреева, говорившего, что в «Призраках» он сопоставил свое и горьковское отношение к жизни (ПСС. Художественные произведения. Т. 16. М., 1973. С. 337).

В. Львов [Рогачевский] – статья «Мертвое царство (Рассказы Леонида Андреева)» (Обр., № 11). Мир Андреева – «мертвое царство», его философия – «безнадежность, безутешность и бесполезность», он – представитель «больного искусства» отживающих буржуазных классов.

В № 11 «Нового Пути» напечатан рассказ Бор. Зайцева «Тихие зори».

«Строго выдержанный в тоне и настроении, изящный и тонкий в своих матово-бледных узорах почти до прозрачности, рассказ этот лишен, как обычно у г. Зайцева, сколько-нибудь значительного конкретного содержания; сущность рассказа – в тонкости импрессионистского рисунка, он весь лучится в тихой ласке внутреннего сияния, в красивых отблесках слабо мерцающих настроений, в изяществе тонких линий...» (Волжский [А. С. Глинка], «О рассказах Б. Зайцева, Л. Андреева и М. Арцыбашева», *Вопр. Ж.*, 1905, № 1, отд. «Литературные заметки»).

Завершилось печатание произведения С. Подъячева «Среди рабочих. Очерки с натуры» (Р. Бог., №№ 5, 6, 9, 11).

«Глубокая трагедия “хозяина и работника”, но без ее толстовского конца разыгрывается в атмосфере гнусных слов и насилия, ударов и стенаний, в чаду и смраде невозможного жилища» (А., «Журн. обозрение», Р. Мысль, № 7); «document de charge* в бесконечном процессе унижения человека человеком» (И. [И. Н. Игнатов], Р. Вед., 8 июня); «Все правдиво в очерках <...> решетниковская несочиненность» (А. Измайлов, *Бирж. Вед.*, 11 июня).

Завершилась публикация статьи С. Булгакова «Чехов как мыслитель» (Нов. П., №№ 10, 11): «<...> считать Чехова бытописателем русской жизни и только всего – это значит не понимать <...> мирового значения его идей, его художественного мышления. Чеховское настроение психологически, может быть, и связанное с сумерками 80-х годов в России, философски имеет более общее значение. Чеховым ставится под вопрос и подвергается тяжелому сомнению, так сказать, доброкачественность средней человеческой души, ее способность выпрямиться во весь свой потенциальный рост, раскрыть и обнаружить свою идеальную природу, следовательно, ставится <...> проблема метафизического и религиозного сознания, – загадка о человеке. <...> Религиозная вера в сверхчеловеческое Добро дает опору для веры и в добро человеческое, для веры в человека. И, не-

* Обвинительное заключение (*фр.*).

смотря на всю силу своей мировой скорби <...> о человеческой слабости, Чехов никогда не терял этой веры, и за последнее время она все жарче и жарче разгоралась в нем».

В № 11 «Нового Пути» напечатан очерк М. О. Гершензона «Н. В. Станкевич»: «Станкевич представлял собою как бы реторту, в которой химически чисто выработалась квинтэссенция русского идеализма». Очевидно, что «<...> работа, непрерывно продолжающаяся до сих пор, представляет собою лишь дальнейшее развитие начал, впервые властно сказавшихся в исканиях идеалистов 40-х годов».

Волжский [А. С. Глинка] – статья «Об уединении. О “Горных вершинах” г. Бальмонта и о “Весакх”» (Нов. П., № 11): «Эстетическая теодицея» модернизма «роднит его <...> с язычеством <...>», «<...> величайший грех декадентского движения – грех отъединения, кощунственного обожения каждого мгновения индивидуального “я”. Грех этот может быть осознан и понят только на религиозной почве», и в эссеистике Вячеслава Иванова, Андрея Белого и Г. И. Чулкова уже «открываются религиозные просветы».

Макс Волошин – статья «Магия творчества. О реализме русской литературы» («Весы», № 11): «Русская литература в течение целого столетия вытравляла мечту и требовала изображения <...> простой действительности, как она есть <...> Подымается иная действительность – чудовищная, небывалая, фантастическая, которой не место в реальной жизни потому, что ее место в искусстве».

Обозреватель газеты «Слово» С. Бельский, расценив статью как специфически «декадентский» опыт, насмешливо спародировал ее положения («Декаденты о текущих событиях», 12 дек.).

В. Ф. Боцяновский – «Критические наброски» («Русь», 13 нояб.). Отрицательная оценка деятельности «Весов», а также поэзии Блока, Вячеслава Иванова, Сологуба, которым противопоставлен Брюсов как «поэт-гражданин».

Т. Л. Сухотина-Толстая – очерк «Друзья и гости Ясной Поляны (По личным воспоминаниям)» (В. Евр., № 11).

В ноябрьской книжке «Русского богатства» впервые напечатаны «Воспоминания о Чернышевском» В. Г. Короленко, написанные еще в 1890 г.*

6 ноября в Петербурге вышел первый номер ежедневной газеты «Наша жизнь», отражавшей взгляды леволиберальных кругов (ред.-изд. проф. Л. В. Ходский).

6–9 ноября в Петербурге состоялся Всероссийский съезд земских и городских деятелей, принявший резолюцию о необходимости представительного правления в России.

15 ноября И. Ф. Анненский прочел в Неофилологическом обществе доклад «Эстетический момент в новой русской поэзии» о творчестве К. Д. Бальмонта, позднее переработанный в статью «Бальмонт – лирик». «Целью моей было обратить внимание на интересность новых попыток повысить наше чувство речи, т. е. попыток внести в русское сознание более широкий взгляд на слово как на возбудителя, а не только выразителя мысли» (письмо Анненского к А. Н. Веселовскому от 17 ноября. Анненский И. Ф. Книги отражений. С. 592).

15 ноября Бунин выслал свои воспоминания о Чехове в издательство «Знание». 17 или 18 ноября Горький, получив бунинскую рукопись, отвечал автору: «Хорошо Вы написали об Ан<тоне> Пав<ловиче> – нежно, как женщина, и мужественно, как друг. <...> А теперь – читает Куприн, он сидит рядом со мной, хвалит Вас и радуется, что его воспоминания совпадают с Вашими» (Т. 4. С. 182).

16 ноября Л. Андреев закончил «Красный смех»; посылая рукопись Л. Н. Толстому, он писал о «коренной ломке» своих воззрений, отразившейся в новом произведении, – «ломке, которой

* В 1894 г. «Воспоминания» были изданы в Лондоне вольной русской прессой.

я обязан <...> войне» (Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 63). 17 ноября Толстой ответил писателю: «В рассказе очень много сильных картин и подробностей, недостатки же его в большой искусственности и неопределенности» (Т. 75. С. 181). 16 февраля 1905 г. в беседе с Ф. А. Страховым Толстой сказал о «Красном смехе», что «он хорош и нужно его распространять» (Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. ЛН. Т. 90. Кн. 1. С. 178). «В общем я считаю рассказ чрезвычайно важным, своевременным, сильным <...> но для большего впечатления необходимо оздоровить его», – высказывал свои впечатления Горький (письмо к Андрееву от 16...17 ноября. Т. 4. С. 181). В течение ноября – декабря Андреев выступал с публичным чтением своего произведения. 17...18 ноября он писал Горькому: «<...> несмотря на отсутствие в рассказе политического элемента, все убеждены в его нецензурности» (ЛН. Т. 72. С. 246).

21 ноября на литературно-музыкальном вечере в зале Тенишевского училища в Петербурге Горький с успехом прочел свои воспоминания о Чехове и рассказ «Еще о черте» (Сторонний наблюдатель [В. В. Быховский], «Горький о Чехове», Нов., 23 нояб.).

26 ноября умер известный историк русской литературы, академик А. Н. Пыпин.

Статью, подводившую итоги его научного творчества, короткое время спустя опубликовал П. Н. Сакулин («Вестник воспитания», 1905, № 4).

27 ноября Ф. Ф. Фидлер записал в своем дневнике впечатления от встречи с А. И. Куприным на Владимирском проспекте в Петербурге: «Он был одет в демисезонное пальто, на голове – потрепанная летняя шляпа с полями; лицо – опухшее; от него несло алкоголем. <...> На мой вопрос, чем он занимается, Куприн ответил: “Пью, развратничаю, пишу”. – “Как же ты можешь при этом писать?” – “Могу. Обливаюсь холодной водой и пишу. Сейчас пишу повесть – ого! Когда она появится, это будет для публики как винт в задницу <...> Вот ты хвалишь мою на-

блюдательность. А я вовсе ничего не наблюдаю – пусть все, что есть, воздействует на меня непосредственно и безо всякого участия с моей стороны. Это остается во мне, словно на *пластинке*: в случае необходимости все воспроизводится” <...> “Пан” Гамсуна, по его словам, так велик, что его нужно читать как Евангелие» (Фидлер. С. 386).

В течение ноября в Петербурге, Москве и других городах устраивались банкеты в связи с 40-летием судебной реформы («банкетная кампания»), на которых деятели оппозиции выступали со своей общественной программой. В оппозиционных выступлениях интеллигенции принимали участие Короленко и Горький, стремившийся «радикализировать» «поведение либералов» (письмо Горького к Л. Андрееву от 23 октября. Т. 4. С. 157). 20 ноября на банкете в зале Павловой в Петербурге, где председательствовал Короленко, Горький выступил с речью о необходимости «самых крайних и радикальных способов борьбы с правительством» (Красный архив. 1936. № 5. С. 60).

В конце ноября – начале декабря правительство перешло в наступление на либерально-оппозиционное движение. 29 ноября распоряжением министра внутренних дел приостановлено на 3 месяца, «ввиду непрекращающегося вредного направления», издание газеты «Сын отечества», начавшей выходить 18 ноября; в тот же день сделано второе предостережение газете «Право»; 9 декабря было сделано первое предостережение газете «Наша жизнь». 28 ноября в Петербурге, на Невском проспекте, состоялись политические демонстрации, в которых участвовало несколько тысяч человек. Демонстрации были разогнаны полицией.

Андрей Белый в «Материале к биографии» вспоминал о ноябре: «Начинаются студенческие волнения; я сильно захвачен ими; <...> я много вращаюсь в московских кругах модернистов; и они начинают меня тяготить» (ЛН. Т. 105. С. 112).

Андрей Белый – «Возврат, III симфония» (М., кн-во «Гриф», 1905, тираж – 1200). Рукопись была передана в издательство «Гриф» еще весной 1903 г. (см.: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 94).

«Андрей Белый сумел обличить в образах всю <...> “трансцендентальную субъективность” нашего отношения к вещам». «“Возврат” должен быть признан лучшей <...> из трех симфоний А. Белого»; «симфонии А. Белого создают свою собственную форму, не существовавшую до них» (Валерий Брюсов, «Весы», № 12, отд. «О книгах»). В ряде отзывов отмечался антиобщественный пафос произведения и «манерности, вычурности» стиля Белого (Вл. Боцяновский, «Русь», 11 дек., и др.). Во второй половине ноября А. А. Блок писал Белому после прочтения присланного ему экземпляра «Возврата»: «Читал долго, может быть тысячу лет. Так не было давно <...> Я *существовал*, читая Твою Книгу» (Переписка. С. 184).

Вышла книга А. Амфитеатрова «Сибирские этюды» (СПб., тираж – 3000) – путевые очерки, живописующие быт и нравы Сибири. «Я давно не читал книги столь занимательной и гнетущей, столь бойко написанной и столь мрачной по содержанию. К ужасному, безвыходному кошмару русской действительности <...> прибавилось еще одно пугающее видение <...>» (Н. Минский, Нов., 11 дек.). Очерки Амфитеатрова «дают <...> весьма яркое представление о российской культуре далеких окраин» (Ник. Ашешов, Обр., 1905, № 1).

Н. К. Михайловский – «Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1» (СПб., 2-е изд. ред. журн. «Русское богатство», 1905, тираж – 1200).

Изданы два военных стихотворения Игоря Лотарева (будущего Игоря Северянина) – «Гибель “Рюрика”» (СПб., тираж – 200) и «Подвиг “Новика”. К крейсеру “Изумруд”» (СПб., тираж – 300).

Виктор Стражев – «Opuscula (Стихотворения и эскизы)» (М., тираж – 1200).

Стражев «не без искусности подделывается» под поэзию: «только стихи его слишком однообразны, бледны, и потому томительно скучны» (Аврелий [В. Я. Брюсов], «Весы», 1905, № 3, отд. «О книгах»). По мнению А. А. Блока, «книжку <...> можно сократить, по крайней мере, на три четверти», так как стихи

«бледны», «безличны, только барышням романсы петь. <...> Рассказы, составляющие вторую часть книги – лучше» (Вопр. Ж., 1905, № 4–5, отд. «Хроника культурной жизни»).

А. М. Федоров – «На Востоке. Очерки» (СПб., изд. журн. «Родник», тираж – 3000). По следам совершенного в 1903 г. путешествия на Дальний Восток, в Японию и Китай, а также в Турцию, Грецию, Египет, Индию.

Л. А. Чарская – «Евфимия Старицкая. Исторический роман в 2 частях». СПб., изд. т-ва М. О. Вольф, тираж – 3000.

В октябре-ноябре вышли I, II и III тт. Собрания сочинений Кнута Гамсуна. Пер. Е. Кившенко (М., изд. В. Саблина, 1905, тираж I и II тома – по 2000, III тома – 2400).

Г. И. Чулков назвал Гамсуна «одним из великих безумцев, влюбленных в Землю, ищущих у нее ответа на роковые вопросы, загоревшиеся впервые в сердце Адама. <...> Душа скандинавского поэта полна солнца и музыки. Целомудренный и суровый в своих молитвах, он бездонно глубок в религиозных переживаниях. Мистик, по своему душевному складу, он в то же время слишком умен, чтобы оскорбить религию догматизмом и поэзию тенденцией» (Г. Ч., Вопр. Ж., 1905, № 2, отд. «Литературные заметки»).

Вышел очередной, 5-й, выпуск «Русской школы живописи» Александра Бенуа (СПб., изд. Р. Голике и А. Вильборг, тираж – 1500).

10 ноября в Драматическом театре Коммунарской в Петербурге состоялась премьера «Дачников» Горького (режиссер – И. А. Тихомиров, в роли Варвары Михайловны – Коммунарская), воспринятая как общественное событие: «<...> я за долгие годы своего театрального сидения не имел случая наблюдать таких колебаний в настроении публики <...> и такого раскола в публике <...>» (Номо Новус [А. Р. Кугель], «Русь», 11 нояб.). После третьего акта «скандал, т. е. шиканье <...> начала ложа “Мира искусства” и именно – Мережковский <...> Затем –

Философов, Дягилев, Даманская, Венгерова, Сергеев-Ценский, Крандиевская, Юрий Беляев и т. д. К ним <...> присоединились сыщики, коих была тьма <...> когда я вышел к рампе – шипенья уже не было» (письмо Горького к Е. П. Пешковой от 12 ноября. Т. 4. С. 173). Появление Горького перед зрителями было встречено восторженно: «Никогда я не испытывал <...> в такой мере и с такой глубиной свою силу, свое значение в жизни, как в тот момент <...> Только одни аплодисменты и уходящий из зала “Мир искусства” <...> публика орала неистовыми голосами <...>, горели щеки, блестели глаза <...> “Товарищ!” – “Спасибо!” – “Ура! Долой мешанство!”» (Там же). Происшедшее на спектакле вызвало многие и разнохарактерные отклики. Горький, вышедший «на шипение хулителей», «поступил, как отважный боец, решившийся на борьбу до конца <...> Его фигура выглядела <...> необычно: нам так редко приходится видеть действительно смелых и сильных людей <...>» (Тень [Б. А. Катловкер], Нов., 16 нояб.). «Он долго не шел, наконец, вышел, стал у рампы и в упор, не кланяясь, глядел на публику, глядел с презрением. Я ждала, что он высунет нам язык. Но публика обрадовалась, хлопала с неистовством. Хлопали и актеры с Коммиссаржевской во главе» (Дневниковая запись писательницы С. И. Смирновой-Сазоновой // Вера Федоровна Коммиссаржевская: Сб. Л.; М., 1964. С. 313); «<...> появился Горький, подошел к самой рампе <...> заложив руки в карманы, гордо и нахально рассматривал публику» («Свет», 12 нояб., отд. «Театр и музыка»); «такое поведение есть, очевидно, результат его крайнего раздражения неуспехом пьесы», – заявил Д. С. Мережковский (Пб. Газ., 12 нояб.).

25 ноября в Драматическом театре Коммиссаржевской в Петербурге состоялась премьера «Авдотьиной жизни» С. Найденова с В. Ф. Коммиссаржевской в роли Авдотьи. Печать в основном приветствовала новое произведение Найденова – «честную, хорошую пьесу», автор которой «видит жизнь <...> драматическими глазами» и «прежде всего ищет <...> правды в искусстве» (Юр. Беляев, Н. Вр., 27 нояб.). «Авдотьиная жизнь» – «отрадное явление», свидетельство того, что реализм «далеко не исчерпал всех своих возможностей», утверждал А. Кугель, отмечая вместе с тем натуралистический характер «редкого художественного

дара» драматурга и «неопределенность его миросозерцания»: «<...> автора как кошмар давят безобразные, тупые, глупые формы мещанской жизни», но у него нет представления об «исходе» из нее («Театральные заметки», Т. и Иск., № 49). Другой взгляд высказал рецензент «Нашей жизни» П. Е. Павлов: «Герой пьесы – дух новой жизни, свободной и активной. Пьесе подходило бы другое название: “Смерть мещан”» (27 нояб.). «Воздуху, света, дайте нам жизни – вот основной лейтмотив» современной литературы, который «слышим мы и у Найденова» (Зигфрид [Э. А. Старк], СПб. Вед., 27 нояб.). Рецензент «Новостей» увидел смысл произведения «не столько в бытовом содержании, сколько в символической идее <...> у всех нас “авдотьина” жизнь <...>» (Эль, 27 нояб.). По мнению С. Рафаловича, «“Авдотьина жизнь” при несомненной сценичности и искусности лишен[а] и значения и даже интереса. <...> Есть только <...> анекдот с искусно чередующимися и развивающимися перипетиями, никому не нужными, ни к чему не ведущими, ничего не освещающими» («Петербургские театры», «Весы», 1905, № 1). Особенный интерес в новой вещи Найденова вызвал образ «крестьянского сына» Павла Герасимова – «едва ли не самой <...> свежей фигуры» пьесы (А. Кугель. Т. и Иск., № 49). «Герасимов <...> символизирует собою молодую Россию», – писал участник спектакля, актер К. В. Бравич (Ното Novus [А. Р. Кугель], «Сезонные заметки», Т. и Иск., № 50). Отрицательно оценивали пьесу Н. Минский (Нов., 14 дек.) и рецензент «Сына отечества» (Журдэн, 27 нояб.), находя ее подражательной. Н. Минский писал об образе Герасимова как об одной из «марионеток нового фасона, выструганных по образцу героев Максима Горького <...>».

В Берлине труппой П. Орленева показана пьеса Е. Чирикова «Евреи», которая не шла на русской сцене. «Успех она имела сильный и полный» (П. Ш. Гастроли П. Н. Орленева в Берлине. Нов., 30 нояб.).

Декабрь

Александр Куприн – рассказ «С улицы» (Мир Б., № 12).
О людях «дна».

8 июня Куприн писал редактору-издателю «Журнала для всех» Миротлюбову: «“Человеком с улицы” я лично очень дорожу и писал его со тщанием, но сам знаю, что на него может быть несколько точек зрения, и даже довольно разных» (Цит. по: Куприн А. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 2007. С. 485). П. Д. Маныч в «Вестнике литературы» отметил «необыкновенное умение молодого писателя владеть диалогом, передавать простонародный и вообще жаргонный язык с его типичными особенностями» (1905, № 8, 23 апр.).

Гусев-Оренбургский – рассказ «Кошмар» («Наша жизнь», 25 дек.).

Борис Зайцев – рассказ «Деревня» (Нов. П., № 12).

В. Брюсов – биографический очерк «Рене Гиль» («Весы», № 12). В «Весах» (№ 12) помещена статья Андрея Белого «Окно в будущее. Оленина-д’Альгейм» (в оглавлении журнала обозначенная как «Окно в вечность»), посвященная истолкованию ключевых для символизма понятий «символ» и «мистерия».

М. Арцыбашев – рассказ «Смерть Ланде» (Журн. для всех, № 12).

Критика отметила, что в образе главного героя рассказа изображен непротивленец в духе «толстовства» (Н. Минский, Нов., 31 дек.). Волжский [А. С. Глинка] почувствовал в рассказе «свободу и смелость <...> молодого, ищущего и дерзающего дарования»; однако автор, по его мнению, «берется <...> за тему, родственную Достоевскому», которая «больше его дарования». В отличие от Мышкина, «Ланде не христианин, а пантеист буддийской окраски, праведник без Христа <...>» («О рассказах Б. Зайцева, Л. Андреева и М. Арцыбашева», Вопр. Ж., 1905, № 1, отд. «Литературные заметки»). 21 декабря Л. Толстой заметил о рассказе: «Неискренно. Язык ненатуральный, и скучно»; однако о сценах, связанных с арестом Ланде, отозвался: «Вот это искренно» (Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. ЛН. Т. 90. Кн. 1. С. 105). 22 декабря Горький писал Андрееву по поводу

* Первоначальное название рассказа.

рассказа: «<...> зри, каким должен быть <...> положительный тип <...> до того он приторно-противен, свекловица, а не человек!» (Т. 4. С. 206).

В № 12 «Нового Пути» напечатана статья С. Булгакова «Карлейль и Толстой»: «В наш век, когда переоценка ценностей приводит иногда к уничтожению уже всяких моральных ценностей» важно, вслед за Карлейлем и Л. Толстым, способствовать «возрождению веры <...> в добро, в идеал, в добрые, героические стороны человеческой природы».

4 декабря Б. К. Зайцев писал Г. И. Чулкову об изменениях в журн. «Правда», который «<...> окончательно меняет свою физиономию в сторону, для нас с Вами не подходящую, так что я больше работать там не буду. Балтрушайтиса уже выставили оттуда совсем <...>, меня наполовину, вас по всей вероятности тоже. <...> Вчера в первый раз испытал ощущение “декадента”, больного, которого на любом перекрестке любой дурак может пригласить в карантин» (Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 10 доп. С. 19).

5 и 6 декабря полиция учинила расправу над участниками студенческих политических демонстраций в Москве.

По этому поводу группа писателей выступила с протестом, в котором «<...> высказывает насильникам свое отвращение и во всеуслышание заявляет, что <...> существующий режим более терпим быть не может» (ЛН. Т. 72. С. 251). Подписались Андреев, Бальмонт, Белоусов, Зайцев, Скиталец, Телешов и др. Горький отказался подписать заявление, мотивируя это несостоятельностью подобного рода оппозиционных акций (письмо к Андрееву от 22 декабря. Т. 4. С. 205).

14 декабря в «Правительственном вестнике» опубликован указ Николая II Сенату и правительственное сообщение, предписывающее земствам «не касаться тех вопросов, на обсуждение которых они не имеют законного полномочия», и предупреждающее о возможности принятия мер против собраний «противозаконного характера».

В декабре В. Брюсов писал П. П. Перцову: «<...> я среди “либералов”, ликующих по поводу “доверия” <...> представлял бы слишком комическую фигуру, чтобы вмешаться в их сонм <...> Что до революции, она в Москве помаленьку продолжается, и я ею неизменно интересуюсь и даже *очень*» (Печать и революция. 1926. № 7).

В связи с обострившимся духовно-психологическим противостоянием Андрея Белого и Брюсова П. А. Флоренский писал Белому 1 декабря: «<...> идите своим путем мимо всех личин. Мы не дадим Вас. Хотя В<алерий> Б<рюсов> и пристаёт, но я сознаю, что он надломился и теперь больше форсит, чем имеет подлинной силы» (Павел Флоренский и символисты. С. 467), а в неотправленном письме Брюсову от 5 декабря обличал его в занятиях черной магией и одержимости «темными силами» (см.: Там же. С. 529). 18 или 19 декабря Белый делился с Блоком течением начавшейся в октябре «психологической дуэли» с Брюсовым: «<...> Брюсов снял маску. Он объявил, что уже год “творит маревы” <...> Гипнотизер он сильный <...> Все это сопровождалось рядом гипнотических и телепатических феноменов <...> Во внешнем решил не печататься больше в декадентских журналах <...>, т. е. совсем не печататься <...> Сил моих нет прикидываться “декадентом”» (Переписка. С. 189–190). Ту же готовность Белый выразил в письме к С. А. Полякову от 21 декабря; впрочем, следом отправил тому же адресату письмо с отказом от своих слов (Там же. С. 192). Блок в ответном письме к Белому от 23 декабря в целом солидаризировался с его взглядом на Брюсова (Там же. С. 193), однако еще в июле высказал Белому свое мнение о поведении редактора «Весов»: «Все-таки Брюсов не маг: – математик!» (Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. С. 93). В «Ракурсе к дневнику» Белый записал в ноябре: «Надо всю жизнь – *черное крыло* гипноза Брюсова» (ЛН. Т. 105. С. 356). Впоследствии Белый вспоминал: «Отношение нас, молодежи, к поэзии Брюсова было двусмысленным <...>». С одной стороны, «Брюсов для нас был единственным “мэтром”, бойцом за все новое, организатором пропаганды», «вождем». С другой – проводил «враж-

дебную линию, соединяющую поэзию с магией» (Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. С. 93–94).

«1904 год – вступление в полосу туманов и ужасов далекого пути к “свету”» (Андрей Белый. Материал к биографии // ЛН. Т. 105. С. 113).

21 декабря Россия сдала японской армии крепость Порт-Артур, очевидной стала перспектива поражения в войне с Японией. 31 декабря Л. Н. Толстой записал в дневнике: «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и несвободен от него так же, как несвободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократическо-го <...>» (Т. 55. С. 111).

22 декабря (4 января) в Женеве вышел первый номер большевистской газеты «Вперед», организатором и руководителем которой был В. И. Ленин. В состав редакции входили также В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский.

В конце года наладились связи Горького с большевистской партией. 13 (26) октября Н. К. Крупская писала Р. С. Землячке: «Горький всецело на нашей стороне» (ЛЖТ Горького. Т. 1. С. 487). Деятели партии привлекли писателя к собиранию материалов для организуемой газеты «Вперед» и субсидированию ее. 26 декабря Землячка писала Ленину и Крупской о Горьком: «Он окончательно перешел к нам и очень заботится о нашем благополучии <...> Нужно ч[то] б[ы] Ст[арик] [В. И. Ленин] завязал с ним личную переписку. Он заяв[ил] мне, что относится к нему к[ак] к единств[енному] политич[ескому] вождю <...>» (Пролетарская революция. 1925. № 3/38. С. 25).

26 декабря Л. Толстой «сказал про Мережковского, что он балуется верой. Это хуже, чем если человек занимается верой из славолюбия, честолюбия или корыстолюбия» (Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. ЛН. Т. 90. Кн. 1. С. 113).

29 декабря в «Русских ведомостях» опубликована статья В. Г. Короленко «Заставы». О «шлагбаумах для идей» в само-

державной России: «Высятся эти сооружения как лес, загораживающий все горизонты русской жизни».

Вышел VI том «Собрания сочинений» Вл. С. Соловьева с работами 1886–1896 гг. (СПб., тираж – 5000).

Вышли книги К. Д. Бальмонта: новый поэтический сборник «Литургия красоты. Стихийные гимны» (М., кн-во «Гриф», 1905, тираж – 1500); «Собрание стихов. Т. 1. Под северным небом. В безбрежности. Тишина» (М., кн-во «Скорпион», 1905, тираж – 2400).

В рецензии на «Литургию красоты» А. Блок писал о поисках Бальмонтом каких-то иных, мистических, «горизонтов, которые прежде были скрыты» от него, поэта «весенней гулкой Земли и <...> прекрасных земных измен» (Вопр. Ж., 1905, № 7). «В последних книгах Бальмонта, как и в первых, истинного совершенства достигают только стихи о скорби или тихие, кроткие песни нежной любви к природе и к женщине <...>, – но во всех его преувеличенных прославлениях жизни есть что-то намеренное, какое-то усилие, какая-то принужденность языка и чувства» (Валерий Брюсов, «Весы», 1905, № 4). Эллис [Л. Л. Кобылинский] в книге «Русские символисты» (М.: Мусагет, 1910) нашел заглавие новой книги поэта «претенциозным», а саму книгу – «новой попыткой вернуться к пантеизму в самой его крайней форме, к культуре стихий, <...> художественной формой которого теперь делается дифирамб» (Цит. по изд.: Томск, 1996. С. 103). В. Ф. Ходасевич полагал, что в «Литургии красоты» все «основные мотивы творчества Бальмонта, раньше то приходившие, то удаляющиеся, сливаются в одну изумительную по стройности картину» («Искусство», 1905, № 5–7). «Возмущен “Литургией красоты” Бальмонта» (Андрей Белый. Ракурс к дневнику // ЛН. Т. 105. С. 355).

27 декабря, сразу после отъезда Бальмонта из Москвы в Мексику, Брюсов на вокзале произнес перед провожавшими: «<...> случилось нечто очень важное. Сию минуту кончился целый период. Бальмонт десять лет полновластно царил в литературе – иногда капризно, но царил. Наши связи рвались постепенно и порвались уже совсем в эти последние месяцы, но теперь он сам

отрекся от царства и положил конец <...>» (М. А. Волошин. История моей души. Т. 7. Кн. 1. С. 185–186).

Вышла книга «Зеленый сборник стихов и прозы. Юрий Верховский, Вл. Волькенштейн, К. Жаков, Павел Конради, Михаил Кузьмин <так! – *Сост.*>, Вячеслав Менжинский» (СПб., кн-во «Щелканово», 1905, тираж – 1400). Здесь появились первые публикации Кузьмина: цикл «XIII сонетов» и оперное либретто «История рыцаря д'Алесслио». О либретто он позднее сказал в одном из писем: «это вещь очень слабая и “зеленая”» (Цит. по: Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 146).

Произведениям писателей, впервые вступающих «на поприще изящной литературы», посвятил рецензию А. А. Блок: «Мне кажется, что шесть авторов “Зеленого сборника” подвергаются опасности <...> литературность, начитанность, известная тонкость, известный вкус, любовь к книге – все это способно поглотить их». «Сильнее всех, – по мнению Блока, – Юрий Верховский, умеющий разнообразить размеры и владеющий стихом лучше всех. <...> Сонеты Михаила Кузьмина гораздо корявее и наивнее, но и они слишком гладки. Поэма <...> содержит 11 картин, но могла свободно вместить 50, так как рыцарь д'Алесслио <...> отчаялся еще далеко не во всех странах и не во всех женщинах земного шара» (Вопр. Ж., 1905, № 7, отд. «Хроника культурной жизни»). Валерий Брюсов отозвался на «Зеленый сборник» в «Весах»: «осуществления <...> далеко ниже замыслов». Из поэтов «наиболее разнообразен» Верховский, который «слагает строгие сонеты», «пробует вольный стих», «неверные созвучия», «новые метры», но «в этом многообразии еще нет ничего *своего*, что связало бы разрозненные части в целое, в единое». «Почти все сонеты» М. Кузьмина «искажены бессильными, неудачными окончаниями, во всех есть вставленные для склейки ненужные строфы и совершенно пустые по образам стихи, но в первых четверостишиях встречаются иногда и удачные, красивые строки». Из 13-ти написанных Кузьминым сонетов, по мнению Брюсова, «целиком может быть принят только первый (вступительный)» (1905, № 1, отд. «О книгах»). Пл. Краснов в статье «Перед судом критики. – Новая русская поэзия» отметил, что «поэты “Зеленого сборника”, действитель-

но, зелены <...> Вероятно, это еще гимназисты старших классов или студенты младших курсов. <...> Их поэзия – сплошь подражательная <...> Но они не чужды и модных веяний. Небрежность стиха, ломаные размеры, равнодушие к общественным движениям взяты у декадентов». В целом же это «книга стихов, назначенных собственно для товарищеского употребления» («Вестник литературы», 1905, № 2, 23 янв.).

В Берлине вышло отдельное издание «Дачников» Горького (Verlag «Snanije»).

В книгоиздательстве «Знание» вышел 2-й том «Рассказов» С. Юшкевича (СПб., 1905, тираж – 5000). Содержание: «Пролог», «Жалость», «Павлов», «Гувернантка», «Чужая». 2-м изданием вышли: 1-й том «Рассказов» А. Серафимовича (СПб., 1905, тираж – 5000). Содержание: «В камышах», «Месть», «На льдине», «Под уклон», «Тундра» и др.; 1-й том «Рассказов» Н. Телешова (СПб., 1905, тираж – 5000). Содержание: «Песнь о трех юношах», «Домой!», «Нужда», «Елка Митрича» и др.

Вышла книга очерков Кармена [Л. О. Коренмана] об обитателях «дна» – «На дне Одессы» (Одесса, изд. Е. Е. Свистуновой, тираж – 3000).

Вышли книги А. Крандиевской: «“Ничтожные” и другие рассказы» (М., изд. С. Скирмунта, тираж – 4100) и «“То было раннею весной” и другие рассказы» (М., изд. С. Скирмунта, 1905, тираж – 3600).

Б. М. Рунт отметила, что рассказы обеих книг «являют фотографию одноликой будничной тоски русской жизни в девятнадцать различных видах, той тоски, которая с легкой руки А. Чехова, заняла слишком почетное место в русской беллетристике» («Весы», 1905, № 1, отд. «О книгах»).

Вышли «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, частоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.» в 4 томах, собранные В. И. Далем (СПб.: 3-е изд. т-ва М. О. Вольф, 1905, тираж каждого тома – 1000).

Вышел «Неизданный дневник и переписка с Гюи де Мопасаном» Марии Башкирцевой (пер. с фр. под ред. М. Гельрота. Ялта, тираж – 2000).

Вышли пьесы М. Метерлинка: «Внутри», «Вторжение», «Слепые» в пер. В. М. Саблина (М., тираж – 1200); «Чудо святого Антония» в пер. Э. Э. Маттерна и В. А. Бинштока (М., изд. журн. «Правда», 1905, тираж – 1500).

«Ужас неизбежности и неожиданности смерти, ужас “потустороннего” изображает Метерлинк в своих драмах <...> “Слепые” – это гигантская символическая трагедия. Но Метерлинк и тут не изменяет себе: он говорит очень просто, и притом тихими словами, он перед кем-то исповедуется в своем ужасе. Дремучий, очень старый северный лес – это жизнь. Слепые – это люди». Безопасность, спасение от смерти обретают только те, «кто прекрасен» (Мирэ [А. М. Моисеева], Вопр. Ж., 1905, № 1, отд. «Библиография»).

Вышел сборник критических работ Зин. Венгеровой «Литературные характеристики. Кн. 2-я. Метерлинк как художник и мыслитель. Э. Золя, А. Франс, Г. Кан и друг<ие>» (СПб., 1905, тираж – 1200). В двухнедельном журн. «Известия книжных магазинов М. О. Вольф по литературе, науке и библиографии» (1905, № 3, 8 февр.) – короткая рецензия Виктора Русакова [С.Ф. Либрович]. Указав на то, что в книгу вошли оценки Метерлинка, Золя, Франса, Роденбаха, Верхарна, А. де Ренье, Рескина, Ведекinda, Ш. Мориса и др., рецензент заметил: «Перед читателем проходит в критическом освещении длинный ряд произведений новейшей литературы, проходят меткие характеристики их авторов, написанные <...> с большим критическим умом, обширными познаниями и тонким вкусом».

Лев Шестов – «Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления)» (СПб., 1905, тираж – 1000).

Многие критики встретили книгу «очень недружелюбно» (из письма Л. Шестова сестре Фане от 10 (?) марта 1905 г. // Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Т. 1. Париж, 1983. С. 79): по мнению Ю. И. Айхенвальда, Шестов разменивает свое

несомненное литературное дарование, обнаруженное им в предыдущих книгах, на «литературный флирт» (Р. Вед., 1905, 7 марта); «А ведь, очевидно, эта трогательно-наивная попытка самое отчаяние разукрасить метафизическими побрякушками и размалевать под колер вечности есть не что иное, как жажда метафизического утешения, жажда почвы, почвы во что бы то ни стало» (В. Базаров, Обр., 1905, № 11–12); В. В. Зеньковский предостерег автора от «рискованного» пути беспочвенности («Скользкий путь», «Юго-Западный край», 1905, 5 марта); «<...> в то время как некоторые писатели <...> страстно жаждут хоть какого-нибудь мировоззрения, тщетно пытаясь создать хоть какую-нибудь систему, – у них мысли играют в чехарду <...>; и в то же время стройное мировоззрение является уделом ненавидящего всякие системы Л. Шестова <...>» (Иванов-Разумник. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908. С. 229–230).

Аналитически подошел к новой книге «искреннего и своеобразного» Шестова с его критикой «всякого рода позитивизма» и вниманием к трагизму человеческого бытия Н. А. Бердяев: это «очень значительный симптом двойственности современной культуры» – ««беспочвенность» начала писать свой “Апофеоз”», и «тут она делается догматической, <...> превращается в своеобразную систему успокоения, ведь абсолютный скептицизм также может убить тревожные искания, как и абсолютный догматизм. Беспочвенность, трагическая беспочвенность, не может иметь другого “апофеоза”, кроме религиозного, и тогда уже положительного. Трагический мотив ослабел в “Апофеозе”, и в этом есть что-то трагически фатальное» («Трагедия и обыденность», Вопр. Ж., 1905, № 3; Н. Бердяев. *Sub specie aeternitatis*. СПб., 1907. С. 250–251, 263). Назвав «Апофеоз беспочвенности» «главнейшей» книгой Шестова, Б. А. Грифцов определил «собственную задачу» философа – «взрыть убитое и утоптанное поле современной мысли», «начать работу разрушения». «Приближение к истине», по Шестову, «требует иных, а л о г и ч е с к и х путей», поэтому «убеждения, как нечто внешнее, логическое, словесное, можно менять, как перчатки <...>», а «мировоззрения, странствования по материализму, позитивизму, кантианству, спиритуализму больше ли нужны, чем фикжмы и кринолины»

(Три мыслителя. В. Розанов. Д. Мережковский. Л. Шестов. М.: Изд. В. М. Саблина, 1911. С. 173, 176, 178).

Положительно отозвались на «Апофеоз беспочвенности» А. М. Ремизов и В. В. Розанов. Это «прелюдия подпольной симфонии. Ведь в подполье, во мраке и сырости вдруг загорается чудо, и вереницами бродят привидения, и снятся безумные сны, и ломаются, как прутики, все категории <...> И еще есть в подполье странные окна через землю в иной мир. Найдешь – вырвешь разгадку тем тайнам, от которых на стену лезут <...> Найдет ли Шестов окна <...> а, может, закиснет в духоте и прели <...> а если найдет, скажет ли? – все равно – путь его верный» (А. Ремизов, Вопр. Ж., 1905, № 7, отд. «Из частной переписки»). Розанов заострил внимание на афористичной форме книги Шестова, которая отражает своей «лиричностью», «отрывочностью» и «бессистемностью» «огромную совершившуюся перемену во всем течении мировых дел и отношений». «Получилась <...> книга действительно интересная, изумительно искренняя, с которою ни в какое сравнение не могут идти его работы над Толстым, Нитше и Достоевским» («Новые вкусы в философии», Н. Вр., 1905, 17 сент.),

Французский мемуарист Б. Фондан, встречавшийся с Л. Шестовым в эмиграции, привел слова философа о восприятии «Апофеоза беспочвенности» в 1905 г.: «Тогда книга произвела скандал. Я осмелился писать афоризмами – это не было принято. Затем я смеялся над заключениями <...> Наконец, я не был серьезен, признавая, что до тех пор я был серьезен» (цит. по: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Т. 1. С. 73). Е. К. Герцык объяснила афористичную форму «Апофеоза беспочвенности» «усталостью» автора: «Нет больше единого порыва первых книг – все рассыпалось...» (Воспоминания. Париж, 1973. С. 104). Другие мемуаристы отметили небывалый общественный резонанс новой книги Шестова. Г. Ловцкий в неизданной рукописи (Цюрих, 1957, с. 8) писал: «В то время, когда русская интеллигенция в подавляющем большинстве была под властью <...> материалистической интерпретации жизни, “Апофеоз беспочвенности” произвел впечатление разорвавшейся бомбы в русской литературе» (цит. по: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Т. 1. С. 71). «Бунт Шестова против разума и мо-

рали был непонятен и неприятен для его поколения <...>. Шестов ближе нам, людям призывного возраста Первой мировой войны» (Эрге [Роман Гринберг]. Неправда разума // Новый журнал. № 54. Нью-Йорк, сентябрь 1958. С. 251). Характерен рассказ И. Корвин-Хорватского о посещении его родительского дома поэтом Н. М. Минским, который привез только что вышедшую книгу Л. Шестова. Минский сказал: «<...> У Шестова всегда фейерверк мыслей, но он пользуется разумом, чтобы побороть разум!» А. Ф. Кони не понял, «чего <...> добивается Шестов, нападая на науку за ее обобщающие методы». Юный Борис Пастернак слушал «как замороженный» (см.: Голубой дым // Русское воскресение. Париж. 1960. 23 июля).

В конце декабря в Петербурге, в Академии художеств открылась выставка Союза русских художников, «интереснейшая из современных русских выставок. Во главе, по обыкновению, стоят Серов и Малявин. У Серова удивительный, гениальный портрет Шалапина (акварель), Малявин по-прежнему не отходит от своих “баб” и “девок”, которые <...> поражают дерзостью и экспрессивностью исполнения. У Александра Бенуа превосходные иллюстрации к “Медному Всаднику” <...> У Врубеля – “Портрет ребенка” <...> Есть интересные этюды Добужинского, Досекина, Лансере, Пастернака, Сомова, Юона <...>» (А. К., «Русь», 31 дек.). В «Весах» (1905, № 1) перепечатан разбор последней выставки «Союза» А. Бенуа в газ. «Слово» (№ 33): «Теперь у нас мода на декадентов <...> Богатые люди строят декадентские дома, нарядные дамы заказывают декадентские платья. Разумеется, все это с истинным искусством ничего не имеет общего. Н а с т о я щ и м и с к у с т в о м веет от первой Петербургской выставки Союза <...> Поразительнее всего прочего “Бабы” Малявина», это «высшая из достигнутых Малявиным точек». Также высоко оценены этюды И. Э. Грабаря, К. А. Сомова (который «по-прежнему бесконечно тонок и интересен»), картины В. Э. Борисова-Мусатова, рисунки Л. С. Бакста и др.

В декабре «Петербург посетила Айседора Дункан. Два даные ею вечера прошли с большим успехом» («Весы», № 12, отд. «Хроника»).

В т е ч е н и е г о д а

Печать заполнялась множеством ура-патриотических сочинений. Возник особый жанр «патриотической» драматургии («Порт-Артур» М. Басанина [Л. А. Леман] и А. И. Лемана, «Война Японии с Россией» С. А. и Н. П. Трефиловых и пр.). Эти темы усиленно эксплуатировала лубочная литература (издания книгопродавцев А. А. Холмушина, Е. И. Коноваловой и др.). См., например, обзоры И. П. Белоконского «Лубочная литература о русско-японской войне», Обр., № 5; Вл. Линского [В. А. Вакулина], «Злободневная драматургия», Т. и Иск., №№ 22, 24.

В «Новом Пути» печатались: роман Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» (№№ 1–5, 9–12) и исследование Вячеслава Иванова «Эллинская религия страдающего бога» (№№ 1, 2, 3, 5, 8, 9). Публикации не были завершены ввиду закрытия журнала. Окончание публикаций – в 1905 г. в журн. «Вопросы жизни».

В «Весах» регулярно печатались корреспонденции М. А. Волошина под названием «Письмо из Парижа» (№№ 2, 3, 5, 10, 12) о художественной жизни французской столицы, в № 4 – статья «Одилон Рэдон».

В Петербурге начало выходить Юбилейное (6-е) Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 14 т. (СПб., тираж каждого тома – 3000), приуроченное вдовой писателя к 25-летней годовщине его смерти (в 1906 г.). Первыми (в январе – марте) вышли 13 и 14 тома с романом «Братья Карамазовы». В июне 6-е издание ПСС продолжилось выходом 5-го тома с романом «Униженные и оскорбленные» и рассказом «Вечный муж», в сентябре – 7 тома с романом «Идиот», в декабре – 6 тома с романом «Преступление и наказание».

В июне параллельно Юбилейному (6-му) началось более дешевое 7-е издание ПСС Достоевского в 14 т. (СПб., тираж каждого тома – 3000): вышли 4, 5 тома.

В неотправленном письме Мережковскому от 1904 г. Флоренский констатировал: «<...> подымается существенный воп-

рос, на который мы обязаны ответить, и поскорее. Как мы относимся к исторической Церкви? <...>» (Павел Флоренский и символисты. С. 514).

С осени «аргонавты» Эллис [Л. Л. Кобылинский], С. Л. Кобылинский, С. М. Соловьев, М. А. Эртель, Г. А. Рачинский, А. С. Петровский, В. П. Поливанов, В. О. Нилендер, помимо «Воскресений» в арбатской квартире Андрея Белого в Москве, встречались также на организованных Эллисом «средах» П. И. Астрова. Белый видел в них «свидетельство вырождения “аргонавтических” чайний и первоначальных кружковых задач: “<...> я ради повинности появлялся в Астровском кружке преть в аргонавтическом разглагольствовании”» («Почему я стал символистом <...>» // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 440).

В литературной жизни Петербурга заметная роль принадлежала группе писателей-реалистов, собиравшихся вокруг начавшегося с 1904 г. издания «Сборников товарищества “Знание”» (К. П. Пятницкий, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, М. Горький, С. Я. Елпатьевский, Скиталец, Е. Н. Чириков и др.).

Характерную для 1904 г. «атмосферу салона Мережковских» в Петербурге, практиковавших домашние внецерковные службы, описал Бердяев: «что-то сверхличное, разлитое в воздухе, какая-то нездоровая магия, которая, вероятно, бывает в сектантской кружковщине, в сектах не рационалистического и не евангельского типа» (Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 143).

Итоги литературного года

Авторы немногочисленных обзорных статей сочли общественные обстоятельства 1904 г. (прежде всего, русско-японскую войну) неблагоприятными для развития художественного творчества. Читатель сосредоточил «главный интерес» на газетах, тираж которых «возрастает до небывалой и казавшейся прежде

неправдоподобной в России цифры» («Русская литература», Р. Вед., 1905, 1 янв.).

Год «судорожный», «переходный», «растет и множится свобода»; в то же время «литература могла отражать голоса жизни лишь постольку, поскольку этому не ставились препоны, а препоны ставились везде и всюду»; в результате она «отстала от жизни <...>» (Ник. Ашешов, Обр., 1905, № 2).

В. Я. Брюсов в литературной жизни января-июня выделил следующее: «Наиболее значительным явлением в беллетристике был бесспорно новый рассказ Леонида Андреева “Жизнь Василия Фивейского” <...> С большим вниманием был встречен печатью давно ожидавшийся роман Д. Мережковского “Петр и Алексей”. Роман не оправдал возлагавшихся на него надежд <...> Гр. Л. Н. Толстой напечатал по-русски две небольшие новеллы “Ассирийский царь Ассархадон” и “Три вопроса”. Они написаны с той неподражаемой простотой и спокойной силой, которые отличают последние произведения великого старика. <...> Единственная новая вещь М. Горького “Человек”, как все, где Горький перестает быть бытописателем, а пытается поучать, – очень слаба <...> Следует отметить еще <...> очерк В. Короленко “Феодалы”, <...> сборники рассказов Н. Телешова, А. Будищева, <...> К. Бальмонт, самый выдающийся среди современных русских поэтов, издал два новых сборника стихов <...> В этих книгах дарование К. Бальмонта разлилось во всю ширь и, может быть, достигло своих берегов». «Прямую противоположность» сборникам стихов Д. Мережковского, З. Гиппиус и Ф. Сологуба*, «уже сказавшим свое слово, составляют два другие, для которых все впереди: Андрей Белый, выпустивший свой первый сборник стихов <...> и Вячеслав Иванов, издавший вторую книгу лирики <...> Русская литература может ждать от них многого. <...> В области драмы единственным значительным явлением была новая пьеса А. Чехова “Вишневый сад”. <...> Разочаровал всех “Богатый человек” С. Найденова». Однако в истекшем году «русская литература не могла развиваться свободно вследствие русско-японской

* Это суждение было скорректировано при прочтении полного текста романа. См. ниже.

* Вышли в октябре 1903 г.

войны. Внимание к литературе значительно пало, книги перестали покупаться и лишь чрезвычайно возрос тираж ежедневных газет, превзойдя у некоторых 100000 экз<емпляров> в день: цифра очень редкая в России. В ответ на потребность возникла целая литература, посвященная Дальнему Востоку <...>» («Athenaeum о европейской литературе за 1904 г.», «Весы», № 9). В обзоре русской литературы за период с июля 1904 по июль 1905 гг. для английского журн. «Athenaeum» Брюсов отметил «значительное ослабление цензурного гнета» в стране, получившее в печати название «весны». Как «самые выдающиеся произведения» из напечатанных во второй половине 1904 г. критик выделил роман Мережковского «Петр и Алексей» и рассказы Л. Андреева «Красный смех» и «Призраки», как «значительные» – «Книгу сказок» Сологуба и симфонию Белого «Возврат». Из поэтических книг им были отмечены «Литургия красоты» Бальмонта и «Стихи о Прекрасной Даме» Блока («Весы», 1905, № 9–10, отд. «В журналах и газетах»).

Утверждая преемство вышедшего с 1905 г. журн. «Вопросы жизни» от московского журн. «Вопросы философии и психологии», С. Н. Булгаков высоко оценил деятельность последнего в истекшем году: «Истинным духовным отцом русского идеализма, дело которого приходится продолжать и развивать теперешнему философскому поколению, является Владимир Соловьев. И нам отрадно отметить, что на страницах философского журнала, который при жизни он называл себе “близким”, и теперь реет его великая тень» («“Вопросы философии и психологии” в 1904 г.», Вопр. Ж., 1905, № 2, отд. «Литературные заметки»).

ПРИЛОЖЕНИЕ. К 1905 г.*

22 января 1905 г. вышел «Сборник товарищества “Знание” за 1904 год. Книга третья» (СПб., 1905, тираж – 41000)**, посвященный «памяти Антона Павловича Чехова». Содержание: стихотворение Скитальца «Памяти Чехова», воспоминания Куприна «Памяти Чехова», пьеса Горького «Дачники», воспоминания Бунина «Памяти Чехова», рассказ Л. Андреева «Красный смех».

«Каждый вновь выходящий сборник фирмы “Знание” вызывает живой интерес, сочувственное любопытство в большой публике, где, разумеется, преобладает молодежь.

Это издание (помимо тех свежих сил, какие в нем сгруппировались) по своей идее и характеру было <...> событием для всего нашего пишущего мира» (Рутений [П. Д. Боборыкин], «Литературное движение», Р. Сл., 1905, 1 марта). Сразу же после выхода сборника (в январе) А. А. Блок писал С. М. Соловьеву: «Начинаю чувствовать преданность и благодарность товариществу “Знание”». В то же время чтение «Красного смеха» Андреева вызвало у поэта желание «пойти к нему и спросить, *когда* нас всех перережут. Близился к сумасшествию <...>» (Т. 8. С. 117). В «Новом времени» появился издевательский отзыв В. П. Буренина, сетовавшего на «молодое поколение», которое «первейшими литературными гениями» признает только «Горькушу» и «Андрюшу» – двух «излюбленных авторов самого последнего фасона» (1905, 18 февр.).

Особенно широкий и разноречивый отклик вызвал рассказ Л. Андреева «Красный смех». В первую очередь, критика под-

* В «Летописи литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917). Вып. 2. Часть 2. 1905–1907» (М., 2009) отсутствует летописная статья о «Сборнике товарищества “Знание” за 1904 год. Книга третья», вышедшем в январе 1905 г.

** По свидетельству Горького, сборник был сдан в цензуру 22 декабря 1904 г. (Т. 4. С. 395).

черкнула социально-политическую значимость произведения: из этого рассказа, писал рецензент «Русских ведомостей», читатель может сделать только один вывод – о том, что необходимо «устранить причину ужаса, т. е. уничтожить войны, массовые человеческие жертвы» (1905, 10 февр.); в «Красном смехе» «трепещет, рыдает и бьется страждущая душа целого народа в годину небывалых испытаний. На такое, хотя бы и очень субъективное произведение откликается всякий: и мужик, и барин, и “запасный”, и молодая жена, и престарелая мать, и “простец” и тонко развитой мыслитель литературы <...>» (Рутений [П. Д. Боборыкин], Р. Сл., 1905, 1 марта); «<...> ничего более сильного на тему о войне не появлялось в текущей литературе, да пожалуй и не в текущей, за исключением разве “Четырех дней” Гаршина» (Н. Надеждин, «Вестник литературы», 1905, № 3, 8 февр.); «Не вина чуткого и искреннего художника, что он в настоящей русско-японской войне уловил одно только безумие и ужас, а в страданиях тела не усмотрел облегчающего бальзама высокой идеи <...>» (О. Дымов, Бирж. Вед., 1905, 1 февр.); также см.: Ф. Батюшков, Мир Б., 1905, № 3; Н. Геккер, Од. Нов., 1905, 20 марта. С. Яблоновский [С. В. Потресов] отметил масштабность рассказа Л. Андреева: «Это событие не только в русской, но и в мировой литературе. Он переведется на все языки, как по своему чисто художественному достоинству, так и потому, что это самое сильное, самое громкое и самое глубокое из всего, что было до сих пор написано в защиту великой заповеди “не убий”» («Волгарь», 1905, № 55). Сходно высказался и В. Е. Чешихин-Ветринский (см.: Н. Л., 1905, № 53).

Л. Андреев в письме от 11 марта 1905 г. благодарил С. Яблоновского [С. В. Потресова]: «<...> Особенно приятны и дороги такие редкие исключения, как Ваша статья <...> Долой войну! Долой самодержавие!» (Н. Ростов. Архив В. И. Семевского // ЛН. Т. 7–8. М., 1933. С. 423).

Андреевский рассказ произвел сильное, но тяжелое впечатление не только на Блока. Рецензент «Вестника знания» признавался: «Когда читаешь это произведение, волосы шевелятся на голове, холод пробегает по спине» (1905, № 7). Сходный отзыв – в журн. «Образование» (Б. п., 1905, № 2, отд. II). Н. Я. Стародум [Стечкин] обвинил писателя в «садизме» (Р. Вест., 1905, № 3).

В. П. Буренин назвал «Красный смех» не только «грубой лубочной мазней», но и «литературной эпилепсией г. Андреева» (Н. Вр., 1905, 4 февр.).

Ряд критиков упрекали автора в незнании реалий войны, отходе от правдоподобия и антипатриотизме. «Не только по <...> идее, но и по форме, и по подробностям, – писал Н. Я. Стародум [Стечкин], – повествование г. Андреева изображает из себя нечто <...> нелепое <...> по дикости и несообразности со здравым смыслом и здравыми чувствами. <...> Свой модный голос г. Андреев <...> посвятил поношению войны, русских людей, назвал сумасшедшими всех воюющих и пожелал всяких зол тем, кто не хочет прекращения войны и поругания России» (Р. Вест, 1905, № 3). На отсутствие «светлых красок» указывали А. Измайлов (Бирж. Вед., 1905, 4 февр.) и А. Е. Редько, писавший, что Л. Андреев не понял «законности войны» и поэтому увидел в ней только «ужас и безумие» (Р. Бог., 1905, № 2). «Поезжай Л. Андреев <...> на войну, увидай ее живыми глазами, а не сочиняй ее себе <...> было бы неизмеримо страшнее, чем от надуманных и подобранных ужасов. <...> “Красный смех”, при всей талантливости его художественной работы, скорее утомляет читателя, чем ужасает» (Старый Г. [Г. С. Петров], Р. Сл., 1905, 17 марта). В. Львов-Рогачевский резюмировал: «Леонид Андреев пишет свой рассказ о человечестве, у которого мутится разум, – а читатель холоден и чужд», «наше сердце молчит» (Обр., 1905, № 3, отд. II). В. В. Вересаев, непосредственный участник русско-японской войны, позднее иронизировал в своих мемуарах над «Красным смехом» – «произведением большого художника-неврастеника, больно и страстно переживавшего войну через газетные корреспонденции о ней» (Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1985. С. 384).

Сам автор считал упреки в том, что он «взялся изображать то, чего не видел», «недоразумением», особенно странным «теперь, когда над вкусами публики царят Бёклин, Врубель и т. п. <...> Нужно стоять в стороне, чтобы слышать, как пищит несчастный человеческий разум под ударами бессмысленно умных ядер и умно бессмысленных приказов к наступлению и отступлению. Бывают случаи, когда “очевидцы” неизбежно лгут, и очень редко случается, чтобы свидетель мог быть хорошим судьей <...>»

(письмо к О. Дымову от 28 января 1905 г. Цит. по: Андреев Л. Н. Повести и рассказы: В 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 679).

Модернистская критика оценила новое произведение Л. Андреева сочувственно, хотя и с оговорками. Так, по мнению В. Я. Брюсова, это «значительное явление в нашей литературе», хотя и заметно «слабее его последних вещей, <...> особенно “Отца Фивейского” <...> В “Красном смехе” он попытался дать психологию массового движения, и неудачно» (Пентаур, «Весы», 1905, № 2). Напротив, Вяч. Иванов почувствовал «в этом экстатическом произведении неподдельный крик ужаснувшейся и иступленной души», ощутил себя при его чтении «вовлеченным в вихрь безумного кошмара <...>». «Красный смех», по мнению поэта-философа, «сильнейшая <...> из проповедей, которыми современное человечество порывается умертвить бессмертного, загадочного <...> духа Войны» («Весы», 1905, № 3). Г. И. Чулков назвал Л. Андреева «лучшим современным прозаиком», несмотря на то что «он не понимает, что мир есть символ». «Красный смех» – это «странное сочетание публицистики и беллетристики, исповеди и проповеди, святого безумия и простой ненормальности», это «драгоценнейший психологический документ и любопытное *литературное* произведение». Несмотря на «истеричность общего тона», «пафос Андреева порой достигает библейской силы» (Вопр. Ж., 1905, № 1, отд. «Библиография»). Андрей Белый также выступил в защиту рассказа: «Упрекают Андреева в субъективизме: вместо того, чтобы описывать массовые движения войск или бытовую картину войны, он будто грезит: но в этом его проникновение в современность» («Весы», 1905, № 4).

О пьесе Горького «Дачники», изобразившей «ту часть русской интеллигенции, которая вышла из демократических слоев и, достигнув известной высоты социального положения, потеряла связь с народом <...>» (письмо Горького к М. Рейнгардту от декабря. Т. 4. С. 204), высказывались разные суждения. Само слово «дачники» было сразу подхвачено и широко вошло в обиход прессы. Оппоненты Горького, еще до выхода сборника «Знание» (под впечатлением от спектакля в театре В. Ф. Комиссаржевской, премьеры 10 ноября 1904 г.), увидели в «Дачниках» «сокровенное намерение – смутить, перекричать, сорвать,

свести к нелепости вообще интеллигенцию, вообще культуру» (Н. Минский, Нов., 26 нояб.); стремление «унизить и обмешанить культурные идеалы русского общества» (Д. Философов, «Завтрашнее мещанство», Нов. П., № 11). Л. Андреев назвал ее «слабой вещью мелко обличительного характера» (письмо к В. В. Вересаеву от 6 февраля 1905 г. Вересаев В. Воспоминания. М., 1936. С. 458). По мнению Брюсова, «Дачники» «не возвышаются над уровнем заурядной посредственности» и «до неприятности напоминает чеховские драмы» (Пентаур, «Весы», 1905, № 2). Неблагоприятно отозвался о «Дачниках» И. Осипов в «Одесских новостях»: «<...> русское общество, так чутко относящееся к таланту Максима Горького, переживает на представлениях “Дачников” несколько неприятных часов <...> Неприятно видеть столь крупную и талантливую личность, как Горький, в роли простого фразера, риторика, занимающегося словопрениями на избитые темы» (1905, 2 февр.).

В большой статье о пьесе («Наша жизнь», 12, 14, 20 нояб.) М. Неведомский опровергал обвинения Горького в поклепе на интеллигенцию: «“Дачники” <...> отрицают злостно, злорадно, с ненасытимой ненавистью <...> только псевдоинтеллигенцию, те стороны «интеллигентской школы жизни», «которые определяются <...> строем жизни культурной буржуазии»; «То мирозерцание, – или только предчувствие <...> мирозерцания, каким живет Горький <...> есть нечто, совершенно не укладывающееся в рамки современного общества <...> даже лучших интеллигентнейших слоев этого общества» (20 нояб.). «Общественное значение “Дачников” <...> огромно, мысли, которыми через край переполнено это произведение <...> интересны и глубоки <...>» (Зигфрид [Э. А. Старк], СПб. Вед., 12 нояб.). По мнению Пл. Краснова, «Дачники» – «крупное художественное произведение»; критик отметил «живость» пьесы, автор которой «не поспешил на вставные эффекты, чтобы не дать скучать зрителю. Он дал живые типы современности, яркие портреты, над которыми можно задуматься, которые можно изучать, как изучаешь жизнь. Он выказал много наблюдательности. В его пьесе дышит настоящая жизнь, которая <...> дороже и значительнее всякой “теории”» («Новое произведение Максима Горького», «Вестник литературы», 1905, № 1, 8 янв.). Марксистская критика в лице

А. В. Луначарского новую пьесу Горького оценила как «крупное и отрадное литературное явление», несмотря на некоторые «диссонансы»: порою «типичное сливается с совершенно случайным, редким, даже курьезным» («Дачники», Пр., № 4).

Некоторых защитников пьесы не удовлетворили ее художественные качества. Критика писала о принесении искусства в жертву «публицистике» (Ник. Негорев [А. Р. Кугель], «О русском писателе», Т. и Иск., № 47; «Дачники», Т. и Иск., № 46). Рецензент «Весов» С. Рафалович отметил, что Горький не способен к «сценическому синтезу» («отдельные лица» его пьес не составляют «одну общую картину»), поэтому в «Дачниках» присутствует лишь «легкая и суетливо-бездельная мысль» персонажей (1905, № 1, «Петербургские театры»).

В письме к А. А. Дивильковскому от 11 декабря Горький заметил: «Пьеса неважная, но, куда метил, я попал» (Т. 4. С. 197).

К. И. Чуковский в «Заметках читателя» с восторгом отозвался о «сильных и волнующих очерках» Бунина и Куприна о Чехове, обратил внимание на наличие «драгоценного материала в воспоминаниях Куприна», отметил «особое поэтическое очарование» купринского мемуарного очерка (Од. Нов., 1905, 30 янв.). Высокая оценка воспоминаний Куприна содержалась в журнальной рецензии Ф. Д. Батюшкова, который писал, что они являются «самым значительным изо всего, напечатанного по поводу кончины Чехова <...>» (Мир Б., 1905, № 3, отд. II). «Воспоминания о Чехове гг. Куприна и Бунина не лишены интереса и значения <...>» (Г. И. Чулков, Вопр. Ж., 1905, № 1, отд. «Библиография»). Позднее критик С. Адрианов писал в своих «Критических набросках», что купринские воспоминания выполнены «с редким мастерством, любовью и проникновением» и что они – «едва ли не самое удачное из всего, посвященного русскими писателями памяти погибшего художника» (В. Евр, 1909, № 11).

Еще до выхода сборника Горький в письме к Е. П. Пешковой и М. А. Пешкову от 25 июля отметил: «Скиталец написал недурные стихи на смерть Чехова» (Т. 4. С. 112). Однако по мнению Г. И. Чулкова, «примитивно-нелитературное» стихотворение Скитальца «оскорбительно для памяти великого писателя» (Вопр. Ж., 1905, № 1, отд. «Библиография»).

У К А З А Т Е Л Ь

ИМЕН, НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, АЛЬМАНАХОВ И СБОРНИКОВ

- А. – 196, 275, 290, 299, 329, 338, 394, 444
- А.Б. см. Богданович А.И.
- А.К. – 463
- А.М. – 61
- А.Н. – 57
- А.П. (Погодин А.П.) – 84
- Абрамов Д. см. Левин Д.А.
- Абрамов Я.В. – 94
- Абрамович Д.И. – 49
- «Новый труд по русской библиографии. “А.В.Мезьер. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Ч. 1. Русская словесность с XI по XVIII в. (СПб., 1899)”» – 49
- Абрамович Н.Я. (Н.А-ч) – 94, 135, 307, 324, 422
- «Лирика З.Н.Гиппиус» – 307, 324, 422
- «Эстетизм и эротика» – 135
- Абрикосов Х.Н. – 44, 230
- «Двенадцать лет около Толстого» – 230
- Аверкиев Д.В. – 395
- Аверченко А.Т. – 316, 394
- «Автобиография» – 394
- «Как мне пришлось застраховать жизнь» – 316
- «Праведник» – 394
- Авсеенко В.Г. – 132
- Адамович Г.В. – 308, 309
- «Федор Сологуб» – 308, 309
- Адамович Ю. см. Воровский В.В.
- Адрианов С.А. – 380
- «Современные беллетристы. О первом “Сборнике” товарищества “Знание”» – 380
- Азадовский К.М. – 7, 132, 151, 193, 293
- «Брюсов и “Весы”» – 293
- «Райнер Мария Рильке. Письмо к А.С.Суворину» – 151
- «Рильке и Россия. Статьи и публикации» – 193
- Айзман Д.Я. – 341
- «Черные дни. Очерки и рассказы» – 341
- Айхенвальд Ю.И. (Ю.А., Ю.Альд, А.) – 113, 163, 241, 243, 251, 294, 335, 347, 364, 460
- «Заметка о В.Г.Короленке» – 294
- «Современное искусство» – 241, 364
- Аквилонов Е.П. – 79
- «О Божестве Господа нашего Иисуса Христа и о средствах нашего спасения (Богословские размышления по поводу лжеучения Л.Н.Толстого)» – 79
- Аксаков И.С. – 330
- «Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк». («Биография Ф.И.Тютчева») – 330
- Александр II – 49
- Александр III – 49
- Александровский Г.В. – 84, 104
- «Валериан Майков и его литературная деятельность. Исто-

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- рико-литературный очерк» – 104
- Алексеева К.К. – 162
- Алексей, царевич см. Романов А.Н.
- Алексий, еп. (Молчанов А.В.) – 41
«Увещание по поводу бывших студенческих волнений и беспорядков» – 41
- Альбов В.П. – 236, 237
«Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова» – 236–237
- Альбов М.Н. – 68
«Сирота» – 68
- Амвросий, архиеп. (Ключарев А.И.) – 33
- Амвросий, старец (Амвросий Оптинский, Гренков А.М.) – 125
- Амфитеатров А.В. (Old Gentleman, Аббадонна) – 57, 93, 128, 133, 278, 286, 321, 335, 339, 364, 365, 384, 385, 389, 396, 406, 435, 449
«Восьмидесятники» («Крах души») – 339
«Господа Обмановы» – 133
«Мысли о поэтах» – 286
«Отклики» – 278, 384, 406
«Сибирские этюды» – 449
- Анаксагор – 284
- Андреев Л.Н. (Л.-ев, Джемс Линч, Н.Ростов, А.) – 10, 11, 16, 22, 24, 39, 51, 52, 61, 64, 84, 85, 91–97, 105, 106, 108, 115, 116, 119, 120, 121, 128–130, 135, 136, 142–145, 154, 157, 163–165, 168, 172, 183, 189–191, 194, 195, 197–203, 211, 220–224, 228, 229, 231, 234 (Леонид), 255, 260, 264, 273, 275, 283, 304, 306, 310–312, 314, 315, 317–319, 328, 336, 340, 349, 355–357, 376, 379–384, 390, 400, 415, 419, 429, 433–435, 442–444, 446–448, 453, 454, 461, 465–467, 469–473
- «Ангелочек» – 91, 93
«Бездна» – 135, 136, 168, 221
«Большой шлем» – 91, 92, 94
«Валя» – 91, 93
«Весенние обещания» – 260
«Весной» – 172
«В переплете из ослиной кожи» – 24
«Впечатления» – 10, 255
«В подвале» – 115
«Всероссийское вранье» – 97
«В темную даль» – 91, 94, 95, 168
«В тумане» – 220–222, 231
«Город» – 172
«Гостинец» – 52
«Если жизнь не удастся тебе, то удастся смерть» – 105
«Жизнь Василия Фивейского» («Жизнь о. Василия», «Василий Фивейский») – 304, 317, 379–382, 466, 472
«Жили-были» – 39, 91–94
«Из моей жизни» – 234
«Иностранец» – 220, 222
«К звездам» («Астроном») – 318
«Красный смех» – 446, 447, 467, 469–472
«Кусака» – 84, 85
«Ложь» – 24, 91, 93
«Люди теневой стороны» – 116
«Мелочи жизни» – 136, 143, 163, 203
«Молчание» – 91, 94
«Мысль» – 189–191, 231
«Набат» – 105, 106, 168
«На реке» – 91
«Нет прощения» – 355, 356
«Оригинальный человек» – 202
«Писатели» – 115
«Под впечатлением Художественного театра», совм. с С. Голоушевым – 154
«Призраки» – 442, 443, 467

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Путешественник» – 10
«Рассказ о Сергее Петровиче» – 91-94
«Рассказы» – 91, 93, 105, 136, 168, 197, 201
«Свободный полет» – 84
«Случай» – 97
«Смех. Одна страничка» – 10
«Стена» – 84, 85, 168
«У окна» – 91, 92
«Три сестры» – 97
Андреева М.Ф. – 13, 20
Андреева-Бальмонт Е.А. – 293, 346
 «Воспоминания» – 346
Андреевич – см. Соловьев Е.А.
Андреевский С.А. – 63, 64
 «Вырождение рифмы (Заметки о современной поэзии)» – 63
Адрианов С.А. – 474
 «Критические наброски» – 474
Андросова С.В. – 30
Андрусон В.И. – 341
Андрусон Л.И. – 341
Аничков Е.В. – 65, 103, 114, 221, 413
 «Литературные образы и мнения» – 103, 221, 413
Анненский В.И. (Кривич) – 126
Анненский И.Ф. (Ник.Т-о) – 114, 154, 180, 194, 209, 236, 324, 325, 371, 411, 412, 417, 441, 446
 «Античная трагедия» – 209
 «Бальмонт – лирик» – 446
 «Ипполит», перев. – 180
 «Книги отражений» – 412, 417, 446
 «Медея в трагедиях», докл. – 236
 «Меланиппа-философ» – 114
 «Парнасцы и проклятые», сб. стихотворных переводов – 371
 «Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация, П.Ф.Порфирова» – 441
 «Тихие песни» – 371
 «Трагедия Ипполита и Федры» – 194
 «Трагическая Медея» – 236
 «Царь Иксион. Трагедия в 5-ти действиях, с музыкальным антрактом» – 154
 «Эстетический момент в новой русской поэзии», докл. – 446
Анненский Н.Ф. – 41, 42, 50, 216, 311, 369
Антокольский М.М. — 40, 49, 188
Антон Крайний см. Гиппиус З.Н.
Антоний, митр. (Вадковский А.В.) – 34, 35, 69, 99, 146, 270
Антонович М.А. – 139
Анучин Д.Н. – 30, 160, 255, 346
Арнольд Ф.К. (Ф.Арно.) – 357
Арсеньев К.К. – 15, 47, 232
 «Новая форма старой мечты» – 47
 «Российская академия и разряд изящной словесности», речь – 15
 «Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования» – 232
Артем А.Р. – 162
Архангельский А.С. – 229
Архипов А.Е. – 258
Арцыбашев М.П. – 172, 281, 299, 329-330, 394, 443, 444, 453
 «Бунт» – 394
 «Кровь» – 281
 «Куприян» – 172
 «Паша Туманов» («В паутине») – 299
 «Смерть Ланде» – 453
 «Сумасшедший» – 329-330
Астров П.И. – 465
Ачкасов А. (Матвеев П.А.) – 362
 «Метерлинк как драматург» – 362
Ашевский С. (Столяров М.Н.) – 82, 343, 408
Ашешов Н.П. – 206, 222, 242, 245, 246, 285, 296, 300, 327, 333,

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- 335, 338, 340, 341, 348, 381,
382, 387, 389-392, 394, 416,
449, 466
«Из жизни и литературы» –
381, 382
- Ашкинази В.А. (В.Азов, Пэк) –
125, 126
«Кстати» – 126
- Ашукин Н.С. – 5, 276
«В.Брюсов» – 276
- Бабура В., свящ. (Бабура В.И.) –
69
- Бабушкин Ю.У. – 203
- Багдасарян И.С. – 217
- Базаров В. (Руднев В.А.) – 461
- Байрон Дж.Г. – 48, 329
«Манфред» – 329
- Бакст Л.С. – 19, 127, 128, 208, 217,
249, 331, 361, 362, 370, 463
- Балмашов С.В. – 170
- Балтрушайтис Ю.К. – 56, 152, 277,
284, 320, 351, 353, 378, 387, 454
«Бедуины. Морской царь. Ве-
чер. Спутники Колумба. Книга
поэм» – 320
«Капли» – 56
- Бальмонт Е.А. см. Андреева-Баль-
монт Е.А.
- Бальмонт К.Д. – 8, 42, 43, 48, 49,
56, 57, 62-64, 66, 75, 100, 107,
108, 114, 118, 126, 135, 137,
149, 152, 153, 181, 229, 233,
256, 257, 261, 262, 264-266,
277-279, 284-289, 293, 295, 306,
310, 311, 316, 319, 320, 322,
332-334, 339-341, 346, 351, 353,
354, 358, 371, 372, 374, 376-
378, 386-388, 402, 407, 410,
413, 418, 419, 422, 429, 435,
439, 441, 445, 446, 454, 457,
466, 467
«Баллада Редингской тюрьмы»,
перев. – 332, 407
«Безрадостность» – 287
- «Будем как Солнце. Книга сим-
волов» – 153, 284-286, 311, 333,
387, 388
«В безбрежности» – 457
«Гимн солнцу» – 295, 333
«Горные вершины» – 386, 387
«Горящие здания. Лирика со-
временной души» – 181, 388
«Далеким близким» – 286, 287
«Дилемма» – 233
«Дьявол моря» – 287, 316
«Жизни податель...» – 333
«Как трудно мне на медленном
огне...» – 286, 287
«Кальдерон. Сочинения». Т. 2
(«Сочинения Кальдерона»),
пер. – 114
«Кальдероновская драма лич-
ности “Жизнь есть сон”» – 261
«К Елене» – 287, 316
«Красный цветок» – 286, 287
«Литургия красоты. Стихий-
ные гимны» – 457, 467
«Маскированный бал» – 287,
316
«Мои звери» – 287, 316
«О, как должно быть, было это
утро...» – 333
«О русских поэтах» – 386
«Отречение» – 286
«Певец личности и жизни.
Уолт Уитмен» – 418
«Под северным небом» – 457
«Полночь» – 287, 316
«Праотец современных симво-
листов» – 386
«Пять пещер» – 287, 316
«Свежей весной» – 333
«Сигурд» – 287, 316
«Символизм народных пове-
рий» – 374
«Сквозь строй. (Памяти Некра-
сова)» – 261-262
«Собрание стихов. Т. 1. – 386,
457

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Собрание стихов. Том 2. – 386, 387
«Сознание, сила и основа» – 287, 316
«Так скоро» – 287, 316
«Тип Дон-Жуана в мировой литературе» – 264, 288, 386
«Тишина» – 457
«Только любовь» – 286, 287, 316, 333, 334
«Ты была мне сестрой...» – 287
«Художник-дьявол. Книга сатурналий» – 114
«Что мне нравится...» – 287, 316
«Чувство личности в поэзии», докл., ст. – 256, 386
«Элементарные слова о символистической поэзии» – 386
«Я был вам звенящей струной...» – 286, 287
«Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы...» – 333
«Я заглянул во столько глаз» – 286, 287
«Я ненавижу человечество...» – 286, 287
«Я нити завязал могучего узла...» – 286, 287
Баранов Н.А. – 162
Баранова-Шестова Н.Л. – 460, 462
 «Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Т. 1» – 460, 462
Баранцевич К.С. – 341
 «Символические рассказы» – 341
Баратынский Е.А. – 150, 152, 312
Барон Игрек (Гейнце Н.Э.) – 140
 «О театре наших дней» – 140
Барсуков Н.П. – 290
Барятинский В.В. – 132
Басанин М. см Леман Л.А.
Басаргин А. см Введенский А.И.
Батуринский В.П. – 343
 «А.И.Герцен, его друзья и знакомые. Материалы для истории общественного движения в России». Т. 1 – 343
Батюшков П.Н. – 319, 351
Батюшков Ф.Д. (Ф.Бат-ов) – 71, 77, 98, 99, 114, 160, 161, 171, 181, 237, 241, 244, 246, 282, 283, 285, 321, 363, 389, 391, 403, 412, 413, 470, 474
 «Бодлер и его русский переводчик П.Я.» – 98
 «Две встречи с А.П.Чеховым» – 181, 283
 «Еще о Бодлере и его русском переводчике» – 98
 «Новые побеги русской поэзии» – 246, 285
 «О Чехове» – 237
Бахрушин С.В. – 346
Башкирцева М.К. – 460
 «Неизданный дневник и переписка с Гюи де Мопассаном» – 460
Бебель А. – 179
Бежаницкий Д. – 40
Бейнинген Ф.К. – 262
 «Близость второго пришествия Спасителя» – 262
Бекетов Н.Н. – 43
Бекетова М.А. – 80, 89, 401
 «Воспоминания об Александре Блоке» – 80
Бёклин А. – 471
Белинский В.Г. – 35, 45, 46, 132
Белоконский И.П. – 464
 «Лубочная литература о русско-японской войне», обзор – 464
Белоусов И.А. – 18, 35, 168, 183, 279, 315, 414, 415, 430, 454
 «Весенние гости» – 430
 «В родных полях. Стихотворения» – 168
 «На воле. Стихотворения» – 279
Бельский С.Ф. – 445

- «Декаденты о текущих событиях» – 445
- Белый Андрей (Бугаев Б.Н., А.Б-ый) – 5, 6, 13, 20, 80, 81, 90, 91, 96-98, 101, 105, 117, 118, 127, 175-178, 186, 195, 209, 215, 219 (Студент-естественник), 222, 223, 237-239, 249-252, 256, 257, 259, 264-267, 275-279, 286, 287, 292-298, 302-310, 319, 322, 324, 325-327, 331-334, 341, 342, 345, 346, 351-353, 358, 359, 364, 371, 372, 374, 377, 378, 388, 389, 392, 395, 399, 401, 402, 409, 411, 412, 416, 417, 419, 423, 424, 427, 429, 431, 435, 436, 439, 442, 445, 448, 449, 453, 455-457, 465-467, 472
- «Арабески» – 177, 251, 409
- «Аргonautы» – 371
- «Валерий Брюсов» – 239, 267
- «В горах» – 389
- «Вишневый сад (Драма Чехова)» – 377
- «Воспоминания о Блоке» – 238, 296, 358, 419, 456
- «Золото в лазури» – 305, 371, 388, 389
- «Интеллигенция и церковь» – 222, 223
- «К.Д.Бальмонт» – 333, 374
- «Луг зеленый» – 177
- «Маг» – 296
- «Маска» – 409
- «Материал к биографии» – 127, 175, 359, 395, 402, 419, 424, 448, 456
- «Могилу их украсили венками» – 239
- «На рубеже двух столетий» – 266
- «Начало века» – 178, 237, 259, 260, 298, 308, 309, 319, 419, 429, 439
- «Окно в будущее. Оленина-д'Альгейм» – 453
- «О Мережковском», реф. – 101
- «О религиозных переживаниях» – 252, 297, 310
- «О теургии» – 309-310
- «Открытое письмо. Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» – 275, 276
- «Певица» – 209, 345
- «Пепел» – 177
- «По поводу книги Д.С.Мережковского “Л.Толстой и Достоевский”» – 219
- «Почему я стал символистом...» («Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития») – 465
- «Поэзия Валерия Брюсова» – 417
- «Прекрасная Дама в русской поэзии» – 439
- «Призывы» – 266
- «Пришедший» – 266
- «Ракурс к дневнику» – 13, 90, 101, 118, 219, 359, 378, 392, 395, 455, 457
- «Рассказ № 1» («Мы ждем его возвращения») – 101
- «Световая сказка» – 372
- «Серебряный голубь» – 177
- «Символизм» – 178
- «Символизм как миропонимание» – 399
- «Симфонии» – 117, 175, 195, 449
- «Северная симфония (1-я, героическая)» – 319, 326, 327
- «Симфония» (2-я, драматическая) – 80, 175-178, 326
- «Симфония» (3-я, «Возврат») – 448, 449, 467

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Симфония» (4-я) – 277, 278
«Урна» – 177
«Фонтан» – 80
«Формы искусства» – 222, 237
Белявский Ф.Н. – 443
«Русская литература в 1904 году» – 443-444
Беляев И.И. (о.Иннокентий) – 30
«Увлечения юности» – 30
Беляев Ю.Д. – 451
Бенкендорф А.Х. – 248
Бентовин Б.И. (Импрессионист) – 21, 242
«“Бывшие люди” и люди будущего» – 242
Бенуа А.Н. – 8, 19, 20, 143, 151, 159-161, 188, 189 (книга), 193, 215, 249, 252, 258, 272, 280, 344, 349, 362, 373, 413, 430, 450, 463
«История живописи в XIX веке. Русская живопись. Часть II» – 188, 189 (книга), 215
«Мои воспоминания». Т. 1, 2 – 272, 349
«Письмо художника А.Б. к Д.С.Мережковскому» – 252
«Русская школа живописи. Вып. 1, 2» – 373
«Русская школа живописи. Вып. 3» – 413
«Русская школа живописи. Вып. 4» – 430
«Русская школа живописи. Вып. 5» – 450
Берг Н.В. – 336
Бердяев Н.А. – 39, 40, 70, 71, 156, 179, 187, 210, 212, 241, 301, 316, 360, 418, 428, 431-433, 461, 465
«А.С.Хомяков, как философ (К столетию со дня рождения)» – 418
«Борьба за идеализм» – 70
«Дневник публициста. Н.К.Михайловский и Б.Н.Чичерин. О личности, рационализме, демократизме и проч.» – 432-433
«Критика исторического материализма» – 316
«К философии трагедии. Морис Метерлинк» — 179
«Политический смысл религиозного брожения в России» – 301
«Самопознание» – 465
«Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском. С предисловием П.Струве» – 40
«Трагедия и обыденность» – 241, 461
«Sub specie aeternitatis» – 461
Бернштейн Е.Л. – 222
Бессонов М. – 10-11, 85
Билибин И.Я. – 19, 258
Биншток В.А. – 460
Битнер В.В. – 233
Благоволитина Ю.П. – 240
Благосветлов Г.Е. – 139 («благосветловых»)
Блок А.А. (Ал. Бл.) – 5-7, 59, 64, 79, 80, 88-91, 101, 110, 126, 140, 146, 161, 176-178, 186, 188, 192-194, 200, 205, 211, 218, 219, 222, 225, 237-240, 252, 257-260, 262, 265-269, 274, 277, 279, 286, 287, 295-297, 301, 304, 305, 308-310, 319, 322-325, 327, 331-334, 339, 341, 345, 351, 358, 359, 371, 372, 374, 375, 376-378, 382, 386, 387, 390, 392, 395-397, 399, 401, 402, 409, 411, 419, 424, 425, 431, 435-439, 445, 449, 450, 455-458, 467, 469, 470
«Андрей Белый. Симфония (2-я драматическая), рец. – 177, 262

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

«Бегут неверные дневные тени...» – 265
«Безмолвный призрак в терему...» – 265
«Близость второго пришествия Спасителя», рец. – 262
«Верю в Солнце Завета...» – 259
«Возражение на теорию Мережковского» – 186
«Вхожу я в тёмные храмы...» – 265
«Гадай и жди. Среди полночи...» – 257
«Героини Овидия», рец. – 262
«Днём вершу я дела суеты...» – 265
«Записные книжки» – 194, 200, 425
«А.Е.Зарин. Спирит», рец. – 262
«Иван Абрамов. В культурном скиту», рец. – 262
«И.Е. “Просветы” и настроения», рец. – 262
«Из посвящений» – 257-258
«К.Д.Бальмонт. Будем как солнце. Только любовь», рец. – 286, 333
«Когда святого забвения...» – 257
«Моей матери» («Чем больней душе мятежной...») – 268
«Нечаянная радость» – 308
«Новых созвучий ишу на страницах...» – 257
«Она стройна и высока...» – 265
«Отшедшим» – 239
«Погружались я в море клевера...» – 409
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» – 80, 90, 257
«Пытался сердцем отдохнуть я...» – 265
«Ранний час. В пути незрима...» – 268

«Старик» («Под старость лет забыв святое...») – 257
«Стихи о Прекрасной Даме» – 211, 257, 265, 324, 402, 425, 436-439, 467
«Творчество Вячеслава Иванова» – 205, 206, 390
«Темная, бледно-зеленая / Детская комнатка...» – 345
«Тихо ясные дни подошли» («Видно дни золотые пришли») – 268
«Тебя скрывали туманы...» – 265
«Ты святая, но я Тебе не верю...» – 265
«Царица смотрела заставки...» – 259, 260
«Целый год не дрожало окно...» – 409
«Экклесиаст» («Благословляя свет и тень...») – 257-258
«Я вырезал посох из дуба...» – 409
«Я вышел в ночь – узнать, понять...» – 265
«Я жду призыва, ишу ответа...» – 265
«Я к людям не выйду на встречу...» – 259
«Я, отрок, зажигаю свечи...» – 258
<Блок А.Л.> (отец) – 146, 211, 304
Блок Л.Д. см. Менделеева-Блок Л.Д.
Блоки – 358
Блэйк (Блейк) В. – 287, 387
Боборыкин П.Д. (Рутений) – 23, 68, 143, 159, 171, 174, 227, 255, 434, 469, 470
«Жестокие» – 68
«Исповедники» – 171
«Однокурсники» – 23
«О литературном пролетариате», реф – 143

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- <Боборыкина С.А.>(жена) – 434
Богданов А.А. (Малиновский А.А.)
– 210, 314, 354
Богданович А.И. (А.Б.) – 9, 12, 18,
19, 23, 29, 37, 43, 46, 57, 68, 82,
92, 128, 137, 166, 171, 180, 196,
197, 212, 213, 221, 226, 231,
234, 245, 246, 251, 269, 308,
323, 325, 336, 337, 344, 348,
356, 360, 374, 391, 420, 435
«Критические заметки» – 212,
323, 325
«Ф. Сологуб. “Жало смерти”»,
рец. – 308
Боголепов Н.П. – 30
Боголюбов С.П. – 220
Богомолов Н.А. – 278, 378, 411
«Вячеслав Иванов в 1903-1907
годах: Документальные хрони-
ки» – 378
Богораз В.Г. см Тан Н.
Бодлер Ш. – 60, 98, 99, 387, 391,
392
Бодуэн-де-Куртенэ Р. – 280
«Открытая задача» – 280
Бойто А. – 228
Бомарше П. – 66, 312
Бонч-Бруевич В.Д. – 179, 180, 425
«Автор “Интернационала”» –
180
Борисов П. – 98
«В чем же истинный национа-
лизм? Посвящается памяти
Вл.Сер. Соловьева» – 98
Борисов-Мусатов В.Э. – 143 (Му-
сатов), 268, 352, 463
Бородаевский В.В. – 254
«О трагизме в христианстве» –
254
Бородина А.В. – 411
Бостром А. (Толстая А.Л.) – 221
Боцяновский В.Ф. – 49, 283, 309,
320, 327, 337, 339, 341, 372,
389, 398, 403, 416, 421, 430,
432, 435, 437, 442, 445, 449
«Критические наброски» – 398,
445
«Критические очерки» – 309
«Леонид Андреев». Критико-
биографический этюд – 283
«Максим Горький. Критико-
биографический этюд» – 283
«У декадентов» – 320
Бравич К.В. – 452
Браз И.Э. – 19, 258
Брайан В.Д. – 368
Брандес Г. – 66, 345
Брешко-Брешковский Н.Н. – 405
«У великого старца (Впечатле-
ния из Ясной Поляны)» – 405
Брокгауз Ф.-А. – 73
Бронзов А.А. – 61, 68, 69
Брюсов В.Я. (Аврелий, Вал. Бр.,
Москвитянин, Пентаур, Д.
Сбирко, А.) – 5, 7, 13, 14, 17,
18, 22, 23, 27, 44, 47, 48, 56-61,
63, 64, 68, 72, 74-76, 78, 81, 85,
87, 88, 92, 103, 108, 109, 113,
117, 118, 120, 122, 123, 126,
127, 129, 133, 135, 137, 141,
143, 145, 148, 149, 152, 153,
155, 168, 172, 173, 175, 176,
178, 182, 183, 188, 191, 193,
194, 199, 201, 204, 207, 208,
210, 211, 214, 223, 224, 227,
229, 230, 234-236, 238-240, 248,
250, 252-257, 259-261, 264-267,
273-279, 281, 282, 284-293, 296-
299, 302, 305-307, 309, 310,
316, 319-322, 324-326, 329-334,
339-346, 350-354, 357, 358, 366,
367, 369-372, 376-378, 381, 388,
390, 391, 395, 396, 399, 402,
407, 411-413, 417, 420, 422-425,
427-429, 431, 432, 435, 436,
438-440, 445, 449, 450, 453,
455, 457, 458, 466, 467, 472, 473
«Бальмонт» – 285
«Блудный сын» – 274

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

«Бунин И. Новые стихотворения», рец. – 238

«Вехи. I. Страсть» – 422

«В защиту от одной похвалы: Открытое письмо А. Белому» – 439

«“Власть тьмы” в Художественном театре» – 214

«Война» – 350

«В ответ» – 274

«Двенадцатый час» («Да! Пробыл последний, двенадцатый час!») – 298-299

«Дневники» – 85, 117, 118, 133, 145, 152, 176, 199, 210, 211, 227, 239, 257, 267, 278, 279, 298, 302

«Завоевание земли» – 148

«Защита. Святочный рассказ» – 234

«Из жизни Пушкина» – 288

«Из моей жизни» – 330

«Из парижских впечатлений. Театры и кабаре» – 282

«Искатель» – 274

«Искусство или жизнь (К 10-летию со дня смерти А. Фета)», докл. – 235

«Истины» – 56-58

«Италия» («Страна измученная страстностью судьбы!..») – 266

«Каменщик» – 321

«Кинжал» – 432

«Ключи тайн» – 264, 276, 352

«Ко всем, кто ищет» («Как предисловие») – 207

«Конь блед» – 399

«К согражданам» – 350

«К Тихому океану» – 350

«Легенда о Тютчеве» – 330

«Лесная дева» («На перекрестке, где сплелись дороги...») – 278

«Лестница» – 274

«Материалы для академического издания сочинений Пушкина», рец. – 254-255

«Младшим» («За оградой») – 274

«Мои воспоминания о Викторе Гофмане» – 278

«Монна Ванна и г. Дорошевич» – 252-253

«Мудрое дитя (Памяти Ив. Коневского)» – 76

«Мудрое дитя. Творческие замыслы И. Коневского» – 334

«Мысли», цикл – 265

«На новый 1905 год» – 350

«Наполеон» («Да, на дороге поколений...») – 278, 316

«На улице» («Люблю одно, бродить без цели...») – 275

«Ненужная правда» – 172

«Нить Ариадны» – 274

«Новая ересь» – 183

«Новое открытие в стихосложении» – 18

«Новый перевод Бодлера» – 391

«Оклеветанный стих» – 330

«Ответ г. Андреевскому» – 63

«Папство» – 302

«Первая любовь. Рассказ» – 275

«Полночь. 31 декабря» – 234

«По поводу 25-летия смерти Некрасова» – 235

«Последнее желание» – 274

«Похороны М.С. и О.М. Соловьевых» – 239

«Поэт противоречий. К.К. Случевский» – 123, 429

«Предчувствия», цикл – 274

«Прощальный взгляд» – 274

«Пушкин. Рана его совести» – 290-291

«Рене Гиль» – 453

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Русская литература в 1901 <1900-1901, 1901-1902> году» – 23, 47, 56, 60, 61-62, 68, 74, 75, 81, 92, 103, 120, 122, 123, 129
- «Русская литература в 1902 <1901-1902> году» – 168, 176
- «Русская литература в 1904-1905 году» – 438, 467
- «Ф.И.Тютчев. Летопись его жизни» – 330-331
- «Фетовский вечер и фетовский скандал» – 236
- «Я взойду при первом дне...» – 266
- «Я к вам вернусь, о, люди, – вернусь преображен...» – 265
- «Яростные птицы с огненными крыльями...» – 265-266
- «Habet illa in alvo» («Ее движения непрворны...») – 265, 321
- «In hac lacrimarum valle» («Весь долгий путь свершив, по высям и низинам...») – 265
- «L'ennui de vivre» («Я жить устал среди людей и в днях...») – 265
- «Sancta Agatha» («На горы тихая ложилась мгла...») – 278
- «Tertia vigilia» – 14
- «Urbi et Orbi». Стихи 1900-1903 – 274, 320-322, 358, 438
- Брюсова И.М. – 5
- Бугаев Н.В. – 30, 101, 118, 175
- Будилович А.С. – 398
- Будишев А.Н. – 309, 339, 406, 466
- «Допрос» – 406
- «Лучшая» – 406
- «На палубе» – 406
- «Самозванец» – 406
- «Солнечные дни» – 309, 406
- Буланже П.А. – 132
- «Болезнь Л.Н.Толстого в 1901-1902 годах» – 132
- Булгаков С.Н. – 91, 147, 179, 210, 212, 253, 254, 312-315, 347, 428, 431, 435, 438, 444, 454, 467
- «Автобиографические заметки» – 313
- «Васнецов, Достоевский, Вл.Соловьев, Толстой» – 179
- «“Вопросы философии и психологии” в 1904 г.» – 467
- «Душевная драма Герцена» – 313
- «Закон причинности и свобода человеческих действий» – 312
- «Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип» – 147
- «Иван Карамазов как человеческий тип» – 312
- «Карлейль и Толстой» – 454
- «О закономерности социальных явлений» – 312
- «От марксизма к идеализму. Сб. статей 1896-1903» – 312-314
- «Хозяйство и право» – 312
- «Чехов как мыслитель» – 444
- «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева» – 253, 254, 312, 313
- Бунин И.А. – 6, 9, 13, 15, 17, 18, 20, 27, 29, 52, 56, 58, 64, 72, 74, 78, 87, 89, 93, 100, 106, 108, 109, 116, 119, 123, 126, 128, 135, 137, 141, 142, 156, 157, 165, 166, 171, 175, 182, 183, 191, 201, 209, 223, 224, 226-229, 238, 246, 247, 260, 264, 279, 298, 311, 318, 329, 336, 340, 354, 361, 374, 379, 380, 384, 385, 391, 413, 415, 429, 434, 435, 446, 465, 469, 474
- «Байбаки» – 166
- «В августе» – 78
- «Велга. Северная легенда» – 123

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «Волошин» – 298
«В хлебах» – 374
«Золотое дно» – 385
«Кастрюк» – 166
«Костер» – 78
«Листопад. Стихотворения» – 17, 141, 318
«Манфред», перев. – 329
«Над городом» – 391
«“Надежда”» – 156
«На женевском озере» («Тишина») – 74
«На край света» – 166
«Новая дорога» – 52
«Новые стихотворения» – 141 (томик), 182, 238
«Новый год» – 135
«Ночлег» («Лирические картины») – 260
«Ночь» – 135
«Осенью» – 135
«Памяти Чехова» – 469
«Перевал» – 78
«Песнь о Гайавате», перев. – 141, 142, 247, 318
«Поздней ночью» – 56, 58
«Полевые цветы. Сборник стихотворений и рассказов для юношества» – 123
«Рассказы», т. 1 – 141 (книжка), 165, 361
«Руда» – 78
«Свидание» – 191
«С высоты» – 354
«Скит» («Мелитон») – 74
«Сны» – 385
«Сосны» – 106
«Стихотворения» – 246, 247
«Тарантелла» – 166
«Туман» – 52
«Чернозем» – 379, 385
«Эпитафии» – 78
«Stella maris» – 116
Бунин Ю.А. – 18, 336
Буренин В.П. (граф Алексис Жасминов) – 9, 21, 31, 48, 58, 64, 79, 85, 94, 104, 135, 137, 156, 157, 221, 243, 259, 260, 266, 273, 283, 286, 305, 306, 310, 328, 365, 367, 383, 436, 469, 471
«Забава Путятишна» – 328
«Критические очерки» – 104, 137, 157, 286, 306, 310
«Критические очерки. Цветы новейшей поэзии и новейшего художества» – 79
«Медя: драма в 4 действиях в стихах и прозе» (в соавт. с Суворинным А.С.) – 48
«Новый талант, а может быть гений» – 64
«Ожерелье Афродиты» – 328
«Отповедь г. Максиму Горькому» – 273
«Потонувший колокол» – 328
«Театр». Том 1. – 328
«Трое» – 273
Бурнакин А.А. – 346
Бусырев А. – 62
«Вспоминая Вересаева...» – 62
Бутурлин А.С. – 200
Быков П.В. – 118
Быков П.С. – 160
Быховский В.В. (Сторонний наблюдатель) – 442, 447
«Горький о Чехове» – 447
В.Б. – 293
«Из русских изданий» – 293
В.К. (Каратыгин В.Г.) – 392
В-ов М. – 437
Вл.П. (Пяст?) – 291
«Ф.И.Тютчев (К тридцатилетию со дня кончины)» – 291
Вагнер В.А. – 55, 71
«Естествознание и эстетика» – 71
«Ренан и Ницше. О звере в человеке» – 55

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Вакулин В.А. (Линский Вл.) – 464
 «Злободневная драматургия» – 464
- Ванновский П.С. – 158
- Варламов К.А. – 284
- Василевский И.Ф. (Буква) – 163
 «Петербургские наброски» – 163
- Василевский Л.М. (Л.В.) – 371, 437
- Васнецов А.М. – 19, 143, 258, 414
- Васнецов В.М. – 179
- Васюков С.И. – 159
 «Воспоминания о Ф.Д. Нефедове» – 159
- Ватсон М.В. – 43
- Введенский А<лександр> И. – 26, 91, 110, 347
 «О мистицизме и критицизме в теории познания В.С.Соловьева» – 26
- Введенский А<лексей> И. (Басаргин А.) – 11, 139, 163, 347, 383, 410
 «Две правды» – 163
 «Из итогов века. Литературно-философская характеристика XIX столетия с богословской точки зрения» – 11
 «Мельхиор де-Вогюз о Максиме Горьком» – 139
- Введенский Арс.И. – 283
 «Литературные характеристики. Последние произведения Тургенева, Гончарова, Достоевского. Сатиры Щедрина. Литературное народничество. Гл. Успенский, Н. Златовратский» – 283
- Ведекинд Ф. – 460
- Вейнберг П.И. (Гейне из Тамбова) – 14, 45, 123, 124, 216, 243, 311, 318, 331
 «Стихотворения. С добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова» – 123
- Величко В.Л. – 30, 180, 181, 273, 339, 357
 «Русские речи» – 181, 357
- Вельяминов Н.А. – 62
- Венгеров С.А. – 42, 43, 60, 204, 206, 302, 407, 413
 «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней» – 407
- Венгерова З.А. – 346, 451, 460
 «Литературные характеристики. Кн. 2-я. Метерлинк как художник и мыслитель. Э.Золя, А.Франс, Г.Кан и другие» – 460
- Вентцель Н.Н. (Ю-н) – 289, 290, 323, 325, 326
 «Поэты “стиль-модерн”» – 323, 325
- Вербицкая А.А. – 66, 77, 134, 299, 312, 341, 354, 430
 «Вечеринка» – 134
 «Злая роса» – 299
 «История одной жизни» – 341
 «Освободилась. Роман в 3-х частях. Т. IV» – 77
 «Счастье. Новые рассказы» – 430
 «Чья вина? Повесть в 2-х частях». – 312
 «Эстетика» – 66
- Вересаев В.В. (Смидович В.В.) – 10, 39, 42, 43, 61, 62, 77, 85, 86, 128, 134, 139, 156, 179, 188, 196, 197, 201-203, 211, 216, 234, 246, 264, 274, 279, 315, 316, 338, 340, 354, 356, 357, 379, 386, 400, 419, 420, 429, 465, 471, 473
 «Ванька» – 39
 «Воспоминания» – 62, 473
 «Встреча» – 211
 «В сухом тумане» – 196

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «Записки врача» – 61, 62, 77, 128, 139, 188, 201, 202, 203
«За права» – 134
«Звезда. Восточная сказка» – 274
«Конец Андрея Ивановича» – 196, 338
«К спеху (Из летних встреч)» – 10
«Лизар» – 196
«Маленькие рассказы» – 85
«На повороте» – 134, 156, 211
«На эстраде» – 179
«Об одном доме» – 196
«Открытое письмо» – 139
«Паутина» – 211
«Перед завесой» – 379, 386
«По поводу “Записок врача”. Ответ моим критикам» – 203
«Проездом» – 356
«Рассказы. Том II» – 196
«Рассказы. Том III» – 211
«Честным путем (Конец Александры Михайловны)» – 338
Верещагин В.В. – 40, 378, 396
Верлен П. – 346, 352, 412
Вернадский В.И. – 30
Верушкин М.Е. – 114
Верхарн Э. – 80, 346, 352, 460
Верховский Ю.Н. – 458
Веселовский А.Н. – 173, 174, 195, 318, 397, 446
«В.А.Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» – 397
Веселовский Ю.А. – 135
«Журнальное обозрение» – 135
Веталис см. Гольцев В.А.
Ветринский см. Чешихин-Ветринский В.Е.
Вильборг А.И. – 373, 413, 430, 450
Вилье де Лиль-Адан Ф. – 346
Вилькина Л.Н. (Никита Бобринский) – 201, 227, 369, 375, 425, 432
«Пафос жизни» – 375
Виппер Р.Г. – 30
Вишневский А.Л. – 13, 20
Владимиров В.В. – 163, 351
Власов И.И. – 312, 432
«Современный “критик”!» – 312
Власов Ив. (Лаврентьев И.Е.) – 432
Вогюэ Э.-М., де – 139, 306
«Максим Горький, его личность и произведения» – 306
«Максим Горький как писатель и человек» – 139
Водозова М.И. – 196-197
Вознесенский А. (Бродский А.С.) – 260
Войтоловский Л.Н. – 406
Волжский см. Глинка А.С.
Волконская М.Н. – 392
«Записки М.Н.Волконской» – 392
Волконский Г.М. – 392
Волконский М.С. – 392
Волконский С.Г. – 392
Волконский С.М. – 149
«О свободе совести» («К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести»), реф. – 149
Волошенко И.Ф. – 216
Волошин М.А. (Макс Волошин, Макс Волошинов, Max Vole-a-Chine) – 7, 11, 53, 65, 80, 86, 111, 114, 136, 142, 239, 256, 257, 265, 266, 277, 281, 286, 287, 297, 298, 321, 341, 350-352, 369, 370, 372, 376, 377, 399, 416, 423, 428, 445, 458, 464
«В вагоне» – 266, 297
«Венеция» – 297
«История моей души» – 423, 458
«Магия творчества. О реализме русской литературы» – 445

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Новая книга Октава Мирбо» – 86
«Одилон Рэдон» – 464
«Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого» – 142
«Охота» – 297
«Письмо из Парижа» – 464
«Пустыня» – 297
«Скелет живописи» – 352
«Тангейзер» – 297
«Эпилог XIX века» – 11
Волошин М. (Цуккерман М.Е.) – 337
Волькенштейн В.М. – 458
Вольтер Ф. – 66
Вольф М.О. – 3, 450, 459, 460
Волынский А.Л. – 35, 108, 109, 152, 153, 155, 186, 247, 249-251, 285, 307, 308, 321, 323, 326, 342, 343
«Книга великого гнева. Критические статьи, заметки, полемика» – 247, 249, 323, 326, 342
«О Зинаиде Гиппиус» – 308
«Современная русская беллетристика и журналистика» – 108
«Современная русская поэзия» – 152
«Царство Карамзовых. Н.С.Лесков. Заметки» – 35
Воровский В.В. (Орловский, Адамович Ю.) – 83, 125, 164, 165, 222, 404, 456
«Лишние люди» – 404
«О М.Горьком» – 83
«Раскол в “темном царстве”» – 126, 164, 165
«В поисках света», сб-к – 376
Воронцова Е. – 393
Врубель М.А. – 19, 143, 169, 215, 258, 280, 344, 463, 471
Вяземский П.А. – 290
Г.Г. – 389
Габрилович Л.Е. (Леонид Галич) – 416, 427
«Катехизис русского символизма» – 427
Газер И.С. – 93, 120
Гайдебуров П.П. – 126
Галина Г.А. – 123, 126, 127, 180, 275, 354
«Стихотворения» – 123
Гамбаров Ю.С. – 114
Гамсун К. – 48, 178, 288, 346, 387, 416, 448, 450
«Пан. Из записок лейтенанта Томаса Глана» – 48, 448
«Собрание сочинений». Т. I-III – 450
Гапонова О.И. – 396
Гарин-Михайловский Н.Г. (Гарин Н.) – 24, 41, 42, 66, 172, 264, 274, 316, 317, 367, 379, 386, 400, 406, 412, 465
«Бабушка» – 367
«Волк» – 172
«Деревенская драма» – 379, 386
«Дневник во время войны» – 400
«Корейские сказки, записанные осенью 1898 года» – 406
«На практике» – 316
«Под праздник» – 24
«По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры» – 412
«Старый еврей» – 66
«Тени земли. I. Художник. II. Гений. III. Вероника» – 274
Гаршин В.М. – 106, 190, 312, 470
«Красный цветок» – 190
«Четыре дня» – 470
Гаспаров М.Л. – 278
Гауптман Г. – 38, 45, 95, 99, 105
«Ганнеле» – 95
«Михаил Крамер» – 105
«Одинокие» – 38

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Гачева А.Г. – 339
Ге Г.Г. – 284
Ге Н.Н. – 281
Гегель Ф. – 73
Гейне Г. – 155, 318
Геккер Н.Л. – 9, 12, 49, 61, 67, 190, 220, 296, 356, 443, 470
 «Леонид Андреев и его произведения» – 190, 296
Гельрот М.В. – 282, 337, 460
 «Ницше и Горький» – 282
Герцен А.И. – 12, 13, 208, 313, 343, 434
 «Кто виноват?» – 434
Герцык Е.К. – 462
 «Воспоминания» – 462
Гершензон М.О. (М.Г.) – 283, 310, 337, 363, 406, 445
 «Драма писателя» – 283
 «Лирика Н.П.Огарева» – 310
 «Н.В.Станкевич» – 445
Герье В.И. – 30, 118
Гете И.В. – 197
Гец Ф.Б. – 26
 «Об отношении Вл. С.Соловьева к еврейскому вопросу» – 26
Гиль Р. – 453
Гиляровский В.А. – 101
 «Забывтая тетрадь (стихотворения)» – 101
Гинцбург И.Я. – 49
Гиппиус А.В. – 59, 64, 79, 188, 358
Гиппиус Вл.В. – 56, 437
Гиппиус З.Н. (Антон Крайний, М.Г.) – 5, 8, 9, 12, 14, 15, 29, 46, 52, 56, 57, 59, 62, 74, 75, 79, 87, 88, 99, 108, 109, 112, 116-118, 126, 137, 143, 144, 152, 159, 186, 192, 217-221, 233, 234, 237, 239, 249-251, 253, 259, 265-268, 270, 271, 275, 278, 279, 287, 288, 292, 296-300, 302, 304-310, 316, 319, 321, 322-325, 346 (Зинаида Николаевна), 352, 353, 357, 360, 362, 364, 366, 367, 369, 370, 376, 381-383, 393, 394, 400, 401, 422, 424, 427-429, 437, 438, 466
 «Белая одежда» – 307
 «Благоухание седин» – 400
 «Божья тварь» – 267
 «Быт и события» – 427
 «Весна пришла? (Поэзия г-жи Галиной)» – 275
 «Вечный жид (По поводу “Юдаизма” В.В.Розанова)» – 296
 «Влюбленность» – 393
 «I. Выбор мешка. II. Углекислота» – 357
 «Г. Протопопов и красота» – 300
 «Два зверя» – 287, 288
 «Дмитрий Мережковский» – 143, 186, 366, 401
 «Дневник» – 29, 46, 88, 117, 218, 220, 270, 271
 «Еще о пошлости» – 394
 «Живые лица» – 143, 186, 219, 237, 366, 400, 401
 «Из записной книжки» – 427-428
 «Комета» – 144
 «Костер» – 307
 «Критика любви. Декаденты-поэты» – 9, 12
 «К худу» – 250
 «Летние размышления» – 382
 «Литературный дневник» – 438
 «Месса» – 267
 «Мой лунный друг. О Блоке» – 438
 «Нужны ли стихи?» – 249, 298, 309
 «О бывшем (1899-1914)» – 88, 117
 «О вере» – 307
 «Ограда» – 307
 «О другом» – 137
 «Окно мое высоко над землею...» – 15

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Они и мы» – 253
«О Силэне из “Мира искусства”» – 253
«Последняя беллетристика» – 233-234
«Светлое озеро. Дневник» – 366
«Святая кровь» – 56, 59
«Слишком ранние (из переписки декадентов)» – 52, 144
«Слово о театре» – 300
«Снежные хлопья» – 15
«Собрание стихов. 1889-1903 г.» – 324-325
«Согласным критикам» – 367
«Сумасшедшая» – 250-251
«Сумерки духа» – 144
«Третья книга рассказов» – 144
«Хлеб жизни» – 116
«Христу» – 137
«Цепь» – 307
«Чистая сердцем» – 74
«Что и как» – 364
«Электричество» – 62
«Suor Maria. Intermezzo» – 401
Гитович Н.И. – 6
Глаголь С. – см. Голоушев С.С.
Глинка А.С. (Волжский) – 147, 154, 155, 212, 269, 270, 279, 294, 313-316, 352, 363, 366, 367, 368, 374, 382, 387, 404, 409, 410, 435, 443-445, 453
«Вл.Г. Короленко» – 294
«Два очерка об Успенском и Достоевском. I. Г.И. Успенский. II. Кто виноват? (Учение Ф.М. Достоевского об ответственности)» – 154
«Об исканиях и об ищущих» – 366
«Об уединении. О “Горных вершинах” г. Бальмонта и о “Весак”» – 352, 374, 387, 445
«О некоторых мотивах творчества Максима Горького» – 367
«О рассказах Б.Зайцева, Л.Андреева и М.Арцыбашева» – 443, 444
«Очерки о Чехове» – 269, 270
«Торжествующий аморализм (По поводу “Русского Фауста” А. Луначарского)» – 147
Глотов Я.А. – 11, 81
Гнедич П.П. – 38
Гоголь Н.В. – 24, 78, 89, 90, 104, 113, 150, 151, 223, 261, 398
«Выбранные места из переписки с друзьями» – 261
«Записки сумасшедшего» – 24
«Письма. Т. 1-4» – 113
Гойя Ф. – 86, 387
Голенищев-Кутузов А.А. – 60, 318
«На берегу» – 60
«Стихотворения (1894-1901)» – 60
Голике Р.Р. – 373, 413, 430, 450
Голицын Д.П. (Муравлин) – 299
«На Руси» – 299
Головин А.Я. – 19, 249, 362
Головин К.Ф. (Орловский) – 103-104, 421
«Русский роман и русское общество» – 104, 421
Голоушев С.С. (Сергей Глаголь, С.Сергеевич) – 17-18, 154, 155, 169, 264, 344
«Ключи тайн», ст.– 264
«Под впечатлением Художественного театра», сб. статей совм. с Л.Андреевым – 154
«Поэт русского пейзажа» – 18
Голубева Л.Г. – 6
Голубева О.Д. – 179
«В.Д.Бонч-Бруевич – издатель» – 179
Голубинский Е.Е. – 77
«История русской церкви». Т. 1-й – 77
Голубкина А.С. – 19, 49

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Гольденвейзер А.Б. – 149, 150, 172, 192, 313
«Вблизи Толстого» – 150, 192, 313
- Гольденвейзер Е.И. – 172
«...Чудесный, несравненный художник...» – 172
- Гольцев В.А. (Веталис, В.Г.) – 12, 97, 135, 255, 274, 276, 289, 290, 295, 296, 365
«Журнальное обозрение» – 289-290
«Мысли вслух» – 274
«Со стороны» – 276
- Гольцев М.Я. (М.Г.-ан) – 240
- Гольштейн А.В. – 239, 281, 321
- Гончаров И.А. – 124, 283
- Гораций – 441
- Горбунов-Посадов И.И. – 347
- Горнфельд А.Г. – 145, 207, 283, 391, 392
«“Русские женщины” Некрасова в новом освещении» – 392
- Горький М. (А.М. Пешков, Максим 1-й) – 3, 6-10, 12-14, 17, 31, 38, 39, 41-43, 49-52, 54, 55, 59, 64-67, 71, 72, 76, 80, 82-84, 86, 89-92, 94, 95, 97, 99, 100, 105-110, 113, 115, 118-121, 126, 128-136, 138-141, 144, 145, 148, 151, 158, 159, 161-167, 169, 170, 172-175, 181-183, 186-188, 190-195, 197-202, 204, 208-211, 216, 220, 222, 223, 226-229, 231, 234, 238, 241-244, 255, 256, 263, 264, 273, 276, 279, 280, 282, 283, 300, 304, 306, 310-312, 314-319, 333, 340, 349, 354, 355, 357, 359, 364, 367-370, 375, 376, 379-385, 390, 391, 397, 400, 404, 405, 410, 411, 413-415, 420, 421, 425, 426, 429, 431-435, 443, 446-448, 450-454, 456, 459, 465, 466, 469, 472-474
- «В сочельник» – 183
«Весенние мелодии» («Весна») – 42, 50, 432
«Дачники» – 187, 450, 459, 469, 472-474
«Двадцать шесть и одна» – 83
«Дело с застежками» – 192
«Еще о черте» – 447
«История одного преступления» («Злодеи») – 105
«Кирилка» – 83
«Лев Толстой» – 113, 244
«Леонид Андреев» – 443
«Макар Чудра» – 83
«Мешане» – 90, 99, 141, 161-165, 182, 188, 192, 195, 197, 201, 208, 209, 211, 225, 227, 231, 238, 242, 256, 433
«Мой спутник» – 256
«На дне» («На дне жизни») – 100, 192, 194, 196, 201, 226, 228, 241-244, 256, 279, 280 («Дно»), 283, 300, 359
«На плотях» – 188
«О писателе, который зазнался» – 42, 97, 108
«О “размагниченном” интеллигенте» – 50
«Песня о Буревестнике» – 50, 106, 187, 397
«Песня о Соколе» – 83, 106, 187
«Погром» – 66
«По поводу Кишиневского погрома» – 273
«Рассказы». Т. I-IV – 17, 82
«Рассказы». Т. V – 120
«Рассказы из жизни на окраинах города. I. Песня о слепых» – 9, 183
«Трое» – 50-52, 120, 121, 128-130, 192, 256, 283
«Фома Гордеев» – 187, 256
«Челкаш» – 256

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Человек» – 379, 380, 383-385,
404, 466
- Гославский Е.П. – 116, 183
- «Радетель» – 116
- Гофман В.В. – 153, 277-279, 437
- «Жить и жутко и сладостно» –
278
- «Русалка» – 278
- Гофмансталь Г., фон – 354
- Гофштеттер И.А. – 194
- «Поэзия вырождения: Фило-
софские и психологические
мотивы декадентства» – 194
- Грабарь И.Э. – 258, 463
- Градовский Г.К. – 232
- «К 200-летию печати. Возраст
русской публицистики» – 232
- Грачева А.М. – 210, 322, 341
- «Анастасия Вербицкая: леген-
да, творчество, жизнь» – 341
- «Революционер Алексей Реми-
зов: миф и реальность» – 210
- Григорович В.И. – 152
- Григорьев В.Н. – 294
- Гринберг Р.Н. (Эрге) – 463
- «Неправда разума» – 463
- Гринберг С.И. – 49
- Грингмут В.А. (Spectator) – 271,
408-409
- «Грозит ли нам бесцерковное
христианство» – 271
- «Новейший памфлет гр<афа>
Толстого» – 408-409
- Гринякин Н.М. – 259
- «Гриф», альм. 277-279, 288, 332,
371, 375
- Грифцов Б.А. – 461, 462
- «Три мыслителя. В.Розанов.
Д.Мережковский. Л.Шестов» –
461, 462
- Громов М.А. – 20
- Грот Я.К. – 125
- «К вопросу о национализации
русской школы» – 125
- Грузенберг С.О. – 67
- «Нравственная философия.
“Шопенгауэр. Критика основ-
ных начал философии Шопен-
гауэра”» – 67
- Губинский В.И. – 208
- Гуковский А.И. – 35, 155, 166, 437
- «Границы анализа в литера-
турной критике» – 155
- Гумилев Н.С. – 334
- «К.Бальмонт. “Только любовь”
– 334
- «Письма о русской поэзии» –
334
- Гурвич-Кожевникова В.В. – 204
- Гуревич Л.Я. – 363
- «Возрождение театра» – 363
- Гурмон Р., де – 80
- Гусев Н.Н. – 6, 281
- «Летопись жизни и творчества
Л.Н.Толстого. 1891-1910». М.,
1960 – 6
- «Отметки Л.Н.Толстого на то-
ме рассказов М.Арцыбашева»
– 281
- Гусев-Оренбургский С.И. (Гусев)
– 179, 279, 280, 327, 379, 386,
453
- «В приходе» – 379, 386
- «Кошмар» – 453
- «Рассказы». Т. 1 – 279, 327
- Гусев С.С. (Слово-Глаголь) – 51,
54
- Гуцков К. – 430
- «Уриель Акоста» – 430
- Д. (Языков Д.Д.) – 102
- Д'Амелия А. – 277
- Д'Аннунцио Г. – 261, 354
- Давиденко Е.Н. – 281
- Давыдов Н.В. – 408
- Даль В.И. – 459
- Даманская А.Ф. – 451
- Данте Алигьери – 205
- Дарвин Ч. – 184
- Деген Е.В. – 18, 247

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Дедлов В.Л. – 328, 331
 «Просто рассказы» – 328
- Дельвиг А.А. – 55
- Дерман А.Б. – 133
 «Переписка А.П.Чехова и
 О.Л.Книппер». Т. 2, коммент. –
 133
- Джаншиев Г. А. – 20
- Де Роберти Е.В. – 114
 «Эпоха великих реформ (Осво-
 бождение крестьян. Отмена тел-
 есных наказаний. Универси-
 тетская автономия и пр.)» – 20
- Дивильковский А.А. – 474
- Динерштейн Е.А. – 151, 347
 «“Фабрикант” читателей:
 А.Ф.Маркс» – 151, 347
- Дмитриева В.И. – 315
- Добровольский Л.М. – 434
 «Запрещенная книга в России»
 – 434
- Добролюбов А.М. – 9, 56, 57, 64,
 81, 126, 311
- Добролюбов В.А. – 139
 «Ложь гг. Николая Энгельгард-
 та и Розанова о Н.А.Добро-
 любове, Н.Г.Чернышевском и
 духовенстве» – 139
- Добролюбов Н.А. – 110, 139, 299,
 397
- Добронравов Ф.Ф. – 193
 «Прогорький романтизм
 Максима Горького» – 193
- Добрышев М.А. – 345
- Добужинский М.В. — 362, 463
- Долинский М., Черток С. – 413,
 414
 «Последний путь Чехова» –
 413, 414
- Дороватовский С.П. – 102, 344
- Дорошевич В.М. – 15, 97, 126, 155,
 198, 207, 226, 233, 236, 252,
 253, 340, 363
 «Мода» – 126
- «“Монна Ванна” Метерлинка»
– 253
- «Новое в искусстве» – 155
- «Сахалин (Каторга)», I-II – 207
- «Союз писателей» – 15
- Досекин Н.В. – 351, 463
- <Достоевская А.Г.> – 464
- Достоевский Ф.М. – 8, 35, 40, 46,
 47, 65, 76, 81, 82, 87, 89, 90, 92,
 104, 124, 125, 146-148, 154,
 155, 161, 178, 179, 183-186,
 203, 225, 240, 242, 283, 312,
 342, 343, 352, 368, 369, 393,
 401, 427, 453, 462, 464
 «Бесы» – 342
 «Братья Карамазовы» – 81, 147,
 464
 «Вечный муж» – 464
 «Дневник писателя» – 161, 368
 «Идиот» – 464
 «Из записной книжки» – 368
 «Полное собрание сочинений
 (7-ое) в 14 т.» - 464
 «Преступление и наказание» –
 464
 «Униженные и оскорбленные»
 – 464
 «Юбилейное (6-е) Полное
 собр. соч. в 14 т.» – 464
- Дрейссен П. – 105
 «Воспоминания о Ницше» –
 105
- Дрейфус А. – 200
- Дрожжин С.Д. – 35, 36
 «Поэзия труда и горя. Новое
 собрание стихотворений» – 35
- Дубовиков А.Н. – 230
 «Письма к Чехову о студенчес-
 ком движении 1899-1902 г.» –
 230
- Дубовской Н.Н. – 249
- Дункан А. – 463
- Дурнов М.А. – 372
- Духовский С.М. – 11

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Дымов О. (Перельман О.И.) – 140,
279, 329, 470, 472
«Заметки об искусстве» – 140
«Спутники жизни» – 329
- Дягилев С.П. – 8, 20, 99, 189, 217,
225, 249, 258, 292, 293, 362, 451
«О русских музеях» – 99
«Современное искусство» –
249
- Дягилев Ю.П. (Ю.Черета) – 403
«Чехов и быт» – 403
- ев (Шебуев Н.Г.?) – 18
- Евг. Л. см. Ляцкий Е.А.
- Евгеньев-Максимов В.Е. – 267,
268, 270, 271, 319, 358
«Из прошлого русской журна-
листики. Статьи и материалы»,
совм. с Д.Е.Максимовым – 268,
271, 319, 358
- Еврипид – 91, 180, 194, 208, 236
«Вакханки» – 91
«Ипполит» – 180, 194, 208
«Медея» – 236
- Евстафьева А.Н. – 202
- Евстратов Н.Г. – 114
- Егоров Е.А. – 358, 376, 396
- Ежов Н.М. (Не фельетонист) –
336, 441
«Московская жизнь» – 441
- Елеонский С. (Миловский С.Н.) –
327
«Рассказы» – 327
- Елпатьевский С.Я. – 114, 132, 335,
337, 396, 465
«Близкие тени. Ч. II.» – 132
«Воспоминания за пятьдесят
лет» – 337
«До Томска» – 396
«Жиганы» – 396
«Из случайных встреч» – 396
«Миша» – 396
«От Томска» – 396
«Рассказы». Т. 1, 2, 3 – 396
- «Рассказы о прошлом. Из авто-
биографии моего приятеля» –
114, 396
«Свирька служащий» – 396
«Уголовные дворяне» – 396
- Ельчанинов А.В. – 41, 47, 402
- Ермак – 186
- Ермолова М.Н. – 168
- Ернефельт А. – 160
- Ернштедт В.К. – 91
- Ефимов Д.П. – 139, 399
- Ефрон И.А. – 73
- Жаков К.Ф. – 458
- Жид А. – 80
- Жирков Г.В. – 216, 232
«История цензуры в России 19-
20 вв.» – 216, 232
- Жуковский В.А. – 229, 397
«Полное собрание сочинений в
12 томах» – 229
- Жуковский Д.Е. – 197
- Жуковский Н.Е. – 30
- Жураковский Е.Д. – 312
«Симптомы литературной эво-
люции. Критические очерки:
М.Горький, Л.Андреев, В.Гар-
шин, Е.Баратынский, П.Бомар-
ше, Лев Толстой» – 312
- Журдэн – 452
- Зайцев Б.К. – 15, 16, 75, 137, 157,
183, 336, 354, 417, 443, 444,
453, 454
«В дороге» – 75
«Волки» – 157
«Деревня» – 453
«Земля» – 137
«Молодость – Россия» – 16
«Неинтересная история» – 16
«Скопцы» – 417
«Тихие зори» – 444
«Три дня» – 16
- Замятнина М.М. – 377
- Заозерский Н.А. – 36

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «Странный ревнитель святых семейного очага» – 36
Засодимский П.В. – 115
Засулич В.И. – 70, 110
 «Н.А. Добролюбов» – 110
 «Элементы идеализма в социализме» – 70
Зверев Н.А. – 347
Звонарев Б.Н. – 38, 105
«Зеленый сборник стихов и прозы (Юрий Верховский, Вл. Волькенштейн, К.Жаков, Павел Конради, Михаил Кузьмин, Вячеслав Менжинский)» – 458
Зелинский Ф.Ф. – 30, 91, 236
 «Из жизни идей». Т. 2 – 236
Землячка Р.С. – 456
Зенгер А.В. – 384, 398
 «У Толстого» – 384, 398
Зенгер Г.Э. – 318
Зеньковский В.В. – 461
 «Скользкий путь» – 461
Зиновьев А.А. – 417
Зиновьева-Аннибал Л.Д. – 377, 401, 417, 430
 «Кольца» – 430
Зиночка см. Гиппиус З.Н.
Златовратский Н.Н. – 115, 196, 283, 414
Зобнин Ю.В. – 118, 125
 «Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния» – 118, 125
Золя Э. (Зола) – 11, 66, 151, 200, 460
Зудерман Г. – 168
 «Да здравствует жизнь» – 168

И.Н. – 67
Ибсен Г. – 38, 78, 96, 97, 99, 105, 178, 201, 225, 373, 430
 «Дикая утка» – 96, 97
 «Доктор Штокман» – 38, 225
 «Кукольный дом» («Нора») – 373, 430

«Полное собрание драматических произведений». Т. 2-й – 78
«Привидения» – 430
Иванов А.Я., прот. – 64
 «Открытое письмо графу и графине Толстым» – 64
Иванов Вяч.И. – 204-206, 276, 277, 333, 351, 352, 355, 367, 371, 373, 374, 377, 378, 381, 390, 395, 399, 401, 409, 411, 412, 417, 420, 421, 423, 424, 427, 428, 430, 431, 433, 437, 439, 445, 464, 466, 472
 «Дриады» – 367
 «Из книги “Прозрачность”» – 367
 «Копье Афины. Поскольку мы индивидуалисты?» – 433
 «Кормчие звезды. Книга лирики» – 204, 205, 390
 «Мечь мечная» – 417
 «Ницше и Дионис» – 399
 «Новые маски» – 430
 «Пан и Психея» – 367
 «Поэт и чернь» – 373
 «Прозрачность. Вторая книга лирики» – 390
 «Седьмой день» – 367
 «Хмель» – 367
 «Эллинская религия страдающего Бога», курс лекций, очерки – 276, 355, 423
Иванов Е.П. – 361, 411
Иванов И.В. (И.Джонсон) – 46, 166, 337, 393-394
 «Красивое дарование» – 166
Иванов И.И. – 46
Иванов И.И. – 191
 «Леонид Андреев как художник-психопатолог на основании психиатрического анализа его рассказа “Мысль”» – 191
Иванов М.М. – 328
 «Из области драматической литературы» – 328

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Иванов С.В. – 258, 344
Иванова Е.В. – 359
Иванов-Разумник Р.В. – 100, 101, 461
 «О “декадентстве” в современном русском искусстве», докл. – 100, 101
 «О смысле жизни. Федор Соллогуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» – 461
Иванчин-Писарев А.И. – 148, 317
Игнатов И.Н. (И.) – 12, 24, 49, 51, 120, 125, 134, 163-165, 178, 198, 226, 275, 321, 323, 325, 329, 333, 335, 338, 354, 364, 380, 381, 384-386, 404, 435, 442, 444
 «Литературные отклики» – 321, 323, 325, 333, 354
Игнатов Н.И. – 429
Изгоев А.С. – 179
 «Со стороны» – 179
Измайлов А.А. (А.И., И., Смоленский) – 9, 39, 51, 58, 61, 63, 78, 105, 114, 115, 120, 123, 156, 157, 160, 164, 167, 172, 178, 190, 195, 196, 198, 206, 243, 260-261, 268, 284, 289, 306-309, 320, 326, 343, 368, 443, 444, 471
 «Александринский театр. Бенефис вторых режиссеров и суфлеров русской драматической труппы» – 284
 «В.Вересаев и обойденный тип интеллигентской молодежи» – 156
 «Интервью с Собакевичем» – 307
 «Литературные заметки» – 308, 320, 326, 343, 368
 «Литературные мелочи» – 306
 «На Волковом кладбище» – 160
 «Новые веяния в народнической литературе» – 115
 «Новые взгляды на “власть земли”» – 196
 «Новый рассказ М.Горького» – 105
 «Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе» – 123
 «Просвещенные иностранцы о русской литературе» – 289
 «Рассказы Скитальца» – 167
 «Спектакли Московского Художественного театра» – 164
Измайлов В.К. – 275
 «Заводские очерки» – 275
Ильёв С.П. – 23, 48, 56, 60, 62, 68, 74, 81, 92, 120, 121, 122, 123, 129, 130, 168, 229
 «Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала The “Athenaeum” (1901-1906)» – 168, 229
Ильин И.А. – 346
Инфолио – 36
 «От Вифлеема до Голгофы» – 36
Иоанн Кронштадтский (о.Иоанн, Сергиев И.И.) – 44, 64, 119, 127, 271
 «Против графа Л.Н.Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени и раскольников» – 127
Иогансон Ф. – 77
Исполатов Н.Н. – 201
 «Мысли старого врача по поводу “Записок врача” Вересаева» – 201
К.С. – 243, 244
 «Герои “Дна”. Беседа с П.И.Вейнбергом» – 243
 «Герои “Дна”. Впечатления Н.М.Минского» – 244
Каблуковы – 255
Каллаш В.В. – 78, 291, 351

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «К реформе средней школы» – 78
«Спор уж взвешенный судьбою. Об авторстве “Гавриилиады”» – 291
Калмыкова А.М. – 43
Калмыковы – 43
Кальдерон П. де ла Барка – 114, 181, 261, 387
Кальдерон (псевд.) – 68
 «Правда о графе Льве Толстом» – 68
Каляев И.П. – 250
Каменский А.П. – 258
 «Степные голоса» – 258
Кан Г. – 460
Кандинский В.В. – 143
Кант И. – 11, 72, 160
Карамзин Н.М. – 8, 151, 397
Кара-Мурза С.Г. (Крымский С.) – 335
 «Неизвестный поэт» – 335
Карбасников Н.П. – 144
Кареев Н.И. – 96
 «Идеалы общего образования» – 96
Карлейль Т. – 454
Кармен (Коренман Л.О.) – 459
 «На дне Одессы» – 459
Карпович П.В. – 30
Каррик В.В. – 290, 391
Карсавин Л.П. – 126
Карташев А.В. (Романский Т.) – 261
 «Знающие» – 261
Касперович Г. – 351
«Каталог книгоиздательства “Скорпион”. К началу 1902 г.» – 178
Катловкер Б.А. (Тень) – 451
Каутский К. – 179
Качалов В.И. – 414
«К заветной цели», сб-к – 335, 376
К-и-н – 55
 «Толстой – Чехов – Горький» – 55
Кившенко Е.В. – 450
Кигн-Дедлов В.Л. см. Дедлов В.Л.
Кионати – 378
Кипенев А. (Кипен А.А.) – 329
Кирпичников А.И. – 30, 277, 316
Кистяковский Б.А. – 212
Клейгельс Н.В. – 162
Клейнборт Л.Н. – 341, 435
Климентов П.С. (П.К.) – 329, 335, 340, 363
Клюкин М.В. – 393
Ключевский В.О. – 30, 346
«Книга рассказов и стихотворений», сб-к – 183
Книгоноша – 51
Книппер-Чехова О.Л. – 13, 20, 21, 23, 29, 42, 45, 46, 65, 100, 107, 108, 110, 120, 131, 133, 135, 140, 145, 159, 162, 167, 171, 181, 200, 222, 248, 255, 280, 296, 310, 363, 365, 370, 391, 413
Кобылинский Л.Л. см. Эллис
Кобылинский С.Л. – 465
Ковалевский М.М. – 114
Коваленский М.Н. (К-ий) – 276
 «Наброски» – 276
Кожевников В. А. – 353
Козиенко М.П. (Эс) – 353
«“Весы”. Новый декадентский журнал» – 353
Козман М.С. – 296
Койранские – 435
Койранский А.А. – 371, 372
Кокрель С. – 408
Колеров М.В. – 347
 «Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от “Проблем идеализма” до “Вех”» – 347
Коллонтай А.М. – 354
Колпинский А.Е. – 48, 144
Колтоновская Е.А. – 24, 93, 121, 134, 356
 «В заколдованном круге» – 356
 «Новое о старом» – 121
 «Умирающие иллюзии» – 134

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Колумб Х. – 320
Кольшко И.И. (Серенький, Ро-
славлев) – 21, 54, 139, 148, 157,
164, 187
«Беседы» – 157
«Вулканическая литература» –
148
«Дух времени» – 187
«Идейка» – 139
«Мстящий талант» – 54
«Философия в доме Бессеме-
нова» – 164
Коляда Е.Г. – 198, 314
 «Журнал для всех» – 198, 314
Комаров В.В. – 180, 273
Коммиссаржевская В.Ф. – 252,
373, 430, 450, 451, 472
Кондаков Н.П. – 30, 31, 33, 37, 45
 «Современное положение рус-
ской народной иконописи» –
37
Кондратьев А.А. – 126, 268
Коневской И. (Ореус И.И.) – 56,
57, 76, 126, 152, 176, 319, 334,
335, 340, 353
 «Об отпевании новой русской
 поэзии» – 56, 57
 «Стихи и проза. Посмертное
 собрание сочинений (1894-
 1901 г.)» – 334
Кони А.Ф. – 45, 159, 163, 463
Конради П.П. – 458
Конт О. – 11
Кораблев В.Н. – 18
Корвин-Хорватский И.А. – 463
Коренева М.Ю. – 90
Коренман Л.О. см. Кармен
Корецкая И.В. – 172, 250, 261, 287,
307
 «Мир Искусства» – 172, 261
 «Новый путь» – 250, 287, 307
Коробка Н.И. – 46, 72, 156, 167,
251, 275, 279
 «Из глухого угла» – 279
 «М.Горький и его обществен-
 ное значение» – 72
 «Рассказы Скитальца» – 167
Коровин К.А. – 19, 143, 249, 351,
414
Короленко В.Г. (Журналист) – 3, 7,
9, 16, 24, 28, 32-35, 38, 44, 50, 53,
54, 64, 66, 67, 76, 106, 114, 115,
130, 132, 145, 146, 149, 159, 160,
170, 171, 173, 174, 180, 181, 192,
198, 204, 209, 215, 216, 225, 226,
251, 273, 282, 289, 293-295, 301,
311, 328, 336, 341, 360, 367, 369,
381, 384-386, 391, 403-405, 415,
418, 429, 440, 446, 448, 456, 466
 «Антон Павлович Чехов» – 415
 «Воспоминания о Чернышев-
 ском» – 446
 «Государевы ямщики» – 24
 «Дневник. 1898-1903» – 28, 33,
35, 44, 53, 76, 145, 146, 170, 171
 «Дом № 13» – 273
 «Заставы» – 456
 «Мгновение» – 50, 225
 «Не страшное (Из записок ре-
 портера. Этюд)» – 251
 «Николай Константинович Ми-
 хайловский» – 367
 «О Глебе Ивановиче Успен-
 ском. Черты из личных воспо-
 минаний» – 180
 «Огоньки» – 66, 67, 225
 «О сборниках товарищества
 “Знание” за 1903 г.» – 381
 «Очерки и рассказы. Книга
 третья» – 225, 226 (книга)
 «Парадокс» – 225
 «Поездка по верховым стани-
 цам» – 114
 «Разговор с Толстым. Макси-
 мализм и государственность» –
 171
 «Сибирские рассказы. 1. Мо-
 роз. 2. Последний луч» – 9, 24,
130, 226, 391

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «У казаков (Из летней поездки на Урал)» – 114
«Феодалы» – 391, 466
<Короленко Е.С.> – 360 (жена)
<Короленко Н.В.> – 336 (дочь)
<Короленко С.В.> – 336 (дочь)
Коростелев О.А. – 154
Коротнев А.А. – 158
Корш Ф.А. – 329, 335
Костомарова И.А. – 6
Котрелев Н.В. – 178, 278
Коц А.Я. – 180
Крандиевская А.Р. – 451, 459
 «“Ничтожные” и другие рассказы» – 459
 «“То было раннею весной” и другие рассказы» – 459
Кранихфельд В.П. – 136, 164, 190, 316, 338
 «Журнальные заметки» – 316
 «Леонид Андреев и его критики» – 136, 190
 «Мещанство и его значение» – 164
Краснов Пл.Н. – 206, 312, 458, 473
 «Идейная писательница» – 312
 «Новое произведение Максима Горького» – 473
 «Перед судом критики. – Новая русская поэзия» – 458
Крачковский Д.Н. – 346
Крестовская М.В. – 24
 «Исповедь Мытищева» – 24
Кречетов С. (Соколов С.А.) – 229, 277, 332, 371, 372, 411, 435
Криницкий М. см. Самыгин М.В.
Кропоткин П.А. – 229
 «Записки революционера» – 229
Кругликова Е.С. – 281
Крупская Н.К. – 204, 456
Крушеван П.А. – 273
Крылов И.А. – 288
Крымский С. см. Кара-Мурза С.Г.
Крюков Ф.Д. – 290
 «Из дневника учителя Васюхина (Картинки станичной жизни)» – 290
«К свету», сб. – 391
о. Ксенофонт (Вяземский К.А.) – 119
<Кублицкая-Пиоттух А.А.> (мать) – 80, 88, 358, 377
Кублицкая-Пиоттух С.А. – 110
Кугель А.Р. (Негорев Ник., Номо Novus) – 200, 339, 364, 416, 441, 450-452, 474
 «Грусть “Вишневого сада”» – 364
 «Дачники» – 474
 «Заметки» – 200
 «О русском писателе» – 474
 «О Чехове» – 416
 «Сезонные заметки» – 452
 «Театральные заметки» – 441, 452
Кузмин М.А. – 458 (Кузьмин)
 «XIII сонетов» – 458
 «История рыцаря д’Алессио» – 458
Куприн А.И. (А.К.) – 10, 17, 39, 52, 55, 74, 89, 119, 124, 135, 174, 183, 187, 195, 209, 210, 222, 234, 244, 245, 264, 282, 283, 311, 329, 357, 375, 393, 402, 405, 413, 415, 426, 432, 446, 447, 452, 453, 469, 474
 «Астры (Из женских писем)» – 39
 «Белые ночи» – 432
 «Белый пудель» – 375
 «Болото» – 222
 «Больничный листок (Из женских писем)» – 10
 «Брильянты» – 426
 «В походе» («Поход») – 74
 «В цирке» – 135, 245
 «Дознание» – 245
 «Жидовка» – 426
 «Конокрады» – 329

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Корь» – 393
«Мирное житие» – 402, 405
«Молох» – 245
«На покое» – 209, 245
«Ночлег» – 245
«Ночная смена» – 245
«Оборотень (Полесская легенда)» – 39
«О том, как я видел Толстого на пароходе “Св. Николай”» – 187
«Памяти Чехова» – 55, 469
«Пустые дачи» – 426
«Рассказы» – 245
«С улицы» – 452
«Таинственный незнакомец (По заказу)» – 52
«Трус» – 234
«Убийцы (Новогодний рассказ)» – 10
<Куприна-Давыдова М.К.> (жена) – 357
Курнин С.В. – 123, 183
Курсинский А.А. (Крс.) – 56, 102, 114, 204
 «Стихи (1896-1900)» – 102
Кучинский Ч. – 398

Л.В. – 335
 «Литературный сборник» – 335
Л.Г. – 370
 «Иностранная критика о Горьком» – 370
Л.П. – 296
 «Брак или девство» – 296
Лавров А.В. – 5, 6, 20, 82, 96, 98, 101, 105, 177, 195, 209, 215, 223, 238, 250, 264, 277, 278, 288, 293, 297, 308, 319, 358, 371, 402, 448
 «Андрей Белый в 1900-е годы» – 177, 195, 238, 264, 277, 319, 358, 371, 448
 «Андрей Белый. Разыскания и этюды» – 223
 «Брюсов и Ремизов» – 209
 «Весь», совм. с Максимовым Д.Е. – 293
 «Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома» – 297
 «Русские символисты» – 209, 215, 250, 288, 308
 «Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого» – 20, 82, 96, 98, 105
Лавров В.М. – 21
Лагерлеф С. – 110
Ладыженский В.Н. – 126
Лазаревский Б.А. – 242, 296, 310, 311
 «Повести и рассказы» – 296
Ламанский В.М. – 187
Ламберт К.О. – 289
Ланг А.А. см. Миропольский А.Л.
Ланге Тор – 287
Ландер К.И. – 263
Лансере Е.Е. – 19, 249, 258, 362, 463
Ларош Г.А. – 8
Левин Д.А. (Абрамов Д.) – 85, 106
Левитан И.И. – 17-19, 363
Левитский С.Д. – 86, 87
 «Сверхчеловек Ницше и человек Христа», публ. чтение – 87
Левкеева Е.И. – 284
Леман А.И. – 351, 464
 «Порт-Артур», совм. с Л.А.Леман – 464
Леман Л.А. (Басанин М.) – 464
 «Порт-Артур», совм. с А.И.Леманом – 464
Лемке М.К. – 269, 270, 343, 408
 «Думы журналиста» – 269-270
 «История белого номера» – 270
 «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» – 343
 «Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов» – 408

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Ленин В.И. (Старик) – 50, 108, 110, 119, 173, 204, 362, 426, 456
«Начало демонстраций» – 108, 110
- Леонардо да Винчи – 86, 104
- Леонид см. Л.Н. Андреев
- Леонтьев К.Н. – 124, 125, 275, 276
- Леопарди Дж. – 412
- Лермонтов М.Ю. – 25, 48, 76, 152, 177, 194, 224, 260, 330, 439
«Демон» – 194
«Мцыри» – 330
- Лернер Н.О. – 153, 334, 351
«Ив. Коневской» – Книга о русских поэтах последнего десятилетия – 334
- Лесгафт П.Ф. – 43
- Лесевич В.В. – 43
- Лесков Н.С. – 347, 395, 398
- Леткова Е. см. Султанова Е.П.
- Либрович С.Ф. – см. Русаков В.
- Лилина М.П. – 20, 415
- Линский В. – см. Вакулин В.А.
- Липецкий Э.Г. – 272
- Липовский А.Л. – 12, 59, 86
«Представители современной русской повести и оценка их литературной критикой» – 12, 86
- Лисицын М.А. – 28, 47
«Литературное дело», сб. – 179
«Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов Императорского С-Петербургского Университета под руководством Б. В. Никольского с иллюстрациями студентов Императорской Академии художеств под ред. И. Е. Репина» – 127, 268
- Лобанов И. – 353
«Обзор журналов» – 353
- <Ловцкая Ф.И.> (Фаня) – 460
- Ловцкий Г.Л. – 462
- Ломоносов М.В. – 206
- Лонгфелло Г. – 141, 142, 247, 318
«Песнь о Гайавате» – 141, 142, 247, 318
- Лопатин Л.М. – 26, 30, 326-327
«Философское мирозерцание В.С.Соловьева» – 26
- Лосский Н.О. – 235, 347, 431
«Основные учения психологии с точки зрения волконтаризма» – 235
- Лотарев И.В. см. Северянин И.
- Лохвицкая М.А. – 56, 66, 137, 152, 301, 340
«Стихотворения». Т. 5. 1902-1904 – 340
- Лужский В.В. – 20, 162
- Луковников П.В. – 328
- Луначарский А.В. – 147, 179, 188-189, 190, 210, 213, 313, 354-356, 367, 383, 404, 409, 456, 474
«Дачники» – 474
«Журнальные заметки» – 313, 356, 367
«Идеалист и позитивист как психологические типы» – 355
«Метаморфоза одного мыслителя» – 313
«О художнике вообще и некоторых художниках в частности» – 190
«“Проблемы идеализма” с точки зрения критического реализма» – 213
«Русский Фауст» – 147
«Трагизм жизни и белая магия» – 179
- Лундберг Е.Г. – 250, 343
«Религия и лирика несвободной души З.Н.Гиппиус» – 250
- Лунц М.Г. – 354
- Луцицкая М.В. – 77
- Львов-Рогачевский В.Л. – 39, 381, 443, 471
«Две правды: Книга о Леониде Андрееве» – 39

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Мертвое царство (Рассказы Леонида Андреева)» – 381, 443
Льдов К.Н. – 150
Любошиц С.Б. (-60-) – 235, 236, 373, 380, 381, 384, 405
«Мысли вслух» – 384
«Разговоры» – 373
Лютик – 399
«Литературный недуг – стихотворенничество» – 399
Лямина Е.С. – 142
Ляцкий Е.А. (Евг.Л.) – 82, 83, 244, 260, 285, 312, 322, 343, 356, 413
«А.П.Чехов и его рассказы» – 356
«Максим Горький и его рассказы» – 82
- М. – 307, 321
М.Г. см. Гершензон М.Г.
М.И. – 61
М.М. – 307
М.М-в см. Меньшиков М.О.
М.Н.М. (Мазаев М.Н.) – 25, 317
«Памяти П.Е.Накрохина» – 317
Майков А.Н. – 152, 322
Майков В.Н. – 84, 104, 152
Майков Л.Н. – 254
Макарова О.Е. – 54, 132
Макиавелли Н. – 104
Маковицкий Д.П. – 382, 400, 401, 447, 453, 456
«Яснополянские записки» – 382, 400, 401, 447, 453, 456
Маковский В.Е. – 249
Маковский К.Е. – 433
Маковский С.К. – 126, 218, 375, 433
«На Парнасе “серебряного века”» – 218
Максимов Д.Е. – 201, 261, 267, 268, 270, 271, 274, 293, 319, 358
«Брюсов и “Весы”», совм. с Азадовским К.М. – 293
«Весы», совм. с Лавровым А.В. – 293
- «Валерий Брюсов и “Новый Путь”»; письма Брюсова к Перцову от конца сентября, ноября-декабря 1902 г. и от 4 января 1903 г.» – 201, 261, 274
«Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы», совм. с В.Е. Евгеньевым-Максимовым – 268, 270, 271, 358
«Новый Путь» – совм. с В.Е.Евгеньевым-Максимовым – 270, 271, 319
Максимов С.В. – 72, 395
Максимова В.А. – 204
«“Искра”» и «“Заря”» – 204
Малиновский А.А. см. Богданов А.А.
Мальмстад (Малмотад) Дж. – 153, 411
Малютин С.В. – 19
Малявин Ф.А. – 19, 143, 258, 344, 463
Мамина А.С. – 202
Мамин-Сибиряк Д.Н. – 41, 86, 174, 183, 202, 395, 429
«Любовь куклы» – 202
«Медовые реки. Очерки IV, V, VII: Перекати-поле. Душевный глад. Сибирские старцы, кухарка Агафья и гражданин Рихтер» – 86
Мамонтов С.С. – 289
«Две встречи с Чеховым» – 289
Мандельштам М.Л. – 236
Мануйлов А.А. – 255, 346
Маныч П.Д. – 453
Марков А.В. – 48
«Беломорские былины, записанные А.Марковым. С предисловием проф. В.Ф.Миллера» – 48
Марков Е.Л. – 263
Маркович Л.З. (Л.М-ч) – 122
«Два певца» – 122

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Маркс А.Ф. – 52, 66, 104, 113, 131, 132, 151, 229, 339, 347, 412, 421
- Маркс К. – 98, 184
- Марлинский (Бестужев А.А.) – 227
- Мартов Л.О. (Нарцисс Тупорылов) – 45
«Гимн новейшего русского социалиста» – 45
- Мархлевский Ю.Ю. – 227
- Масанов И.Ф. – 435
«Словарь псевдонимов русских писателей» – 435
- Маттерн Э.Э. – 460
- Матюрников Ф.И. – 186
- Махалов С.Д. – 414
- Мачтет Г.А. – 81
- Маяковский В.В. – 389
«Я сам» – 389
- Медведев Г. – 201
«Врач-художник» – 201
- «Международный Толстовский альманах» – 263
- Мезьер А.В. – 145
«Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Ч. I. Русская словесность с XI по XVIII в.» – 49
«Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Библиографический указатель. Часть II. Русская словесность XVIII и XIX столетия. С предисловием Н.А.Рубакина» – 145
- Мейерхольд В.Э. – 20, 51, 110, 173, 202, 242, 280, 345, 364, 365, 394, 431, 442
«Театр (К истории и технике)» – 173
- Мельников П.И. (Печерский А.) – 395
- Мельшин Л. см. Якубович П.Ф.
- Менделеев Д.И. – 95
«Заметки о народном просвещении России» – 95
- Менделеева-Блок Л.Д. – 79, 225, 304, 358, 401, 419
- Менжинский В.Р. – 458
- Меньшиков М.О. (М. М-в) – 37, 49, 50, 64, 67, 73, 137, 169, 257, 270, 271, 326
«Думы о счастье (Семья. Народ. Природа и проч.)» – 50
«Из писем к ближним» – 257
«Критические очерки. Т. II (Красивый цинизм. Вожди народные. Слово о мужиках) и др.)» – 169
«Начало жизни. Нравственно-философские очерки (Вера в жизнь. Женщина-мать. Семья. Дети и проч.)» – 67
«Письма к ближним» – 137
«Титан и пигмеи: тоже стиль модерн» – 270
- Мережковские – 57, 109, 117, 143, 253, 304, 305, 310, 319, 346, 367, 376, 400, 401, 428, 431, 465
- Мережковский Д.С. – 8, 14, 15, 28, 29, 36, 39, 46, 47, 52, 62, 64, 65, 79-81, 88-90, 99, 101-104, 108, 109, 111-113, 117, 118, 121, 126, 129, 143, 146, 149, 150, 152, 155, 160, 172, 176, 183-186, 208, 210-212, 217, 219, 225, 239, 242, 252, 254, 259-261, 292, 297, 300-302, 305, 319, 321, 322-326, 351, 353, 355, 361, 362, 370, 374, 375, 376, 393, 395, 400, 401, 421, 422, 426, 427, 429, 431, 433, 450, 451, 456, 462, 464, 466, 467
«Возвращение» – 15
«Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» – 102-104, 108
«Дафнис и Хлоя. Древнегреческая повесть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на острове Лесбосе» – 421
«Дневники» – 242

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Задумчивый сентябрь» – 15
«За или против?» – 374
«Л.Толстой и Достоевский» – 46, 129, 146, 219, 401
«Л.Толстой и Достоевский. Том 2. Религия Л.Толстого и Достоевского» – 183-186
«Л.Толстой и Наполеон-Антихрист» – 8, 29
«Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV века» – 121
«Монах» – 15
«О гигантах и пигмеях» – 185
«О новом значении древней трагедии» – 208
«О плоти», реф. – 149
«О свободе слова» – 426
«Ответ Д.С.Мережковского г. А.Б.» – 252
«Отношение Льва Толстого к христианству», реф. – 28
«Петр и Алексей» – 104, 211, 355, 374, 466, 467
«Русская культура и религия», реф. – 118
«Смерть богов. Юлиан Отступник» – 80, 102-104
«Собрание стихов» – 325
«Судьба Гоголя» – 90, 150, 219, 260, 261
«Христос и Антихрист» – 80, 102, 104, 355
Метерлинк М. – 10, 85, 178, 201, 252, 253, 346, 352, 361, 362, 364, 393, 398, 399, 408, 412, 416, 441, 460
«Алладина и Паломид» – 398
«В доме» – 398
«Вторжение» – 460
«Драмы» – 398
«Монна Ванна» – 252, 253, 362
«Мудрость и судьба» – 408, 441
«Непрошенная» – 398, 441
«Пеллеас и Мелизанда» – 361, 398
«Принцесса Малена» – 398
«Пьесы» – 398
«Слепцы» («Слепые») – 398, 441, 460
«Сокровище смиренных» – 441
«Тайны души» – 393
«Там – внутри» («Внутри») – 441, 460
«Чудо святого Антония» – 460
Метнер Н.К. – 211
Метнер Э.К. (Э.) – 177, 178, 195, 211, 222, 238-239, 252, 264, 266, 267, 277, 278, 296, 297, 304, 319, 322, 388
«Маленький юбилей одной “странной” книги» (1902-1912)» – 177
Мечников И.И. – 114, 281
Мещерский В.П. – 43, 75, 151, 409
«Дневники» – 151, 409
Микеланджело Буонаротти (Микель-Анжело) – 322
Миклашевский М.П. (Неведомский М.) – 275, 354, 380-382, 384-386, 403-405, 435, 473
«О современном искусстве. Леонид Андреев» – 275
«О современном искусстве (По поводу сборников “Знания”)» – 380, 404
Милицына Е.М. – 356, 440
«Рассказы» («В лесу», «В тихом уголке», «Деревенские картинки», «За светом», «Утра») и др. – 356, 440
Миллер В.Ф. – 48, 395
Милюков П.Н. – 50
Милль Дж. Ст. – 434
«Основы политической экономики» – 434
Минин П. – 377
«Лекция Бальмонта» – 377

**Летопись литературных событий в России .
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Минский Н.М. (Виленкин Н.М.) – 8, 49, 62, 64, 74, 79, 81, 126, 152, 201, 218, 219, 244, 250, 265, 271, 301, 305, 306, 351, 361, 362, 375, 406, 429, 443, 449, 452, 453, 463, 473
«Двуединство нравственного идеала» – 219
«Еще о свободе совести (ответ г. Сигме)» – 219
«О двух путях добра» – 301
«О свободе религиозной совести» – 218, 219
«Философские разговоры» – 74
- Мицц З.Г. – 192, 240, 425
«Александр Блок и русские писатели» – 192
«О первом томе лирики Блока» – 425
- Мирбо О. – 86
«Двадцать один день неврастеника» – 86
- Мирович В. (Малахиева В.Г.) – 126, 227
«О первом представлении пьесы “На дне”» – 227
- Миролубов В.С. – 78, 85, 99, 111, 112, 118, 149, 171, 221, 223, 234, 250, 260, 276, 311, 314, 316, 368, 419, 427, 435, 453
- Миропольский А.Л. (Ланг А.А.) – 207, 351, 371, 435
«Лествица» – 207
- Миртов О. (Котылева О.Э.) – 312
«Апофеоз догматов» – 312
- Митрофанов М.М. (Михаил Москаль) – 169
«Оправдание зла. Пафос М. Горького» – 169
- Михаил Сергеевич см. Соловьев М.С.
- Михайлов Д.Н. – 60, 122
«Очерки русской поэзии XIX века» – 60, 122
- Михайлов К.М. (Гулливер) – 300
- «Антон Чехов и Антон Крайний» – 300
- Михайлова М.В. – 341
- Михайлова Н. – 408
- Михайловский Н.К. – 15, 24, 31, 37, 39, 40, 41, 43, 45, 49, 50, 64, 70, 71, 82, 92, 94, 98, 109, 116, 138, 142, 148, 161, 162, 167, 183-185, 188, 190, 194, 200, 216, 242, 270, 311, 357, 359, 360, 367, 369, 425, 432, 433, 449
«Литература и жизнь» – 138, 184, 242
«Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1» – 449
«О книге г. Бердяева с предисловием г-на Струве и о себе самом» – 39, 40
«О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова» – 148
«Отклики»: В 2 т. – 425
«Отрывки о религии. I-II» – 70, 98
«Последние сочинения» – 24
- Могиланский М.М. – 407
- Моисеева А.М. (Мирэ) – 460
- Молоствов Н.Г. – 108, 186, 281, 282
«Борец за идеализм (слово правды о А.Л.Вольнском). С приложением ряда публикаций Вольнского, относящихся к современной литературе» – 108, 186
«Как и где читается Толстой» – 281-282
- Мопассан Ги, де – 59, 89, 460
- Мордовцев Д.Л. – 199
- Морис Ш. – 460
- Морковин Б.В. – 54
- Морозов П.О. (Северов) – 24, 47, 61, 138, 163, 167, 193, 231, 258, 261
- Морозов С.Н. – 6
- Морозов С.Т. – 187
- Морозова В.А. – 14
- Москвин И.М. – 226, 227, 414
- Муйжель В.В. – 421

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «В непогоду» – 421
Муравлин (Гоголь) Д.П. – 30
Муратова К.Д. – 5
Муромцева-Бунина В.Н. – 201
 «Жизнь Бунина» – 201
Мурузи А.Д. – 118
Мусатов см. Борисов-Мусатов В.Э.
Мускаблит Ф.Г. (М-с) – 136
 «В Ясной Поляне» – 136
Мухина Е.М. – 417
«Мысли мудрых людей на каждый день», сб., составленный Л.Н.Толстым. – 305
Мюссе А. де – 11
Мякотин В.А. – 43, 50, 233
- Надсон С.Я. – 106, 121, 152, 342
 «Недопетые песни (Из по-
 смертных бумаг)» – 121
Наживин И.Ф. – 19, 86, 406
 «У дверей жизни. Очерки и
 рассказы» – 406
 «У лукоморья» – 86
 «Убогая Русь» – 19
Назаревский В.В. – 355
Найденов С.А. – 125, 126, 144, 165,
 175, 224, 238, 329, 335, 336,
 340, 354, 372, 406, 430, 434,
 451, 452, 466
 «Авдотьяна жизнь» – 434, 451,
 452
 «Блудный сын» – 406
 «Богатый человек (Особняк)» –
 335, 336(пьеса), 372, 406, 430, 466
 «Дети Ванюшина» – 125, 126,
 144, 165, 238, 406
 «№ 13» («Номер тринадца-
 тый») – 329, 406
 «Пьесы». Т. 1 – 406
<Найденова-Мальская И.И.> – 434
 (жена)
Накрохин П.Е. – 317, 318
 «Идиллии в прозе» – 317
Наполеон Бонапарт – 29
Наумов А.А. – 132
- Наумов Н.И. – 118
Неведомский М.П. – см. Микла-
 шевский М.П.
Невежин П.М. – 95
 «Драматические сочинения. Т.
 II» – 95
Некрасов Н.А. – 142, 150, 223, 224,
 235, 254, 338, 342, 387, 392,
 432, 439
 «Мороз, Красный нос» – 223
 «Русские женщины» – 392
Немирович-Данченко Вас.И. –
 157, 421
 «На войну. От Петербурга до
 Порт-Артура. Из писем с доро-
 ги» – 421
Немирович-Данченко Вл.И. – 20,
 21, 45, 99, 100, 110, 126, 135,
 136, 157, 162, 167, 181, 195,
 196, 221, 226, 228, 238, 255,
 280, 362, 363, 414
 «В мечтах» – 110, 126, 238
 «Около жизни» – 99
Нестеров М.В. – 19, 51, 52, 159,
 225, 258, 384
Нефедов Ф.Д. – 159
Николаев А. – 393
Николаев П.Ф. (П.Н.) – 205, 327
Николай I – 290, 392
Николай II – 53, 54, 133(Государь),
 158, 173, 270, 370, 424, 454
Николай Михайлович, вел. кн. см.
 Романов Н.М.
Никольский Б.В. – 126, 168
Никольский В.А. – 429
 «Сто русских писателей. Порт-
 реты, биографические данные,
 образцы произведений» – 429
Николюкин А.Н. – 5
Нилендер В.О. – 465
Нилус С.А. – 124
 «Голос веры из мира торжест-
 вующего неверия. Поездка в
 Саровскую пустынь» – 124
Нинов А.А. – 100

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «М.Горький и Ив.Бунин. История отношений. Проблемы творчества» – 100
- Ницше Ф. (Нитцше, Нитче, Ницше, Нитше) – 11, 36, 41, 47, 54, 55, 68, 82, 86, 87, 98, 127, 147, 160, 184, 203, 234, 235, 240, 264, 276, 278, 282, 347, 352, 367, 383-385, 393, 399, 462
<«Так говорил Заратустра»> – 82 («Заратустра»)
«По ту сторону добра и зла» – 393
«Собрание сочинений в 10 т.» – 127, 347
- Новгородцев П.И. – 26, 212, 347
«Идея права в философии Вл.С.Соловьева» – 26
- Новиков А.И. – 78
- Новиков И.А. – 391
«Искания. Сборник (повестей, рассказов и драм)» – 391
- Новоселов М.А. (М.Н-в) – 28, 69
- Нордау М. – 50, 345
«Политическая равноправность евреев» – 50
- Носилов К.Д. – 174
- Нувель В.Ф. – 362
- Нурок А.П. (Силэн) – 253, 362
«“Новое время” о западном искусстве» – 253
- О.П. – 83
«Идея силы в произведениях М.Горького» – 83
- Оболенский Л.Е. – 21, 49, 208
«Максим Горький и причины его успеха (Опыт параллели с А.Чеховым и Глебом Успенским)» – 208
- Овидий – 262
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. – 122, 197, 213, 282, 354
«А.П.Чехов» – 197
- «А.С.Пушкин как художественный гений» – 197
«Вопросы психологии творчества» – 197
«Гений Гете» – 197
«История русской литературы XIX века» – 122
«К психологии мысли и творчества» – 197
«Литературные беседы» – 213
«Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве (К теории и психологии художественного творчества)» – 282
- Огарев Н.П. – 310, 406
«Стихотворения». Т. 1, 2 – 406
- Огарева-Тучкова Н.А. – 284
«Воспоминания» – 284
- Ожегов М.И. – 83
«Моя жизнь и песни для народа. Книга 1» – 83
«Песни и стихотворения самоучки писателя-крестьянина. Книга 2-я» – 83
«Песни в духе народа своего края. Книга 3-я» – 83
- Оленина-д-Альгейм М.А. – 210, 345, 453
- Ольга Михайловна см. Соловьева О.М.
- Ольденбургский П.А. – 65
- Ольминский М.С. – 456
- Опульская Л.Д. – 370
«Толстой и русские писатели конца XIX – начала XX в.» – 370
- Ореус И.И. – 334 (отец)
- Орленев П.Н. – 452
- Орлов В.Н. – 5
- Осипов И. (Абельсон И.О.) – 473
- Островский А.Н. – 126, 162
- Острогорский В.П. – 161
- Остроумова (Лебедева) А.П. – 19
- Оутомара – 378
- Офеня – 353

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

«По книжной части» – 353

П. – 276

«Мимоходом» – 276

П.К. см Климентов П.С.

П.Ш. – 249, 452

«Гастроли П.Н.Орленева в Берлине» – 452

П.Я. см. Якубович П.Ф.

Павленков Ф.Ф. – 105

Павлов Д. – 420

Павлов И.П. – 62

Павлов Н.М. – 291

«Заметки на заметку» – 291

Павлов П.Е. – 452

Павлова А.П. – 448

Павлова К.К. – 56, 407

Павлова М.М. – 159, 192, 270

Палкин К.П. – 31

Пантелеев Л.Ф. – 43

Пантюхов М.И. (М.Пант-ов) – 383, 385

Парамонов Н.Е. – 248

Паскаль Б. – 235

Пастернак Б.Л. – 463

Пастернак Л.О. – 19, 151, 339, 463

Пентаур см. Брюсов В.Я.

Перельман О.И. см. Дымов О.

Перемиловский В.В. – 398

«Метерлинк и Пшибышевский» – 398

Перцов П.П. – 6, 8, 22, 56, 57, 81, 89, 90, 128, 143, 159-161, 191-194, 201, 208, 211, 214, 217, 218, 238, 252-255, 259-261, 265-268, 270, 271, 274, 286-289, 292, 297, 298, 302, 310, 331, 339, 345, 346, 350, 351, 358, 366, 376, 378, 396, 399, 420, 428, 455

«Брюсовское стихотворение “Младшим”» – 274

«Желтые или белые?» – 350

«Литературные воспоминания» – 193, 218, 238, 255, 259, 265, 286, 288, 289

«Первый сборник. Славянофильство. – Литература и театр. – Путевые очерки» – 208

«Ранний Блок» – 193, 218, 238, 259, 265

«Песни борьбы», сб. (изд. Самарского комитета РСДРП) – 230

«Песни борьбы», сб. (изд. Союза русских социал-демократов) – 230

«Песни революции», сб. – 230

Петерсен В.К. (А-т) – 21

Петр Великий – 34, 374

Петров Г.С. (Старый Г.) – 283, 284, 339, 403, 471

«Братья-писатели!» – 283

Петрова А.М. – 80, 297, 399, 423

Петрова М.Г. – 148, 161, 181, 217, 360

«Блок и народническая демократия» – 161

«Михайловский Н.К.» – 360

Петровская Н.И. – 372

«Последняя ночь» – 372

Петровский А.С. – 26, 117, 118, 266, 267, 277, 294, 295, 304, 319, 465

«Памяти Владимира Сергеевича Соловьева» – 26

Печерский А. см. Мельников П.И.

Печковский А.П. – 319

Пешехонов А.В. – 42, 50

Пешков М.А. – 400, 474

Пешкова Е.П. – 38, 41, 311, 349, 354, 357, 359, 369, 397, 400, 415, 421, 426, 434, 451, 474

Пешковский А.М. – 11, 111, 136

Пильский П.М. (Журналист) – 220, 416

Пирожков М.В. – 218, 269, 343, 408, 421

Писарев Д.И. – 54, 139, 299, 397

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством “Скорпион” (Ред. и примеч. Валерия Брюсова)» – 247, 248
- Питалева А.М. – 85
- Питерец – 12
- Пифагор – 155
- Плевако С.Ф. – 202
- Плеве В.К. – 216, 217, 315, 331, 418
- Плетнев А. – 169
- «Максим Горький» – 169
- Плеханов Г.В. – 50, 119
- Плещеев А.Н. – 331
- «Вперед без страха и сомнения» – 331
- По Э. – 48, 49, 106, 288, 387
- «Колокола» – 106
- «Собрание сочинений. Т. 1. Поэмы, сказки», перев. К.Бальмонта – 48
- Победоносцев К.П. – 14, 99, 132, 270, 271
- Подарский В.Г. см. Русанов Н.С.
- Подъячев С.П. – 198, 289, 444
- «Мытарства (Очерки Московского работного дома)» – 198
- «По этапу (Наброски)» – 289
- «Среди рабочих. Очерки с натуры» – 444
- Позняков Н.И. – 36
- Покровский А.И. – 410
- «Современное декадентство перед судом вековых идеалов» – 410
- Поленов В.Д. – 143
- Поленц В. фон – 137, 224
- «Крестьянин» – 137, 224
- Поливанов В.П. – 465
- Полонский Я.П. – 140, 152
- Поляков В.Л. – 126-127, 268
- Поляков С.А. – 48, 76, 109, 178, 248, 284, 293, 331, 345, 350, 351, 423, 455
- «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая», лит.-худ. сб. – 66
- Помяловский Н.Г. – 61
- Попов В.И. – 292
- «Православная церковь по учению наших светских писателей: А.С.Хомякова, Ф.Г.Тернера и В.С.Соловьева» – 292
- Попов Г.Н. – 351
- Попов И.И. – 118
- Попова О.Н. – 48, 248
- Порфиоров П.Ф. – 441
- «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, частоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.». в 4 т., собр. В.И.Далем – 460
- Поссе В.А. (Шведов В.) – 21, 39, 41, 43, 49, 50, 52, 71, 109, 115, 131, 139, 179
- «М.Горький в западной литературе» – 139
- «Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864-1917 гг.)» – 39
- «Московский Художественный театр (по поводу его петербургских гастролей)» – 21
- Потапенко И.Н. (Неизвестный) – 21, 43, 101, 116, 132, 138, 327, 339
- «Земля. Повесть» – 101
- «Лишенный прав. Пьеса в 4 действиях» – 101
- «Путь к славе» – 116
- Потемкин В.П. – 354
- Потехин С.М. – 27
- «Критика толстовства В.С. Соловьевым» – 27
- Потоцкая М.А. – 284
- Потресов С.В. (Яблоновский С.) – 113, 150, 163, 226, 344, 357, 373, 398, 470
- «На выставке» – 344

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Новые песни» – 163
 «Родные картины» – 398
 Потье Э. – 180
 «Интернационал» – 180
 Поярков Н.Е. (Ярков Н.) – 371,
 378, 397, 406
 Православный – 64
 «Открытое письмо графу и гра-
 фине Толстым» – 64
 «Проблемы идеализма», сб. – 212-
 214
 Протопопов М.А. – 24, 94, 194,
 283, 299
 «Критики-эстетики» – 194, 299
 Протопопов С.Д. – 28
 «Беглые заметки» – 28
 Прудон П.-Ж. – 11
 Прусик Б. – 100
 Пуришева К.Н. – 176
 «Библиотека Брюсова» – 176
 Пушешников Н.А. – 171
 Пушкин А.С. – 55, 56, 60, 75, 90,
 150-152, 177, 197, 224, 235,
 248, 254, 261, 288, 290, 291,
 310, 311, 317, 318, 330, 334,
 342, 398, 439
 «Гавриилиада» – 290, 291
 «Евгений Онегин» – 235
 «Медный всадник» – 235, 254
 Пчельников П.М. – 362
 Пшибышевский С. – 114, 261, 288,
 299, 345, 352, 354, 365, 399,
 423, 442
 «Памяти Шопена» – 299
 «Снег» – 345, 354, 365, 442
 Пыпин А.И. (А.П.) – 392
 Пыпин А.Н. (Т.) – 48, 338, 447
 П.Я. – см. Якубович П.Я.
 Пяст В.А. – 287
 «Воспоминания о Блоке» – 287
 Пятковский А.П. – 273
 Пятницкий К.П. – 8, 82, 84, 91, 95,
 100, 115, 120, 121, 133, 141,
 165, 166, 170, 172, 187, 202,
 226, 228, 234, 241, 244, 264,
 273, 304, 311, 317-319, 379,
 381, 383, 385, 400, 410, 431, 465
 Рабинович С.Н. см. Шолом-Алей-
 хем
 Радин Л.П. (Северов Л.) – 116
 «Объективизм в искусстве и
 критике» – 116
 Радлов Э.Л. – 26
 Разин С.Т. – 186
 Рассохин С.Ф. – 102
 Рафалович С.Л. – 351, 373, 430,
 452, 474
 «Петербургские театры» – 373,
 430, 452
 Рахманинов С.В. – 113
 Рачинский Г.А. – 26, 36, 118, 319,
 465
 «Взгляд В.С. Соловьева на кра-
 соту» – 26
 «Трагедия Ницше» – 36
 Рачинский И.И. – 351
 Ребиков В.И. – 351
 Редько А.Е. – 471
 Редько А.М. – 433
 «Диссонансы настроения» –
 433
 Резниченко А.И. – 147
 Рейнгардт М. – 472
 Рейфилд Д. – 54, 132
 Ремизов А.М. (Молдаванов Н.) –
 197, 198, 209, 210, 215, 250,
 260, 265, 267, 277, 287, 288,
 299, 321, 332, 345, 351, 365,
 371, 372, 394, 462
 «Бebка» – 197, 209
 «В вагоне» – 260
 «Влага» – 250
 «В плену» – 197
 «Демон (к картине Врубеля)»,
 лирический этюд – 215
 «Заутреня» – 260
 «Иван Купал» – 372
 «Иверень» – 198
 «Колыбельная песня» – 209

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «Кутьи-войсы» – 250
«Лепесток» – 299
«Мгла» – 198
«Медведюшка» – 287-288 (рас-
сказ)
«Музыка» – 250
«Над колыбелькою» – 250
«На этапе. Эскизы» – 260
«Осенняя песня» – 198
«Плач девушки перед замуже-
ством» («Эпиталама») – 197,
198
«Северные цветы» – 267
«Скандальники» – 260
«Тараканий пастух» – 260
«Товарищество новой драмы»
<В.Мейерхольда> – 394
«Чайка» – 299
«Черти» – 260
Ремизова-Довгелло С.П. – 277,
345, 365
Ремингтон Ф. – 247
Ренан Ж.Э. – 55
Ренья А. де – 346, 460
Репин И.Е. – 19, 30, 40, 44, 49, 223,
249, 268, 383, 396, 425
«Воспоминания о В.В.Вере-
щагине» – 396
«Воспоминания, статьи и
письма из-за границы. Под ред.
Н.Б.Северовой» – 49
Рерих Н.К. – 30, 249, 258, 344, 366
Рескин Д. – 460
Решетников Ф.М. – 328
Ривкин Н.И. – 346
Риккерт Г. – 424
Риль А. – 424
Рильке Р.-М. – 151, 152, 193
Римский-Корсаков А.Н. – 41
Риникер Д. – 141
Роденбах Ж. – 346, 412, 460
Рождественский В.Г. – 27
«О значении деятельности В.С.
Соловьева (Речь, читанная в
публичном собрании Санкт-
Петербургского философского
общества 26 ноября 1900 г.)» –
27
Рожков Н.А. – 354
Розанов В.В. (В.Р.-в, Мирянин,
Ibis, В.Варварин) – 8, 28, 33,
36, 37, 40, 49, 56, 60, 73, 75, 78,
79, 81, 95-99, 104, 111-114, 124,
125, 127, 129, 139, 152, 184,
185, 194, 212, 219, 221, 223,
229, 237, 239, 251, 254, 262,
263, 270, 275, 276, 292, 296,
300, 301, 303, 305-307, 330,
351, 361, 362, 372, 375, 382,
392, 393, 422, 427, 428, 462
«Вл.Соловьев и Достоевский» –
124
«В мире неясного и нерешен-
ного» – 36, 129, 392
«Гоголь» – 223
«25-летие кончины Некрасова»
– 223
«Заметка о Мережковском» –
184, 185, 254
«Звезды» – 98
«Ив. Сергеевич Тургенев. (К
20-летию со дня смерти)» – 303
«Издание сочинений Влад.С.Со-
ловьева» – 239
«Из житейских и литературных
мелочей» – 237
«Интересные размышления
Скабичевского» – 98
«Концы и начала, “божествен-
ное” и “демоническое”, боги и
демоны (по поводу главного
сюжета поэмы
М.Ю.Лермонтова “Демон”)» –
194
«Критические этюды. 1. Дека-
денты» – 372
«Легенда о Великом Инквизи-
торе Ф.М.Достоевского. Опыт
критического анализа, с при-

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- соединением двух этюдов о Гоголе» – 104
«Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского. Опыт критического комментария» – 229
«Литература и литераторы» – 75
«Литературные очерки. Сборник статей» – 113, 229
«Место христианства в истории» – 392
«На панихиде по Вл. С. Соловьеву» – 78
«На полях непрочитанной книги» – 56
«Новые вкусы в философии» – 462
«О благодущии Некрасова» – 254
«Об одной особенной заслуге Влад.Соловьева» – 125, 427
«О главном сомнении гр. Л.Н. Толстого» – 78
«Одно воспоминание о Л.Н. Толстом» – 263
«Около церковных стен» – 78
«О некоторых подробностях церковного воззрения на брак», лекция – 301
«Ответ г. Меньшикову» – 270
«Поездка в Ясную Поляну» – 263
«По поводу письма гр. С.А. Толстой» – 221
«Психика и быт студенчества» – 375
«Религиозно-философские собрания» – 111
«Религия и культура. Сборник статей» – 60
«Семейный вопрос в России» (Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятия – незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия). Т. 1 и Т. 2 – 306-307
«Семья как религия» – 36
«Серьезный критик» – 270
«Среди иноязычных. (Д.С.Мережковский)» – 300
«Среди обманутых и обманувшихся» – 422
«Среди художников» – 95
«Тема нашего времени» – 40
«Трепетное дерево» – 97, 98
«Успехи нашей скульптуры» – 49
«Философ-Рудин» – 73
«Что сказал Тезею Эдип? (Тайна Сфинкса)» – 361
«Шестидесятые годы и “утилитарная” критика (Маленькое возражение Н.А.Энгельгардту на его проект “переоценки ценностей” литературных)» – 251
«Юдаизм» – 296
<Розанова В.Д.> – 262 (жена)
<Романов А.Н.> – 424 (Алексей, царевич)
Романов И.Ф. (Рцы) – 64
<Романов Н.М.> – 170 (Николай Михайлович, вел. кн.)
<Романов С.А.> – 141 (Сергей Александрович, вел. кн.)
<Романов С.М.> – 181 (Сергей Михайлович, вел.кн.)
Романовская Н.В. – 125
Романский Т. см. Карташев А.В.
Роскина Н.А. – 54, 132
Рославлев А.С. – 277
Россовский Н.А. – 284
«Александринский театр» – 284
Россоломо Г.И. – 25
«Искусство, больные нервы и воспитание» – 25
Ростиславов А.А. – 19, 170, 373, 414

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «Наша живопись» – 170
«Свобода живописи» – 19
«Цена таланта» – 414
Рубакин Н.А. – 43, 50, 145, 216, 255, 379
«Размагниченный интеллигент» – 50
«Читательская выучка» – 255
Рузвельт Т. – 199
Рукавишников И.С. – 48, 396
«Стихотворения и проза. Кн. 1» – 48
«Книга 3-я. Стихотворения» – 396
Рунт Б.М. – 459
Русаков В. (Либрович С.Ф.) – 460
Русанов Н.С. (Подарский В.Г.) – 21, 23, 51, 61, 68, 106, 128, 138, 148, 156, 161, 190, 191
«Наша текущая жизнь» – 190, 191
Русов Н.Н. – 346
Руссо Ж.-Ж. – 66
Рылов А.А. – 19
Рыскин Е.И. – 229, 328
«Основные издания сочинений русских писателей: XIX век» – 229, 328
Рябинин И.Т. – 158
Рябушкин А.П. – 19
- С. – 247
С.Н.Р. – 295
«Серафим Саровский и Лев Толстой» – 295
Сабашникова М.В. – 256
Сабашниковы (М.В. и С.В.) – 114, 181, 284, 406
Саблин В.М. – 229, 340, 399, 441, 450, 462
Савина М.Г. – 215
Савинков Б.В. – 210
Савицкая Л.И. – 284 (Люси)
Савицкая М.Г. – 20
- Саводник В.Ф. (В.С.) – 18, 63, 98, 397
«Ницшеанец сороковых годов. Макс Штирнер и его философии эгоизма» – 98
«Современная русская лирика» – 63
Садковский С.М. – 67
«Вл.С.Соловьев о гр. Л.Толстом» – 67
Садовой Б.А. – 352, 377, 425
«“Весы” (Воспоминания сотрудника)» – 377
Сакулин П.Н. – 78, 346, 447
Салтыков М.Е. (Салтыков-Щедрин М.Е., Щедрин М.) – 61, 150, 283
Самыгин М.В. (Криницкий М.) – 56, 290, 351
«Умный и глупый» – 56
«Чающие движения воды» – 290
Сапунов Н.Н. – 352
Сафо – 340
Сафонов С.А. (Серг. Печорин) – 46
«Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703-1903» – 232
«Сборник товарищества “Знание” за 1903 год» – 379, 402
«Сборник товарищества “Знание” за 1904 год. Книга третья» – 469, 472
Свенцицкий В.П. – 347, 359, 402, 429
Свирицкий А.И. – 144
«Преступник (записки арестанта) и рассказы» – 144
Свистунова Е.Е. – 459
Святополк-Мирский П.Д. – 65, 162, 419, 426
«Северные цветы», альм.1901 г. – 55-59, 126
«Северные цветы», альм.1902 г. – 152-154

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Северные цветы. Третий альманах». – 239, 265-268, 288, 301
«Северные цветы, Ассирийские», альм. – 411
Северов Л. см. Радин Л.П.
Северова Н.Б. – 49
Северянин И. (Лотарев. И.В.) – 440, 449
 «Гибель “Рюрика”» – 449
 «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры» – 440
 «Подвиг “Новика”. К крейсеру “Изумруд”» – 449
Семевский В.И. – 50, 470
Семенов Л.Д. – 89, 127, 268, 361, 402, 423
Семенов М.Н. – 227, 351
Семенов С.Т. – 201, 397
 «В разлуке” и другие повести и рассказы» – 201
 «В родной деревне» – 397
Семенова С.Г. – 339
Семетковский Р.И. – 344
Сен-Симон А. – 11
Серафим Саровский – 294, 295
Серафимович А.С. – 10, 38, 106, 124, 128, 142, 172, 196, 203, 244, 245, 255, 315, 340, 354, 357, 368, 379, 380, 413, 415, 435, 459
 «В камышах» – 459
 «В пути» – 379
 «Встреча» – 106
 «Думы и грезы» – 124
 «Заметки» – 196
 «Месть» – 459
 «На лимане. Очерк» – 10
 «На льдине» – 459
 «Некогда» – 255
 «Обо всем» – 196
 «О том, как Епишка встречал Светло-Христово Воскресение» – 172
 «Очерки и рассказы. Книга 1» – 38
 «Под уклон» – 459
 «Преступление» – 203
 «Рассказы», 1-й т. – 459
Сергеев-Ценский С.Н. – 124, 234, 245, 274, 375, 451
 «Дифтерит» – 375
 «Забыл» – 274
 «Рассказы» – 245
 «Тундра (Из записок моего приятеля)» – 234, 274
 «Умру я скоро» – 274
Сергеевич С. – см. Голоушев С.С.
Сергеенко П.А. – 107, 200, 263
Сергей Александрович, вел. кн. – см. Романов С.А.
Сергей Михайлович, вел. кн. – см. Романов С.М.
Сергей Николаевич см. Толстой С.Н.
Сергий Ямбургский, еп. (Тихомиров С.А.) – 69, 111-113 (Сергий)
Сережа см. Соловьев С.М.
Серов В.А. – 18, 19, 349, 463
Сеченов И.М. – 66
Сигма – см. Сыромятников С.Н.
Сикорский И.А. – 202
 «О книге В.Вересаева “Записки врача”» – 202
Сиповский В.В. – 113
 «Пушкинская юбилейная литература (1899-1900). Критико-библиографический обзор» – 113
Сипягин Д.С. – 131, 132, 141, 170
Ситковецкая М.М. – 202
 «В.Э.Мейерхольд до Октября» – 202
Скабичевский А.М. – 49, 85, 94, 98, 105-107, 144, 245, 328, 337, 338, 348, 403
 «Кто из них прав?» – 144
 «Литературные волки» – 85

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- «Н.А.Добролюбов, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк» – 105
«Новые течения в современной литературе» – 106
Скворцов В.М. – 33, 69, 112, 117
«Со скрижалей сердца» – 117
Скворцов Н.А. (Н.Ск-в) – 90
Скворцова Н.В. – 265
«Раннее творчество Блока в оценке критиков и современников (1902-1905)» – 265
Скирмунт С.А. – 181, 434, 459
Скиталец (Петров С.Г.) – 17, 53, 55, 76, 78, 115, 116, 126, 166-168, 175, 179, 224, 228, 231, 357, 400, 402, 435, 454, 465, 469, 474
«Атаман» – 179
«Гусляр» – 224
«Дон-Кихот» – 116
«Колокол» – 78
«Композитор» – 166
«Кузнец» – 78
«Любовь декоратора» – 167
«Нет, я не с вами...» – 224
«Памяти Чехова» – 469
«Ранняя обедня» – 53
«Рассказы и песни. Том первый» – 166
«Сквозь строй. Повесть одной жизни» – 115, 166
«Спевка» – 167
«Стихотворения» – 179
«Чехов» – 175
Скрябин А.Н. – 169
Славинский М.А. (М.С.) – 94, 248, 296, 380, 381, 385, 386, 406
Случевский К.К. – 15, 56, 121-123, 150, 153, 281, 428, 429, 433
«Балетная» – 429
«Новые повести» – 429
«Одна из встреч с Тургеневым» – 429
«Песни из уголка» – 121-123
«Рассказ-симфония» – 429
«Смерть и бессмертие» – 281
Смидович В.В. см. Вересаев В.В.
Смирнов А.А. (Треплев) – 154, 183, 241, 251, 294
«Альманахи» – 154, 183
«Молодое сознание» – 251, 294
«Факт и возможность» – 241
Смирнов А.А. – 324, 326, 335, 350, 361, 440
«Поэт бесплотия» – 335
«О войне» – 350
«Таинственное и тайны» – 361
Смирнова-Сазонова С.И. – 215, 451
Смородский Ф. – 371
Собинов Л.В. – 225
Соболевский В.М. – 73, 255
Сожин Т. – 240, 313, 353, 365
«Культурные отголоски» – 365
Созонов Е.С. – 418
Сойкин П.П. – 258, 429
Соколов С. см. Кречетов С.А.
Соколов И. – 303
«Деревенская молодежь в ее песнях-частушках» – 303
Соколов Н.М. (Скиф Н.) – 190, 335, 382
Соколов П. – 113, 154
«Царь Иксион», рец. – 154
Сократ – 441
Соловьев Вл.С. – 11, 13, 25-27, 54, 56, 73, 79, 80, 81, 83, 84, 89, 91, 98, 101, 123-125, 140, 176, 192, 193, 204, 208, 235, 238, 239, 253, 254, 260, 278, 292, 295, 303, 312, 313, 318, 359, 399, 408, 410, 411, 418, 424, 425, 427, 429, 436, 439, 457, 467
«Из посмертных рукописей» – 13
«Лермонтов» – 25
«На Сайме зимой» – 436
«Об упадке средневекового мирозозерцания» – 26
«О Нитче» – 54

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Оправдание добра» – 411
«Письма» – 26
«Письма и записки» – 56
«Собрание сочинений» – 73, 84, 124, 411, 457
«Стихотворения», 5 изд. – 79, 425
«Судьба Пушкина» – 26
«Три разговора о войне, смерти, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями», 3-е изд. – 27, 81, 83, 408
Соловьев Вс.С. – 318
Соловьев Е.А. (А., Андреевич, Е. Андр-ич, В.Мирский, Скриба) – 12, 21, 25, 35, 38, 46, 54, 58, 59, 71, 72, 94, 103, 105, 144, 157, 167, 180, 212, 221, 241, 291, 306
«Наша литература» – 103
«Ницше» – 105
«О некоторых мнениях г. Подарского об А.П.Чехове» – 157
«О хищниках и одиноких людях» – 25
«Очерки по истории русской литературы XIX века» – 144
Соловьев М.С. – 25, 79, 84, 89 (Михаил Сергеевич), 90, 101, 117, 175, 238, 239
Соловьев С.М. – 79, 80, 89 (Сергей), 117, 176, 238, 239 (Сереза), 301-305, 319, 332, 341, 345, 358, 359, 372, 374, 375, 377, 399, 425, 429, 436, 438, 465, 469
«Цветник царевны» – 345
Соловьева О.М. – 79, 88, 89 (Ольга Михайловна), 117, 238, 239
Соловьева П.С. (Allegro, А.Меньшов) – 242, 243, 341
«Еще несколько слов о “лжи” Горького» – 243
«Ложь. “На дне” – драма Горького» – 243
Соловьевы – 88, 89, 118, 193
Сологуб Ф.К. – 56, 57, 62, 64, 79, 88, 126, 152, 229, 249, 250 (поэт), 267, 306, 308-310, 319-325, 330, 351, 356, 420, 422, 423, 426, 439, 440, 445, 461, 466, 467
«Баранчик» – 420
«В великом холоде могилы...» – 249
«В первоначальном мерцании...» – 249
«Водой холодной отражены...» – 423
«В сапогах и босиком» – 356
«Дрезденские скромницы» – 426
«Жало смерти. Рассказ о двух отроках» – 308, 309, 420
«Жалость и любовь» – 422
«Звезда Маир» – 324
«Земле земное» – 420
«Измученный гжучей болью...» – 249
«Книга сказок» – 439, 440
«Книголюбцам» – 423
«Когда я в бурном море плавал...» – 267
«Красота» – 420
«Мелкий бес» – 229, 309
«Милый паж» – 420
«Обруч» – 420
«Подземные песни» – 249
«Превращения» – 356
«С книгою и с книжкою» – 356
«Собрание стихов. 1897-1903» – 322
«С подчиненным и с начальником» – 356
«С учеником и с гостем» – 356
«Тени» – 323
«Утешение» – 420
«Учитель и конторщик» – 356
Соломин С. (Стечкин С.Я.) – 242

Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)

- «Верхи и дно» – 242
Сомов К.А. – 19, 143, 249, 280, 344, 463
Средин Л.В. – 96
Станкевич Н.В. – 445
Станиславский К.С. – 13, 20, 38, 45, 97, 162, 214, 228, 296, 350, 363, 415
«Моя жизнь в искусстве» – 38, 350
«Чехов» – 296
Станюкович К.М. – 19, 53, 282
«Из жизни моряков. Рассказы» – 19
«Утро» – 53
Старк Э.А. (Зигфрид) – 452, 473
Старый Петербуржец (Бурнашев В.П.?) – 155
«Новейшее слово искусства» – 155
Стасов В.В. – 87, 263, 280, 317, 383, 392
«Две декадентские выставки» – 280
Стасюлевич М.М. – 26, 283, 340
Стахович М.А. – 281
Степняк С.М. (Степняк-Кравчинский) – 33
Стернин Г.Ю. – 258
Стечкин Н.Я. (Стародум Н.Я.) – 259, 274, 290, 296, 330, 353, 357, 380, 383, 410, 428, 470, 471
«Журнальное обозрение» – 296, 330, 353
«Максим Горький» – 357, 410
«Максим Горький (Его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества)» – 410
«Случевский как поэт незримо» – 429
Столыпин А.А. – 370
Столяров М.Н. см. Ашевский С.
Столяров-Суханов М. (Суханов Ст.) – 186
«Правда о Максиме Горьком (Психологический этюд)» – 186
Стороженко Н.И. – 101
Стражев В.И. – 449
«Opuscula (Стихотворения и эскизы)» – 449
Страхов Ф.А. – 447
Стриндберг А. – 110, 346, 441
«Отец» – 441
Строев П.А. – 200
Струве П.Б. – 40, 70, 71, 95, 180, 189, 428
«Крепостная статистика. Из этюдов о крепостном хозяйстве» – 95
«На разные темы (1893-1901). Сборник статей» – 70, 180
Струженцов М.И. – 36
«Православное учение о браке по поводу воззрений на брак гр. Л.Н.Толстого и некоторых современных публицистов» – 36
Суан А.Дж. – 113
«Воспоминания о Рахманинове» – 113-114
Суан Е. – 113
«Воспоминания о Рахманинове» – 113-114
Суворин А.А. – 338
Суворин А.С. – 30, 31, 48, 53, 54, 64, 132, 139, 144, 145, 151, 152, 170, 196, 199, 200, 208, 273, 280, 283, 307, 316, 317, 319, 327, 344, 370, 393
«Дневник Алексея Сергеевича Суворина» – 54, 132, 145, 170, 200, 316, 317
«Маленькие письма» – 139
«Медя: драма в 4 действиях в стихах и прозе» (в соавт. с Бурениным В.П.) – 48
«Тайны души» М.Метерлинка, перев. – 393
«Чехов и Горький, или Люди и черти» – 273

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Судковский М.С. – 169
 «По поводу картины Врубеля»
 – 169
- Султанова Е.П. (Леткова Е.) – 257,
258, 329, 391
 «Раб» – 257, 258
- Сумбатов-Южин А.И. (Южин А.И.)
– 157, 255, 256, 336, 414
 «Личные заметки об общих во-
просах современного театра» –
157
 «Измена» – 336
- Сутугин С. (Эттингер О.Г.) – 21,
164
- Сузово-Кобылин А.В. – 151, 263
- Сухотин М.Л. – 131, 133, 159, 162
- Сухотина-Толстая Т.Л. – 210, 446
 «Друзья и гости Ясной Поляны
 (По личным воспоминаниям)»
 – 446
- Сыромятников С.Н. (Сигма) – 30,
219
- Сытин И.Д. – 97, 102, 207, 279, 421
- Сюлли-Прюдом Ф.А. – 110
- Сюннерберг К. см. Эрберг К.
- Т-цкий Л. см. Троицкий Л.Д.
- Тан Н. (Богораз В.Г.) – 134, 179,
298, 299, 409
 «Восемь племен. Роман из
 древней жизни крайнего севе-
 ро-востока» – 298-299
 «Домой» – 134
 «За океаном. Повесть из жизни
 русских в Америке» – 409
 «На красном камне» – 179
- Тальяд Л. – 53
- Тардов В.Г. (Ардов Т.) – 25
 «О сумерках духа» – 25
- Тарле Е.В. — 354
- Тарский К. – 389
- Телешов Н.Д. – 9, 10, 14, 20, 95,
106, 108, 109, 116, 154, 156,
157, 175, 183, 224, 228, 238,
244, 246, 336, 340, 354, 355,
379, 405, 413, 417, 454, 459, 466
 «Домой!» – 459
 «Елка Митрича» (Из жизни си-
 бирских переселенцев) – 95,
459
 «Записки писателя» – 157, 175,
224, 228, 340, 379, 405, 417
 «Между двух берегов» – 379
 «Мусью» – 116
 «Нужда» – 459
 «Певец Богоматери» – 355
 «Песнь о трех юношах» – 106,
459
 «Повести и рассказы» – 154
 «Рассказы. Т.1» – 246, 459
 «Хлеб-соль (Из дорожного аль-
 бома)» – 10
- Телешовы – 201
- Тернавцев В.А. – 99, 111, 112, 218
 «Русская церковь пред вели-
 кою задачей», докл. – 111, 218
- Тернер Ф.Г. – 292
- Тименчик Р.Д. – 334
- Тиминая С.И. – 32
- Тимирязев К.А. – 66, 255
- Тимковский Н.И. – 10, 72, 78, 97,
102, 248
 «Вместо сына» – 102
 «Два представления» – 102
 «Две семьи» – 10
 «Драма» – 102
 «Мысли Канта о нравственно-
 сти» – 72
 «Некогда» – 102
 «Повести и рассказы». Кн. II –
102
 «Ржавчина» – 78
 «Среди людей» – 102
 «Фараоновы коровы» – 97
- Тихомиров И.А. – 13, 450
- Тихонов А.А. (Луговой) – 174
- Тихонов А.Н. (Серебров А.) – 51,
187
- Толмачев М.В. – 325

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Толстая А.Л. – 400
Толстая М.Л. – 401
Толстая С.А. – 34, 35, 107, 146, 221
 «Дневники. В 2 т.» – 146
 «Ежедневник С.А.Толстой» – 107
Толстой А.К. – 142, 407
Толстой Л.Л. – 263
 «Отрывок из моего дневника 1903 г.» – 263
Толстой Л.Н. – 3, 6-8, 24, 27, 29, 31-36, 41, 43, 44, 47, 53-55, 61, 64, 65, 68, 69, 76, 78, 79, 82, 87, 89-92, 94, 98, 107, 108-111, 113-115, 119, 120, 124, 127, 131-133, 135-137, 146, 149, 151, 159, 160, 170-172, 174, 175, 179, 183-187, 192, 194-196, 199-201, 203, 210, 214, 221, 224, 229, 230, 240, 244, 245, 254, 256, 262-264, 269, 272, 273, 281-283, 291, 295, 301, 303, 304, 310, 311, 313, 317, 329, 349, 358, 368, 370, 382, 384, 392, 393, 398-401, 405, 406, 408, 409, 415, 416, 424, 429, 444, 446, 447, 453, 454, 456, 462, 466
 «Ассирийский царь Ассархадон» – 329, 466
 «Власть тьмы» – 214
 «Война и мир» – 186
 «Воскресение» – 44
 «Воспоминания» – 240
 «Восстановление упраздненного было Ада» – 263
 «Крейцера соната» – 36, 221
 «Обращение к духовенству» – 263
 «О веротерпимости» – 146
 «Одумайтесь!» – 408
 «Ответ на постановление Синода от 20-22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма» – 68
 «Ответ Синоду» – 53
 «Офицерская памятка» – 137
 «О Шекспире и о драме» – 317
 «После бала» – 303
 «Предисловие к роману В.Фон Поленца “Крестьянин”» – 137, 224
 «Солдатская памятка» – 137, 203
 «Три вопроса» – 329, 466
 «Труд, смерть и болезнь» – 329
 «Хаджи-Мурат» – 35, 203, 210
 «Царю и его помощникам» – 43, 44
Толстой С.Н. – 245, 262 (Сергей Николаевич)
Толстые – 64, 313
Тор-Гедберг – 110
Травин П.А. – 113
 «Думы. Книжка 1. Стихотворения» – 113
Тредьяковский В.К. – 15, 206
Тренев-Харьковский (Тренев К.А.) – 251
 «На извозчике» – 251
Тренч Г. – 125
Трепов Д.Ф. – 355
Трефиловы С.А. и Н.П. – 464
 «Война Японии с Россией» – 464
Троцкий Л.Д. (Антид Ото, Т-цкий Л.) – 106, 442
Трубецкой Е.Н. – 234, 235, 347, 393
 «Философия Ницше. Критический очерк» – 234-235, 393
Трубецкой П.П. – 49
Трубецкой С.Н. – 26, 30, 118, 212, 346
 «Основное начало учения В. Соловьева» – 26
Тургенев И.С. – 12, 106, 115, 152, 283, 331, 338, 343, 360, 363, 416, 429
Турыгин А.А. – 51, 159, 225, 384
Тыркова А.В. – 250

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Тютчев Ф.И. – 56, 75, 124, 140, 150, 152, 224, 285, 288, 291, 298, 322, 330, 342, 387, 407, 439
- Уайльд О. – 178, 311, 332, 341, 342, 387, 407
«Баллада Редингской тюрьмы» – 311, 332, 407
«Саломея» – 341
- Уитмен У. – 418
- Умов Н.А. – 30
- Урусов А.И. – 56, 57
- Успенский В.В. (Бартнев Б.) – 361
- Успенский Г.И. – 54, 115, 154, 155, 160, 180, 196, 208, 283, 359
- Ф.А. – 245
- Ф.С. (Солодовников Ф.?) – 114
- Фальконе Э.-М. – 49
- Фаня – см. Ловцкая Ф.И.
- Фаресов А.И. – 398
«Против течений. Н.С.Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем» – 398
- Федоров А.М. – 15, 46, 56, 102, 248, 251, 385, 450
«Бурелом» – 248
«Земля» – 251
«На Востоке. Очерки» – 450
«Обыкновенная женщина» – 248
«Рассказы». Т. 2 – 248
«Старый дом. Драма в 4 действиях» – 46, 102, 248
«Стихия» – 248
- Федоров Н.Ф. – 339
- Федорова-Давыдова А.А. – 339
- Федотова Г.Н. – 362
- Фейгин Я.А. (Ф-ин) – 125
- Феличе – 392
- Феофилактов Н.П. – 352
- Ферран А. – 287
- Фет А.А. – 56, 76, 140, 152, 235, 236, 260, 285, 322, 333, 342, 387, 407, 439
«Источник нашего нигилизма» – 152
- Фидлер Ф.Ф. – 7, 14, 15, 42, 43, 88, 89, 132, 150, 160, 187, 345, 357, 358, 360, 365, 375, 395, 429, 433, 447, 448
- Филиппов А.Ф. – 392
- Философов Д.В. – 21, 25, 29, 37, 45, 117, 153, 154, 172, 214, 218, 235, 243, 268, 269, 272, 286, 292, 310, 320, 323, 327, 333, 352, 357, 362, 383, 396, 420, 428, 451, 473
«Дядя Ваня», ст. – 25
«Завтрашнее мещанство» – 473
«Новый Путь» – 218
«О “лжи” Горького» – 243
«Проповедь идеализма» – 214
«Профессор Евгений Трубецкой о Ницше» – 235
«Студенты и академисты» – 269
«Федор Сологуб» – 323
- Финн А. – 367
- Фихте И.Г. – 70, 71
- Фишер К.А. – 228
- Фишер Куно – 345
- <Флоренская – Сапарова О.П.> (мать) – 359, 375
- Флоренский П.А. – 30, 41, 47, 207, 302, 303, 327, 347, 359, 374, 375, 388, 402, 412, 424, 429, 455, 464, 465
«О суеверии» («О суеверии и чуде») – 302, 303
«Спиритизм как антихристианство» – 207, 327
- Фондан Б. – 462
- Фор П. – 287
- Фортунатов Ф.Ф. – 30, 398
- Фофанов К.М. – 56, 137, 150, 152, 176

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Франк С.Л. – 212, 431
Франс А. – 53, 460
Франциск Ассизский – 235
Франц-Фердинанд, эрцгерцог – 174
Фрейдкина Л.М. – 181, 196
 «Дни и годы Вл.И. Немировича-Данченко» – 181, 196
Фридберг Д.Н. – 127
Фудель И.И. – 69
Фукс Б.К. – 84
Фурье Ш. – 11
- Х.И. – 312
Хилков Д.А. – 90
Хин-Гольдовская Р.М. – 163
Хирьяков А.М. – 43
Хлудов В.А. – 319
Ходасевич В.Ф. – 153, 235, 236, 325, 457
 «Московский Литературно-художественный кружок» – 236
Ходский Л.В. – 446
Хокусан (Хокусай К.) – 378
Холиков А.А. – 429
Хомяков А.С. – 124, 292, 418
Хорос В.Г. – 148
Храповицкий Антоний, еп. (Храповицкий А.П.) – 40
Хьюз Р. – 153
- Цветаев И.В. – 19, 30
Цертелев Д.Н. – 26, 113
 «Стихотворения. 1883-1901» – 113
Цеховская В.Н. (Ольнем О.Н.) – 306
 «Очерки и рассказы» – 306
Цорн А. – 110
- Чарская Л.А. – 450
 «Евфимия Старицкая. Исторический роман в 2 частях» – 450
Чарушников А.П. – 102, 344
Челлини Бенвенуто – 104
- Ченко – 84
 «Новые идеи» – 84
Черета Ю. см. Дягилев Ю.П.
Черногубов Н.Н. (Н.) – 339
 «Николай Федорович Федоров» – 339
Чернышевский Н.Г. – 54, 139, 434, 446
 «Что делать?» – 434
Чертков В.Г. – 203, 263
Черток С. см. Долинский М. и Черток С.
Четвериков С.И. – 69
Чехов А.П. (А.Чехонте) – 6, 7, 13, 16, 20-23, 25, 29, 31, 33, 37-40, 42, 45, 46, 52, 54-59, 64-66, 72, 73, 76, 86, 89-91, 99, 100, 106, 107, 109, 110, 112-114, 118, 120, 122, 123, 126, 129-131, 133, 135, 137, 140, 141, 144, 145, 148, 149, 150, 151, 157, 159, 162, 164, 165, 168, 171-175, 181, 182, 187, 188, 190-192, 195-197, 199, 200, 202, 208-211, 215, 217, 221-223, 225, 230, 236, 237, 243, 244, 246, 248, 251, 255, 256, 264, 270, 276, 279, 280, 282-284, 289, 292-296, 300, 310, 311, 317, 318, 327, 328, 331, 335-338, 340, 341, 342, 347, 350, 356, 362-365, 370, 377, 379, 380, 384, 385, 391, 394, 402-405, 412-417, 419, 427, 429-431, 433-435, 441, 442, 444-447, 459, 466, 469, 473, 474
 «Архиерей» – 46, 171, 172
 «Вишневый сад. Комедия в 4-х действиях» – 140, 362-364, 377, 402, 403, 405, 412, 434, 466
 «Душечка» – 200
 «Дядя Ваня» – 23, 38, 118, 202, 211, 225, 280, 289, 430
 «Иванов» – 289, 441
 «Невеста» – 337-338
 «Ночью» («В море») – 56, 58, 59

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Палата № 6» – 190
«Скучная история» – 122
«Три сестры» – 20-23, 38, 45,
66, 128-130, 150, 171, 202, 431
«Чайка» – 23, 215, 243, 289
«Человек в футляре» – 270
«Черный монах» – 190
«Юбилей» – 284
- Чехов Г.М. – 45
Чехов И.П. – 413
Чехов М.П. – 31, 327, 328, 414
 «Вокруг Чехова» – 414
 «Очерки и рассказы» – 327, 328
- Чехова М.П. – 415
- Чешихин-Ветринский В.Е. (Ветринский Ч.) – 12, 23, 46, 51, 52,
109, 470
 «Письмо в редакцию» – 109
 «Сто лет русской литературы»
 – 12
 «Т. Грановский» – 46
- Чириков Е.Н. – 48, 97, 116, 134,
179, 183, 228, 234, 289, 290,
311, 340, 357, 390, 391, 402,
429, 434, 435, 452, 465
 «В сугробах» – 116
 «Друзья гласности» – 234
 «Евреи» – 390, 452
 «Капитуляция» – 97
 «На дворе во флигеле» – 179
 «На поруках» – 402
 «Очерки и рассказы. Кн. 3» – 48
 «Пьесы (На дворе во флигеле.
 За славой)» – 289
 «Роман в клетке» – 134
- Чичерин Б.Н. – 433
- Чуваков В.Н. – 196, 203, 255
 «Курьер» – 196, 255
 «Леонид Николаевич Андреев.
 Библиография. Вып. 1: Сочинения
 и письма» – 203
- Чуковский К.И. – 23, 33, 35, 45, 66,
67, 85, 107, 226, 247, 341, 416,
442, 474
 «Заметки читателя» – 474
- «Из воспоминаний» – 85
«К вечно юному вопросу. Об
“искусстве для искусства”» –
107
«Об одном принципе художе-
ственного творчества» – 247
«Пшибышевский о символе» –
442
- Чулков Г.И. (Кремнев Б., Б.К.,
Г.Ч.) – 14, 85, 91, 145, 229,
340, 341, 354, 364, 374, 376,
380, 382, 383, 391, 394-396,
407, 410, 412, 416-418, 428,
430, 432, 438, 445, 450, 454,
472, 474
 «Вопросы жизни и “Правда”» –
418
 «В.Я. Брюсов. Воспоминания»
 – 145
 «Годы странствий» – 14, 341
 «Кремнистый путь. Стихотво-
 рения и поэмы» – 340-341
 «О культурном строительстве»
 – 410
 «Перевал» – 395
 «Примечание к словам Антона
 Крайнего о Чехове» – 394
 «Светлеют дали» – 374
 «Федор Сологуб» – 229
- Чупринин С.И. – 159, 174
 «Чехов и Боборыкин» – 159, 174
- Чюмина О.Н. – 126, 325, 403, 440
 «Драматические сочинения и
 переводы, т. 1, 1888-1896» –
440
 «Сократ и его жена» – 440
 «Угасшая искра» – 440
 «У мольберта» – 440
- Шагинян М.С. – 308
Шайкович М.О. – 375
 «Психопатологические черты
 героев Максима Горького» –
375

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

- Шаляпин Ф.И. – 108, 109, 195, 225,
228, 304, 340, 379, 414, 434, 463
- Шапир Н.Л. – 311
- Шарапов С.Ф. – 36
- Шатобриан Ф.-Р. де – 11
- Шахматов А.А. – 43
- Шаховской Н.В. – 131, 132
- Шебуев Н.Г. – 139
«Противоречия» – 139
- Шевченко Т.Г. – 35
- Шекспир У. – 89, 317
- Шелгунов Н.В. – 67, 139, 359
- Шелгунова Л.П. – 67
«Из далекого прошлого. Переписка Н.В.Шелгунова с женой» – 67
- Шенрок В.И. – 113
- Шепкалов А.И. (А-лов) – 9
- Шестаков Д.П. – 8, 36, 102, 254,
262, 266, 268, 301, 306, 326
«Героини Овидия», перев. – 262
«Мертвые языки» – 301
«Печальный и мужественный автор» – 306
«Предки» – 254
«Тихие мгновения» – 326
- Шестеркина А.А. – 44, 48, 63, 72,
75, 76, 78, 81
- Шестов Л.И. – 47, 147, 185, 186,
203, 240, 241, 460-463
«Апофеоз беспочвенности
(Опыт адогматического мышления)» – 460-462
«Власть идей» – 185
«Достоевский и Нитше (Философия трагедии)» – 147, 203, 240
- Шехтель Ф.О. – 208
- Шик.М.Я. – 238
- Шиллер Ф. – 318
- Шилтов А.М. – 113
- Шкарван А.А. – 44
- Шкулев Ф.С. – 188, 212
«Кто виноват?» и другие рассказы и песни». Кн. 2 – 212
- ««Не всем счастье» и другие рассказы и стихотворения» – 188
- Шмидт А.Н. – 91, 377, 401
- Шницлер А. – 168, 354, 441
«Мгновения жизни. Тетралогия» – 168
«Одинокой тропой» – 441
- Шолом-Алейхем (Рабинович С.Н.) – 272
- Шопенгауэр А. – 11, 67, 73, 264, 347, 399
«Собрание сочинений» – 347
- Шор Д.С. – 272
- Шпенцер М.Ф. – 20
- Шруба М. – 30, 101, 127, 376
«Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов» – 30, 101, 127, 376
- Штейн С.В., фон – 127, 437
- Штирнер М. – 98
- Шулятиков В.М. (В. Ш.) – 17, 23, 38-40, 52, 64, 70, 71, 82, 86, 93, 101, 102, 120, 128, 138, 144, 156, 167, 212, 275, 324, 325, 329, 330, 337
««Артистические натуры» бояцкого царства» – 167
«В «стихийной» борьбе за жизнь» – 38
«В тоске по «живой жизни»» – 102
«Критические этюды» – 71, 32
«Несколько слов о литературном «оскудении»» – 138
«Одинокие и таинственные люди» – 93
«О драмах г. Чехова» – 40
«О культе природы в современной лирике» – 17
«О Максиме Горьком» – 82
«Очерки реалистического мировоззрения» – 52
«Плоды пессимистического творчества» – 330

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Щеголев П.Е. (П.Щ.)** – 321, 408
Щедрин М.Е. – см. Салтыков М.Е.
Щербина Н.Ф. – 407
- Ъ (Сизов В.И.)** – 155, 345
- Эллис (Кобылинский Л.Л.)** – 101, 176, 264, 277, 319, 371, 387, 389, 391, 392, 412, 457, 465
«Иммортели» (переводы из Ш.Бодлера) – 391
«Иммортели», вып. II (переводы из Верлена, Роденбаха, Метерлинка, Леопарди) – 412
«Русские символисты» – 387, 457
- Эльзон М.Д.** – 4
- Энгельгардт Н.А.** – 30, 139, 144, 186, 251, 261, 273, 307, 318, 338, 344
«История русской литературы XIX столетия. Том первый. 1800-1850» – 144
«История русской литературы 19-го столетия. Т. 2 (1850-1900)» – 307
«Максим Горький как художник» – 186
«Мысли кстати» – 261
«Мысли некстати» – 273
«О наследии шестидесятых годов» – 139
«О П.Е. Накрохине» – 318
«Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати» – 344
- Энгельс Ф.** – 98
- Эрастов Г.П.** – 186
«Открытое письмо Максиму Горькому. “Светит, да не греет”» – 186
- Эрберг К. (Сюннерберг К.А., К.С-г)** – 208
- Эрлих Я.И.** – 58
Эрн В.Ф. – 347, 402, 429
Эртель А.И. – 173, 429
- Эртель М.А.** – 319, 465
Э-т И. – 416
Эттингер О.Г. см. Сутугин С.
Эфрос Н.Е. (Али, -ф-) – 67, 96, 163, 365, 441, 442
«Из Москвы» – 441, 442
«Под говор вишневого сада» – 365
«Туманные перспективы» – 96
- Ювачев И.П.** – 65
Южаков С.Н. – 50
Южин А. – см. Сумбатов-Южин А.И.
Ю-н – см. Вентцель Н.Н.
Юон К.Ф. – 143, 463
Юшкевич С.С. – 74, 191, 244-246, 338, 357, 380, 402, 404, 413, 459
«Гувернантка» – 459
«Евреи. Отрывки из повести» – 402, 404
«Жалость» – 459
«Записки студента Павлова» – 74
«Ита Гайне» – 191, 246
«Павлов» – 459
«Пролог» – 459
«Распад» – 246
«Рассказы, т. 1-й» – 245
«Рассказы», т. 2-й – 459
«Человек» – 338
«Чужая» – 459
- Яблоновский А.А.** – 139
«Сын Герцена» – 139
Яблоновский С. – см. Потресов С.В.
Яворская Л.Б. – 132
Яго (Сергеенко П.А.) – 58
Якубович П.Ф. (Л.Мельшин, П.Я., П.Ф.Гриневич) – 11, 47, 49, 52, 57, 59, 66, 67, 71, 77, 80, 86, 98, 99, 101, 126, 182, 331, 342, 397, 407, 412
«В поисках сокровенного смысла. Ответ Ф.Д.Батюшкову» – 99

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1901–1904)**

«Очерки русской поэзии (Пушкин, Некрасов, Фет, Тютчев, Надсон). Современные миниатюры. О старом и новом настроении» – 342	Яровицкий А.В. (Яр-ий А.) – 95, 189
«Пасынки жизни» – 101	Ярцев П.М. – 85, 125
«Стихотворения, том второй (1898-1901)» – 59	«Письма о литературе» – 85
«Чортов Яр» – 86	Ясинский И.И. (Белинский М., Чуносков М.) – 78, 92, 248, 284, 389, 429
Якунчикова М.В. – 19	«В один памятный день» – 78
Якушкин В.Е. – 232	***
Янчевецкий В. (Ян В.Г.) – 74	Evers F. – 351
«Записки пешехода (Голодная зима. С обозом. Староверка. Счастье и проч.). Том 1.» – 74	Exter – 125
Яремич С.П. – 362	Ghil R. – 351
Ярков Ник. см. Поярков Н.Е.	Homo Novus см. Кугель А.Р.
Ярмонкин В.В. – 61, 199	Kristensen D. – 351
«Письма идеалиста» – 61, 199	Madelung A. – 351
	Morfill W. – 351
	Schick M. – 351
	Spectator см. Грингмут В.А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
Список сокращений печатных источников	5
1901 год (сост. <i>О. А. Богданова, В. А. Келдыш</i>)	8
1902 год (сост. <i>В. А. Келдыш</i>)	131
1903 год (сост. <i>И. С. Багдасарян, В. А. Келдыш</i>)	232
1904 год (сост. <i>О. А. Богданова, В. А. Келдыш</i>); при участии <i>О. А. Лекманова</i>	349
Указатель имен, названий произведений, альманахов и сборников.....	475

ISBN 978-5-9208-0530-0

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Научное издание

**Летопись литературных событий в России
конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917).
Вып. 2. Ч. 1 (1901–1904)**

Технический редактор В.Н. Костылев

Корректор Е.Н. Сченснович

Подписано в печать 1.11.2017.
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. 33,0 п. л. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел.: (495) 690-05-61, 691-23-01

Заказ № 8627

Отпечатано в АО
«Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
тел. 8(499)270-73-59

